

независимый институт
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ, МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

**ПО МАТЕРИАЛАМ
ОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

СБОРНИК АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ
Выпуск 1

*Под науч. ред.
Т.М. Малевой, О.В. Синявской*

Москва
НИСП
2007

УДК 314
ББК (С)60.7
М 18

Научные редакторы:
к.э.н. Т.М. Малева,
к.э.н. О.В. Синявская

Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. — 640 с.

Сборник посвящен результатам первой волны уникального социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), которое является частью международной исследовательской программы «Поколения и гендер», объединившей исследователей-демографов из более 30 стран мира. В фокусе внимания - вопросы семьи и рождаемости, а также эффективности демографической политики. Также исследование позволяет пролить свет на многие вопросы, связанные с функционированием рынка труда, пенсионной системы, потреблением социальных услуг, уровнем благосостояния российских домохозяйств и пр.

Публикация адресована широкой аудитории, включая демографов, экономистов, социологов, политологов, всех тех, кого волнуют вопросы социально-демографической динамики. Надеемся, что она окажется полезной не только для экспертов, но и для политиков, представителей разных ветвей власти, бизнес-сообщества, студентов и преподавателей высшей школы, а также прессы.

Parents and Children, Men and Women in Family and Society. Issue 1.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Фонда народонаселения ООН и Фонда Форда

ISBN 978-5-903599-03-5

© Независимый институт социальной политики, 2007

Об авторах

Гладникова Екатерина Владимировна — младший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Головляницина Екатерина Борисовна — магистр социологии, младший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, зам. директора Института демографии ГУ-ВШЭ

Ибрагимова Диляра Ханифовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Независимого института социальной политики

Карцева Марина Анатольевна — научный сотрудник Центра экономических и финансовых исследований и разработок

Корчагина Ирина Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Магун Владимир Самуилович — кандидат психологических наук, зав. сектором исследований личности Института социологии РАН

Малева Татьяна Михайловна — кандидат экономических наук, директор Независимого института социальной политики

Ниворожкина Людмила Ивановна — доктор экономических наук, зав. кафедрой Ростовского государственного экономического университета

Овчарова Лилия Николаевна — кандидат экономических наук, зам. директора Независимого института социальной политики

Синявская Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зам. директора Независимого института социальной политики

Пишняк Алина Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Попова Дарья Олеговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Независимого института социальной политики

Прокофьева Лидия Михайловна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН

Сакевич Виктория Ивановна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографии ГУ-ВШЭ

Содержание

От редакторов

С.В. Захаров

Демографические обследования населения:

прошлое, настоящее, будущее 9

С.В. Захаров, Т.М. Малева, О.В. Синявская

Программа «Поколения и гендер» в России:

вопросы методологии 35

Новое о семье и рождаемости в России

С.В. Захаров. Трансформация брачно-партнерских

отношений в России: «золотой век»

традиционного брака близится к закату? 75

С.В. Захаров, В.И. Сакевич. Особенности планирования

семьи и рождаемость в России:

контрацептивная революция — свершившийся факт? 127

Т.М. Малева, О.В. Синявская. Социально-экономические

факторы рождаемости в России: эмпирические

измерения и вызовы социальной политике. 171

Е.Б. Головляница. Роль социально-психологических

факторов в репродуктивных намерениях 217

Л.М. Прокофьева. Домохозяйство и семья:

особенности структуры населения России 251

Демографическая и социальная политика

С.В. Захаров. Демографический анализ эффекта

мер семейной политики в России 1980-х гг. 267

И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева. Население России:

о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых . . . 313

О.В. Синявская, Е.В. Гладникова. Потребление услуг

по уходу за детьми российскими домохозяйствами. 345

Экономические и трудовые стратегии домохозяйства	
<i>Л. Н. Овчарова, А. И. Пишняк, Д. О. Попова.</i> Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РидМиЖ	377
<i>О. В. Синявская, С. В. Захаров, М. А. Карцева.</i> Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России	421
<i>В. С. Магун.</i> Динамика трудовых ценностей российского населения, 1991–2004 гг.	477
Взаимоотношения поколений в семье и обществе	
<i>О. В. Синявская, Е. В. Гладникова.</i> Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями	517
<i>Т. М. Малева, О. В. Синявская.</i> Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории.	545
<i>Л. И. Ниворожкина.</i> Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться?	597
<i>Д. Х. Ибрагимова.</i> Сколько «стоит» российская бабушка?	623

От редакторов

Настоящий сборник посвящен первым результатам уникального социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РиДМиЖ), которое является частью международной исследовательской программы «Поколения и гендер», объединившей исследователей-демографов из более 30 стран мира. Инициатором и генеральным координатором проекта выступила Европейская экономическая комиссия ООН.

Исследование поддерживает специально созданный в 2001 г. Российский национальный комитет по реализации программы в России в следующем составе:

1. Независимый институт социальной политики (НИСП);
2. Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (ЦДЭЧ ИНП РАН), ставший в феврале 2007 г. Институтом демографии Высшей школы экономики (ИДЭМ ГУ-ВШЭ; директор института — А.Г. Вишнеvский);
3. Институт социологии РАН (во время проведения обследования руководимый Л.М. Дробижевой).

Росстат является наблюдателем при Российском национальном комитете.

Координатор программы «Поколения и гендер» в России — Независимый институт социальной политики, генеральный координатор программы — директор НИСП Т.М. Малева, директор программы — зам. директора НИСП О.В. Синяvская, научный руководитель программы — зам. директора Института демографии ГУ-ВШЭ С.В. Захаров.

В фокусе внимания программы «Поколения и гендер» — вопросы семьи и рождаемости, а также эффективность демографической политики. Большая часть сборника посвящена исследованию этих проблем в современной России. Однако научный потенциал программы не исчерпывается только демографической проблематикой. Ее уникальность — в междисциплинарности. Обследование позволяет пролить

свет на многие вопросы, связанные с функционированием рынка труда, пенсионной системы, потреблением социальных услуг, уровнем благосостояния российских домохозяйств и пр.

Статьи, вошедшие в сборник, подготовлены авторами в разное время в рамках различных исследовательских проектов. Большая часть исследований выполнена в рамках программы «Демографические факторы социального развития» Независимого института социальной политики (НИСП). Другие проекты реализованы в рамках грантов Российской программы экономических исследований (EERC), Международной ассоциации содействия сотрудничеству с учеными независимых государств бывшего Советского Союза на территории РФ (INTAS), сравнительного анализа данных в рамках российско-французского проекта и пр.

Хотя спектр исследуемых проблем весьма широк, настоящую публикацию не следует воспринимать как законченную монографию, отвечающую на все ключевые вопросы социально-демографического развития современной России. Многие проблемы еще ждут своих исследователей или находятся на начальной стадии разработки. Однако уже сейчас очевидно, что первые результаты программы позволяют существенно продвинуться в понимании целого ряда вопросов, которые непосредственно влияют на нынешнее и будущее демографическое и социальное развитие России. Это особенно ценно в связи с тем, что демографическая программа занимает одно из первых мест в системе приоритетов в современной социально-экономической политике российского государства.

Стержнем программы «Поколения и гендер» является крупномасштабное социально-демографическое обследование, проведенное в России летом 2004 г. и охватившее более 11 200 респондентов. Оно было выполнено в сотрудничестве с независимой исследовательской группой «Демоскоп» (руководители — П.М. Козырева и М.С. Косолапов), которая взяла на себя проведение полевых работ. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям НИСПом с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Пилотное исследование (2002 г.) проводил Аналитический центр Юрия Левады.

Обследование РидМиЖ–2004 финансировал Пенсионный фонд России, руководству которого мы выражаем признательность. Финансовую и методическую поддержку проекта также оказал Институт демографических исследований Общества им. Макса Планка (Германия, Росток).

Осуществление замысла проекта и проведение масштабного обследования потребовало усилий большого числа людей. Мы выражаем ис-

кренную благодарность зав. кафедрой АНХ академику Абелу Гезевичу Аганбегяну, научному руководителю Центра социальных исследований и инноваций Евгению Шлёмовичу Гонтмахеру, начальнику Экспертного управления Президента Российской Федерации Аркадию Владимировичу Дворковичу, зам. руководителя Росстата Александру Евгеньевичу Суринову, научному руководителю ГУ-ВШЭ Е.Г. Ясину, руководителю Отдела населения Европейской экономической комиссии ООН Андрусу Викату, директору Института демографических исследований им. Макса Планка Яну Хоэму, директору Национального института демографических исследований Франции Франсуа Эрану.

Авторы признательны всем интервьюерам и респондентам, принявшим участие в обследовании.

Данный сборник публикуется при финансовой поддержке Фонда народонаселения ООН (UNFPA) и Фонда Форда.

Исследователи и другие участники Программы «Поколения и гендер» выражают надежду, что их многолетний труд не прошел даром, и заинтересованный читатель со вниманием отнесется к настоящей публикации. Хотелось бы верить, что наши результаты помогут понять сложнейшие реалии и перспективы социально-демографического развития страны, гражданами которой мы являемся и будущее которой нас не может не волновать. Как исследователи, мы надеемся, что эта программа послужит мощным стимулом к дальнейшему развитию российской демографии, экономической социологии и системного анализа социальной политики.

*Т.М. Малева
О.В. Сияевская*

Демографические обследования населения: прошлое, настоящее, будущее

Вместо введения

Изменения уровней рождаемости и смертности принципиальным образом трансформировали возрастную структуру индустриально развитых стран. Учитывая беспрецедентно низкую рождаемость, в обозримой перспективе неизбежно сокращение численности и постарение населения развитых стран, несмотря на иммиграцию. Параллельно формируются принципиально иные типы внутри- и межпоколенных взаимодействий. Меняется возрастной и поколенческий состав семей, что приводит к утяжелению социальной нагрузки активного ядра семей и к изменению форм, объемов и направленности потоков ресурсов между поколениями детей, родителей и прародителей. Наиболее серьезное социально-экономическое последствие изменения демографического баланса между поколениями связано с перераспределением национального дохода в пользу пожилого населения.

В России эти процессы носят еще более драматичный характер, учитывая не только низкую рождаемость, но и неблагоприятные тенденции в области смертности населения. Ситуация усугубляется тем, что мы значительно меньше, чем западное общество, знаем о механизмах формирования семей, об особенностях экономических и социальных взаимоотношений поколений, родителей и детей, трудоспособных и пожилых в различных типах семей, о межсемейных сетях поддержки и ее формах. Излишне говорить о том, какое значение эти вопросы имеют в контексте масштабной демографической программы, которая в настоящее время реализуется в России с целью изменения тенденций рождаемости.

Прежде чем решать, что делать, нужно знать, что происходит. Для этого необходимо разобраться во всех сложных и многоаспектных процессах, происходящих при взаимодействии поколений родителей и детей в семье и обществе. Причем с самого начала следует отдавать себе отчет в том, что современная демографическая статистика, независимо от качества

информации, в силу своей исходной методологии не в состоянии ответить на все многообразие вопросов, которые ставит перед нами будущее демографическое развитие. Сейчас слово — за специализированными, масштабными социально-демографическими обследованиями населения.

Настоящий сборник посвящен первым результатам уникального социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РидМиЖ), которое является частью международной исследовательской программы «Поколения и гендер», объединившей исследователей-демографов более чем 30 стран мира. В фокусе внимания программы — вопросы семьи и рождаемости. Но чтобы более полно оценить замысел и масштаб обследования, его возможности и ограничения, обратимся к истории социологических опросов населения в сфере демографии.

Всероссийские социально-демографические обследования: краткая история

Едва ли можно представить историю изучения семьи и рождаемости в России на основе выборочных обследований как поступательное накопление знаний в этой области. Скорее следует говорить о более или менее успешных усилиях нескольких поколений отечественных специалистов наладить систематическое наблюдение за происходящими демографическими изменениями при помощи социологических методов. Каждая попытка ступить на более или менее твердую почву надежных эмпирических наблюдений в XX в. давалась с огромным трудом. Репрезентативные социально-демографические данные, собираемые на регулярной основе, открытые для общественности и всесторонней экспертизы, долгое время оставались только в туманных грезах энтузиастов, далеко за горизонтом реальности.

Вслед за всплеском интереса в 1920-х гг. к быстро меняющимся сексуальным, брачно-семейным, репродуктивным практикам, выразившимся в большом количестве локальных обследований, последовал долгий период забвения этой фундаментальной сферы жизнедеятельности человека¹.

Период сталинизма оставил после себя длинный список репрессированных статистиков, демографов, социал-гигиенистов — инициаторов развертывания масштабных демографических исследований, и как следствие — полнейший информационный и методологический вакуум в изучении проблем семьи и рождаемости². По-другому быть и не могло

---

¹ *Кон И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке. — М.: ОГИ, 1997. С. 117–138; *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. — М.: Ладомир, 2005. С. 33–47.

² Социология в России/Под ред. В.А. Ядова. — М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 173–195, 392–414.

в условиях объявления социологии и демографии буржуазными науками, ликвидации исследовательских центров, введения жесточайшей цензуры на публикацию любой цифры, касающейся социально-демографических процессов. Причина столь «внимательного» отношения власти к исследованиям семейной сферы по сути одна — статистические и социологические данные не давали однозначного подтверждения успехов в развитии всего спектра демографических процессов в нужном для идеологов направлении. Так, внутрисемейное ограничение рождаемости в этот период набирало силу, причем среди «передового» рабочего класса быстрее, чем среди «отсталого» крестьянства, вопреки теории о постепенной ликвидации при социализме причин для ограничения деторождения, несмотря на откровенно пронаталистскую и классово-ориентированную государственную политику; соответственно, распространенность абортотворения по желанию женщин возрастала, невзирая на повышение расценок за их производство, административные ограничения и, наконец, их запрещение³. Семья и брак, сбросив «буржуазные» формы, никак не хотели «укрепляться», подчиняться внешнему контролю, превращаться в ячейку «коммунистического общества», обеспечивающую выполнение долга по отношению к коллективу⁴. Смертность оставалась на очень высоком уровне, как будто игнорируя факт наличия «самого передового в мире здравоохранения» и т.п.

Напомним, что результаты первого крупномасштабного обследования рождаемости и детской смертности в СССР, произведенного в 1934 г. органами бюджетной статистики ЦУНХУ, были частично опубликованы С.Г. Струмилиным только в период «хрущевской оттепели», в 1957 г.⁵ Методика этого по сути когортно-биографического обследования раз-

³ *Сакевич В.И.* Искусственный аборт: качели законодательства и тенденции массового поведения // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 199–215.

⁴ Вот характерные высказывания тех лет на тему того, как должны соотноситься интересы личности, семьи и государства: «Социалистическое государство оставляет за собой весьма значительную сферу прямого активного вмешательства в семейные отношения. Оно отвергает взгляд на отношения между полами как на отношения индивидуалистические, личные, нейтральные для общества. Государство кровно заинтересовано в каждом индивидуальном отношении, оно диктует, властно указывает, определяет условия, гарантирующие интересы коллектива, обеспечивающие выполнение долга по отношению к коллективу» (*Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1. С. 58.) «Находятся у нас еще люди, считающие, что в быту, в личной жизни контроль за поведением людей недопустим. Это большое заблуждение. И в этой области требуется известный контроль. В приемлемых формах он ведет к укреплению быта» (*Лифанов М.* Материальные и моральные основы социалистического быта // За здоровый быт. — Л., 1957. С. 20).

⁵ *Струмилин С.Г.* О проблеме рождаемости в рабочей среде // Проблемы экономики труда. — М.: Госполитиздат, 1957. Статья была написана, как указывает автор, в 1936 г., т.е. по «горячим» следам получения данных.

рабатывалась в Демографическом институте АН СССР (ДИН)⁶ под руководством одного из наиболее выдающихся демографов того времени зам. директора ДИН В.В. Паевского⁷. Выборочным опросом в порядке экспедиционного бюджетного обследования семей рабочих, служащих и инженерно-технических работников было охвачено до 10 тыс. женщин в возрасте 15—59 лет, причем опрашивали их за весь период брачной жизни, начиная с 1914 г. Публикация С.Г. Струмилина — единственный результативный след, оставшийся от этого в высшей степени уникального и на мировом уровне для того времени обследования⁸. На основе полученных данных были сделаны выводы о социально-экономической дифференциации рождаемости и младенческой смертности, в том числе о различиях между городскими и сельскими жителями, по положению в занятии, недавними мигрантами и старожилками в городах, между представителями различных профессий, по уровню дохода. Обследование также помогло уточнить динамику рождаемости, брачности и младенческой смертности за период с начала первой мировой до начала 1930-х гг. Остается только сожалеть, что возможности для анализа данных не были тогда полностью использованы.

В 1960 г. отдел статистики населения и здравоохранения ЦСУ СССР проводит второе демографическое обследование населения СССР, с методологической точки зрения фактически повторяющее обследование 1934 г. Всего было опрошено 54,5 тыс. женщин в возрасте 17 лет и старше в 37,5 тыс. семей рабочих, служащих и колхозников, ведущих бюджетные записи⁹.

Успех был развит в обследовании 1967 г. — 270 тыс. женщин в возрасте от 18 (от 16 лет в ряде союзных республик) до 55 лет из числа рабочих и служащих и в обследовании 1968 г., охватившего колхозников. На терри-

---

⁶ ДИН АН СССР просуществовал всего 3 года и был закрыт в 1934 г. еще до получения данных вышеупомянутого обследования «...ввиду невозможности развернуть ДИН как комплексное учреждение в АН (имеется в виду учреждение для комплексного изучения человека как производительной силы. — С.З.) и в связи с тем, что попытки ввести в работу ДИН моменты социально-экономические не удалось...» (Из протокола заседания Президиума АН СССР №6 от 11 марта 1934 г., см.: *Типольт А.Н.* Из истории демографического института Академии Наук СССР (1930—1934) // Советская статистика за полвека (1917—1967). Ученые записки по статистике. Т. 20. / Научн. ред. тома Ф.Д. Лившиц. — М.: Наука, 1972. С. 98. Зам. директора ДИН В.В. Паевский умер от приступа стенокардии по дороге домой после заседания в Академии наук, где было оглашено решение об упразднении ДИН.

⁷ См.: *Паевский В.В., Яхонтов А.П.* О применении анамнестических методов в демографии // Труды демографического института АН СССР. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. Т. 1. С. 135—212.

⁸ Опросный лист обследования 1934 г. приводится в статье бывшей сотрудницы ДИН А.Н. Типольт (см.: *Типольт А.Н.* Указ. соч. С. 92).

⁹ *Вострикова А.М.* Методы обследования и показатели рождаемости в СССР // Вопросы народонаселения и демографической статистики: Доклады советских ученых и специалистов на Всемирной конференции ООН по народонаселению 1965 г. / Под ред. П.Г. Подъячих, А.М. Востриковой, А.А. Исупова и др. — М.: Статистика, 1966. С. 35—38.

тории РСФСР в 1967–1968 гг. было опрошено 165 тыс. женщин в возрасте 18–54 лет. Программа обследования 1967–1968 гг. была расширена с целью более глубокого изучения процессов брачности. В основу построения выборки, так же как и в предыдущих обследованиях, легла сеть респондентов, ведущих бюджетные записи. В последующих обследованиях 1972 г. (в РСФСР — 190 тыс. в возрасте 18–59 лет), 1975 г. (188 тыс., 18–59 лет), 1978 г. (186 тыс., 18–59 лет), 1981 г. (178 тыс., 18–59 лет), проводимых ЦСУ СССР, такой подход стал основным («сентябрьские» бюджетные обследования)¹⁰.

В отличие от обследования 1934 г., данные обследования 1960 и 1967–1968 гг. были тщательно разработаны, а аналитические результаты опубликованы сотрудниками Лаборатории демографии НИИ ЦСУ СССР под руководством Р.И. Сифман¹¹. В результате разработки ретроспективных данных были построены таблицы вступления в первый брак для условных и реальных поколений, получены оценки вероятности рождения очередного ребенка (вероятности увеличения семьи), рассчитаны прото- и интергенетические интервалы и многие другие важнейшие характеристики формирования семьи, в том числе дифференцированные по уровню образования, в этническом и поселенческом разрезе, позволившие значительно заполнить информационные лакуны предшествующих десятилетий. Нельзя не отметить во многих аспектах пионерский характер выполненных оценок и выводов, не потерявших свое значение и сегодня. Результаты разработки данных обследования 1972 г. также неплохо представлены в авторских публикациях сотрудников Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР: В.А. Беловой, Г.А. Бондарской, А.Г. Вишневого, Л.Е. Дарского, Р.И. Сифман¹². Последующие обследования были удостоены меньшего внимания

¹⁰ Методика построения выборки и основные характеристики, собираемые в ходе опросов, см.: *Матюха И.Я.* Статистика бюджетов населения. — М.: Статистика, 1967; *Volkov A.G.* Methodology and Organization of the 1994 Microcensus in Russia. Population Research Centre, University of Groningen. Working Paper 99-5. 1999. С. 4–7; *Андреев Е.М., Бондарская Г.А.* Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56–62.

¹¹ См.: *Сифман Р.И.* Динамика плодovitости когорт женщин в СССР (по данным выборочного обследования) // Вопросы демографии (исследования, проблемы, методы) / Под ред. А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, А.Я. Кваши. — М.: Статистика, 1970. С. 136–159; *Дарский Л.Е.* Формирование семьи. Демографо-статистическое исследование. — М.: Статистика, 1972; *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). — М.: Статистика, 1974; *Бондарская Г.А.* Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). — М.: Статистика, 1977; *Ильина И.П.* Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР // Рождаемость (проблемы изучения) / Под ред. Л.Е. Дарского. — М.: Статистика, 1976. С. 121–141.

¹² См.: Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования) / В.А. Белова, Г.А. Бондарская, А.Г. Вишневский и др. — М.: Статистика, 1977; *Бондарская Г.А.* Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). — М.: Статистика, 1977; *Сифман Р.И.* Рождаемость и матеральная обеспеченность // Рождаемость (проблемы изучения) / Под ред. Л.Е. Дарского. — М.: Статистика, 1976. С. 76–92.

и в плане анализа, и в плане открытых публикаций¹³. Особенно не повезло обследованию 1975 г., следы которого едва обнаруживаются. Причины такого положения, очевидно, в том, что доступ к исходным данным был ограничен чрезвычайно узким кругом пользователей, которые, удовлетворив свой интерес уникальными данными, в дальнейшем стали буквально задыхаться от нарастающего потока однотипной информации, дававшей минимальный прирост знаний (обследования проводились каждые 3 года). Соответственно, исследовательский интерес к полноценной разработке данных падал. В то же время порядки, установленные в статистических органах в советские времена, практически не допускали распространение данных выборочных демографических обследований за пределы данного учреждения, в результате чего широкие круги независимых специалистов были отрезаны от пылившихся на архивных полках многокилометровых распечаток с таблицами, поступавших с ГВЦ.

Следует сказать об еще одной характерной особенности «сентябрьских» обследований. Поскольку их организовывало союзное ведомство, требовавшее в первую очередь результатов анализа данных для составления прогноза по СССР в целом, а также, в некоторых случаях, по «проблемным» с точки зрения демографической динамики республикам Центральной Азии, то внимание к «демографически предсказуемой» Российской Федерации как самостоятельному объекту для изучения было весьма слабым. Разработка и публикация данных отдельно по РСФСР страдала хронической неполнотой, а к сегодняшнему дню многие исходные данные попросту утеряны, поэтому их вторичный, более полный анализ невозможен. Одна из немногих попыток свести сохранившиеся исходные данные для территории Российской Федерации по всей серии всесоюзных обследований с целью изучения фактической реализации репродуктивных установок в разрезе поколений была выполнена Е.М. Андреевым и Г.А. Бондарской¹⁴.

В общем ряду репрезентативных всесоюзных обследований особняком стоит почтовый опрос, проведенный в январе-мае 1969 г., инициированный Лабораторией демографии НИИ ЦСУ СССР. В рамках этого небольшого по программе обследования, охватившего на территории РСФСР 20 тыс. замужних женщин в возрасте 18–39 лет (из числа опрошенных

---

¹³ Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Динамика и дифференциация рождаемости в СССР (по материалам обследования 1978 года) // Вестник статистики. 1983. № 12. С. 12–24; Белова В.А., Бондарская Г.А. Сколько детей собираются иметь наши женщины // Наши женщины. — М.: Финансы и статистика, 1984. С. 35–48; Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза / Под ред. А.Г. Волкова. — М.: Наука, 1988. С. 41–77; Белова В.А., Морева Е.М. Повторные браки женщин: ситуация и факторы // Методология демографического прогноза. С. 100–117.

¹⁴ Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 56–62.

в рамках обследования 1967 г.), респонденткам впервые задавали вопросы об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей, а также о желаемом их мужем числе детей, если они об этом знают. Фактически речь идет о начале масштабных исследований репродуктивных установок в нашей стране. Таков был отечественный ответ на широко распространившееся к этому времени на Западе увлечение субъективными оценками перспектив рождения детей в семье (обследования мнений). Как пишут авторы программы обследования 1969 г.: «Необходимость проведения обследования... особенно стала ясна после того, как падение рождаемости после 60-х годов поставило под сомнение возможность построения прогноза на базе тенденции прошлого. Выявление демографической установки больших контингентов населения приобрело не только теоретическое, но и практическое значение»¹⁵. Пожалуй, ни одно большое демографическое обследование в нашей стране не предварялось столь скрупулезным изучением зарубежного опыта, проведением пилотных обследований и теоретическим осмыслением полученных результатов, нашедших достойное отражение в многочисленных публикациях¹⁶.

В последующих сентябрьских обследованиях ЦСУ СССР вопрос об ожидаемом числе детей стал обязательным, поскольку, как мы уже знаем, ответы на него широко использовались для построения прогнозных гипотез изменения рождаемости. Этот вопрос, наряду с вопросами о числе рожденных детей и живых из них к моменту опроса, также был поставлен в программу всесоюзной переписи 1989 г. (36,3 тыс. опрошенных женщин на территории РСФСР)¹⁷. От регулярного использования всей триады вопросов: об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье в обследованиях ЦСУ СССР и его правопреемников (Госкомстат, Росстат) было решено отказаться¹⁸. В то же время указанные вопросы в различных комбинациях и с использованием разнообразных формулировок с конца

¹⁵ Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. — М.: Статистика, 1972. С. 32–33.

¹⁶ См.: Белова В.А. Обследование мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье // Вестник статистики. 1971. № 6. С. 23–24; Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. — М.: Статистика, 1972; Белова В.А. Число детей в семье. — М.: Статистика, 1975; Белова В.А. Некоторые аспекты изучения репродуктивного поведения // Рождаемость (проблемы изучения) / Под ред. Л.Е. Дарского. — М.: Статистика, 1976. С. 93–105 и др.

¹⁷ В программу выборочного опроса населения в рамках всесоюзной переписи населения 1979 г. вошел только один вопрос — о числе рожденных детей, который на территории РСФСР был задан 33,3 тыс. женщинам 16 лет и старше.

¹⁸ В сентябрьских обследованиях вопрос об ожидаемом числе детей дополнялся вопросом об идеальном числе детей только один раз — в рамках обследования молодых семей 1989 г. Он задавался обоим супругам (см.: Проблемы молодежи и молодых семей: Сб. статей. — М.: Госкомстат СССР, 1990). Показатель желаемого числа детей был использован вторично вкупе с ожидаемым лишь в микропереписи населения 1994г. (см.: Борисов В.А. Желаемое число детей в российских семьях, по данным микропереписи

1960-х гг. можно встретить в неисчислимом множестве локальных обследований, проведенных в Российской Федерации и других республиках бывшего СССР. В.Н. Архангельский, осуществив титанические библиографические изыскания, приводит примеры задаваемых вопросов для нескольких сотен исследований только на территории России, хотя с уверенностью можно сказать, что и его список неполный¹⁹.

Отдельно следует сказать о двух крупнейших за всю историю страны выборочных социально-демографических обследованиях населения: микропереписи 1985 г. (по состоянию на 2 января) и микропереписи 1994 г. (по состоянию на 14 февраля). Размер выборки этих обследований составлял неслыханные прежде 5% для всего населения СССР в первом случае и 5% для всего населения Российской Федерации во втором²⁰.

Помимо общих вопросов, типичных для переписей населения, программы этих обследований предусматривали получение информации о годе начала первого брака, а при наличии оснований — о причинах прекращения первого брака и годе начала второго. Также собирали информацию о годе рождения каждого ребенка у женщины (в 1985 г. — о месяце и годе), в случае смерти ребенка — год наступления этого события, и ставший традиционным вопрос об ожидаемом итоговом числе детей. Несмотря на критику и публично высказываемые сомнения самими организаторами микропереписей, в программу обследований был включен вопрос о среднемесечном доходе респондента за предшествующий год.

В 1985 г. был задан вопрос о том, воспользовалась ли мать, родившая ребенка после 1979 г., отпуском по уходу за ребенком до 1,5 лет (полностью, частично или не использовала совсем), предусмотренным мерами политики, введенными в действие в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совмина 1981 г. В этом же обследовании изучали миграционный статус респондента: живет ли он в данном населенном пункте с рождения, а если нет, то с какого года постоянно проживает, приехал ли он из городской или из сельской местности.

В микропереписи 1994 г. для лиц, состоящих в браке, впервые в отечественной переписной практике был задан вопрос о том, зарегистрировали ли супруги свой союз. Кроме того, был поставлен ряд вопросов, в соответствии с рекомендациями Международной организации труда, для изучения безработицы.

населения России 1994 г. // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 2. С. 29–64).

¹⁹ Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. — М.: ТЕИС, 2006.

²⁰ Подробнее о дизайне выборки и программных вопросах см.: Белов И. О выборочном социально-демографическом обследовании населения 1985 года // Вестник статистики. 1986. № 9. С. 40–45; Исутов А. Программа социально-демографического обследования 1994 г. // Вестник статистики. 1992. № 9. С. 25–28; Volkov A.G. Methodology and Organization of the 1994 Microcensus in Russia. Population Research Centre, University of Groningen. Working Paper 99-5. 1999.

Судьбы результатов этих обследований сложились по-разному. Микрорепись 1985 г. удостоилась лишь трех небольших официальных публикаций в журнале «Вестник статистики»²¹. Данные этого обследования легли в основу немногих авторских аналитических работ²². В целом можно сказать, что ценнейшие данные, полученные в ходе этого обследования, остались слабо разработанными и проанализированными.

Ситуация с данными микрореписи 1994 г. совершенно иная. Во-первых, основные итоги этого обследования были официально изданы в 9 томах. Во-вторых, полный файл индивидуальных данных в электронном виде при соблюдении определенных процедур открыт для исследователей, что позволяет по специальному запросу разрабатывать данные в любом из возможных разрезов. Поэтому неудивительно, что к данным этого обследования российские и зарубежные исследователи обращаются по мере необходимости постоянно, а число исследований, выполненных на этой базе, продолжает увеличиваться. В качестве примера укажем на серию фундаментальных работ, выполненных С. Щербовым с коллегой из Гронингенского университета (Нидерланды)²³, работы М. Mills²⁴, Т.Л. Харьковской и Е.М. Андреева²⁵, А.Г. Волкова²⁶, Е.Л. Сороко²⁷, С.В. Захарова²⁸.

²¹ Результаты выборочного социально-демографического обследования 1985 года // Вестник статистики. 1986. № 7. С. 67–79; № 8. С. 72–80; № 9. С. 75–78.

²² См.: Кузнецов Л.Р. Статистическое изучение взаимосвязи демографических процессов и миграции // Дисс. ... канд. эк. наук. — М.: НИИ Госкомстата РФ, 1992; Кузнецов Л.Р. Взаимосвязь миграции и брачности // Демографические процессы в СССР / Отв. ред. А.Г. Волков. — М.: Наука, 1990. С. 58–77; Дарский Л.Е., Ильина И.П. Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. С. 6–27; Darsky L.E. Quantum and Timing of Births in the USSR // Lutz W., Scherbov S., Volkov A. (eds.) Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991. — L.—N.Y.: Routledge, 1994. P. 57–69; Bondarskaya G. Ethnic-Territorial Differences in Marital Fertility: A 1985 Survey // Lutz W., Scherbov S., Volkov A. (eds.) Op. cit. P. 71–87; Дарский Л.Е., Ильина И.П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. НИИ Статистики Госкомстата России. — М.: Информатика, 2000 и некоторые др.

²³ Scherbov S., van Vianen H. Marital and Fertility Careers of Russian Women Born between 1910 and 1934 // Population and Development Review. 1999. Vol. 25 (1). P. 129–143; Scherbov S., van Vianen H. Marriage and Fertility in Russia of Women Born between 1900 and 1960: A Cohort Analysis // European Journal of Population. 2001. Vol. 17 (3). P. 281–294; Scherbov S., van Vianen H. Period Fertility in Russia since 1930: an application of the Coale-Trussell fertility model // Demographic Research. 2002. Vol. 6. P. 455–470. (www.demographic-research.org/Volumes/Vol6/16/).

²⁴ Mills M. The Transformation of Partnerships: Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the Age of Modernity. — Amsterdam: Thela Thesis, 2000.

²⁵ Kharkova T., Andreev E. Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // European Journal of Population. 2000. Vol. 16 (3). P. 211–233.

²⁶ Volkov A. New features of family formation and composition: case of Russia // Revue Baltique. — Vilnius. 1999. № 13. P. 82–96.

²⁷ Soroko E. Jewish Households in Russia according to the 1994 Microcensus // Papers in Jewish Demography 1997. S. DellaPergola and J. Even (eds.) Jerusalem 2001. P. 161–179. Volkov A., Soroko E. Ethnically mixed families and household in Russia. Paper presented at the EAPS Conference. Helsinki, 7–9 June 2001 и др.

²⁸ Захаров С.В. Возраст вступления в первый брак // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г.Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 112–120.

После микропереписи 1994 г. и вплоть до обследования РидМиЖ–2004, о котором пойдет речь ниже, т.е. в течение десяти лет, никаких масштабных обследований семьи и рождаемости в России не проводилось, если не считать переписи населения 2002 г., в рамках которой выборочной совокупности женщин (25% от постоянного населения) в возрасте 15 лет и старше были заданы вопросы о числе рожденных детей.

Социально-демографические обследования семьи и рождаемости по унифицированным международным программам: неиспользованные возможности для России

К середине 1960-х гг. резко возрастает активность международных организаций в части обобщения опыта многочисленных выборочных демографических обследований, развернувшихся в послевоенное время не только в развитых странах, но и в странах третьего мира. Обеспокоенность быстрым ростом численности населения в развивающихся странах, одна за другой сбрасывающих «оковы колониализма», стимулировала разработку программ международной помощи по социальному и экономическому развитию в этих странах. Одно из центральных мест в этих программах уделялось продвижению идей демографической политики и политики в области расширения практики планирования семьи. В то же время качество и полнота демографической информации, без которых невозможно было ставить вопрос об обоснованных программах развития в бывших колониальных странах, за редкими исключениями, оставляли желать лучшего. Более того, уход колониальных администраций, как правило, приводил к катастрофическому ухудшению состояния статистического учета населения. Усилия соответствующих подразделений ООН, международных фондов и организаций ориентируются на подготовку кадров, помощь при проведении переписей и, в особенности, выборочных обследований населения в развивающихся странах, альтернативы которым в сборе необходимой информации, зачастую, просто не было. Так, в 1960–1973 гг. в странах третьего мира было проведено не менее 222 документированных выборочных обследований семьи и рождаемости²⁹.

В Европе во второй половине 1960-х гг. проводятся масштабные выборочные обследования, ориентированные на изучение факторов рождаемости, распространенности различных методов внутрисемейного регулирования деторождения³⁰. При этом усиливается стремление

---

²⁹ *Duncan F.G. Fertility and Related Surveys. WFS Occasional Papers. № 1. London.*

³⁰ Напомним, что именно в этот период в европейских странах и США на широкий рынок выходят современные эффективные средства контрацепции, в первую очередь гормональные средства (пилюли), что и вызвало дополнительный интерес исследователей к этому аспекту репродуктивного поведения.

к универсализации методов построения выборок и инструментария, включая вопросники. Так, в семилетний период, с 1965 по 1972 гг., хотя и независимо друг от друга, но по сопоставимым методикам, были проведены обследования в 12 европейских странах, США и Турции (список стран с указанием года обследования приведен в *табл. 1*), получившие впоследствии официальное название UNECE Comparative Fertility Surveys/CFS («Сравнительные обследования рождаемости ЕЭК ООН»). На начальной стадии проведения этой серии обследований не предполагалось никакого координирующего начала со стороны международных организаций. Однако поступающие результаты обследований оказались настолько значимы для целей сравнительного изучения, что Отдел населения ЕЭК ООН принял эти обследования под свою опеку, провел гармонизацию баз данных, сделав их доступными для широкого круга исследователей. К сожалению, известна только одна финальная публикация по итогам международного сравнительного исследования европейских стран с использованием базы данных CFS³¹.

К концу 1960-х гг. Комитет по сравнительным исследованиям рождаемости и планирования семьи Международного союза исследователей населения (IUSSP Committee on Comparative Studies of Fertility and Family Planning) при поддержке ООН завершает обобщение международного опыта репрезентативных обследований семьи и рождаемости в странах с различным уровнем социально-экономического развития. Усилиями многочисленных исследователей из разных стран были разработаны развернутая система демографических индикаторов и рекомендации по проведению выборочных обследований семьи и рождаемости, на базе которых эти индикаторы должны оцениваться³². В частности, было рекомендовано опрашивать от 2 до 10 тыс. замужних женщин репродуктивного возраста, отобранных на основе многоступенчатой территориальной выборки. Оставался один шаг до принятия проекта «*World Fertility Survey/WFS*» («*Всемирное обследование рождаемости*»), который официально стартовал в 1972 г. и был включен в число важнейших мероприятий Всемирного года народонаселения, намеченного ООН на 1974 г. Координатором этой программы стал Международный статистический институт. Мощную финансовую поддержку этому проекту на всех этапах оказывали USAID (Агентство по социальному и экономическому развитию США) и UNFPA (Фонд ООН по народонаселению). Программа WFS стала самым большим международным исследовательским проектом в области социальных наук: выборочными опросами по унифицированной программе к 1982 г.

³¹ Fertility and Family Planning in Europe around 1970: A comparative study of twelve national surveys // Population Studies. No.58. United Nations, N.Y., 1970 (ST/SOA/SER.A/58).

³² Variables and Questionnaire for Comparative Fertility Surveys // Population Studies. No.45. United Nations. — N.Y., 1970 (ST/SOA/SER.A/45).

было охвачено около 40% мирового населения, 42 развивающиеся и 20 развитых стран. Для развитых и развивающихся стран было подготовлено два отличающихся варианта стандартного вопросника³³.

Типовой вопросник WFS состоял из 7 разделов, включая необходимый минимум демографических и социально-экономических характеристик опрашиваемой женщины и ее мужа, брачной истории, а также подробные сведения обо всех беременностях, рождениях, и смертях детей, методах и средствах регулирования деторождения, абортах, «желаемом» и «идеальном» числе детей. Отдельный, дополнительный модуль предусматривал подробные вопросы о социально-экономическом положении семьи.

Основные результаты обследований по странам, а также методологические и аналитические статьи публиковались в специальных сериях регулярных изданий Международного статистического института³⁴, в изданиях ООН и в многочисленных авторских статьях и монографиях³⁵. Электронная база индивидуальных данных, собранных в рамках программы WFS в большинстве развивающихся и некоторых развитых странах, поддерживается в Центре исследования населения Принстонского университета (США)³⁶.

Считается официально, что проект WFS завершился в 1984 г. СССР в этом проекте участия не принимал.

Правопреемником «Всемирного обследования рождаемости» себя считает американский проект «Demographic and Health Survey /DHS» («Обследования демографических характеристик и репродуктивного здоровья»). DHS был основан как коммерческий проект Институтом развития ресурсов, дочерней структурой Электрической компании Вестингхаус (Institute for Resource Development, Inc. / IRD, a subsidiary of the Westinghouse Electric Company). Вскоре, в 1989 г., институт IRD приобретает Macro International Inc. С 1997 г. проект DHS получает дополнительную финансовую помощь от Агентства по социальному и экономическому развитию США (USAID). Научную поддержку проекту оказывает Университет

---

³³ Core Questionnaires. WFS Basic Documentations. No. 1. London, 1975; *Berent J.* Directions and methods of World Fertility Survey data in low-fertility countries. International Population Conference, Mexico 1977. IUSSP, Liège, 1977. P. 67–88; *Berent J., Jones F., Siddiqui M.* Basic Characteristics, Sample Designs and Questionnaires. WFS Comparative Studies, No. 26. London, 1982.

³⁴ См.: World Fertility Survey Comparative Studies. Voorburg: International Statistical Institute; World Fertility Survey Scientific Reports. Voorburg: International Statistical Institute; World Fertility Survey: Major Findings and Implications. International Statistical Institute. Voorburg. 1984.

³⁵ См., например: *Cornelius R.M.* The World Fertility Survey and Its Implications for Future Surveys // Journal of Official Statistics. Statistics Sweden. 1985. Vol. 1 (4). P. 427–433; Fertility Behaviour in the Context of Development: Evidence from the World Fertility Survey // Population Studies. № 100. — N.Y., United Nations, 1987; Cleland J., Scott C., Whitelegge (eds.) The World Fertility Survey: An Assessment. Oxford: Oxford Univ. Press, 1987. 1058 p. и мн. др.

³⁶ См.: <http://opr.princeton.edu/archive/wfs>.

Джонса Хопкинса в США, известный своими исследованиями в области изучения репродуктивного здоровья, планирования семьи и рождаемости. Партнерами проекта являются целый ряд общественных и научных организаций, действующих в сфере общественного здоровья и гигиены питания, а также влиятельные консалтинговые компании.

С момента своего основания проект оказал техническую помощь в проведении более 200 выборочных обследований в 75 развивающихся странах мира³⁷. В рамках проекта DHS в ответ на вызовы времени, помимо основных вопросников, ориентированных на изучение демографических процессов, разработаны и внедрены в практику вопросник, специализирующийся на проблеме ВИЧ/СПИД, вопросники для анализа локальных ситуаций с развитием социальной инфраструктуры и услуг в области охраны здоровья и др.³⁸

Проект DHS в последнее десятилетие весьма активно развивается на постсоветском пространстве. Обследования по стандартной методике проведены в Казахстане в 1995 и 1999 гг., Узбекистане в 1996 и 2002 гг., Киргизстане в 1997 г., Туркменистане в 2000 г., Армении в 2000 и 2005 гг., Молдавии в 2005 г., Азербайджане в 2006 г., Украине в 2007 г. Индивидуальные базы данных по этим и многим другим странам доступны в электронном виде³⁹.

Россия в проекте DHS до сих пор участия не принимала. В то же время элементы вопросника по программе DHS использовались в двух волнах опроса «Репродуктивное здоровье российских женщин», проведенное ВЦИОМ при поддержке Centers for Disease Control and Prevention (CDC, USA) и USAID в 1996 и 1999 гг. в Ивановской области, Перми и Екатеринбурге⁴⁰. Иногда это дает основание международным организациям указывать, что Россия охвачена программой DHS, хотя это не вполне справедливо ни с формальной, ни с фактической точки зрения. Речь может идти только о том, что в России были успешно проведены, правда, не репрезентативные на национальном уровне, обследования в стандартном формате «International Reproductive Health Surveys (RHS)»/«Международных обследований репродуктивного здоровья» — составной части программы DHS, специально ориентированной на изучение структуры методов и средств планирования семьи, распространенности аборта, выявление рисков бесплодия,

³⁷ Основной стандартный вопросник см.: Questionnaire. Demographic and Health Surveys, Phase II. DHS-II. Basic Documentation, No.1. Maryland: Institute for Resource Development/Macro International. Inc. 1990.

³⁸ Подробнее о проекте DHS см.: <http://www.measuredhs.com>.

³⁹ См.: <http://www.measuredhs.com/countries/start.cfm>.

⁴⁰ См.: Исследование 1996 г. «Репродуктивное здоровье российских женщин». Итоговый отчет. ВЦИОМ, CDC, USAID. — М., 1998; Репродуктивное здоровье российских женщин-1999. Предварительный отчет. ВЦИОМ, CDC, USAID. М., 2000.

невынашивания беременности и прочих проблем, связанных с репродуктивным здоровьем⁴¹.

Если для развивающихся стран идея международных сравнительных исследований семьи и рождаемости после завершения программы WFS нашла продолжение в постоянно действующей программе DHS и ее дочерней программе RHS, то для развитых, в первую очередь европейских, стран требовалось логическое продолжение.

В середине 1980-х гг. Отдел населения Европейской экономической комиссии ООН (Population Activities Unit of the United Nations Economic Commission for Europe/PAU UNECE) выступает инициатором организации новой программы обследований для стран-членов Европейской экономической комиссии, получившей название «Fertility and Family Surveys/FFS» («Обследования рождаемости и семьи»). Официальный старт программе был дан на Региональной конференции по народонаселению и развитию ЕЭК ООН, состоявшейся в Будапеште в 1987 г. Проект FFS на пятилетие стал едва ли не основным проектом в рамках Программы населения, выполняемой в ЕЭК ООН. Наблюдение за сбором и анализом данных было поручено вести Конференции европейских статистиков. Финансовую поддержку проекту оказал UNFPA. При разработке дизайна выборки и программы опросов в рамках нового проекта в полной мере использовался положительный и отрицательный опыт, накопленный в развитых странах при проведении предыдущих серий международных обследований CFS и WFS, о которых говорилось выше⁴².

К моменту начала проекта для исследователей-демографов было очевидно, что развитые страны вошли в новую фазу трансформации моделей брачно-семейного поведения и рождаемости. Традиционный пожизненный брак как доминирующая в обществе основа для рождения детей начал терять свои позиции. Более того, в силу неравномерности переходного процесса, усиливались различия между странами севера, запада, юга, востока Европы и Северной Америки в отношении к традиционному

---

⁴¹ Программа международных обследований репродуктивного здоровья, осуществляемая при координирующей роли государственного Агентства по контролю за заболеваемостью и профилактике США (Centers for Disease Control and Prevention/CDC), к настоящему моменту охватила 18 стран Восточной Европы, Латинской Америки и Африки, в частности Азербайджан, Албанию, Грузию, Молдавию, Россию, Румынию, Чехию, Украину. Результаты сравнительного исследования по 12 странам, включая страны Восточной Европы, Центральной Азии и Россию, приведены в докладе: Reproductive, Maternal and Child Health in Eastern Europe and Eurasia: A comparative Report. U.S. Department of Health and Human Services, CDC Division of Reproductive Health, and ORC Macro. Atlanta, GA (USA) and Calverton, MD (USA), 2003 (Доступен на сайте: <http://www.measuredhs.com/pubs/>). Подробнее о программе RHS см.: <http://www.cdc.gov/reproductivehealth/Surveys/index.htm>.

⁴² Подробнее о программе обследований FFS, дизайне выборки и инструментари опросов см.: <http://www.unecsc.org/pau/ffs/welcome.htm>.

браку, разводу и повторным союзам, внебрачной рождаемости, возрасту деторождения, методам и средствам планирования семьи. В этой связи основной упор в программе FFS делался на изучении брачно-партнерской и репродуктивной биографии женщин и мужчин, имеющих различное положение в занятии, представляющих различные образовательные и профессионально-отраслевые страты, т.е. в центре изучения находилась демографическая деятельность индивида в различном социально-экономическом контексте. В качестве одного из основных методологических подходов к макроанализу данных был избран когортный метод (метод сравнительного анализа эволюции демографического поведения поколений), в наибольшей степени отвечающий задачам исследования эволюционных, переходных процессов в обществе.

Перенос акцента с изучения собственно рождаемости и репродуктивного поведения женщин, превалировавшего в прежних обследованиях, к изучению семьи и характеру партнерских отношений, положению детей в семейных союзах различного типа был не только адекватным ответом на изменение социально-демографической реальности, но и отвечал запросу со стороны семейно-ориентированной социальной политики, также переживавшей в развитых странах этап принципиальной модернизации. Политика усиливала свою ориентацию в направлении обеспечения права иметь желанных детей в желательные сроки⁴³ и расширения социальных гарантий для женщин, дающих возможность менее конфликтно совмещать профессиональную карьеру и семейную жизнь.

В 1992 г. был опубликован стандартный вопросник, которого должны были придерживаться все страны-участницы программы FFS. Структурно он состоял из трех разделов. *Первый раздел* касался текущего социально-демографического состояния респондента и его партнера/партнерши, если таковые имелись (брачно-семейный статус, структура домохозяйства, трудовая активность, наличие детей, наличие текущей беременности и проблем с репродуктивным здоровьем, использование средств и методов предохранения от беременности на момент обследования и др.). *Второй раздел* содержал биографические вопросы с указанием дат, позволяющих реконструировать последовательность демографических событий в жизни респондента: выделение из родительской семьи, история миграций (необязательный дополнительный модуль вопросника), история брачно-партнерских отношений, история рождений и усыновлений,

---

⁴³ К началу 1980-х гг. развитые страны вступают в завершающую стадию «контрацептивной революции» — массового перехода населения к использованию высокоэффективных средств предохранения от беременности, возрастает число стран, в которых легализуется искусственный аборт по желанию женщины, а программы по планированию семьи и половому просвещению молодежи становятся неотъемлемым элементом семейно-ориентированной политики.

контрацептивная история (необязательный дополнительный модуль), образовательная и профессиональная карьера. *Третий раздел* был посвящен планам в отношении рождения детей, ценностным ориентациям и вопросам, направленным на выявление отношения респондента к браку, различным типам партнерских отношений, к аборту, различным мерам семейной политики. Следует заметить, что практически весь третий раздел вопросника был отнесен к категории дополнительных и, соответственно, необязательных вопросов для включения в программу национальных обследований. Исключение касалось только вопросов о том, в какой мере предыдущие рождения были запланированными, и об ожидаемом в будущем числе детей, которые являлись неотъемлемой частью основного вопросника. Естественно, что разные страны при создании адаптированных национальных вопросников в различной степени воспользовались рекомендованными вопросами из дополнительных модулей.

Выборочные опросы по программе FFS в течение 1991–1999 гг. были проведены в 24 странах, включая США, Канаду и Новую Зеландию (*табл. 1*). Размер выборки колебался от 721 мужчины и 1735 женщин в Чешской республике, до 10847 женщин в США, и, как правило, превышал 5 тысяч респондентов обоего пола. В то же время мужчин не опрашивали в Болгарии, Новой Зеландии и США. Подробный анализ адаптированных на национальном уровне вопросников, национальных особенностей построения выборочных совокупностей и международной сопоставимости полученных данных по всем странам, участвовавших в программе FFS, был сделан П. Фести и Ф. Приу (INED, Франция) по заказу Отдела населения ЕЭК ООН. Доклад был одобрен Конференцией европейских статистиков и опубликован в виде отдельного издания⁴⁴.

Результаты обследований FFS публиковали в виде унифицированных национальных докладов, содержащих краткое описание особенностей построения выборки, программные вопросы, а также единый для всех стран набор статистических таблиц. Сегодня для исследовательских целей доступны исходные и гармонизированные по определенным правилам электронные файлы данных по большинству стран, участвовавших в программе. Эти данные хранятся в Отделе населения ЕЭК ООН и в Институте демографических исследований им. Макса Планка (г. Росток, Германия)⁴⁵.

Условной датой завершения программы FFS может считаться май 2000 г., когда в Брюсселе состоялась итоговая конференция, материалы

---

⁴⁴ См.: *Festy P., Prioux F.* An evaluation of the Fertility and Family Surveys Project. United Nations. New York and Geneva, 2002 (доступен в электронном виде <http://www.unece.org/pau/ffs/evreport.pdf>).

⁴⁵ С правилами доступа к файлам индивидуальных данных можно ознакомиться на сайте Отдела населения ЕЭК ООН: <http://www.unece.org/pau/ffs>.

которой опубликованы в двух томах⁴⁶. В то же время последнее в данной серии обследований — в Греции — состоялось только в 1999 г., а национальный доклад с результатами опроса в данной стране был опубликован в 2002 г., т.е. два года спустя после официально объявленного закрытия проекта.

Уже в ходе реализации проекта всем участникам стало очевидно, что подобные обследования должны стать регулярными. К этой идее подталкивали и чрезвычайно быстрые изменения, начавшиеся в странах Восточной и Центральной Европы после падения Берлинской стены. В результате чего данные, полученные по этим странам, быстро устаревали. Подготовка к FFS2 началась практически одновременно с завершением серии обследований FFS. Однако вскоре было решено, что новый проект не будет простым повторением предыдущего. Сложившиеся организационные структуры, хорошо налаженные и эффективно функционирующие международные научные связи позволяли рассчитывать на разработку принципиально нового проекта, использующего программу FFS в качестве основы, дополненной новыми блоками вопросов, позволяющими более широко взглянуть на современную семью и домохозяйство через призму гендерного взаимодействия и межпоколенных связей. Новый проект получил название «Generations and Gender»/«Поколения и гендер», и о нем подробно речь пойдет в следующем разделе.

Эмпирические данные, полученные в ходе реализации FFS, получили всеобщее признание специалистов и легли в основу трудно исчисляемого множества научных публикаций, число которых с каждым годом быстро увеличивается. Можно сказать, что на сегодняшний день, т.е. спустя более 15 лет после проведения первых опросов, изучение полученной информации в рамках данного проекта только приближается к своему апогею, и ни одно серьезное межстрановое сравнительное изучение многообразных проблем брака, семьи и рождаемости уже не может не обходиться без обращения к базе данных FFS.

К сожалению, в 1980-х гг. Россия в очередной раз упустила возможность включиться в процесс углубленного исследования современной семьи и рождаемости на основе обследований, сопоставимых на международном уровне. Несмотря на то что вопрос о присоединении России к проекту FFS, подобно тому, как это сделали, обретя независимость, страны Балтии, поднимался на уровне соответствующих управлений Госкомстата России, дальше обсуждений дело не пошло. Частичным оправданием может служить то обстоятельство, что в начале 1990-х гг. статистические

---

⁴⁶ Macura M. Beets G. (eds.) Dynamics of Fertility and Partnership in Europe. Insights and lessons from comparative research. Vol. 1 and 2. United Nations, New York and Geneva, 2002. С содержанием этого издания можно ознакомиться на сайте «Демоскоп-Weekly»: <http://demoscope.ru/weekly/2003/0125/biblio02.php>.

органы страны переживали тяжелейший период реорганизации после распада СССР, связанной с прекращением деятельности всесоюзного статистического ведомства и передачей полномочий по сбору статистической информации российскому органу, которая проходила в условиях тяжелого кадрового дефицита и жестких финансовых ограничений. Так, планировавшаяся на 1999 г. всероссийская перепись населения не состоялась по причине абсолютной неготовности центрального и местных статистических органов к такому сложному во всех отношениях мероприятию. С другой стороны, давняя советская традиция неприязненного отношения к международным проектам, предполагающим взаимообмен данными национальных репрезентативных обследований, все еще давала о себе знать. По свидетельству А.Г. Волкова, в течение долгого времени возглавлявшего Отдел (Отделение) демографии НИИ ЦСУ СССР, Центральное статистическое ведомство всегда проявляло минимальный интерес к выборочным социологическим обследованиям демографической направленности, к совершенствованию их методологии и расширению программ. А к международным проектам, даже к тем из них, которые курировались ООН и Международным статистическим институтом (как, например, упомянутое «Всемирное обследование рождаемости» в 1970-х гг.), из десятилетия в десятилетие воспроизводилось устойчиво негативное отношение. Часто можно было слышать на совещаниях, принимавших решения о проведении очередного обследования, следующий аргумент: «Заграница нам не указ. Нечего тут изучать, мы и так знаем, отчего рождаемость низкая — люди бедно живут, и лучше дать деньги, если они есть, самим семьям и детям, а не тратиться на бесполезные и дорогостоящие мероприятия». По справедливому замечанию Б.М. Фирсова, одного из старейшин в стане отечественных социологов: «Если режим не отказывается от прошлого и стремится к тому, чтобы всячески его сохранить, он примет меры к снижению социологической деятельности»⁴⁷.

Таблица 1

Страны, участвовавшие в международно-составимых обследованиях семьи и рождаемости, координировавшихся ЕЭК ООН (годы проведения обследований)

Страна	CFS	WFS	FFS	GGG (первая волна)
Австралия	—	—	—	2005
Австрия	—	—	1995–1996	обсуждается
Бельгия	1966	1975–1976 ¹	1991–1992 ²	2007
Болгария	—	1976	1997–1998	2004
Венгрия	1965–1966	1977	1992–1993	2001 ⁴ , 2005
Великобритания	1967 ³	1976	—	—

⁴⁷ Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х гг. Курс лекций. — СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2001. С. 99.

Страна	CFS	WFS	FFS	GGG (первая волна)
Германия	—	—	1992	2005
Греция	—	—	1999	
Грузия	—	—	—	2006
Дания	1970	1975	—	—
Испания	—	1977	1994–1995	—
Италия	—	1979	1995–1996	2003 ⁴
Канада	—	—	1990, 1995	обсуждается
Латвия	—	—	1995	—
Литва	—	—	1994–1995	2006
Нидерланды	1969	1975	1993	2004 ⁵
Новая Зеландия	—	—	1995	—
Норвегия	—	1977–1978	1988–1989	ожидается 2008
Польша	1972	1977	1991	ожидается 2007–2008
Португалия	—	—	1997	обсуждается
Россия	—	—	—	2004
Румыния	—	1978	—	2005
Словения	—	—	1994–1995	обсуждается
США	1970–1971	1976	1995	—
Турция	1968	—	—	обсуждается
Финляндия	1971	1977	1989–1990	обсуждается
Франция	1971	1977–1978	1994	2005
Чехословакия/ Чехия	1970	1977	1997	2005
Швейцария	—	1980	1994–1995	—
Швеция	—	1981	1992–1993	—
Эстония	—	—	1994	2004–2005
Югославия	1970	1976	—	X
Япония	—	—	—	2004

¹ Только жители Фландрии, говорящие на фламандском языке.

² Только жители Фландрии, говорящие на фламандском языке, и жители столичного региона Брюссель.

³ Англия и Уэльс.

⁴ Обследование проведено до официального утверждения окончательного варианта базового вопросника Международным консорциумом GGP (окт. 2003 г.), вследствие чего имеет существенные отличия от унифицированной программы.

⁵ Используются результаты близкого по методологии к GGS независимого национального панельного обследования семей, начавшегося до завершения работы над международным вопросником GGS.

Источник: Festy P., Prioux F. An evaluation of the Fertility and Family Surveys Project. United Nations. New York and Geneva, 2002, p. 4; <http://www.unecsc.org/pau/ggp>.

В 1970-х и 1980-х гг. в России и на всем пространстве бывшего СССР было проведено немало количество небольших авторских, локальных, ориентированных на изучение отдельных социально-демографических страт, выборочных обследований семейно-демографической направленности⁴⁸. В отличие от статистических данных, официальная цензура, как правило, менее жестко ограничивала публикации результатов таких обследований, хотя и здесь, безусловно, не обходилось без обидных потерь⁴⁹. Однако ни большое число самих обследований, ни подчас методологическая изощренность применявшегося инструментария, в свое время дававшая исследователям почву для «мыслительных игр», не должны вводить в заблуждение. Альтернативу репрезентативным обследованиям по международным стандартам они составить не могли, да и не имели такой задачи.

Письменных свидетельств, позволяющих судить о внутренних причинах и мотивах официального игнорирования международных проектов демографических исследований, в нашем распоряжении нет. Однако нетрудно догадаться, что старательно скрываемой основной причиной неучастия СССР в проектах международных обследований населения являлась боязнь «до дрожи в коленях» поделиться с «потенциальным военным противником» информацией о демографических процессах в стране⁵⁰. Как уже было сказано выше, даже результаты отечественных репрезентативных обследований населения до российских экспертов доходили в отрывочном виде, поскольку исходные данные имели гриф «Для служебного пользования». В идеологическом отношении демографические показатели также не выглядели выигрышными: смертность — катастрофически высока, рождаемость — едва ли не самая

---

⁴⁸ См., например: Демографические проблемы семьи / Научн. ред. Н.М. Римашевская. — М.: Наука, 1978; Янкова З.А. Городская семья. — М.: Наука, 1979; Антонов А.И. Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). — М.: Статистика, 1980; Бойко В.В. Малодетная семья (Социально-психологическое исследование). — М.: Статистика, 1980; Социально-демографические исследования семьи в республиках Советской Прибалтики / П. Гулян (отв. ред.) и др. — Рига: Зинатне, 1980; Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С. Структура и функции семейных групп. — М.: Финансы и статистика, 1983; Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографические аспекты. — Л.: Наука, 1984; Элите П.А., Гоша З.Ж., Зариньи И.В. и др. Факторы и мотивы демографического поведения. — Рига: Зинатне, 1984; Семья и народное благосостояние в развитии социалистическом обществе / Под ред. Н.М. Римашевской и С.А. Карапетяна. — М.: Мысль, 1985; Городская и сельская семья / В.М. Медков и др. — М.: Мысль, 1987; Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. — М.: Мысль, 1987 и мн., мн. др.

⁴⁹ См., например: Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. — СПб.: Алетейя, 2006.

⁵⁰ Напомним, в частности, что во второй половине 1970-х гг. ЦСУ СССР под давлением Минобороны принимает абсурдное решение закрыть для публикации в открытой печати сведения о числе родившихся раздельно по полу (аргументация по-детски наивна: «Мальчики — потенциальные призывники»). Возрастная структура населения к этому времени уже не публиковалась по той же причине.

низкая в мире, аборт — неслыханно много. Преимущества «социалистического воспроизводства населения» на таких данных не продемонстрируешь. Полноценная регулярная статистическая информация о населении страны после полувекowego запрета начинает публиковаться только во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. благодаря горбачевской «гласности», а до этого в международных изданиях в строках, предназначенных для данных по СССР и его союзным республикам, зияли шокирующие мировое сообщество многоточия.

Дорогой ценой для социальной теории и практики обошлось последовательное отстаивание «государственных интересов», понимаемых на «советский лад». Слабая эмпирическая база о процессах, протекающих в базовой сфере общества, ограниченная доступность ее для демографического, социометрического и эконометрического анализа дезориентировали массовое общественное сознание и политиков, принимающих решения, снижали интерес профессионального экспертного сообщества к изучению реальных демографических проблем, не стимулировали развитие методологии анализа данных, превращали учебный процесс в начетничество, а научные публикации — в пропагандистские брошюры, имевшие нулевую ценность для социальной политики. Считаем своим долгом особо подчеркнуть, что корни сегодняшней теоретической и практической беспомощности, столь ярко проявляющиеся при разработке концепций демографической и семейной политики, лежат в длительном игнорировании важности непрерывного развития надежного информационного пространства научных исследований.

Международная исследовательская программа «Поколения и гендер» («Generations and Gender Programme»)

Неудовлетворенность состоянием дел в практике и теории семейно-ориентированной политики в последнее десятилетие вызвало очередную волну активности международного экспертного сообщества в поиске ответов на следующие ключевые вопросы:

- Почему столь непохожие страны юга и севера, запада и востока Европы, Япония и Канада демонстрируют либо сходный уровень рождаемости, либо общность тенденции к его унификации на низком уровне? Почему в странах, наращивающих затраты в области семейной политики, демографические результаты могут быть теми же, что и в странах, проявляющих меньшую активность в этом вопросе?
- Что происходит с семьей — традиционным институтом, который на протяжении столетий обеспечивал устойчивость смены поколений в самых различных экономических и социальных условиях, а сегодня даже в относительно благополучном контексте дает сбой?

- Какова роль государства по отношению к семье и демографической сфере жизнедеятельности индивида в современных индустриальных и постиндустриальных обществах?
- Что из арсенала существующих политик по отношению к семье является более или менее эффективным и необходимым, а что не соответствует сегодняшним реалиям и ожидаемым тенденциям? Что может быть предложено взамен, опираясь на результаты научных исследований?

Понимание сложности и многоаспектности проблем рождаемости, не сводимых к анализу уникальных ситуаций в конкретных странах, подвело исследователей крупнейших научных центров развитых стран к мысли о необходимости проведения широкомасштабных исследований, скоординированных на международном уровне, по единой программе. Опираясь на уже имевшийся ранее опыт выборочных обследований по единой программе, в частности в рамках европейского проекта FFS, успешно завершившегося к концу 1990-х гг., международным консорциумом европейских и североамериканских исследовательских центров⁵¹ в начале 2000-х гг. была разработана принципиально новая программа углубленного изучения рождаемости и семьи, получившая название «Generations and Gender Programme» (Программа «Поколения и гендер»)⁵². Формальными участниками и наблюдателями проекта к сегодняшнему дню стали около 30 стран мира, и этот список продолжает расширяться, выходя за рамки европейского континента.

К настоящему времени основные обследования по единой программе провели 15 стран. Ожидается, что в ближайшие годы этот список будет существенно расширен (*табл. 1*).

Если в предыдущих проектах изучения семьи и рождаемости, как, впрочем, и в ряде других международных проектов сравнительных исследований, Россия участия не принимала, то в новом проекте она сыграла одну из ключевых ролей, включившись в проект на стадии подготовки окончательного варианта стандартного вопросника и проведения серии предпилотных и пилотных обследований. Россия стала первой страной, в

---

⁵¹ Консорциум проекта GGP, созданный в 2000 г., состоит из 8 организаций: Отдел населения ЕЭК ООН (координатор), Департамент демографии Университета «La Sapienza» в Риме (Италия), Департамент социальной политики Университета в Йорке (Великобритания), Венгерское центральное статистическое управление, Национальный институт демографических исследований (Франция), Институт демографических исследований им. Макса Планка (Германия), Нидерландский междисциплинарный демографический институт, Статистическое управление Канады. Экспертный комитет по разработке вопросника GGS приступил к работе в 2001 г. В 2002 г. начала работать экспертная группа по разработке дизайна контекстуальных баз данных, в 2003 г. — экспертная группа по разработке методологии анализа данных.

⁵² Подробнее о программе GGP, инструментарии обследований, включая вопросник GGS, см.: <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp>.

которой апробировали вопросник, составленный в полном соответствии с рекомендациями Международного консорциума (пилотный опрос, ноябрь 2002 г.), была первой страной, в которой состоялось полномасштабное, репрезентативное для всего населения страны выборочное обследование по программе GGS под названием «*Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*» (июнь-август 2004 г.).

Особенности Программы «Поколения и гендер»

В чем уникальность и ценность социально-демографического обследования по программе «Поколения и гендер»?

- *Масштабность программы.* Единый базовый вопросник для всех стран охватывает около 2 000 переменных, получаемых с помощью стандартизованного продолжительного интервью и касающихся основных фактов биографии респондента и особенностей функционирования его домохозяйства (сведения о родителях и условиях ранней социализации, репродуктивная биография, история брачно-партнерских отношений, миграции, формы занятости, образование, жилищные условия, источники дохода и уровень благосостояния, здоровье, распределение ролей и обязанностей в семье, условия воспитания детей, ценностные ориентации, удовлетворенность отношениями в семье и различными аспектами жизнедеятельности, планы в отношении формирования семьи и др.)
- *Лонгитюдный (панельный) характер.* Программой предусмотрено проведение нескольких волн обследований одной и той же совокупности респондентов (как минимум трех волн с интервалом в 3 года), что впервые в практике международно-сопоставимых исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондента и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла.
- *Инновационные методологические подходы к анализу данных.* Структура и форма регистрации признаков и меняющихся характеристик респондента, событий в его жизни, различных аспектов функционирования домохозяйства изначально организованы таким образом, чтобы было возможно использовать самые современные статистико-математические методы анализа данных, поиска взаимосвязей и моделирования процессов. Речь в первую очередь идет об анализе взаимосвязи между событиями и характеристиками, меняющимися с возрастом человека и зависящими от длительности пребывания в том или ином состоянии.
- *Объем и возрастная структура выборки.* До сих пор в отечественной истории не было обследований рождаемости и семьи, в которых по столь углубленной программе опрашивали бы мужчин и женщин

рабочих и пожилых возрастов. Объем выборочной совокупности — 11261 опрошенных в возрасте от 18–79, учитывая масштабность программы, также беспрецедентен для России.

- *Сочетание микро- и макроуровня.* Помимо вопросов организации и проведения обследования населения Программа «Поколения и гендер» предусматривает создание контекстуальных баз данных (макроданных) по каждой стране-участнице. Основная задача этого элемента Программы состоит в том, чтобы подготовить данные, которые в дальнейшем могут быть использованы в многоуровневом количественном и контекстуальном анализе, в рамках которого в моделях одновременно участвуют данные микро- и макроуровня. Контекстуальные базы включают (1) информацию о законодательстве — в области экономики, регулирования доходов, занятости, образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, социального обслуживания, семейной политики и других социальных гарантий и пр., влияющих на положение семьи и на процессы в области рождаемости и (2) статистические макроданные, характеризующие общие социальные и экономические тенденции.
- *Возможность международных сравнительных исследований.* Никогда прежде российские специалисты не имели возможность исследовать процессы формирования семьи и рождаемости в контексте не только российских специфических условий, но и общемировых процессов и тенденций. Единый для всех стран-участников проекта вопросник, тщательно переведенный на национальные языки, обеспечивает возможность сравнительных исследований в разрезе большинства основных переменных.

Что дальше? Вторая волна обследования РидМиЖ

Как уже говорилось, планируется, что обследования в рамках программы «Поколения и гендер» будут носить лонгитюдный (панельный) характер. Программой предусмотрено проведение трех волн обследований одной и той же совокупности респондентов с интервалом в 3 года. Впервые в практике международно-сопоставимых исследований предоставляется возможность установления взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондентов, мужчин и женщин, и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла. Еще более важно то, что впервые такая возможность открывается в социально-демографических исследованиях в России: 2007 г. — вторая волна обследования РидМиЖ.

Как и при подготовке первой волны единый для всех стран вопросник панельного исследования был разработан Международным консорциумом программы «Поколения и гендер». Минимальная задача, которая

ставилась перед странами-участницами, состояла в повторном опросе респондентов первой волны. Тем не менее, реализация только этого требования делала невозможным получение репрезентативных оценок на дату проведения второго обследования: часть опрошенных к 2007 г. могла умереть, другая — переехать в другой населенный пункт, регион или даже страну⁵³, третья — отказаться от участия в повторном опросе. Учитывая важность репрезентации некоторых изучаемых социально-демографических явлений, Российский национальный комитет программы «Поколения и гендер» принял решение о том, чтобы вторая волна РидМиЖ одновременно обеспечивала возможность проведения как панельного, так и репрезентативного по состоянию на 2007 г. анализа.

Эта задача повлияла на структуру выборки второй волны РидМиЖ. С одной стороны, чтобы модель выборки обеспечивала репрезентативность исследуемой совокупности на время проведения обследования, требуется использование так называемой одномоментной (cross-sectional) модели выборки. С другой стороны, чтобы обеспечить возможность отслеживания динамики изменений в положении одних и тех же индивидов, необходимо использовать панельную модель выборки, когда в каждой следующей волне опрашиваются одни и те же индивиды.

В этой связи во второй волне обследования предполагается использование «синтетической» модели выборки, которая наряду с одномоментной репрезентацией позволяет провести панельный анализ. При ожидаемом уровне недостижимости в размере 35–40% планируется, что *панельная составляющая выборки* в обследовании 2007 г. охватит порядка 7000 респондентов в возрасте от 21 года до 82 лет из 11 000 респондентов первой волны РидМиЖ. Для получения *репрезентативной на момент опроса выборки* населения России 18–79 лет общим объемом 11 000 респондентов планируется добрать около 4000 новых респондентов.

Потребностями панельного анализа было продиктовано сохранение в неизменном виде основных блоков опросного инструментария второй волны: вопросник повторного обследования 2007 г., как и в первой волне, тематически организован в те же 14 разделов. В то же время для новых респондентов был создан специальный вопросник, позволяющий собрать дополнительную информацию о ряде важнейших событий, произошедших в их жизни до проведения опроса, которая уже была известна о респондентах, участвующих в опросе повторно.

Отличие обоих вопросников от первой волны в основном касается вопросов, связанных с пенсионной проблематикой и социальными преобразованиями. Это раздел, который в обследовании 2004 г. озаглавлен

---

⁵³ Важно подчеркнуть, что выборка РидМиЖ строится по территориальному принципу и в ее основе лежит выборка адресов. Соответственно, даже при смене адреса в пределах одного населенного пункта домохозяйство и респондент выбывают из выборки.

«Пенсионное обеспечение и пенсионная реформа», а в повторном обследовании — «Политика в пенсионной и социальной сфере». Его цель — оценить осведомленность и мнение населения относительно внимания правительства к более широкому кругу областей социальной сферы.

Пенсионная реформа только набирает обороты и ставит перед исследователями и политиками новые вопросы. Данный раздел — центральный для изучения стратегий участия населения в пенсионной реформе. В сочетании с разделами о занятости и доходах населения он позволяет оценить нынешние и будущие масштабы досрочного оформления пенсии на основании закона о трудовых пенсиях, в том числе в разрезе отраслей и возрастных групп. Совместный анализ данных двух обследований по вопросам участия населения в накопительной реформе позволит не только проанализировать динамику этого участия, но также построить перспективные оценки динамики численности лиц, выбирающих частные управляющие компании или НПФ на ближайшую (год) перспективу.

Кроме того, в связи с началом реализации в России масштабной демографической программы в данный раздел включены вопросы, исследующие отношение опрошенных к динамике численности населения России и тем мерам, которые направлены на преодоление депопуляции РФ и повышение рождаемости.

Когда настоящий сборник готовился к изданию, полевые работы были завершены. Планируется, что 2008–2009 гг. станут периодом активного анализа панели РидМиЖ, направленного на углубление понимания тенденций демографического поведения, его социально-экономических дифференциалов и последствий применения новой демографической политики в России. Панельные данные позволят проверить, в том числе, и справедливость многих гипотез и догадок, высказанных авторами статей в предлагаемом сборнике.

И все же анализ панельных данных и тем более международных сравнений — дело будущего. Сегодня же мы обращаемся к первым результатам, которые дало обследование РидМиЖ–2004. Участники этого грандиозного проекта, его организаторы и исследователи выражают надежду, что их многолетний труд не прошел даром и что результаты программы позволяют пролить свет на многие вопросы, сопровождающие демографическое развитие России в прошлом, настоящем и будущем.

Захаров С.В.,
Малева Т.М.,
Синявская О.В.

Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии

Выборочное социально-демографическое обследование, проводимое в разных странах по единой методике, составляет центральный элемент программы «Поколения и гендер». Первая волна этого обследования в России, получившего название «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РидМиЖ), была проведена в июне-августе 2004 г. в 32 субъектах Российской Федерации. Непосредственно опрос был реализован Независимой исследовательской группой «Демоскоп» — авторитетным социологическим агентством с богатейшим опытом проведения крупных обследований населения, таких как 10 (!) волн (к 2007 г.) широко известного в России и за рубежом панельного обследования «Российский мониторинг экономического благосостояния и здоровья населения» (РМЭЗ).

РидМиЖ в 2004 г.: выборка и инструментарий

Выборка обследования была разработана канд. философ. наук М.С. Косолаповым. При ее формировании использовали метод *многоступенчатого вероятностного отбора* жилищ, в которых затем выбирали домохозяйства¹, и, наконец, в домохозяйстве случайным образом (с использованием процедуры Киша) отбирали одого респондента. Обследование является репрезентативным для всего населения страны в данной возрастной группе (18–79 лет).

Вначале был составлен список из 2029 объединенных районов, из которого выбирали первичные единицы отбора (ПЕО). ПЕО были сгруппированы в 38 страт, прежде всего на основании географических

---

¹ Дизайн выборки РидМиЖ выстроен на принципах, аналогичных принципам, по которым строится выборка РМЭЗ, описание их можно найти здесь: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rfms/project/sampling.html> (выборка второго этапа — Second Phase). В данной статье краткое описание принципов построения выборки сделано на основе отчета о выборке, подготовленного М.С. Косолаповым.

факторов и уровня урбанизации, а также, где необходимо, на основании этнической составляющей. Исключения из генеральной совокупности не превышают 5% от общей численности населения России².

Поскольку ни в одной из 38 страт ПЕО не было сводного списка домохозяйств или жилищ, то в соответствии с практикой построения выборки РМЭЗ была введена промежуточная стадия отбора. Тип вторичных единиц отбора (ВЕО) зависит от типа поселения. Население каждой ПЕО было стратифицировано на городское и сельское, после чего объем целевой выборки разделили пропорционально доле населения в каждой из этих подстрат. В сельской местности ВЕО выступали сельские населенные пункты (села, деревни, аулы). В городах и поселках городского типа в качестве ВЕО использовали избирательные участки. Количество ВЕО определялось тем, что в каждой из них должно быть опрошено 25–28 домохозяйств. В случаях, когда численность населения в ВЕО сильно различалась, применяли метод отбора пропорционально численности. В избирательных участках список жилищ составлялся с помощью специального натурального обхода территории участка, а в сельских населенных пунктах в качестве списка жилищ использовались похозяйственные книги. Затем систематически отбирали необходимое количество жилищ начиная с адреса, полученного из списка случайным образом.

Отличительной особенностью российского обследования является использование выборки РМЭЗ для формирования части выборочной совокупности обследования РидМиЖ. Совмещение выборок позволяет получить ретроспективную информацию о части респондентов по широкому кругу вопросов, что значительно расширяет возможности анализа.

Дизайн выборки обеспечивает возможность анализа данных как по домохозяйствам, так и по респондентам, проживающим в данных домохозяйствах. По определению, принятому в РидМиЖ, *домохозяйство* состоит из всех лиц, проживающих на общей жилплощади не менее 4-х дней в неделю на протяжении не менее 3-х месяцев в году³.

Центральным понятием обследования является непривычное для российских исследований понятие партнерства. *Партнер* определяется как человек, с которым респондента связывают устойчивые, близкие, интимные отношения, независимо от того, проживают они вместе или раздельно. Брачный статус оказывается, таким образом, вторичным.

---

² При построении выборки исключали население Чеченской и Ингушской республик, Калининградской области, а также население, проживающее в труднодоступных северных, горных и т.п. местностях.

³ Отметим, что в этом определении домохозяйства отсутствует традиционный для российских исследований критерий — общность бюджета.

Подчеркнем, что информация о партнере респондента собирается со слов респондента практически в том же объеме, что и о самом респонденте, что расширяет число наблюдений⁴.

Сбор данных осуществляли методом личного интервью.

Программа обследования (вопросник) первой волны тематически организована в 14 разделов.

В первый раздел «*Домохозяйство*» включены показатели, характеризующие состав домохозяйства опрашиваемого лица, в том числе даты рождения, возраст, пол, занятия членов домохозяйства, их родственное отношение к респонденту, потребность в уходе. В этом же разделе содержатся показатели социально-демографического статуса самого респондента, которые, помимо указанных выше, включают место рождения, национальность, родной язык, уровень и специализацию образования и дату его получения, жилищные условия, а также вопросы относительно намерений респондента: продолжить образование и переехать куда-либо в течение ближайших трех лет.

Второй раздел «*Дети*» содержит информацию о детях респондента, проживающих вместе с ним или отдельно. В нем же находятся вопросы о распределении в семье обязанностей по уходу за детьми, частоте и стоимости использования услуг других лиц или учреждений для ухода за детьми, участия респондента в уходе за другими детьми (например, своими внуками, племянниками и пр.).

Третий раздел «*Брак(и)/союз(ы)*» содержит показатели, характеризующие социально-демографический статус нынешнего супруга(и) (партнера) респондента (национальность, родной язык, уровень полученного образования, дату регистрации брака, причины раздельного проживания и намерения начать жить вместе (для супругов/партнеров, не живущих вместе)).

Четвертый раздел «*Распределение домашних обязанностей*» касается распределения домашних дел внутри домохозяйства, механизмов принятия решений по различным вопросам в семье и качества супружеских отношений.

Пятый раздел «*Родители и родительский дом*» посвящен широкому кругу вопросов о родителях респондента, национальностях, родных языках, условиях их настоящего проживания (одни, вместе с респондентом, отдельно от него, но вместе с другими детьми, другими родственниками, друзьями и пр., в специализированных учреждениях и т.п.). Таким образом, даже если опрашиваются лица трудоспособных

---

⁴ Хотя, безусловно, при интерпретации результатов необходимо будет учитывать возможные системные ошибки, возникающие при такой организации сбора данных, связанные с трудностями воспоминания (если речь идет о прошлых событиях) или недостаточной осведомленностью респондента (когда он рассказывает о других людях).

возрастов, вопросник дает возможность получить дополнительные сведения о пожилом населении современной России.

Большая часть вопросов шестого раздела *«Беременность, бесплодие и планы иметь детей»* относится к способам регулирования рождаемости и желаемого числа детей и, соответственно, адресована респондентам младше 50 лет или тем, чья супруга не достигла 50 лет.

Седьмой раздел *«Здоровье и благополучие»* включает показатели состояния здоровья опрашиваемого лица, в том числе наличие хронических заболеваний, ограничений трудоспособности, инвалидности и ее степени, потребности в уходе и источниках получения помощи (включая социальную помощь от государственных и общественных организаций), потребности и источниках получения эмоциональной поддержки, интенсивности семейных обменов услугами неформальной социальной помощи и эмоциональной поддержкой, способности респондента контролировать различные стороны своей жизни и его психологическом самочувствии.

Восьмой и девятый разделы *«Деятельность и доходы респондента»* и *«Деятельность и доходы партнера»* — показатели, характеризующие положение респондента и его супруга (партнера) относительно рынка труда (занятый, безработный, неактивный) и пенсионной системы (пенсионер, непенсионер). Вопросы об индивидуальных доходах респондента и его партнера включают 14 источников доходов (от трудовой деятельности, из пенсионной системы, прочие виды социальных выплат и пособий), в том числе респондент может указать до 9 источников доходов одновременно.

Десятый раздел *«Имущество домохозяйства, доходы и трансферты»* содержит показатели, характеризующие структуру денежных доходов домохозяйства, помимо денежных доходов респондента и его супруга (партнера), а также совокупный размер доходов домохозяйства в среднем за последние 12 месяцев. Он также включает показатели имущественной обеспеченности домашнего хозяйства респондента, получения или перечисления регулярной межсемейной помощи (денежной и материальной), что позволяет оценить реальное благосостояние домохозяйств респондентов.

Показатели, вошедшие в одиннадцатый раздел *«Ценности и установки»*, касаются установок респондента относительно традиционно женских и мужских ролей в семье и обществе, взаимоотношений поколений (например, должны ли родители помогать детям, должны ли дети помогать престарелым родителям), распределения сфер ответственности семьи, общества и государства в части заботы об определенных социальных группах, дискриминации на рынке труда и пр.

Двенадцатый раздел *«Пенсионное обеспечение и пенсионная реформа»* не предусмотрен межстрановым вопросником и является специфичес-

ким блоком, разработанным исключительно для России, переживающей стадию реализации крупнейшего институционального преобразования — пенсионную реформу. В этот блок включены показатели, характеризующие общий и специальный трудовой стаж респондента, наличие и вид оснований для досрочного назначения пенсии, охват населения (респондент и члены его домохозяйства) негосударственным пенсионным обеспечением, предпочтительные формы хранения сбережений, использование добровольных форм страхования, осведомленность о пенсионной реформе, ожидаемые источники доходов после достижения пенсионного возраста, различные формы участия в пенсионной реформе, включая состоявшийся и планируемый выбор управляющей компании, намерения относительно участия в добровольном пенсионном страховании, если таковое будет предложено.

Тринадцатый и четырнадцатый разделы «*Наблюдения интервьюера*» и «*Отчет интервьюера*» заполняются интервьюером после завершения интервью и носят справочный характер. Дополнительно там же содержатся показатели, характеризующие жилищные условия респондента.

Вопросник обследования⁵ представлен по адресу: http://www.socpol.ru/research_projects/proj12_ank.shtml.

РиДМиЖ в 2004 г.: характеристики выборочной совокупности

По времени первая волна обследования РиДМиЖ (лето 2004 г.) стоит близко к Всероссийской переписи населения, проведенной осенью 2002 г. Это позволяет проверить, насколько хорошо полученная выборочная совокупность репрезентирует некоторые базовые параметры генеральной совокупности, представленной результатами переписи.

В ходе опроса было получено 11 261 интервью. Доля лиц, не имеющих российского гражданства (граждане других государств, лица без гражданства) в выборочной совокупности составляют 1%, русский язык в качестве первого и второго родного языка указали более 92% опрошенных, а русский в качестве языка, на котором обычно разговаривают дома, назвали 95% респондентов.

Распределение респондентов по регионам и типам населенных пунктов

Опрос был проведен в 32 субъектах Федерации (табл. 1). Наибольшее число опрошенных представляли Москву (758 человек, или 6,7% от общей численности выборочной совокупности), Красноярский

---

⁵ За исключением двенадцатого раздела, разработанного по специальному заказу Пенсионного фонда России.

край (584 и 5,2%), Челябинскую область (572 и 5,1%), Краснодарский край (553 и 4,9%), Республику Коми (551 и 4,9%), Саратовскую область (545 и 4,8%), Алтайский край (540 и 4,8%), Московскую область (512 и 4,5%) и Санкт-Петербург (362 и 3,2%). Остальные 23 территории были равномерно представлены в выборочной совокупности: число опрошенных в каждой из них составляло 2,1–2,5% от общей численности респондентов.

Таблица 1

Региональная структура выборки обследования РидМиЖ¹

Регион	Число наблюдений	% к общему объему выборки	Регион	Число наблюдений	% к общему объему выборки
Москва	758	6,7	Удмуртская Республика	273	2,4
Красноярский край	584	5,2	Амурская область	273	2,4
Челябинская область	572	5,1	Кабардино-Балкарская Республика	272	2,4
Краснодарский край	553	4,9	Ростовская область	272	2,4
Республика Коми	551	4,9	Курганская область	272	2,4
Саратовская область	545	4,8	Тульская область	272	2,4
Алтайский край	540	4,8	Пензенская область	272	2,4
Московская область	512	4,5	Липецкая область	271	2,4
Санкт-Петербург	362	3,2	Томская область	271	2,4
Пермская область	286	2,5	Новосибирская область	270	2,4
Ленинградская область	285	2,5	Чувашская Республика	270	2,4
Тверская область	285	2,5	Республика Татарстан	268	2,4
Тамбовская область	282	2,5	Оренбургская область	268	2,4
Калужская область	281	2,5	Ставропольский край	265	2,4
Волгоградская область	281	2,5	Приморский край	240	2,1
Нижегородская область	280	2,5			
Смоленская область	275	2,4	<i>Всего</i>	<i>11261</i>	<i>100</i>

¹ Если не указано иное, источник — данные РидМиЖ.

Распределение респондентов по типу населенного пункта представлено в *табл. 2*. Распределение выборочной совокупности на городских (74,8%) и сельских жителей (25,2%) соответствует распределению населения России на городское и сельское с учетом вышеуказанных территориальных исключений: по данным Росстата, основанных

Таблица 2

Распределение респондентов по типу населенного пункта

Тип населенного пункта	Число респондентов	В % к итогу
Городские жители, в том числе:	8422	74,8
республиканский, краевой, областной центр	4673	41,5
прочие города	3094	27,5
поселки городского типа	655	5,8
Сельские жители	2839	25,2
<i>Всего</i>	<i>11261</i>	<i>100</i>

на данных переписи, на начало 2004 г.⁶ в возрастной группе 18–79 лет доля городского населения России составляла 74,9%, а доля сельского — 25,1%. Распределение респондентов на проживающих в городах и поселках городского типа также хорошо репрезентирует генеральную совокупность. В соответствии с переписью населения России 2002 г. в городах проживало 66% от общей численности населения страны, в поселках городского типа — 7%. Выборочное распределение в рамках обследования 2004 г. выглядит следующим образом: 69,0% респондентов проживали в городах и 5,8% в поселках городского типа. Выборка не имеет существенных смещений по городам различного типа. Так, доля Москвы в выборке, как указывалось, составляет 6,7%, а доля Москвы в общей численности населения страны, по официальным данным, — 7,1%, доля Санкт-Петербурга соответственно 3,2% и 3,2%⁷.

Распределение респондентов по длительности непрерывного проживания в населенном пункте

Обследование позволило оценить распределение российского взрослого населения по длительности непрерывного проживания в населенном пункте — месте проведения опроса, а также в Российской Федерации в целом. Доля проживающих в России с момента рождения превышает 90% от общего числа респондентов (табл. 3), что точно соответствует данным переписи населения 2002 г., согласно которой родившиеся на территории Российской Федерации составляли 90,7% от общей численности населения страны⁸. В то же время доля тех, кто не

⁶ См.: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2004 г. Стат. бюл. Федеральная служба государственной статистики. — М., 2004.

⁷ Взвешивание с использованием весов Киша практически не меняет доли различных типов поселения в выборочной совокупности и улучшает представительство регионов: например, удельный вес Москвы в выборке увеличивается до 7,2%.

⁸ Рассчитано на основе: Продолжительность проживания населения в месте постоянного проживания. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. — М.: ИИЦ Статистика России, 2005. Т. 10. С. 324.

менял место жительства в пределах России, существенно меньше. Почти половина респондентов — 43% (48% мужчин и 40% женщин) хотя бы один раз в течение жизни переезжали в другой населенный пункт (город, поселок городского типа, сельский административный район)⁹. Эти выборочные оценки также хорошо согласуются с данными переписи населения 2002 г., которая показала, что в месте непрерывного проживания на момент переписи проживали не с рождения 44,3% населения всех возрастов и 46,9% лиц трудоспособного возраста¹⁰.

Таблица 3

**Доля респондентов, проживающих в России
и в данном населенном пункте с рождения и не с рождения, %**

Пол респондентов	Проживают в России (РСФСР)			Проживают в данном населенном пункте		
	всего	с рождения	не с рождения	всего	с рождения	не с рождения
Мужчины	100,0	90,2	9,8	100,0	52,0	48,0
Женщины	100,0	90,9	9,1	100,0	60,0	40,0
Оба пола	100,0	90,7	9,3	100,0	57,0	43,0

Среди тех, кто проживает в данном населенном пункте не с рождения, новоселы (т. е. приехавшие менее 2-х лет назад) составляют около 4% (3% для женщин и 5% для мужчин) (табл. 4). Этот показатель существенно ниже, чем по результатам переписи населения 1989 г. (т.е. до распада СССР) и микропереписи населения 1994 г. (после распада СССР), которые показывали соответственно 12 и 7,5% новоселов обоих полов всех возрастов, включая детей. Соответствующие официальные оценки данных показателей по результатам переписи населения 2002 г. не известны. В то же время специалисты отмечают, что после очевидного миграционного взрыва, наблюдавшегося в первой половине 1990-х гг., иммиграция в Россию, по крайней мере легальная, в последние годы идет на убыль. А об общем замедлении внутривосточной миграционной активности населения можно говорить как о доказанном долгосрочном тренде: с 1989 г. общее число мигрантов в пределах России сократилось более чем в 2 раза — с 4,7 до 2 млн человек в ежегодном исчислении.

Десятилетний ценз оседлости — широко распространенный среди специалистов по миграции критерий: многочисленными исследованиями установлено, что поведение (семейно-демографическое, трудо-

⁹ Эти оценки не учитывают смену жилища в пределах населенного пункта (сельского административного района) — последнего места постоянного проживания респондента.

¹⁰ Рассчитано на основе: Продолжительность проживания населения в месте постоянного проживания. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. — М.: ИИЦ Статистика России, 2005. Т. 10. С. 6.

вое и пр.) мигрантов с 10-летним стажем непрерывного проживания в месте вселения практически не отличается от поведения уроженцев этих мест. Согласно переписи населения 2002 г., в России доля лиц, проживающих непрерывно в месте постоянного проживания 10 лет и более, среди тех, кто не проживал там же с рождения, составляла 70,1% для всех возрастов, 66,8% для лиц трудоспособного возраста и 88,1% для лиц старше трудоспособного возраста. По данным РИДМИЖ, среди респондентов, когда-либо сменивших место жительства, доля проживающих более 20 лет в одном и том же месте составляет примерно 60% (табл. 4). Если к этой группе добавить опрошенных, проживающих непрерывно в данном пункте от 10 до 20 лет, то доля тех, кто решил все основные проблемы, связанные с переездом на новое место жительства (работа, жилье и т.п.), составит около 80%. Таким образом, можно считать, что данные обследования РИДМИЖ вполне согласуются с данными переписи населения и по этому показателю¹¹.

Таблица 4

Распределение респондентов, проживающих не с рождения в данном населенном пункте, по длительности непрерывного проживания, и доля среди них мигрантов, прибывших из-за пределов России (РСФСР), %

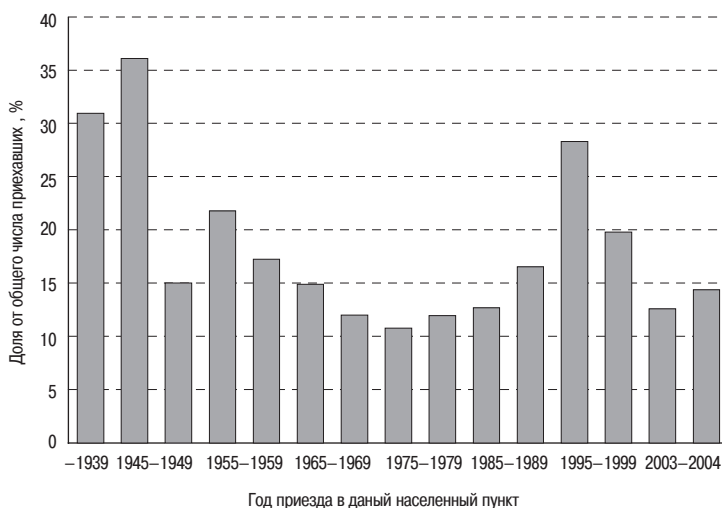
Длительность проживания	Все респонденты, проживающие не с рождения в данном населенном пункте			Доля мигрантов из-за пределов России (РСФСР)		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Менее 2-х лет	3,7	5,1	3,0	14,4	15,2	13,7
2–4 года	6,6	8,3	5,7	12,6	14,8	11,0
5–9 лет	9,0	9,3	8,9	19,8	20,2	19,6
10–14 лет	9,0	9,7	8,7	28,3	35,4	24,2
15–19 лет	9,9	9,9	9,9	16,6	21,2	14,1
20 и более	61,8	57,7	63,8	14,6	16,3	13,8
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>16,4</i>	<i>18,8</i>	<i>15,1</i>

Результаты РИДМИЖ позволяют оценить вклад международной миграции в общую численность лиц, сменивших постоянное место жительства в различные годы (табл. 4)¹². Среди новоселов и недавних

¹¹ Рассчитано на основе: Продолжительность проживания населения в месте постоянного проживания. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 10. — М.: ИИЦ Статистика России, 2005. С. 6.

¹² К сожалению, соответствующими распределениями, полученными по результатам переписи населения, 2002 г. мы не располагаем. Поэтому оценка репрезентативности РИДМИЖ по этим достаточно детальным показателям невозможна. Следует указать, что официально опубликованные данные переписи населения 2002 г. по разделу «Продолжительность проживания» недостаточно детализированы. Так, почему-то не нашли своего места чрезвычайно востребованные специалистами детальные таблицы рас-

Доля приехавших из-за пределов России (РСФСР) в общем числе приехавших респондентов в данный населенный пункт по календарным годам приезда

мигрантов, проживающих на одном и то же месте менее 5 лет, вклад мигрантов из-за пределов России составляет от 12% для женщин до 15% для мужчин. Эти показатели не выделяются на фоне долговременной исторической ретроспективы, также полученной на основе массива РидМиЖ (*рис. 1*). Пики миграционного давления Россия (РСФСР) испытывала во время Второй мировой войны (эвакуация, депортации) и в первой половине 1990-х гг. (репатриация, вынужденная и стрессовая миграция после распада СССР), когда мигранты из-за пределов России, в общей численности сменившие место жительства, достигали 30% и более (*рис. 1*). Среди сменивших место жительства в 1990–1994 гг. эта доля составила 35,4% для мужчин и 24,2% для женщин (*табл. 4*).

Недавние мигранты, проживающие в одном и том же населенном пункте менее 5 и 10 лет, неравномерно распределены по возрасту и полу (*табл. 5*). В молодых возрастах доля мигрантов в 2–3 раза выше, чем в средних и пожилых. Главное тому объяснение — миграция с целью получения образования и переезд после окончания учебы, затрагивающие по пре-

---

пределения населения по числу лет непрерывного проживания в данном населенном пункте. Эти данные по предыдущим отечественным и зарубежным переписям населения известны. Опубликованные данные переписи 2002 г. позволяют получить только число лиц, проживающих непрерывно с 1992–2002 гг., 1989–1991 гг., 1988 г. и ранее. Причем неизвестно, какую долю среди мигрантов с различным стажем проживания в данном населенном пункте занимают переселенцы из-за пределов Российской Федерации.

имуществу молодежь. После 40-летнего возраста мигранты достаточно равномерно представлены во всех возрастных группах: от 5 до 9% населения средних и пожилых возрастов проживают менее 10 лет на последнем месте жительства, в том числе от 2 до 5% — менее 5 лет.

Таблица 5

Доля респондентов, проживающих менее 5 и менее 10 лет
в данном населенном пункте (в каждой возрастной группе), %

Возраст	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	менее 5 лет	менее 10 лет	менее 5 лет	менее 10 лет	менее 5 лет	менее 10 лет
18–19	3,5	16,0	2,6	26,3	3,0	21,9
20–24	6,9	25,3	14,0	33,1	10,6	29,4
25–29	9,6	21,0	16,1	24,9	13,4	23,2
30–34	6,7	13,8	6,4	11,4	6,5	12,4
35–39	3,7	10,3	5,7	8,9	4,9	9,5
40–44	4,6	9,2	2,4	5,3	3,2	6,8
45–49	4,9	7,5	4,6	7,5	4,7	7,5
50–54	2,1	6,9	2,6	5,3	2,4	5,8
55–59	3,5	7,3	3,1	6,4	3,2	6,7
60–64	5,0	9,2	3,7	6,9	4,1	7,6
65–69	1,8	6,2	2,3	4,2	2,1	4,8
70–74	2,4	5,8	3,1	6,1	2,9	6,0
75–79	3,0	5,5	2,8	4,8	2,8	5,0
18–79	4,8	11,8	5,3	10,5	5,1	11,0

Половозрастная структура респондентов

Процентное возрастное распределение респондентов мужского и женского пола в возрасте 18–79 лет, проживающих в городской и сельской местности, представлено в табл. 6 и на рис. 2 и 3. Сравнение с соответствующим распределением генеральной совокупности (население России по среднегодовой оценке для 2004 г. (табл. 7)) приводит к следующим выводам:

- выборочная совокупность смещена в сторону большего представительства женщин: на вопросы ответили 4223 мужчин (37,5%) и 7038 женщин (62,5%) в возрасте 18–79. Использование весов Киша выравнивает распределение выборки по полу, увеличивая долю мужчин до 39,3% и уменьшая долю женщин до 60,7%. В генеральной совокупности соотношение мужчин и женщин в данном

возрастном диапазоне составляет соответственно 45,9 и 54,1%. Превышение доли женщин в выборке РидМиЖ объясняется меньшей доступностью мужчин для опросов (вследствие отсутствия дома по причине работы или нежелания отвечать на вопросы интервьюера). Подобная ситуация характерна для подавляющего большинства выборочных обследований;

- при этом выборочная совокупность достаточно хорошо репрезентирует возрастной состав взрослого населения страны, в особенности учитывая, что выборка была случайной, а не стратифицированной по полу и возрасту, вследствие чего отклонения половозрастного состава респондентов от половозрастного состава генеральной совокупности были неизбежными;
- можно признать, что по сравнению с генеральной совокупностью в выборке *недопредставлены* самые молодые возрастные группы (до 22 лет) в размере 0,5 процентных пункта для однолетних возрастных групп и *перепредставлены* пожилые люди старше 60 лет в размере 0,3–0,4 процентных пункта для однолетних возрастных групп. Мужская подвыборка чуть более точно повторяет возрастной профиль мужского населения страны, чем женская подвыборка, соответственно, женское население страны. Каких либо явных систематических отклонений в возрастном составе выборочной совокупности в разрезе «город–село» по сравнению с генеральной совокупностью не обнаружено.

Рисунок 2

Распределение мужчин в возрасте 18–79 лет по однолетним возрастным группам: РидМиЖ и средние годовые данные Росстата за 2004 г., %

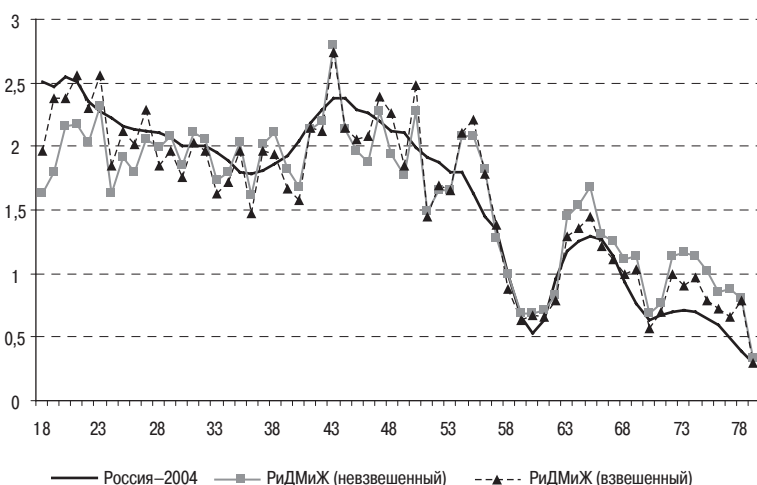

Таблица 6

Возрастная структура респондентов мужского и женского пола, проживающих в городской и сельской местности, %

Возраст	Мужчины		Женщины		Оба пола
	городские	сельские	городские	сельские	городские и сельские
18–19	3,6	2,9	3,2	1,8	3,1
20–24	11,2	7,8	7,5	5,3	8,2
25–29	10,4	8,0	8,6	6,0	8,6
30–34	9,7	8,6	7,5	9,7	8,6
35–39	9,7	9,4	7,3	10,0	8,6
40–44	10,8	11,6	9,8	11,9	10,6
45–49	9,2	11,7	10,3	10,9	10,2
50–54	9,0	9,6	10,6	10,3	10,0
55–59	6,7	7,6	7,1	6,4	7,0
60–64	4,9	5,8	6,6	6,5	6,1
65–69	6,3	7,1	9,5	9,3	8,3
70–74	4,6	5,8	6,0	6,3	5,6
75–79	3,8	4,0	5,9	5,4	5,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Число респондентов</i>	<i>3172</i>	<i>1051</i>	<i>5250</i>	<i>1788</i>	<i>11261</i>

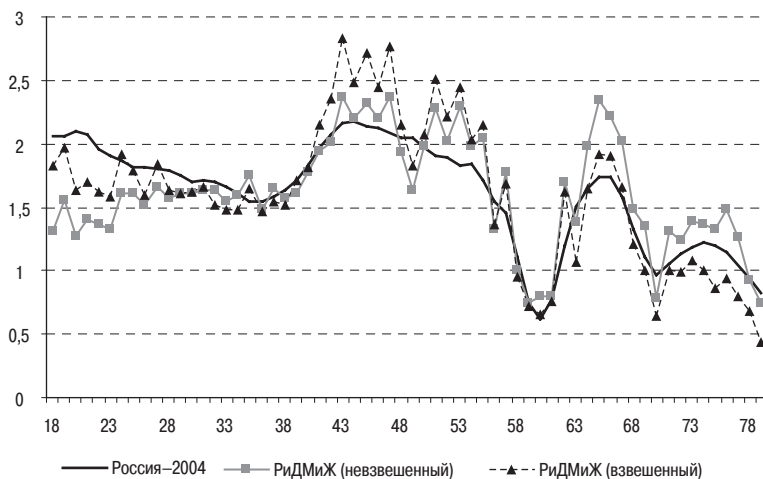
Таблица 7

Возрастная структура мужчин и женщин 18–79 лет в городской и сельской местности России (без Чеченской Республики) на середину 2004 г., %

Возраст	Мужчины		Женщины		Оба пола
	городские	сельские	городские	сельские	городские и сельские
18–19	5,1	4,8	4,2	3,7	4,5
20–24	12,5	10,2	10,3	8,6	10,8
25–29	10,9	9,5	9,2	8,1	9,7
30–34	10,1	9	8,6	7,9	9,1
35–39	9	9,5	8	8,3	8,6
40–44	11	12,1	10,2	10,3	10,7
45–49	10,7	11,7	10,5	10,2	10,7
50–54	9,4	9,3	9,7	8,7	9,4
55–59	6,3	5,5	6,8	5,7	6,3
60–64	4,5	4,9	5,6	6,2	5,2
65–69	5,1	6,3	7,1	8,7	6,5
70–74	3,1	4,4	5,1	7,1	4,6
75–79	2,3	2,8	4,7	6,5	3,9
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Источник: Рассчитано авторами на основе неопубликованных данных Росстата.

Распределение женщин в возрасте 18–79 лет
по одноступенчатым возрастным группам:
РиДМиЖ и средние годовые данные Росстата за 2004 г., %

Брачно-партнерский статус

Подавляющее большинство респондентов имеют постоянных партнеров. Доля мужчин, имеющих партнерш, во всех возрастах, кроме самой младшей категории (18–19 лет), составляет более 60%, а у 30–40-летних достигает 89%. У женщин ситуация несколько хуже: доля имеющих партнера достигает максимума к 30 годам (около 87%), а затем монотонно и достаточно быстро убывает, и в 70-летнем возрасте лишь каждая четвертая-пятая женщина имеет супруга (против 70% состоящих в супружестве мужчин того же возраста). Причина тому хорошо известна — большие различия в смертности мужчин и женщин приводят к тому, что женщины старше 50 лет испытывают усиливающийся с возрастом дефицит потенциальных партнеров.

Далеко не все постоянные партнеры проживают совместно с респондентом. В молодом возрасте (до 25 лет) почти половина мужчин и более трети женщин не разделяют с партнером одно домохозяйство. Даже в 30-летнем возрасте от 12 до 18% мужчин и женщин проживают отдельно со своими партнерами. По мере увеличения возраста отношения между партнерами носят все более традиционный характер: постоянный партнер — это совместно проживающий член домохозяйства.

Судя по результатам РиДМиЖ и других обследований, институт зарегистрированного брака в России, по-видимому, начинает терять

черты универсальной, единственной формы брака¹³. Еще два десятилетия тому назад совместно проживающие супруги в молодом возрасте за редким исключением состояли в зарегистрированном браке. Результаты данного обследования позволили подтвердить, что доля неформальных союзов среди молодежи быстро распространяется: почти 45% мужчин и более 30% женщин в возрасте 20–24 лет и около 20% мужчин и женщин 25–39 лет, имеющих совместно проживающего партнера, не оформили с ним отношения (табл. 8). Если в недавнем прошлом незарегистрированные браки чаще встречались в повторных союзах, то сегодня получают все большее развитие тенденция откладывания или даже отказа от регистрации первого брака, по крайней мере в молодом возрасте. Для пожилых людей партнерство — это по-прежнему на 90% традиционный зарегистрированный брак.

Таблица 8

Доля респондентов, зарегистрировавших и не зарегистрировавших свой брак с партнером, проживающим с ним в одном домохозяйстве, %

Возраст	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован	Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован	Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован
18–19	39,3	60,7	44,4	55,6	38,5	61,5
20–24	65,5	34,5	57,9	42,1	69,9	30,1
25–29	79,1	20,9	76,1	23,9	81,0	19,0
30–34	80,5	19,5	81,1	18,9	80,1	19,9
35–39	83,3	16,7	83,4	16,6	83,3	16,7
40–44	86,9	13,1	85,4	14,6	87,9	12,1
45–49	87,9	12,1	90,1	9,9	86,3	13,7
50–54	90,4	9,6	90,6	9,4	90,3	9,7
55–59	89,6	10,4	90,3	9,7	89,0	11,0
60–64	92,0	8,0	91,0	9,0	92,9	7,1
65–69	91,2	8,8	89,0	11,0	93,2	6,8
70–74	92,6	7,4	93,3	6,7	91,7	8,3
75–79	90,6	9,4	89,7	10,3	92,5	7,5
<i>Все возраста</i>	<i>85,0</i>	<i>15,0</i>	<i>85,1</i>	<i>14,9</i>	<i>85,0</i>	<i>15,0</i>

Программа выборочного обследования позволяет прояснить текущее брачное состояние респондента, не имеющего партнера на момент опроса. Для одних отсутствие партнера — результат развода или вдовства,

¹³ Подробно этот вопрос рассматривается в статье С. В. Захарова «Трансформация брачно-партнерских отношений в России...», представленной в данном сборнике.

другие, особенно в молодом возрасте, еще не имели опыта устойчивых связей с кем-либо вообще.

В 18–19 лет доля никогда не вступавших в партнерские отношения с кем-либо у мужчин составляет 67,7%, у женщин — 50,2% (табл. 9, 10). В возрасте 20–24 года этот показатель снижается в 2 раза и у мужчин, и у женщин. Далее число мужчин, никогда не имевших партнера, продолжает уменьшаться вплоть до 60-летнего возраста, и показатель достигает менее 1%. У женщин минимальный показатель на уровне 3% достигается к 40 годам. В пожилых возрастах респонденты-женщины, видимо, менее склонны декларировать наличие в прошлом не оформленных соответствующим образом партнерских отношений, поэтому у 11–12% 70-летних женщин, по их мнению, никогда не было партнера, что, возможно, несколько завышено по сравнению с ответами мужчин. Вместе с тем, поскольку речь идет о совместном проживании партнеров в одном домохозяйстве, что не приветствовалось без регистрации брака в дни молодости женщин данного возраста, вполне вероятно, что эта цифра может соответствовать действительности.

Распад партнерского союза по обоюдному согласию (в формальной форме развода или в неформальной форме — разошлись) сегодня конкурирует с другой причиной распада брачных и партнерских союзов — вдовством. Развод в широком понимании приводит к тому, что в средних возрастах от 4 до 6% мужчин одиноки по этой причине. В действительности распады союзов охватывают гораздо большее число людей, однако мужчины, более чем в половине случаев после развода вступают в повторные союзы. Для женщин последствия разводов гораздо тяжелее — они реже находят нового партнера, что и подтверждается нашими данными: в 50-летнем и более старшем возрасте доля разведенных и не имеющих партнера женщин доходит до 16% от всей численности женщин (табл. 9, 10).

Раннее вдовство в России — национальная трагедия. По сравнению с другими государствами смертность в стране очень высока и у женщин, и у мужчин. В 60-летнем возрасте до 10%, а в 70-летнем возрасте — свыше 20% мужчин, овдовев, не находят других спутниц жизни (табл. 9). Однако еще более чудовищно выглядят данные для женщин. Разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин, достигающая в России 13 лет в пользу женщин, приводит к тому, что уже в возрасте 55–59 почти каждая пятая женщина — вдова, в 60-летнем возрасте вдовствует каждая третья женщина, а в 70-летнем возрасте вдовами без постоянных партнеров оказываются 50–60% женщин (табл. 10)! Заметим, правда, что небольшая часть самых пожилых женщин успела выйти замуж до Второй мировой войны, потерять мужа на войне и потом всю оставшуюся жизнь хранить верность погибшему. Однако уже

75-летних женщин это не касается — их потенциальные женихи были слишком молоды, чтобы стать фронтовиками.

Таблица 9

**Брачно-партнерский статус респондентов-мужчин по возрасту,
на 1000 человек данного возраста**

Возраст	Имеют партнера	Разведенные, разошедшиеся	Вдовы	Никогда не имели партнера	Всего
18–19	323	0	0	677	1000
20–24	613	25	0	362	1000
25–29	758	62	0	181	1000
30–34	888	65	0	47	1000
35–39	909	40	1	50	1000
40–44	916	53	6	25	1000
45–49	936	40	7	17	1000
50–54	911	58	17	14	1000
55–59	934	33	26	7	1000
60–64	879	34	82	5	1000
65–69	867	24	98	11	1000
70–74	820	27	137	16	1000
75–79	752	21	214	14	1000
<i>Все возраста</i>	<i>825</i>	<i>41</i>	<i>27</i>	<i>107</i>	<i>1000</i>

Таблица 10

**Брачно-партнерский статус респондентов-женщин по возрасту,
на 1000 человек данного возраста**

Возраст	Имеют партнера	Разведенные, разошедшиеся	Вдовы	Никогда не имели партнера	Всего
18–19	483	15	0	502	1000
20–24	711	57	0	232	1000
25–29	884	68	3	45	1000
30–34	863	81	11	45	1000
35–39	833	98	34	35	1000
40–44	821	119	31	29	1000
45–49	797	113	59	31	1000
50–54	724	157	79	40	1000
55–59	641	145	163	51	1000
60–64	519	148	252	81	1000
65–69	464	160	319	57	1000
70–74	339	118	425	118	1000
75–79	209	95	585	111	1000
<i>Все возраста</i>	<i>692</i>	<i>110</i>	<i>115</i>	<i>83</i>	<i>1000</i>

Приведенные выше распределения мужчин и женщин по брачному/ партнерскому статусу (табл. 9, 10) интересно сравнить с данными всеобщей переписи населения 2002 г.

В программе переписи содержался вопрос о состоянии в браке (не важно, зарегистрирован он или нет), а в нашем обследовании — речь идет о партнерстве, что, очевидно, является еще менее строгим понятием, чем расширенное до неформальных отношений понятие брака в переписи. В силу этого результаты переписи и обследования РИДМИЖ не вполне сопоставимы. В то же время результаты выборочного обследования позволяют глубже взглянуть на фундаментальную проблему многообразия современных форм отношений между мужчинами и женщинами. Сравнение переписных данных с данными РИДМИЖ приводит к следующим выводам:

- люди, отвечающие на переписные вопросы, под фактическими брачными отношениями в большинстве случаев понимают совместное проживание партнеров (рис. 4, 5). Причем «переписная» возрастная кривая состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке вполне логично легла между двумя кривыми, характеризующими брачно-партнерское состояние по данным РИДМИЖ: частота состояния в фактическом браке по данным переписи ниже, чем частота совместного проживания с партнерами, по данным РИДМИЖ, но выше частоты состояния в зарегистрированном браке со своими совместно проживающими партнерами, также по данным РИДМИЖ. Важно отметить, что относительные показатели состояния в зарегистрированном браке (независимо от того, проживают ли партнеры в одном домохозяйстве) по данным РИДМИЖ практически не расходятся с данными переписи населения 2002 г., характеризующими частоту пребывания в зарегистрированном браке. Для мужчин, видимо, более важно, чем для женщин, наличие формального брачного статуса для определения себя «состоящим в браке» при ответе на вопрос переписного листа. Женщины, особенно старше 30 лет, отождествляют брак скорее с фактом совместного проживания с партнером, нежели с формальным статусом;
- понятие вдовства одинаково трактуется и при ответе на переписные вопросы, и на вопросы РИДМИЖ (рис. 6, 7). Правда, РИДМИЖ дает несколько заниженную распространенность вдовства, особенно среди женщин. В качестве причин такого расхождения можно указать на то, что РИДМИЖ не охватывал, в отличие от переписи, такую социально-демографическую категорию населения, как проживающие в коллективных домохозяйствах, в частности в домах престарелых, инвалидов, в больницах с постоянным проживанием и т.д., в которых процент вдовых,

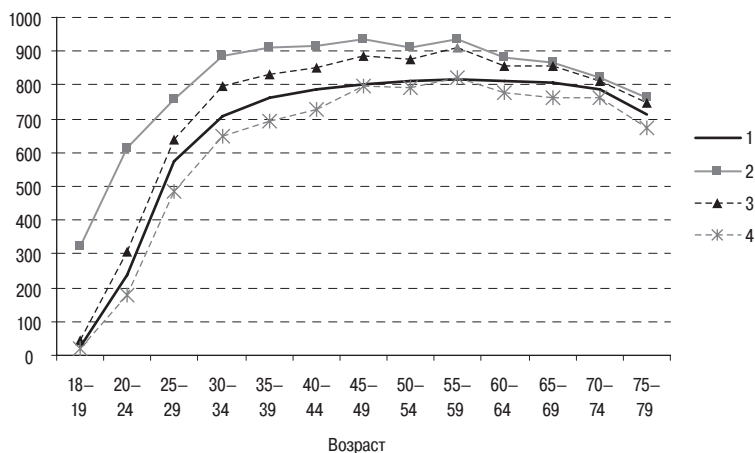

безусловно, выше. Однако более важно предположение о том, что часть пожилых людей, проживая совместно с партнером, тем не менее декларируют свое «формальное» состояние по исходу предыдущего брака;

- категория разведенных и разошедшихся в переписи населения — наиболее сложная. Опираясь на данные нашего обследования, можно высказать гипотезу, что данные переписи по этой категории преувеличивают проблему одиночества, вероятнее всего, поскольку имеют отношение к людям, которые формально пребывают в состоянии разведенных. Так, в действительности значительная часть 30—49-летних разведенных мужчин, пребывает с кем-то в устойчивых партнерских отношениях, проживая или не проживая совместно с ним (рис. 4, 8);
- для большей части пожилого населения характерно тяготение к традиционным, простым категориям и определениям: «фактический брак» и «устойчивые отношения — партнерство» однозначно понимаются как зарегистрированный брак с совместно проживающим человеком, а отсюда и прекращение его возможно лишь по причине оформленного развода или овдовения.

Рисунок 4

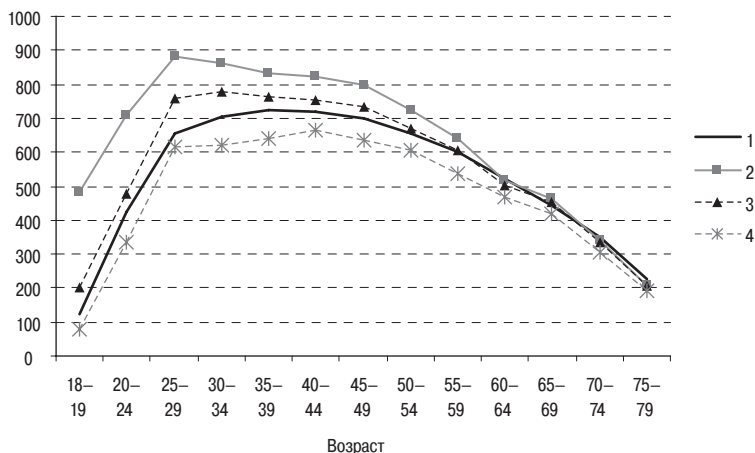
Мужчины, состоящие в браке (Россия, перепись 2002 г.), и мужчины, имеющие партнершу (РидМиЖ), на 1000 человек данного возраста

- 1 — мужчины, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке (перепись 2002 г.);
 2 — мужчины, имеющие партнершу (РидМиЖ);
 3 — мужчины, проживающие с партнершей в одном домохозяйстве (РидМиЖ);
 4 — мужчины, проживающие с партнершей в одном домохозяйстве и зарегистрировавшие с ней брак (РидМиЖ).

Рисунок 5

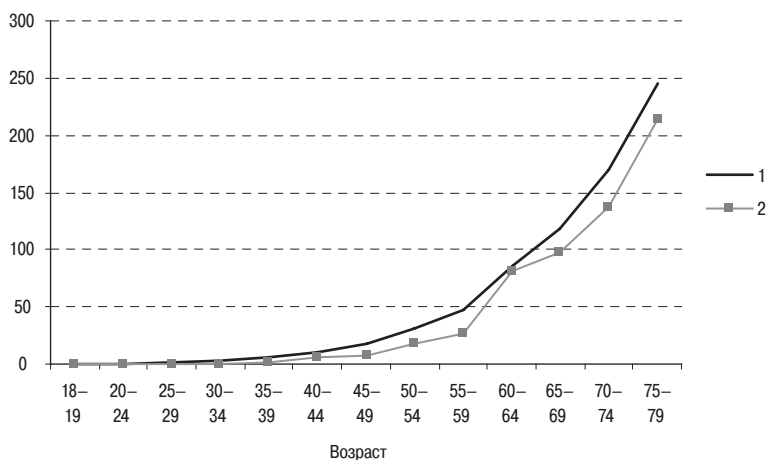
Женщины, состоящие в браке (Россия, перепись 2002 г.) и женщины, имеющие партнера (РидМиЖ), на 1000 человек данного возраста

- 1— женщины, состоящие в зарегистрированном и незарегистрированном браке (перепись 2002 г.);
- 2— женщины, имеющие партнера (РидМиЖ);
- 3— женщины, проживающие с партнером в одном домохозяйстве (РидМиЖ);
- 4— женщины, проживающие с партнером в одном домохозяйстве и зарегистрировавшие с ним брак (РидМиЖ).

Рисунок 6

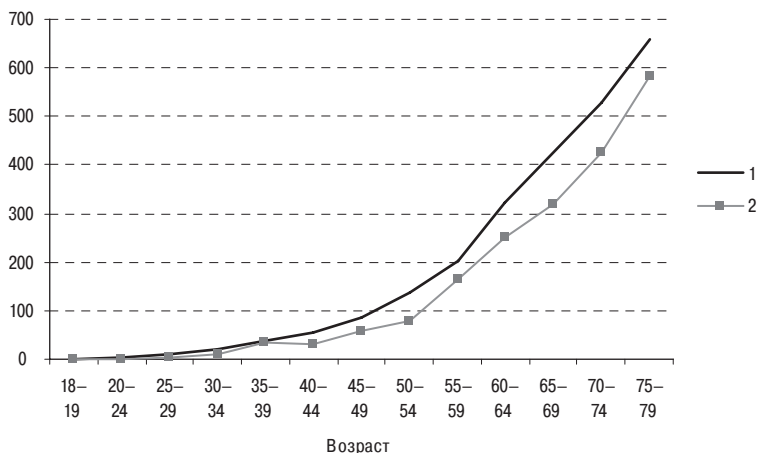
Вдовствующие мужчины, по данным переписи 2002 г., и вдовствующие мужчины, по данным выборочного обследования РидМиЖ, на 1000 человек данного возраста

- 1— перепись 2002 г.; 2— РидМиЖ.

Рисунок 7

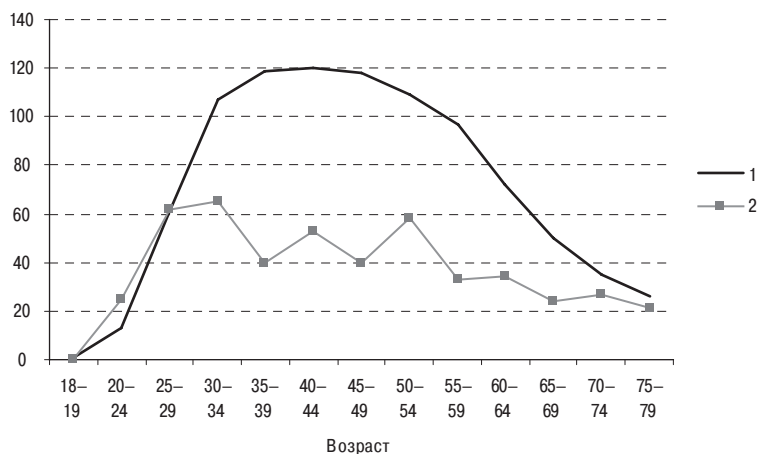
Вдовствующие женщины, по данным переписи 2002 г., и вдовствующие женщины, по данным выборочного обследования РидМиЖ, на 1000 человек данного возраста

1— перепись 2002 г.; 2— РидМиЖ.

Рисунок 8

Разведенные и разошедшиеся мужчины, по данным переписи 2002 г., и мужчины, расставшиеся с партнершей, по данным выборочного обследования РидМиЖ, на 1000 человек данного возраста

1— перепись 2002 г.; 2— РидМиЖ.

Из сказанного следует принципиально важный общий вывод. Данные, полученные в ходе обследования по программе РидМиЖ, не толь-

ко хорошо репрезентируют генеральную совокупность — население России, в частности его состав по брачному состоянию, но и помогают глубже понять внутреннюю логику и скрытую от наблюдателя структуру статистических категорий переписываемого населения.

Размер домохозяйства и число рожденных детей

Выборочное распределение домохозяйств по числу совместно проживающих членов не имеет никаких существенных отклонений от генеральной совокупности, оцененной по данным последней переписи населения 2002 г. (табл. 11). Средний размер домохозяйства в выборочной совокупности — 2,7 человека — практически идентичен переписной оценке для частных домохозяйств — 2,8 человека. Более низкая доля домохозяйств, состоящих из одного человека в выборочной совокупности (17%) против генеральной совокупности (22%), видимо, объясняется меньшим охватом студентов и молодых несемейных мигрантов (в первую очередь мужчин). К этому же объяснению подталкивают выявленные нами ранее особенности возрастного распределения опрошенных. Кроме того, критерий, использованный в переписи населения 2002 г. для определения постоянного населения — проживание не менее 1 года, не применялся в данном выборочном обследовании. В то же время известно, что тот или иной критерий оседлости оказывает влияние прежде всего на число домохозяйств одиноких людей.

Таблица 11

**Распределение домохозяйств по числу членов (в %)
и средний размер домохозяйства: выборочная совокупность РиДМиЖ
и частные домохозяйства по переписи населения России 2002 г.**

Число членов в домохозяйстве	Выборочная совокупность РиДМиЖ	Перепись населения 2002 г.
1	17,1	22,3
2	27,8	27,6
3	26,3	23,8
4	18,6	17,0
5	6,7	5,8
6 и более	3,5	3,6
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>
<i>Средний размер домохозяйства</i>	<i>2,8</i>	<i>2,7</i>

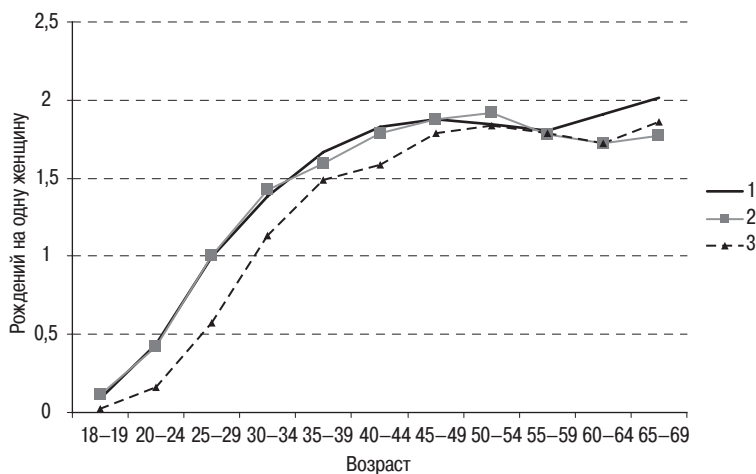
Среднее число рожденных детей к определенному возрасту — важный признак, который может служить одним из эффективных критериев несмещенности выборки относительно генеральной совокупности. Текущая регистрация рождений в России налажена хорошо, и сравнение выборочных распределений женщин по числу рожденных детей

с распределением, зафиксированным для тех же поколений по данным официальной регистрации к моменту проведения опроса, позволяет выявить наиболее грубые нарушения случайности отбора респондентов, смещенности выборки по социальным признакам и т. п.

На рис. 9 приведены данные настоящего обследования о числе рожденных детей в расчете на одну респондентку-женщину и на одного респондента-мужчину в определенных возрастах, а также среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину тех же возрастных групп, полученное на основании выборочного 25-процентного опроса женщин в рамках переписи населения 2002 г. Сходство данных РидМиЖ с данными переписи оказалось велико. Можно рассчитывать, что изучение взаимосвязей между социально-экономическими переменными и числом детей не будет страдать из-за возможной и нередко случающейся при выборочных опросах недооценке числа рожденных детей. К такому же выводу мы приходим, сравнивая распределения по возрасту и числу рожденных детей, полученные по обследованию РидМиЖ, с соответствующими данными переписи населения 2002 г. (табл. 12, 13). Правда, такое сопоставление возможно только для женщин, поскольку в российской статистической практике, по давней традиции, вопросы, касающиеся числа рожденных детей, адресуются только женщинам.

Рисунок 9

Среднее число рождений в расчете на одного респондента в указанных возрастных интервалах: выборка РидМиЖ и Россия (по данным переписи населения 2002 г.)

- 1— среднее число рождений на одну женщину (перепись населения 2002 г.);
 2— среднее число рождений на одну женщину (РидМиЖ);
 3— среднее число рождений на одного мужчину (РидМиЖ).

Таблица 12

Распределение респондентов-женщин и мужчин в указанных возрастных интервалах по числу рожденных детей (%) и среднее число рождений в расчете на одного респондента в данном возрастном интервале

Возраст	0 рождений	1 рождение	2 рождения	3 и более рождений	Среднее число рождений на одного респондента
<i>Женщины</i>					
18–19	89	11	0	0	0,1
20–24	61	36	3	0	0,4
25–29	23	57	17	3	1,0
30–34	9	48	36	7	1,4
35–39	8	37	43	12	1,6
40–44	5	29	52	14	1,8
45–49	5	27	50	18	1,9
50–54	4	28	48	20	1,9
55–59	6	31	50	13	1,8
60–64	9	30	46	15	1,7
65–69	7	34	43	16	1,8
70–79	10	29	41	20	1,8
<i>Все возраста</i>	<i>16</i>	<i>33</i>	<i>38</i>	<i>13</i>	<i>1,5</i>
<i>Мужчины</i>					
18–19	98	2	0	0	0,0
20–24	85	13	2	0	0,2
25–29	51	41	7	1	0,6
30–34	21	49	25	5	1,1
35–39	14	36	40	11	1,5
40–44	10	34	44	12	1,6
45–49	8	25	51	16	1,8
50–54	5	29	50	16	1,8
55–59	7	24	59	10	1,8
60–64	8	34	41	17	1,7
65–69	7	24	50	19	1,9
70–79	8	25	44	23	2,0
<i>Все возраста</i>	<i>27</i>	<i>29</i>	<i>34</i>	<i>10</i>	<i>1,3</i>

Сопоставление данных РидМиЖ с данными выборочного опроса в ходе переписи населения показывает их хорошее согласование для женщин в возрастах до 60 лет. В то же время для пожилых женщин оценка числа рожденных детей, по данным РидМиЖ, занижена, особенно для 70-летних. Причем доля никогда не рожавших женщин и доля родивших только одного ребенка, согласно РидМиЖ, незна-

чительно расходятся с данными переписи населения и для этой возрастной группы. Вероятнее всего, именно много рожавшие пожилые женщины оказались несколько недопредставленными в обследовании РидМиЖ. Так, по переписи населения трех и более детей родили 31% женщин в возрасте 70 лет и старше, а соответствующая оценка РидМиЖ для женщин в возрасте 70–79 лет — 23%. В результате и среднее число рожденных детей для данной возрастной группы, по данным РидМиЖ, существенно ниже переписного (1,8 против 2,2 в расчете на одну женщину).

Таблица 13

Распределение женщин в указанных возрастных интервалах по числу рожденных детей (в %) и среднее число рождений в расчете на одну женщину в данном возрастном интервале (перепись населения 2002 г.)

Возраст	0 рождений	1 рождение	2 рождения	3 и более рождений	Среднее число рождений на одну женщину
18–19	92	8	0	0	0,1
20–24	63	32	5	0	0,4
25–29	27	52	18	3	1,0
30–34	12	48	33	7	1,4
35–39	7	36	44	12	1,7
40–44	6	29	49	16	1,8
45–49	6	28	49	17	1,9
50–54	6	30	47	17	1,8
55–59	7	32	45	16	1,8
60–64	7	30	44	19	1,9
65–69	7	28	42	23	2,0
70 и старше	9	26	34	31	2,2
<i>Все возраста</i>	<i>21</i>	<i>31</i>	<i>34</i>	<i>14</i>	<i>1,5</i>

Распределение респондентов по уровню образования

Полученное выборочное распределение респондентов по уровню образования дает основание утверждать, что в поколениях, которым сегодня меньше 50 лет, не более 15% составляют лица, не имеющие профессионального образования (табл. 14), т.е. те, для которых обучение закончилось на уровне общего школьного образования (полного среднего, неполного среднего и начального).

Для пожилых и старых людей характерен существенно более низкий образовательный статус — 30% завершили обучение на уровне менее 7 классов общеобразовательной школы. Всего же среднее общее в качестве верхней планки уровня образования характерно для 30–50% всех

респондентов старше 60 лет (*табл. 14*). В то же время нельзя не заметить, что в пенсионный возраст начинают входить гораздо более образованные поколения. Эта тенденция не может не отразиться на ситуации на рынке труда. Учитывая, что люди с высоким профессиональным образованием имеют склонность дольше сохранять экономическую активность, можно ожидать, что занятость лиц пенсионного возраста будет повышаться.

Получение образования в России сегодня завершается к 30 годам. Если в самых молодых возрастах учится едва ли не каждый второй человек, то в возрасте 25–29 лет доля продолжающих образование снижается до 10% и далее продолжает падать в 2 раза с каждой десятилетней прибавкой в возрасте вплоть до пенсионных возрастов, в которых доля учащихся стабилизируется на уровне около 1%. В то же время данные выборочного обследования подтверждают, что последнее десятилетие дало очередной скачок в повышении образовательного потенциала российского населения. Так, доля лиц с высшим образованием в возрасте 25–29 лет выше, чем у 30-летних на 3 процентных пункта. Доля лиц, получающих полное среднее образование, в последнее время также повышается.

Вставка

Сравнение результатов выборочного обследования с данными последней переписи населения 2002 г. осложняется различием подходов к определению образовательного статуса в переписях населения и в данном выборочном обследовании. Для последней переписи, также как и для предыдущих, характерно некоторое занижение уровня образования населения по причине того, что при разработке исходных данных для лиц, продолжающих обучение, уровень образования фиксировался на уровне последнего полученного диплома (свидетельства об окончании некоторого учебного заведения). Исключение делалось только для так называемой группы «незаконченного высшего образования», или, как ее определили в последней переписи, «неполного высшего профессионального образования», которая определяется по числу лет обучения (половины и более срока обучения).

В переписи 2002 г. определение данной группы выглядит следующим образом: неполное высшее (незаконченное высшее) профессиональное образование присваивалось тем, кто завершил обучение по основной образовательной программе высшего профессионального образования в объеме не менее 2 лет срока обучения и получившим диплом о неполном высшем образовании, а также тем, кто учился и закончил обучение по основной образовательной программе высшего профессионального образования в объеме половины и более срока обучения. Тем, кто не имел диплома о неполном высшем образовании и проработал менее половины срока обучения, отмечался уровень образования, полученный до поступления в вуз.

Для учащихся техникумов, колледжей, медицинских и педагогических училищ (с 3- или даже 4-летним сроком обучения) уровень образования всегда указывался как «средний общий» вне зависимости от числа фактически завершенных лет обучения.

Программа нашего выборочного обследования изначально была ориентирована на то, чтобы оценить вероятность продолжения образования и учесть многообразие форм обучения. Этим вызвано появление в *табл. 14* группы «закончивших профессиональные курсы» и отдельной категории «учащихся в настоящее время (с отрывом или без отрыва от производства)», а также отсутствие такой категории, как лица с «незаконченным высшим» образованием. По этой же причине в РИДМиЖ категория лиц со «средним образованием» не включает учащихся ПТУ, техникумов, студентов младших курсов вузов. Представленная категоризация «школьных» уровней образования определя-

Таблица 14

Структура респондентов по образовательному статусу, на 1000 лиц в указанном возрасте

Возраст	Послеу- зовское	Высшее профессио- нальное	Среднее профессио- нальное	Начальное профессио- нальное	Профессио- нальные курсы	Среднее об- щее (полное и неполное)	Начальное и ниже (менее 7 классов обучения)	Учащиеся (продолжа- ют образо- вание)	Всего
18–19	0	0	138	232	47	138	7	438	1000
20–24	0	143	206	239	43	131	9	228	1000
25–29	5	238	231	257	48	115	1	105	1000
30–34	3	208	308	251	52	125	1	52	1000
35–39	3	204	259	301	72	109	1	52	1000
40–44	4	223	298	242	75	125	1	32	1000
45–49	3	186	302	272	86	123	3	24	1000
50–54	4	202	323	210	90	154	4	12	1000
55–59	8	234	285	153	98	203	5	14	1000
60–64	10	213	220	144	100	247	57	9	1000
65–69	14	185	238	102	127	221	98	15	1000
70–74	10	133	138	114	138	153	307	8	1000
75–79	3	90	176	99	109	204	304	14	1000
<i>Все возраста</i>	<i>5</i>	<i>189</i>	<i>255</i>	<i>211</i>	<i>82</i>	<i>153</i>	<i>46</i>	<i>59</i>	<i>1000</i>

лась только для тех респондентов, кто далее не продолжал обучение (не учился нигде, кроме школы). Поэтому выборочная доля лиц с общим средним уровнем образования в молодом возрасте по сравнению с переписью 2002 г. ниже более чем в 2 раза. В то же время выборочная доля имеющих начальное профессиональное образование, напротив, существенно выше переписной.

Текущее занятие и занятость респондентов

Обследование РИДМИЖ содержит возможность оценить положение респондентов и их партнеров на рынке труда. Но поскольку оно не является профильным исследованием по проблемам занятости, на основе его данных нельзя рассчитать уровни занятости и безработицы в полном соответствии с международными определениями. И занятость, и безработица определяются самим респондентом при выборе основного занятия на момент опроса.

К моменту проведения опроса работали 58,6% всех респондентов¹⁴, а среди тех, кто в настоящий момент не занят (41,4%), около 5% составляют не имеющие опыта работы вообще (табл. 15).

Таблица 15

Распределение респондентов по наличию занятия, %

Наличие занятия	%
Имеют занятие	58,6
Не имеют занятия	41,4
Из них:	
не работают и никогда не работали	4,8
раньше работали, а сейчас нет	36,6

Подробное распределение всех респондентов по типу текущего занятия, выбранного на основе самоопределения, представлено в табл. 16, а для респондентов-женщин — в табл. 17.

Доля работающих за оплату достигает максимума к 40 годам (83% всех респондентов в возрасте 40–44 года). Для 18–19-летних, как уже указывалось, главное занятие — учеба очной формы (62% в данной возрастной группе)¹⁵.

В самых молодых возрастных группах весома доля тех, кто относит себя к категории безработных, — каждый десятый. В остальных возрастах официальной трудоспособности доля безработных колеблется

¹⁴ В табл. 15 в категорию имеющих занятие по устоявшейся традиции включаются женщины, находящиеся в отпусках по уходу за ребенком, неоплачиваемые семейные работники, работающие пенсионеры, работающие студенты.

¹⁵ Заметим, что поскольку солдаты срочной службы опросом не были охвачены, то эта форма занятия в табл. 16 не представлена. Двое респондентов, проходящие срочную службу и случайно оказавшиеся в выборке, отнесены к прочим.

Таблица 16

Распределение респондентов обоого пола по текущему занятию в каждой возрастной группе, %

Возраст	Работающие за оплату, имеющие доход от деятельности	Работающие пенсионеры	В отпуске по беременности, родам и уходу за ребенком	Студенты, учащиеся очной формы	Безработные	Домашние хозяйки, занятые в личном подсобном хозяйстве ¹	Неработающие пенсионеры	Прочие ²	Всего
18–19	21,1	—	2,0	61,6	9,8	3,2	0,3	2,0	100
20–24	51,0	—	7,6	22,0	10,8	7,6	0,1	0,9	100
25–29	71,2	0,3	8,8	1,4	8,7	8,2	0,5	0,7	100
30–34	77,6	0,3	5,8	0,4	7,2	8,0	0,5	0,2	100
35–39	77,8	0,6	1,8	0,1	9,8	7,0	2,0	0,9	100
40–44	80,9	1,8	0,6	0,1	6,6	6,6	2,7	0,8	100
45–49	77,0	3,4	0,1	—	8,4	5,2	5,4	0,5	100
50–54	59,8	12,0	—	—	6,8	6,2	14,0	1,2	100
55–59	19,3	36,1	—	—	4,1	0,4	39,8	0,4	100
60–64	0,3	24,0	—	—	—	—	75,5	0,1	100
65–69	—	16,4	—	—	—	—	83,6	—	100
70–74	—	4,9	—	—	—	—	95,1	—	100
75–79	—	1,2	—	—	—	—	98,8	—	100
Все возраста	48,1	7,5	2,2	3,9	5,9	4,6	27,2	0,6	100

Примечания. ¹ Включая занятых на семейном предприятии, ферме без оплаты (0,2% респондентов по всей выборке и с максимумом в 0,6% в возрастной группе 30–34 года). ² Включая длительно болеющих и нетрудоспособных инвалидов (0,3% по всей выборке с максимумом в 1,1% в возрасте 50–54 года).

Таблица 17

Распределение респондентов-женщин по текущему занятию в каждой возрастной группе, в %

Возраст	Работающие за оплату, имеющие доход от деятельности	Работающие пенсионеры	В отпуске по беременности, родам и уходу за ребенком	Студенты, учащиеся очной формы	Безработные	Домашние хозяйки, занятые в личном подсобном хозяйстве ¹	Неработающие пенсионеры	Прочие ²	Всего
18–19	17,9	—	3,5	61,2	10,0	5,5	—	2,0	100
20–24	42,4	—	14,3	20,4	9,0	12,7	—	1,2	100
25–29	60,0	0,2	15,4	1,3	8,4	13,6	0,5	0,5	100
30–34	70,7	0,2	9,8	0,7	6,2	12,1	0,2	0,2	100
35–39	75,7	0,2	3,0	0,2	8,5	10,1	1,8	0,5	100
40–44	81,7	1,1	1,0	0,1	5,4	8,0	2,3	0,4	100
45–49	78,0	3,3	0,1	—	6,9	6,5	4,5	0,7	100
50–54	59,0	13,6	—	—	5,7	7,3	13,6	0,8	100
55–59	3,3	45,1	—	—	0,2	0,0	51,2	0,2	100
60–64	—	20,9	—	—	—	0,0	79,1	0,0	100
65–69	—	14,0	—	—	—	0,0	86,0	0,0	100
70–74	—	3,3	—	—	—	0,0	96,7	0,0	100
75–79	—	0,7	—	—	—	0,0	99,3	0,0	100
<i>Все возраста</i>	<i>43,0</i>	<i>8,0</i>	<i>3,5</i>	<i>3,4</i>	<i>4,6</i>	<i>6,2</i>	<i>30,9</i>	<i>0,5</i>	<i>100</i>

Примечания: ¹ Включая занятых на семейном предприятии, ферме без оплаты (0,07% респондентов по всей выборке и с максимумом в 0,20% в возрастной группе 20–24 года). ² Включая длительно болеющих и нетрудоспособных инвалидов (0,3% по всей выборке с максимумом в 0,8% в возрасте 50–54 года).

примерно на одном уровне — от 7 до 9% как у мужчин, так и у женщин. Отметим, что наша оценка уровня безработицы не расходится с официальной, по данным выборочных опросов занятости. Наши данные еще раз подтверждают, что у российской безработицы нет ярко выраженной гендерной асимметрии.

Для 20-летних респондентов характерно также формирование семей и рождение детей. Поэтому неудивительно, что от 8 до 10% всех респондентов в этой возрастной группе составляют лица, находящиеся в отпуске по беременности, родам и уходу за ребенком.

В России уход за ребенком по-прежнему остается, за редчайшим исключением, прерогативой женского пола. Сохранение за женщиной традиционной функции по ведению домашнего хозяйства и уходу за малолетними детьми приводит к смещению женской структуры занятости, по сравнению с мужской, в пользу семейных форм занятости. В отпусках по беременности, родам и уходу за ребенком находится 14–15% женщин 20–30 лет и 10% женщин в возрасте 30–34 года. Еще 10–14% женщин в этих возрастах занимаются только ведением домашнего хозяйства без указания, что это отпуск (по-видимому, все по той же главной причине — необходим уход за детьми). Если к этому добавить, что 20-летние женщины не меньше мужчин учатся, то в целом вне рынка труда по причине учебы и воспитания детей находятся более 47% женщин в возрасте 20–24 года, более 30% женщин 25–29 лет, 23% женщин в возрасте 30–34 года и более 13% 35–39-летних женщин.

Мужчины, напротив, начинают активно покидать рынок труда после 40 лет по причине ухудшающегося здоровья или в результате досрочного выхода на пенсию. Поэтому в возрасте 40–44 лет масштабы женской и мужской занятости примерно равны (82,8 и 82,7%), а в возрасте 45–54 лет женщины чаще имеют работу, чем мужчины. Среди 45–49-летних занятыми оказались 81,3% женщин и 78,8% мужчин, а среди 50–54-летних — 72,6% женщин и 70,1% мужчин.

По мере приближения к возрасту, дающему право на оформление пенсии, резко увеличивается доля работающих пенсионеров¹⁶. В возрасте 50–54 года доля пенсионеров, сохраняющих занятость, составляет около 12% (в подавляющем большинстве это женщины). В следующей возрастной группе доля работающих пенсионеров достигает максимума в 36% (к женщинам добавляются мужчины, имеющие право на льготный возраст выхода на пенсию). Примерно каждый четвертый 60–64-летний респондент оказывается работающим пенсионером. Женщины-пенсионеры в целом более склонны подрабатывать, чем мужчины. Так, у женщин максимальный удель-

¹⁶ Напомним еще раз, что речь идет о самоидентификации респондента.

ный вес работающих пенсионеров достигает 45% в первом пятилетии официального пенсионного возраста и затем быстро падает. Тем не менее каждая пятая 60–64-летняя пенсионерка продолжает работать. У мужчин процент работающих пенсионеров в первом пенсионном пятилетии, т.е. в возрасте 60–64, лет составляет 30,7%, а в следующей возрастной группе — 22,3%¹⁷.

Несмотря на то что обследование РидМиЖ не сфокусировано на изучении занятости населения, в нем содержится развернутый блок вопросов, посвященных характеристикам занятости и условиям труда респондентов и их партнеров. Эта информация может быть использована при изучении особенностей занятости определенных социально-демографических групп или в качестве объясняющих параметров демографических решений.

Отраслевая структура занятости респондентов не имеет каких-либо специфических черт, отличающих ее от структуры занятости населения по стране в целом. Среди респондентов, распределенных по отраслям, как и следовало ожидать, выделяется занятость в сфере социальной инфраструктуры и услуг: торговля, бытовое обслуживание, питание — 20%, образование — 11%, здравоохранение, физкультура и спорт, социальные услуги — 9% (с учетом более мелких сфер, которые можно отнести к социальной инфраструктуре, доля занятых в ней приближается к половине от общего числа респондентов)¹⁸. Транспорт, связь и строительство представлены примерно в равной пропорции: соответственно 8,8 и 8,1%. В машиностроении и отраслях тяжелой промышленности занято около 22% респондентов. Легкая промышленность представлена 3,2% респондентов, сельское хозяйство (включая лесное и рыбное хозяйство) — 7,7%¹⁹. Весомо также представлены армия, органы МВД, безопасности и МЧС — 4,1% респондентов. В итоге выборка РидМиЖ вполне позволяет проводить межотраслевые

---

¹⁷ Более подробно вопрос о работающих пенсионерах анализируется в статье *Т.М. Малевой и О.В. Сиявской* «Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории», также представленной в настоящем сборнике.

¹⁸ По данным обследований населения по проблемам занятости Росстата (ОНПЗ), на конец августа 2004 г. в оптовой, розничной торговле и общественном питании было занято 15,2%, в образовании — 9,0%, в здравоохранении, физической культуре и социальном обеспечении — 7,3%. Заметим, что это по преимуществу женские сферы приложения труда. Поэтому превышение занятости в этих отраслях, по данным РидМиЖ, может быть связано с большей долей женщин трудоспособных возрастов в выборке.

¹⁹ Согласно ОНПЗ, на конец августа 2004 г. в транспорте и связи работало 8,9% всех занятых на основной работе, в строительстве — 7,0%, в промышленности — 23,2%, в сельском и лесном хозяйстве 10,6%. Более высокая доля строительства (равно как и торговли) в РидМиЖ, вероятно, связана с лучшим учетом неформально занятых в нашем обследовании. Напротив, занятость в сельском хозяйстве в РидМиЖ, как это часто бывает с неспециализированными обследованиями, улавливается хуже, прежде всего, по-видимому, за счет такой категории, как занятые производством в домашнем хозяйстве.

сравнения занятых по социально-экономическим, демографическим и прочим признакам.

Респонденты, сообщившие о занятости по найму, распределяются по предприятиям в зависимости от формы собственности следующим образом (табл. 18): чуть менее половины работников (45,6%) заняты на государственных или муниципальных предприятиях, около четверти (25,6%) — на вновь созданных частных предприятиях. Весомая также доля лиц, работающих на приватизированных (ранее государственных) предприятиях (16,2%). Наконец, около 10% заняты на предприятиях со смешанной формой собственности. В остальных секторах численность лиц, имеющих занятие, незначительна.

Таблица 18

Распределение респондентов по типам предприятий в зависимости от формы собственности

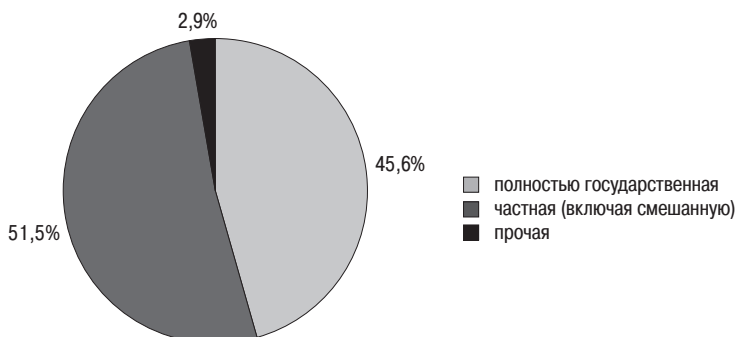
Типы предприятий по форме собственности	Число респондентов	В % к числу
Вновь созданное, полностью частное	1592	25,6
Ранее государственное, теперь приватизированное	1008	16,2
Предприятие со смешанной формой собственности	611	9,8
Полностью государственное или муниципальное	2840	45,6
Некоммерческая, общественная организация	31	0,5
Международная организация, представительство иностранной фирмы	18	0,3
Другое	130	2,1
<i>Всего</i>	<i>6230</i>	<i>100,0</i>

В итоге агрегированные данные показывают, что на частных предприятиях (включая различные смешанные формы собственности, но исключая некоммерческие организации) сегодня заняты 51,5% общей численности занятых, в то время как на полностью государственных предприятиях — 45,6% (рис. 10). Согласно среднегодовым данным Росстата за 2004 г., доля занятых на предприятиях, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составляла 35,5%, т.е. на 10 процентных пунктов меньше, чем показало обследование РиДМиЖ. Причина таких заметных расхождений кроется в различной методологии сбора данных о занятости на предприятиях с разной формой собственности. В РиДМиЖ информация собирается со слов опрашиваемых, которые могут быть не в курсе юридического статуса предприятия, на котором работают. Росстат оперирует оценками занятости по балансу трудовых ресурсов, сформированными на основе сведений организаций, данных органов исполнительной власти, досче-

тов и пр.²⁰ Тем не менее отмеченные расхождения с официальной статистикой не служат препятствием для использования данных РидМиЖ о собственности предприятия в качестве объясняющей переменной в количественном анализе.

Рисунок 10

Распределение респондентов по типам предприятий в зависимости от формы собственности, в %

Уровень и структура доходов респондента, его партнера и домохозяйства

Не являясь специализированным обследованием по проблемам занятости, РидМиЖ в равной мере не заостряет внимание и на изучении доходов и благосостояния населения. Логика инструментария данного обследования состояла в том, чтобы собрать ровно столько информации о доходно-имущественном положении опрашиваемых, сколько минимально требуется для объяснения этим параметром различий в социально-демографическом поведении населения. Тем не менее индивидуальные доходы респондента и его партнера в обследовании изучаются весьма подробно. Более того, вопросы о доходах партнера респондента полностью симметричны вопросам для респондента. Собираются сведения о различных источниках индивидуальных доходов, частоте и регулярности их получения в течение года, предшествовавшего опросу, а также их величине. В результате мы имеем возможность изучить, как соотносятся между собой доходы партнеров в рамках партнерского союза/домохозяйства.

Подавляющее большинство опрошенных имеют один основной источник дохода (72,3% респондентов). Два источника дохода имеет 19,6%

²⁰ Подробнее особенности методологии учета численности занятых Росстатом обсуждается в следующих работах: Обзор занятости в России. Вып. 1 (1991–2000 гг.) / Под ред. Т.М. Малевой. — М., 2002; Методологические положения по статистике. Вып. 4. Госкомстат России. — М., 2003.

респондентов (табл. 19). Таким образом, двумя источниками дохода практически исчерпывается все распределение. Со слов респондентов мы знаем, что и для их партнеров характерна такая же ситуация.

Таблица 19

Распределение респондентов и их партнеров по числу источников индивидуального дохода за год, в %

Число источников дохода	Респонденты	Партнеры
Не указали ни одного источника	5,3	6,6
1 источник	72,3	78,7
2 источника	19,6	13,6
3 источника	2,4	1,1
4 и более	0,4	0,0
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Приходится признать, что в отношении доходов обследование РидМиЖ повторяет судьбу других неспециализированных опросов населения (например, РМЭЗ, НОБУС, опросы Левада-центра и пр.), в которых уровень доходов населения оказывается ниже уровней, фиксируемых официальной статистикой. В 2003 г., по данным Росстата, заработная плата мужчин составляла 7194 руб. в месяц, женщин — 4640 руб., а в 2004 г. — соответственно 8915 и 5692 руб. в месяц (по крупным и средним предприятиям)²¹, что выше значений, которые получены в РидМиЖ²² (табл. 20).

Во-первых, это связано со сложной методикой исчисления доходов, практикуемой Росстатом, включающей различные методы дооценки доходов, которые невозможно реализовать в рамках отдельного опроса населения, не специализированного на измерении доходов²³. Во-вторых, в нашу выборку включены работники, занятые в малом бизнесе, самозанятые, а также неформально занятые и временные работники, заработки которых, как правило, ниже средних в экономике, что также занижает оценку доходов в РидМиЖ. В-третьих, имеет, видимо, значение несовпадение временных горизонтов измерения доходов в РидМиЖ и обследованиях Росстата: в отличие от официальной методики в нашем обследовании собираются сведения относительно доходов в течение последнего года, предшествующего опросу, поэтому, если опрошенный

²¹ Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб./ Росстат. — М., 2006. С. 447.

²² Среднемесячная заработная плата, рассчитанная по данным Росстата (рассчитано по: Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. Росстат. — М., февраль 2005 г.), за период с мая 2003 г. по июнь 2004 г. составила 6074 руб., тогда как в РидМиЖ этот показатель равен 4469 руб. для респондентов и 5315 руб. для партнеров.

²³ Подробно см.: Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х/ Под ред. Т.М. Малевой. Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007. Гл. 6.

получал заработную плату менее чем 12 месяцев, это приведет к занижению среднемесячной оценки этого показателя.

В то же время РидМиЖ вполне точно отражает уровень второго по распространенности источника доходов населения — пенсий: в конце 2003 г., по данным Пенсионного фонда России, средняя пенсия у мужчин составляла 1845 руб. в месяц, у женщин — 1697 руб., а в конце 2004 г. — соответственно 2155 руб. и 1962 руб. в месяц²⁴. Небольшое расхождение в данном показателе у мужчин связано с присутствием в выборке военных пенсионеров, которые остаются за рамками учета Пенсионного фонда и официальной статистики пенсий.

Но наиболее важный вывод лежит в другой плоскости: оказывается, респонденты очень неплохо осведомлены о доходах своих партнеров²⁵. Оценки средних величин индивидуального дохода мужчин-респондентов и мужчин-партнеров отличаются менее чем на 9%, а женщин-респондентов и женщин-партнеров — примерно на 3%, что можно признать несущественным расхождением (*табл. 20*). Различия между оценками доходов от основной работы еще меньше, чем между оценками совокупного дохода. Оценки размеров основных (государственных) пенсий респондентов и партнеров того же пола также примерно равны. Напротив, относительные различия между оценками дополнительных пенсий очень существенны, что требует дополнительного изучения. Также не вполне удовлетворительны знания обо всех видах социальных выплат, включая стипендии, пособия по безработице и прочие социальные пособия. В целом расхождения в доходах респондентов и партнеров существенно выше для мужчин, чем для женщин, что, скорее всего, напоминает о хорошо известной практике неполного декларирования мужей своих дополнительных доходов женам (феномен «заначек»).

Данные *табл. 20* подтверждают известный феномен ярко выраженного гендерного неравенства по доходам. Уровень доходов у женщин ниже, чем у мужчин на 20–40% или в среднем на одну треть по большинству видов доходов, за исключением некоторых социальных пособий, что подтверждается как при сопоставлении ответов, полученных от респонден-

---

²⁴ Рассчитано по данным формы 94 Пенсия, опубликованных в: Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий по Российской Федерации по состоянию на 31.12.2003// Пенсия. 2004. № 7. Сведения о численности пенсионеров и суммах назначенных им пенсий по Российской Федерации по состоянию на 31.12.2004 // Пенсия. 2005. № 7.

²⁵ Если рассматривать совокупность респондентов и партнеров в качестве независимых подвыборок, то можно исследовать вопрос, в какой мере среднестатистический респондент осведомлен о доходах среднестатистического партнера. Если респондент достаточно осведомлен о доходах своего партнера и называет свой индивидуальный доход и доход партнера с одинаковой степенью ошибки, то средняя величина дохода респондента-мужчины (-женщины) должна стремиться к средней по доходам партнеров-мужчин (-женщин).

Среднемесячный размер различных видов доходов респондентов-мужчин и респондентов-женщин, а также партнеров-мужчин и партнеров-женщин со слов респондента, руб.

Вид дохода	Мужчины		Женщины		Отношение доходов женщин к доходам мужчин	
	респонденты	партнеры	респонденты	партнеры	респондентов	партнеров
Индивидуальный доход	5137	5607	3147	3052	0,61	0,54
Заработок от основной работы	5850	6265	3803	3782	0,65	0,60
Заработок от дополнительной работы	3009	2856	1816	2139	0,60	0,75
Пенсия (без дополнительной)	2263	2348	1840	1735	0,81	0,74
Дополнительная пенсия	1095	2913	352	1388	0,32	0,48
Стипендия учащихся	911	451	589	794	0,65	1,76
Пособие по безработице	820	534	746	758	0,91	1,42
Пособие по беременности, родам	—	—	641	689	—	—
Социальная помощь	1047	1716	861	591	0,82	0,34
Прочие виды социальных пособий	283	110	185	181	0,65	1,65

тов об их собственных доходах, так и при сравнении ответов респондентов о доходах партнеров. Даже пенсии и, что удивительно, стипендии, при всей их тенденции к уравнительности, имеют четкую гендерную дифференциацию. Причем если на неравенстве в размере пенсий сказывается дифференциация в прошлых, допенсионных заработках по полу, то различия в размере стипендий могут быть объяснены только тем, что девушки чаще выбирают учебные заведения более низкого уровня и с более низкими финансовыми возможностями, чем юноши.

В отличие от индивидуальных доходов доходы домохозяйств в обследовании измеряются на основании одного-единственного вопроса о том, каков был совокупный годовой доход домохозяйства респондента за про-

шедшие 12 месяцев либо каков был совокупный среднемесячный доход домохозяйства на протяжении последних 12 месяцев. Очевидно, что оценка доходов домохозяйства по данному вопросу будет заниженной. Во-первых, как уже отмечалось, в обследовании применялось определение домохозяйства, в котором отсутствовал критерий общности бюджета. Во-вторых, в домохозяйстве случайным образом отбирался и опрашивался только один респондент, попадающий в возрастной интервал 18–79 лет, который мог ничего не знать о доходах других членов домохозяйства. В-третьих, вопрос задавался о доходах от всех источников сразу, а не по отдельным видам доходов, что затрудняло процесс расчета доходов для респондента. Наконец, отсутствовали вопросы, позволяющие проверить достоверность названной респондентом цифры — в обследовании не спрашивается ни о расходах, ни о размерах сбережений домохозяйства.

Единственный легкодоступный инструмент контроля и дооценки доходов домохозяйства состоял в возможном сопоставлении названной цифры совокупных доходов домохозяйства с размерами индивидуальных доходов респондента и его партнера, если последний проживает в домохозяйстве респондента. Максимальная оценка среднедушевых доходов, полученная в результате такого сравнения, составила 3130 руб., или 89% от аналогичной оценки доходов, полученной по данным обследований бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), которые проводит Росстат²⁶. Это, безусловно, очень неплохой результат, позволяющий использовать показатели текущих доходов домохозяйства в анализе данных РидМиЖ.

Вместе с тем очевидно, что в ряде случаев важны не столько оценки текущих доходов, сколько характеристики накопленного благосостояния домохозяйства. Выйти на этот интегральный показатель на основе данных РидМиЖ непросто, но тем не менее возможно — методика и результаты расчета показателя представлены в статье Л.Н. Овчаровой, А.И. Пишняк и Д.О. Поповой в настоящем сборнике²⁷.

Что в итоге? Характеристика репрезентативности российского обследования

Подведем итоги. Сравнение основных структурных социально-демографических и экономических характеристик респондентов, которые были получены в результате выборочного опроса, проведенного в 2004 г. методом формализованного интервью, с соответствующими сопоставимыми параметрами генеральной совокупности — населения России в возрасте 18–79 лет — позволяет утверждать, что выборочное

---

²⁶ Оценка среднедушевых доходов по РидМиЖ и ОБДХ получена Л.Н. Овчаровой, А.И. Пишняк и Д.О. Поповой. См. статью «Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РидМиЖ».

²⁷ Та же статья.

обследование РидМиЖ имеет все основания претендовать на то, чтобы считаться национальным репрезентативным обследованием.

По всем основным признакам отклонение выборочных оценок от значений в генеральной совокупности либо статистически трудноуловимо, либо носит несистематический, случайный характер, либо фиксируется, но не носит критического характера, способного оказать существенное влияние на аналитические выводы.

По общему числу демографических и социально-экономических показателей, полученных в ходе выборочного опроса, национальное репрезентативное обследование РидМиЖ не имеет аналогов в российской и советской истории. Анализ показал, что общий объем выборки (11 261 респондентов) оказывается достаточным, чтобы зафиксировать такие редкие события, как, например, смерть ребенка при жизни родителя, и, соответственно, проводить сравнительный межгрупповой анализ по многочисленным переменным.

Случайный характер отбора респондентов, выдержанный в РидМиЖ, в отличие от широко распространенных в отечественной практике стратифицированных выборок, позволил, с одной стороны, избежать опасности систематических смещений в оценке изучаемых переменных, а с другой — беспрецедентно расширить программу опроса.

Данные, полученные в ходе обследования по программе РидМиЖ, не только хорошо репрезентируют генеральную совокупность — население России, в частности его состав по брачному состоянию, но и помогают глубже понять внутреннюю логику и скрытую от наблюдателя структуру статистических категорий переписываемого населения.

Оправдала себя методология симметричного опроса, согласно которой вопросник включал не только вопросы, характеризующие самого респондента, но и аналогичную программу, касающуюся характеристик его партнера/супруга. Так, сравнительный анализ средних доходов в совокупности респондентов и в совокупности партнеров (полученных со слов респондента) не показывает существенных отклонений ни у мужчин, ни у женщин, что говорит о хорошей осведомленности респондента о состоянии дел у партнера. Если этот вывод подтвердится в отношении других характеристик, по которым имеются идентичные блоки вопросов для респондента и их партнеров, то это делает возможным, при определенных допущениях, практически удваивать объем выборки при анализе взаимосвязей по целому ряду важнейших социально-экономических переменных²⁸.

---

²⁸ Пример такого анализа на основе объединенной выборки респондентов и партнеров представлен в статье *О.В. Сиявской, С.В. Захарова и М.А. Карцевой* «Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России», публикуемой в данном сборнике.

Использование в программе опроса большого числа вопросов, касающихся времени наступления того или иного события в жизни респондента, предоставляет богатые возможности для ретроспективного анализа (анализа изменений в шкале календарного времени или в шкале времени жизни ряда поколений) важнейших социальных и демографических процессов в стране. Например, удастся реконструировать миграционную историю страны (историю внешних и внутренних миграций) более чем за полвека посредством изучения миграционной биографии респондентов. Аналогично восстанавливается история развития пенсионной системы, образовательной системы, жилищной системы и др.

Отчетливо выраженный гендерный подход, реализованный в программе РидМиЖ, предоставляет большие возможности в исследовании различного статусного положения и ролевых функций мужчин и женщин в современном российском обществе. Так, к примеру, в отечественной практике имеются лишь единичные примеры локальных обследований, в которых бы ставилась задача исследования по единой программе брачно-семейного и репродуктивного поведения мужчин и женщин. Традиционно исследователи ограничивались однополрой (женской) выборкой. Во всех национальных репрезентативных обследованиях (ЦСУ-Госкомстат-Росстат, РМЭЗ) вопросы на данную тему касались только женщин. Результаты же предварительного анализа семейного состояния респондентов и распределения респондентов по числу рожденных детей в рамках настоящего обследования позволили получить данные, которыми до сих пор исследователи не располагали вообще (распространенность партнерских союзов различных типов, распределение мужчин и женщин по числу рожденных детей, по числу совместно и раздельно проживающих детей, по числу детей от предыдущих партнерских союзов). Анализ гендерных различий по видам занятий, по уровню и структуре доходов респондентов-мужчин и женщин и их партнеров-женщин и мужчин позволит не только более четко очертить границы гендерно-специфического экономического неравенства в России, но и углубить понимание корней возникновения этого неравенства: культурно-исторических, системно-экономических, поведенческих и др.

НОВОЕ О СЕМЬЕ И РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Захаров С.В.

Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату?¹

1. Устойчивость российской модели брака на протяжении столетий²

В России, как и во всем мире, издавна существовала традиция ранних браков. Однако в Западной Европе она была изжита не менее четырех веков назад. С середины второго тысячелетия здесь стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом «европейским»³. Одной из его главных отличительных

---

¹ Статья подготовлена в рамках проектов «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений - эмпирические данные по двум странам ЕС и двум новым независимым государствам - интеграция ЕС и его новых ближайших соседей» (грант INTAS) и «Изучение демографического поведения французов в межстрановом сравнительном контексте, ECODEF/CI», ANR в 2007-2008 гг.

² В основу данного раздела положены статьи автора: *Захаров С.В.* Брачность в России: история и современность // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». ЦДЭЧ ИНП РАН. № 261–262. (16–29 октября 2006) (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>); *Захаров С.В.* Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 271–300.

³ *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. — М.: Статистика, 1979. С. 14–70; *Hajnal J.* Two kinds of ore-industrial household formation systems // R. Wall (ed.), *Family Forms in Historic Europe*. Cambridge, 1983. P. 65–104. См. также: *Laslett P., Wall R.* (eds). *Household and Family in Past Time*. Cambridge, 1972; *Тольц М.С.* Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов // *Методы исследований* / Рук. авт. кол. А.Г. Вишневецкий. — М.: Мысль, 1986. С. 84–85.

черт было позднее вступление в брак и высокий процент лиц, никогда не женившихся и не выходящих замуж. К началу XX в. во многих странах Западной Европы 70–80% женщин в возрасте 20–24 года не были замужем, и даже к 30 годам доля незамужних достигала 40, а иногда и 50%. Неженатых мужчин в этих возрастах было еще больше⁴.

В России же в ее нынешних границах на протяжении всего XIX в. почти безраздельно господствовала традиционная ранняя и почти всеобщая брачность. Новейшие исследования, основанные на специальной разработке индивидуальных данных «ревизских сказок»⁵ и регистрационных (венчальных) книг церковных приходов, показывают, что возраст вступления в брак колебался для женщин вокруг 20 лет и для мужчин вокруг 22 лет, а доля хотя бы единожды замужних женщин и женатых мужчин вплотную приближалась к 100% (к возрасту 25 лет 90% мужчин и женщин состояли в браке)⁶.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что к 50 годам почти все мужчины и женщины состояли в браке: доля никогда не состоявших в браке к этому возрасту составляла 5% для женщин и 4% для мужчин (*табл. 1*). Вероятно, среди европейских стран лишь в Сербии и Болгарии распространенность брака была еще выше — на 2–3 процентных пункта.

Более половины всех невест и около трети женихов в Европейской России были не старше 20 лет. Но европейская часть Российской империи включала в себя прибалтийские губернии и некоторые другие районы со значительным протестантским и католическим населением, у которого тип брачности был близок к европейскому⁷. Если же говорить собственно о России в границах, близких к современным, то доля ранних браков была еще большей — в брак вступали сразу по наступлении социально признаваемого возраста совершеннолетия, который во второй половине XIX в. находился для девушки в интервале 13–16 лет, для юноши — 17–18 лет. Верхняя возрастная граница совершеннолетия совпадала с бракоспособным возрастом. В южнорусских областях девушка, не вышедшая замуж к 19 годам, считалась «застаревшей», и 20-летних невест начинали браковать. В центральных и верхневолжских губерниях

---

⁴ Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. — М.: Статистика, 1979. С. 16.

⁵ «Ревизские сказки» — именные списки населения Российской империи, составленные в ходе ревизий населения — специальной процедуры регистрации населения в целях налогообложения, введенных указом Петра I. Всего до отмены крепостного права было проведено 10 ревизий (первая — в 1719 г., последняя — в 1858 г.).

⁶ Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. Peasant Marriage in Nineteenth-Century Russia // Population. English Edition. Vol. 59(6). 2004. p. 732–733.

⁷ Вишневецкий А. Г., Тольц М. С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л. Л. Рыбаковский. — М.: Наука, 1988. С. 75–79.

Таблица 1

Никогда не состоявшие в браке в возрасте 45–49 лет в некоторых странах мира, рубеж XIX и XX вв., %

Страна, год ¹	Женщины	Мужчины	Страна, год ¹	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	19,0	13,0	Австралия, 1901	9,3	22,4
Бельгия, 1900	17,1	16,1	США, 1900	8,6	12,0
Швейцария, 1900	17,0	16,0	Чехия, 1910	8,5	6,2
Нидерланды, 1900	14,0	13,0	Польша, 1900	7,8	6,1
Англия и Уэльс, 1901	13,4	11,0	Европейская Россия, 1897	5,0	4,0
Австрия, 1900	13,0	11,0	Греция, 1907	4,0	9,0
Канада, 1911	12,0	15,1	Венгрия, 1900	4,0	5,0
Франция, 1901–1905	11,2	10,4	Румыния, 1899	3,0	5,0
Италия, 1901	10,9	10,9	Япония, 1920	1,9	2,3
Испания, 1900	10,2	6,4	Болгария, 1900	1,0	3,0
Германия, 1900	10,1	8,2	Сербия, 1900	1,0	3,0

*Примечание.*¹ Страны ранжированы в порядке убывания доли никогда не состоявших в браке женщин.

Источник: Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. — NY: United Nations, 1990. P. 7–18.

с 23–25 лет девушка — «перестарок», и женихи ее «обегают», а девица 25 лет — «засиделка», «вековуша», «старая». На российском Севере и в Сибири норма для брачного возраста устанавливалась в более широких пределах и в среднем на более высоком уровне, однако и там браки после 25 лет и для юношей, и тем более для девушек были редкостью (в этих областях не менее 80% девушек вступали в брак к указанному возрасту)⁸.

К концу XIX в. Россия в основном отошла уже от сверххранной брачности прошлых веков, когда нормой были браки между 13–14-летней невестой и 15–16-летним женихом. Еще в 1774 г. церковь устанавливала бракоспособный возраст в 13 лет для женщин и в 15 лет для мужчин. В соответствии с императорским указом 1830 г. минимальный возраст для вступления в брак был повышен до 16 лет для невесты и 18 лет для жениха. Однако крестьяне и нижние слои городского населения нередко обращались к духовным властям за разрешением выдать замуж дочь в более раннем возрасте. В качестве главного мотива выдвигалась необ-

⁸ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. — Л.: Наука, 1988. С. 42–47.

ходимость иметь в доме жениха работницу или хозяйку. Для получения разрешения на брак девушка проходила медицинское освидетельствование на физическую зрелость и часто не выдерживала испытания, когда экспертами были врачи, и, наоборот, получала свидетельство на зрелость, когда решение принимали сами священники⁹.

Традиции ранних браков оставались в силе и в пореформенной России, а перемены хотя и происходили, были не ярко выражены и затронули только те губернии, где после аграрной реформы быстро развивалась промышленность, усиливались отходничество и миграционная подвижность крестьянства. Так, в неземледельческой, промышленной полосе, где на рубеже веков было сосредоточено примерно 18% населения Европейской России, между концом 1860-х гг. и первым десятилетием XX в. доля браков в возрасте 20 лет и моложе сократилась у женщин с 55,9 до 48,5%, у мужчин — с 39,5 до 29,9%. А в центральных, земледельческих губерниях (30% населения) за то же время не произошло почти никаких изменений, доля браков в возрасте 20 лет и моложе осталась на прежнем уровне: у женщин — более 65%, у мужчин — более 43%¹⁰.

Согласно Э.Коулу, построившему карты доли состоящих в браке женщин по провинциям Европы, в том числе и по губерниям европейской части России, сходный с европейским тип брачности можно было обнаружить только в Санкт-Петербургской губернии. По мере же удаления от Прибалтики в глубь России брачность приобретала все более традиционный характер: в центральных и в юго-восточных губерниях средний возраст вступления в брак составлял не более 20 лет¹¹.

В целом на рубеже XIX и XX вв. по показателю среднего возраста вступления в первый брак Европейская Россия, даже с учетом западных и северных губерний с их более поздней брачностью, была гораздо ближе к самым отсталым аграрным восточноевропейским странам, таким как Болгария, Румыния, Сербия, или к Японии и другим странам Азии, нежели к странам Западной Европы и Северной Америки (табл. 2), где средний возраст вступления в брак для женщин колебался в пределах 24–27 лет и для мужчин — в пределах 27–29 лет. В России и для тех, и для других он был как минимум на 4 года ниже для обоих полов.

Можно было бы ожидать, что огромные перемены, пережитые российским обществом и семьей в XX в., приведут к изменению традиционной

---

⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XIX — начало XX в.). Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С.167–168.

¹⁰ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Статистика, 1977, с. 116–117.

¹¹ Ansley J. Coale. The decline of fertility in Europe from the French Revolution to World War II. // Fertility and family planning. A world view. S.J. Behrman, Leslie Corsa, Jr. and Ronald Freedman (editors). Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1969.

Таблица 2

Расчетный средний возраст вступления в первый брак¹ в некоторых странах мира, рубеж XIX и XX вв.

Страна, год ²	Женщины	Мужчины	Страна, год ²	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	27,5	29,5	Италия, 1901-1905	23,8	27,4
Нидерланды, 1900–1904	26,4	28,3	США, 1900	23,7	27,4
Англия и Уэльс, 1901	25,8	27,2	Польша, 1900	23,6	26,6
Германия, 1900	25,5	27,8	Европейская Россия, 1897	21,4	24,2
Бельгия, 1900	25,4	27,3	Япония, 1920	21,1	24,9
Чехия, 1900	25,4	27,8	Болгария, 1900	20,8	24,2
Франция, 1901–1905	24,6	28,0	Румыния, 1899	20,3	24,5
Испания, 1900	24,5	27,4	Сербия, 1900	20,1	23,0
Канада, 1911	24,3	28,6			

Примечания. ¹ Расчетный средний возраст вступления в брак (SMAM — Singulate Mean Age at Marriage), оцениваемый на основе возрастного распределения женщин, никогда не состоявших в браке. Методика расчета предложена Дж. Хаджналом (См.: Patterns of First Marriage. Timing and Prevalence. United Nations. — NY, 1990. P. 323–327). ² Страны ранжированы в порядке убывания среднего возраста вступления женщин в брак.

Источник: Patterns of First Marriage: Timing and Prevalence. N.Y.: United Nations, 1990. P. 7–18.

возрастной модели брачности, к отходу от нее и сближению с европейской моделью, в частности к повышению среднего возраста вступления в первый брак и более широкому распространению окончательного безбрачия.

Между тем, как это ни покажется странным, за 100 лет никаких видимых изменений в возрастных характеристиках вступления в первый брак для женщин *не произошло*.

Таблица 3

Некоторые характеристики вступления в первый брак для условных поколений женщин за различные годы

Годы	Территория	Накопленная доля вступивших в первый брак к возрасту, %				Доля никогда не состоявших в браке к возрасту 50 лет, %
		20 лет	25 лет	30 лет	35 лет	
1897	Европейская часть империи	32,7	81,5	92,7	94,7	4,9
1989–1993	Россия	38,5	80,2	90,2	93,6	4,1
	Россия, русские	39,1	80,4	90,2	93,5	4,1

Источник: Толц М.С. Брачность населения России в конце XIX — начале XXв. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР: Сб. статей/Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Статистика, 1977. С. 142; Дарский Л.Е., Ильина И.П. Брачность в России: Анализ таблиц брачности. — М.: Информатика, 2000. С. 51, 57, 79, 117.

**Возраст вступления в первый брак условных поколений женщин
за различные годы**

Годы	Территория	Средний возраст для вступивших в брак до 50 лет	Средний возраст для вступивших в брак до 30 лет	Медианный возраст ¹	Модальный возраст ²
1897	Европейская часть империи	21,7	21,4	21,3	20
1989–1993	Россия	21,9	21,0	20,9	19
	Россия, русские	21,9	21,0	20,8	19

Примечания. ¹ Возраст, к которому половина женщин вступает в первый брак. ² Возраст, в котором наибольшее число женщин вступает в первый брак.

Источник: См. табл. 3.

В начале 1990-х гг., как и сто лет назад, более 30% девушек вступали в брак в возрасте до 20 лет, более 80% к 25 годам хотя бы один раз выходили замуж. Половина всех девушек вступала в первый брак к возрасту 21 год (медианный возраст), а наиболее часто встречаемый возраст замужества в соответствии с таблицей брачности за 1989–1993 гг. составлял 19 лет (модальный возраст), т.е. соответствовал наиболее распространенному возрасту невесты на территориях преимущественного проживания православного населения во второй половине XIX в. (по таблице брачности для населения Европейской России за 1897 г., включавшей, как уже говорилось, территории с западноевропейским типом брачности, модальный возраст первого брака был равен 20 годам).

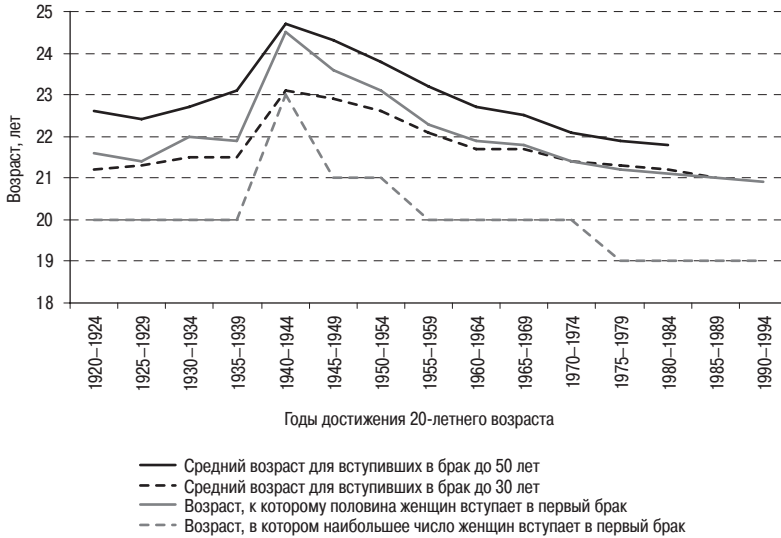
Правда, в России в 1930–1950-х гг. наблюдалось повышение возраста вступления в брак (рис. 1), а поколения женщин 1910–1930 гг. р. характеризовались повышенной, по сравнению с предшествующими поколениями, долей никогда не состоявших в браке к концу жизни. Впрочем, даже исторический максимум уровня окончательного безбрачия (7–10%), достигнутый Россией в годы лихолетья, не может считаться высоким в сравнении с другими странами¹². Временное вынужденное отступление от традиционной модели брачности, сближение российских характеристик брачности с наблюдаемыми в западных странах было вызвано не столько эволюционными процессами, сопровождавшими

¹² К примеру, для Франции 8–10% никогда не бывших замужем женщин к 50 годам — нормальный уровень безбрачия для поколений, родившихся в первой четверти XX в. См.: Анри Л. Нарушения брачности под влиянием войны 1914–1918 гг. // Брак и семья (демографический аспект): Сб. переводных статей / Под ред. А. Г. Волкова, Л. Е. Дарского. — М.: Статистика, 1975. С. 82–83.

общую модернизацию российского общества, сколько кризисными проявлениями избранного способа модернизации и специфическими условиями жизнедеятельности поколений, переживших коллективизацию, репрессии, голод и войну, следствием чего было нарушение возрастно-половых пропорций в населении.

Рисунок 1

Характеристики среднего возраста вступления в первый брак поколений российских женщин 1900–1974 г. рождения

Источник: Захаров С. В. Меняющиеся параметры матримониального поведения // Демографическая модернизация России 1900–2000/Под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 114.

По мере нормализации половых пропорций населения в молодом возрасте, для чего потребовалось два-три послевоенных десятилетия, прежняя модель ранней брачности в России полностью восстановилась. Более того, тенденция к омоложению брачности в дальнейшем даже усилилась. Так, частота браков 18-летних женщин, рожденных в начале 1970-х гг., достигла такого уровня, что превысила частоту браков во всех остальных однолетних возрастных группах. В результате к началу 1990-х гг. возрастные характеристики первого брака оказались на уровне второй половины XIX в., т.е. вернулись к тем, какими они были когда-то у их прабабушек и прадедушек. Возраст сексуального дебюта, возраст начала брачной жизни и возраст рождения первенца оказались сближенными до предела. Мечта традиционалистов о слитности сексуального, брачного и репродуктивного поведения была вновь воплощена, но не в

условиях пуританских «законов жизни» и «высокой морали» позднего сталинизма, а в результате размывания традиционных ценностей в эпоху брежневского застоя и горбачевской перестройки.

Таким образом, в России социальная норма, определявшая возраст первого замужества как 18–22 года, удержалась на протяжении жизни целого ряда поколений, несмотря на гигантские политические и социально-экономические изменения, произошедшие за это время в российском обществе. Более того, вероятность вступить в брак до 20 лет, т.е. сразу же по достижении официального брачного возраста (18 лет), в начале 1990-х гг. даже была несколько выше, чем в конце XIX в.! Вследствие этого оценки среднего возраста замужества для женщин, вступивших в брак до 30 лет, медианного и модального возрастов первого брака оказываются к концу XX в. чуть ниже, чем в конце XIX в. или в первых десятилетиях XX в. Причины парадоксального омоложения брачности в России в 1960–1980-х гг. заключаются главным образом в низкой культуре планирования семьи на фоне снижения возраста начала регулярной половой жизни, в ограничительной государственной политике доступа к высшему образованию и в дополнительных стимулах регистрировать ранние браки, предоставленных семейной политикой 1980-х гг.¹³

2. Традиционная брачность в фазе полураспада: «тихая революция» 1990-х гг.¹⁴

Едва ли кто-нибудь сомневается в революционной сущности перемен, произошедших за последние 15 лет в политической и экономической жизни России. А вот огромные перемены в характере формирования российских семей все еще недооцениваются: если их вообще замечают, то воспринимают, скорее, как временные аномалии или нежелательные мутации, требующие корректировки методами социальной инженерии. Оставим на совести «инженеров» желание «возродить традиционные семейные ценности» в условиях совсем нетрадиционной организации экономической и социальной жизни в современном обществе и постараемся разобраться, в чем состоит реальный процесс изменения брачной модели.

С середины 1990-х гг. демографический портрет российской брачности быстро меняется. За 10 лет средний возраст жениха увеличился более чем

---

¹³ Подробнее этот феномен обсуждается нами в статье: *Захаров С.В.* Возрастная модель брака//Отечественные записки. 2006. №4 (31). С. 284–288.

¹⁴ В основу данного раздела положены статьи автора: *Захаров С.В.* Возрастная модель брака//Отечественные записки. 2006. №4 (31). С. 271–300; *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая: Расширяющиеся границы брака//Демоскоп-Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». ЦДЭЧ ИСП РАН. № 237–238 (6–19 марта 2006) (<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema01.php>).

Таблица 5

Расчетный возраст вступления в первый брак в России,
переписи 1926, 1979, 1989, 2002 гг. и микроперепись 1994 г., Россия

Данные переписи	Возраст вступления в брак, лет		Изменение по сравнению с предыдущей оценкой, лет	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1897 (европейская часть Империи)	24,2	21,4	—	—
1926	23,0	20,9	-1,2	-0,5
1979	24,2	21,5	1,2	0,6
1989	24,3–24,4	21,6	0,1–0,2	0,1
1994	24,5	21,8	0,1–0,2	0,2
Городское население	24,5	22,1	—	—
Сельское население	24,6	20,8	—	—
2002	26,1–26,3	23,5–23,6	1,6–1,8	1,7–1,8
Городское население	26,1–26,3	23,7–23,9	1,6–1,8	1,6–1,8
Сельское население	26,0	22,6–22,7	1,4	1,8–1,9

Примечание. За ряд лет приводятся интервальные оценки показателей по причине различного способа распределения лиц, не указавших свое текущее брачное состояние. В остальных случаях число лиц неизвестного состояния слишком мало, чтобы оказать влияние на значение показателей с указанной точностью.

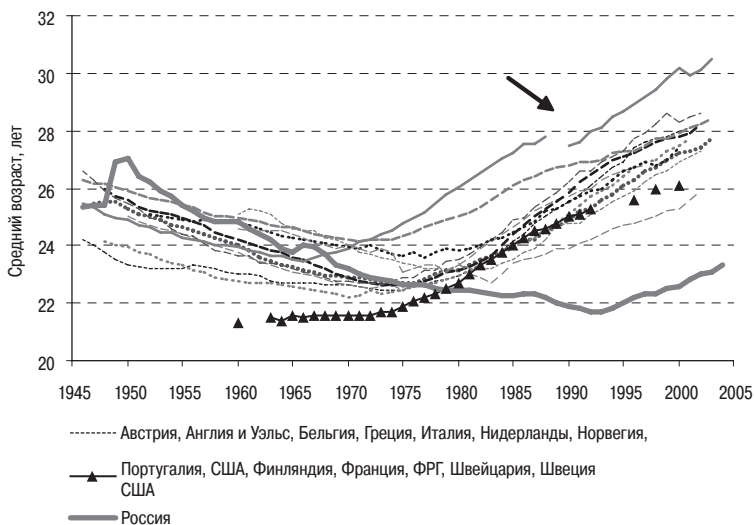
Источник: за 1897 г. — *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Статистика, 1977. С. 139; за остальные годы — расчеты автора (см.: Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Наука, 2006. С. 212.

на два года, а невесты — почти на два года. Общая интенсивность заключения браков в возрастах до 25 лет и у мужчин, и у женщин снизилась в 2 раза. Если, по данным переписи населения 1989 г., в возрасте 20–24 года на 1000 мужчин приходилось 595 человек, никогда не состоявших в браке, на 1000 женщин — 335 человек, то согласно последней переписи 2002 г., соответственно 736 и 526 человек. Можно не сомневаться, что в последующие 4 года после переписи доля молодых, никогда не состоявших в браке к 25 годам, продолжала интенсивно увеличиваться.

Насколько существенно повышение брачного возраста? Откладывается ли брак на более поздний возраст, оставаясь всеобщей социальной нормой, или сам социальный институт зарегистрированного брака как формы совместной жизни утрачивает свои позиции? Можно ли полностью согласиться с распространенным убеждением, что вступлению в брак препятствуют экономические трудности и социальная напряженность, характерные для сегодняшней России? Или действуют какие-то другие, более глубокие причины?

Возраст вступления в брак, вне всякого сомнения, существенно повысился и у женщин, и у мужчин. За короткий период между 1994 и

**Средний возраст женщины при вступлении в первый брак в России
и некоторых западных странах, 1946–2004**

2002 г. увеличение было столь значительным, что едва ли ему имеется аналог во всей предшествующей истории страны (*табл. 5*).

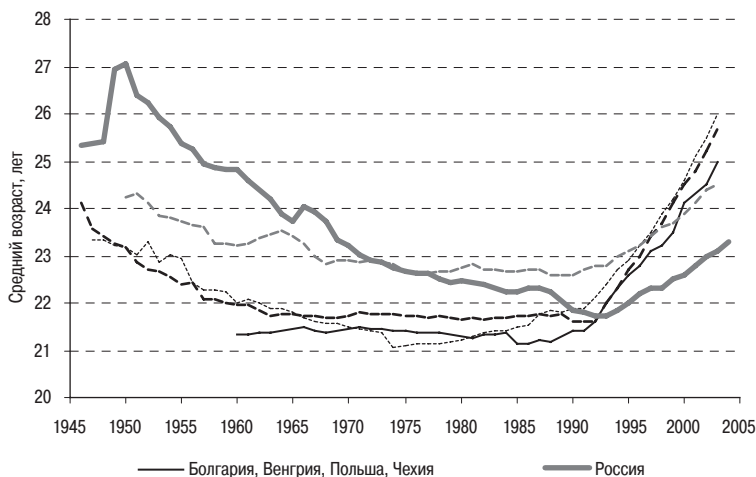
В то же время по темпам «старения» брачности Россия среди развитых стран — скорее, аутсайдер: движение в сторону более поздней брачности у нас началось не только как минимум на два десятилетия позже, чем в западных странах, но и протекает не столь интенсивно, как в соседних странах Восточной Европы (*рис. 2, 3*). Средний возраст российской невесты в первом браке, по самым последним оценкам, лишь приближается к 24 годам. В Эстонии, Венгрии, Хорватии и Чехии этот показатель равен 25 годам. В западных странах нормальный возраст первого замужества уже составляет 26–28 лет и продолжает увеличиваться (в Швеции, к примеру, он преодолел 30-летнюю планку!).

Некоторые исследователи полагают, что рост возраста вступления в брак в России — временное явление. Как заявил недавно один из участников дискуссии по поводу того, действительно ли модель брачности в России «вестернизируется», «рост благосостояния в России был оплачен, в частности откладыванием брака, отказом от него». Однако следует ли из этого предположение о возможной обратимости тенденций брачности?

Данные, представленные на *рис. 2 и 3*, заставляют сомневаться в том, что российские тенденции брачности есть лишь временная аномалия,

Средний возраст женщины при вступлении в первый брак в России и некоторых странах Восточной Европы, 1946–2004

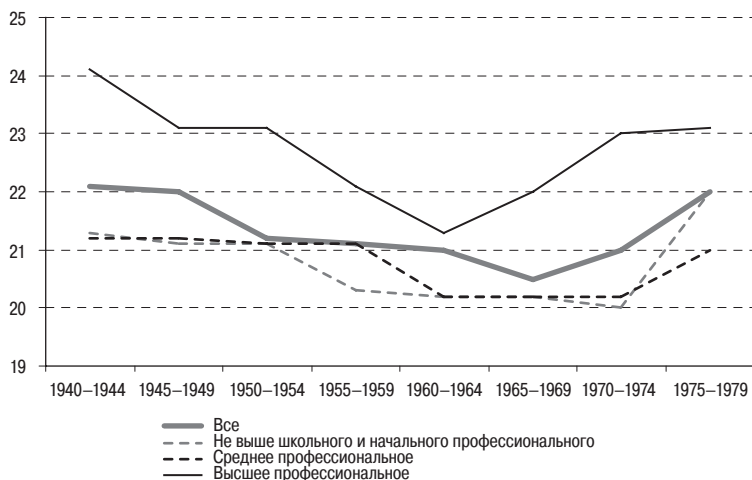

вызванная низкими доходами населения. Напротив, по мере того как страна потихоньку выбирается из бедности, брачный возраст ползет вверх: повторяется процесс, пройденный другими странами. Скорее всего, рост уровня жизни в России будет и далее сопровождаться изменением возрастной модели брачности. В основе повсеместной смены брачной модели лежит переход от чуть ли ни обязательного ритуала брака, символизирующего завершение вхождения во взрослую социально-демографическую страту, к браку, основанному преимущественно на рациональных, в том числе и экономических соображениях, и, по большому счету, не важно, что явилось внешним толчком для смены мотивации.

Рационализация брачной модели раньше всего началась в социальных группах, характеризующихся высшим профессиональным образованием. Осознание простой истины, что раннее формирование семьи затрудняет адаптацию к меняющейся экономической и социальной реальности, вначале приходит к интеллигенции, жителям крупных городов, затем распространяется на нижние образовательные страты и жителей провинции (рис. 4).

При этом одновременно происходил рост доли населения с более высоким уровнем образования, связанный с общим переломом тенденций в области образовательных стратегий начиная с середины 1990-х гг.

**Медианный возраст регистрации брака женщин с разным уровнем образования.
Россия, когорты 1940–1979 гг. рождения (РиДМиЖ–2004)**

Тенденция массового перехода к высшему образованию очевидна, она внесла некоторый вклад в повышение возраста вступления в брак. По данным репрезентативного обследования РиДМиЖ–2004, в женских поколениях 1955–1964 гг. рождения доля имеющих высшее образование составляла 21%, а в поколениях 1975–1979 гг. к возрасту 25 лет — уже почти 33% (к 30–35 годам будет еще выше). Но несложные расчеты показывают, что если бы различия в возрасте вступления в брак между людьми разных уровней образования остались прежними, то изменение в образовательной структуре женского контингента бракоспособного возраста, вызванное распространением высшего образования, могло бы объяснить увеличение возраста вступления в брак женщин всего на 0,2–0,3 года. Однако рост был намного более быстрым. Следовательно, увеличение средних показателей для всего населения России было вызвано не столько тем, что относительно большое число людей приобщилось к высшему образованию, сколько увеличением брачного возраста для всего населения, и в авангарде этого процесса находятся мужчины и женщины с высшим образованием, жители столичных городов.

Означает ли все это окончательное прощание с традиционной моделью раннего брака в России? С полной определенностью положительно ответить на этот вопрос мы пока не решаемся. В то же время целый ряд очевидных моментов свидетельствует в пользу данного вывода.

Во-первых, по-видимому, в России уходят в прошлое ранние браки, стимулированные добрачной незапланированной беременностью. Это

во многом определяется как изменением контрацептивного поведения россиян, так и изменением отношения к внебрачной рождаемости.

Если еще в 1980-е гг. больше половины женщин, контролирующих рождаемость, использовали малоэффективные традиционные методы контрацепции, то сегодня (по данным РидМиЖ— 2004) — только 23%. Напротив, число применяющих гормональные противозачаточные таблетки значительно возросло: с 1–4% в 1980-х гг. до 17%¹⁵. Снижение рождаемости в 1990-е гг. сопровождалось двукратным сокращением числа абортот.

Что касается внебрачных рождений, то если в 1980 г. у матерей до 20 лет доля внебрачных рождений в общем числе рождений составляла 18,7%, в 1990 г. — 20,2%, то в 2004 г. — 47,3%¹⁶. Традиция прикрытия добрачного «позора» скоропалительным браком уходит в прошлое.

Во-вторых, социологи фиксируют решительный отказ от традиционного отношения к замужеству как безальтернативному пути для успешной самореализации девушки. По результатам последних опросов выходит, что хорошая работа более важна для ее будущего, чем удачное замужество (*рис. 5*). Автор приводимых данных так их комментирует: «Нельзя не принять во внимание, что, отдавая предпочтение либо удачному замужеству, либо хорошей работе, респонденты могли исходить не только из ценностных соображений (как строить свою жизнь женщине, где себя реализовывать), но из прагматических (какая стратегия сегодня лучше работает, приносит больший выигрыш)»¹⁷. Однако даже если дело только в прагматизме, т.е. в рационализации поведения, то это еще больше убеждает нас, что патриархальные устои — представление об обязательности брака как социальной норме — разрушены до основания.

В-третьих, регистрация брака с ее символическими, торжественными атрибутами утрачивает значение стартовой позиции для совместного проживания молодых людей. Согласно результатам обследования РидМиЖ—2004, в возрастах до 25 лет формальные союзы теперь не являются доминирующими — среди тех, кто проживает совместно с партнером,

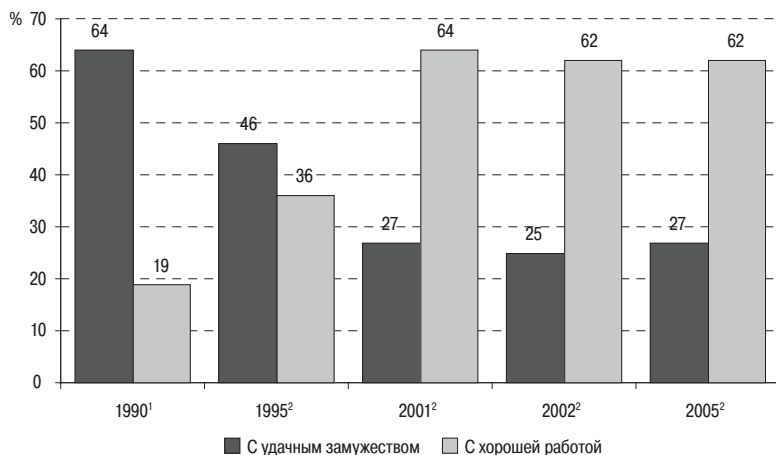
---

¹⁵ Сакевич В. И. Особенности репродуктивного поведения населения в современной России//Управление здравоохранением. 2006. №1–2. С. 40. См. также соответствующую статью в данной книге.

¹⁶ Подробнее о тенденциях внебрачной рождаемости см.: Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад/Отв. ред. А. Г. Вишневецкий. — М.: Наука, 2006. С. 255–261; Захаров С. В., Иванова Е. И. Внебрачные дети//Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН. №59. (Ноябрь 2001).

¹⁷ Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России//Социальная реальность. 2006. №3. С. 69.

Распределение ответов на вопрос: «Если бы у Вас в семье была (или есть) дочь-подросток, то с чем прежде всего Вы связывали бы ее будущее — с удачным замужеством или с хорошей работой»? Россия, массовые опросы общественного мнения, в % к числу опрошенных

Примечания. ¹ Опрос ВЦИОМ. ² Опросы Фонда «Общественное мнение».

Источник: Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. 2006. № 3. С. 69.

половина мужчин и женщин состоят в неформальных союзах¹⁸. В расчете на всех мужчин 20–40 лет эта доля составляет 13–15%, а в расчете на всех, имеющих партнера в домохозяйстве, — от 42% в возрастной группе 20–24 года до 17–19% у 30-летних. Опрос женщин дает ту же картину.

По данным одного из опросов в Тверской области, проведенного в 2006 г., считают обязательным регистрировать первый брак 70,5% женщин в возрасте старше 40 лет и лишь 39% в возрасте до 25 лет. Среди 15–17-летних подростков этот показатель еще ниже — 31%, причем 61,6% подростков полагают, что «сначала нужно пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать отношения». На вопрос, собираются ли регистрировать свои отношения женщины и мужчины, состоящие в незарегистрированном союзе при отсутствии беременности, ответили «да, обязательно» 18,4% женщин и 16% мужчин. Но даже при условии рождения ребенка в таком союзе к обязательности регис-

¹⁸ Такой же результат был получен и в результате общероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2005 г. См.: Вовк Е. Практика сожительств в России: распространенность, смыслы, интерпретация // Социальная реальность. 2006. №4. С. 49.

трации склоняются лишь около трети респондентов — 30,6% женщин и 34,7% мужчин¹⁹.

Стоит ли удивляться, что, согласно официальной статистике, почти каждый третий ребенок в России был рожден вне зарегистрированного брака?

Брачное партнерство — новая категория для характеристики семейного состояния

В отличие от переписей населения, национальное репрезентативное обследование РидМиЖ–2004 позволяет существенно глубже взглянуть на характер брачно-семейных отношений в России. Напомним, что в последней российской переписи (2002 г.) выделялись следующие категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, в том числе в незарегистрированном, разведенные/разошедшиеся и овдовевшие.

Категория «незарегистрированный брак», которую использует российская переписная статистика, призвана охватить состояния, при которых люди, имеющие фактические устойчивые отношения с кем-либо, не регистрировали их в соответствии с законодательством. При этом никакие дополнительные критерии для самоопределения человека, считающего себя состоящим в таком «браке», не используются. Так, при переписи не спрашивается о длительности союза, а информация о совместном проживании супругов не разрабатывается в разрезе брачных состояний.

Специалисты за рубежом, как правило, избегают словосочетания «незарегистрированный брак» по отношению к союзам, о которых идет речь. Во-первых, брак практически во всех развитых странах трактуется однозначно как *зарегистрированные* отношения в соответствии с законодательством. Практика регистрации браков различается по странам, но и к гражданским бракам, и к бракам, совершенным в соответствии с религиозными канонами, предъявляются одни и те же требования — браком считается только тот союз, который прошел государственную регистрацию. Поэтому словосочетание «незарегистрированный брак» выглядит внутренне противоречивым. Во-вторых, для определения всех прочих, кроме брака, добровольных союзов, в зарубежной статистике, научной литературе и даже в юриспруденции, широко используются такие понятия как *cohabitation* (что прямо на русский переводится как «сожительство») или консенсуальный союз («союз по согласию»). Для того чтобы объединить все формы устойчивых семейных отношений между людьми, в современной литературе используется категория «*партнер-*

---

¹⁹ Семья и рождаемость. Основные результаты пилотного обследования. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). — М.: Права человека, 2006. С. 7–11.

ство», которая и включает в себя два основных состояния — формальный брак и неформальный союз.

В обследовании РидМиЖ впервые в российской практике была использована категория партнерства. Во-первых, партнерство как более мягкая категория отношений позволяет расширить наши представления о реально складывающемся многообразии форм отношений между людьми, в том числе и на различных этапах жизненного цикла. Во-вторых, оно позволяет статистически более точно оценить совокупности пар, находящиеся под разным риском наступления беременности и рождения детей, и, в-третьих, обеспечивает лучшую международную сопоставимость результатов.

Партнером в обследовании считался человек, с которым респондента связывают устойчивые интимные отношения, предполагающие и наличие сексуальной близости. Если у респондента в момент обследования было одновременно несколько партнеров, и обо всех он хотел рассказать, то предлагалось рассказать только о партнере, которого он считает наиболее важным для себя. Для текущего партнерства допускалось раздельное проживание партнеров, о чем спрашивалось специально, а в вопросах, касающихся прошлых партнерских союзов, сведения фиксировались только о тех партнерах, с которыми респондент проживал на одной жилплощади не менее 3-х месяцев подряд.

Итак, наше обследование позволяет выделить следующие основные состояния респондентов: а) не имеющие постоянного партнера на момент опроса, в том числе по причине того, что они никогда не имели постоянного партнера, расстались или развелись с предыдущим партнером, овдовели; б) имеющие постоянного партнера, в том числе проживающие совместно или раздельно с партнером. Кроме того, всем респондентам, имеющим партнеров (независимо от того, проживает ли партнер в домохозяйстве респондента или нет), задавали вопрос о том, регистрировался ли когда-либо брак с данным партнером. Программа обследования также содержит вопросы, касающиеся истории всех партнерских союзов в жизни человека, о которых респондент желал рассказать с указанием дат начала, завершения каждого партнерства и причин его прекращения: расставание, смерть партнера. Если с тем или иным партнером регистрировался брак, то задавался вопрос о дате регистрации и дате развода, если таковой имел место.

Жить с партнером вместе или врозь?

Распределение мужчин и женщин в каждой возрастной группе по наличию партнера представлено в *табл. 6 и 7* и на *рис. 6*. Устойчивые партнерские отношения складываются с возрастом, и неудивительно, что у женщин раньше, чем у мужчин: к 20 годам имеют партнера

Таблица 6

**Распределение респондентов-мужчин по наличию или отсутствию
брачного партнера и совместно или раздельному проживанию с ним, в %**

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе	
				партнер проживает с респондентом	партнер проживает отдельно
18–19	100,0	67,7	32,2	4,7	27,6
20–24	100,0	38,7	61,3	30,9	30,4
25–29	100,0	24,2	75,8	63,7	12,1
30–34	100,0	11,2	88,8	79,9	8,9
35–39	100,0	9,1	90,9	83,3	7,6
40–44	100,0	8,4	91,6	85,1	6,5
45–49	100,0	6,4	93,6	88,5	5,1
50–54	100,0	8,9	91,1	87,4	3,6
55–59	100,0	6,6	93,4	91,1	2,3
60–64	100,0	12,1	87,9	85,5	2,4
65–69	100,0	13,3	86,7	85,5	1,2
70–74	100,0	18,0	82,0	81,4	0,6
75–79	100,0	23,8	76,2	74,8	1,4
Итого 18–79	100,0	17,5	82,5	73,0	9,5

Таблица 7

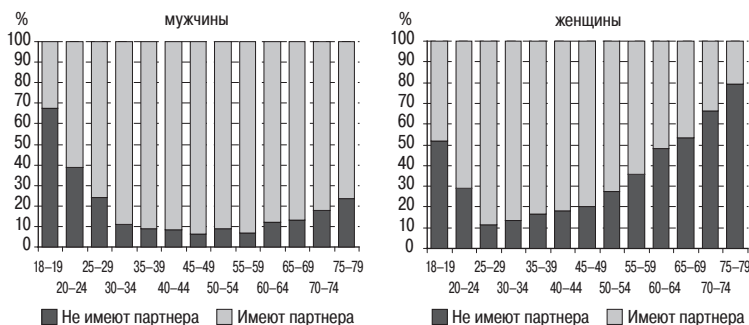
**Распределение респондентов-женщин по наличию или отсутствию
брачного партнера и совместно или раздельному проживанию с ним, в %**

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе	
				партнер проживает с респондентом	партнер проживает отдельно
18–19	100,0	51,7	48,3	20,1	28,2
20–24	100,0	28,9	71,1	47,7	23,4
25–29	100,0	11,6	88,4	75,7	12,7
30–34	100,0	13,7	86,3	77,6	8,7
35–39	100,0	16,7	83,3	76,6	6,7
40–44	100,0	17,9	82,1	75,5	6,6
45–49	100,0	20,3	79,7	73,5	6,2
50–54	100,0	27,7	72,3	66,9	5,4
55–59	100,0	35,9	64,1	60,5	3,6
60–64	100,0	48,1	51,9	50,1	1,8
65–69	100,0	53,6	46,4	45,1	1,3
70–74	100,0	66,1	33,9	33,6	0,3
75–79	100,0	79,1	20,9	20,9	0,0
Итого 18–79	100,0	30,8	69,2	61,3	7,9

32% мужчин и 48% женщин, к 25 годам соответственно 61% и 71%, к 30 годам — 76 и 88%. Однако в средних и старших возрастах тенденции для мужчин и женщин расходятся: доля женщин, имеющих партнера, сначала медленно, а затем ускоренно снижается, в то время как для мужчин характерно продолжение увеличения доли состоящих в партнерстве вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%. Затем эти высокие показатели поддерживаются примерно на одном и том же уровне, и только в возрастах старше 60 лет медленно возрастает доля мужчин, не имеющих партнера. Среди мужчин гораздо реже можно встретить одиноких, чем среди женщин. Так, среди 35–50-летних одинокий мужчина — достаточно редкий феномен, таковых менее 10%. Среди женщин этот показатель, как минимум, в два раза выше. К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает 50%.

Рисунок 6

Наличие брачного партнера у респондентов-мужчин и женщин по возрастным группам, в %

Если до 20-летнего возраста характерно территориально разделенное партнерство, то по мере увеличения возраста совместное проживание с партнером становится преобладающей нормой и для мужчин, и для женщин. В то же время важно отметить, что в возрастном интервале 20–24 года, в котором до недавнего времени заключалось большинство браков, сегодня почти каждый третий мужчина и почти каждая четвертая женщина проживают со своим партнером отдельно, да и среди 25–35-летних доля таких союзов составляет весомые 10%. Среди партнеров 25–49 лет, проживающих отдельно друг от друга, когда-либо регистрировали брак между собой 11% женщин и 21% мужчин (включая официально неразведенных, которых, правда, меньшинство). Интересно, что распространенность раздельного проживания партнеров в возрастах старше 25 лет согласованно декларируется и мужчинами, и женщинами. Это свидетельствует о том, что совершенно новые для

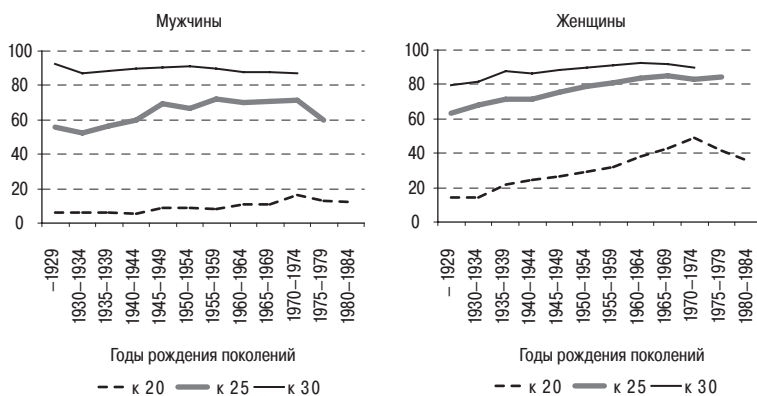
массовых опросов в России категории «партнер», «партнер, проживающий отдельно», были восприняты одинаково респондентами обоих полов. Партнерские отношения такого типа — совершенно неизученный объект в отечественной социологии и демографии. Ввиду отсутствия сопоставимых данных других исследований в России нельзя сравнить данные нашего обследования о распространенности таких союзов в прошлом и настоящем. Можно лишь высказать предположение, что, поскольку интенсивность заключения браков в 1990-х гг. сильно снижалась, число союзов с партнерами, проживающими раздельно, должно было в последнее время увеличиться.

В каком возрасте россияне находят спутника жизни?

Данные обследования РИДМИЖ позволяют рассмотреть, как от поколения к поколению меняется доля мужчин и женщин, вступивших в партнерские отношения к тому или иному возрасту. На протяжении послевоенного времени и вплоть до начала 1990-х гг. наблюдалось снижение возраста обретения первого партнера (рис. 7). Если в поколениях, родившихся перед войной и в 1940-е гг., менее 30% женщин начинали первый партнерский союз к 20-летнему возрасту, то в поколениях, родившихся в начале 1970-х гг., — почти 50%. К возрасту 25 лет около 70% женщин и около 60% мужчин из поколений 1930–1940-х гг. вступали в первый союз, а для поколений, родившихся в конце 1960-х гг., эти пропорции для женщин и мужчин составили соответственно 85 и 70%. К возрасту 30 лет происходит стабилизация показателя на уровне 90% для мужчин и женщин, причем в последние десятилетия доля лиц, не имевших хотя бы одного партнера в течение жизни, существенно

Рисунок 7

Накопленная доля женщин и мужчин, вступивших в первый партнерский союз к возрасту 20, 25 и 30 лет, в реальных поколениях

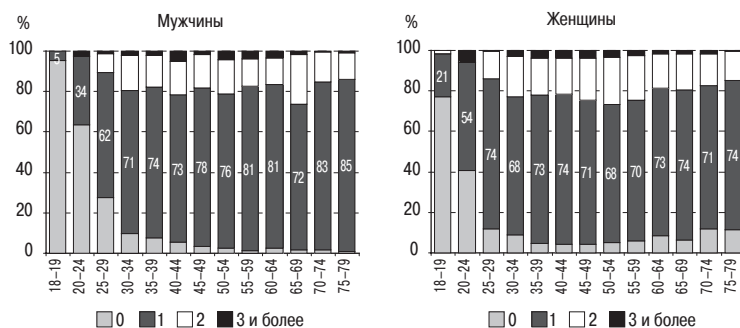
не менялась. В то же время тенденция к раннему началу совместной жизни в 1990-х гг. оказалась сломленной — в поколениях, родившихся в первой половине 1970-х гг. и позднее, доля начавших партнерские отношения к 20 годам у женщин и к 25 годам у мужчин, быстро снижается. Так, доля девушек, имевших постоянного партнера к 20 годам, сегодня приближается к 35%, т.е. снижение составило 15 процентных пунктов.

Сколько партнерских союзов имеют и сколько браков регистрируют россияне в течение жизни

Смена трех и более партнеров в течение жизни встречается редко — не более 5% респондентов сообщили об этом (рис. 8). Да и два партнерских союза испытать дано не многим — среди женщин к 60 годам не более чем каждая четвертая декларирует это, среди мужчин — лишь каждый шестой.

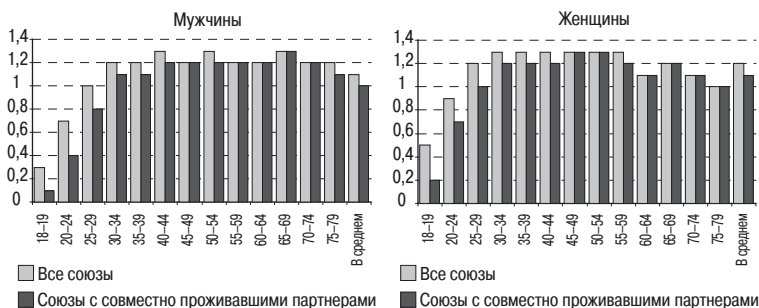
Рисунок 8

Распределение мужчин и женщин по числу пребывания в партнерских союзах, включая текущее (только союзы с совместным проживанием партнеров в одном жилище)

Подавляющее большинство — до 80% опрошенных — имеет опыт совместного проживания лишь с одним партнером, что и показывает расчет среднего числа партнерских союзов для каждой возрастной группы (рис. 8). К 30 годам у женщин и к 40 годам у мужчин среднее число партнерских союзов достигает 1,2–1,3 и затем стабилизируется на этом уровне (рис. 9). Включение в расчет союзов, в которых партнеры проживают раздельно, сколько-нибудь заметно сказывается на среднем числе партнерств лишь в самом молодом возрасте. Да и понятно, поскольку такой тип отношений в молодых возрастах рассматривается лишь как временный статус, за которым следует либо становление более

Среднее число всех партнерских союзов, включая текущий (все союзы и союзы с совместным проживанием партнеров)

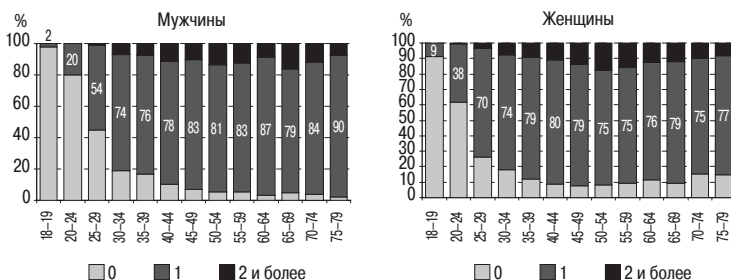

прочных отношений с совместным проживанием, вступлением в брак, либо расставание и поиск нового партнера.

Результаты обследования РидМиЖ дают основание утверждать, что популярное суждение о высокой распространенности «последовательной полигамии» в российском обществе не более чем миф. Если не более 30% россиян имеют в течение жизни более одного устойчивого партнерского союза, то по понятным причинам следует ожидать еще меньшую пропорцию тех, кто в течение жизни заключал более одного брака, что и следует из данных, приведенных в рис. 10. Приблизительно 5–7% мужчин и 7–8% женщин к 50 годам так и не зарегистрировали ни одного брака, около 12% мужчин и 15% женщин зарегистрировали к тому же возрасту 2 и более браков, а остальные 80% — ограничились единственным опытом официального союза. Если рассчитать среднее число браков, то в возрасте 45–49 лет в расчете на одного мужчину придется 1,04 брака, на одну женщину — 1,07 брака, а в расчете на одного мужчину и на одну женщину, когда-либо состоявших в браке, — соответственно 1,1 и 1,2 брака.

Рисунок 10

Распределение мужчин и женщин по числу заключенных браков (юридически оформленных союзов)

*Одиночество по-мужски и по-женски:
временно или навсегда?*

Более подробного рассмотрения заслуживает группа респондентов, не имеющих партнера в настоящий момент. Как было показано выше, жизнь вне партнерских союзов для подавляющего большинства людей — временное явление, связанное с возрастом. В молодом возрасте люди более или менее длительное время затрачивают на поиск подходящего партнера, а по мере старения накапливается число разведенных и вдовствующих, не нашедших замену предыдущему партнеру.

В то же время есть малочисленная категория людей, которые в течение жизни так и не обрели семью, не вступили в брак, никогда не имели более или менее устойчивых партнерских отношений, о которых они бы могли вспомнить. В *табл. 8* представлены оценки доли респондентов в разных возрастах, которые никогда не состояли в партнерских союзах (в расчете на всех опрошенных и в расчете на тех, кто не имеет партнера в настоящий момент). Получается, что примерно 1–2% мужчин и 5–8% женщин в течение жизни никогда не проживали совместно с кем-то хотя бы 3 месяца подряд. Среди тех, кто не состоит в партнерстве в настоящий момент, процент никогда не имевших опыта совместной жизни выше. Например, в возрасте 30–34 года у мужчин — 42%, у женщин — 33%, но и этот показатель с возрастом снижается до 10% у мужчин и до 14% у женщин (к 60-летию). Следует, правда, иметь в виду, что полученные нами оценки распространенности пожизненного одиночества могут быть несколько занижены, поскольку опрос не проводился в интернатах, больницах, домах престарелых и т.п., а в них, как известно, высока доля тяжелобольных людей и инвалидов, для которых создание семьи — большая проблема, а зачастую и просто невыполнимое желание.

Итак, пожизненное одиночество касается статистически едва различимых совокупностей людей. В то же время чем старше человек, у которого по тем или иным причинам прекратился партнерский союз, тем дольше он остается без партнера. Если в молодом возрасте переход от одного партнерства к другому не слишком разделен во времени, то в средних возрастах одиночество с высокой вероятностью может затянуться до конца жизни. Правда, после определенного возраста средняя длительность фактического пребывания вне партнерских союзов стабилизируется: у мужчин после 40 лет на уровне 10–13 лет, у женщин — после 50 лет на уровне 15–17 лет (расчет выполнен для тех респондентов, которые когда-либо имели партнера, но не имеют в настоящий момент). Существенно более длительное одиночество женщин можно охарактеризовать и таким показателем: к моменту опроса

Таблица 8

Доля мужчин и женщин, никогда не имевших постоянного партнера (не состоявших в партнерских и брачных союзах в прошлом), среди всех опрошенных и среди не имеющих партнера на момент опроса, в %

Возраст	Мужчины		Женщины	
	среди всех опрошенных	среди не имеющих партнера в настоящий момент	среди всех опрошенных	среди не имеющих партнера в настоящий момент
18–19	67,7	100,0	50,2	97,0
20–24	36,2	93,5	23,2	80,2
25–29	18,1	74,5	4,5	38,8
30–34	4,7	42,2	4,5	32,9
35–39	5,0	55,6	3,5	21,1
40–44	2,5	30,0	2,9	16,1
45–49	1,7	26,7	3,1	15,2
50–54	1,4	16,2	4,0	14,6
55–59	0,7	10,0	5,1	14,3
60–64	0,5	4,0	8,1	16,9
65–69	1,2	8,8	5,7	10,6
70–74	1,6	9,1	11,8	17,8

36% мужчин старше 50 лет после прекращения предыдущего союза обходились без партнера не более 5 лет, в то время как среди женщин того же возраста — 17%, а остальные — существенно дольше. Двукратные различия между мужчинами и женщинами объясняются более ранним овдовением женщин.

Формальный или неформальный союз?

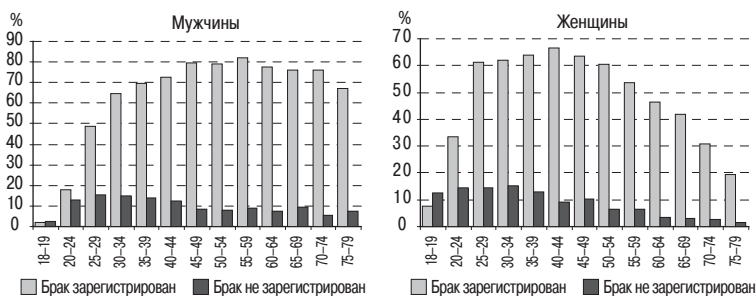
Союзы проживающих совместно партнеров далеко не всегда подкреплены официальным статусом брака, как еще раз подтвердило обследование. Более того, в молодом возрасте формальные союзы утратили прежнее доминирование. В возрастах до 25 лет среди тех, кто проживает совместно с партнером, половина мужчин и женщин состоят в неформальных союзах (табл. 9, 10, рис. 11). Чем старше респондент, тем ниже этот показатель, и среди 60-летних мужчин, проживающих совместно с партнершей, он составляет 9–10%, а среди женщин того же возраста — 7%. Но в активных детородных возрастах неформальные союзы уже получили в России широкое распространение: в расчете на всех мужчин 20–40 лет эта доля составляет 13–15%, а в расчете на всех, имеющих партнера в домохозяйстве, — от 42% в возрастной группе 20–24 лет до 17–19% у 30-летних. Опрошенные женщины декларируют ту же картину.

Состояние в формальных и неформальных союзах среди всех респондентов-мужчин и среди проживающих совместно с партнером, в %

Возраст	Ко всем респондентам данного возраста		Все респонденты, проживающие совместно с партнером	В том числе	
	брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован		брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован
18–19	2,1	2,6	100,0	44,4	55,6
20–24	17,9	13,0	100,0	57,9	42,1
25–29	48,5	15,2	100,0	76,1	23,9
30–34	64,8	15,1	100,0	81,1	18,9
35–39	69,5	13,9	100,0	83,4	16,6
40–44	72,6	12,4	100,0	85,4	14,6
45–49	79,8	8,7	100,0	90,1	9,9
50–54	79,2	8,2	100,0	90,6	9,4
55–59	82,2	8,9	100,0	90,3	9,7
60–64	77,8	7,7	100,0	91,0	9,0
65–69	76,1	9,4	100,0	89,0	11,0
70–74	75,9	5,5	100,0	93,3	6,7
75–79	67,1	7,7	100,0	89,7	10,3
Итого 18–79	62,1	10,9	100,0	85,1	14,9

Рисунок 11

Состояние в браке среди респондентов-мужчин и женщин, в %

Обследование РИДМИЖ–2004 показало более высокую распространенность неформальных союзов в репродуктивных возрастах от 18 до 49 лет, чем перепись населения 2002 г. (рис. 12, 13). С одной стороны, последнюю перепись и наше обследование разделяют два года, что немало, учитывая высокую скорость изменений. Так, по сравнению с микропе-

**Состояние в браке среди респондентов-женщин,
проживающих совместно с партнером, в %**

Возраст	Ко всем респондентам данного возраста		Все респонденты, проживающие совместно с партнером	В том числе	
	брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован		брак зарегистрирован	брак не зарегистрирован
18–19	7,7	12,4	100,0	38,5	61,5
20–24	33,4	14,4	100,0	69,9	30,1
25–29	61,4	14,4	100,0	81,0	19,0
30–34	62,2	15,4	100,0	80,1	19,9
35–39	63,8	12,8	100,0	83,3	16,7
40–44	66,4	9,2	100,0	87,9	12,1
45–49	63,4	10,1	100,0	86,3	13,7
50–54	60,4	6,5	100,0	90,3	9,7
55–59	53,8	6,6	100,0	89,0	11,0
60–64	46,6	3,6	100,0	92,9	7,1
65–69	42,0	3,0	100,0	93,2	6,8
70–74	30,7	2,8	100,0	91,7	8,3
75–79	19,4	1,6	100,0	92,5	7,5
Итого 18–79	52,1	9,2	100,0	85,0	15,0

реписью 1994 г., данные переписи населения 2002 г. продемонстрировали двукратный рост распространенности сожительства как в расчете на всех лиц в возрастных группах, так и в расчете на тех, кто состоит в формальных и неформальных союзах. С другой — понятие «брак», используемое в переписном вопроснике, видимо, заставляет опрошенных более жестко подходить к определению своего брачного состояния, чем более мягкий вопрос в нашем обследовании о наличии постоянного партнера. Возможность указать в ходе переписи, что данный брак не зарегистрирован, не сильно меняет ситуацию, поскольку он задается после ключевого вопроса переписного листа о состоянии в браке в принципе.

Важно отметить, что данные выборочного обследования и переписи населения 2002 г. не расходятся в оценке распространенности формальных союзов (т. е. тех, в котором партнеры брак свой зарегистрировали) в расчете на всех лиц данного пола и возраста (рис. 14). Последнее не только свидетельствует об отсутствии смещенности выборочной совокупности опрошенных в рамках обследования РИД-МиЖ–2004 относительно генеральной совокупности — населения

Рисунок 12

Распространенность неформальных союзов среди всех мужчин и женщин: микроперепись 1994 г., перепись 2002 г. и обследование РИДМиЖ–2004 (совместно проживающие партнеры), в % от числа опрошенных в указанных возрастных группах

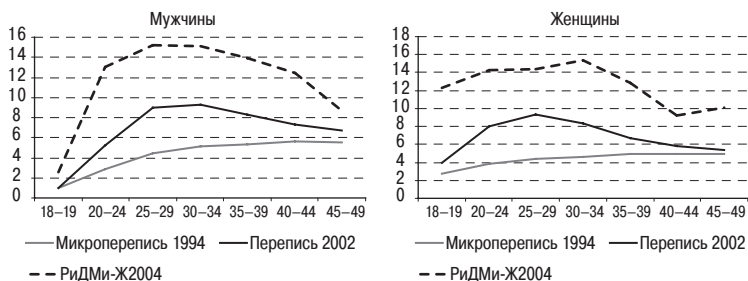
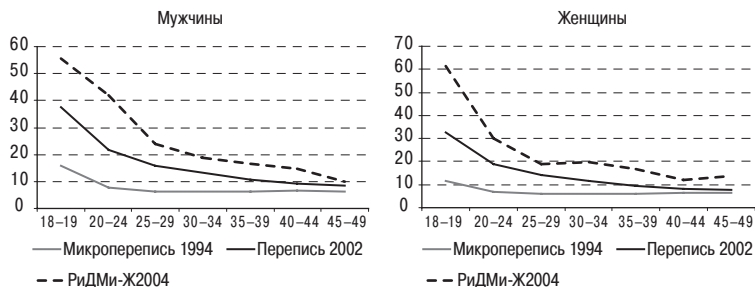

Рисунок 13

Распространенность неформальных союзов среди мужчин и женщин, состоящих в формальных и неформальных союзах (совместно проживающие партнеры), по данным микропереписи 1994 г., переписи 2002 г. и обследования РИДМиЖ–2004, в % от числа опрошенных в указанных возрастных группах

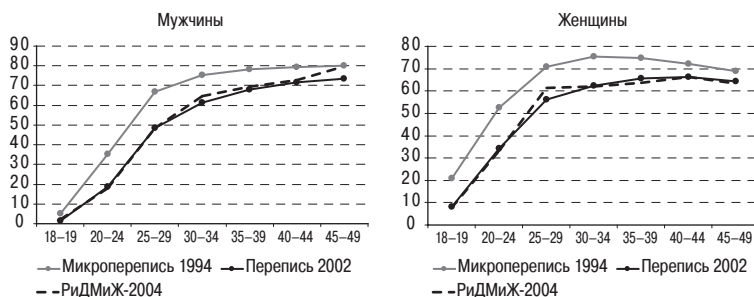
России по всеобщей переписи, но и указывает, что перепись населения недооценивает распространенность неформальных союзов, за счет того, что не все пары, даже проживающие совместно, готовы определить свой союз как брак, пусть даже с приставкой «незарегистрированный»²⁰.

²⁰ Заметим, что выборочные обследования обычно показывают более высокое распространение незарегистрированных союзов, чем официальные переписи населения. См., например, данные в: Демографическая модернизация России, 1900–2000/Под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 100–101. Видимо, виной тому тяготение респондентов указывать при переписи формальное, а не фактическое брачно-партнерское состояние. Так, в частности, можно предположить, что формально разведенные женщины, проживающие с постоянным партнером, при переписи часто указывают, что они пребывают в разводе, а не в незарегистрированном браке.

Рисунок 14

Доля состоящих в формальных союзах (брак зарегистрирован) среди мужчин и женщин: микроперепись 1994 г., перепись 2002 г. и обследование РИДМиЖ – 2004 (совместно проживающие партнеры), в % от числа всех опрошенных в указанных возрастных группах

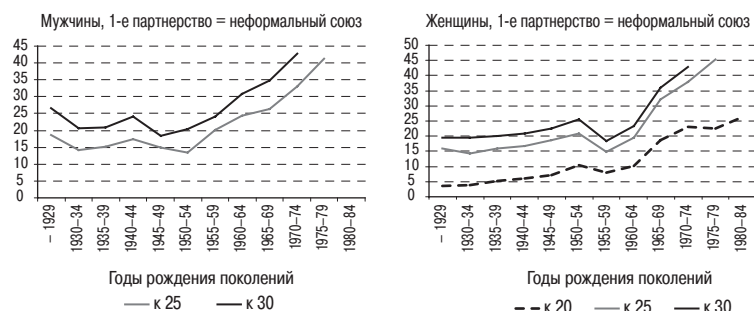

Регистрировать брак становится немодно

Результаты обследования РИДМиЖ убедительно подтверждают, что в России происходят революционные изменения в отношении к браку. Поколения россиян, родившиеся во второй половине 1960-х гг. и позже, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака (рис. 15).

Рисунок 15

Накопленная доля мужчин и женщин, для которых первый партнерский союз не был браком к возрасту 20, 25 и 30 лет в реальных поколениях

Нельзя сказать, что сожительства до брака раньше не имели распространения в России. Напротив, в поколениях россиян, родившихся перед войной и формировавших свои семьи в 1950-х гг., не менее 20% мужчин и женщин к 30-летнему возрасту свой первый партнерский союз начинали с юридически неоформленных отношений. Более того, тенденция к более раннему началу партнерских отношений, о чем

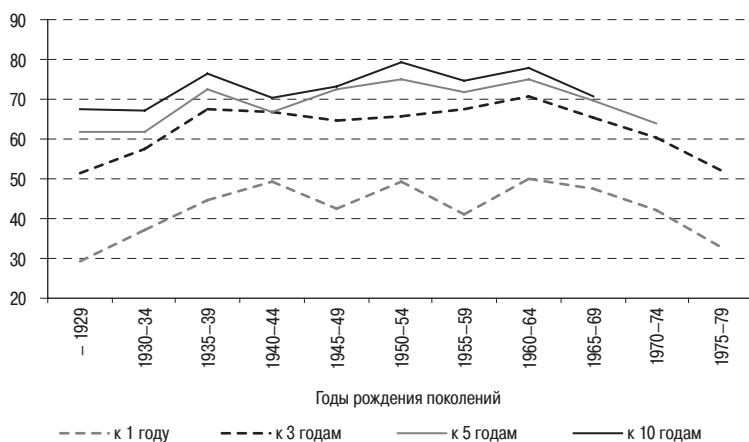
говорилось выше, сопровождалась хотя и медленным, но устойчивым ростом юридически неоформленных союзов среди молодежи.

Однако среди представителей поколений, родившихся после 1960 г., распространение неформальных отношений носит взрывной характер. Сегодня не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам брак со своим первым партнером не регистрировали. Данные для мужчин подтверждают эти цифры — 40–45% первых союзов сегодня неформальные союзы.

Неформальные отношения в начале совместной жизни для большинства носят временный характер пробного брака. Спустя какое-то время для многих пар отношения становятся вполне респектабельным, юридически оформленным браком. В то же время данные РидМиЖ показывают, что регистрация брака все чаще не просто откладывается на время до проверки прочности отношений, но и не наступает вовсе (рис. 16). Если в поколениях 1950-х гг. рождения уже к первому году от начала неформального союза 50% женщин регистрировали брак со своим партнером, то в поколениях второй половины 1970-х гг. — всего 30%. Снижается показатель и для тех, кто долго живет вместе. К третьему году еще недавно регистрировали брак до 70% партнеров, начавших совместную жизнь с неформальных отношений, сегодня — 50%. К пятому году семейной жизни снижение составило более 10 процентных пунктов. Заметим, что, если оформление отношений не происходит к 3–5 годам совместной жизни, шансы того, что брак в этом партнерском союзе будет когда-нибудь зарегистрирован, вообще минимальны — нет

Рисунок 16

Накопленная доля женщин, зарегистрировавших брак к 1, 3, 5 и 10 году от начала отношений в неформальном союзе в реальных поколениях

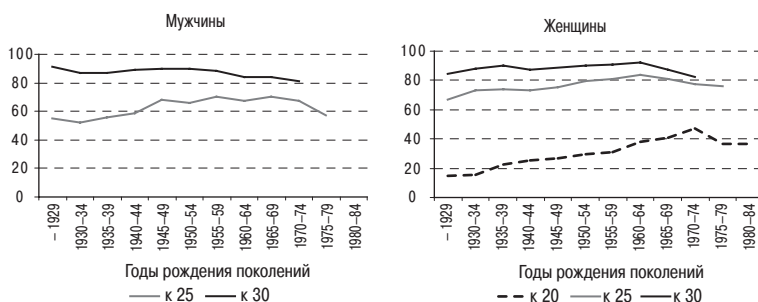

практически никакой разницы в процентах зарегистрировавших брак к пятому и десятому годам от начала отношений.

Оценка суммарной доли женщин и мужчин, когда-либо оформивших брачные отношения с первым партнером, в самом начале партнерского союза или спустя многие годы, показана на рис. 17. В поколениях 1950-х гг. рождения к возрасту 30 лет 90% мужчин и женщин заключали брак с первым партнером, в поколениях 1970-х гг. рождения этот показатель снизился до 80%, и следует ожидать его дальнейшего снижения, если ориентироваться на показатели для поколений, достигших к моменту обследования, своего 25-летия.

Рисунок 17

Накопленная доля мужчин и женщин, когда-либо зарегистрировавших брак с первым партнером к возрасту 20, 25 и 30 лет: реальные поколения годов рождения, указанных на абсциссе

Итак, по всем параметрам брак как формальный союз теряет свою популярность. Он не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожительством.

3. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста²¹

Как долго ждать суженого и сколько лет дано быть супругой в репродуктивном возрасте?

Как известно, послевоенные тенденции вплоть до начала 1990-х гг. в области формирования семей в России характеризовались следующими взаимосвязанными тенденциями: возраст вступления в брак

²¹ В основу данного раздела положена статья: Захаров С.В. Длительность супружеской жизни женщин репродуктивного возраста // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии ГУ ВШЭ. № 289–290 (21 мая — 3 июня 2007) (<http://demoscope.ru/weekly/2007/0289/tema01.php>).

снижался²², риск прекращения брака вследствие развода увеличивался²³, возраст разводящихся супругов и средняя продолжительность расторгнутого брака снижались²⁴, компенсация расторгнутых браков повторными союзами повышалась²⁵, причем каждый четвертый-третий повторный союз официально не регистрировался²⁶.

Как уже было показано выше, в середине 1990-х гг. произошел перелом в прежних тенденциях, касающийся в первую очередь эволюции возрастной модели брака — возраст вступления в первый брак начал увеличиваться (откладывание браков) на фоне резкого падения интенсивности заключения браков. Кроме того, перепись населения 2002 г. и выборочные обследования населения зафиксировали начало массового распространения незарегистрированных партнерских союзов (незарегистрированных «браков», сожительств, т.е. неформальных союзов, основанных на добровольном согласии), которые сильно потеснили в молодом возрасте гегемонию официально оформленного брака. Социальная приемлемость длительного проживания с партнером без регистрации брака в повторном союзе решительным образом распространилась на первый союз в жизни человека.

Возможности оценить, как все эти противоречивые тенденции сказывались в прошлом и продолжают сказываться в новых условиях на итоговой продолжительности супружеской жизни женщин и мужчин в России, исходя из данных официальной статистики (текущей регистрации событий, прошедших переписей и микропереписей населения), сильно ограничены. Перечисленные источники данных о текущем статусе индивида не содержат ретроспективной информации о дате наступления предшествующих событий, связанных со сменой брачно-партнерских состояний (даты начала и прекращения всех союзов различного типа).

В то же время знания о сдвигах, происходящих в сфере формирования брачно-партнерских отношений, чрезвычайно важны для пони-

---

²² Дарский Л. Е., Ильина И. П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. Отделение демографии НИИ статистики Госкомстата России. — М.: Информатика, 2000; Захаров С. В. Возрастная модель брака. // Отечественные записки. 2006. №4 (31). С. 271–300.

²³ Толц М. С. Разводы и современный уровень рождаемости // Проблемы воспроизводства и занятости населения. — М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 18–30; Волков А. Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986. С. 128–157; Кузнецов Л. П. Разводимость: динамика, факторы, тенденции // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А. Г. Волков. — М.: Наука, 1988. С. 88–100.

²⁴ Авдеев А. А. Браки и разводы в России // Народонаселение. 1999. №1 (3). С. 30–35.

²⁵ Белова В. А., Морева Е. М. Повторные браки женщин: ситуация и факторы // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А. Г. Волков. — М.: Наука, 1988. С. 100–117.

²⁶ Volkov A. New features of family formation and composition: case of Russia // Revue Baltique. №13. Vilnius, 1999. P. 91. См. также обобщение всех выше обозначенных тенденций в: Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006.

мания настоящих и будущих тенденций рождаемости и планирования семьи. В конечном итоге от того, в каком возрасте люди начинают жить семейной жизнью, как часто меняют партнеров, как долго пребывают в супружестве или в одиночестве, во временном сожительстве или в длительном браке, в немалой степени зависит и то, сколько они имеют детей и какие потребности они испытывают в средствах и методах контроля рождений.

Репрезентативное в масштабе России обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе/РидМиЖ» (RusGGS), проведенное в 2004 г. в рамках международной программы «Поколения и гендер» («Generations and Gender Programme — GGS/GGP»), — первое в истории нашей страны обследование, позволяющее исчерпывающим образом анализировать брачно-семейный цикл как последовательность событий в жизни человека²⁷. В соответствии с программой обследования, каждый респондент в возрасте 18–79 лет сообщал даты начала и прекращения каждого из своих союзов, в которых он проживал совместно с партнером не менее 3 месяцев подряд, а также был ли этот союз оформлен юридически. В случае прекратившегося союза задавался вопрос о причине его прекращения: расставание или овдовение, а также если партнеры разошлись, то выясняли и дату фактического прекращения союза, и дату оформления развода, если распавшийся союз был юридически оформленным браком. На основе этой информации можно рассчитать для каждого индивида число дней пребывания в том или ином брачно-партнерском состоянии на любом отрезке времени прожитой им жизни: в ожидании первого союза, в первом и в каждом последующем союзе, в одиночестве после прекращения союза каждой очередности отдельно по причинам: развод/расставание или овдовение. Для совокупности представителей реального поколения по году рождения можно получить число человеко-дней пребывания в том или ином брачно-семейном состоянии и затем рассчитать среднюю длительность пребывания в каждом состоянии для среднего представителя поколения к тому или иному возрасту. Межпоколенные сдвиги в средней длительности пребывания в различных состояниях и являются предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

---

²⁷ Нам известно только одно очень давнее отечественное обследование рабочих и служащих, проведенное ЦСУ СССР в 1967 г., аналитические возможности которого для изучения брачно-партнерского и репродуктивного цикла женщин различных поколений приближаются к возможностям, предоставляемым РидМиЖ/RusGGS-2004. См.: *Бондарская Г. А., Ильина И. П.* Этническая дифференциация брачности в СССР. Демографический аспект. // Демографическое развитие семьи/Под ред. А. Г. Волкова. — М.: Статистика, 1979. С. 7–038.

В табл. 11 и на рис. 18 приведены показатели, характеризующие фактическое использование среднестатистической представительницей реальных поколений потенциала времени, отпущенного ей в основном детородном возрасте (18–45 лет), т.е. наиболее важного в демографическом смысле периода жизни длиной в 27 лет.

Таблица 11

Распределение времени, прожитого российскими женщинами разных поколений в возрасте 18–45 лет в партнерских союзах и вне их

Поколения женщин по годам рождения	Длительность пребывания в указанном состоянии					
	в годах			в %		
	до начала первого союза	во всех супружеских ¹ союзах	в одиночестве после прекращения союзов	до начала первого союза	во всех супружеских ¹ союзах	в одиночестве после прекращения союзов
1929	8,4	16,8	1,8	31,4	62,1	6,5
1930–1934	8,3	16,6	2,1	30,7	61,4	7,9
1935–1939	6,7	17,8	2,5	24,8	66,0	9,2
1940–1944	6,9	16,9	3,2	25,6	62,4	12,0
1945–1949	6,2	18,1	2,7	22,8	67,0	10,2
1950–1954	5,8	17,8	3,4	21,5	66,0	12,5
1955–1959	5,5	18,2	3,3	20,6	67,3	12,1

Примечание. ¹ Здесь и далее под супружеским союзом понимается партнерский союз любого типа: зарегистрированный брак либо неформальный (незарегистрированный) союз, в котором партнеры проживали совместно в течение не менее 3 месяцев.

Самой младшей когортой, достигшей своего 45-летия, в обследовании РИДМИЖ было поколение 1955–1959 гг. рождения. 27 лет активной репродуктивной жизни они использовали следующим образом: в среднем 5,5 года они провели в состоянии ожидания (поиска) первого партнера/супруга (20,6% бюджета времени), 18,2 года они пребывали в супружеских союзах всех типов (формальных и неформальных), что равнозначно наиболее эффективному использованию 67,3% общего бюджета репродуктивного периода, и 3,3 года находились в состоянии одиночества (без партнера, проживающего в домохозяйстве) вследствие прекращения союзов всех очередностей (12,1% бюджета времени). Если сравнить эти данные с соответствующими характеристиками для предшествующих поколений, то нельзя не отметить существенного снижения — почти на 3 года — длительности пребывания в состоянии девичества (до начала первого партнерского союза), что еще раз подтверждает очевидную тенденцию к омоложению брачности, наблюдавшуюся в послевоенный период. Увеличение длительности пребывания в одиночестве после прекращения супружеских союзов нас также не удивляет — вероятность официального расторжения брака увеличилась

Распределение времени, прожитого российскими женщинами разных поколений в возрасте 18–45 лет, годы к %

после войны более чем в два раза. Однако, несмотря на действие этого фактора, прирост средней длительности одиночества после прекращения союзов оказался, по нашим расчетам, очень умеренным — не более чем на 1,5 года. Росту разводимости и овдовения противостояла тенденция расширения практики повторных союзов и сокращение периода поиска нового партнера.

Наиболее важный вывод, который можно сделать из представленных данных, касается средней длительности супружеской жизни в репродуктивном возрасте. Результирующий вектор отмеченных разнонаправленных тенденций оказался в целом положительным — средняя продолжительность супружества устояла под натиском ослабления прочности первых союзов благодаря приросту времени, которое дали повторные союзы и более ранние браки. Если расчеты произвести только для женщин, имевших опыт хотя бы одного партнерского союза (*табл. 12*), то средняя длительность супружеской жизни у представительницы поколения 1955–1959 гг. составит 19,2 года, что практически в точности соответствует показателю для поколения 1930–1934 гг. рождения (19,3 года). Данные *табл. 12* и *рис. 19* показывают, что если у поколений 1930-х гг. суммарное время супружества складывалось на 94% за счет первого и за редкими исключениями единственного союза, то у поколений 1950-х гг. при той же общей продолжительности супружеской жизни пребывание в первом союзе составляло 85%, а пребывание в повторных союзах — 15% итогового времени пребывания в статусе супруги.

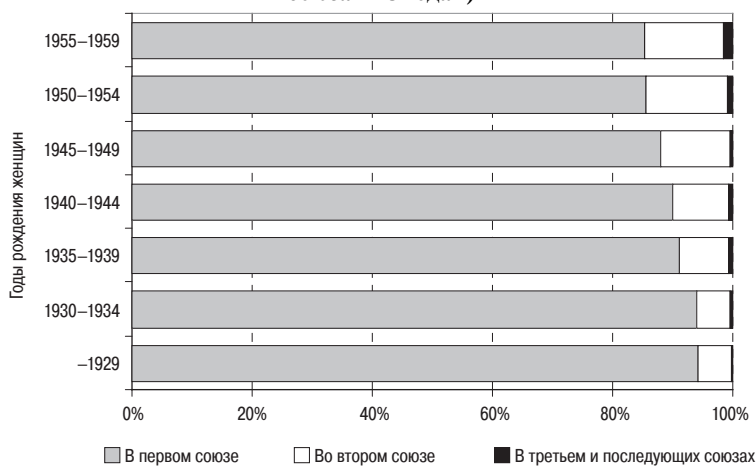
Таблица 12

Распределение среднего времени пребывания в супружеских союзах по очередности союза для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщины по годам рождения	Среднее число лет во всех союзах в возрасте от 18 до 45 лет	В том числе в союзе указанной очередности, %			
		всего	в первом союзе	во втором союзе	в третьем и последующих союзах
1929	19,6	100	94,3	5,5	0,2
1930–1934	19,3	100	94,1	5,4	0,5
1935–1939	19,6	100	91,2	8,2	0,6
1940–1944	18,8	100	90,0	9,4	0,6
1945–1949	19,7	100	88,0	11,5	0,5
1950–1954	19,2	100	85,5	13,6	0,9
1955–1959	19,2	100	85,3	13,2	1,5

Рисунок 19

Процентное распределение среднего времени, проведенного в супружестве, по очередности супружеского союза (женщины, имевшие опыт хотя бы одного союза к 45 годам)

Если же строить расчет исходя из всех женщин, имевших и не имевших опыт супружеской жизни, то можно отметить даже увеличение периода пребывания в статусе супруги — 18,2 года у поколения 1955–1959 г. рождения против 16,6 года у поколения 1930–1934 г. рождения (*табл. 11*). Этот дополнительный прирост был получен в результате не только массового снижения возраста начала семейной жизни, но и некоторого сокращения и без того традиционно низкого для России уровня окончательного безбрачия²⁸.

²⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000/Под ред. А. Г. Вишневецкого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 102, 112–113.

Из чего строится женское одиночество

Наглядное представление о том, как во второй половине XX в. трансформировалось понятие «одиночество», дают *табл. 13* и *рис. 20*. В женских поколениях, родившихся до середины 1930-х гг. и формировавших свои семьи соответственно в 1950-х и 1960-х гг., итоговая величина в 7,5 года одинокой жизни для 45-летней женщины на 70% объясняется пребыванием в состоянии ожидания начала первого союза и на 30% одиночеством в результате прекращения супружеских союзов всех очередностей. В поколениях второй половины 1950-х гг. 7,8 года одиночества (т.е. примерно та же длительность, что и для их матерей, родившихся до середины 1930-х гг.) лишь на 55% объясняется временем ожидания/поиска супруга, и на 45% — одиночеством после прекращения первых и повторных союзов.

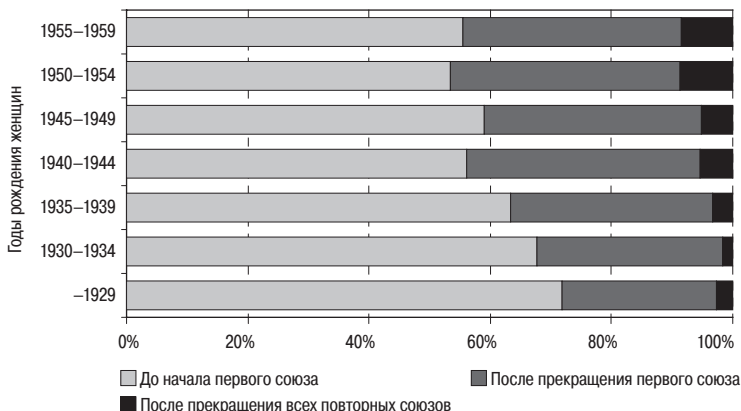
Таблица 13

Распределение среднего времени пребывания вне супружеских союзов для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщин по годам рождения	Среднее число лет вне супружеских союзов в возрасте 18–45 лет	В том числе по типам состояний, %			
		всего	до начала первого союза	после прекращения первого союза	после прекращения всех повторных союзов
1929	7,4	100	71,9	25,5	2,6
1930–1934	7,7	100	67,6	30,7	1,7
1935–1939	7,4	100	63,3	33,3	3,4
1940–1944	8,2	100	56,1	38,5	5,4
1945–1949	7,3	100	59,1	35,8	5,1
1950–1954	7,8	100	53,5	37,9	8,6
1955–1959	7,8	100	55,4	36,1	8,5

Среди двух причин прекращения супружеских союзов (развод/рассставание и смерть партнера) доминируют разводы и добровольные расставания (*табл. 14*). В то же время высокий уровень преждевременной смертности в России поддерживает высокий риск овдовения. Среди женщин, рожденных во второй половине 1950-х гг., вышедших замуж и испытавших несчастье быть впоследствии одинокой в возрастах до 45 лет, в каждом пятом случае причиной одиночества было вдовство! Причем в абсолютном измерении среднего числа лет, проведенного в состоянии вдовства, никакого прогресса от поколения к поколению не наблюдалось, что лишний раз подтверждает тот печальный факт, что смертность взрослого населения в послевоенный период не снижалась. Прямые потери потенциального времени пребывания в супружестве от овдовения и в поколениях 1930-х гг., и в поколениях второй половины

Процентное распределение среднего времени, проведенного вне супружеских союзов, в возрастном интервале 18–45 лет для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

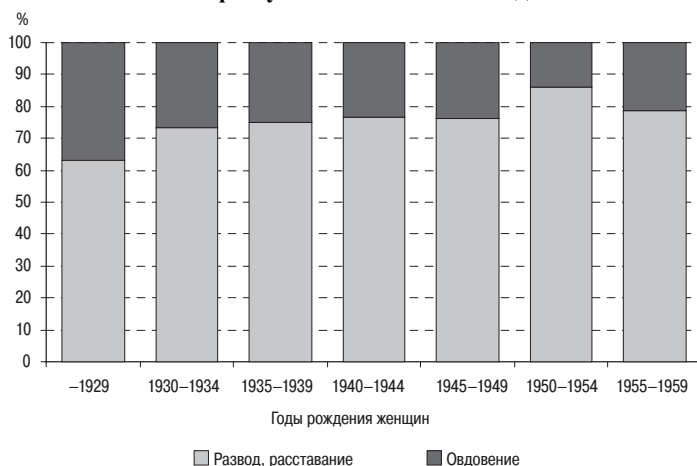
1950-х гг. измеряются одной и той же величиной в 0,7 года в расчете на одну женщину, имевшую опыт супружества к возрасту 45 лет. Поэтому снижение относительной роли вдовства как причины одиночества для тех же поколений, демонстрируемое в *табл. 14* и на *рис. 21*, есть результат не снижения суммарного риска овдоветь, а повышения риска прекращения союза вследствие обоюдного решения партнеров, что также обеспечивало и увеличение суммарного времени пребывания для женщины вне союзов по причине их прекращения, показанное в той же *табл. 14*.

Таблица 14

Распределение среднего времени, проведенного вне союзов, по причинам их прекращения для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

Поколения женщин по годам рождения	Среднее число лет вне супружеских союзов после их прекращения, лет	В том числе по причинам прекращения союза, %		
		всего	развод, расставание	овдовение
1929	2,1	100	63,0	37,0
1930–1934	2,5	100	73,5	26,5
1935–1939	2,7	100	74,8	25,2
1940–1944	3,6	100	76,6	23,4
1945–1949	3,0	100	76,2	23,8
1950–1954	3,6	100	86,1	13,9
1955–1959	3,5	100	78,7	21,3

Процентное распределение среднего времени, проведенного вне союзов, по причине их прекращения в возрастном интервале 18–45 лет для россиянок, имевших к возрасту 45 лет опыт хотя бы одного союза

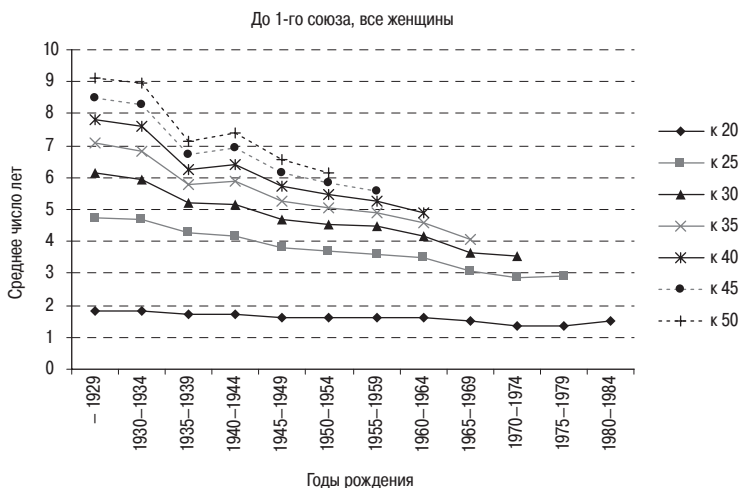

Интересно отметить, что для женских когорт первой половины 1950-х гг. риск овдоветь к возрасту 45 лет был существенно ниже, чем у предшествующих и последующих когорт. Не есть ли это результат временного снижения смертности в период антиалкогольной кампании 1985–1991 гг.? В этом случае правы те эксперты, которые утверждают, что отсроченная смерть десятков, если не сотен тысяч мужчин должна была благотворно сказаться на итоговых характеристиках репродуктивной биографии женских поколений, находившихся в детородном возрасте в период антиалкогольной кампании.

Супружеская жизнь в России длинна, как никогда прежде

Обратимся теперь к молодым поколениям, которые еще не завершили свой репродуктивный цикл, и посмотрим, в какой мере их поведение в брачно-партнерской сфере отличается от предшествующих поколений. С этой целью для последовательности женских поколений будем сравнивать среднюю длительность пребывания в том или ином состоянии, приведенную к фиксированным возрастам. Так, самая младшая из когорт, приведенных на *рис. 22* (женщины 1980–1984 гг. рождения), успела прожить к моменту обследования не менее 20 лет, когорта 1975–1979 гг. — 25 лет, когорта 1970–1974 гг. — 30 лет и т.д. Соответственно для представительниц когорты 1980–1984 гг. средняя длительность пребывания в том или ином состоянии будет нами оцениваться на возрастном отрезке от 18 до 20 лет, для когорты 1975–1979 гг. — на отрезке от 18 до 25 лет, для когорты 1970–1974 гг. — на отрезке от 18 до 30 лет и т.д.

**Среднее число лет пребывания в состоянии «до начала первого партнерского союза с совместным проживанием партнеров» к указанным возрастам.
Россия, реальные поколения женщин,
имевших и не имевших опыт проживания в союзах любого типа**

На рис. 22 продемонстрирована средняя длительность пребывания в ожидании первого брачно-партнерского союза для всех женских поколений, представленных в обследовании. Отмечено, что, во-первых, от поколения к поколению отчетливо фиксируется сокращение периода девичества в ожидании начала собственной семейной жизни. Во-вторых, накопленный эффект сокращения длительности пребывания женщин в состоянии «до первого партнерства» к старшим возрастам оказывается весьма значимым — целых три года к возрасту 35, 40, 45 и 50 лет. Однако эффект нельзя отнести только на счет «омоложения» брачности. Если мы возьмем в расчет только тех женщин, которые испытали к тем же возрастам опыт первого партнерского союза, то снижение периода ожидания первого супруга хотя и будет значимым, но все же в 2 раза меньшим — не более чем на 1,5 года к тем же возрастам (рис. 23). Таким образом, тенденция к более раннему замужеству объясняет половину общего снижения добрачного периода для женщины, а вторая половина этого снижения произошла за счет более широкого приобщения женщин к опыту семейной жизни, или иначе, уменьшения доли окончательного безбрачия.

В то же время обе эти тенденции, наиболее ярко проявившиеся в послевоенное время, очевидно, исчерпали себя. Когорты, родившиеся после 1975 г., демонстрируют признаки повышения возраста начала первого брачно-партнерского союза. Будет ли при этом повышаться итоговая доля

Среднее число лет пребывания в состоянии «до начала первого партнерского союза с совместным проживанием партнеров» к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

женщин, не испытавших на себе счастливое бремя супружеской жизни, пока судить невозможно. Сегодня мы находимся в самой начальной стадии нового процесса, затронувшего лишь самые молодые поколения.

Результаты нашего анализа позволяют поставить под сомнение широко распространенное мнение, что в послевоенной России рост разводов существенно сокращал продолжительность супружеской жизни, отрицательно влияя на уровень рождаемости. Эта констатация, в частности, лежит в основе не менее хорошо известного призыва «укреплять советскую/российскую семью», неизменно воспроизводимого во всех известных концепциях и программах демографической и семейной политики, как принятых на официальном уровне, так и обсуждаемых на экспертном уровне и в средствах массовой информации начиная с 1970-х гг. Нужно только иметь в виду, что вслед за некоторыми ведущими экспертами в области изучения брачно-семейных отношений, мы различаем влияние развода как фактора смены демографического состояния на средний уровень рождаемости женских поколений и влияние на рождаемость нестабильности, напряженности отношений в браке, которые, как правило, предшествуют разводу²⁹. Последнее является предметом специального рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

²⁹ Тольц М. С. Разводы и современный уровень рождаемости // Проблемы воспроизводства и занятости населения. — М.: ИСИ АН СССР, 1984. С. 23.

Рисунок 24

Среднее число лет пребывания в брачно-партнерских союзах всех очередностей к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

Рисунок 25

Среднее число лет пребывания в первом брачно-партнерском союзе к указанным возрастам. Россия, реальные поколения женщин, имевших опыт проживания в союзах любого типа

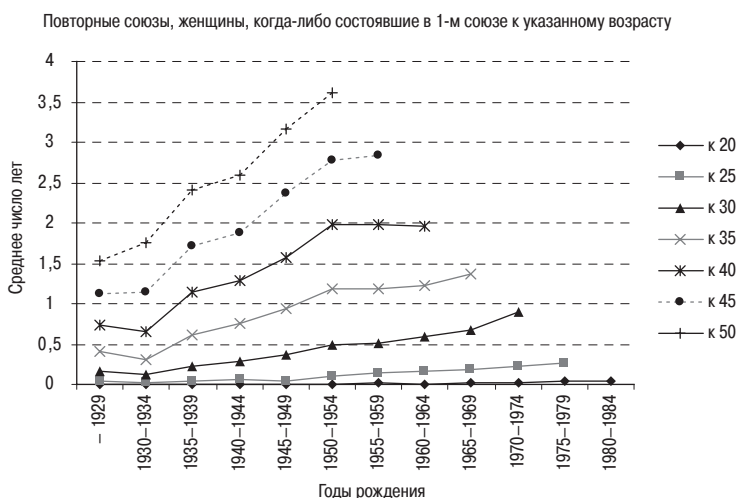
Данные, представленные на рис. 24 и 25, *не дают* основания утверждать, что в России во второй половине XX в. продолжительность супружеской

жизни для женщины в активном репродуктивном возрасте находилась под угрозой. **Влияние именно этого фактора на уровень рождаемости в стране не могло быть отрицательным.** Наоборот, оно должно было быть положительным. Не только суммарное время состояния во всех союзах, но и время пребывания в первом брачно-партнерском союзе к возрасту 35–40 лет во всех реальных поколениях поддерживалось на одном уровне. Более того, в возрастах до 30 лет наблюдалась устойчивая тенденция к росту, приостановившаяся лишь у самых молодых поколений.

Современная ситуация также пока особого беспокойства не вызывает. Средняя продолжительность пребывания в супружеском союзе/союзах для современной россиянки высока, как никогда прежде, а компенсирующая роль повторных союзов вполне соответствует растущему риску прекращения первых союзов (рис. 26).

Рисунок 26

Среднее число лет пребывания в повторных брачно-партнерских союзах к указанным возрастам россиянок разных поколений, имевших опыт проживания в союзах любого типа

Пребывание в брачно-партнерских союзах в различных возрастах: возрастная асимметрия риска родить ребенка

Известно, что возрастной профиль российской рождаемости в послевоенный период менялся в сторону омоложения. При сохранении максимума интенсивности деторождения, приходящегося на возраст 20–25 лет, вклад молодых матерей (до 25 лет) в показатель итоговой рождаемости поколений неуклонно повышался, достигнув 64% у женщин, родившихся в первой

**Средневзвешенный процент фактического использования максимально возможной длительности пребывания в партнерском союзе любого типа в расчете на одну женщину в указанных возрастных интервалах.
Россия, реальные поколения женщин**

Годы рождения женщин	Пребывание в брачно-партнерских союзах в возрастном интервале						
	18–20 лет	20–25 лет	25–30 лет	30–35 лет	35–40 лет	40–45 лет	45–50 лет
1929	6	36	69	75	77	74	70
1930–1934	7	39	72	76	76	75	70
1935–1939	13	46	77	82	81	78	74
1940–1944	14	49	74	77	78	74	69
1945–1949	17	54	77	80	79	78	73
1950–1954	18	55	76	82	80	76	72
1955–1959	16	59	80	84	81	78	
1960–1964	21	65	82	84	81		
1965–1969	26	66	79	77			
1970–1974	32	63	76				
1975–1979	28	63					
1980–1984	20						

Примечание. Максимально возможное пребывание в брачно-партнерском статусе для возрастного интервала 18–20 лет равно 2 годам, для остальных возрастных интервалов — 5 лет. Процент фактического использования потенциала времени исчислен как средневзвешенная величина из индивидуальных показателей длительности пребывания в брачно-партнерском союзе, отнесенных к максимально возможной длительности пребывания в союзе для данного индивида в указанном возрастном интервале.

половине 1960-х гг., против 40% — у женщин 1930-х г. рождения. В расчете на 1000 женщин в возрасте до 25 лет коэффициент рождаемости для тех же поколений увеличился на четверть³⁰. Обратившись к *табл. 15* и *рис. 27*, мы находим, по крайней мере, частичное объяснение данной тенденции.

Действительно, женские поколения, родившиеся в 1930-е гг. и позднее, с возрастающей полнотой посвящали свою молодость семейной жизни. Если в поколениях 1930-х гг. рождения примерно каждая десятая женщина в возрастном интервале 18–20 лет пребывала в брачно-партнерском союзе любого типа, а в возрастах 20–25 лет — менее половины состояли в союзах, то в поколениях 1960-х гг. рождения — каждая четвертая женщина из самой молодой возрастной группы и 2/3 женщин в интервале от 20–24 лет.

Поскольку повышение степени использования потенциала времени, отпущенного для супружеской жизни, в более старших возрастах было существенно менее значимым (прирост не более 10 процентных пунктов

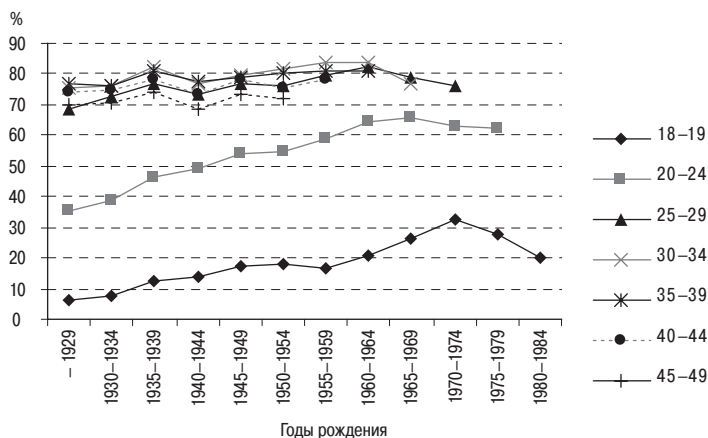
³⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000/Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006. С. 184–185.

в интервале 25–35 лет и еще меньшие величины в последующих возрастах), то приходим к выводу, что общий стаж супружеской жизни у средней россиянки прирастал главным образом за счет того, что возрастала доля женщин, утрачивающих девический статус в ранней молодости.

Рисунок 27

Средневзвешенный процент фактического использования максимально возможной длительности пребывания в партнерском союзе любого типа в расчете на одну женщину в указанных возрастных интервалах. Россия, реальные поколения женщин

В то же время связь между ранним началом семейной жизни и ранней рождаемостью не столь однозначна и проста, как может показаться на первый взгляд. Казалось бы, стремление к более раннему браку автоматически приводит и к более раннему обзаведению потомством. Однако требует доказательства, что ранний брак в поздний советский период был результатом добровольного выбора, год за годом распространявшегося на все более широкие слои населения. И как раз этот тезис давно уже специалистами поставлен под сомнение. Главным аргументом в их рассуждениях служили, правда, не очень регулярные и репрезентативные для всей страны, данные, свидетельствующие о массовом распространении добрачных беременностей, особенно среди самых молодых женщин, которые и играли стимулирующую роль раннего вступления в брак³¹. В свою очередь распространение добрачных зачатий вызывалось

³¹ Тольц М. С Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе // Демографический анализ рождаемости. — М: Статистика, 1974. С. 45–55; Миняев В. А., Поляков И. В. Здоровоохранение крупного социалистического города. — М.: Медицина, 1979. с. 47–48; Тольц М. С., Оберг Л. Я. Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи // Социальный и демографические

усиливающейся либерализацией добрачного сексуального поведения, проявившейся с 1960-х гг.³² Для нас особенно важно, что все более раннее начало половой жизни происходило на фоне низкой контрацептивной культуры и вопиющей нехватки противозачаточных средств. Широко распространенное убеждение о крайней нежелательности прерывания первой беременности абортom всецело поддерживалось медицинским сообществом, что усиливало традиционную мотивацию заключения брака в случае наступления беременности.

Обследование РидМиЖ–2004 впервые предоставило исследователям репрезентативные на уровне страны данные, позволяющие в ретроспективе проследить, как менялся протогенетический интервал (интервал времени между началом совместной жизни или регистрацией брака и моментом рождения ребенка) в различных реальных поколениях по году рождения женщин и брачно-партнерских когортах по году начала совместной жизни.

Результаты обследования со всей убедительностью подтверждают с начала 1960-х гг. устойчивую тенденцию к росту доли рождений, обеспеченных зачатиями, состоявшимися до начала совместной жизни партнеров. Так, в брачно-партнерских когортах 1950-х гг. 10–12% первых детей появились на свет в результате таких зачатий, а в союзах, начавшихся в 1980-х гг., — более 20%. Таким образом, не только усиливалось юридическое прикрытие ускоренным браком добрачной беременности, на что многократно указывали другие авторы, но и начало совместной жизни партнеров вообще во все большей степени ставилось в зависимость от наличия беременности.

Таким образом, и тенденция к более ранней рождаемости, и тенденция к более раннему началу брачно-партнерских отношений, вероятнее всего, были следствием общих причин, долгое время привлекавших внимание лишь редких специалистов, изменений, происходящих в сфере сексуальных отношений послевоенной молодежи. Традиционная мораль долгое время сдерживала раскрепощение ранней сексуальности, ставя ограничительные барьеры в виде необходимости легитимации этих отношений посредством регистрации брака или хотя бы совместного проживания с последующей, весьма желательной, регистрацией отношений. Стремление сохранить социальный контроль над поведением своих «взрослых» детей со стороны старших поколений в изменившихся условиях, и в то же время в полном соответствии с традиционными

аспекты исследования брака, семьи и репродуктивных установок. Тезисы конференции. — Ереван, 1983. С. 118–122; *Тольц М.С.* Взаимосвязь брачного и репродуктивного поведения//Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. — М.: Мысль, 1986. С. 39–53.

³² *Кон И.С.* Сексуальная культура России: клубничка на березке. — М.: ОГИ, 1997. С. 262–271; *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. — М.: Ладомир, 2005.

представлениями играло немалую роль в поддержании, а отчасти и в возрождении, архаичной модели раннего формирования семей.

Табл. 16 дает отчетливую картину изменений в поведении молодежи в послевоенный период: более 80% женщин, родившихся в 1930-х гг., и примерно 70% женщин, родившихся в 1950-х гг., не имели опыта устойчивых брачно-партнерских отношений в возрасте 18–19 лет, в то время как в поколениях второй половины 1960-х — первой половины 1970-х гг. таковых было чуть более половины.

Расчеты, представленные в *табл. 16*, помогают ответить и на вопрос: «Какой процент женщин в каждой возрастной группе оказывается практически выключенным из процесса воспроизводства населения (не проживают совместно с партнером и, соответственно, имеют низкий риск родить ребенка)?» По нашей оценке получается, что в самых молодых поколениях примерно 16–20% в возрасте 20–25 лет и 10–15% в возрасте 25–40 лет имеют наименьший риск стать матерями. При этом можно отметить и положительный тренд: вплоть до поколений, родившихся в 1960-х гг., доля женщин, имевших опыт состояния в брачно-партнерских союзах в основных репродуктивных возрастах, повышалась. В том числе повышалась и доля женщин, непрерывно состоявших в партнерских союзах в течение каждого из выделенных возрастных периодов своей жизни (*табл. 17*).

Таблица 16

Процент женщин, не состоявших в партнерских союзах любого типа в течение всего возрастного интервала (женщины с нулевым фактическим использованием максимально возможной длительности пребывания в союзе в указанном интервале). Россия, реальные поколения женщин

Годы рождения женщин	В интервале возраста						
	от 18 до 20 лет	от 20 до 25 лет	от 25 до 30 лет	от 30 до 35 лет	от 35 до 40 лет	от 40 до 45 лет	от 45 до 50 лет
1929	89	42	26	22	22	24	27
1930–1934	87	36	22	19	20	22	27
1935–1939	80	30	15	13	16	19	24
1940–1944	77	30	17	18	19	25	28
1945–1949	74	26	14	15	16	19	22
1950–1954	72	23	14	13	15	20	24
1955–1959	69	20	12	10	13	17	
1960–1964	63	17	10	10	15		
1965–1969	58	16	13	16			
1970–1974	51	19	15				
1975–1979	60	17					
1980–1984	66						

Для поколения 1960-х гг. рождения, внесших основной вклад в российскую рождаемость 1980–1990-х гг., оценка потенциального риска рождения

Процент женщин, состоявших в партнерских союзах любого типа в течение всего возрастного интервала (женщины со 100-процентным фактическим использованием максимально возможной длительности пребывания в союзе в указанном интервале). Россия, реальные поколения женщин

Годы рождения женщин	В возрастном интервале:						
	от 18 до 20 лет	от 20 до 25 лет	от 25 до 30 лет	от 30 до 35 лет	от 35 до 40 лет	от 40 до 45 лет	от 45 до 50 лет
1929	3	15	60	71	75	73	67
1930–1934	3	15	64	71	72	71	68
1935–1939	5	21	64	75	76	74	72
1940–1944	7	23	63	71	72	71	66
1945–1949	8	24	63	74	74	74	69
1950–1954	9	24	65	75	75	70	67
1955–1959	5	27	70	76	75	73	
1960–1964	8	34	72	77	76		
1965–1969	13	35	67	70			
1970–1974	16	36	62				
1975–1979	15	31					
1980–1984	9						

ребенка будет следующей: максимальный риск родить ребенка (женщины, проживающие в союзах весь возрастной интервал) распространялся примерно на 10–15% женщин 18–20 лет, на 30–40% женщин в возрасте 20–25 лет и на 70–75% женщин в возрасте 25–40 лет (табл. 17). Если же расчеты вести для среднестатистической представительницы указанных поколений, т. е. учесть некий усредненный брачно-партнерский опыт использования бюджета времени репродуктивной жизни, то, возвращаясь к табл. 15, имеем следующую картину: имели риск родить ребенка примерно 20–25% женщин в возрасте 18–20 лет, 65% женщин в возрасте 20–25 лет и 80% женщин в возрасте 25–40 лет. Давая такие оценки, мы, конечно, игнорируем возможность для женщины стать матерью, если она не проживает совместно с каким-либо партнером (в течение не менее 3 месяцев подряд в соответствии с критерием, принятым в обследовании РидМиЖ).

Безусловно, возможность родить ребенка вне каких-либо устойчивых партнерских союзов не является ничтожной. Беременности от случайных партнеров и от кратковременных связей не всегда прерываются абортom, да и сама женщина может сознательно идти на рождение ребенка для себя, в том числе и от мужчины, состоящего в другом браке. Однако, как показывают данные обследования, такая практика среди российского населения не слишком распространена. Более того, в послевоенное время по мере сглаживания половозрастных диспропорций,

вызванных войной, доля детей, рожденных вне партнерских союзов, сокращалась. Так, в женских поколениях 1930-х гг. рождения доля детей, рожденных вне брачно-партнерских союзов, составляла 10–15%, а в поколениях первой половины 1960-х гг. — 5%. Таким образом, роль супружеских союзов (зарегистрированных и незарегистрированных) в формировании общего уровня рождаемости в стране долгое время усиливалась. Эта тенденция продолжалась вплоть до поколений, родившихся в начале 1970-х гг., для которых ожидаемый показатель рождений вне партнерских союзов несколько увеличится и составит около 8%, что, однако, все еще много ниже, чем у поколений, репродуктивная биография которых складывалась в первые два десятилетия после войны.

Вышеприведенные данные о состоянии женщин в брачно-партнерских союзах на протяжении жизни интересно сравнить с тем, как был использован этот потенциал для рождения детей. В *табл. 18* приводятся оценки (по данным обследования РидМиЖ–2004) доли женщин каждого поколения, родивших ребенка в каждом из указанных возрастных периодов жизни.

Таблица 18

**Процент женщин, родивших ребенка любой очередности
в указанных возрастных интервалах. Россия, реальные поколения женщин**

Годы рождения женщин	В возрастном интервале					
	от 18 до 20 лет	от 20 до 25 лет	от 25 до 30 лет	от 30 до 35 лет	от 35 до 40 лет	40 лет и старше
1929	4	55	65	36	14	2
1930–1934	7	67	61	28	12	3
1935–1939	9	68	54	27	11	1
1940–1944	10	63	49	26	8	2
1945–1949	13	71	49	25	8	2
1950–1954	15	68	46	33	10	2
1955–1959	14	71	54	27	7	2
1960–1964	14	78	49	16	5	
1965–1969	20	77	33	15		
1970–1974	26	59	34			
1975–1979	16	56				
1980–1984	12					

Примечание. Сумма по строкам не равна 100% за счет повторности рождений.

Первое, что бросается в глаза, — возрастная асимметричность материнства в России, особенно в сравнении с возрастным профилем пребывания женщин в брачно-партнерских союзах. Брачный потенциал в возрастах 25–30 лет и тем более в возрастах старше 30 остается в значительной степени недоиспользованным. Причем послевоенная тенденция характеризовалась усилением крена распределения мате-

ринства в сторону молодых возрастов. Так, если в поколениях 1930-х гг. рождения менее 10% женщин рожали детей в возрасте 18–19 лет, то в поколениях первой половины 1970-х гг. каждая четвертая (!) женщина стала матерью в столь юном возрасте (26%).

Если вспомнить, что в течение этого двухлетнего возрастного интервала (18–20 лет) 16% женщин 1970–1974 гг. рождения непрерывно состояли в брачно-партнерских союзах (т.е. существенно меньше 26% женщин тех же поколений, родивших ребенка в том же возрасте, ср. *табл. 17* и *18*), то можно со всей уверенностью утверждать: для значительной части самых молодых женщин невступление в брак и/или совместное проживание с партнером предшествовали беременности, и наоборот, наступление беременности стимулировало начало семейного союза. Более того, если еще раз обратиться к данным, приведенным в *табл. 15*, согласно которым для поколений 1970–1974 гг. рождения в среднем было характерно использование брачно-партнерского потенциала в данном возрастном периоде жизни на уровне 32%, то можно сформулировать еще один важный вывод: партнерские союзы в юном возрасте — это, за редкими исключениями, союзы, в которых имеется ребенок (родительские союзы). То же самое можно утверждать и обо всех предшествующих поколениях, юность которых пришлась на советский период.

Начиная с поколений, родившихся во второй половине 1970-х гг., социализация которых проходила в условиях постсоветской России, мы наблюдаем очевидный перелом — доля состоящих в брачных союзах в раннем возрасте начинает снижаться, получают распространение союзы молодых людей без детей (ср. *табл. 15* и *18*).

Заметим, что в странах Западной Европы, по крайней мере уже с середины 1970-х гг., совместное проживание партнеров в период ранней молодости, как правило, не сопровождается рождением детей. Предупреждению незапланированных беременностей, откладыванию рождений детей на более зрелый в социальном смысле возраст и, в любом случае, на период проверки прочности отношений между партнерами, способствовало быстрое распространение доступных и эффективных контрацептивных средств. Видимо, в середине 1990-х гг., 20 лет спустя, и России настало время пойти проторенным путем.

«Золотой век» господства традиционного брака в России пришел к закату

Практически все, что было выше сказано о послевоенных тенденциях, относящихся ко всем брачно-партнерским союзам в России, включающим зарегистрированные и незарегистрированные союзы, справедливо и по отношению к зарегистрированным бракам, взятым отдельно. Возраст женщин при регистрации брака снижался, доля жен-

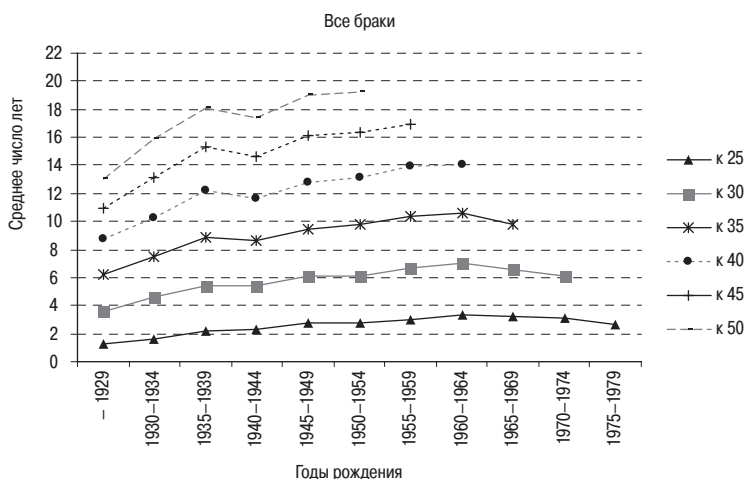
щин, имевших опыт хотя бы одного брака в течение жизни, повышалась, риск прекращения брака по причине развода увеличивался, но в то же время и компенсационный рост вероятности вступления в повторный, также официальный, брак до определенного момента возрастал.

Рост средней длительности пребывания в зарегистрированных браках в расчете на одну представительницу реального поколения еще более очевиден, чем описанная выше тенденция по отношению к итоговой длительности пребывания в супружеских союзах всех типов и очередностей (рис. 28). К возрасту 45 лет одна женщина, рожденная в 1955–1959 гг., провела в официально оформленных браках, по нашим расчетам, в среднем 17,5 года. В то время как их матери, родившиеся в 1930-е гг. — 13–15 лет. Даже к возрасту 25, 30 и 35 лет разница в длительности брачной жизни между теми же поколениями составляет более 2 лет. И это при более чем двукратном росте вероятности развода! В течение 20 лет своего существования фактически распалось (разводы и расставания без оформления развода суммарно) около 30% первых браков, заключенных в 1979–1983 гг., и менее 15% первых браков, заключенных во второй половине 1950-х гг. (рис. 29).

Исторически максимальное время пребывания в официальном браке, видимо, продемонстрируют когорты женщин, родившиеся в первой половине 1960-х гг. Эти когорты активно формировали свои семьи в 1980-е гг. Вероятнее всего, семейная политика, активизировавшаяся

Рисунок 28

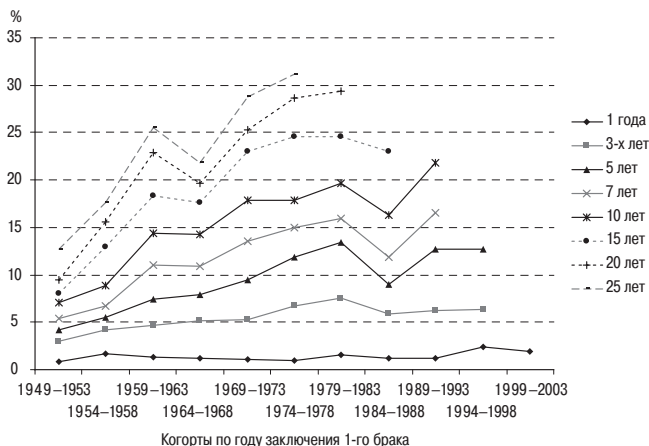
Среднее число лет пребывания в зарегистрированных браках всех очередностей к указанным возрастам для россиянок разных поколений

в СССР в начале 1980-х гг., дала дополнительный импульс повышению брачности в целом и снижению возраста регистрации брака. Политика тех лет резко подстегнула обзаведение детьми в молодом возрасте³³, что не могло не вылиться и в более раннюю регистрацию брака. Да и само по себе оформление брачных отношений в те годы давало некоторые преимущества семьям, например, при получении жилья. Не исключено, что именно по этой причине браки, заключенные во второй половине 1980-х гг., показали временное падение вероятности развода, что также дало прибавку к суммарному времени пребывания в брачных союзах. Так, к 10-му году своего существования прекратилось 20% браков, заключенных в 1979–1983 гг., и 16% браков, заключенных в 1984–1988 гг. (рис. 27).

Рисунок 29

Доля первых браков, зарегистрированных официально и распавшихся в течение указанных лет от начала своего существования. Россия, брачные когорты по году заключения первого брака, в %

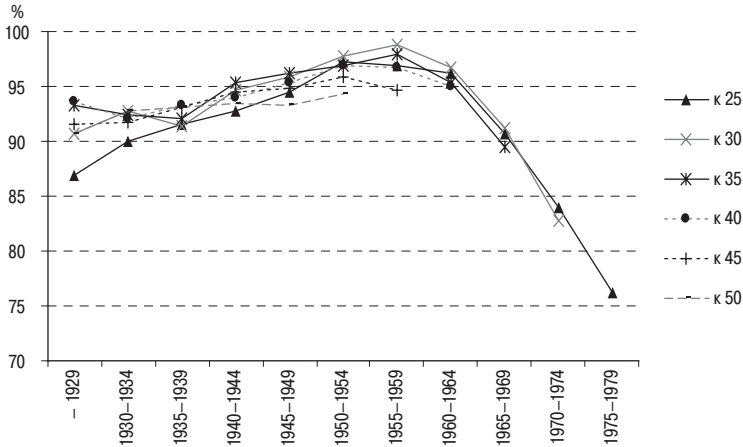
Последующие поколения, снижая темпы формирования семей (рождение детей и заключение браков откладываются на более поздний возраст), демонстрируют одновременно и медленное уменьшение среднего времени пребывания в официальном браке. В то же время, возможно, мы являемся свидетелями возникновения тенденции к стабилизации риска развода для браков, оформленных официально. По крайней мере, об этом говорят показатели, характеризующие прекращения браков, заключенных в 1990-х гг. (соответственно к первому, третьему и пятому году от начала их существования). Попутно заметим, что часто

³³ Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: Экспертиза, Рекомендации, Обзоры. 2006. № 5. С. 33–69.

Рисунок 30

Доля времени, проведенного в зарегистрированных браках всех очередностей, относительно суммарного времени, проведенного в брачно-партнерских союзах всех типов к указанному возрасту. Россия, реальные поколения женщин, проживавшие с партнером не менее трех месяцев подряд, в %

высказываемое мнение о специфической «эпидемии» разводов, якобы охватившей постсоветскую Россию, и в особенности в 1999–2002 гг., не подтверждается данными обследования РИДМИЖ–2004 (рис. 29). Таким образом, нашла прямое подтверждение гипотеза, сформулированная нами ранее³⁴, о том, что скачок числа зарегистрированных разводов — в значительной части артефакт, вызванный непродуманными изменениями системы статистической регистрации расторжения браков.

Принципиальный вывод о том, что в условиях современной России официально зарегистрированный брак теряет свою привлекательность, сформулированный выше, проиллюстрируем еще одним наглядным примером с использованием уникальных данных РИДМИЖ.

На рис. 30 отражена доля времени, проведенная в зарегистрированных браках всех очередностей представительницами реальных поколений, относительно итогового времени, проведенная ими в брачно-партнерских союзах всех типов.

В поколениях женщин, родившихся в 1950-х — начале 1960-х гг., зарегистрированный брак, безусловно, доминировал — 95–99% суммарного времени, проведенного в супружеских союзах к возрасту 25, 30, 35 и даже 40 лет, приходилось на зарегистрированный брак. По сравнению с поколениями 1930-х гг. рождения имелось даже некоторое увеличение

³⁴ Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневыский. — М.: Наука, 2006. С. 213–214.

данного показателя. Соответственно, «золотой век» господства официального брака в России пришелся на 1970-е и 1980-е гг.

Начиная с поколений россиян, родившихся во второй половине 1960-х гг., ситуация коренным образом меняется. Поколения 1965–1969 гг. рождения к 35-летнему возрасту в официальных браках провели менее 90% времени совместной жизни с партнерами (уровень показателя чуть ниже, чем у поколений 1930-х гг.). Поколения 1970–1974 гг. к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% времени пребывания во всех союзах. Наконец, представительницы поколений 1975–1979 гг. к возрасту 25 лет посвятили статусу «законной супруги» чуть более 75% общего времени пребывания в зарегистрированных и незарегистрированных союзах. И маловероятно, чтобы этот показатель существенно повысился по мере того, как эти, сегодня еще молодые женщины, наберутся с возрастом жизненного опыта.

Мы вплотную подошли к наиболее принципиальному, почти сакраментальному, вопросу, который волнует широкую общественность и экспертное сообщество: каким образом переход к нетрадиционной системе брачно-партнерских отношений сказывается на рождаемости в России.

Из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков. Известно также, что в молодом возрасте сожителство зачастую носит характер временного союза, основанного исключительно на сексуальном партнерстве, не претендующего на статус полноценной семьи, в которой предполагается рождение и воспитание детей. Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к «укреплению и возрождению семейных ценностей» сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространение «незаконных сожителств».

Так ли уж ущербны с демографической точки зрения новые формы супружества и семейной жизни? Опыт целого ряда развитых зарубежных стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, может приносить не проигрыш, а выигрыш в отношении рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость встречается в тех странах, где высока доля внебрачных рождений (читай, высок вклад в общую рождаемость рождаемости в широко распространенных незарегистрированных союзах). Не этот ли путь повышения рождаемости уготован и России? На все эти вопросы мы будем пытаться искать ответа в наших последующих исследованиях и будущих публикациях результатов обследования РидМиЖ.

*Захаров С. В.
Сакевич В. И.*

Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция — свершившийся факт?

Введение

В настоящее время демографическая ситуация в России прочно заняла одно из ведущих мест в ряду социально-экономических проблем государства. Обеспокоенность беспрецедентно низкой рождаемостью, сохраняющейся в стране в течение нескольких лет, вылилась в новую волну недавних государственных решений в области демографической и семейной политики. В то же время российское общество очень мало знает о механизмах планирования и формирования современной семьи, особенностях взаимоотношений мужчин и женщин, родителей и детей, трудоспособных и пожилых граждан в различных типах домохозяйств и пр. Проект «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РИДМиЖ) направлен на восполнение этих пробелов и изучение демографических и социально-экономических аспектов жизнедеятельности населения. Краеугольные камни обследования — проблемы планирования семьи и рождаемости.

Рождаемость в России — полностью контролируемый процесс на внутрисемейном уровне, о чем свидетельствуют одни из самых низких в мире показателей рождаемости. В то же время Россия продолжает удерживать одно из первых мест в мире по распространенности аборта. Значит, регулирование рождаемости эффективно с точки зрения результата — числа запланированных рождений, но при этом недостаточно эффективно и не оптимально с точки зрения путей достижения этого результата. Россия заметно отличается от разви-

тых стран по показателю соотношения беременности/рождения в худшую сторону.

Большое количество абортует ведет к высоким затратам, которые несут семья, общество и экономика. Огромная армия врачей и десятки тысяч коек в больницах отвлекаются на производство более 1,5 млн абортует ежегодно, поглощая значительные финансовые средства бюджетных ассигнований и ФОМС. Временная утрата трудоспособности, лечение многочисленных осложнений здоровья также высокзатратны для семьи, общества и экономики. Очень важна этическая составляющая данной проблемы.

Однако очевидно, что за последние пятнадцать лет в России стремительно сокращается число абортует¹. Этот факт имеет прямые (данные госстатистики) и косвенные подтверждения (локальные выборочные обследования). Можно предположить, что в стране наступает слом прежней модели регулирования рождаемости и «абортная культура» советской эпохи постепенно уходит в прошлое. Однако вплоть до настоящего времени национальные репрезентативные исследования контрацептивного поведения россиян не проводились. Знания об этой стороне репродуктивного поведения отрывочны.

Министерство здравоохранения и социального развития РФ ведет сбор сведений о числе женщин, использующих два вида контрацепции — внутриматочную и гормональную — и состоящих под наблюдением у врача. Эти данные неполные, например потому, что многие гормональные средства можно купить в аптеке без рецепта. Кроме того, данные официальной статистики не позволяют оценить число пар, которые действительно нуждаются в использовании контрацепции. Существует сеть частных медицинских учреждений, оказывающих услуги в сфере планирования семьи, и в какой степени результаты их работы попадают в статистику, неизвестно.

Обследование РИДМИЖ впервые в отечественной истории позволило получить общенациональные данные о способах внутрисемейного контроля рождаемости в России. Обширная программа обследования дает возможность выявить различия в контрацептивном поведении между поколениями и между разными социально-демографическими группами населения.

Сейчас в России обострилась общественная дискуссия о легитимности абортует, проводимого по желанию женщины. В то же время массовое общественное мнение по этому вопросу изучено плохо. С помощью

---

¹ Тем не менее попытки отрицать очевидное в угоду идеологическим пристрастиям иногда предпринимаются, правда, не в профессиональной среде. См. например: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0175/lisa01.php>; <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/lisa02.php>.

результатов РИДМИЖ можно детально проанализировать мнения о возможности законодательного ограничения аборта, в том числе в зависимости от различных дифференцирующих признаков респондента.

Распространено мнение, особенно в среде медицинских работников и организаторов системы здравоохранения, что каждая пятая семейная пара в России испытывает трудности с наступлением беременности. Демографы, оперируя демографическими данными макроуровня, подвергают эту гипотезу сомнению. Микроданные национального обследования РИДМИЖ вносят существенный вклад в прояснение этого вопроса. Они также помогают выяснить, в какой мере женщины и мужчины активны в преодолении нарушений репродуктивной функции.

Структура методов планирования семьи²

Анкета РИДМИЖ предлагала респондентам, имеющим партнера на момент проведения опроса, перечень методов контрацепции, из которых они могли выбрать применяемые ими с целью предотвращения беременности. Вопрос относился к женщинам репродуктивного возраста, т.е. моложе 50 лет, и к мужчинам, у которых имеются партнерши моложе 50 лет. Из числа опрашиваемых о контрацепции исключали беременных на момент интервью, а также респондентов, физически не способных иметь детей (стерильные).

По результатам РИДМИЖ, удельный вес пар, использующих какой-либо метод контрацепции, оказался очень высоким: 84% в женской выборке и 82% в мужской³. При этом 2/3 респондентов применяют современные методы контрацепции.

Самыми популярными являются презерватив (29% в женской выборке и 35% в мужской) и внутриматочная спираль (ВМС) (24% в женской выборке и 22% в мужской) (*табл. 1*). На третьем месте по частоте использования находится календарный метод (учет опасных дней), четвертое место делят гормональные противозачаточные таблетки и прерванный половой акт. Другие методы контрацепции используются в России очень редко. Кроме методов, указанных в *табл. 1*, один респондент ответил, что пара использует имплантанты (вшивание ампул), еще один — диафрагму.

Вставка

К современным методам контрацепции относятся женская и мужская стерилизация, гормональные таблетки, ВМС, презервативы, инъекции, имплантанты и вагинальные барьерные методы (диафрагма, спермициды и др.).

---

² В сокращенном варианте материалы данного раздела были опубликованы в: *Сакевич В.И. Особенности репродуктивного поведения населения в современной России// Управление здравоохранением. 2006. №1–2 (17–18). С. 37–42.*

³ В качестве знаменателя используется число респондентов, ответивших на вопрос о контрацепции.

К традиционным методам контрацепции относятся периодическое (метод ритма, или календарный) или полное воздержание, прерванный половой акт, спринцевание, послеродовая аменорея и народные методы.

(World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. — New York, 2004. P. 73)

Таблица 1

Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции среди респондентов, имеющих партнера на момент опроса, %

Метод	Женщины моложе 50 лет	Мужчины, чья партнерши моложе 50 лет
Какой-либо метод	83,8	81,7
Презерватив	28,5	35,0
Противозачаточные таблетки	15,0	13,1
ВМС	24,0	21,6
Спермициды (мази, свечи, пена, желе)	3,0	2,0
Инъекции гормональных контрацептивов	0,3	0,2
Срочная гормональная контрацепция	0,7	0,6
Спринцевание ¹	6,4	3,5
Прерванный половой акт	15,3	12,8
Календарный метод	18,0	15,8
Никакого метода	16,2	18,3
Всего ²	127,4	123,0
Только современные методы	51,5	53,6
Сочетание современных и традиционных методов	13,1	11,9
Только традиционные методы	19,2	16,2
Число респондентов ³	2272	1894

Примечание. ¹ Некоторые авторы не включают спринцевание в структуру методов контрацепции и рассматривают женщин, практикующих спринцевание, как не использующих контрацепцию. ² Респонденты могли указать несколько методов. ³ Респонденты, не ответившие на вопрос, исключены.

Около 1/5 респондентов заявили, что в настоящее время применяют несколько методов контрацепции (табл. 2). Чаще всего дополняются другими такие методы, как спермициды (мази, свечи и т.д.), традиционные (народные, естественные) методы, характеризующиеся невысокой эффективностью, а также срочная гормональная контрацепция (что вытекает из ее определения как экстренного, нерегулярного способа избежать незапланированной беременности) (табл. 3). Презерватив тоже зачастую сочетают с другими методами планирования семьи, что вполне оправдано, поскольку презерватив защищает не только от

нежелательной беременности, но и от инфекций, передаваемых половым путем.

Несколько человек указали на использование 5–6 методов контрацепции одновременно или на сочетание таких методов, как ВМС, гормональные таблетки и инъекции. Поскольку такие сочетания никак не влияют на результат, скорее всего, они имели в виду использование этих средств когда-либо в своей жизни, а не на момент проведения обследования.

Таблица 2

Распределение респондентов по числу применяемых методов контрацепции, %

Число методов	Женщины	Мужчины
0	16,2	18,3
1	63,9	64,3
2	13,6	12,8
3	5,5	4,0
4 и более	0,9	0,7
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Таблица 3

Доля респондентов, применяющих данный метод контрацепции как единственный и применяющих данный метод в сочетании с другими методами, от всех применяющих данный метод, %

Метод	Женщины			Мужчины		
	применяют единственный метод	применяют метод в сочетании с другими	всего	применяют единственный метод	применяют метод в сочетании с другими	всего
Срочная гормональная контрацепция	26	74	100	23	77	100
Спринцевание	38	62	100	37	63	100
Прерванный половой акт	40	60	100	39	61	100
Календарный метод	41	59	100	53	47	100
Спермициды (мази, свечи, пена, желе)	41	59	100	35	65	100
Презерватив	53	47	100	60	40	100
Противозачаточные таблетки	58	42	100	61	39	100
Инъекции гормональных контрацептивов	88	12	100	75	25	100
ВМС	93	7	100	91	9	100

Существует мнение, что заявление об одновременном применении нескольких методов предохранения от беременности свидетельствует о непостоянстве респондента, частом переходе от одного метода к другому,

что снижает эффективность контрацепции. РидМиЖ не позволяет подтвердить или опровергнуть это мнение, поскольку не содержит вопросов о длительности использования методов контрацепции. К сожалению, в анкете РидМиЖ также нет проверочных вопросов относительно правильности и регулярности применения методов контрацепции.

В табл. 4 представлено распределение мужчин и женщин по наиболее эффективным применяемым методам контрацепции. Если респондент указал несколько методов, то в данной таблице оставлен только один — самый эффективный⁴, например, если человек применяет презерватив и гормональные таблетки, оставлены таблетки.

Таблица 4

Распределение по самому эффективному из применяемых в настоящее время методов контрацепции среди респондентов, имеющих партнера на момент опроса¹, %

Метод	Женщины моложе 50 лет	Мужчины, чьи партнерши моложе 50 лет
Какой-либо метод	83,8	81,7
ВМС	24,0	21,6
Противозачаточные таблетки	14,4	12,8
Инъекции гормональных контрацептивов	0,3	0,2
Срочная гормональная контрацепция	0,7	0,5
Презерватив	23,4	29,7
Календарный метод	9,6	9,3
Прерванный половой акт	6,3	5,0
Спермициды (мази, свечи, пена, желе)	1,6	0,8
Спринцевание	3,5	1,8
Никакого метода	16,2	18,3
Всего	100	100
Число респондентов	2272	1894

Примечание. ¹ Если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

По данным табл. 4, как и табл. 1, самыми популярными методами среди респондентов репродуктивного возраста, имеющих партнера, являются ВМС (24% в женской выборке и 22% в мужской) и презерватив (23% в женской выборке и 30% в мужской). 13–14% пар используют для предотвращения беременности гормональные таблетки. 16–19% пар полагаются на традиционные методы (календарный, прерванное сношение, спринцевание). Небольшой процент пар (0,8–1,6) отдадут

⁴ Ранжирование методов по их эффективности взято из американского источника (см. табл. 1 Приложения 2): Trussell J. Contraceptive efficacy// Hatcher R.A., Trussell J., Stewart F., et al. Contraceptive Technology: Eighteenth Revised Edition. — NY: Ardent Media, 2004.

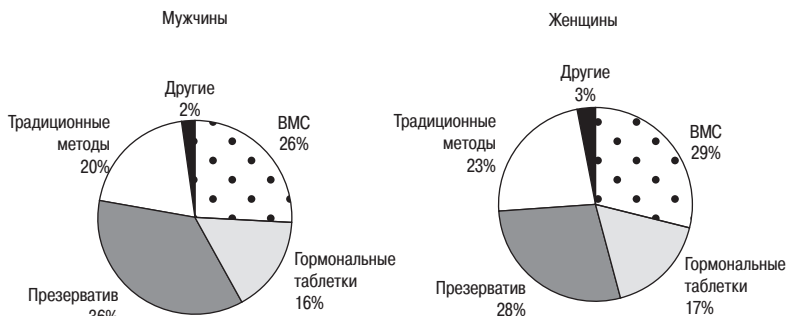

предпочтение спермицидам. Не получили широкого распространения в России такие эффективные средства, как имплантанты (вшивание ампул) и внутримышечные инъекции гормональных контрацептивов.

Как показал опрос, 16% женщин и 18% мужчин, имеющих партнера, ничего не предпринимают для предотвращения беременности. К сожалению, поскольку анкета не содержит вопросов о причинах отказа от контрацепции, можно сделать лишь некоторые предположения. Например, около 1/3 женщин, не применяющих контрацепцию, хотели бы завести ребенка в течение ближайших трех лет. Более 20% женщин, отказывающихся от контрацепции, считают, что они или их партнеры не смогли бы иметь ребенка, даже если бы хотели. Естественно, что этим парам не нужна контрацепция.

Рисунок 1

Структура применяемых методов контрацепции, % от всех респондентов¹, имеющих партнера и применяющих методы контрацепции

Примечание. ¹ Если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

Можно рассчитать удельный вес пар с так называемой *неудовлетворенной потребностью в планировании семьи*, т.е. тех, кто не желает заводить ребенка в ближайшее время, здоров, но при этом не применяет никаких средств предохранения⁵. По данным РидМиЖ, доля таких людей составляет 7% в женской выборке и более 10% в мужской. На первый взгляд, немного, но если к ним добавить применяющих только традиционные методы, то показатели неудовлетворенной потребности в планировании семьи возрастут до 23% — это очень высокое значение для развитой страны. В большинстве стран Западной Европы данный показатель составляет менее 10%, а около 20% в таких регионах, как Латинская Америка и Северная Африка⁶.

⁵ Прием допущение: если человек имеет партнера, он сексуально активен.

⁶ World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — NY, 2004 (United Nations

Одним из самых распространенных в мире методов контрацепции является *стерилизация*. Женская и мужская, она служит основным методом планирования семьи во многих странах, например в Канаде (46% от числа женщин репродуктивного возраста), Бразилии (43%), Китае (41%), Австралии (38%), США (37%), Индии (36%), Мексике (31%), Великобритании (30%), Швейцарии (22%), Бельгии (17%), Нидерландах (15%)⁷. Во всех перечисленных странах, за исключением Великобритании и Нидерландов, преобладает женская стерилизация.

В Советском Союзе хирургическая стерилизация была разрешена в 1990 г. при наличии определенных показаний. Затем, в 1993 г. уже новое Российское государство признало медицинскую стерилизацию методом контрацепции (Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан (ст. 37) и приказ МЗ РФ №303 от 28.12.1993). Стерилизация в России может быть проведена по письменному заявлению гражданина не моложе 35 лет или имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний независимо от возраста и наличия детей.

Анкета РиДМиЖ не содержит прямого вопроса о контрацептивной стерилизации. Респондентам репродуктивного возраста (или, если это мужчины, тем, у кого есть партнерша моложе 50 лет), имеющим сексуальный опыт, был задан вопрос, «проводили ли они когда-нибудь контрацептивную стерилизацию или делали другую операцию, в результате которой они не могут иметь детей». Вопрос подразумевает проведение операций, приведших к бесплодию, возможно, временному. Поэтому стерилизация не была включена в структуру методов планирования семьи (табл. 1, 4).

Среди женщин 160 респондентов ответили положительно на этот вопрос, и еще 2 женщины ответили, что операция была сделана партнеру, что составляет около 5% от всех женщин в возрасте до 50 лет (ответивших на вопросы, касающиеся плодовитости). Очевидно, что в ряде случаев операция не имела контрацептивных целей. Так, 8% женщин, перенесших операцию, не имеют ни одного ребенка, в 15% случаев операция была проведена в возрасте 25 лет и моложе. Более того, несколько женщин после проведения операции родили ребенка.

Среди мужчин лишь 0,2% респондентов ответили утвердительно на этот вопрос и еще 2,5% респондентов ответили, что операция была сделана партнерше.

Таким образом, можно сделать вывод, что стерилизация как метод контрацепции все еще мало распространена в России, а среди

---

publication, Sales No. E.02. XIII.14 ISBN 92–1-151369–3).

⁷ World Contraceptive Use. Wall Chart. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. United Nations publication, 2003.

Таблица 5
Структура применяемых методов контрацепции по данным выборочных обследований женщин репродуктивного возраста, % от применяющих контрацепцию

	Регион	Год	Прерванное соотношение	Календарный метод	Сприцевание	Презерватив	ВМС	Гормональные таблетки	Другие
	Москва	1983	24,9	27,0	8,1	24,4	9,8	2,0	3,8
1	Саратов	1985	20,7	27,6	17,0	20,5	8,5	2,5	3,2
	Уфа		19,2	26,0	18,2	15,1	14,5	1,4	5,6
2	Москва	1984	14	30	17	21	11	4	4
	Хабаровский край, село	ок.1985	20,0	17,1	16,4	20,4	12,5	3,7	10,4
3	Калининская обл., город		19,2	19,9	14,3	20,5	15,4	3,3	8,1
	Челябинская обл., город		20,3	20,5	18,7	16,7	11,7	2,4	10,8
4	Санкт-Петербург, Калуга	1988	18,4	24,4	14,7	16,9	24,4	3,3	—
	Ивановская область, Екатеринбург, Пермь	1996	7,0	16,4	—	17,1	42,3	10,3	6,8
5		1999	11,0	16,4	—	21,9	34,2	11,0	5,5
6	<i>Р/Д/М/Ж</i>	2004	7,6	11,4	4,2	27,9	28,6	17,2	3,1

1 Опрос супругов с одним или двумя детьми, возраст женщины — до 35 лет.

2 Женщины, посетившие поликлинику.

3 Применяли методы контрацепции последние два года; могли указать несколько средств, поэтому сумма не равна 100.

5 Женщины, имеющие партнера.

6 Если респондент назвал несколько методов, выбран наиболее эффективный из них. Женщины, имеющие партнера.

Источники: *Бабин Е.Б.* Контрацептивное поведение супругов в городских семьях// Детность семьи: вчера, сегодня, завтра/ Рук. авт. кол. А.И. Антонов. — М.: Мысль, 1986. С. 146–156; *Роров А., Visser A. Ph., Ketting E.* Contraceptive Knowledge, Attitudes, and Practice in Russia during the 1980s// Studies in Family Planning. 1993. Vol. 24. №4. P. 227–236; *Шнейдерман Н.А.* Откровенный разговор: Рождаемость и меры ее регулирования. — М.: Мысль, 1991; *Харькова Т.Л.* Проблемы регулирования рождаемости в России// Здоровоохранение Российской Федерации. 1994. №5. С. 32–35; *Гольдберг Х., Бодрова В., Шакаршвили А. и др.* Исследование 1996 г. «Репродуктивное здоровье российских женщин». Итоговый отчет. ВЦИОМ (Россия), Центры по контролю за заболеваемостью и по профилактике (США), Агентство международного развития США; *Goldberg H.J., Serbanescu F.* Relationship between abortion and contraception in republics of the former Soviet Union. Report prepared for the XXIV General Conference of the IUSSP. — Salvador, Brazil, 18–24 August 2001.

прибегнувших к ней преобладают женщины. Если просуммировать число операций стерилизации, по официальным данным Минздрава России в 1991–2005 гг., и соотнести его с нынешней численностью женщин репродуктивного возраста, показатель составит приблизительно 0,6%.

Поскольку, как уже было сказано, национальных исследований внутрисемейного контроля рождаемости в России не проводилось, трудно оценить тенденции его изменения во времени. И все-таки, основываясь на результатах немногих локальных обследований, можно с большой вероятностью утверждать, что структура методов планирования семьи изменилась по сравнению с советскими временами и продолжает меняться (*табл. 5*). В частности, удельный вес пар, полагающихся на традиционные методы, хотя и остается высоким, имеет тенденцию к сокращению. В 1980-е гг. больше половины женщин, контролирующую рождаемость, использовали традиционные методы, а, по данным РидМиЖ, в 2004 г. таких было 23% (*рис. 1*). Число применяющих гормональные противозачаточные таблетки возросло с 1–4% в 1980-х гг. до 17%, по данным РидМиЖ.

Различия по возрасту, числу рожденных детей и брачно-партнерскому статусу

Согласно РидМиЖ, удельный вес пар, применяющих какие-либо методы контрацепции, очень высок во всех возрастах (*табл. 2 Приложение 2*). Самый высокий процент респондентов, использующих методы предохранения от беременности, отмечен в самой молодой возрастной группе 18–24 лет: 88,5% в женской выборке и 87% в мужской. Среди пар в возрасте после 40 лет этот процент уменьшается, но и плодовитость, а вместе с ней потребность в контрацепции с возрастом снижаются. Кроме того, программа исследования не содержит вопросов о сексуальной активности.

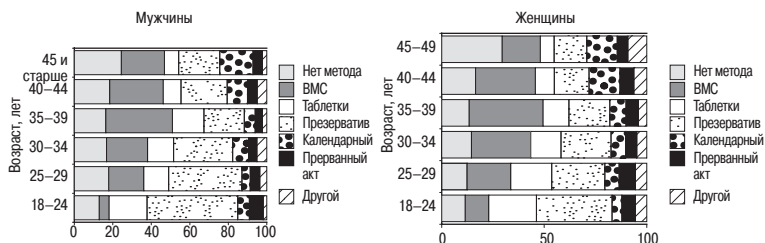
При этом опрос РидМиЖ выявил существенные различия в структуре применяемых методов контрацепции между возрастными группами:

- более молодые пары активнее применяют современные методы, часто в сочетании с традиционными, после 40 лет заметно увеличивается доля использующих только традиционные методы. Так, среди женщин 18–24 лет 13% полагаются только на традиционные методы, тогда как среди женщин 45–49 лет таких уже 26%;
- с возрастом сокращается число методов, используемых одновременно. Самый высокий процент применяющих два и более методов одновременно — среди самых молодых респондентов до

- 25 лет (28% у женщин и 22% у мужчин), среди 45–49-летних этот процент снижается до 13–14%;
- группа 18–24 года выделяется наиболее активным использованием презерватива (45% в женской выборке и 57% в мужской) и противозачаточных таблеток (23% в женской выборке и 20% в мужской), но при этом самой низкой распространенностью ВМС;
  - пик популярности ВМС приходится на возраст 35–39 лет: 35–36% всех респондентов в этом возрасте или 41–42% респондентов, применяющих контрацепцию, используют ВМС;
  - использование традиционных методов широко распространено во всех возрастах, немного понижаясь лишь в возрасте 35–39 лет, причем женщины заявляли об использовании традиционных методов чаще, чем мужчины (в среднем 40% женщин против 32% мужчин);
  - из традиционных методов до 30 лет чаще используется прерванный половой акт, а после 30 лет — календарный метод контрацепции.

Рисунок 2

Распределение респондентов, имеющих партнера на момент опроса, по самому эффективному из применяемых в настоящее время методов контрацепции в зависимости от возраста, %

Опрос РидМиЖ не показал существенных различий в уровне распространенности методов планирования семьи в зависимости от числа рожденных детей (табл. 3 Приложения 2). Даже среди женщин, не имеющих детей, 79% применяют тот или иной метод контрацепции. Это, по всей видимости, новое явление в России, свидетельствующее об откладывании первого рождения. Еще в середине 1990-х гг., согласно региональным исследованиям, больше половины замужних женщин, не имевших детей, не контролировали рождаемость⁸.

⁸ Гольдберг Х., Бодрова В., Шакаришвили А. и др. Исследование 1996 г. «Репродуктивное здоровье российских женщин». Итоговый отчет. ВЦИОМ (Россия), Центры по контролю за заболеваемостью и по профилактике (США), Агентство международного развития США.

Структура применяемых методов контрацепции у нерожавших женщин, естественно, отличается от структуры методов, применяемых после рождения ребенка. Первые активно используют презерватив, гормональные таблетки и прерванный половой акт. С рождением детей (и с возрастом) женщины все больше полагаются на ВМС и календарный метод.

Различия в контрацептивном поведении между респондентами с разным брачно-партнерским статусом (*табл. 4 Приложения 2*) отчасти возрастные. Так, партнеры, проживающие раздельно в незарегистрированном браке, — это в основном молодежь, не имеющая детей. Около 70% респондентов-женщин в этой группе — моложе 30 лет и 60% не имеют рождений. Отсюда понятна большая популярность презерватива. Тогда как в группе состоящих в зарегистрированном браке и проживающих совместно только 28% женщин моложе 30 лет и лишь 4% не имеют детей; здесь наиболее распространенный метод — ВМС.

Уровень использования контрацепции высок во всех выделенных брачно-партнерских группах. Трудно сказать, почему он ниже среди партнеров, проживающих совместно в незарегистрированном браке.

Различия по уровню образования и типу поселения

Уровень образования — сильный дифференцирующий признак контрацептивного поведения. По данным опроса РидМиЖ, чем выше уровень образования, тем выше распространенность контрацепции, причем среди женщин такая связь выражена сильнее (*табл. 5 Приложения 2*). Существуют различия и в структуре применяемых методов предупреждения беременности. Чтобы минимизировать влияние возраста, мы сравнивали респондентов старше 25 лет, т.е. в возрасте, когда получение образования в основном завершено. К тому же молодежная группа, как уже было показано, значительно отличается от старших возрастов по своему контрацептивному поведению.

По мере роста уровня образования увеличивается удельный вес пар, применяющих презерватив, гормональные таблетки и календарный метод контрацепции. Например, среди женщин со средним общим и начальным профессиональным образованием гормональные таблетки используют 10%, со средним профессиональным — 14%, а с высшим — 15,5%, в мужской выборке соответствующие цифры составляют 11, 9 и 18%. Календарный метод применяют 18% женщин со средним общим и начальным профессиональным образованием, 19% со средним профессиональным и 23% с высшим образованием, среди мужчин соответствующие цифры — 15, 17 и 22%. С повышением уровня образования растет число методов, применяемых одновременно.

Если учитывать только самый эффективный из применяемых методов (*табл. 6*), то в выборке женщин со средним общим, начальным профессио-

нальным и средним профессиональным образованием на первом месте по частоте использования стоит ВМС, а с высшим образованием — презерватив, затем ВМС и гормональные таблетки (как и выборке мужчин).

Таблица 6

Распределение респондентов старше 25 лет, имеющих партнера на момент опроса, по самому эффективному из применяемых в настоящее время методов контрацепции¹ в зависимости от уровня образования, %

Метод	Женщины			Мужчины		
	основное общее, среднее общее и начальное профессиональное	среднее профессиональное	высшее, неполное высшее и послевузовское	основное общее, среднее общее и начальное профессиональное	среднее профессиональное	высшее, неполное высшее и послевузовское
Никакого метода	23,1	14,6	13,6	19,9	19,0	18,5
ВМС	26,4	29,1	22,6	25,4	29,1	20,3
Инъекции	0,0	0,5	0,8	0,3	0,4	0,0
Противозачаточные таблетки	9,9	13,1	14,3	10,8	8,0	16,8
Срочная гормональная контрацепция	0,0	0,2	0,6	0,7	0,0	0,8
Презерватив	17,6	20,4	24,3	25,7	26,5	24,6
Календарный метод	10,2	10,2	13,4	9,3	11,2	11,0
Прерванный половой акт	6,9	6,0	5,7	5,4	2,9	5,0
Спермициды (мази, свечи, пена, желе)	1,4	1,9	2,1	0,4	0,8	1,5
Спринцевание	4,5	4,0	2,5	2,2	2,1	1,5
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

*Примечание.*¹ Если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

Исследование РидМиЖ выявило также различия в структуре применяемых методов контрацепции в зависимости от типа населенного пункта, в котором проживает респондент (табл. 7, табл. 6 Приложения 2).

Частота использования ВМС среди сельских женщин вдвое больше, чем среди жительниц областных центров. Зато частота использования гормональных таблеток, наоборот, в областных центрах вдвое выше, чем в сельской местности. Около 30% женщин в возрасте 20–29 лет, проживающих в областных центрах, заявили об использовании гормональных таблеток (речь идет о женщинах, имеющих партнера). Отчасти эти различия обусловлены разными возрастными и образовательными структурами жителей городов разной величины и сельской местности.

**Распределение по самому эффективному из применяемых женщинами
репродуктивного возраста, имеющими партнера, методов контрацепции¹
в зависимости от типа поселения, %**

Метод	Областные центры (без Москвы и Санкт-Петербурга)	Москва и Санкт-Петербург	Прочие города	ПГТ, сельские населенные пункты
Никакого метода	13,3	18,3	18,6	16,7
ВМС	16,2	11,2	28,8	32,6
Таблетки	21,2	10,1	12,3	10,7
Презерватив	27,1	36,2	16,6	20,3
Календарный метод	9,3	9,1	12,7	7,7
Прерванный половой акт	7,4	7,5	3,6	6,8
Спермициды (мази, свечи, пена, желе)	2,2	1,9	1,5	1,1
Спринцевание	2,2	3,1	5,1	3,6
Другой	1,1	2,6	0,8	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

*Примечание.*¹ Если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них.

Средний возраст респондента (из тех, кому задавали вопросы о контрацепции), проживающего в областном центре, составил 35 лет для мужчин и 33 года для женщин, а средний возраст респондента, проживающего в сельской местности, — 39 и 36 лет соответственно. Структура методов контрацепции в областных городах более соответствует обычному выбору молодежи — с преобладанием презерватива и меньшей распространенностью ВМС. На структуру методов оказывает влияние и то, что в городах намного больше, чем в сельских населенных пунктах, удельный вес респондентов с высшим образованием.

Чем крупнее населенный пункт, тем более популярны гормональные таблетки и менее популярны внутриматочные средства. Возможно, некоторое влияние оказывает разная доступность средств контрацепции в городах и в сельской местности.

Прерывание беременности (аборт)

Прерывание беременности, или аборт — деликатная тема, поэтому во многих странах информация о перенесенных абортах не включается в программы социологических опросов. Международная программа «Поколения и гендер», частью которой является российский проект РидМиЖ, также не содержит прямых вопросов об абортах, хотя для

российских женщин это не такая закрытая тема, как, например, для жительниц стран с большим влиянием церкви на жизнь общества.

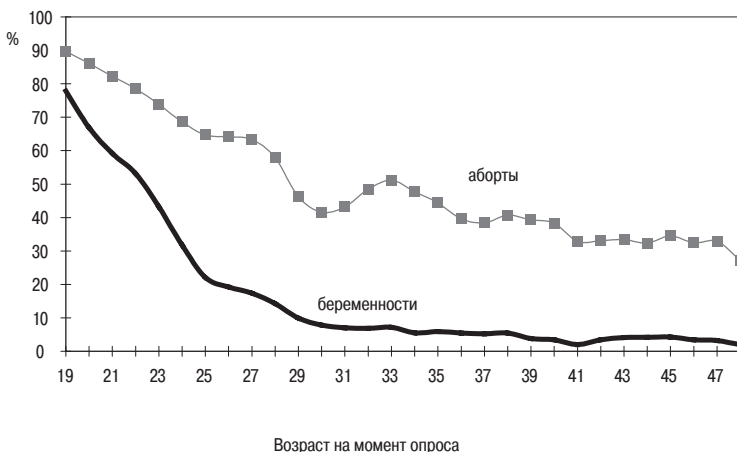
Российская анкета РиДМиЖ позволяет оценить количество абортос косвенным путем — вычитая из общего числа беременностей у женщины к моменту опроса число рожденных ею детей. Разница приблизительно соответствует числу прерванных (искусственно или спонтанно) беременностей за всю жизнь. Вопрос о числе беременностей за всю жизнь задавался женщинам репродуктивного возраста, т.е. моложе 50 лет. Оценку числа прерванных беременностей удалось получить для 3829 респонденток.

По данным РиДМиЖ, в среднем на одну представительницу условного поколения женщин, которым было от 18 до 49 лет на момент опроса, приходится 2,6 беременностей в течение жизни, в том числе 1,3 рождений и 1,3 прерванных беременностей⁹, т.е. только половина беременностей закончилась рождением ребенка. Около половины женщин 18–49 лет не имеют ни одной прерванной беременности.

Очевидно, что эти цифры меняются в зависимости от возраста. В возрастной группе 20–24 года 50% женщин еще не имеют ни одной беременности, затем доля таких женщин стремительно сокращается, и в возрасте 30–34 лет 7% женщин не имеют ни одной беременности, а в возрасте 45–49 лет — только 3% (рис. 3).

Рисунок 3

Доля не имеющих ни одной беременности и ни одного аборта среди женщин данного возраста, %

Примечание. Использована 3-летняя скользящая средняя.

⁹ Для простоты будем называть прерванные беременности абортос, хотя первые включают и некоторое число выкидышей. Также здесь не обсуждается проблема полноты ответов респонденток старших возрастов относительно беременностей, случившихся давно.

С возрастом сокращается и удельный вес респонденток, не имевших ни одной прерванной беременности. Так, среди 20–24-летних 78% не имели ни одного аборта, а среди 45–49-летних — только 30%; 50-процентный рубеж преодолевается к 30 годам, когда половина женщин имеют хотя бы один аборт в анамнезе (табл. 8).

Таблица 8

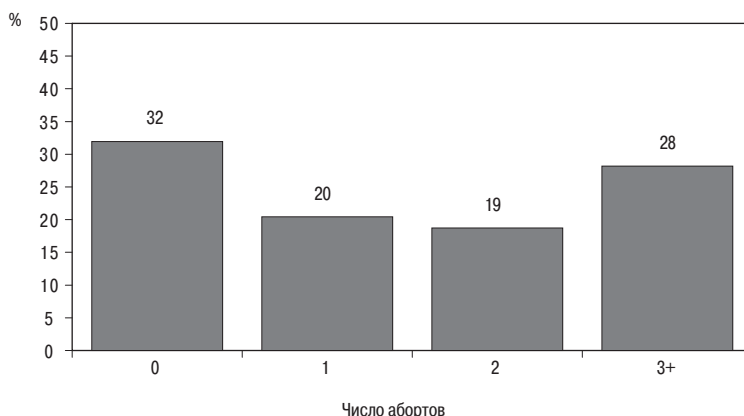
Показатели абортот по возрастным группам

Возраст на момент опроса	Среднее число абортов на 1 женщину к моменту опроса	Доля женщин, имевших хотя бы один аборт к моменту опроса, %	Доля женщин, имевших хотя бы два аборта к моменту опроса, %
18–19	0,1	8,5	2,3
20–24	0,3	21,7	6,8
25–29	0,8	40,4	18,5
30–34	1,3	53,5	34,4
35–39	1,6	59,2	39,9
40–44	1,8	66,0	44,0
45–49	2,0	69,6	50,4
18–49	1,3	50,6	31,9

У женщин 40–49 лет (т.е. 1955–1964 г. рождения), предположительно завершивших репродуктивный период, распределение по числу прерванных беременностей выглядит следующим образом (рис. 4): около 1/3 не имели абортов в своей жизни, приблизительно по 1/5 женщин сделали один и два аборта и около 30% имели три и больше прерванных беременностей.

Рисунок 4

Распределение женщин 40–49 лет по числу прерванных беременностей к моменту опроса, %

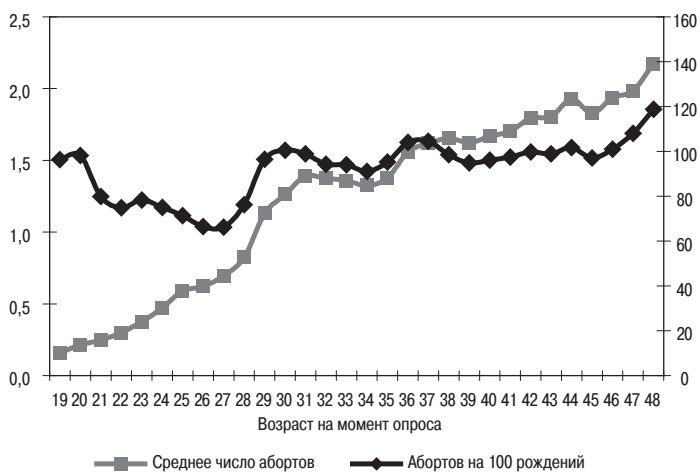
Примечание. Оценка получена для 1447 женщин.

Таким образом, в группу повышенного риска входит почти половина женщин, если к таковым отнести прерывавших беременность 2 раза и более: на них приходится около 90% всех аборт, сделанных представительницами поколения. В среднем на 1 женщину данного возрастного интервала приходится 1,8 рожденных детей и 1,9 прерванных беременностей.

Соотношение аборты/рождения к определенному возрасту (рис. 5) остается практически постоянным на протяжении репродуктивного периода — примерно один аборт на одно рождение. Только в самом активном с точки зрения деторождения возрасте (21–28 лет) — это соотношение меняется в пользу рождений (0,7–0,8 аборта на одно рождение).

Рисунок 5

Среднее число аборт, приходящихся на одну женщину (левая шкала) и число аборт на 100 рождений (правая шкала), к данному возрасту

Примечание. Использована 3-летняя скользящая средняя.

Высокий уровень аборт характерен для всех рассмотренных социально-демографических групп женщин (табл. 9). Более низкими показателями выделяются респондентки: 1) с высшим образованием; 2) применяющие только современные методы контрацепции; 3) с более прочным брачно-партнерским статусом, т.е. проживающие совместно с партнером в зарегистрированном браке по сравнению с состоящими в неформальном союзе; 4) жительницы Москвы и Санкт-Петербурга. Обращает на себя внимание тот факт, что *среди женщин, использующих современные, более эффективные методы планирования семьи, не только ниже уровень аборт, но и выше уровень рождаемости*, чем среди женщин, использующих малоэффективные традиционные методы или не применяющих контрацептивы вообще.

**Показатели абортсв среди женщин от 30 до 49 лет
в зависимости от социально-демографических характеристик**

Параметр	Распределение по числу прерванных беременностей к моменту опроса, %				Среднее число абортсв к моменту опроса, в расчете на одну женщину	Среднее число рожденных детей к моменту опроса, в расчете на одну женщину
	0	1	2	3 и более		
Тип населенного пункта						
областной центр	32	20	19	29	1,95	1,51
в том числе Москва, Санкт-Петербург	47	16	15	22	1,52	1,46
прочие города	37	22	17	24	1,66	1,63
сельский населенный пункт, поселок городского типа	42	18	16	24	1,63	1,97
Уровень образования						
основное общее, среднее общее, начальное профессиональное	38	20	16	26	1,83	1,85
среднее профессиональное	33	20	19	29	1,87	1,71
высшее, неполное высшее, послевузовское	41	21	18	20	1,43	1,47
Религиозность (православные)¹						
формальная	33	21	19	27	1,82	1,64
слабая	39	18	18	25	1,87	1,77
сильная	35	21	15	29	1,78	1,63
Брачно-партнерское состояние						
есть партнер	35	20	19	26	1,79	1,76
в том числе:						
живут вместе, брак зарегистрирован	36	21	19	24	1,69	1,85
живут вместе, брак не зарегистрирован	29	20	17	34	2,25	1,55
живут раздельно, брак не зарегистрирован	32	15	21	32	2,07	1,27
нет партнера	46	20	12	22	1,54	1,43
Имеют партнера на момент опроса и применяют методы контрацепции						
только современные	39	21	18	21	1,52	1,84
только традиционные	29	18	22	32	2,18	1,76
никакого метода	28	27	16	29	2,06	1,73
Число когда-либо рожденных детей						
0	65	14	8	13	0,76	

Параметр	Распределение по числу прерванных беременностей к моменту опроса, %				Среднее число абортотв к моменту опроса, в расчете на одну женщину	Среднее число рожденных детей к моменту опроса, в расчете на одну женщину
	0	1	2	3 и более		
1	36	26	16	22	1,60	
2	33	17	21	28	1,92	
3 и более	38	16	15	31	2,09	
<i>Все женщины 30–49 лет</i>	<i>37</i>	<i>20</i>	<i>18</i>	<i>26</i>	<i>1,77</i>	<i>1,70</i>

*Примечание.*¹ Религиозность (для тех, кто считает себя православным): **сильная** — если посещает службы не реже одного раза в два месяца, «полностью согласен» и «согласен» с необходимостью соблюдения обрядов, связанных с рождением, свадьбой, похоронами; **слабая** — если посещает службы реже одного раза в два месяца, «полностью согласен» и «согласен» с необходимостью соблюдения обрядов, связанных с рождением, свадьбой, похоронами; **формальная** — любое другое, менее активное поведение.

Естественно, уровень абортов ниже среди женщин, не имеющих партнера и не имеющих рождений на момент опроса, тем более что в эту группу входят никогда не имевшие устойчивых интимных отношений.

Любопытно, что в областных центрах (исключая Москву и Санкт-Петербург) число прерванных беременностей в среднем на одну женщину больше, чем в остальных городах и сельских населенных пунктах. Доля женщин 30–49 лет, имевших три и более аборта в анамнезе, составляет 29% в областных городах и 24% в остальных населенных пунктах, а доля не имевших прерванных беременностей — 32% в областных городах и 43% в сельских населенных пунктах. В то же время не нужно забывать, что в сельской местности рождаемость остается заметно выше, чем в городах, и, следовательно, число абортов при прочих равных условиях будет ниже, особенно в социальных группах, практикующих низкоэффективное планирование семьи.

Обследование не выявило четкой связи между религиозностью и числом абортов (среди исповедующих православие). Правда, аборты женщины делали в течение всей жизни, а степень религиозности оценивалась на момент опроса. 29% женщин, которых по нашим критериям можно отнести к сильно религиозным, сделали три и больше абортов за свою жизнь к моменту интервью.

Статус текущей беременности: запланированная или нет?

Опрос РиДМиЖ зафиксировал 122 текущие беременности, в том числе 73 респондентки были беременны на момент опроса и 49 респондентов-мужчин заявили, что их партнерша беременна на момент опроса.

Распределение беременных женщин по возрасту, характеру партнерских отношений и числу уже рожденных детей представлено в *табл. 10*. Большинство беременных женщин находятся в возрасте от 20 до 30 лет (56%), состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке (87%) и не имеют детей (49%) либо имеют одного ребенка (38%).

Таблица 10

Распределение беременных женщин по возрасту, семейному положению, числу рожденных детей

Показатели	Абс.	%
Возраст		
Моложе 19	16	13
20–24	38	31
25–29	31	25
30–34	22	18
35–39	5	4
40–44	3	2
Неизвестно	7	6
Всего	122	100
Брачно-партнерский статус		
Никогда не имел партнера	2	2
Брак зарегистрирован	71	58
Живут вместе, брак не зарегистрирован	32	26
Живут раздельно, брак зарегистрирован	3	2
Живут раздельно, брак не регистрировался	12	10
Сейчас партнера нет, с последним расстались	2	2
Всего	122	100
Число когда-либо рожденных детей		
0	36	49
1	28	38
2	7	10
3	2	3
<i>Всего</i>	<i>73</i>	<i>100</i>

Большая часть беременностей (12 или 10%) отмечена у партнеров, которые живут раздельно и брак не регистрировали. Две беременности зафиксированы в случаях, когда у опрошенных, по их заявлению, никогда не было устойчивых близких отношений с кем-либо. Респондент-мужчина, 23 года, ответил, что у него нет партнерши и при этом партнерша сейчас беременна. Ни он, ни женщина не хотели этой беременности, но будут стремиться сохранить ребенка, поскольку респондент категорически настроен против абортов. Налицо чисто случайная беременность: респондент использовал малоэффективный

метод контрацепции — прерванное сношение. Респондентка-женщина, 19 лет, заявила о своей текущей беременности при отсутствии партнера. Она тоже будет стремиться сохранить ребенка, более того, по ее словам, беременность желанная, «как раз вовремя». Она ничего не предпринимала для предотвращения беременности, отношения партнера к будущему ребенку не знает. При этом респондентка не работает, живет с матерью, доходы очень низкие.

В целом 58% текущих беременностей были охарактеризованы опрошенными как желанные и случившиеся вовремя, 23% — как желанные, но несвоевременные (раньше или позже) и 19% — как нежеланные (табл. 11). Таким образом, 42% беременностей можно охарактеризовать как незапланированные.

Таблица 11

Распределение текущих беременностей в зависимости от их статуса

Статус беременности	Абс.	%
Желанная, вовремя	71	58
Желанная, но несвоевременная	28	23
Нежеланная	23	19
<i>Итого</i>	<i>122</i>	<i>100</i>

Наибольший процент нежеланных беременностей — среди партнеров, которые живут раздельно и брак не регистрировали (5 из 12). Далее следуют пары, живущие в незарегистрированном браке (7 из 32 беременностей названы нежеланными).

Более трети текущих беременностей наступили несмотря на то, что респонденты применяли методы контрацепции. Из 23 респондентов, назвавших беременность нежеланной, 13 человек не предпринимали ничего, чтобы ее предотвратить, 7 пар пользовались традиционными методами и 3 пары — современными методами контрацепции.

Ответы на вопрос относительно планируемого исхода текущей беременности показали, что в целом очень небольшой процент респондентов будут стремиться прервать беременность (табл. 12), даже если беременность не планировалась.

Таблица 12

Намерения относительно исхода текущей беременности

Намерения	Абс.	%
Будут стремиться прервать беременность	4	3
Будут стремиться сохранить ребенка	116	95
Еще не решили, как поступить	2	2
<i>Всего</i>	<i>122</i>	<i>100</i>

Мнение об абортах

Раздел «Ценности и установки» российской программы РИДМИЖ содержит среди прочих вопрос о возможности законодательного ограничения аборта в стране.

Несмотря на широкую распространенность практики искусственного прерывания беременности, большая часть населения, судя по результатам опроса, относится к нему отрицательно. 45% респондентов согласились с тем, что «аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно» (табл. 13). Несогласие выразили 32%, и еще 23% не имеют твердого суждения по этому вопросу. Учитывая, что последние не высказались за законодательное ограничение аборта (хотя, очевидно, относятся к самому аборту негативно), можно сказать, что общество расколото примерно пополам в отношении к праву на искусственное прерывание беременности.

Таблица 13

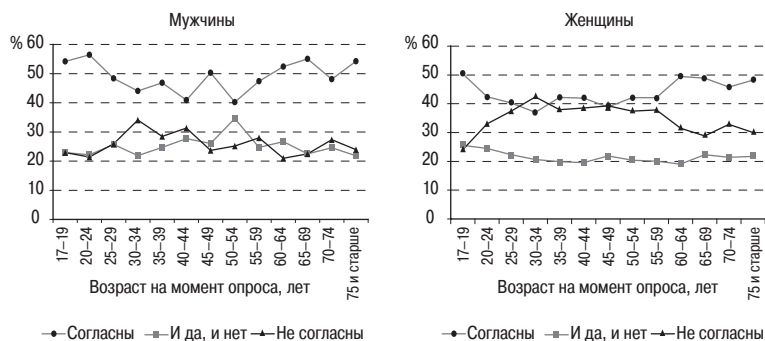
Распределение ответов респондентов на вопрос, согласны ли они с утверждением: «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно», %

Ответы	Женщины	Мужчины	Всего
Полностью согласны, согласны	43	48	45
И да, и нет	21	25	23
Не согласны, совсем не согласны	36	26	32
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Мужчины высказались более решительно против права на аборт, чем женщины (табл. 13). Среди опрошенных мужчин число сторонников

Рисунок 6

Распределение ответов респондентов на вопрос, согласны ли они с утверждением: «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно» в зависимости от возраста, %

ограничения/запрещения аборта превышает число противников во всех возрастах (рис. 6), причем в возрастных группах 18–24 года, 60–69 лет, 75 лет и старше доля сторонников ограничения/запрещения составляет больше половины.

Среди опрошенных женщин число сторонников ограничения аборта заметно превышает число противников в молодом возрасте (до 25 лет) и в пенсионном возрасте (после 60 лет), когда проблема нежелательной беременности неактуальна. В интервале 25–59 лет голоса между двумя крайними группами делятся примерно поровну: около 40% — за ограничение/запрещение аборта не по медицинским показаниям и около 40% — против.

Чем ниже уровень образования, тем консервативнее настроены респонденты (табл. 14). 51% опрошенных с образованием ниже полного среднего выступили за ограничение законных оснований для аборта — эта социальная страта, по-видимому, характеризуется самой высокой локализацией противников аборта. С повышением уровня образования растет удельный вес не согласных с предложенным в анкете утверждением — от 28% среди имеющих среднее общее и ниже образование до 38% среди имеющих высшее образование. С повышением образования увеличивается и доля колеблющихся.

Как видно из табл. 14, чаще соглашались с необходимостью законодательного ограничения аборта респонденты, проживающие в сельской местности и небольших городах. Наиболее либеральные взгляды на аборт продемонстрировали жители Москвы и Санкт-Петербурга.

Следует отметить, что пропорция респондентов, имеющая аргументы «за» и «против» ограничения права на аборт, достаточно равномерно представлена во всех социальных группах — от 21 до 25% от числа опрошенных по уровню образования и месту проживания (табл. 14).

Опрос также выявил, что удельный вес сторонников ограничения/запрещения аборта выше среди выходцев из многодетных семей и среди женщин, родивших троих и более детей (табл. 14). Вероятно, эти социально-демографические группы в большей степени разделяют традиционные представления о семейном и репродуктивном поведении с негативным отношением к регулированию деторождения вообще.

Сравнение данных о репродуктивном поведении женщин в возрасте до 50 лет, по-разному относящихся к возможности законодательного ограничения аборта, показало, что у сторонниц ограничения среднее число прерванных беременностей ниже, чем у противниц (1,16 против 1,58). Прослеживается зависимость: чем чаще женщины прерывают беременность, тем сильнее они отстаивают право на аборт, и наоборот, самый высокий процент противников аборта — среди тех, кто ни разу не прерывал беременность (табл. 15, 16). Возможно, для последних проблема аборта просто не очень актуальна — она не стояла или *еще* не стояла как личная проблема,

Распределение ответов респондентов на вопрос, согласны ли они с утверждением: «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно» в зависимости от уровня образования и типа населенного пункта, в котором проживает респондент, %

Ответы	Полностью согласны, согласны	И да, и нет	Не согласны, совсем не согласны	Всего
Образование				
Ниже полного среднего	51	21	28	100
Среднее, включая среднее профессиональное	46	23	31	100
Высшее, неполное высшее, послевузовское	37	25	38	100
Тип поселения				
Областные центры (без Москвы и Санкт-Петербурга)	44	23	33	100
Москва, Санкт-Петербург	36	24	40	100
Прочие города	47	22	30	100
ПГТ	44	24	32	100
СНП	48	23	29	100

и они рассуждают теоретически. Следует особо отметить, что, несмотря на то, что среди женщин — сторонниц ограничения права на аборт уровень абортов в среднем ниже, тем не менее 46% их представительниц имеют в анамнезе аборты, а 16% имели три и более прерываний беременности.

Как и следовало ожидать, особенно популярна идея ограничения и даже запрещения аборта среди религиозных людей (в данном случае мы можем судить о степени религиозности по частоте посещения религиозных служб и признанию необходимости соблюдения религиозных обрядов), а также среди исповедующих ислам (*табл. 17*). Хотя и в этих группах она не находит стопроцентной поддержки: 20–30% их числа не согласны с законодательным ограничением абортов. Стоит также признать, что удельный вес православного населения от 18 до 80 лет, регулярно (не реже одного раза в 2 месяца) посещающего религиозные службы, невелик — порядка 9%: 2% респондентов ответили, что посещают службу не менее одного раза в неделю, и 8% — не менее одного раза в месяц.

Что касается наиболее крупных по численности национальностей, представленных в рамках опроса РидМиЖ¹⁰, то поддержали сокраще-

¹⁰ Этнический состав опрошенных ограничен национальностями, проживающими в 32 субъектах Российской Федерации, на территории которых проходило обследование: Москва, Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская республика, Республика Коми, Республика Татарстан, Республика Удмуртия, Чувашская республика, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Ставропольский и Приморский края, Амурская, Волго-

Таблица 15

Распределение ответов респондентов на вопрос, согласны ли они с утверждением: «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно», в зависимости от некоторых социально-демографических характеристик, %

Показатель	Полностью согласны, согласны	И да, и нет	Не согласны, совсем не согласны	Всего
Брачно-партнерское состояние				
Партнер есть	44	23	33	100
Партнера нет	47	23	30	100
Число братьев и сестер				
0	41	24	35	100
1	43	23	33	100
2	45	23	31	100
3+	48	22	29	100
Число когда-либо рожденных детей (женщины)				
0	44	25	30	100
1	40	21	39	100
2	43	20	37	100
3+	48	20	31	100
Число абортов (женщины до 50 лет)				
0	45	23	32	100
1	38	23	40	100
2	38	20	42	100
3+	36	18	46	100

Таблица 16

Распределение женщин в возрасте 18–49 лет, высказавших мнение о необходимости законодательного ограничения абортов, по числу абортов, %

С предложенным в анкете утверждением	Число абортов					Среднее число абортов к моменту опроса, в расчете на одну женщину	Среднее число рожденных детей к моменту опроса, в расчете на одну женщину
	0	1	2	3 и более	всего		
Полностью согласны, согласны	54	17	13	16	100	1,16	1,35
И да, и нет	53	19	13	15	100	1,12	1,25
Не согласны, совсем не согласны	42	20	15	23	100	1,58	1,34

Таблица 17

Распределение ответов респондентов на вопрос, согласны ли они с утверждением: «Аборты без медицинских показаний должны быть сильно ограничены или запрещены законодательно», в зависимости от религиозности и национальности, %

Группы опрошенных ¹	Полностью согласны, согласны	И да, и нет	Не согласны, совсем не согласны	Всего
Религиозность (православные)¹:				
сильная	51	22	27	100
слабая	47	23	30	100
формальная	41	23	36	100
Исповедуют:				
православие	44	23	33	100
ислам	57	23	20	100
Национальность:				
татары, башкиры	61	16	23	100
чувашы	57	9	34	100
кабардинцы, балкарцы	52	29	19	100
коми	50	27	23	100
русские	44	23	33	100
удмурты	42	37	18	100

Примечания. ¹ См. пояснение к табл. 9

Группы по этническим признакам перечислены в порядке уменьшения доли респондентов, выступающих за ограничение права на аборт.

ние законных оснований для аборта более половины татар и башкир, чувашей, кабардинцев и балкарцев. Чувашы одновременно продемонстрировали и наибольший процент не согласных с этой идеей, т.е. представители этой этнической группы оказались наиболее категоричны во мнении. Наибольший процент тех, кто четко не определил свое отношение к данному вопросу (37%), продемонстрировали удмурты (табл. 17).

Русское население по данному вопросу проголосовало следующим образом: 44% — за запрет или сильное ограничение права на аборт, 33% — против ограничения этого права. Поскольку среди русских 23% (или каждый четвертый-пятый опрошенный) не готов категорично высказать своего положительного или негативного мнения, то следует констатировать, что большинство представителей доминирующего в России этноса не поддерживает идею изменения законодательства в отношении искусственного аборта по желанию. Напомним, что русские составляют 80% от общей численности населения России (перепись

градская, Калужская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Ростовская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Челябинская области.

2002 г.), а в рамках выборочной совокупности опрошенных РиДМиЖ русские составляли — 81,6%.

Итак, значительная часть населения не одобряет аборт, что в целом можно расценить как благоприятный фактор. Другой вопрос, готовы ли эти респонденты на практике стать «ответственными родителями», т.е. добиться того, чтобы беременности были желанными, чтобы дети рождались в оптимальные для пары сроки? Уровень распространенности абортов в России говорит о том, что многие пока к этому не готовы.

Распространенность бесплодия

Анкета РиДМиЖ включает блок вопросов, посвященных теме бесплодия. Основной вопрос блока звучит следующим образом: «Как Вы думаете, Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы этого захотели?» У тех, кто ответил «определенно нет», выясняется, проводили ли они (или их партнер, если партнер не может иметь ребенка) какую-либо операцию, в результате которой они не могут иметь детей. Также женщинам репродуктивного возраста и мужчинам, имеющим партнершу моложе 50 лет, задавали вопрос: «Предпринимаете ли Вы что-нибудь из предложенных мер, чтобы забеременеть, например, курс специального лечения, искусственное оплодотворение и другие меры?»

Всего на вопрос о физической возможности зачатия (табл. 18) ответили 3603 женщины и 2427 мужчин в возрасте 18–49 лет. 11,8% женщин сказали, что «определенно не могут» иметь ребенка, и еще 6,7%, что «пожалуй, не могут». При этом удельный вес женщин, которые «определенно не могут» иметь ребенка, среди всех женщин соответствующего возраста колеблется от 0,8% в возрастной группе 20–24 года до 29,6% в группе 45–49 лет (рис. 7).

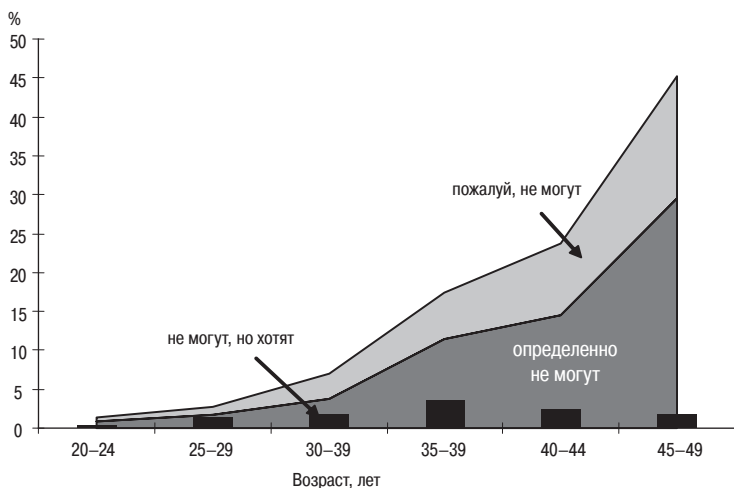
Таблица 18

Распределение ответов на вопрос: «Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы Вы этого захотели?», %

Ответы	Женщины	Мужчины
Определенно нет	11,8	1,8
Пожалуй, нет	6,7	1,6
Пожалуй, да	39,4	35,1
Определенно да	37,7	58,2
Затруднились ответить	4,4	3,3
Всего	100,0	100,0

Как видно из табл. 19, подавляющее большинство женщин (78%), полагающих, что они, скорее всего, бесплодны, принадлежат к старшей

Доля женщин, полагающих, что они физически не могли бы иметь ребенка (ответы «определенно нет» и «пожалуй, нет»), если бы захотели, и доля тех, которые, по их мнению, не могут, но хотят ребенка, среди женщин данного возраста, %

возрастной группе — 40–49 лет. Большая часть этих женщин вообще низко оценивают состояние своего здоровья. Судя по данным опроса, более 1/3 всех женщин 40–49 лет предполагают, что они бесплодны. Поэтому, вероятно, многие в этом возрасте и не применяют контрацепцию (табл. 2 Приложения 2).

Среди женщин, имеющих, по их мнению, проблемы с плодovitостью, 92% уже имеют детей, в том числе 60% — двух и более, и 88% не хотят рожать (еще одного) ребенка. По нашему мнению, физическая неспособность родить ребенка не является для последних проблемой. Большинство из них вообще низко оценивает состояние своего здоровья (табл. 17).

Любопытно, что опрос не выявил существенных различий в распространенности бесплодия в зависимости от числа прерванных беременностей.

Лишь 1,3% всех опрошенных женщин хотят, но не могут физически родить ребенка. Если к ним добавить сомневающих в своей плодovitости (+0,6%), а также женщин, чей партнер предположительно не может физически иметь ребенка (+0,5%), то цифра вырастет до 1,9% женщин репродуктивного возраста, которые хотели бы в настоящее время завести ребенка, но имеют трудности с зачатием или вынашиванием. Этот процент колеблется от 0,4 в возрастной группе 20–24 года до 3,6 в

Таблица 19

Распределение женщин, ответивших отрицательно (определенно нет», «пожалуй, нет») на вопрос: «Вы физически могли бы иметь ребенка (детей), если бы Вы этого захотели?», по возрасту, числу рожденных детей, желанию иметь ребенка и оценке своего здоровья, %

Параметр	Определенно нет	Пожалуй, нет	Всего отрицательных ответов
Возраст			
18–24	1,3	1,2	1,3
25–29	2	2,4	2,1
30–34	4,3	6,3	5,0
35–39	13,6	12,5	13,2
40–44	25,3	28,2	26,4
45–49	53,5	49,4	52,0
Итого	100	100	100
Число рожденных детей			
0	8,5	7,4	8,1
1	31,4	32,8	31,9
2	44,1	44,1	44,1
3 и более	16,0	15,6	15,9
Итого	100	100	100
Вы сами сейчас хотите иметь ребенка?			
Да	10,9	9,4	10,4
Нет	88,0	88,7	88,2
Не уверена	1,1	2,0	1,4
Итого	100	100	100
Как вы оцениваете свое здоровье?			
Хорошее, очень хорошее	8,5	12,9	10,1
Удовлетворительное	74,0	70,3	72,7
Плохое, очень плохое	17,4	16,8	17,2
Итого	100	100	100
<i>Число респонденток</i>	<i>408</i>	<i>231</i>	<i>639</i>

возрастной группе 35–39 лет (рис. 7). Полученная оценка, по-видимому, и есть приблизительный масштаб бесплодия в России.

Даже если справедливо предположить, что не все женщины осведомлены о реальном состоянии своего здоровья, и увеличить процент «бесплодных» в два раза, т.е. до 4–5%, мы получим оценку, хорошо согласующуюся с макродемографическими данными о числе женщин в России, не имевших в течение жизни ни одного живорождения, и с уровнем фонового, биологического бесплодия.

Распределение женщин моложе 50 лет, имеющих партнера и обратившихся за медицинской помощью с целью забеременеть, по возрасту, числу рожденных детей, оценке плодовитости и желанию иметь ребенка, %

Показатель	%
Возраст	
Моложе 30 лет	24
30 лет и старше	76
Число когда-либо рожденных детей	
0	39
1	28
2	24
3 и больше	9
Вы могли бы физически иметь ребенка?	
Определенно нет, пожалуй, нет	34
Определенно да, пожалуй, да	63
Партнер смог бы иметь ребенка, если бы захотел?	
Определенно нет, пожалуй, нет	4
Определенно да, пожалуй, да	91
Вы сами сейчас хотите иметь ребенка?	
Да	58
Нет	40
Партнер хочет сейчас ребенка?	
Да	51
Нет	37
Число респонденток	67

Анализ этих вопросов по выборке мужчин, имеющих партнершу моложе 50 лет, показал, что мужчин проблема бесплодия меньше затрагивает, чем женщин (или меньше волнует как декларируемая проблема). Лишь один мужчина (0,04% опрошенных) заявил о своем возможном бесплодии, при том что он хотел бы ребенка; и еще 1,4% мужчин хотели бы (еще одного) ребенка, но у партнерши имеются проблемы со здоровьем.

Можно подойти к оценке распространенности бесплодия (или проблем с плодовитостью) с другой стороны: какая часть респондентов прибегает в настоящее время к медицинскому вмешательству для того, чтобы наступила беременность. По данным РидМиЖ, 2,3% женщин репродуктивного возраста, имеющих партнера, заявили, что предпринимают меры (сами или партнер), чтобы забеременеть. Это курс специального лечения (49%), хирургическая операция (17%), другое медицинское вмешательство (29%) и искусственное оплодотворе-

ние (5%)¹¹. Что интересно, далеко не все из этих женщин считают, что у них серьезные проблемы с плодovitостью. Почти 2/3 из них ответили, что физически могли бы иметь ребенка, если бы захотели, и 40% заявили, что не хотят в настоящее время ребенка (табл. 20).

Из тех респонденток, которые хотели бы родить ребенка, но считают, что имеют трудности с зачатием, обратились за медицинской помощью менее 20%. Получается довольно странная ситуация: за медицинской помощью обращаются не те женщины, у которых есть проблемы со здоровьем, и даже часто не те, которые хотят ребенка в данный момент. Не исключено, что существенную долю среди обращающихся за медицинской помощью составляют люди, перед которыми стоит не столько проблема бесплодия или пониженной плодovitости, сколько проблема рационального планирования семьи — рождение здорового ребенка в точно заданные сроки. К этому же относится и проблема выбора партнера, от которого желательна беременность, и многое другое. Данное предположение согласуется и с зарубежными исследованиями, отмечающими расширение списка мотивов, которые приводят сегодня людей в соответствующие клиники. Эти мотивы выходят далеко за рамки проблемы физиологической способности иметь детей. Отсюда вытекает вывод, что судить о распространенности бесплодия по обращаемости в медицинские учреждения нельзя.

На наш взгляд, проблемы бесплодия в России как массовой социальной или демографической проблемы не существует в принципе. Растражированные средствами массовой информации оценки 15% и даже 25% бесплодных пар в России, несомненно, завышены, поскольку они не опираются на массовые репрезентативные популяционные исследования. В то же время это не означает, что проблема репродуктивного здоровья для россиян не актуальна, что проблемы бесплодия как медико-биологической или как психологической проблемы на индивидуально-семейном уровне не существует. Более того, учитывая стремление современных поколений отодвигать рождение детей на более позднее время, планировать наступление беременности в желательные сроки, социальное значение развития служб планирования семьи, центров репродукции, гинекологических и андрологических центров будет все больше возрастать.

Заключение

1. Обследование РидМиЖ впервые позволило получить национальные данные о способах внутрисемейного контроля рождаемости в России:

- доля пар, использующих какой-либо метод контрацепции, оказалась очень высокой: 84% в женской выборке и 82% в мужской;

---

¹¹ Мы исключили такую меру, как «расчет овуляции», поскольку она не требует медицинского вмешательства.

- 2/3 респондентов, имеющих партнера, указали на использование современных, наиболее эффективных методов контрацепции. Самыми популярными методами являются презерватив (29% в женской выборке и 35% в мужской) и ВМС (24% в женской выборке и 22% в мужской). На третьем месте по частоте использования находится календарный метод (учет опасных дней), четвертое место делят высокоэффективные гормональные противозачаточные таблетки и малоэффективный прерванный половой акт. Другие методы контрацепции используются в России очень редко. Не получили распространения в России такие эффективные средства пролонгированного действия, как имплантанты, внутримышечные инъекции и прочие гормональные контрацептивы последних поколений;
- около 1/5 респондентов заявили, что в настоящее время применяют несколько методов контрацепции. Чаще всего дополняются другими такие методы как спермициды (мази, свечи и т.д.) или традиционные (народные, естественные) методы, характеризующимися невысокой эффективностью, а также срочная гормональная контрацепция (экстренный способ избежать наступления беременности в течение нескольких суток после полового акта). Презерватив тоже часто применяется в сочетании с другими методами планирования семьи, что вполне оправданно, поскольку презерватив защищает не только от нежелательной беременности, но и от инфекций, передаваемых половым путем;
- стерилизация как метод контрацепции, в отличие от многих зарубежных стран, мало распространена в России, а среди прибегнувших к данному методу преобладают женщины.

2. Анализ данных РидМиЖ показал, что число не применяющих никаких методов планирования семьи в России невелико: 16% женщин и 18% мужчин, имеющих партнера, ничего не предпринимают для предотвращения беременности. Из них, т.е. из числа отказывающихся от контрацепции, около 1/3 женщин хотели бы завести ребенка и более 20% женщин считают, что они или их партнеры не смогли бы иметь ребенка, если бы захотели (т.е., по их мнению, по тем или иным причинам они обладают низкой плодовитостью). Таким образом, большая часть респондентов, не использующих методы контрацепции, не испытывают в ней надобности.

3. Данные обследования позволяют оценить удельный вес пар с так называемой неудовлетворенной потребностью в планировании семьи, т.е. тех, кто не желает заводить ребенка в ближайшее время, здоров, но при этом не применяет никаких средств предохранения. Эта доля в настоящий момент составляет 7% в женской выборке и более 10% в мужской, что, казалось бы, немного. Однако если следовать международным рекомендациям, то к указанной выше пропорции следует добавить пары, применяющие традиционные, малоэффективные методы. В этом случае показатели неудовлетворен-

ной потребности возрастут до 23% — очень высокий уровень для развитой страны. При таком уровне неудовлетворенной потребности поддержание высоких показателей абортов пока, к сожалению, неизбежно.

4. Поскольку до РидМиЖ национальных исследований внутрисемейного контроля рождаемости в России не проводилось, всесторонняя оценка тенденций изменения результатов исследования во времени невозможна. Основываясь на результатах ранее проведенных локальных выборочных обследований, можно с большой вероятностью утверждать, что структура методов планирования семьи изменилась по сравнению с советскими временами и продолжает меняться в прогрессивном направлении. В частности, удельный вес пар, полагающихся на традиционные методы, хоть и остается высоким, но имеет очевидную тенденцию к сокращению. В 1980-е гг. больше половины женщин, контролирующих рождаемость, использовали традиционные методы, а, по данным РидМиЖ, таких было 23%. Число применяющих гормональные противозачаточные таблетки увеличилось с 1–4% в 1980-х гг. до 17% в 2004 г., по данным РидМиЖ.

5. Результаты анализа данных обследования позволяют засвидетельствовать межпоколенные сдвиги в практике планирования семьи: более молодые пары активнее применяют современные методы контрацепции. Положительно также то, что среди молодежных пар (в возрастах до 25 лет) распространенность презерватива доходит до 50%, что не только позволяет избегать нежелательных беременностей, но и заболеваний, передаваемых половым путем. По сравнению с прошлыми, хотя и отрывочными данными, значительный рост защищенности секса в последние два десятилетия несомненен.

6. Уровень образования и тип поселения (города различного статуса, сельская местность) остаются наиболее существенными дифференцирующими признаками характера планирования семьи. Чем выше уровень образования, тем выше распространенность контрацепции, причем среди женщин такая связь выражена сильнее. Существуют различия и в структуре применяемых методов. По мере роста уровня образования увеличивается удельный вес пар, применяющих презерватив, гормональные таблетки и календарный метод контрацепции. Чем крупнее населенный пункт, тем более популярны гормональные средства. Частота использования гормональных таблеток в областных центрах вдвое выше, чем в сельской местности. Около 30% женщин в возрасте 20–29 лет, проживающих в областных центрах, заявили об использовании гормональных таблеток (речь идет о женщинах, имеющих партнера). Зато в сельской местности, наоборот, частота использования ВМС вдвое выше, чем в областных центрах, что свидетельствует о различной доступности разных средств контрацепции и различной информированности населения о них.

7. Опрос РидМиЖ не показал существенных различий в уровне распространенности методов планирования семьи в зависимости от

числа рожденных детей. Даже среди женщин, не имеющих детей, 79% применяют тот или иной метод контрацепции. Это новое явление для России, свидетельствующее, в частности, об откладывании, или, вернее, о планировании времени рождения первого ребенка.

8. Российский вопросник РИДМИЖ позволяет оценить количество абортс у каждой женщины к моменту опроса посредством вычитания из общего числа декларированных женщиной беременностей числа рожденных ею детей. Разница приблизительно соответствует числу прерванных (искусственно или спонтанно) беременностей в течение жизни. В среднем на одну представительницу условного поколения женщин, которым было от 18 до 49 лет на момент опроса, приходится 2,6 беременностей в течение жизни, в том числе 1,3 рождений и 1,3 прерванных беременностей, т.е. только половина беременностей закончилась рождением ребенка. В то же время примерно каждая вторая женщина в возрасте 18—49 лет не имеет ни одной прерванной беременности, а в возрасте 40—49 лет — почти каждая третья.

9. Средняя величина числа абортс, приходящихся на одну россиянку к концу репродуктивного периода (1,9) складывается из 40% женщин, имевших 1—2 абортс, около 30%, имевших три и более абортс, и более 30%, не имевших ни одного абортс. Более низким уровнем абортс характеризуются респондентки с более прочным брачно-партнерским статусом, с высшим образованием и использующие современные средства контрацепции, а также жительницы Москвы и Санкт-Петербурга. Обращает на себя внимание тот факт, что среди женщин, использующих современные, более эффективные методы планирования семьи, не только ниже уровень абортс, но и выше уровень рождаемости, чем среди женщин, использующих малоэффективные традиционные методы или не применяющих контрацепцию вообще. Это свидетельствует не только о более эффективном, чем прежде, планировании семьи, но и растущей рационализации всего репродуктивного поведения в целом.

10. Данные РИДМИЖ позволяют рассмотреть статус текущей беременности в зависимости от того, в какой мере она была запланирована партнерами. В целом 58% текущих беременностей были охарактеризованы опрошенными как желанные и случившиеся вовремя, 23% как желанные, но несвоевременные (раньше или позже) и 19% как нежеланные. Таким образом, 42% беременностей можно охарактеризовать как незапланированные. Незапланированные беременности чаще случаются среди пар с неустойчивыми отношениями между партнерами. Эти данные хорошо согласуются со структурой используемых методов планирования семьи. В целом ситуацию с планируемыми сроками рождения детей в России пока едва ли можно признать удовлетворительной, несмотря на очевидные и обнадеживающие положительные тенденции.

11. Обследование позволило узнать, как настроено общественное мнение в России в отношении возможности законодательного ограничения

абортов. Следует признать, что общественное мнение в стране расколото в равной мере на сторонников и противников ограничения аборта не по медицинским показаниям. Если бы случился референдум по данному вопросу, то, вероятнее всего, закон о запрете аборта не прошел: «полностью согласные» и «согласные» на ограничение аборта не по медицинским показаниям набрали бы 43% голосов среди женщин и 48% голосов среди мужчин. Поскольку противники запрета аборта составляют 36% среди женщин и 26% среди мужчин, то решающую лепту в голосование внесли бы колеблющиеся (21% среди женщин и 25% среди мужчин),

12. Анализ социально-демографических характеристик респондентов, по-разному относящихся к идее запрета аборта, показывает, что:

- мужчины более негативно относятся к праву на аборт, чем женщины. Среди опрошенных мужчин число сторонников ограничения/запрещения аборта превышает число противников во всех возрастах. Среди опрошенных женщин число сторонников ограничения аборта заметно превышает число противников в молодом возрасте, когда еще мал личный жизненный опыт (до 25 лет), и в «пенсионном» возрасте (после 60 лет); между этими возрастными группами голоса делятся примерно поровну;
- чем ниже уровень образования, тем консервативнее настроены респонденты;
- чаще соглашались с необходимостью законодательного ограничения аборта респонденты, проживающие в сельской местности и небольших городах. Наиболее либеральные взгляды на аборт продемонстрировали жители Москвы;
- удельный вес сторонников ограничения/запрещения аборта выше среди выходцев из многодетных семей и среди женщин, родивших троих и более детей. Вероятно, эти социально-демографические группы в большей степени (чем остальное население) разделяют традиционные представления о семейном и репродуктивном поведении с негативным отношением к регулированию деторождения вообще;
- структура применяемых методов контрацепции мало различается между сторонниками и противниками запрета аборта. В то же время следует особо подчеркнуть, что: а) как уже было сказано выше, чем эффективнее структура используемой контрацепции, тем ниже число абортов; б) чем чаще женщины прерывают беременность, тем сильнее они отстаивают право на аборт; в) особенно высок процент противников аборта среди тех, кто ни разу не прерывал беременность, т.е. тех, для кого проблема аборта как личная проблема не была актуальной;
- самую сильную поддержку идея законодательного ограничения абортов находит в среде религиозных людей (о степени религиозности в случае РидМиЖ можно судить по частоте посещения религиозных служб), а также среди народов, исповедующих ислам.

13. Результаты обследования позволяют утверждать, что российское общество в целом не одобряет аборт, что можно расценить как благоприятный факт, способствующий дальнейшему снижению его распространенности в России. С другой стороны, опираясь на анализ фактического репродуктивного поведения и структуры методов планирования семьи, нельзя пока еще засвидетельствовать, что взрослое население в подавляющем большинстве готово быть на практике «ответственными родителями», чтобы беременности были только желанными и дети рождались в оптимальные для родителей сроки и, соответственно, число беременностей было максимально близким к числу родов.

14. Обследование РидМиЖ позволяет судить о распространенности проблемы бесплодия: 12% женщин ответили, что «определенно не могут» иметь ребенка, и еще 7%, что «пожалуй, не могут». При этом:

- подавляющее большинство этих женщин (78%) принадлежат к старшей возрастной группе от 40 до 49 лет. Судя по данным опроса, более 1/3 всех женщин 40–49 лет предполагают, что они бесплодны. Вероятно по этой причине, многие в этом возрасте не применяют контрацепцию;
- среди женщин, имеющих, по их мнению, проблемы с плодovitостью, 92% уже имеют детей, в том числе 60% — двоих и более, и 88% не хотят рожать (еще одного) ребенка;
- только 1,3% всех опрошенных женщин хотят, но не могут физически родить ребенка. Если к ним добавить сомневающийся в своей плодovitости (+0,6%), а также женщин, чей партнер предположительно не может физически иметь ребенка (+0,5%), то цифра вырастет до 1,9% женщин репродуктивного возраста, которые хотели бы в настоящее время завести ребенка, но имеют трудности (или сами, или партнер) с зачатием или вынашиванием. Доля мужчин декларирующих, что испытывают (сами или партнерша) затруднения с зачатием и желают завести ребенка, составляет менее 1,5%;
- 2,3% женщин репродуктивного возраста, имеющих партнера, заявили, что принимают меры (сами или партнер), чтобы забеременеть. Это такие меры, как курс специального лечения (49%), хирургическая операция (17%), другое медицинское вмешательство (29%) и искусственное оплодотворение (5%). При этом почти 2/3 из них ответили, что физически могли бы иметь ребенка, если бы захотели, и 40% заявили, что не хотят в настоящее время завести ребенка;
- из тех респонденток, которые хотели бы родить ребенка, но считают, что имеют трудности с зачатием, обратились за медицинской помощью менее 20%.

15. Обследование показало наличие противоречивой ситуации: за медицинской помощью с целью забеременеть зачастую обращаются не те женщины, у которых заявлены проблемы со здоровьем, и не те,

которые хотят ребенка в настоящий момент. Отсюда вытекает принципиально важный вывод о том, что судить о распространенности бесплодия по показателям обращаемости в медицинские учреждения нельзя. Реальная распространенность бесплодия в России едва ли значимо превышает фоновый уровень биологического бесплодия, который по общепризнанным научным данным составляет около 5%¹².

16. Рассчитанный на основе данных РИДМИЖ показатель распространенности бесплодия в стране позволяет утверждать, что даже если бы всем парам, имеющим проблемы с плодovitостью и мечтающим родить ребенка, удалось бы помочь, это не смогло бы сколько-нибудь существенным образом повлиять на уровень рождаемости и тем более решить проблему депопуляции в России.

Итак, в России продолжается положительная тенденция снижения распространенности аборта, за которой стоит массовый переход к современным и эффективным контрацептивным средствам. Можно засвидетельствовать, что запоздавшая на несколько десятилетий по сравнению с развитыми странами Запада, контрацептивная революция — свершившийся факт. Господствовавшая в советское время «абортная культура» регулирования деторождения ныне разрушена. Молодые поколения в России при сравнении с поколениями их родителей избирают не только иную стратегию репродуктивного поведения — рождение детей в более позднем возрасте и с увеличенными интервалами между рождениями, все чаще в незарегистрированных союзах, но избирают и иную стратегию регулирования деторождения и планирования семьи. Увеличивается число пар, использующих надежные и безопасные для здоровья средства контрацепции. Рождение желанных детей в оптимальные сроки при снижающемся числе неэффективных беременностей, т.е. рациональное репродуктивное поведение становится доминирующей практикой для большинства.

В то же время переход к современному планированию семьи в России еще далек от завершения: пропорция использующих малоэффективные традиционные средства регулирования деторождения остается существенной, уровень провалов (неудач) при использовании разных методов контрацепции, вероятно, высок; в результате пропорция незапланированных беременностей все еще велика, что и сохраняет базу для высоких показателей абортов.

Обследование убедительно доказывает, что проблема бесплодия как массовая социальная проблема для России не актуальна. Более того, она сильно раздута некоторыми специалистами и средствами массовой

¹² По оценкам ВОЗ, которые представляют собой усредненные данные по 91 стране за 1937–1987 гг., от 8 до 12% пар сталкиваются с определенными трудностями при зачатии ребенка на каком-то отрезке жизни, при этом около 5% случаев связаны с анатомическими, генетическими, эндокринными и другими непредотвратимыми факторами.

информации, поскольку выводы о массовом распространении бесплодия строятся на основе ненадежных статистических оценок.

Обследование зафиксировало неоднозначную ситуацию в массовом общественном мнении в отношении законодательного запрета аборта. В России на сегодняшний момент поддерживается неустойчивое равновесие между противниками и сторонниками ограничения права на аборт не по медицинским показаниям.

Известно, что запрет аборта в СССР в 1936 г. не повысил рождаемость, как надеялись власти, но резко обострил криминогенную обстановку в стране, ухудшил все показатели здоровья матери и ребенка: более чем двукратно возросло число убийств грудных детей (в 1940 г. 14% умерших в городах России от убийств составляли дети до 1 года), в два раза возросла общая материнская смертность, среди которой смертность от аборта достигла более 70%¹³.

Снятие запрета на аборты в середине 1950-х гг. также не привело к изменению рождаемости, но самым благотворным образом сказалось на уровне смертности женщин и детей, репродуктивном здоровье женщин. Благоприятно повлияли на уровень заботы о здоровье женщин инструкции МЗСР, расширяющие доступность легальных абортов в 1987 и 1996 гг. при одновременном повышении активности медицинских и социальных работников по распространению массовой практики современного планирования семьи. Интенсивность производства абортов продолжала снижаться ускоренными темпами, а криминальные аборты в России были почти сведены на нет¹⁴.

На наш взгляд, официальные представители Министерства здравоохранения и социального развития, неправительственные организации и широкие слои медицинской общественности, ответственно подходящие к вопросу о медико-социальном благополучии народа, должны усилить разъяснительную работу о тяжелых негативных последствиях, сопровождающих ограничение права на аборт, и одновременно о неотъемлемой роли в сокращении распространенности аборта служб планирования семьи, доступности современных средств контрацепции и информированности о них. В общественном сознании абортная практика как результат индивидуального и семейного выбора и законодательное право на аборт должны быть более четко разведены. В ходе просветительской работы следует опираться на печальный советский и зарубежный опыт запретов аборта и положительный опыт расширения практики эффективного планирования семьи на базе современной контрацепции. Основной путь снижения числа абортов — развитие службы планирования семьи и системы сексуального образования.

---

¹³ См.: Демографическая модернизация России 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006. С. 204–215.

¹⁴ Там же. С. 215–224.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Процент незапланированных беременностей, наступивших в течение первого года применения метода контрацепции. США

Применяемые методы	Обычная практика применения	Регулярное и правильное применение
Не применяют контрацепцию	85	85
Спермициды (пена, крем, гель, желе)	29	18
Прерванный половой акт	27	4
Периодическое воздержание (календарный метод)	25	9
Колпачки (со спермицидом)		
Рожавшие женщины	32	26
Нерожавшие женщины	16	9
Противозачаточная губка		
Рожавшие женщины	32	20
Нерожавшие женщины	16	9
Диафрагма (со спермицидом)	16	6
Презерватив		
Женский	21	5
Мужской	15	2
Комбинированные гормональные таблетки и минитаблетки	8	0,3
Комбинированный гормональный пластырь (Evra)	8	0,3
Комбинированное гормональное кольцо (NuvaRing)	8	0,3
Депо-Провера (инъекции)	3	0,3
Комбинированные инъекционные контрацептивы (Lunelle)	3	0,05
ВМС		
ParaGard (Т-образные Cu)	0,8	0,6
Mirena (внутриматочная гормональная система)	0,1	0,1
Норплант и Норплант-2 (имплантанты)	0,05	0,05
Женская стерилизация	0,5	0,5
Мужская стерилизация	0,15	0,10

Примечание. Противозачаточные таблетки для неотложной (срочной) контрацепции: применение, начатое в течение 72 часов после незащищенного полового акта, снижает риск наступления беременности минимум на 75%.

Метод лактационной аменореи: является высокоэффективным *временным* методом контрацепции.

Источники: Trussell J. Contraceptive efficacy. // Hatcher R.A., Trussell J, Stewart F, Nelson A, Cates W, Guest F, Kowal D. Contraceptive Technology: Eighteenth Revised Edition. New York NY: Ardent /Media, 2004. Медицинские критерии приемлемости для использования методов контрацепции. Третье издание. ВОЗ, 2004.

Таблица 2

Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции в зависимости от возраста, %.
Респонденты, имеющие партнера на момент опроса

Применяемые методы	Женщины						Мужчины						
	17-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	17-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50 и старше
	Какой-либо метод	88,5	87,6	85,5	86,6	83,4	70,5	86,9	82,0	83,2	83,7	81,6	77,8
презерватив	45,3	32,3	31,1	24,0	21,1	16,6	56,8	42,0	36,2	28,6	27,9	24,8	22,4
противозачаточные таблетки	23,2	20,9	15,3	13,4	10,2	6,7	19,8	14,0	14,6	16,9	9,2	8,3	5,6
внутриутробные спирали	11,5	21,3	29,0	36,1	29,2	18,6	5,2	18,3	21,4	34,6	27,9	23,5	20,5
мази, свечи, пена, желе	3,8	4,8	1,1	1,9	3,1	3,0	3,6	1,7	3,6	2,7	0,6	1,0	0,0
инъекции гормональных контрацептивов	0,0	0,7	0,3	0,5	0,4	0,0	0,0	0,7	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0
срочная гормональная контрацепция	2,5	0,2	0,5	0,0	0,4	0,2	0,9	0,0	0,6	0,3	1,9	0,0	0,0
спринцевание	5,6	5,3	5,6	7,4	6,1	8,4	1,5	3,3	4,2	3,7	4,2	2,3	6,8
прерванный половой акт	20,3	18,6	13,1	11,7	14,7	12,2	17,9	16,3	11,0	11,3	12,3	10,6	7,5
календарный метод	14,6	15,6	18,5	14,5	22,3	22,1	10,6	11,0	18,1	13,0	18,1	22,5	19,3
Никакого метода	11,5	12,4	14,5	13,4	16,6	29,5	13,1	18,0	16,8	16,3	18,4	22,2	28,6
Применяют:													
только современные методы	55,4	56,8	55,5	58,7	48,4	34,7	59,1	55,1	55,3	61,1	53,5	45,0	39,1
сочетание современных и традиционных методов	20,0	13,7	14,5	10,9	10,0	9,4	14,2	15,9	13,3	11,3	9,7	9,3	6,8
только традиционные методы	13,1	17,2	15,5	16,9	25,0	26,3	13,6	11,0	14,6	11,3	18,4	23,5	25,5
Число респондентов	375	416	382	368	413	318	288	282	303	304	335	249	133

Таблица 3

**Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции
в зависимости от числа рожденных детей, %.
Женщины моложе 50 лет, имеющие партнера на момент опроса**

Применяемые методы	Число когда-либо рожденных детей		
	0	1	2 и более
Какой-либо метод	79,2	85,3	84,0
презерватив	43,4	29,5	23,0
противозачаточные таблетки	25,7	16,3	10,6
внутриматочные спирали	3,0	23,5	30,9
мази, свечи, пена, желе	3,3	2,8	3,2
инъекции гормональных контрацептивов	0,0	0,2	0,5
срочная гормональная контрацепция	2,5	0,6	0,3
спринцевание	3,0	6,3	7,4
прерванный половой акт	23,0	14,1	13,7
календарный метод	13,9	19,2	18,4
Никакого метода	20,8	14,7	16,0
Применяют:			
только современные методы	45,1	53,8	51,6
сочетание современных и традиционных методов	20,5	12,3	11,5
только традиционные методы	13,7	19,1	20,9
<i>Число респондентов</i>	<i>336</i>	<i>926</i>	<i>1010</i>

Таблица 4
Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции в зависимости от брачно-партнерского статуса, %.

Применяемые методы	Женщины			Мужчины		
	брак зарегистрирован, живут вместе	брак не зарегистрирован, живут вместе	брак не зарегистрирован, живут раздельно	брак зарегистрирован, живут вместе	брак не зарегистрирован, живут вместе	брак не зарегистрирован, живут раздельно
Какой-либо метод	84,8	76,7	86,7	81,4	78,1	88,5
презерватив	26,3	21,5	46,7	18,6	21,9	62,8
противозачаточные таблетки	13,6	16,8	21,0	11,6	16,5	16,7
внутриматочные спирали	28,1	18,3	8,9	26,2	16,8	6,7
мази, свечи, пена, желе	2,7	4,7	2,7	1,7	1,9	3,2
инъекции гормональных контрацептивов	0,4	0,3	0,0	0,2	0,3	0,0
срочная гормональная контрацепция	0,6	0,8	1,8	0,5	1,0	1,0
спринцевание	6,9	7,1	3,3	3,8	3,9	1,6
прерванный половой акт	14,2	15,7	19,5	11,8	10,0	19,6
календарный метод	18,3	16,2	18,6	16,9	15,8	11,2
Никакого метода	15,2	23,3	13,3	18,6	21,9	11,5
Применяют:						
только современные методы	52,9	44,2	52,4	53,0	51,0	59,9
сочетание современных и традиционных методов	12,5	11,0	18,6	11,0	11,0	16,7
только традиционные методы	19,4	21,5	15,7	17,4	16,1	11,9
<i>Число респондентов</i>	<i>1537</i>	<i>339</i>	<i>366</i>	<i>1262</i>	<i>281</i>	<i>318</i>

Таблица 5

Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции в зависимости от уровня образования, %, Респонденты старше 25 лет, имеющие партнера на момент опроса

Применяемые методы	Женщины			Мужчины		
	основное общее, среднее общее и начальное профессион.	среднее профессиональное	высшее, неполн. высшее и послевузовское	основное общее, среднее общее и начальное профессион.	среднее профессиональное	высшее, неполн. высшее и послевузовское
Какой-либо метод	77,0	85,4	86,4	80,1	81,0	81,5
презерватив	20,9	24,8	29,3	29,6	30,3	31,0
противозачаточные таблетки	9,9	13,7	15,5	10,9	8,6	17,8
внутриматочные спирали	26,3	29,0	22,6	25,4	29,1	20,3
мази, свечи, пена, желе	2,3	2,7	3,3	1,5	1,3	2,5
инъекции гормональных контрацептивов	0,0	0,5	1,0	0,3	0,4	0,0
срочная гормональная контрацепция	0,0	0,2	0,6	0,8	0,0	1,0
спринцевание	7,2	7,2	4,6	3,5	4,2	4,0
прерванный половой акт	13,5	13,4	15,3	11,8	9,3	13,0
календарный метод	17,7	18,6	22,6	14,7	17,3	21,8
Никакого метода	23,0	14,6	13,6	19,9	19,0	18,5
Применяют:						
только современные методы	45,5	53,2	52,1	53,6	54,1	49,1
сочетание современных и традиционных методов	9,8	12,1	13,4	9,7	10,7	14,5
только традиционные методы	21,7	20,2	20,9	16,8	16,2	17,8
Число респондентов	633	723	458	684	486	382

**Структура применяемых в настоящее время методов контрацепции
в зависимости от типа населенного пункта, %.
Респонденты, имеющие партнера на момент опроса**

Применяемые методы	Женщины			Мужчины		
	областной центр	прочие города	ПГТ, СНП	областной центр	прочие города	ПГТ, СНП
Какой-либо метод	85,4	81,4	83,4	82,9	82,8	79,1
презерватив	36,7	20,7	23,1	44,8	28,9	26,3
противозачаточные таблетки	19,2	12,5	11,2	15,1	14,5	8,9
внутриматочные спирали	14,9	28,8	32,5	13,0	27,9	28,8
мази, свечи, пена, желе	3,8	2,8	2,0	2,4	1,8	1,5
инъекции гормональных контрацептивов	0,4	0,3	0,2	0,2	0,4	0,0
срочная гормональная контрацепция	1,2	0,7	0,1	0,7	0,7	0,5
спринцевание	5,4	9,5	5,3	3,3	4,2	3,0
прерванный половой акт	19,2	11,7	12,7	16,1	10,5	9,9
календарный метод	20,4	20,7	12,7	19,0	13,8	12,8
Никакого метода	14,6	18,6	16,6	17,1	17,2	20,9
Применяют:						
только современные методы	48,4	49,8	56,9	50,3	57,4	55,1
сочетание современных и традиционных методов	18,3	10,2	8,3	16,0	10,7	7,1
только традиционные методы	18,8	21,4	18,1	16,6	14,7	16,9
<i>Число респондентов</i>	<i>964</i>	<i>574</i>	<i>734</i>	<i>821</i>	<i>523</i>	<i>550</i>

*Малева Т.М.,
Синявская О.В.*

Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике¹

Демографический кризис в России со всей остротой ставит перед обществом вопрос о том, что же необходимо и возможно сделать для устранения негативных тенденций или по меньшей мере ослабления их социально-экономических последствий. Быстрое сокращение общей численности населения и принципиальное изменение демографического баланса между поколениями имеют далеко идущие последствия для функционирования всего общества, его социальных институтов, экономической и политической систем.

Главной проблемой нынешней демографической ситуации является беспрецедентно низкая рождаемость, которая предопределяет сокращение численности населения и ведет к старению возрастного состава как всего населения, так и его трудоспособной части [Концепция... 2001; Национальный доклад; Захаров 1999–2004; Демографическая модернизация... 2006]. В чем состоят главные причины сокращения рождаемости — в изменении общих социальных ценностей, в том числе потребности иметь детей, или же в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы? Поиск ответов на этот вопрос определяет повестку современных социальных и демографических исследований.

Считается, что репродуктивное поведение регулируется социальной нормой относительно идеального числа детей в семье, которая разде-

---

¹ В основу данной работы было положено исследование, подготовленное для международного семинара «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы», который был организован Фондом народонаселения ООН 14–15 сентября 2006 г. в Москве. Предлагаемая читателю статья представляет собой расширенный и доработанный вариант статьи, опубликованной в журнале SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №5. С. 70–97. Авторы выражают особую признательность зам. директора Института демографии ГУ-ВШЭ канд. экон. наук С.В. Захарову за его советы в ходе подготовки настоящей работы.

ляется большинством населения. Как и любая другая, эта социальная норма изменяется на протяжении истории и не всегда может быть выражена количественно. Сегодня в развитых странах доминирует идеальная модель двухдетной семьи (мальчик и девочка), что подтверждают многочисленные социологические опросы. Различия между странами по уровню рождаемости прежде всего связаны с различиями в реализации этой нормы в разных социальных стратах. Как правило, фактические отклонения от двухдетной модели семьи заметнее в странах, наиболее либеральных и толерантных к различиям в индивидуальном поведении в области формирования семьи и рождаемости.

В странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию, социальная норма относительно двухдетной семьи формулируется следующим образом: «не менее одного ребенка, но и не более двух», что выражается в очень маленькой доле никогда не рожавших женщин и одновременно в ограниченном числе женщин с тремя и более детьми. В результате в России вариация женщин по числу рожденных детей находится на очень низком уровне, поскольку 70–80% женщин родили 1–2 детей. Можно предположить, что в России социальная норма относительно рождения детей («быть как все») соблюдается более строго, чем в развитых странах [Захаров 1999–2004; Демографическая модернизация... 2006]. Несмотря на то что среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину в Германии, Италии и России примерно одинаково, Россия характеризуется наименьшей вариацией женщин по этому показателю.

Вместе с тем на протяжении последних 20 лет в большинстве развитых стран, включая Россию, увеличивается число женщин, ограничивающихся рождением одного ребенка. Этот тренд вызвал среди экспертов оживленную дискуссию о том, не являемся ли мы свидетелями постепенного изменения социальной нормы — с двухдетной на однодетную семью [см., например, Lutz, Skirbekk, Testa. 2005; Демографический переход... 2006].

Один из способов приблизиться к ответу на этот вопрос состоит в изучении неслучайных отклонений в индивидуальном поведении относительно господствующей социальной нормы в различных социально-экономических группах², например, на основе сопоставления реального репродуктивного поведения людей и их репродуктивных намерений.

Соответствующую возможность предоставляет обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РидМиЖ), в котором содержатся вопросы как об уже рожденных детях, так и о планах респондентов завести (еще) детей. В рамках данной работы

---

² См., напр., работы *Ekert-Jaffé O., J. Heather et al. (2002), Meron, Widmer (2002), Testa, Grilli (2004), Andersson (2005)*, обсуждающие вопросы детерминант рождаемости и влияния семейной политики на вариации в репродуктивном поведении населения европейских стран.

Характеристики выборки: женщины 18–44 лет¹

Факторы	Значения факторов	Всего наблюдений	%
Возраст респондента	до 20	199	6,5
	20–24	490	16,0
	25–29	552	18,1
	30–34	566	18,5
	35–39	550	18,0
	40–44	700	22,9
Тип населенного пункта	Город	2106	68,9
	Село	951	31,1
Брачно-партнерский статус	Нет партнера	686	22,4
	Партнер отдельно	446	14,6
	Партнер в домохозяйстве	1925	63,0
	<i>в том числе в зарегистрированном браке</i>	1547	50,6
Уровень образования	Нет среднего общего	222	7,3
	Среднее общее	475	15,6
	Начальное профессиональное	485	15,9
	Среднее профессиональное	1077	35,2
	Высшее, включая незавершенное	794	26,0
Статус на рынке труда	Занятые	2278	74,5
	Безработные	141	4,6
	Неактивные	638	20,9
Религиозность	Никак не связаны с религией	505	16,5
	Слабая	1346	44,0
	Средняя	854	27,9
	Сильная	189	6,2
	Ислам ²	163	5,3
Беременные	Да	73	2,4
Рожали в течение последних 5 лет	Да	675	22,1
Рожали в течение последних 3 лет	Да	443	14,5
Сами хотели бы сейчас иметь (еще одного) ребенка	Да	708	23,2
Собираются родить ребенка в ближайшие 3 года	Да	724	23,7
Всего		3057	100

Примечание. ¹ Исключены пенсионеры, инвалиды, длительно больные. ² В силу ряда причин, как содержательных, так и чисто методических, в исходном вопроснике ислам был выделен в отдельную категорию.

анализ основан на подвыборке женщин-респонденток репродуктивных возрастов (18—44 лет), из которой были исключены пенсионерки, длительно больные или инвалиды, поскольку их демографическое поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин (табл. 1).

В определенной таким образом подвыборке оказалось 73 беременных, которые были исключены из последующего анализа. Помимо этого, мы убрали респонденток, не имевших сексуального опыта, тех, чье здоровье (или здоровье их партнеров) не позволяет иметь собственного ребенка. Общее число наблюдений в результате составило 2641 человек.

Какие факторы определяют рождаемость сегодня? Ретроспективный анализ

Исследование РиДМиЖ впервые дает возможность оценить характер влияния на рождаемость не фрагментарно, а комплексно, т.е. на основе совокупности факторов различной природы:

- *демографических* — состояние в браке или партнерстве, число уже имеющихся детей, состояние репродуктивного здоровья;
- *экономических и трудовых* — уровень денежных доходов, обеспеченность жильем, статус на рынке труда (занятый, незанятый, безработный), профессиональный статус;
- *социальных* — образование, тип поселения, отношение к религии, ценности и пр.

В настоящей работе мы ограничились изучением влияния перечисленных факторов на уровень рождаемости в течение последних трех лет, предшествующих опросу, т.е. в 2001—2004 гг. Трехлетний цикл по демографическим наблюдениям — период, в отношении которого индивиды/партнерство/семья могут говорить о своих стратегиях и часто даже о планах относительно будущих крупных демографических событий (вступление в брак/развод, рождение детей, смена места жительства и пр.). Именно эта гипотеза легла в основу дизайна программы «Поколения и гендер». Для анализа российской ситуации 3-летний период позволяет оценить последние тенденции в рождаемости на относительно однородном и устойчивом социально-экономическом фоне — на этапе экономического роста и достижения социальной стабильности.

Для анализа были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых оценивалась вероятность рождения ребенка за последние три года (событие считалось наступившим, если рождение состоялось) в зависимости от набора факторов³. Мы проверяли влияние на рождение детей следующих характеристик:

---

³ Авторы выражают благодарность мл. науч. сотр. НИСП Е.Б. Головланичиной за помощь в расчетах.

- 1) материально-имущественное положение опрошенной женщины и ее домохозяйства:
  - обеспеченность жильем (число комнат в расчете на одного члена домохозяйства);
  - душевой доход (логарифмическая форма);
  - статус партнера на рынке труда;
- 2) социально-культурные характеристики опрошенной — ее приверженность традиционным ценностям семьи, брака, детей:
  - религиозность (отсутствие связи с религией — слабая, средняя, сильная связь);
  - индекс принятия консервативных ценностей в отношении семьи и брака.

Кроме того, мы контролировали оценки на влияние следующих факторов:

- 3) региональные характеристики:
  - тип населенного пункта;
  - уровень женской безработицы в регионе;
- 4) характеристики человеческого капитала опрошенной женщины:
  - ее возраст;
  - уровень образования;
- 5) статус респондентки на рынке труда (за год до рождения ребенка для родивших в течение последних трех лет; статус на момент опроса у тех, кто не родил в течение указанного времени);
- 6) положение в браке (наличие партнера в домохозяйстве/наличие партнера вне домохозяйства);
- 7) наличие уже рожденных детей и их очередность (без учета рожденных за последние три года).

Чтобы проверить, чем детерминировано рождение первого, второго и последующих детей, дополнительно были рассчитаны отдельные модели для подгрупп женщин, имевших и не имевших ребенка 3 года назад.

Итак, каковы же тенденции, характерные для современной России (*табл. 1 Приложения*)?

За последние 3 года 443 (15%) респондентки в нашей выборке родили ребенка, из них 256 — первенца, а 187 — второго и последующего ребенка, т.е. 58 и 42% от общего числа рождений соответственно. Средний коэффициент рождаемости за наблюдаемый период составил 1,2.

Поселенческие различия. По темпам рождаемости в последние 3 года город немного опережал село. На город, если судить по доле женщин в репродуктивных возрастах, приходилось 70% всех рождений, причем в отношении первых рождений значение этого показателя еще выше (72%), а для всех

последующих рождений несколько ниже (68%). Скорее всего, в городе происходил рост так называемых отложенных рождений, т.е. рождений, которые в период экономической нестабильности были перенесены на более поздний срок. Тем не менее при контроле других параметров переменная «тип поселения» оказалась значимой только для вероятности первых рождений, причем с традиционным знаком — проживание в городе в 2,3 раза уменьшает отношение шансов родить за последние 3 года.

Возраст матери. Все модели логистической регрессии подтверждают⁴, что возраст матери является значимой демографической характеристикой в анализе рождаемости и что рождаемость концентрируется в относительно молодых материнских возрастах (табл. 2).

Таблица 2

**Рождаемость в течение последних трех лет
в разрезе пятилетних возрастных групп женщин, %**

Возраст	Родили в течение последних 3 лет		В том числе 1-й ребенок		2-й и более ребенок	
	число	%	число	%	число	%
До 20	21	4,8	20	7,8	1	0,5
20–24	134	30,3	122	47,7	13	7,0
25–29	149	33,7	79	30,9	70	37,4
30–34	95	21,5	29	11,3	66	35,3
35–39	31	7,0	4	1,6	27	14,4
40–44	12	2,7	2	0,8	10	5,3
Итого	442	100,0	256	100,0	187	100,0

Тем не менее распределение внутри группы женщин репродуктивного возраста показывает усиление тенденции к повышению материнского возраста, наметившейся еще в середине 1990-х гг., которая объясняется, в первую очередь, повышением среднего возраста вступления в брак и создания семьи [Захаров 1999–2004; Демографический переход... 2006]. Исследование РидМиЖ еще отчетливее, чем статистические демографические данные, показывает, что вклад двух групп 20–24 и 25–29 лет в общую рождаемость в России практически сравнялся (30 и 34%), хотя еще 10 лет тому назад среди родивших женщин явно преобладали молодые матери в возрасте 20–24 лет (табл. 3). Кроме того, нельзя не заметить и рост влияния возрастной группы 30–34 года, который сегодня превышает 20% от общего роста рождаемости.

Брак/партнерство. Разумеется, на общий уровень рождений и его динамику влияет брачное состояние респондентки. Зарегистрированный

⁴ Здесь и далее, ссылаясь на модели, мы будем говорить только о показателях, которые оказались значимыми с 1-, 5- или 10-процентным уровнем значимости (табл. 1 Приложения).

Таблица 3

Вклад различных возрастных групп женщин в итоговую рождаемость, %

Год	Возраст					итого
	до 20	20–24	25–29	30–34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1985	11,5	40,0	27,4	14,5	6,6	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,8	15,5	6,3	100,0
2001	10,6	37,2	29,2	16,2	6,8	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	34,9	30,0	17,1	7,5	100,0
2002–2004 (РидМиЖ)	4,8	30,3	33,7	21,5	9,7	100,0

Источник: Население России. 2003–2004. XI — XII ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека ИНП РАН. — М.: Наука, 2006; РидМиЖ.

брак является важнейшей детерминантой рождаемости. Из женщин, которые родили ребенка за последние 3 года, 72% состояли в зарегистрированном браке, 28% — нет.

При этом обращает на себя внимание вариация между очередностью рождений. С одной стороны, среди тех, кто родил первенца, доля замужних женщин, состоящих в официальном браке, — 66%, в то время как среди родивших второго ребенка названная доля значительно выше — более 80%. Это подтверждает вывод, сделанный в других исследованиях, о том, что на вторые рождения идут пары с устойчивыми семейными отношениями (официально зарегистрированный брак)⁵. С другой стороны, состояние в зарегистрированном браке в 15,2 раза увеличивает отношение шансов для первых рождений и только в 2,8 раза — для последующих. Следовательно, вступление в брак во многом может быть связано с рождением первенца.

Принципиально новая возможность, которую открывает программа РидМиЖ, состоит в том, что впервые в отечественной практике мы можем более детально рассмотреть характер матримониальных отношений между мужчинами и женщинами. Категории «партнер» и «партнерские отношения» позволяют более точно структурировать взрослое население по типам устойчивых отношений между полами⁶

⁵ Обсуждение этого вопроса на основе других данных см. Демографический переход....

⁶ Подробнее об этом см. статью С.В. Захарова «Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату?», публикуемую в настоящем сборнике.

и, в частности, правильнее оценивать статистические совокупности с различной вероятностью наступления беременности и рождения детей, с различной теснотой социально-экономического взаимодействия внутри поколений.

Анализ рождаемости показывает, что статистически значимым параметром является не только зарегистрированный брак, но и наличие у женщины партнера вне этого официального института. Преобладающее влияние оказывает партнер внутри домохозяйства. Это означает, что партнерство и брак не тождественны и что существуют пары, которые не торопятся заключать брак даже при появлении ребенка.

Общее число рожденных детей. Данные обследования показывают, что более половины рожденных в течение последних 3 лет детей были первенцами, а еще треть — вторыми детьми (табл. 4). Следовательно, Россия по-прежнему остается страной с 1–2-детной семьей: лишь единицы решаются завести более двух детей. Не является неожиданностью, что в моделях наличие первого, второго и т.д. ребенка значимо снижает вероятность появления следующих детей (табл. 1 Приложения).

Таблица 4

Рождения за последние 3 года в зависимости от числа уже имеющихся детей

Число детей 3 года назад	Родили в течение последних 3 лет		Не родили в течение последних 3 лет		Всего	
	число	%	число	%	число	%
0	256	57,8	709	27,9	965	32,3
1	147	33,2	964	37,7	1105	37,0
2	32	7,2	723	28,4	754	25,3
3	3	0,7	123	5,1	133	4,5
4 и более	5	1,1	22	0,9	27	0,9
<i>Итого</i>	<i>443</i>	<i>100</i>	<i>2541</i>	<i>100</i>	<i>2984</i>	<i>100</i>

Положение на рынке труда. В мировой демографии активно обсуждается вопрос о влиянии трудового статуса женщины на рождаемость. Кто более склонен к рождениям — занятые или незанятые женщины? Тормозит ли наличие у них работы принятие решения о рождении ребенка? У такого предположения есть резоны: наличие работы стало одной из базовых ценностей для современной российской женщины, и риск потерять работу в связи с рождением ребенка ставит женщину перед трудным выбором. Экономическая теория рождаемости исходит из того, что влияние женской занятости на деторождение должно быть отрицательным (альтернативные издержки рождения детей для занятых женщин выше), тогда как влияние мужской занятости — положительным (занятость мужчины увеличивает ресурсы семьи) [см., например: Becker, 1965; Pollak, Watkins, 1993]. Но есть аргументы и в пользу гипо-

тезы, согласно которой незанятые женщины, не имеющие трудового дохода и чувствующие себя неуверенно в материальном смысле, также откладывают рождения или даже отказываются от них [см., например, Meron, Widmer, 2002].

Эта часть анализа — наиболее сложная, поскольку возможное влияние статуса на рынке труда на рождаемость предполагает наличие информации о занятости женщины не в момент опроса и даже рождения ребенка, а в момент принятия решения о рождении. Практически ни одно прошлое обследование не могло ответить на этот вопрос, как, впрочем, и первая волна обследования (РидМиЖ—2004), которая фиксирует занятость/незанятость респондентки лишь на момент проведения опроса. Мы воспользовались другим репрезентативным обследованием «Образование и занятость», проведенным НИСП в середине 2005 г.⁷ Его уникальность состоит в воспроизводстве трудовых биографий респондентов той же выборки, по которой строилось обследование РидМиЖ, что позволяет восстановить трудовой статус женщины за год до рождения ребенка.

Учитывая высокие уровни занятости женщин в России, неудивительно, что занятые преобладают как среди родивших (70% против 30% незанятых⁸), так и среди неродивших женщин (74% против 26%). Вместе с тем занятые женщины с большей вероятностью, чем незанятые, рожали первенца, тогда как незанятые — второго и последующих детей. Для первенцев эта зависимость остается статистически значимой даже при контроле других факторов, включая, например, возраст (*табл. 1 Приложения*). Но для вторых и последующих рождений, как и для всех рождений, независимо от порядка положение женщины на рынке труда — статистически незначимый параметр. Таким образом, мы не можем с уверенностью говорить о существовании различий в рождаемости при наличии/отсутствии занятости у женщин.

Важно другое: подавляющее большинство рождений происходило в парах, где партнер занят (91%), а не в союзах, в которых мужчина является безработным (5%) или же экономически неактивным (4)⁹. Эта

---

⁷ Обследование «Образование и занятость» подготовлено и проведено Независимым институтом социальной политики при поддержке Научного общества Макса Планка (Германия) в середине 2005 г. в 32 регионах России. Полевые работы проведены Независимой исследовательской группой «Демоскоп». Использовался метод прямого интервьюирования. Общий объем выборки — 6455 респондентов в возрасте 18–54 лет. Выборка обследования совпадает с выборкой РидМиЖ за исключением респондентов старше 54 лет.

⁸ Напомним, что положение в занятии определялось по статусу за год до рождения ребенка.

⁹ Данное заключение строится на предположении, что трудовой статус партнера с момента принятия решения о рождении до момента опроса не изменился. Безусловно, это предположение вносит некоторые ограничения, и корректнее было бы применение описанной выше процедуры восстановления трудового статуса, однако обследование «Образование и работа» дает такую возможность лишь для респондента, но не для его партнера.

зависимость практически неизменна в отношении первых, вторых и пр. рождений: вероятность рождения ребенка в парах с работающим партнером немного выше¹⁰.

Доходы населения. Среди экономических детерминант, оказывающих влияние на рождаемость, по остроте дискуссий лидирует тема доходов населения. С одной стороны, на микроуровне в более обеспеченных семьях сокращение душевого дохода, почти неизбежное при появлении ребенка, становится не столь болезненным. Следовательно, на макроуровне рост доходов населения должен способствовать повышению рождаемости в стране. С другой — мировые тенденции в определенной мере ставят этот вопрос под сомнение. Высокие уровни и темпы рождаемости в последние десятилетия характерны для стран с низкими доходами населения (Индия, Пакистан, страны Африки). Одновременно относительно богатое население Западной Европы практически единодушно демонстрирует общее снижение рождаемости. Однако и для утверждения о том, что рост доходов сопровождается тотальным снижением рождаемости, нет достаточных оснований. Это снижение в различных странах с похожей экономической и социальной ситуацией происходило с разной скоростью и глубиной. И наоборот, одинаково низкую рождаемость демонстрируют страны с различной экономической структурой и динамикой, в том числе с разным уровнем доходов населения.

Экономическая теория также не позволяет однозначно предсказать влияние дохода домохозяйства на вероятность рождения ребенка: оно может быть положительным или отрицательным в зависимости от того, каковы ожидаемые родителями расходы на рождение и воспитание одного ребенка [Becker, 1965; Pollak, Watkins, 1993]. Именно в этом вопросе остро чувствуется дефицит эмпирических исследований. Исследование РиДМиЖ способно пролить на этот вопрос некоторый свет.

Основную методологическую трудность составляет все та же проблема временного разрыва зависимой (число рождений) и независимой (уровень душевого денежного дохода в расчете на одного члена домохозяйства) переменных. Включение переменной «логарифм душевого дохода» в модель показало его значимость с отрицательным значением. Такой результат указывает на почти очевидный факт: рождение ребенка снижает уровень душевого дохода в семье/партнерстве. Однако если предположить, что за время, истекшее с момента рождения ребенка, семья радикально не изменила свое положение по шкале доходов, одновременно это может означать и другое: с ростом благосостояния число

---

¹⁰ Следует, однако, заметить, что при контроле влияния других переменных значимость этой зависимости не подтверждается.

рождений сокращается. Обратимся к анализу в разрезе 10-процентных групп населения, различающихся по уровню душевого денежного дохода. Данные *табл. 5* в целом подтверждают именно эту закономерность¹¹.

Таблица 5

**Фактическое число детей, рожденных в течение последних 3 лет,
у одной женщины, по децильным группам**

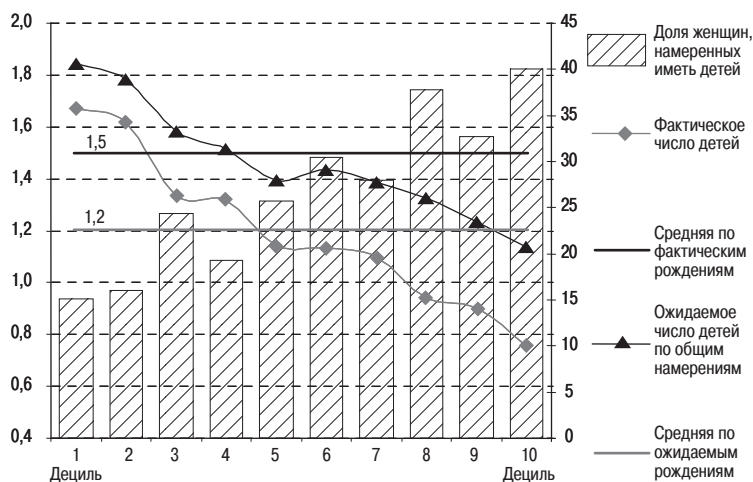
Доходная группа	Число женщин в группе	Среднее число детей в расчете на одну женщину в группе
1-я дециль	318	1,7
2-я дециль	269	1,6
3-я дециль	237	1,3
4-я дециль	225	1,3
5-я дециль	207	1,1
6-я дециль	212	1,1
7-я дециль	254	1,1
8-я дециль	283	0,9
9-я дециль	266	0,9
10-я дециль	232	0,8
Всего	2503	1,2

В 1990-е гг. в России на фоне неустойчивой экономической динамики, которая сопровождалась существенным падением доходов населения, шел процесс откладывания рождений. Далее падение доходов сначала приостановилось, а в последние 5 лет наблюдается их рост. Одновременно население отреагировало на изменение ситуации ростом числа рождений, во многом за счет ранее отложенных. В этой связи анализ фактических рождений уместно сопоставить с будущими намерениями населения относительно деторождения. Если сравнить кривые фактических рождений и планов иметь детей в будущем (*рис. 1*), то видно, что тенденция зеркально изменяется: относительно бедные менее склонны к будущим рождениям, в то время как средне- и высокообеспеченные семьи уверенно формулируют намерения иметь детей.

Явно выделяются две нижних децили — и высокой фактической рождаемостью, и незначительной склонностью к будущим рождением. Остальные группы показывают в целом понижающийся тренд в отношении рождаемости и повышающийся в отношении намерений. Возможное объяснение заключается в том, что для всех групп идеальная

¹¹ Поскольку дизайн обследования, как и большинство случайных выборок, не позволяет утверждать, что в него вошли представители высокообеспеченных групп населения, скорее, можно говорить о том, что в нем в большей степени представлены среднеобеспеченные группы населения и группы «выше среднего», нежели высшие группы.

Фактическое число детей у одной женщины, намеренной родить в будущем, намерения женщин относительно будущих рождений и оценка ожидаемого числа детей у женщины, в разрезе децильных групп

модель семьи приблизительно одинакова (не менее одного, но и не более двух детей). Но нижние группы уже реализовали эту модель, поэтому демонстрируют меньшую склонность к будущим рождениям, а относительно обеспеченные (8–10-й децили), наоборот, не сумев реализовать свои демографические планы, испытывают неудовлетворенность по этому поводу и хотели бы в будущем родить детей. Если предположить, что все женщины, высказавшие намерения иметь детей, реализуют свои планы, то возможно общее повышение рождаемости до 1,5 ребенка на одну женщину (возможная модель будущих рождений в зависимости от уровня душевого дохода представлена на рис. 1).

Жилищные условия. В последнее время в политической риторике и государственных программах все большее место занимает вопрос улучшения жилищной обеспеченности семей с детьми, особенно молодых. Подразумевается, что эта мера должна, помимо снижения рисков уязвимости данной категории семей, способствовать росту рождаемости. В рамках обследования состояние жилищной обеспеченности можно измерить лишь числом комнат на одного члена домохозяйства. Наименьшее число рождений наблюдается в тех семьях, где обеспеченность жильем критически низка, самые высокие показатели — в средних группах, и число рождений вновь снижается в группе домохозяйств, где на каждого члена семьи приходится не менее одной отдельной комнаты (табл. б). Последнее наблюдение, видимо, еще раз подтверждает факт

относительно низкой рождаемости в экономически благополучных домохозяйствах, в которых высоки не только денежные доходы, но и имущественные показатели экономического благополучия, в том числе жилье. Про прочих равных жилищная обеспеченность статистически значимо увеличивает вероятность рождения ребенка в модели для всех состоявшихся рождений, и в еще большей степени — в модели рождения первенца, однако оказывается незначимой для рождения второго и последующего детей (*табл. 1 Приложения*). Но поскольку жилищная обеспеченность оценивалась нами лишь по одному из множества возможных параметров, однозначных выводов об отсутствии влияния этого фактора на рост вторых рождений на основе представленных оценок сделать нельзя.

Таблица 6

**Жилищная обеспеченность до рождения,
число комнат в расчете на одного члена домохозяйства**

Число комнат на одного члена домохозяйства, с учетом наличия детей до 3 лет	Всего	1-й ребенок	2-й и более ребенок
Менее 0,33	1,6	0,4	3,2
0,34–0,5	28,6	30,4	26,2
0,56–0,75	28,0	14,6	46,0
0,76–1	29,5	37,5	18,7
Более 1	12,3	17,0	5,9

Уровень образования. Большинство демографических исследований отмечают сильное влияние на рождаемость уровня образования населения. Действительно, снижение рождаемости в странах Запада и в бывшем СССР часто связывают со стремительным ростом образованности населения, в первую очередь женщин. И наоборот, высокую рождаемость демонстрируют в основном страны третьего мира, где доступность и качество образования значительно отстают от мировых стандартов и где именно женщины находятся в наиболее уязвимом положении. Исследование РидМиЖ подтверждает статистическую значимость этого параметра (*табл. 7, табл. 1 Приложения*). По сравнению с высшим образованием начальное профессиональное образование повышает отношение шансов родить ребенка в течение 3 лет перед опросом в 1,9 раза, среднее профессиональное — в 1,6 раза, среднее школьное и ниже — в 1,5 раза. Шансы родить первенца у женщин с меньшей, чем вуз, образованностью еще выше.

В целом, в группе женщин с профессиональным образованием (начальным и средним) рождаемость повышается. При этом основной для аналогичного утверждения в отношении женщин с высшим образованием проведенный анализ не дает. Следовательно, в группе

Таблица 7

**Уровень образования женщин, родивших и не родивших ребенка
в течение последних 3 лет, % по столбцу**

Уровень образования	Не родили	Всего родили	В том числе	
			1-й ребенок	2-й и более ребенок
Нет среднего общего	6,5	12,7	13,7	11,8
Среднее общее	16,5	10,6	10,5	10,7
Начальное профессиональное	15,3	17,9	15,6	20,9
Среднее профессиональное	35,2	35,7	34,4	37,4
Высшее, включая незавершенное	26,6	23,1	25,8	19,3

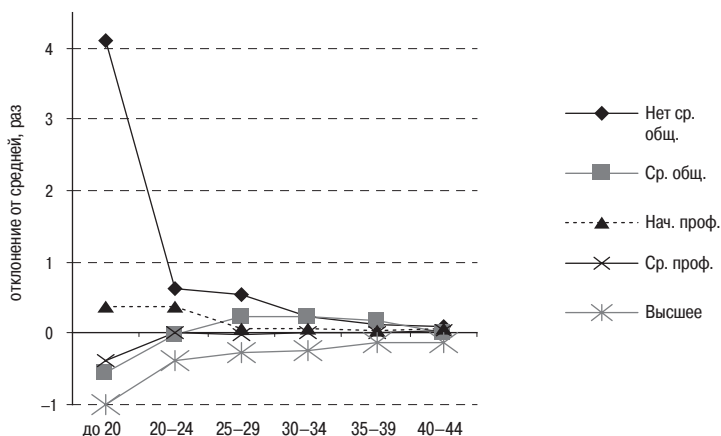
женщин с высшим образованием процессы рождаемости противоречивы и, возможно, даже разнонаправлены.

Вообще, группа женщин, имеющих высшее образование, стоит особняком. Если рассмотреть влияние образования на рождаемость в возрастном разрезе, то можно увидеть существование различных траекторий (рис. 2).

1. Неоконченное среднее образование: эта группа демонстрирует «ранний старт» — высокий уровень первых рождений в возрасте до 20 лет и быстрое осуществление последующих рождений.
2. Объединенная условная группа, включающая лиц со средним школьным, начальным и средним профессиональным образованием: более поздний старт и средний уровень рождаемости в последующих возрастах.

Рисунок 2

**Отклонения в рождаемости различных образовательных групп женщин
в возрастном разрезе, раз**

Рождения в течение последних трех лет в зависимости от отношения респонденток к религии, % в группе

Религиозность	Не родили	Всего родили	В том числе	
			1-й ребенок	2-й и более ребенок
Слабая	44,0	45,0	48,0	40,6
Средняя	27,6	29,2	27,3	31,6
Сильная	6,3	5,4	5,9	5,3
Исповедуют ислам	5,5	4,8	2,3	8,0
Не религиозны	16,6	15,6	16,4	14,4

3. Высшее образование: поздний старт и далее отставание от средних показателей рождаемости во всех возрастах.

Примечательно, что к поздним репродуктивным возрастам все образовательные группы показывают близкие уровни рождаемости. Исключение составляет группа «высшее образование» — линия тренда так и остается ниже оси X. Возможно, это свидетельствует о том, что женщины с высшим образованием уже тяготеют к модели однодетной семьи, в то время как у других образовательных групп еще сохраняется приверженность двухдетной модели.

Установки и религиозность. Среди детерминант рождаемости большую роль играют социокультурные факторы, которые влияют на общие национальные традиции, в том числе на рождаемость в той или иной стране мира. Среди этих факторов чаще всего называют преобладающую в стране религию и степень ее влияния на формирование ценностей и поведение людей¹². Религия имеет прямое отношение к формированию демографического типа поведения. В частности, этнические группы, исповедующие ислам, практически во всех странах мира демонстрируют повышенные показатели рождаемости. Наши модели также показывают наличие этой связи, хотя значимость указанной переменной подтверждена лишь для первых рождений (*табл. 1 Приложения*).

Между тем в последние 3 года более активная рождаемость наблюдалась среди женщин, которые слабо ассоциируют себя с религией (*табл. 8*). Правда, скорее, это отражает тот факт, что в современном

¹² Помимо уровня религиозности обследование РидМиЖ позволяло также оценить влияние на рождаемость установок женщины по отношению к браку, семье и детям. Для этого был построен показатель, отражающий степень приверженности женщины традиционным представлениям об обязательности и нерасторжимости регистрируемого брака, важности детей для самореализации мужчин и женщин, недопустимости абортов и пр. Однако модели не выявили статистически значимого влияния данного параметра на вероятность рождения ребенка.

обществе таких людей большинство. Вероятность появления вторых и последующих детей, как и ожидалось, была заметно выше среди женщин, исповедующих ислам¹³.

Что завтра? Репродуктивные намерения

Обратимся к вопросу о модели будущего репродуктивного поведения населения.

Обследование РиДМиЖ содержит два важных вопроса, которые при условии корректной интерпретации позволяют оценить доминирующую норму относительно идеального числа детей, с одной стороны, а с другой — изучить вариацию этой нормы в различных социально-экономических группах.

В первом вопросе выявляется общее желание респондента родить ребенка или еще одного ребенка в дополнение к имеющимся на момент опроса: *«Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?»* Второй вопрос оценивает планы родить (еще одного) ребенка в обозримой перспективе: *«Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?»* Семантические различия в формулировках вопросов имеют большое значение для последующей интерпретации ответов на них. Первый вопрос выявляет желание («хотение»), потребность респондента в еще одном ребенке, тогда как второй — планы, т.е. отрефлексированную потребность, соотношенную с возможностями и другими планами респондента на ближайшие 3 года. Вместе с тем в первом вопросе содержится ключевое слово «сейчас», которое заставляет респондента ограничить свою потребность моментом проведения опроса (и, следовательно, исходить из имеющихся на этот момент желаний и ресурсов). Временной горизонт второго вопроса шире, так что различия между ответами на него будут косвенным образом указывать на то, как население оценивает будущее с точки зрения улучшения или ухудшения условий для рождения детей.

В нашей выборке 25,5% (673 человека) выразили желание сейчас иметь (еще одного) ребенка, 26% (687 человека) — обозначили свои намерения родить ребенка в ближайшие 3 года¹⁴. Это не означает, что

---

¹³ В модели сильная религиозность и ислам увеличивают отношение шансов второго и последующего рождений в 1,7 раза при уровне значимости — 10,4%.

¹⁴ В целом, ответы на вопросы о репродуктивных намерениях не вызвали больших трудностей у респондентов: на оба вопроса не смогли ответить лишь 7 человек (0,2% от всех попавших в выборку). Первый вопрос (далее по тексту — «общие намерения») оказался более трудным для понимания: 2,7% опрошенных не смогли ответить на него, причем подавляющее большинство из них ответили на вопрос о намерениях на ближайший 3 года (далее по тексту — «намерения на 3 года»). На второй вопрос не смогли ответить 1,3% опрошенных; но также большинство затруднившихся со вторым вопросом ответили на первый вопрос.

общие репродуктивные намерения и намерения на ближайшие 3 года полностью совпали: они пересекаются примерно на две трети (табл. 9). Наиболее устойчивое желание родить ребенка продемонстрировали 17,6% опрошенных, которые положительно ответили на оба вопроса.

Таблица 9

Соотношение общих и ближайших репродуктивных намерений, %

Распределение ответов респондентов		Намерения на 3 года			
		да	нет	затруднились ответить	всего
Общие намерения	Да	17,6	7,4	0,5	25,5
	Нет	8,0	63,4	0,5	71,8
	Затруднились ответить	0,5	1,9	0,3	2,7
	Всего	26,0	72,7	1,2	100,0

По аналогии с анализом рождаемости для изучения намерений были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых зависимой переменной выступало «желание женщины иметь (еще одного) ребенка...» — «...сейчас» и «...в ближайшие 3 года». Были рассчитаны модели для подгрупп женщин без детей и с детьми, без партнера и с партнером на момент опроса¹⁵.

На первом этапе анализа в качестве объясняющих переменных выступали те же факторы, что и при анализе фактических рождений¹⁶. Затем в модели были добавлены социально-психологические переменные, характеризующие установку женщины относительно будущего рождения, субъективную норму и воспринимаемый контроль над поведением. Эти переменные позволяют учесть вариацию в репродуктивных намерениях, связанную с тем, как оценивает сама женщина возможные последствия, которые окажет на ее жизнь рождение ребенка, насколько значимы для нее различные «барьеры», препятствующие ее материнству, а также как, по ее мнению, отнесется к этому событию ее ближайшее окружение¹⁷.

Поселенческие различия. По данным обследования, жительницы городов в среднем чаще выражают желание родить еще одного ребенка, чем

¹⁵ В данной статье мы приводим оценки, полученные по моделям для всех женщин, женщин без детей и женщин хотя бы с одним ребенком. Модели в зависимости от наличия партнера опущены.

¹⁶ Конкретные переменные в моделях могли различаться. Пример: в анализе рождений одной из объясняющих переменных выступало число комнат в расчете на 1 человека ДО рождения ребенка, тогда как в анализе намерений — на фактическое число членов. Аналогично, наличие работы в моделях намерений оценивалось по состоянию на момент опроса.

¹⁷ Подробное обсуждение методологии построения переменных и того, как повлияли они на характеристики моделей, представлено в статье Е.Б. Головяничиной «Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях», публикуемой в настоящем сборнике.

женщины из сельской местности и поселков городского типа (табл. 10). При этом в группе сельских жительниц больше желающих родить первого ребенка, но меньше — второго и третьего. Выше отмечалось, что село по-прежнему опережает город по среднему числу уже рожденных детей. Но на селе первые и последующие рождения происходят раньше, чем в городе. Поэтому среди жительниц города выше степень «неудовлетворенности» имеющимся у них числом детей по сравнению с социальной нормой двухдетности, которую как раз и улавливают вопросы о намерениях.

Таблица 10

Удельные веса женщин с разным числом уже имеющихся детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, по типам поселения (% от группы)

Тип поселения	Все	Без детей	С одним ребенком	С двумя и более детьми
<i>Общие намерения</i>				
Город	30,2	47,0	33,3	9,8
Село	17,2	50,0	27,1	5,8
<i>Намерения на 3 года</i>				
Город	29,9	56,4	30,4	4,9
Село	18,4	65,7	28,8	4,3

Означает ли это, что в будущем нас ждет выравнивание поселенческих различий или даже более высокий уровень рождаемости в городе по сравнению с селом? Думается, что нет. Фактор поселенческой принадлежности оказывается статистически незначимым во всех регрессионных моделях репродуктивных намерений. Скорее всего, наблюдаемые различия могут быть результатом действия других факторов, не имеющих отношения к типу поселения. Каковы эти факторы?

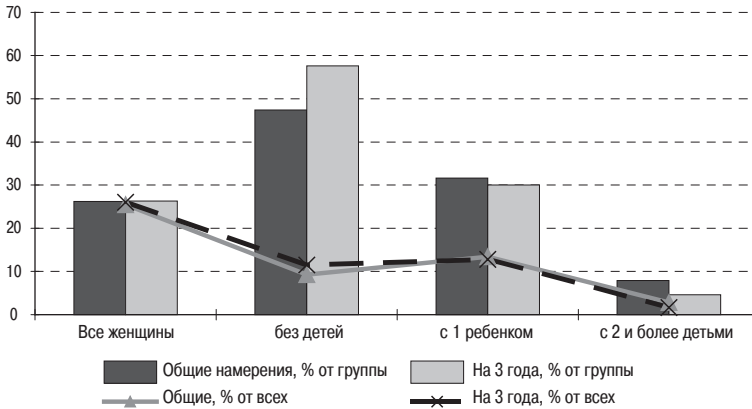
Число имеющихся детей. Понятно, что в наибольшей степени желание завести (еще одного) ребенка зависит от числа уже имеющихся детей (рис. 3). Превышение доли намеренных завести ребенка в течение 3 лет над желающими сделать это сейчас в группе женщин, не имеющих детей, объясняется бóльшим представительством крайних молодых возрастов в этой группе, которые хотели бы родить первого ребенка в любом случае — сейчас или в ближайшие 3 года. Напротив, женщины с одним и, особенно, двумя и более детьми немного чаще выражают общие намерения завести еще одного ребенка, чем намерения родить его в ближайшие 3 года, что, по-видимому, может быть следствием наметившейся в последние годы тенденции к увеличению интервалов между рождениями детей. Эта тенденция подтверждается и регрессионными моделями: вероятность хотеть родить еще одного ребенка при наличии уже одного или двух детей снижается сильнее, если речь идет

о намерениях на 3 года, по сравнению с общими (табл. 2, 4 Приложения). В целом подтверждается относительная однородность российского общества в отношении желаемого числа детей.

Рисунок 3

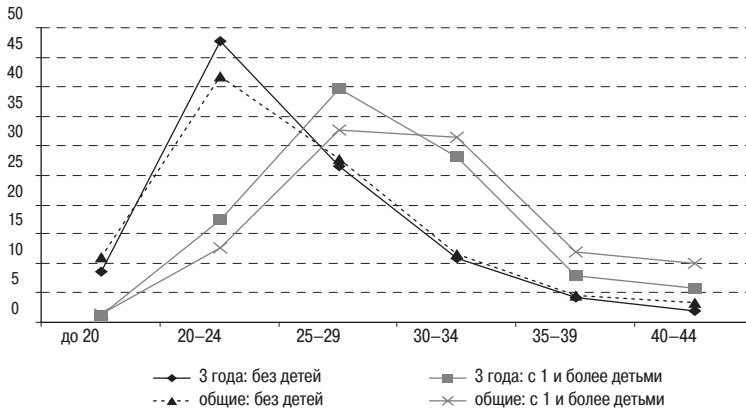
**Намерения женщин родить (еще одного) ребенка
в зависимости от числа имеющихся детей**

Столбцы — % от численности ответивших на вопрос женщин с определенным числом детей; линии — % от общего числа женщин, отвечавших на вопрос

Рисунок 4

**Распределение женщин, намеренных родить (еще одного) ребенка
по возрастам и числу имеющихся детей**

Возраст женщины. Значимой детерминантой репродуктивных намерений выступает возраст женщины (рис. 4). Больше всего желающих родить (еще одного) ребенка в ближайшее время в группе 25–29-летних: в этой возрастной категории много как тех, кто еще планирует первого ребен-

ка, так и тех, кто уже задумывается о втором. Среди женщин, не имеющих детей, больше всего на рождение ребенка настроены 20–24-летние (пик приходится на 22 года). К 25 годам большинство уже реализует это намерение, и поэтому в старших возрастных группах доля желающих первенца резко снижается. Вариация возраста женщин, планирующих родить второго и последующих детей, выше, что свидетельствует о более высокой вариации интервалов между рождениями первого и второго, второго и третьего детей. Наиболее высока доля собирающихся родить еще одного ребенка среди 28-летних, однако достаточно высокие значения этого показателя характерны для группы 24–34-летних.

Наличие партнера, брачный статус. Несмотря на то, что рождение ребенка возможно и без постоянного партнера, факт его наличия у женщины усиливает желание родить ребенка. Различия наиболее заметны для женщин без детей, и, прежде всего, в отношении планов родить ребенка в ближайшие 3 года (табл. 11). В то же время сам по себе факт регистрации брака никакой роли не играет: для репродуктивных намерений женщин, имеющих партнера в домохозяйстве, влияние состояния в браке статистически незначимо. По сути это отражает «слепое» следование женщин социальной норме в части репродуктивных намерений: брак не является значимым фактором для репродуктивных намерений женщин, имеющих партнера, однако оказывает существенное дифференцирующее влияние на фактическую рождаемость.

Таблица 11

Доля женщин, намеренных родить ребенка, в зависимости от наличия партнера и числа уже рожденных детей, % от группы

Наличие партнера	Все женщины		Женщины без детей		Женщины с одним и более ребенком	
	общие намерения	намерения на 3 года	общие намерения	намерения на 3 года	общие намерения	намерения на 3 года
Партнера нет	23,1	21,6	40,6	45,9	16,1	11,6
Партнер есть, вне домохозяйства	33,8	37,9	40,5	53,4	26,7	21,4
Партнер есть, в домохозяйстве	25,3	25,0	61,0	72,4	21,2	19,6
Зарегистрирован брак	22,6	21,4	68,9	77,3	20,0	18,3

Образование. Наиболее весомым социальным фактором, определяющим репродуктивные намерения женщины, оказалось образование. Независимо от того, чье образование принимается во внимание — образование женщины, образование партнера или наивысший уровень

образования одного из них (последние две опции — только для подвыборки женщин, имеющих партнера), направление влияния образования на репродуктивные намерения остается одним и тем же — обратным тому, что мы наблюдали в отношении рождений за последние 3 года.

На первый взгляд, связь между уровнем образования и репродуктивными намерениями выглядит удивительно: женщины с более высокими уровнями образования чаще выражают желание родить ребенка — сейчас или в ближайшие 3 года. По сравнению с женщинами с высшим образованием отрицательное влияние среднего школьного и ниже и среднего профессионального образования (при контроле других параметров) статистически значимо как для общих, так и для ближайших намерений всех женщин, попавших в нашу выборку. Отметим, что эффекты образования в большей степени сказываются на общих репродуктивных намерениях, которые, как мы полагаем, лучше отражают потребность респондента в детях, чем намерения на ближайшие 3 года (*табл. 2 Приложения*). Для женщин без детей влияние образования на репродуктивные намерения выше, чем для женщин, уже имеющих хотя бы одного ребенка (*табл. 3, 4 Приложения*). Для последних образование становится статистически незначимым фактором намерений на ближайшие 3 года.

И если более высокая фактическая рождаемость среди женщин с низким уровнем образования легко укладывается в теоретические модели рождаемости, то репродуктивные намерения женщин с высшим образованием прямо противоречат экономической теории. Казалось бы, именно эти женщины больше других инвестировали в свой человеческий капитал, цена их труда также должна быть более высокой, и, следовательно, альтернативные издержки, связанные с рождением детей, выше. Поэтому при прочих равных можно было бы ожидать, что женщины с высшим образованием должны быть менее склонны к рождению ребенка. Данные обследования показывают обратное.

Было бы ошибкой интерпретировать полученные результаты о взаимосвязи образования и репродуктивных намерений, не сопоставив их с реальным демографическим поведением женщин с высшим образованием. До проведения второй волны обследования нельзя оценить отклонения фактических репродуктивных решений от заявленных намерений, однако мы можем сопоставить данные по уже состоявшимся рождениям с данными о репродуктивных намерениях женщин в определенных возрастных и образовательных группах.

Выделим три основные образовательные группы: низкий уровень образования, соответствующий начальному профессиональному, среднему школьному и ниже образованию; средний, соответствующий среднему специальному образованию, и высший, соответствующий

высшему профессиональному образованию, включая незавершенное высшее и послевузовское образование. Процентное распределение женщин по уровню заверщенного образования и числу рожденных на момент опроса детей представлено в *табл. 12*¹⁸. В среднем больше всего детей родили женщины со средним специальным образованием. Женщины же с высшим образованием, как и ожидалось, больше представлены среди не имеющих детей и имеющих одного ребенка на момент опроса.

Таблица 12

Распределение женщин по рожденному числу детей и уровню заверщенного образования; среднее число детей по уровню образования

Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	27,7	35,0	28,1	9,2	1,23	1	1,024
Среднее специальное	18,3	39,8	34,7	7,1	1,34	1,087	1,114
Высшее профессиональное	33,9	40,1	23,3	2,7	0,96	0,779	0,798
Всего	25,9	38,0	29,3	6,9	1,20	0,976	1

В *табл. 13* представлено ожидаемое увеличение числа детей при переходе от бездетности к одному ребенку, от первого ко второму и от второго к третьему рождению для женщин с разным уровнем образования, рассчитанное на основе положительных ответов на вопрос об общих намерениях.

Таблица 13

Ожидаемый прирост рождаемости по числу детей и уровню образования женщины на момент опроса

Образование	Изменение числа детей		
	0→1	1→2	2→3
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	0,248	0,237	0,076
Среднее специальное	0,299	0,231	0,035
Высшее профессиональное	0,417	0,339	0,081

Если предположить, что женщина может родить только одного ребенка за год (не принимая во внимание вероятность родить двойню), полученные результаты могут быть описаны в терминах максимально

¹⁸ Расчеты для *табл. 12–14* сделаны С.В. Захаровым.

возможного годового прироста среднего числа детей и возможной вариации женщин по числу детей. Они показывают, что даже при условии полной реализации намерений существующие различия в уровнях рождаемости между образовательными группами сохранятся, и женщины с высшим образованием будут по-прежнему оставаться группой с наименьшим средним числом детей (табл. 14).

Таблица 14

Ожидаемая структура женщин с разным уровнем образования по числу детей; ожидаемое число детей по уровню образования матери

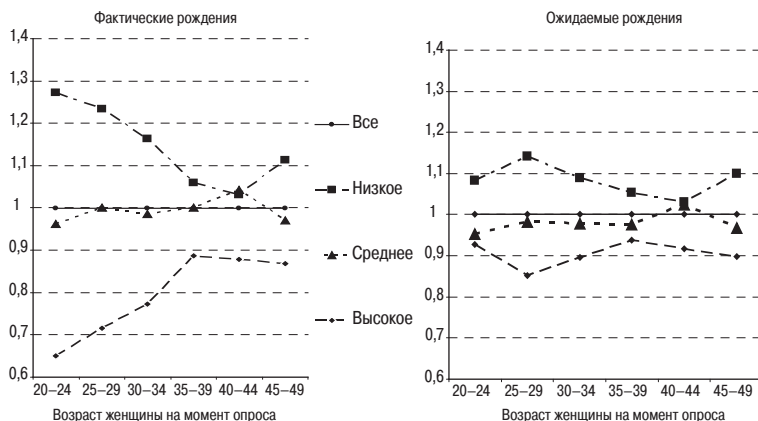
Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	20,8	33,0	34,3	11,3	1,42	1	1,004
Среднее специальное	12,8	36,1	42,7	8,3	1,51	1,064	1,068
Высшее профессиональное	19,8	40,6	35,0	4,6	1,27	0,894	0,898
Всего	17,7	36,2	37,4	8,6	1,41	0,996	1

Как мы уже отмечали ранее, уровень образования оказывает влияние не только на вариацию в фактическом числе рождений, но и на возрастной профиль рождаемости. По сравнению с женщинами с высшим образованием менее образованные женщины раньше заводят первого ребенка и раньше заканчивают деторождение, следуя универсальной социальной норме одно- или двухдетной семьи (рис. 2).

Отклонения возрастных кривых рождаемости для женщин с разным уровнем образования до и после реализации общих намерений представлены на рис. 5. Расчеты показывают, что при условии полной реализации намерений можно ожидать сокращения различий между группами по числу рожденных детей, поскольку женщины с разным образовательным статусом стремятся иметь примерно одинаковое число детей в семье.

Наибольшие различия между средними фактическим и ожидаемым числом детей наблюдаются для молодых женщин с высшим образованием, которые, как известно, позже начинают процесс формирования семьи. Таким образом, более выраженное желание женщин с высшим образованием иметь (еще) детей в ближайшее время можно объяснить их большей «неудовлетворенностью» имеющимся числом детей при господствующей норме одно-двухдетности. Женщины со средним специальным образованием точно следуют среднему варианту возраст-

Относительная вариация реализованного и ожидаемого (при условии реализации общих намерений) числа детей по возрасту и уровню образования матери

ного распределения рождаемости по выборке, тогда как женщины с более низким уровнем образования рожают раньше и относительно больше.

Тот факт, что с возрастом различия между образовательными группами по числу детей заметно сокращаются, еще раз подтверждает гипотезу о том, что пока в России сохраняется господство модели двухдетной семьи в России. Тем не менее это доминирование не очень устойчиво: среди лиц с высшим образованием (а их доля в обществе растет) все более распространенной становится модель однодетной семьи.

Ценностные ориентации и религиозность. То, что изменение ценностных ориентаций населения европейских стран стало одной из основных причин снижения рождаемости в последней трети прошлого столетия, уже не вызывает сомнения [van de Kaa D.J., 1987; Surkyn, Lesthaeghe, 2004]. Исторический вектор смены господствующей системы ценностей наблюдается и в России, но вопрос о влиянии структуры ценностей на число детей в семье и вероятность очередного будущего рождения менее понятен, и в современной России не исследовался. Конечно, идеальным условием для изучения этой зависимости выступает наличие панельных данных, но и в их отсутствие обследование РИДМИЖ представляет немало способов проверить существование связи между установками человека и его репродуктивным поведением. Ранее мы отмечали, что среди женщин, родивших в течение трех лет перед опросом, преобладали нерелигиозные и слабо религиозные. Нам также не удалось зафиксировать значимого влияния различий в установках относительно семьи и детей на вероятность фактических рождений. Отчасти отсутствие эффекта могло быть связано

с тем, что не только ценности влияют на репродуктивное поведение, но и фактическая репродуктивная биография женщины могла отчасти изменить представления женщины о браке, семье и детях. Во всяком случае, полностью отрицать эндогенность этих параметров во времени мы не можем. Поэтому более аккуратным будет сравнение установок женщины и ее намерений в отношении будущих рождений на момент опроса.

Анализ показал, что как религиозность, так и принятие традиционных, консервативных ценностей в отношении брака, семьи и детей значимо влияют на общие и ближайшие репродуктивные намерения женщин (табл. 2 Приложения). Носители традиционных ценностей чаще выражают желание завести ребенка, особенно, когда речь идет об общих намерениях (табл. 15). Однако различия между женщинами с разными ценностными ориентациями наиболее заметны, когда детей еще нет.

Таблица 15

Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, в группах с разными ценностными ориентациями, %

Параметры	Все женщины		в том числе			
			без детей		с 1 ребенком	
	общие	на 3 года	общие	на 3 года	общие	на 3 года
<i>Консерватизм: отношение к браку, разводу</i>						
1 — противники брака	24,1	31,4	43,2	59,5	20,5	26,9
5 — сторонники традиционного брака, противники разводов	34,0	24,8	70,6	64,7	50,0	31,3
<i>Ориентация на детей: для полной самореализации человека...</i>						
1 — дети не обязательны	22,4	26,7	29,7	44,7	31,6	35,1
5 — дети должны быть	27,5	31,6	60,0	81,3	26,9	31,3

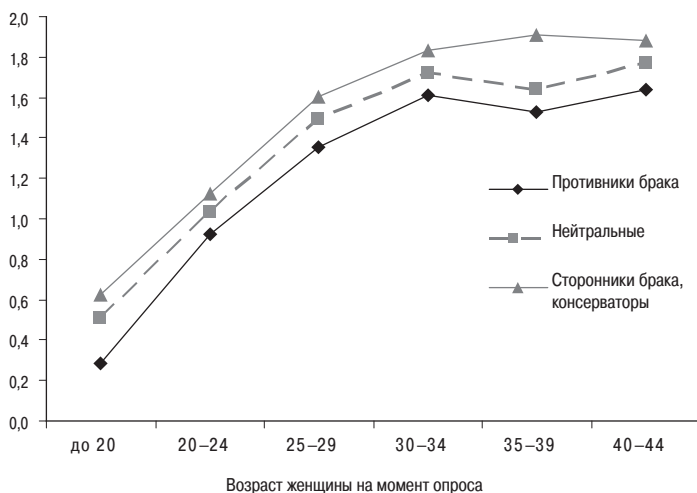
Таблица 15 подтверждает выдвинутое ранее предположение о том, что социальная норма детности формулируется в России как «не менее одного, но и не более двух»: в группе женщин с одним ребенком доля тех, кто планирует завести еще одного ребенка, меньше среди тех, кто считает, что для полной самореализации человеку нужны дети. Иными словами, чтобы реализоваться, одного ребенка достаточно. Не случайно, в возрастном разрезе различия по числу детей между теми, кто считает, что без детей самореализация невозможна, и их антагонистами, заметны только до 30 лет, а затем полностью стираются.

Напротив, установки по отношению к институту брака более четко дифференцируют женщин по репродуктивным намерениям: среднее число детей (как уже рожденных, так и потенциальное — с учетом полной реализации намерений) у сторонниц традиционного брака во всех возрастных

группах¹⁹ немного выше, чем у противниц этого института (рис. 6). Тем не менее нельзя не отметить, что влияние и этого показателя чувствительно как к шкале измерения, так и к виду модели. На подвыборке всех женщин, независимо от числа детей и наличия партнера, показатель принятия консервативных ценностей оказывается значимым: более традиционные установки увеличивают вероятность того, что женщина захочет завести ребенка (табл. 2 Приложения). Однако включение в модель социально-психологических факторов ухудшает значимость данного фактора (табл. 8 Приложения²⁰). Аналогично, традиционные установки сильнее и значимее влияют на репродуктивные намерения женщин без детей, чем тех, у кого есть хотя бы один ребенок (табл. 3, 4 Приложения). Наконец статистическая значимость этих установок уменьшается, если мы ограничиваем анализ женщинами с партнером (табл. 5–7 Приложения).

Рисунок 6

Среднее потенциальное число детей в расчете на одну женщину данной возрастной группы в зависимости от установок в отношении института брака

На первый взгляд, удивительно, что среди женщин-мусульманок оказалось значительно меньше тех, кто, уже имея детей, собирается ро-

¹⁹ Фактическое число детей у 18–24-летних женщин примерно совпадает независимо от установок, однако более традиционно настроенные женщины чаще выражают желание завести ребенка уже в этих возрастах. По-видимому, они и реализуют свои намерения раньше, так как начиная с 25-летнего возраста различия по числу рожденных детей у сторонниц и противниц института брака увеличиваются.

²⁰ В данной статье мы приводим лишь оценки факторов, полученные с включением социально-психологических переменных в модель для всех женщин в выборке. Значения коэффициентов по моделям, рассчитанным для женщин без детей и женщин с детьми, приведены в упомянутой выше статье Е. Б. Головляничиной.

жать еще (табл. 16). Но здесь сказался эффект возрастного распределения женщин с разной религиозной принадлежностью: представительство женщин, исповедующих ислам, выше в старших возрастных группах, тогда как женщин с сильной приверженностью христианству (православию), напротив, больше в самых младших группах. Поэтому женщины-мусульманки, попавшие в нашу выборку, уже родили одного или нескольких детей на момент опроса, что и объясняет их более низкую склонность к будущим рождениям. В разрезе возрастных групп женщины-мусульманки удерживают лидирующие позиции по числу детей при условии полной реализации репродуктивных намерений (рис. 7), тогда как различия между нерелигиозными женщинами и религиозными, за исключением исповедующих ислам, отсутствуют.

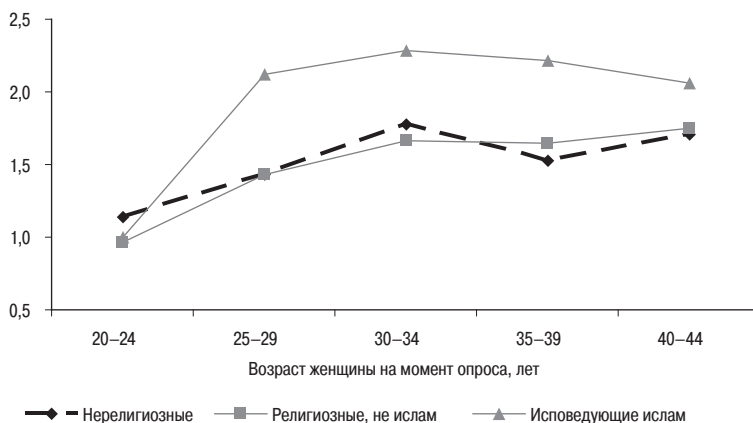
Таблица 16

Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, в различных религиозных группах, %

Религиозность	Общие намерения			Намерения на 3 года		
	все	без детей	имеют 1 и более детей	все	без детей	имеют 1 и более детей
Не религиозны	24,6	36,7	21,4	30,4	56,7	23,4
Слабая	25,2	42,2	20,8	25,0	57,9	16,5
Средняя	27,3	59,1	20,5	24,3	55,7	17,5
Сильная	36,0	53,3	28,6	36,8	63,8	24,8
Исповедуют ислам	21,8	75,0	13,6	23,6	55,6	18,3

Рисунок 7

Среднее потенциальное число детей в расчете на одну женщину данной возрастной группы в зависимости от религиозности респондентки

Результаты регрессионного анализа подтверждают положительное влияние сильной религиозности на репродуктивные намерения, эффект статистически значим для общих намерений всех женщин и женщин без детей (*табл. 2, 3 Приложения*). Однако значимость разных уровней религиозности варьирует от модели к модели и в зависимости от того, репродуктивные намерения какой подгруппы женщин (по наличию партнера, числу детей) мы анализируем.

Таким образом, несмотря на выявленное нами влияние субъективных факторов (религиозности и установок) на репродуктивные намерения точку в этом вопросе еще ставить рано²¹; возможно, появление панельных данных позволит уточнить полученные выводы.

Статус занятости. Положение на рынке труда и в сфере занятости является значимым фактором репродуктивных намерений. Анализ, проведенный для всей выборки, показал, что наличие работы у респондентки увеличивает ее желание иметь ребенка (*табл. 2 Приложения*). По-видимому, речь может идти о том, что женщина, имеющая работу, выше оценивает материальные возможности семьи как текущие (женская занятость — тоже источник дохода домохозяйства), так и будущие, если она сможет вернуться на работу. И хотя связь между женской занятостью и репродуктивными намерениями перестает быть значимой для подвыборок женщин с детьми и женщин, имеющих партнера, направление влияния остается тем же. По аналогии с анализом фактической рождаемости мы проверили влияние занятости партнера, которая, как обнаружилось, не оказывает никакого влияния на репродуктивные намерения.

Доходы и жилищная обеспеченность. Проведенный нами анализ не подтвердил статистической значимости влияния доходов респондентки на репродуктивные намерения, тогда как влияние дохода партнера — слабо положительное. Кроме того, в отличие от зафиксированного нами значимо положительного влияния жилищной обеспеченности на вероятность рождения ребенка (за последние 3 года), на репродуктивные намерения женщин обеспеченность комнатами влияния не оказывает (*табл. 2 Приложения*).

Вместе с тем анализ показывает, что среднедушевой доход домохозяйства является важным фактором для репродуктивных намерений женщин как с партнером, так и без него (именно этот показатель и вклю-

---

²¹ Наибольший интерес представляет влияние социокультурных факторов на рождение первого, второго и последующих детей. Тем не менее пока различные модели приводят к неоднозначным выводам, которые могут быть связаны со способом эмпирического измерения факторов (конструирования переменных), используемой выборкой (только респондентки или же расширенная выборка респонденток и партнерш), видом модели и пр. Ср. результаты, полученные в данной работе, с результатами, приведенными в статье О.В. Синявской, С.В. Захарова, М.А. Карцевой «Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России».

чен в окончательные модели). Чем выше доход домохозяйства, тем выше потребность родить ребенка, особенно второго (табл. 17, рис. 8). Наиболее сильно этот эффект проявляется для намерений завести ребенка в течение ближайших 3 лет. Субъективная самооценка дохода домохозяйства оказывается еще более весомым предиктором намерений женщин, уже имеющих хотя бы одного ребенка, родить второго в ближайшие 3 года (хотя ее влияние статистически незначимо для женщин без детей).

Эффект дохода оказывается значимым как для женщин, намеревающихся родить первого ребенка, так и для женщин, планирующих последующих детей (табл. 3, 4 Приложения). Однако включение в модель социально-психологических факторов делает эффект дохода на общие репродуктивные намерения незначимым: позитивная или негативная оценка того, как изменится материальное положение семьи после рождения ребенка, и отношение ближайшего окружения к этому рождению важнее величины дохода (табл. 8 Приложения)²².

Таблица 17

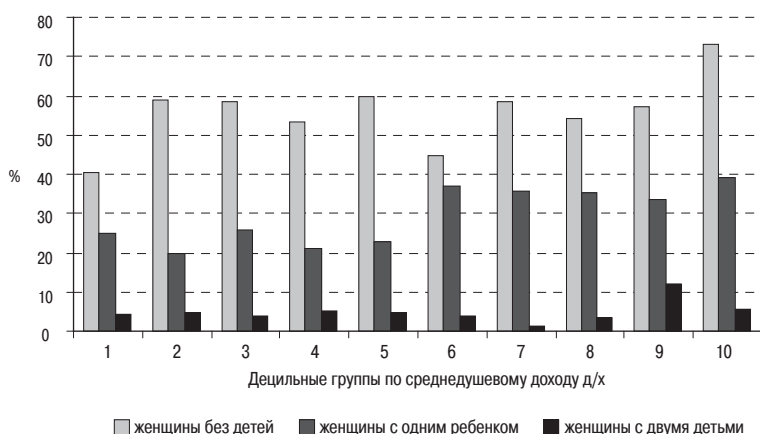
Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, по доходным группам, %

Квинтили среднедушевого дохода домохо- зяйства	Все		Без детей		Имеющие одного и более детей	
	общие намерения	намерения на 3 года	общие намерения	намерения на 3 года	общие намерения	намерения на 3 года
1	15,5	14,4	34,8	46,0	13,8	11,5
2	21,9	19,6	41,8	56,9	19,1	14,2
3	28,1	26,9	44,7	53,0	23,8	20,3
4	33,1	32,5	52,7	55,9	26,6	24,4
5	36,1	41,9	50,0	65,2	28,0	28,1

Такая статистически значимая и устойчиво положительная связь между величиной доходов и репродуктивными намерениями подтверждает положения экономической теории рождаемости и результаты других исследований репродуктивных намерений [Рощина, Бойков 2005]. Тем не менее эта положительная связь также отражает уже обсуждавшуюся нами слабую вариацию в обществе социальной нормы одно- и двухдетной семьи. Даже при условии полной реализации намерений, выраженных в стразах с более высокими доходами, различия в среднем числе детей в расчете на одну женщину между разными доходными группами сократятся, но не исчезнут. По-прежнему общее число детей в расчете на одну женщину будет тем ниже, чем выше среднедушевой доход домохозяйства (рис. 1).

²² Подробнее об этом см. в упомянутой выше статье Е.Б. Головляничиной.

Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка в ближайшие 3 года, по децильным доходным группам, %

Желаемое и действительное. В чем различия?

Подведем некоторые итоги (табл. 18).

На репродуктивное поведение женщин в последние годы значительно влияют следующие социально-экономические факторы.

- Тип поселения (город/село): абсолютное число рождений в расчете на одну женщину на селе по-прежнему оставалось выше.
- Образование: возрастные распределения показывают сильные отличия в уровнях рождаемости у женщин с высшим образованием от прочих образовательных групп в сторону более поздних рождений и меньшего числа детей.
- Состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве: одинаково значимы оказались не только зарегистрированный брак, но и партнер в домохозяйстве.
- Занятость женщины и партнера: подавляющее большинство рождений происходило у занятых женщин и занятых мужчин, но при контроле других параметров занятость партнеров оказывается статистически незначимой, а занятость женщин значительно увеличивает только вероятность рождения первенца.
- Жилье: низкая обеспеченность является ярко выраженным барьером для роста рождаемости.

Для всех женщин значимые социально-экономические детерминанты репродуктивных намерений включают:

- образование: наибольшую потребность в детях демонстрируют женщины с высшим образованием;

- состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве: женщине с партнером в домохозяйстве проще строить планы относительно рождения детей, однако при наличии партнера факт регистрации брака не влияет на желание завести ребенка;
- традиционные установки по отношению к браку: сторонники традиционного брака и противники разводов чаще выражают желание завести ребенка;
- религиозность: сильная степень религиозности (православие, другие христианские вероисповедания или ислам) повышают вероятность желать еще одного ребенка;
- занятость женщины и партнера: занятые женщины в среднем более готовы к рождению ребенка по сравнению с незанятыми, но от занятости партнера желание иметь ребенка в основном не зависит;
- душевой доход членов домохозяйства: чем выше доход, тем больше намеревающихся родить ребенка;
- социально-психологические факторы: наиболее сильное влияние на желание завести ребенка (вообще или в ближайшие 3 года) оказывает то, как, по мнению женщины, отнесутся к ее решению ее близкие (партнер, родители); положительное отношение близких к возможному рождению ребенка компенсирует негативное влияние на репродуктивные намерения как дохода, так и имеющегося числа детей.

Наиболее мощными ограничителями репродуктивных намерений оказываются число уже имеющихся детей и возраст женщины, а самым важным «катализатором» — положительное отношение близких к планируемому рождению. Помимо этого для общих намерений более весомым оказывается уровень образования; для намерений на 3 года — величина доходов. Общие намерения в большей степени отражают социальные нормы детности и поэтому сильнее зависят от социальных факторов — таких как образование и религия. Намерения родить ребенка в ближайшие 3 года, напротив, отражают конкретную ситуацию респондента в настоящем — наличие партнера, факт регистрации брака, доходы домохозяйства. При переходе от общих намерений к намерениям в краткосрочной перспективе усиливается эффект экономических факторов и ослабляется эффект социальных факторов.

Для бездетных женщин самыми сильными детерминантами выступают наличие партнера, с которым можно родить и воспитывать ребенка, и субъективные параметры — религиозность, установки по отношению к браку и семье, социально-психологические факторы. Репродуктивные намерения женщин, у которых есть, по крайней мере, один ребенок, наиболее сильно зависят от их возраста и числа детей.

**Факторы, влияющие на репродуктивное поведение
и репродуктивные намерения**

Факторы	Рождения	Репродуктивные намерения	Примечание
Тип поселения	-/+	+	Проживание в сельской местности увеличивает вероятность первых рождений
Возраст женщины	+	+	
Число уже рожденных детей	+	+	
Партнерство	+	+	
Брачный статус	+	+/-	Брачный статус незначим для намерений женщин с партнером и женщин, уже имеющих одного и более детей
Статус женщины на рынке труда	-/+	+/-	Влияние статуса на рынке труда неустойчиво
Статус партнера на рынке труда	-	-/+	Статус партнера на рынке труда значим для общих намерений завести первого ребенка
Образование	+	+	
Доходы	0	+	В силу отсутствия информации о доходах на момент планирования рождения влияние дохода на фактические рождения не может быть определено
Жилье	+	-	
Религиозность и принятие консервативных ценностей	-	+	
Социально-психологические факторы (установки на рождение ребенка, оценка позиции ближайшего окружения)	0	+	В силу отсутствия информации о социально-психологических факторах на момент планирования рождения их влияние на фактические рождения не может быть определено. При включении этих переменных в модели намерений часть обозначенных выше значимых эффектов других параметров исчезает, а социально-психологические факторы становятся наиболее важными предикторами

Обозначения: «+» — фактор статистически значим (независимо от направления влияния), «-» — фактор статистически незначим, «0» — отсутствует релевантная информация.

Кроме того, более значимыми становятся образование, если речь идет об общих намерениях, и доход — в случае намерений на ближайшие 3 года.

Брачный статус не оказывает влияния на репродуктивные намерения женщин с партнером. Это свидетельствует о том, что реальной детерминантой репродуктивных намерений выступает сам факт наличия партнера, а не юридическая форма отношений с ним. Следовательно, семейная политика должна принимать во внимание репродуктивное поведение не только зарегистрированных пар, но и тех, кто юридически не оформил свои отношения.

Ограничивая выборку женщинами, уже имеющими партнера, мы отсекаем тех, кто не собирается иметь детей, просто потому что не с кем. Потенциально все женщины в этой выборке физически могут иметь детей. Понятно, что желание иметь детей убывает с возрастом и числом уже рожденных детей, причем влияние обоих факторов сильнее для намерений на 3 года. Однако и в этой группе женщин проявляются различия, описанные выше: общие намерения в большей степени детерминируются уровнем образования (наиболее образованные женщины, имеющие меньше детей, чаще отвечают, что хотели бы родить (еще одного) ребенка). Намерения на ближайшие 3 года определяются скорее доходом. Следовательно, улучшение экономических условий жизнедеятельности семей способно ослабить барьеры, существующие сегодня на пути реализации репродуктивных намерений, и обеспечить больший прирост рождаемости в рамках господствующей социальной нормы.

Что из этого следует? Уроки для социальной политики

1. Первый и принципиально важный вывод, который позволяет сделать проведенное обследование, состоит в том, что потенциал для повышения рождаемости в современной России есть. Даже если предположить, что все респондентки, которые хотят в будущем иметь детей, смогут родить лишь по одному ребенку, рождаемость в ближайшие 3 года может возрасти с 1,2 до 1,5 ребенка на одну женщину. Конечно, намерения не тождественны реальному поведению. В то же время, во-первых, не исключено, что часть семей могут пойти на рождение III и т.д. детей. Во-вторых, обследование проводилось в 2004 г., когда еще не была выработана масштабная национальная демографическая программа, которая содержит целый ряд мер, направленных на интенсивное стимулирование роста рождаемости в России.

2. Существенным барьером на пути к росту рождаемости является плохая жилищная обеспеченность, и меры по снятию данного барьера могут дать гораздо более быстрый и ощутимый эффект, даже в сравнении с материальными методами стимулирования и денежными выплатами семьям.

3. Между тем исследование показывает и другое: в политике нельзя уповать лишь на материальные меры стимулирования роста рождае-

мости. Среди факторов, реально влияющих на процессы в этой сфере, не менее важную роль играют социально-культурные факторы, иногда никак не связанные с ростом экономического благополучия населения. Это начавшаяся трансформация семейных отношений, уровень образования, установки и ценности, религиозные традиции и пр.

4. Изменения в семейных отношениях и начало перехода от традиционного института официального брака к партнерскому союзу, характерного для многих стран Западной Европы, наблюдается и в России. Такой переход не случаен, он отражает долговременные тенденции. Если семейная политика будет ориентироваться лишь на официально зарегистрированные браки, то из сферы политического воздействия будут выпадать значительные группы населения, обладающие определенным потенциалом роста рождаемости. Особенно это опасно в отношении молодежи, которая чаще других предпочитает браку неформальный партнерский союз.

5. Сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым. Женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на российском рынке труда. Если рост рождаемости не будет сопровождаться изменениями в трудовых отношениях, внедрением гибких форм занятости для женщин, развитием рынка социальных услуг по воспитанию и образованию детей, то либо потенциал рождаемости у этих групп не будет реализован, либо женщины значительно сократят свое участие в рабочей силе, что будет усугублять негативные тенденции на российском рынке труда в свете дефицита трудовых ресурсов.

6. По-прежнему наиболее высокий уровень рождаемости демонстрируют национальные группы, исповедующие ислам; именно там сохраняется рождаемость на уровне расширенного воспроизводства. Напротив, рождаемость в других религиозных группах, даже в тех случаях, когда речь идет о сильной приверженности религии, находится на примерно одинаково низком уровне. Это означает, что попытки повысить рождаемость за счет популяризации традиционных ценностей и религии будут иметь ограниченный эффект.

7. Важно другое: желание иметь ребенка во многом зависит от того, как к этому шагу относится ближайшее окружение женщины, ее партнер, родители, друзья. Следовательно, формирование позитивного общественного климата по отношению к материнству и детям может стать действенным инструментом политики повышения рождаемости и, возможно, привести к увеличению числа рождений.

8. Чтобы знать, что делать, нужно знать, что происходит. Сегодня программа РИДМИЖ является единственным репрезентативным исследованием, которое позволяет хотя бы частично ответить на вопросы, необходимые для понимания сложных и противоречивых процессов

в сфере планирования семьи, деторождений и других аспектов демографического поведения населения. В то же время программой предусмотрено проведение нескольких волн обследований одной и той же совокупности респондентов (как минимум трех волн с интервалом в 3 года), что впервые в практике подобных исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондента и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла. Именно лонгитюдный характер обследования позволяет выявить наиболее значимые факторы и события, влияющие на демографическое, экономическое и социальное поведение населения. Реализуются или нет намерения респондентов в отношении будущих рождений? Какие факторы будут способствовать повышению рождаемости, а какие — тормозить? Какие из них приносят быстрый и ощутимый эффект, а какие являются факторами «отложенного действия»? Повлияют ли на эту динамику меры, предложенные государственной программой в 2006 г.? Наконец, почему социально-экономические факторы по-разному влияют на реальное поведение сегодня и репродуктивные намерения людей в будущем?

Ответы на эти вопросы остро необходимы для корректировки и усиления демографической и социальной политики, устремленной в долгосрочную перспективу и имеющей своей стратегической целью преодоление крайне неблагоприятных демографических тенденций, характерных для современной России.

Литература

1. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.09.2001 г. № 1270-р. <http://demoscope.ru/week-ly/knigi/konceptsiya/konceptsiya.html>.
2. Национальный доклад о положении в области народонаселения в Российской Федерации в 1994–1998 гг. (Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН) <http://www.owl.ru/win/docum/rg/population/doc1998.htm>.
3. Демографическая модернизация России, 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006.
4. *Захаров С.В.* Раздел «Брачность и рождаемость»// Население России. Ежегодный демографический доклад/ Центр демографии и экологии человека ИПП РАН. — М.: Книжный дом «Университет», 1999–2004.
5. *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья 1: Расширяющиеся границы брака// Демоскоп Weekly. 2006. №237. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1.
6. Население России. 2003–2004/ XI — XII ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека ИПП РАН. — М.: Наука, 2006.
7. *Рощина Я.М., Бойков А.В.* Факторы фертильности в современной России. — М.: EERC, 2005.

8. *Andersson G.* A Study on Policies and Practices in Selected Countries that Encourage Childbirth: A Case of Sweden// MPIDR Working Paper WP2005–005. 2005. March.
9. *Andersson G.* The Impact of Labour-Force Participation on Childbearing Behaviour: Pro-Cyclical Fertility in Sweden during the 1980s and 1990s// *European Journal of Population.* 2000. Vol. 16. P. 293–333.
10. *Becker G.* A Theory of Allocation of Time// *Economic Journal.* 1965 (September). P. 493–517.
11. *Ekert-Jaffé O. et al.* Fertility. Timing of Births and Socio-economic Status in France and Britain: Social Policies and Occupational Polarization// *Population.* English Edition. 2002. Vol. 57. №3. P. 475–508.
12. *Friedman D., Hechter M., Kanazawa S.* A Theory of the Value of Children// *Demography.* 1994 (August). Vol. 31. №3. P. 375–401.
13. *Hoem B., Hoem J.M.* The Impact of Women's Employment on Second and Third Births in Modern Sweden// *Population Studies.* 1989. Vol. 43. P. 47–67.
14. *Kharkova T.L., Andreev E.M.* Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus// *European Journal of Population.* 2000. Vol. 16. P. 211–233.
15. *Kohler H.-P., Kohler I.* Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis// *European Journal of Population.* 2001. Vol. 18. P. 233–262.
16. *Kravdal O.* The Weak Impact of Female Labour Force Participation on Norwegian Third-Birth Rates// *European Journal of Population.* 1992. Vol. 8. P. 247–263.
17. *Kravdal O.* The Importance of Economic Activity, Economic Potential and Economic Resources for the Timing of First Births in Norway// *Population Studies.* 1994. Vol. 48. P. 249–267.
18. *Liefbroer A., Corijn M.* Who, What, Where and When? Specifying the Impact of Educational Attainment and Labour Force Participation on Family Formation// *European Journal of Population.* 1999. Vol. 15. P. 45–75.
19. *Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R.* The Low Fertility Trap Hypothesis: Forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe// *European Demographic Research Papers.* 2005. №4.
20. *Meron M., Widmer I.* Unemployment Leads Women to Postpone the Birth of Their First Child// *Population.* English Edition. 2002. Vol. 57. №2. P. 301–330.
21. *Pollak R.A., Watkins S.C.* Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper Marriage or Mesalliance?// *Population and Development Review.* 1993 (September). Vol. 19. №3. P. 467–496.
22. *Surkyn, J., Lesthaeghe, R.* Value Orientations and the Second Demographic Transition (STD) in Northern, Western and Southern Europe: an Update.// *Demographic Research, Special Collection 3, Article 3.* Published 17 April 2004. <http://www.demographic-research.org/>
23. *Testa M.R., Grilli L.* The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis// *European Demographic Research Papers.* 2004. №4.
24. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition// *Population Bulletin.* 1987. Vol. 42 (1). P. 1–59.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

**Оценка факторов, влияющих на вероятность рождения ребенка
в течение трех лет перед обследованием (2001–2004 гг.),
моделями бинарной логистической регрессии¹**

Переменные	Все			Без детей ²			С одним или более детьми ²		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село								
город	-0,206	0,153	0,814	-0,842	0,000	0,431	0,157	0,431	1,170
Возраст женщины	-0,075	0,000	0,928	-0,043	0,026	0,958	-0,115	0,000	0,891
Наличие детей (без учета родившегося ребенка):	Референтная категория — нет детей			—	—	—	Референтная категория — 1 ребенок		
один	-1,533	0,000	0,216	—	—	—	—	—	—
двое и более	-2,644	0,000	0,071	—	—	—	-0,794	0,001	0,452
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован								
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	2,099	0,000	8,157	2,719	0,000	15,162	1,037	0,000	2,820
Образование:	Референтная категория — высшее образование								
среднее и ниже	0,411	0,027	1,509	0,790	0,004	2,204	0,165	0,553	1,179
начальное профессиональное	0,632	0,001	1,881	0,886	0,003	2,425	0,334	0,225	1,396
среднее профессиональное	0,499	0,002	1,647	0,916	0,000	2,499	0,195	0,407	1,215
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная								
слабая	0,051	0,773	1,052	0,054	0,841	1,055	0,041	0,874	1,042
средняя	0,089	0,640	1,093	-0,037	0,900	0,964	0,139	0,609	1,149
сильная и ислам	-0,012	0,961	0,988	-0,875	0,024	0,417	0,543	0,104	1,721
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — непринятие традиционных, консервативных ценностей								
нейтральное отношение	-0,040	0,876	0,960	-0,411	0,291	0,663	0,114	0,751	1,121
принятие традиционных ценностей	0,138	0,354	1,148	0,098	0,645	1,103	0,184	0,417	1,202
Число комнат на члена домохозяйства (без учета родившегося ребенка)	0,328	0,025	1,388	0,444	0,014	1,560	0,159	0,584	1,173

Переменные	Все			Без детей ²			С одним или более детьми ²		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Наличие работы до рождения ребенка:	Референтная категория — женщина не занята								
женщина занята	0,176	0,229	1,193	0,572	0,009	1,772	-0,308	0,134	0,735
Уровень женской безработицы в регионе в 2001 г.	-0,008	0,595	0,992	-0,016	0,506	0,984	-0,012	0,582	0,988
Константа	-0,286	0,503	0,751	-1,217	0,059	0,296	0,706	0,316	2,026
Число наблюдений	2636			799			1837		
Nagelkerke R Square	0,327			0,415			0,168		

Примечание. ¹ Фоном выделены статистически значимые переменные. ² Статус женщины определялся по состоянию до рождения ребенка, т.е. в 2001 г.

Таблица 2

Оценка факторов, влияющих на вероятность того, что женщина намерена завести ребенка, моделями бинарной логистической регрессии

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,130	0,328	1,138	-0,179	0,197	0,836
Возраст женщины	-0,054	0,000	0,947	-0,084	0,000	0,920
Наличие детей:	Референтная категория — нет детей					
один	-0,382	0,009	0,683	-0,770	0,000	0,463
двое и более	-1,748	0,000	0,174	-2,581	0,000	0,076
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	0,135	0,247	1,145	0,312	0,013	1,366
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,514	0,001	0,598	-0,342	0,033	0,710
начальное профессиональное	-0,027	0,861	0,973	0,045	0,789	1,046
среднее профессиональное	-0,374	0,004	0,688	-0,278	0,042	0,758
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	-0,051	0,722	0,950	-0,378	0,011	0,686
средняя	0,237	0,130	1,267	-0,226	0,165	0,798
сильная и ислам	0,360	0,070	1,433	0,110	0,598	1,116
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — неприятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,349	0,078	1,418	0,518	0,012	1,679
принятие традиционных ценностей	0,363	0,003	1,438	0,226	0,074	1,253
Логарифм дохода домохозяйства	0,307	0,001	1,359	0,521	0,000	1,684
Число комнат на члена домохозяйства	-0,160	0,243	0,852	-0,016	0,907	0,984
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,261	0,047	1,298	0,261	0,057	1,299
Уровень женской безработицы в регионе	-0,007	0,598	0,993	0,023	0,094	1,023
Константа	-2,176	0,023	0,114	-3,107	0,002	0,045
Число наблюдений	2430			2465		
Nagelkerke R Square	0,227			0,354		

**Оценка факторов, влияющих на вероятность того,
что женщина без детей намерена завести ребенка,
моделями бинарной логистической регрессии**

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,081	0,801	1,085	-0,324	0,308	0,723
Возраст женщины	0,007	0,679	1,007	-0,020	0,230	0,980
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	0,866	0,003	2,376	0,914	0,003	2,495
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,516	0,052	0,597	-0,623	0,017	0,536
начальное профессиональное	0,187	0,576	1,206	0,120	0,714	1,128
среднее профессиональное	-0,140	0,585	0,869	-0,533	0,038	0,587
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	0,119	0,660	1,126	-0,064	0,810	0,938
средняя	0,880	0,004	2,410	-0,107	0,721	0,899
сильная и ислам	0,799	0,033	2,224	0,076	0,839	1,079
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — неприятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,913	0,010	2,493	0,505	0,166	1,657
принятие традиционных ценностей	0,633	0,003	1,883	0,371	0,074	1,449
Логарифм дохода домохозяйства	0,434	0,009	1,543	0,479	0,003	1,615
Число комнат на члена домохозяйства	-0,242	0,222	0,785	-0,064	0,739	0,938
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,176	0,453	1,192	0,420	0,067	1,523
Уровень женской безработицы в регионе	0,022	0,384	1,023	0,088	0,001	1,092
Константа	-5,775	0,002	0,003	-4,877	0,006	0,008
Число наблюдений	494			506		
Nagelkerke R Square	0,157			0,136		

Таблица 4

Оценка факторов, влияющих на вероятность того, что женщина, уже имеющая хотя бы 1 ребенка, намерена завести еще одного, моделями бинарной логистической регрессии

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,195	0,195	1,216	-0,109	0,502	0,897
Возраст женщины	-0,082	0,000	0,922	-0,119	0,000	0,888
Наличие детей:	Референтная категория — один ребенок					
двое и более	-1,173	0,000	0,309	-1,613	0,000	0,199
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе — нет партнера)	-0,097	0,458	0,908	0,066	0,644	1,068
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,503	0,009	0,604	-0,140	0,498	0,870
начальное профессиональное	-0,150	0,409	0,861	-0,007	0,973	0,993
среднее профессиональное	-0,460	0,003	0,631	-0,169	0,317	0,845
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	-0,128	0,457	0,880	-0,523	0,004	0,593
средняя	0,004	0,981	1,004	-0,282	0,151	0,754
сильная и ислам	0,162	0,507	1,176	0,167	0,514	1,182
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — принятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,044	0,859	1,045	0,456	0,080	1,577
принятие традиционных ценностей	0,250	0,095	1,283	0,217	0,185	1,243
Логарифм дохода домохозяйства	0,275	0,012	1,316	0,559	0,000	1,748
Число комнат на члена домохозяйства	-0,111	0,582	0,895	-0,012	0,957	0,989
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,198	0,225	1,219	0,086	0,620	1,090
Уровень женской безработицы в регионе	-0,022	0,176	0,978	-0,007	0,677	0,993
Константа	-0,897	0,437	0,408	-2,710	0,029	0,067
Число наблюдений	1936			1959		
Nagelkerke R Square	0,206			0,304		

**Оценка факторов, влияющих на вероятность того,
что женщина с партнером намерена завести ребенка,
моделями бинарной логистической регрессии**

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,201	0,163	1,222	-0,111	0,463	0,895
Возраст женщины	-0,053	0,000	0,948	-0,086	0,000	0,918
Наличие детей:	Референтная категория — нет детей					
один	-0,376	0,024	0,687	-0,695	0,000	0,499
двое и более	-1,671	0,000	0,188	-2,490	0,000	0,083
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	0,013	0,921	1,013	0,094	0,510	1,099
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,462	0,007	0,630	-0,312	0,083	0,732
начальное профессиональное	-0,005	0,977	0,995	0,112	0,544	1,119
среднее профессиональное	-0,387	0,006	0,679	-0,204	0,177	0,815
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	-0,124	0,432	0,884	-0,406	0,013	0,666
средняя	0,195	0,253	1,215	-0,272	0,131	0,762
сильная и ислам	0,392	0,074	1,480	0,256	0,272	1,292
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — непринятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,261	0,239	1,298	0,461	0,048	1,585
принятие традиционных ценностей	0,255	0,058	1,290	0,220	0,122	1,246
Логарифм дохода домохозяйства	0,259	0,008	1,295	0,488	0,000	1,629
Число комнат на члена домохозяйства	-0,203	0,195	0,816	0,078	0,632	1,081
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,252	0,071	1,287	0,219	0,137	1,245
Уровень женской безработицы в регионе	-0,009	0,541	0,991	0,017	0,268	1,017
Константа	-1,502	0,154	0,223	-2,607	0,018	0,074
Число наблюдений	1985			2001		
Nagelkerke R Square	0,228			0,370		

Оценка факторов, влияющих на вероятность того, что женщина с партнером и без детей намерена завести ребенка, моделями бинарной логистической регрессии

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,121	0,738	1,129	-0,172	0,634	0,842
Возраст женщины	0,028	0,215	1,028	-0,003	0,881	0,997
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	0,743	0,016	2,102	0,661	0,042	1,936
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,360	0,258	0,698	-0,624	0,048	0,536
начальное профессиональное	0,228	0,555	1,256	0,219	0,581	1,245
среднее профессиональное	-0,093	0,760	0,911	-0,404	0,194	0,668
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	-0,031	0,923	0,970	-0,142	0,660	0,868
средняя	0,874	0,017	2,396	-0,228	0,533	0,796
сильная и ислам	0,851	0,057	2,341	0,413	0,386	1,511
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — непринятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,949	0,031	2,583	0,426	0,349	1,531
принятие традиционных ценностей	0,526	0,034	1,693	0,422	0,090	1,524
Логарифм дохода домохозяйства	0,611	0,002	1,843	0,633	0,001	1,884
Число комнат на члена домохозяйства	-0,345	0,142	0,708	-0,047	0,843	0,954
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,081	0,766	1,085	0,237	0,385	1,268
Уровень женской безработицы в регионе	0,008	0,791	1,008	0,085	0,009	1,089
Константа	-7,780	0,000	0,000	-6,763	0,002	0,001
Число наблюдений	362			366		
Nagelkerke R Square	0,183			0,149		

**Оценка факторов, влияющих на вероятность того,
что женщина с партнером, уже имеющая хотя бы одного ребенка,
намерена завести еще одного, моделями бинарной логистической регрессии**

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,302	0,065	1,353	-0,045	0,794	0,956
Возраст женщины	-0,078	0,000	0,925	-0,117	0,000	0,890
Наличие детей:	Референтная категория — один ребенок					
двое и более	-1,133	0,000	0,322	-1,631	0,000	0,196
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе нет партнера)	-0,269	0,073	0,764	-0,178	0,279	0,837
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,452	0,028	0,636	-0,103	0,642	0,902
начальное профессиональное	-0,102	0,601	0,903	0,077	0,726	1,080
среднее профессиональное	-0,467	0,005	0,627	-0,120	0,508	0,887
Религиозность:	Референтная категория — нерелигиозная					
слабая	-0,159	0,384	0,853	-0,498	0,010	0,608
средняя	0,013	0,947	1,013	-0,276	0,187	0,759
сильная и ислам	0,238	0,367	1,269	0,291	0,295	1,338
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — неприятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	-0,052	0,848	0,949	0,354	0,208	1,425
принятие традиционных ценностей	0,142	0,380	1,153	0,177	0,317	1,194
Логарифм дохода домохозяйства	0,142	0,225	1,152	0,430	0,001	1,537
Число комнат на члена домохозяйства	-0,107	0,636	0,899	0,141	0,551	1,151
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,222	0,187	1,248	0,140	0,434	1,150
Уровень женской безработицы в регионе	-0,019	0,276	0,981	-0,009	0,622	0,991
Константа	0,495	0,692	1,640	-1,381	0,300	0,251
Число наблюдений	1623			1635		
Nagelkerke R Square	0,205			0,311		

Оценка факторов, влияющих на вероятность того, что женщина намерена завести ребенка, моделями бинарной логистической регрессии — модель с социально-психологическими переменными

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная категория — село					
город	0,201	0,166	1,223	-0,107	0,506	0,899
Возраст женщины	-0,033	0,001	0,968	-0,071	0,000	0,932
Наличие детей:	Референтная категория — нет детей					
один	0,072	0,655	1,075	-0,337	0,051	0,714
двое и более	-0,798	0,000	0,450	-1,549	0,000	0,213
Брачный статус:	Референтная категория — брак зарегистрирован					
не состоит в браке (в том числе — нет партнера)	-0,166	0,203	0,847	-0,135	0,363	0,874
Образование:	Референтная категория — высшее образование					
среднее и ниже	-0,511	0,003	0,600	-0,315	0,088	0,729
начальное профессиональное	-0,117	0,494	0,889	-0,105	0,591	0,900
среднее профессиональное	-0,414	0,003	0,661	-0,315	0,046	0,730
Религиозность:	Референтная категория — не ассоциирована с религией					
слабая	-0,023	0,886	0,978	-0,413	0,016	0,661
средняя	0,333	0,054	1,395	-0,193	0,303	0,824
сильная и ислам	0,276	0,206	1,317	-0,045	0,853	0,956
Установки по отношению к семье и браку:	Референтная категория — неприятие традиционных, консервативных ценностей					
нейтральное отношение	0,318	0,147	1,374	0,589	0,013	1,801
принятие традиционных ценностей	0,308	0,021	1,361	0,119	0,415	1,126
Логарифм дохода домохозяйства	0,154	0,116	1,166	0,380	0,000	1,463
Число комнат на члена домохозяйства	-0,230	0,121	0,795	-0,138	0,385	0,871
Наличие работы:	Референтная категория — женщина не занята					
женщина занята	0,301	0,037	1,351	0,303	0,054	1,354
Уровень женской безработицы в регионе	-0,032	0,030	0,969	0,003	0,835	1,003

Переменные	Общие намерения			Ближайшие намерения (на 3 года)		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Социально-психологические факторы:						
Установка на рождение ребенка:	Референтная категория — нейтральная					
негативная	-0,683	0,000	0,505	-0,391	0,069	0,676
позитивная	0,684	0,000	1,982	1,032	0,000	2,806
Позиция окружения (воспринимаемая норма):	Референтная категория — нейтральная					
негативная	-0,355	0,022	0,701	-0,925	0,000	0,397
позитивная	1,127	0,000	3,086	1,019	0,000	2,771
Зависимость поведения от внешних обстоятельств	-0,101	0,239	0,904	-0,391	0,000	0,676
Константа	-1,459	0,182	0,232	-1,521	0,204	0,218
Число наблюдений	2430			2465		
Nagelkerke R Square	0,389			0,541		

Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях¹

Введение

В современном обществе мотивация репродуктивного поведения женщин определяется множеством факторов. Часть из них поддается внешнему регулированию и потому представляет интерес для разработчиков социальной политики. В работе [Малева Т.М., Синявская О.В., 2006] в качестве детерминант репродуктивных намерений использованы объективные характеристики женщины и ее домохозяйства, а также ценностные ориентации в отношении семьи и детей. Однако не менее важное воздействие на репродуктивное поведение оказывает то, как влияние всех этих факторов преломляется в представлениях самой женщины. Так, мнение о возможных последствиях появления ребенка формирует установку женщины относительно рождения детей, что сказывается на ее репродуктивных намерениях. Можно ли утверждать, что ожидания относительно ухудшения или улучшения отдельных сторон личной и общественной жизни женщины различаются в зависимости от репродуктивных намерений?

Даже перспектива получения всевозможных пособий и поддержки, скорее всего, не подвигнет к материнству женщину, если она считает, что ее партнер, родители, родные, друзья не одобрят такой шаг. Это обстоятельство особенно важно при решении вопроса о рождении второго и последующих детей: рождение первого ребенка в большинстве «типовых» ситуаций обычно получает одобрение, а вот с последующими детьми возможны варианты. Как же соотносятся репродуктивные намерения женщины и ее представление о нормативных ожиданиях окружения?

---

¹ Автор благодарит за ценные комментарии и замечания С.В. Захарова и В.С. Магуна, а также всех участников научного семинара НИСП, где обсуждалась данная работа. Отдельная благодарность О.С. Синявской и Т.М. Малевой за помощь в проведении исследования и работе над статьей.

Каждый может, не задумываясь, назвать ряд обстоятельств, которые затрудняют принятие решения о рождении ребенка: это и квартирный вопрос, и недостаточный уровень доходов или неуверенность в их стабильности, и, для женщин, боязнь потерять позиции на рынке труда, и недостаток возможностей по уходу за ребенком, и проблемы со здоровьем партнеров. Однако значимость этих факторов для каждого человека будет различной. Насколько весомыми оказываются эти факторы при планировании рождения ребенка и каково их соотношение?

Наконец, как соотносятся экономические и нематериальные (ценностные и личностные) характеристики женщины в ситуации, когда она принимает решение о том, чтобы стать матерью? Если использовать для объяснения репродуктивного поведения только экономические параметры, можно оценить лишь то, как сочетание различных внешних факторов *ограничивает* способность женщины удовлетворить потребность в детях. Чтобы узнать больше о *стимулах* к материнству, необходимо принять во внимание и субъективные оценки, т.е. то, как сама женщина оценивает ситуацию.

Учет роли отношения к поведению, субъективных социальных норм и представлений о контролирующих факторах улучшает понимание того, от чего зависят репродуктивные намерения. В качестве теоретической рамки мы используем теорию планируемого действия² Фишбеина — Айзена, которая оценивает совместное влияние на намерения трех факторов: оценки установки относительно действия, оценки поведения со стороны референтной группы и оценки воспринимаемой возможности осуществления действия. Примеры использования этой теории для изучения намерений родить ребенка встречаются и в зарубежной литературе [Philipov D., Speder Z., Billari F., 2006; Testa M.R., Toulemon L., 2006], но в России такие исследования пока не проводились. Поэтому наша работа носит методологический характер и посвящена тестированию этого подхода на российских эмпирических данных.

В первой части работы мы отдельно рассмотрим влияние каждого фактора на репродуктивные намерения с учетом различий, возникающих в социально-демографических подгруппах. Во второй части, опираясь на теорию планируемого действия, мы сконструируем суммарные индексы по всем трем факторам и покажем, что их использование в модели детерминант репродуктивных намерений существенно изменяет получаемую картину.

---

² Английский термин behavior традиционно переводится как «поведение», однако в данном контексте его лучше переводить как «действие», так как имеются в виду именно отдельные поведенческие акты [single behaviors].

Теоретические основания

С середины XX в. детерминанты рождаемости стали предметом изучения демографов, экономистов, социологов. Известный голландский демограф Д. ван де Каа в своем обзоре западной традиции исследований рождаемости [van de Каа D.J., 1996] выделяет три сменявшие друг друга стратегии, в рамках которых действовали исследователи. На первом этапе демографические изменения были объявлены следствием глобальных перемен в обществе (модернизации, социально-экономического прогресса и т.д.). К концу 1970-х гг. стало ясно, что для объяснения этих изменений недостаточно просто указать на перемены в обществе, ведь очевидно, что снижение рождаемости, в свою очередь, изменяет общество, и круг рассуждений замыкается. Поэтому появились частные теории, акцентирующие следующие измеряемые факторы: биологические (улучшение санитарно-гигиенических условий жизни и медицинского обслуживания); экономические (процессы индустриализации и урбанизации); социальные (повышение образовательного уровня, секуляризация, индивидуализация); культурные (изменение норм, институтов). Наконец, на третьем этапе детерминанты демографических перемен стали еще более детализированными, а в методах анализа акценты сместились с макро- (страны) на микроуровень (индивиды и домохозяйства).

Изучение факторов репродуктивного поведения на макроуровне привело ряд демографов к выводу о том, что причина низкой рождаемости в европейских странах кроется в изменении культурно обусловленных норм относительно репродуктивного поведения. Если результатом первого демографического перехода стала стабилизация смертности и рождаемости на низких уровнях, то концепция второго демографического перехода (Д. ван де Каа, Р. Лестер) предполагает, что, во-первых, происходит повышение возраста материнства, т.е. женщины откладывают рождение детей на более поздние сроки в связи с активной ролью на рынке труда. Во-вторых, по мере улучшения экономической ситуации возрастает роль личности человека, его предпочтений и установок [van de Каа, 1987], «детоцентристская» семья превращается в союз индивидов, ориентированных прежде всего на самореализацию, для чего вполне достаточно одного ребенка. В последние годы экономический подъем переживает и наша страна, в свете чего вопрос о репродуктивных предпочтениях и установках женщин становится более актуальным. Допустим, все больше женщин откладывает рождение ребенка. Но хотят ли они вообще иметь детей и как это стремление (которое, возможно, не реализуется по каким-либо причинам) дифференцировано по социальным группам? Можно ли утверждать, что

сохранилась норма двухдетной семьи³, или потребность в детях больше не носит универсального характера?

Следует сказать, что работ, посвященных изучению репродуктивного поведения на микроуровне, пока немного. Здесь преобладают экономические модели, в большинстве которых (например, модель «цены времени» Г. Беккера [Becker G, 1965]) предпочтения рассматриваются как экзогенные характеристики. Попытка встроить предпочтения родителей в теоретическую схему предпринята в модели изменчивых предпочтений Р. Истерлина и др. [Easterlin R.A., Pollak R.A., Watcher M.L., 1980]. Существуют и другие альтернативы: например, модель снижения неопределенности Д. Фридмана и др. [Friedman D., Hechter J.M., Kanazawa S.A., 1994] на основе теории рационального выбора, в которой рождение детей выступает, наряду с карьерой и заключением брака, как способ привнести определенность в жизненный цикл родителей.

Очевидно, что дети обладают некоторой ценностью для человека. Однако в современных условиях экономическая «ценность» детей скорее отрицательна. Появление ребенка в семье почти не дает экономических выгод: льготы и выплаты в рамках демографической политики государства несопоставимы с затратами семьи на воспитание детей. В группах женщин с более высоким доходом и образованием растет и альтернативная «временная» стоимость детей, которую не может компенсировать денежная помощь: в условиях современного российского рынка труда едва ли возможно совмещение материнства и занятости с сохранением профессиональных качеств. Таким образом, обращаясь исключительно к экономической ситуации женщины, мы отчасти объясняем *отказы* от рождения ребенка, но не можем понять, *почему* женщины все же *рожают* детей.

Неоднозначность влияния экономических и социально-профессиональных характеристик на рождаемость [Рощина Я.М., 2006] может быть связана с действием стоящих между ними и поведением культурных различий и субъективных представлений. Поэтому необходимо одновременно оценить действие обеих групп факторов. По сути, речь идет о попытке выявить структуру мотивов репродуктивного поведения.

---

³ Например, известно, что такое масштабное вмешательство в стандарты репродуктивного поведения, как стимулирующая демографическая политика 1980-х гг., не затронуло норму детности и установки в отношении материнства, а лишь сдвинуло календарь рождений на более молодой возраст, так что одно только кризисное состояние российского общества в 1990-х гг. не может служить достаточным объяснением для снижения рождаемости, которое во многом отражает долгосрочную демографическую тенденцию (компенсацию за избыточно ранние рождения 1980-х гг.) [Захаров С.В., 2006: 48–49].

Установки и действие

Одним из факторов, которые могут влиять на рождаемость, выступают установки. В социальной психологии установки — это психические феномены, выражающие отношение человека к различным социально значимым объектам [Магун В.С., 1983: 104]. Специфической чертой установок является метод их регистрации, предполагающий осознание субъектом своих оценок и сообщение этих оценок экспериментатору [Магун В.С., 1983: 112]. Хотя выявить установку можно и на основе наблюдений за действиями человека, в большинстве случаев используются именно субъективные оценки.

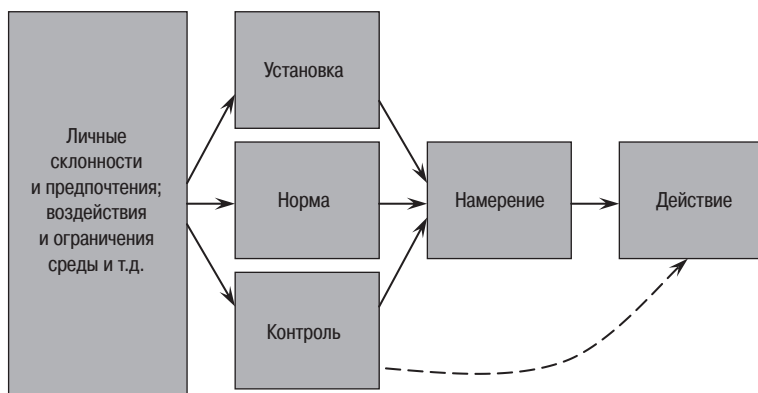
К изучению воздействия установок на поведение приступили с начала XX в., когда получившая дисциплинарное оформление американская социальная психология была определена как научное изучение установок [Thomas W.I., Znaniecki F., 1918]. Активное и во многом нерелексивное использование этого понятия в эмпирических исследованиях привело к тому, что уже в 1930-х гг. некоторые авторы начали сомневаться в том, что установки можно рассматривать в качестве детерминант поведения людей, и указывали на большую значимость социальных обстоятельств и норм [La Piere R.T., 1934; Corey S.M., 1937]. К концу 1960-х гг. накопилось множество свидетельств неконсистентности установок и фактического поведения, результатом чего стали призывы вообще перестать работать с понятием установки, поскольку оно отсылает к несуществующему явлению [Wicker A.W., 1969].

Но отказаться от одного из самых удобных социально-психологических понятий было непросто, и вместо этого исследователи попытались отыскать и устранить причины, вызывающие расхождения между вербальными установками и поведением. Так, предлагалось учитывать возможные ошибки измерения (например, смещение оценок, вызванное стремлением респондентов давать социально приемлемые ответы [Lanski G.E., Leggett J.C., 1960]) и использовать не прямые техники измерения установок [Kidde L.H., Campbell D.T., 1970; Saucier D.A., Miller C.T., 2003]. Другим объяснением стала многомерность установок, для измерения которых оказывается недостаточно одного показателя. Например, предлагалось выделять в установке познавательный, аффективный и деятельностный компоненты и измерять каждый компонент по отдельной шкале [Ostrom T.M., 1969].

Аналогичные разработки есть и у отечественных авторов. Опираясь на разработанную В.А. Ядовым модель диспозиционной регуляции поведения (диспозиция — предрасположенность личности к восприятию условий деятельности [Ядов В.А., 1975: 73]⁴), А.И. Антонов дает следую-

---

⁴ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. Цит. по [Антонов А.И., Медков В.М., 1996: 210–212].

**Модель детерминант действия в теории планируемого действия
по Айзену [Ajzen I., Fishbein M., 2005]**

щую объяснительную схему репродуктивного поведения. Существует потребность в определенном числе детей. Различные же ситуации либо способствуют, либо препятствуют удовлетворению этой потребности, действуя через систему диспозиций и ценностные ориентации, которые служат критериями оценки возможности удовлетворить данную потребность в конкретных обстоятельствах. Оценка ситуации обуславливает принятие того или иного решения [Антонов А. И., Медков В. М., 1996].

В 1975 г. психологи М. Фишбеин и А. Айзен развили идею о многомерности установок, предложив теорию обоснованного действия [Fishbein M., Ajzen I., 1975]: установка формирует поведенческое намерение, которое, в свою очередь, воплощается в действии. Если результат действия воспринимается как имеющий несколько характеристик, общая установка будет состоять из суммы отдельных эмоционально-оценочных реакций. Но установка — не произвольный набор оценок; для них характерна высокая согласованность.

Помимо установки на совершение действия влияет множество внешних факторов, ограничивающих или стимулирующих деятеля. А. Айзен и М. Фишбеин первыми встроили в модель ситуативные факторы, которые могут изменять воздействие установок на поведение. По мысли авторов подхода, важно оценить не столько реальный эффект этих факторов, сколько то, каким он представляется самому действующему; ведь в конечном счете человек принимает решение, опираясь именно на свои субъективные оценки ситуации. Первоначально в качестве такого опосредующего фактора было предложено учитывать ожидания «значимых других», а точнее, мнение респондента об ожиданиях представителей референтных групп.

Однако применимость данной теории оказывалась ограничена поведением, поддающимся сознательному контролю человека. Поэтому в 1988 г. А. Айзен [Ajzen I., 1988] предложил расширенную версию данного подхода — теорию планируемого действия, добавив новый фактор — субъективную оценку подконтрольности поведения. Данное понятие отражает представления индивида о том, насколько просто или сложно выполнить рассматриваемое действие. Воспринимаемая контролируемость поведения влияет на поведенческое намерение и на само поведение (рис. 1).

Исследователи выделяют два основных типа установок: (1) обобщенные (общие) — относительно физических объектов, социальных групп, институтов, политических программ, событий и пр. и (2) относительно определенного способа поведения. Соответственно возможны два варианта расхождения фактического поведения и установок: (1) поведенческие установки, выражающие намерение действовать определенным образом, не реализуются на практике и (2) обобщенные установки отличаются от поведенческих.

Общие установки могут оказывать существенное воздействие на поведение, однако их эффект опосредуется рядом факторов, в числе которых называют склонность человека к самоанализу и контролю за своими действиями (чем она выше, тем больше вероятность расхождения общих установок и действий), значимость объекта, относительно которого измеряется установка (чем она выше, тем ниже вероятность неконсистентности), недостаток времени для принятия решения и т.д. [Ajzen I., 1988]. Именно измерение общих установок было целью большинства исследователей в 1930–1960-е гг., и неудивительно, что они часто неверно предсказывали единичные поведенческие акты.

Переход к установкам относительно конкретного действия повысил предсказательную силу данного показателя, однако создал серьезную методологическую проблему, связанную с эндогенностью переменных. Так, в обзоре исследований, выполненных на основе теории планируемого действия, И. Айзен и М. Фишбеин указывают, что наилучшие результаты (т.е. наиболее высокие корреляции между действиями или поведенческими намерениями и установками) достигаются в том случае, когда измерение производится в рамках одного полевого исследования по схожей процедуре и с использованием сопоставимых формулировок относительно изучаемой гипотетической ситуации. Предлагаемый авторами «принцип сопоставимости» заключается в необходимости согласовать четыре параметра показателей, измеряющих намерения или поведение и установку: должны совпадать само действие, цель, контекст и время действия [Ajzen I., Fishbein M., 2005: 183]. Однако сами авторы в данной работе избегают обсуждения вопроса о возможной эндогенности

показателей. Тем не менее очевидно, что, например, спросив респондента о его намерениях завести ребенка, мы не можем быть полностью уверены ни в экзогенности его ответов, ни в том, что полученные оценки действительно выражают некие предрасположенности, существующие помимо нашего обследования, и, более того, что они являются причиной для формирования репродуктивного намерения.

Данные, основные определения и переменные

В качестве эмпирической базы использованы результаты первой волны социологического опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Объектом нашего анализа выступают женщины фертильного возраста 18–44 лет, за исключением не имевших сексуального опыта, беременных, длительно больных, инвалидов, пенсионеров (всего 2637 чел.)⁵. Предметом изучения являются репродуктивные намерения этих женщин.

Под *намерением* мы понимаем изъявление готовности совершить некоторое действие. Намерение формируется на основе установок относительно действия, субъективных норм и воспринимаемого контроля над поведением, взвешенных по значимости каждого фактора с точки зрения респондента.

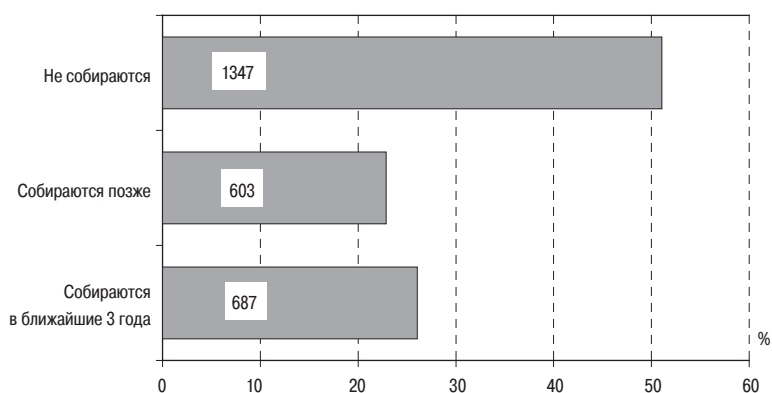
В данной работе оценивались два вида репродуктивных намерений на основе ответов женщин на следующие вопросы: 1) общие намерения: «*Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?*»; 2) ближайшие намерения: «*Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?*» Дихотомические оценки этих намерений («собираются вообще/не собираются» и «собираются/не собираются в ближайшие три года») использованы в регрессионном анализе детерминант репродуктивных намерений.

В ходе опроса тех, кто ответил «нет» на вопрос о намерениях завести ребенка в ближайшие три года, спрашивали о желании вообще когда-либо иметь детей («*Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?*»). Опираясь на этот вопрос и вопрос о ближайших намерениях, женщин можно разделить на три группы: собираются родить ребенка в ближайшие три года; собираются родить ребенка позже; не намерены в дальнейшем иметь детей (рис. 2). Эта переменная использовалась при анализе связи репродуктивных намерений и социально-психологических характеристик женщин.

---

⁵ Характеристики данной подвыборки представлены в *табл. 1* статьи Т. Малевой и О. Синявской «Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике», публикуемой в настоящем сборнике.

Распределение женщин в выборке по репродуктивным намерениям

Для анализа детерминант репродуктивных намерений использованы модели бинарной логистической регрессии, где в качестве зависимой переменной выступили общие и ближайшие репродуктивные намерения (собирается иметь ребенка = 1). Расчет проведен для всех женщин и отдельно для групп женщин без детей и с детьми. Набор предикторов включал субъективные детерминанты и ряд контролирующих объективных характеристик женщин и их домохозяйств⁶.

«Субъективные» детерминанты поведенческих намерений — «ценностные» и «социально-психологические» характеристики — измерены на основе ряда оценочных вопросов.

Группа ценностных⁷ переменных включает два однонаправленных показателя, измеряющих степень приверженности женщины традиционным нормативным представлениям о семье и детях. Во-первых, это уровень религиозности, т.е. причисление себя к одной из религий в сочетании с исполнением религиозных обрядов, имеющий три градации: не ассоциируют себя с религией, формально религиозные (причисляют себя к какой-либо религии, но редко участвуют в обрядах),

⁶ Обоснование выбора и анализ эффекта объективных детерминант репродуктивных намерений на тех же эмпирических данных приведены в упомянутой выше статье Т. Малевой и О. Синявской в данном сборнике; перечислим их: возраст женщины, состояние в браке, число имеющихся детей, уровень образования (ниже среднего, среднее общее, среднее профессиональное, высшее и более), место жительства (город или село), жилищная обеспеченность (число комнат на одного члена домохозяйства), занятость (работает или не работает за плату), уровень безработицы среди женщин в регионе и уровень душевого дохода домохозяйства.

⁷ Ценности и установки взаимосвязаны, между ними сложно установить одностороннюю причинную связь. В отличие от установок, ценности (1) указывают на представления о желаемом и (2) используются при вынесении моральных оценок [van de Каа, 2001: 314].

средне и сильно религиозные (исполнение всех положенных обрядов, уверенность в их обязательности; сюда же относятся исповедующие ислам). Во-вторых, это индекс консерватизма, оценивающий степень согласия респонденток с набором утверждений традиционного характера (необходимость детей для самореализации женщины, недопустимость рождения детей вне брака и т.д.) и несогласия с противоположными утверждениями. Он рассчитан по блоку оценочных вопросов и также приведен к порядковому виду (неприятие консервативных ценностей, нейтральное и позитивное отношение к ним).

«Социально-психологические» переменные построены в соответствии с моделью детерминант намерений Айзена — Фишбеина, и включают три фактора: установку относительно действия, субъективную норму и воспринимаемый контроль над поведением. *Установка относительно действия* — это степень, в которой результаты поведения получают положительную или отрицательную оценку, определяемая по совокупности суждений о различных последствиях действия⁸.

Субъективная (воспринимаемая) норма — воспринимаемое социальное давление, побуждающее к действию или к отказу от него. С социологической точки зрения данный термин не совсем корректен. Строго говоря, речь идет о субъективной оценке того, каковы нормативные представления в референтной группе. Далее мы используем термин «субъективная норма» как краткое обозначение такой субъективной оценки. Она определяется совокупностью нормативных представлений относительно ожиданий «значимых других» в сочетании с готовностью оправдать эти ожидания⁹. Последнее качество не измерено, однако круг референтов максимально сужен, чтобы гарантировать важность их оценок для респондента. Учитывается мнение родителей, родственников и друзей, т.е. представителей ближайшего социального круга женщины, именно тех людей, которые, скорее всего, смогут помочь ей в воспитании и уходе за ребенком.

Воспринимаемый контроль над поведением (значимость внешних обстоятельств) — представления человека о том, насколько он способен выполнить действие. Он оценивается как сила каждого фактора в сочетании

---

⁸ Вопрос в анкете: «Предположим, что в течение ближайших трех лет у вас родится ребенок. Как, по вашему мнению, это могло бы повлиять на различные стороны вашей жизни? Лучше или хуже станут: ваши возможности делать то, что хочется; возможности, связанные с работой; финансовое положение; сексуальная жизнь; отношение окружающих; ваше настроение и удовлетворение от жизни; близость между вами и вашим партнером; возможности вашего партнера, связанные с работой; помощь и поддержка, которую вы сможете получить в преклонном возрасте; ваша уверенность в жизни; близость между вами и вашими родителями».

⁹ Вопрос в анкете: «Насколько вы согласны или не согласны с тем, что: большинство ваших друзей// родных// ваши родители считают, что вам следует завести ребенка?».

с оценкой его роли (т. е. в какой степени то или иное обстоятельство влияет на намерение завести ребенка)¹⁰.

Интегральные социально-психологические переменные: (1) установка относительно рождения ребенка, (2) отношение окружающих (субъективная норма)¹¹ и (3) роль внешних обстоятельств при принятии и осуществлении репродуктивного решения, — описывающие субъективное отношение женщины к перспективе рождения ребенка, получены сложением оценок по отдельным суждениям (измерены по 5- и 3-позиционным шкалам) из каждой группы и нормированы. Два первых показателя изменяются от — 2 до 2, 0 — нейтральная оценка; третья изменяется от 1 до 4 (слабый — сильный контроль). Для удобства интерпретации результатов регрессионного анализа две первые переменные перекодированы в порядковые (негативное, нейтральное, позитивное отношение).

Следует отметить, что имеющиеся данные не позволяют полностью реализовать исследовательскую схему — отсутствуют дополнительные переменные, по которым можно оценить вес отдельных факторов. Так, мы получаем оценку того, какие последствия ожидает женщина в случае рождения ребенка, но не знаем, насколько они важны для нее. Далее, нам известны представления респондентки об ожидаемой реакции родных и друзей на появление ребенка, но неизвестно, насколько она принимает во внимание позицию своего окружения при принятии решений. Аналогично, субъективная значимость какого-либо параметра связана с тем, как женщина оценивает связанные с ним изменения, которые могут произойти в случае рождения ребенка, и ее планов на будущее. Например, если в дальнейшем женщина не собирается работать за плату, она не придаст значения риску потерять работу в результате рождения ребенка.

Наибольшую проблему составляет отсутствие весов для третьего фактора — контролируемости поведения. По замыслу авторов используемого нами подхода, представления о поведенческом контроле, т. е. о том, насколько совершение действия зависит от внешних обстоятельств, опосредовано представлением респондента о наличии у него необходимых ресурсов для совершения действия [Fishbein M., Ajzen I., 2005: 193]. Вероятность совершить действие больше у тех, кто оценивает свою ситуацию в отношении каждого из упоминаемых в вопросе

---

¹⁰ Вопрос в анкете: «Насколько ваше решение заводить или не заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет зависит от: вашего финансового положения, вашей работы; жилищных условий; здоровья; наличия подходящего партнера; работы партнера; здоровья партнера; доступности услуг по уходу за ребенком; возможности выйти в отпуск по уходу за ребенком».

¹¹ При расчете этого показателя компонент «роль отношения родителей к появлению ребенка» принимали за ноль, если родителей респондентки нет в живых.

внешних обстоятельств как благоприятную. Однако в нашем случае этот параметр напрямую не измерялся, и полученный итоговый индекс подконтрольности поведения оказывается неполным. Кроме того, оценка ситуации респондента по некоторым из внешних обстоятельств, упоминаемых в вопросе, входит в модель в виде «объективных» характеристик. Таковы, например, показатель уровня дохода, занятость, обеспеченность жильем, наличие партнера и т.д. Это также снижает эффективность данного параметра, поскольку снимает различия в оценке роли того или иного фактора внешней среды при принятии решения о рождении ребенка.

Тем не менее составители анкеты считают, что их блок вопросов достаточен для применения теории планируемого действия [Generations and Gender Survey, 2005: 27–29], и мы попытаемся оценить их объяснительную силу.

Влияние социально-психологических переменных на репродуктивные намерения

Прежде чем вводить интегральные индексы в модель детерминант репродуктивных намерений, рассмотрим их компоненты.

Представление о последствиях рождения ребенка

На основе факторного анализа мы выделили переменные, позволяющие более компактно представить оценки предполагаемых изменений в случае рождения ребенка. Для этого использованы девять суждений, кроме исключенных как не дающие значимых различий по зависимой переменной (это ожидания в отношении изменений в своей сексуальной жизни и возможностей партнера в сфере занятости). Было получено два фактора: первый объединил представления о переменах, связанных с занятостью и финансовым положением; второй фактор описывает ожидания перемен в эмоциональном состоянии, настроении женщины и в отношении к ней ее окружения. Оба они имеют сильную и значимую статистическую связь с репродуктивными намерениями.

Оказалось, что оценка направления «объективных», связанных с работой и материальным положением, изменений в случае рождения ребенка не особенно различается у тех, кто собирается завести ребенка, даже в ближайшее время, и тех, кто не собирается этого делать. Так, большинство представительниц обеих групп ожидают, что рождение ребенка ухудшит их материальное положение и ослабит позицию на рынке труда. Разница между ними заключается в оценке степени этого ухудшения (рис. 3). Среди тех, кто собирается завести ребенка, резкого ухудшения ожидают всего около 6% женщин, тогда как среди не намеренных заводить ребенка таких «пессимисток» уже более 20%.

Рисунок 3

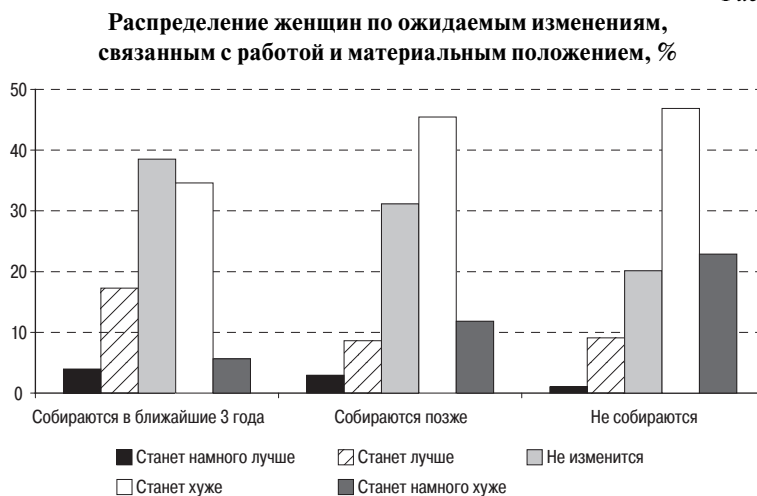
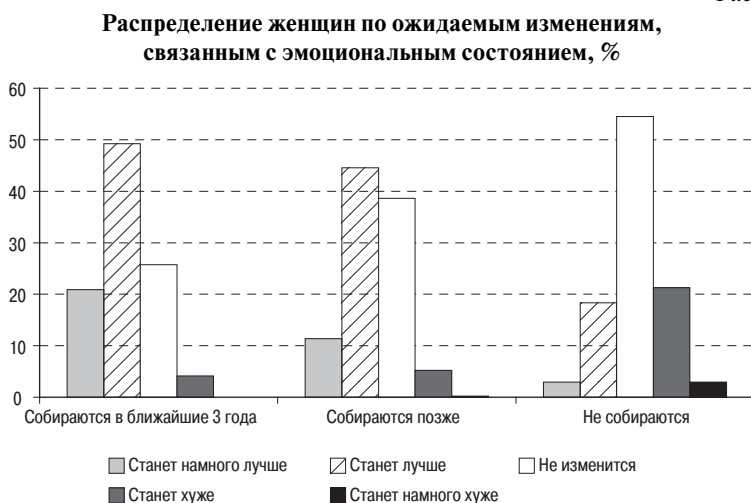

Рисунок 4

С представлениями об изменениях психологического состояния ситуация иная (рис. 4). Среди не намеренных завести ребенка около половины предполагают, что это существенно не повлияет на их эмоциональное состояние, и еще 20% ждут некоторых ухудшений. Большинство женщин, намеренных в ближайшие три года завести ребенка, позитивно оценивают предстоящие изменения своего эмоционального самочувствия и отношений с близкими: около половины предполагают улучшение, а 20% — значительное улучшение. Таким образом, ожида-

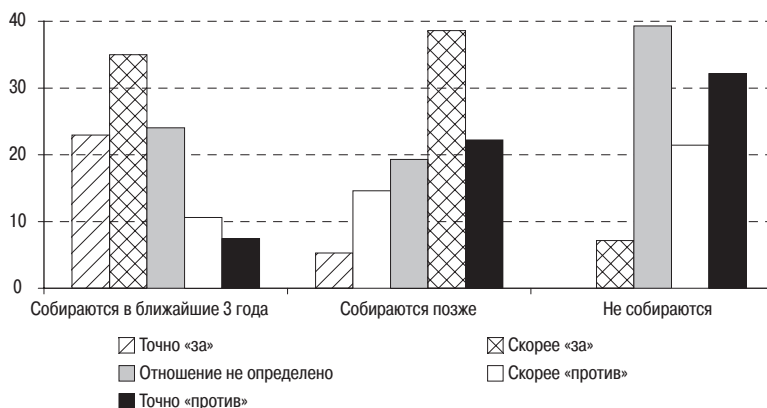
ния относительно субъективных изменений являются очень важным дифференцирующим фактором для определения репродуктивных намерений.

Позиция ближайшего окружения

В большинстве случаев оценки позиции представителей всех трех категорий «значимых других» совпадают (корреляция около 0,8). Для наглядности все три параметра — мнение родителей, друзей и родственников (рис. 5) объединены с помощью факторного анализа в одну переменную.

Рисунок 5

Распределение женщин по оценкам отношения окружения к появлению первого ребенка, %

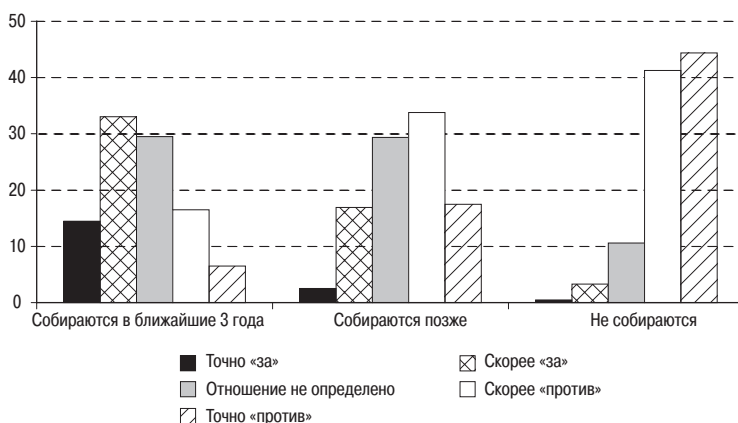

Если предположить, что репродуктивные намерения являются следствием, а представления женщины о позиции ее окружения — причиной, то можно утверждать, что роль одобрения со стороны родных, друзей и родителей чрезвычайно велика. Наличие или отсутствие такого одобрения показывает очень сильную статистическую связь (коэффициент корреляции около 0,5) с репродуктивными намерениями.

Отметим, что наличие детей вносит статистически значимые различия только в оценки женщин, не собирающихся заводить ребенка. Если речь идет о первом ребенке, то большинство представительниц этой подгруппы (около 40%) не могут четко определить позицию ближайшего окружения; если же рассматривается перспектива появления второго (и более) ребенка, то уже более 80% женщин ожидают негативной реакции (рис. 6).

Среди тех, кто собирается завести ребенка в ближайшие три года, около 35% полагают, что и родные, и родители, и друзья одобряют появ-

Распределение женщин по оценкам отношения окружения к появлению второго (и более) ребенка, %

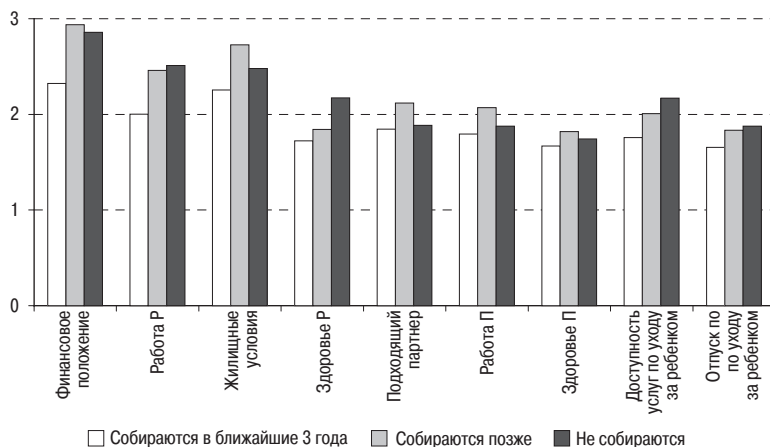
ление у них ребенка, и еще 18% полностью уверены в этом. Подавляющее большинство женщин, которые вообще не хотят заводить детей, солидарны в этом со своими родными и друзьями: 44% считают, что рождение ребенка, скорее всего, не получит одобрения, и еще 40% выразили полную уверенность в этом. Те, кто пока откладывают рождение ребенка, но не исключают эту возможность в дальнейшем, также не склонны ждать позитивного отношения со стороны родных и друзей, однако менее категоричны в оценках перспектив морального осуждения: в этой группе лишь 19% не сомневаются, что появление ребенка не будет одобрено. Таким образом, негативное отношение ближайшего окружения женщины к перспективе рождения ребенка значительно снижает шансы на то, что она решится рожать.

Критические факторы

Собирающиеся иметь детей и не намеренные этого делать заметно различаются в том, насколько значимыми при принятии решения о рождении ребенка они считают предложенные факторы (рис. 7). Значимость фактора определена как среднее арифметическое от всех полученных им оценок (ответ «совсем не зависит» принимался за 1 балл, «очень сильно зависит» — за 4 балла). Представительницы первой группы придают всем факторам гораздо меньшее значение (в среднем около половины женщин отмечает, что каждый данный фактор не играет роли).

Женщины, планирующие отложить рождение ребенка или не собирающиеся рожать вообще, в большей степени дифференцируют

**Распределение женщин по оценкам значимости
внешних обстоятельств при принятии решения
о рождении ребенка, %**

значимость различных внешних факторов в принятии этого решения. На решение женщин, не собирающихся заводить ребенка, в наибольшей степени¹² влияют ее финансовое положение, жилищные условия и работа, а в наименьшей — работа и здоровье партнера (последний фактор не дает значимых различий между группами женщин по репродуктивным намерениям).

Сравнение подгрупп показывает, что относительные позиции факторов почти не изменяются, варьирует лишь степень, в которой отдельные факторы признаются влияющими на принятие решения о рождении ребенка. Например, наличие у женщины одного или нескольких детей увеличивает значимость «материальных факторов» — финансового положения, жилья и позиции на рынке труда — по сравнению с бездетными, но в целом не меняет «рейтинг».

Как оценка роли отдельных факторов зависит от связанной с этим фактором характеристики женщины? В основном — вполне предсказуемо: чем менее благоприятно положение женщины по одному из параметров, тем большая значимость ему придается. Так, женщины со слабой материальной обеспеченностью считают свое финансовое положение более важным фактором, чем женщины со средней и высокой материальной обеспеченностью. Однако статистически значимыми эти различия становятся только для тех, кто не намерен иметь детей:

¹² Факторы перечисляются по убыванию среднего балла по шкале значимости.

здесь около 40% малообеспеченных полагают финансовое положение очень важным, а среди женщин с высокой обеспеченностью — вдвое меньше. В подгруппе наиболее материально обеспеченных женщин самым важным фактором оказывается работа. В то же время внутри одной доходной группы занятые и незанятые женщины не различаются в оценках важности работы в принятии решений о рождении ребенка.

Влияние фактора «жилищные условия» также сильно зависит от фактической жилищной обеспеченности домохозяйства. Критичным значением является наличие менее половины комнаты на члена домохозяйства. Даже среди женщин, намеренных завести ребенка, очень сильное влияние этого фактора отметили более 60% тех, в семье которых на человека приходится менее трети комнаты, и 25% тех, у кого на человека приходится от трети до половины комнаты. При более высокой обеспеченности жильем этот фактор становится малозначимым. Оценка роли жилищных условий во многом зависит от того, где проживает женщина. Для горожанок этот фактор гораздо критичнее, чем для сельских жителей, при этом для откладывающих рождение ребенка он даже более весом, чем для женщин, вообще не собирающихся заводить детей.

Фактор «здоровье» менее значим для женщин, оценивших свое самочувствие как хорошее. У женщин, ниже оценивающих свое здоровье, фактор «здоровье» поднимается с 8-го на 4-е место, а если сравнивать только женщин, не собирающихся иметь детей, — с 6-го на 4-е.

Даже наличие или отсутствие партнера действует аналогичным образом: характеристикам отсутствующего партнера женщины склонны придавать большее значение. Так, для одиноких женщин появление подходящего партнера является самым весомым фактором (вне зависимости от репродуктивных намерений). И напротив, совместное проживание с партнером уменьшает вес его ситуации при принятии решения о рождении ребенка. Единственное исключение — случай, когда партнер есть, но не занят: тогда его работа попадает в четверку наиболее значимых факторов. В целом, занятость работающего партнера почти не влияет на репродуктивные намерения, что согласуется с полученным ранее результатом (большинство женщин полагают, что рождение ребенка не повлияет на возможности партнера, связанные с работой).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что представления женщины о последствиях рождения ребенка, о том, как отнесутся к этому представители ближайшего окружения, и о роли отдельных обстоятельств в принятии решения завести ребенка являются значимой детерминантой репродуктивных намерений.

«Социально-психологические» детерминанты рождаемости

В соответствии с принципом совместимости, индикаторы поведенческих установок, воспринимаемых норм и подконтрольности поведения будут обладать достаточной конструктивной валидностью лишь в случае, когда вопросы о намерении и об установках используют одинаковое описание возможного действия. В нашем распоряжении есть два вида показателей репродуктивных намерений: общие и ближайшие (на 3 года). В вопросах, выявляющих установки, в качестве временного интервала приняты три года с момента опроса. Поэтому, согласно теории планируемого действия, субъективные переменные должны эффективнее предсказывать именно репродуктивные намерения на ближайшие три года.

Из опыта применения моделей детерминант поведенческих намерений на основе теории планируемого действия следует, что «субъективные» параметры оказываются наиболее значимыми и весомыми предикторами, так что добавление в модель традиционных «объективных» характеристик респондента и его домохозяйства если и увеличивает предсказательную силу модели, то незначительно.

Для проверки того, как в нашем случае сработают социально-психологические переменные, мы оценили несколько регрессионных моделей для общих и ближайших намерений.

Общие намерения

Первой была рассчитана регрессионная модель для зависимой переменной «общие репродуктивные намерения»¹³. В качестве контрольных факторов в модель включены те же переменные, что и в анализе объективных детерминант намерений завести ребенка. Объем выборки при расчете расширенной модели составил 2430 наблюдений (в т.ч. в модели для женщин без детей — 494 наблюдения; в модели для женщин с детьми — 1936 наблюдений).

Несмотря на то что в данном случае принцип сопоставимости индикаторов намерений и установок нарушен, социально-психологические факторы все же выступают основными объясняющими характеристиками. Показательно, что переход к расширенной модели (включающей, помимо этих факторов, социально-демографические характеристики и ценностные ориентации респонденток) не дает существенного повышения предсказательной силы: показатель качества модели увеличивается с 0,33 до 0,39¹⁴.

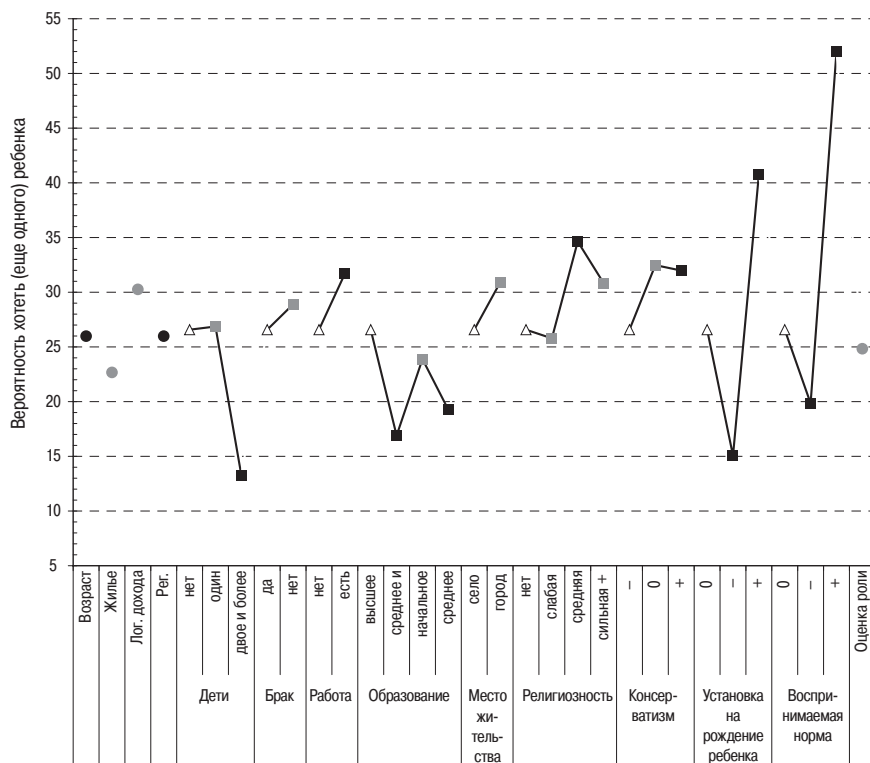
---

¹³ Графическое представление того, как различные факторы модифицируют вероятность женщины хотеть ребенка приведены на *рис. 8*. Коэффициенты регрессии, характеризующие изменение отношения шансов, даны в *табл. 1 Приложения*.

¹⁴ Результаты моделирования общих и ближайших намерений без учета психологических факторов представлены в статье Т.Малевой и О.Синявской, публикуемой в данном сборнике.

Рисунок 8

**Вероятность того, что женщина хочет завести (еще одного) ребенка
в зависимости от характеристик женщины:
результаты регрессионного анализа (N = 2430)**

Примечание. Точки обозначают эффект количественных предикторов; серым цветом даны статистически незначимые факторы. Влияние категориальных переменных показывают треугольники (соответствуют референтной категории) и квадраты (показывают статистически незначимые коэффициенты).

Как показано на *рис. 8*, наибольшее воздействие на намерение женщины родить (еще одного) ребенка оказывают такие параметры, как установка относительно рождения ребенка и позиция окружения. При прочих равных условиях позитивная установка увеличивает отношение шансов хотеть и не хотеть завести ребенка в 2 раза по сравнению с нейтральной установкой. В то же время негативная установка наполовину снижает отношение шансов. Наиболее сильным стимулом оказывается вторая социально-психологическая характеристика — позиция окружения женщины: одобрение со стороны родственников и друзей

увеличивает отношение шансов более чем в 3 раза по сравнению с женщинами, для которых позиция окружения не определена или не имеет значения.

Как изменяется значимость отдельных объективных факторов в модели при включении в нее социально-психологических предикторов? Самое радикальное изменение связано с эффектом уровня душевого дохода. При включении фактора «оценка позиции окружения» (фактически родственников и родителей, поскольку именно эти компоненты индекса сильнее всего коррелируют с репродуктивными намерениями) уровень дохода домохозяйства становится незначимым.

Это наводит на мысль о том, что доход, столь хорошо работающий в модели, где отсутствуют социально-психологические факторы, на самом деле выступает в качестве прокси-переменной для иных факторов. В то же время индекс «позиция окружения» не дублирует показатель душевых доходов: корреляция между ними не превышает 0,23 (хотя направление связи вполне предсказуемо — чем больше доход семьи, тем в большей степени родственники и родители женщины одобряют перспективу появления ребенка).

Учет различий в представлениях женщин о субъективной норме поведения (о том, стоит или не стоит заводить ребенка) позволяет лучше понять воздействие уровня дохода на репродуктивные намерения. Интересные результаты дает анализ значимости различий во влиянии уровня дохода на репродуктивные намерения по подгруппам женщин с негативной, нейтральной и позитивной позицией окружения (табл. 1).

Таблица 1

Оценка значимости связи уровня душевого дохода (децильные группы) и репродуктивных намерений для подгрупп по позиции окружения

Показатель	Позиция окружения		
	негативная	нейтральная	позитивная
Статистика χ^2	25,027	11,113	15,052
Df	9	9	9
Значимость статистики χ^2	0,000	0,268	0,090
N	1478	374	583

Если женщина знает, что родители и родные настроены против того, чтобы у нее появился ребенок, то она будет придавать большее значение доходу своего домохозяйства, понимая, что в случае рождения ребенка ей придется опираться только на собственные силы — либо ухаживать за ребенком, теряя доход от занятости и, возможно, снижая

свой будущий доход из-за перерыва в трудовой деятельности, либо оплачивать профессиональный уход за ребенком, что также накладывает немалое бремя на семейный бюджет. И наоборот, если женщина уверена в том, что родители окажут ей необходимую поддержку, то уровень дохода вообще перестает значимо влиять на намерение завести ребенка.

Показатели, описывающие ценностные ориентации женщин (религиозность и консерватизм в отношении к детям и семье), также значимы в нашей модели. Так, принадлежность к группе женщин со средней религиозностью повышает отношение шансов в 1,4 раза по сравнению с теми, кто не ассоциирует себя с какой-либо религией. Высокая ценность детей и семейной жизни также существенно повышает вероятность того, что женщина собирается завести ребенка (эффект статистически значим для группы женщин, выразивших приверженность консервативным ценностям, их отношение шансов увеличивается в 1,4 раза).

Заметные различия в набор детерминант вносит порядок предполагаемого рождения. Во-первых, несущественными в вопросе о первом ребенке (*табл. 2 Приложения*) оказываются возраст, образование, статус занятости, ситуация на рынке труда и уровень дохода, что отражает стремление женщин завести хотя бы одного ребенка независимо от обстоятельств. Во-вторых, резко возрастает вес нормативных и ценностных ориентаций. Самое выраженное воздействие на намерения завести первого ребенка оказывают позитивное отношение окружения к рождению ребенка, средняя религиозность и нейтральное отношение к традиционным ценностям (даже установка на рождение ребенка не имеет решающего значения).

В вопросе о втором (и более) ребенке (*табл. 3 Приложения*), напротив, не играют роли уровни религиозности и консерватизма. Здесь важны в первую очередь наличие установки на рождение ребенка и воспринимаемая норма, а также возраст, брачное состояние и образование¹⁵. Показательно, что в данном случае именно субъективная норма, а не порядок ожидаемого рождения, оказывается главным лимитирующим фактором: неодобрение со стороны родных сильнее снижает шансы женщины хотеть ребенка, чем то, что у женщины уже есть двое детей.

В целом, наиболее важными переменными, воздействующими на общие репродуктивные намерения, оказываются именно «субъек-

---

¹⁵ По сравнению с женщинами с высшим образованием, все прочие женщины выражают меньшее стремление завести ребенка. Как полагают Т. Малева и О. Синявская (2006), это может указывать на то, что при общей господствующей норме «двухдетности» данная категория женщин в большей степени вынуждена откладывать реализацию своих желаний в плане репродуктивного поведения.

тивные» факторы — ценностные ориентации и социально-психологические оценки. Они замещают собой эффекты наиболее весомых «объективных» характеристик женщины, таких как брачное состояние и материальная обеспеченность.

Ближайшие намерения

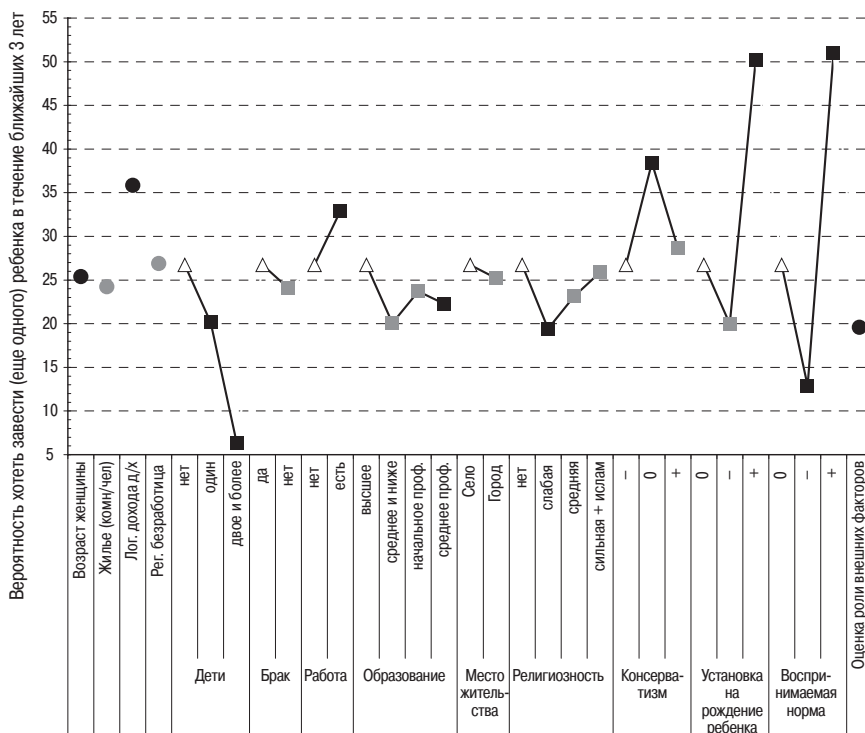
Далее были проанализированы детерминанты ближайших репродуктивных намерений. Объем выборки при расчете расширенной модели составил 2465 наблюдений (в модели для женщин без детей 506 наблюдений; в модели для женщин с детьми 1959 наблюдений).

При добавлении социально-психологических факторов в модель, оценивающую вероятность того, что женщина захочет завести ребенка в ближайшие три года, значимыми, помимо числа детей, остаются следующие объективные характеристики (рис. 9): возраст женщины, ее образование (средний уровень образования по сравнению с высоким снижает вероятность хотеть ребенка), занятость (наличие работы повышает готовность стать матерью) и уровень душевого дохода. Впрочем, воздействие этих характеристик на вероятность хотеть ребенка невелико: за исключением уровня дохода семьи, они лишь незначительно изменяют отношение шансов. В отличие от общих намерений значимо положительный эффект дохода на ближайшие репродуктивные намерения сохраняется, однако становится гораздо менее выраженным, чем в модели, не учитывающей социально-психологические предикторы.

Ценностный компонент (принятие консервативного отношения к семье и детям и степень религиозности) весьма существенен, однако направление его действия неожиданно. Наша модель не показала стимулирующего эффекта традиционных ценностей. Значимые различия наблюдаются только между слабо религиозными и нерелигиозными женщинами. При этом именно последние демонстрируют значительно большую готовность к тому, чтобы в течение трех лет родить ребенка.

Удивительным оказался и эффект традиционных семейных ценностей. Женщины, выказавшие нейтральное отношение к этим ценностям, в наибольшей степени склонны хотеть завести ребенка. Такой результат был бы предсказуем, если бы «нейтрально» настроенные женщины выражали большую готовность завести ребенка, чем эмансипированно мыслящие женщины (отношение шансов у «нейтралов» в 1,8 раза выше, чем у «противников»). Однако «нейтралы», а в нашей выборке это весьма небольшая группа, около 100 человек, значительно превосходят по готовности родить ребенка и тех, кто разделяет консервативные ценности. Таким образом, и активное приятие, и неприятие традици-

Вероятность того, что женщина хочет завести (еще одного) ребенка в течение ближайших 3 лет в зависимости от характеристик женщины: результаты регрессионного анализа (N = 2465).

Эффект количественных предикторов; серый цвет — статистическая незначимость. См. примечание к рис. 8.

онного представления о роли женщины в семье снижает готовность стать матерью.

Социально-психологические факторы, как и предполагалось, явились основными детерминантами в нашей модели. Добавление объективных и ценностных характеристик в модель, включающую только социально-психологические переменные весьма незначительно увеличивает ее предсказательную силу (с 0,44 до 0,54). Этот эффект аналогичен полученному для зависимой переменной «общие репродуктивные намерения».

По сравнению с нейтральной установкой на рождение ребенка позитивная установка (т.е. представление о том, что рождение ребенка вызовет в основном положительные последствия) в 2,8 раза повышает

отношение шансов. Еще более весомой оказывается роль воспринимаемой нормы: если женщина ожидает неодобрения со стороны ближайшего окружения, то отношение шансов хотеть и не хотеть ребенка снижается в 0,4 раза; ожидание одобрения, напротив, почти втрое увеличивает отношение шансов. Наконец, в данной модели оказывается статистически значимым, хотя и не очень важным по величине коэффициента, третий субъективный фактор — контролируемость поведения: чем больше принятие решения о рождении ребенка зависит, по мнению женщины, от внешних обстоятельств, тем менее она склонна хотеть ребенка.

Какие различия вносит в нашу модель порядок предполагаемого рождения? Как и в случае с общими намерениями, модель гораздо лучше предсказывает намерение родить второго (и более) ребенка, что связано с господствующей нормой детности (не менее одного ребенка). Тем не менее и в подгруппе бездетных женщин социально-психологические факторы оказываются эффективными предикторами, а ценностные и объективные характеристики — незначимыми или оказывающими очень небольшое воздействие (*табл. 2 Приложения*).

Ярко выражен стимулирующий эффект позитивной установки на рождение первого ребенка (отношение шансов возрастает в 4 раза по сравнению с негативной установкой), при этом по сравнению с позитивной установкой различия между нейтрально и негативно настроенными женщинами статистически незначимы. Однако сила и направление воздействия субъективной нормы сохраняются: ожидание порицания от родных и друзей снижает, а ожидание одобрения — увеличивает отношение шансов (соответственно в 0,3 и 2,7 раза). Зависимость поведения от внешних обстоятельств действует аналогично общей модели: чем она выше, тем меньше вероятность хотеть ребенка.

Применительно к намерению завести второго (и более) ребенка (*табл. 3 Приложения*) остаются значимыми возраст женщины (обратная зависимость) и уровень дохода (прямая зависимость). Сохраняется отмеченный ранее эффект уровня религиозности: формально религиозная женщина с большей вероятностью захочет остановиться на одном ребенке, чем женщины, не ассоциирующие себя с религией, тогда как для групп с более выраженной религиозностью эффект статистически незначим. Социально-психологические факторы в этой подгруппе женщин действуют так же, как и в общей модели, и столь же значимы.

Что в итоге?

Суммируем содержательные результаты, полученные при анализе связи компонентов субъективных факторов с репродуктивными намерениями, а также выводы из рассмотренных регрессионных моделей.

1. Результаты анализа компонентов социально-психологических оценок

Мы рассмотрели три группы женщин: намеренных завести ребенка в ближайшее время, не намеренных делать это вообще, а также откладывающих рождение ребенка. Для первой группы характерен наибольший оптимизм в оценке ожидаемых изменений и реакции родных и друзей; у вторых, напротив, преобладают негативные ожидания относительно перемен в собственной ситуации и в отношении окружающих (неопределенное — по оценкам бездетных женщин, негативное — по оценкам женщин с детьми).

Женщины, планирующие завести ребенка позже, занимают промежуточное положение, причем в оценке предстоящих «объективных» изменений (в материальном положении и в занятости) они ближе к тем, кто не собирается больше иметь детей, а по оценке ожидаемых изменений в эмоциональном состоянии — к тем, кто хочет завести ребенка в ближайшее время.

Заявленные репродуктивные намерения связаны с тем, насколько значимыми при принятии решения о рождении ребенка женщины считают те или иные факторы. В нашем случае предложенные факторы «сработали» как детерминанты *отказа* от намерения завести ребенка (поскольку большинство женщин, которые собираются в ближайшее время стать матерями, посчитали их не влияющими на принятие решения о ребенке).

Женщины, не намеренные иметь детей, наиболее существенными назвали следующие обстоятельства (по убыванию значимости): финансовое положение женщины, жилищные условия, работа женщины, доступность услуг по уходу за ребенком. А вот ситуация партнера становится значимой только в двух случаях: или партнера нет, или имеющийся партнер не может обеспечить женщине необходимую поддержку (например, не работает).

2. Результаты использования субъективных оценок в моделях детерминант репродуктивных намерений

И для общих, и для ближайших намерений главным ограничителем выступает наличие у женщины двоих или более детей. При прочих равных, вероятность, что женщина захочет родить третьего и последующего ребенка, примерно вдвое меньше, чем когда речь идет о первом или втором ребенке. Этот результат, на наш взгляд, подтверждает существование почти универсальной социальной нормы двухдетной семьи.

Наряду с порядком предполагаемого рождения в тройку ведущих факторов в обеих моделях входят социально-психологические переменные. Однако есть и ряд важных различий.

Применительно к общим намерениям главным стимулом к стремлению хотеть ребенка оказывается не уровень материальной обеспеченности, а одобрение и поддержка со стороны родителей и близких. Как мы видели, уровень душевого дохода домохозяйства приобретает значение только в одном случае: когда женщина уверена, что родные не станут помогать ей в воспитании ребенка. Основным ограничителем выступает негативная установка на рождение ребенка, т.е. ситуация, когда женщина связывает рождение ребенка с негативными переменами в сфере занятости, материальной обеспеченности и в эмоциональном состоянии.

Среди характеристик, влияющих на общие репродуктивные намерения, стоит назвать, во-первых, статус на рынке труда, ситуацию с занятостью женщин в регионе и уровень образования; а во-вторых, степень религиозности и отношение к консервативным семейным ценностям. Очевидно, что порядок предполагаемого рождения должен существенно сдвигать набор факторов. В случае общих репродуктивных намерений различия особенно заметны.

Стремление завести хотя бы одного ребенка зависит, в рамках нашей модели, только от ценностных ориентаций женщины и ее представлений о субъективной норме (о том, какова позиция окружения). Такой результат закономерен: поскольку речь идет о намерениях когда-нибудь родить хотя бы одного ребенка, наибольшую роль играют столь же общие представления женщин о должном числе детей. И не случайно, что все объективные характеристики становятся незначимыми: они ограничивают возможности женщины следовать социальной норме «хотя бы один ребенок», но не влияют на саму эту норму. Но уже желание завести второго и последующих детей связано лишь с возрастом, образованием, установкой и позитивной субъективной нормой.

Общие намерения в большей степени отражают *желание* женщины родить ребенка, тогда как ближайшие указывают на *готовность* стать матерью. Поэтому применительно к ближайшим намерениям позитивная установка на рождение ребенка оказывается их основным стимулом; а уверенность в отсутствии поддержки со стороны родных и близких — вторым по силе ограничителем. Сохраняют значимое воздействие такие объективные характеристики женщины, как возраст, занятость, доход и отчасти образование (среднее профессиональное по сравнению с высшим).

В стремление в ближайшее время родить ребенка определенные различия привносит отношение женщины к религии и к консервативным представлениям о семье и детях. При этом эффект ценностных характеристик нелинеен: нельзя говорить о том, что чем активнее женщина участвует в религиозных обрядах, тем скорее она будет хотеть стать

матерью. Аналогично, было бы неверно утверждать, что число желающих завести ребенка растет по мере перехода от наименее к наиболее консервативно настроенным группам женщин.

Как показало наше исследование, на самом деле характер зависимости другой. Значимо различаются между собой только группы нерелигиозных и формально религиозных женщин; средне и сильно-религиозные женщины схожи в своих репродуктивных намерениях с нерелигиозными. Еще более выразительно влияние консерватизма: здесь стимулирующий эффект оказывает только нейтральное отношение к традиционным представлениям, тогда как выраженный консерватизм, равно как и эмансипированность, снижают готовность женщины стать матерью. Таким образом, существенным стимулом оказывается равнодушие к религии и нейтральное отношение к традиционным ценностям, и никоим образом не истовая вера и домостроевские убеждения¹⁶. В целом, наши результаты согласуются с утверждением С.В. Захарова о том, что «современный человек настраивает календарь важнейших событий в своей жизни <...>, все более сообразуясь с индивидуальными склонностями и возможностями, согласует их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране, все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения» [Захаров С.В., 2005: 128].

Различия, связанные с порядком ожидаемого рождения, весьма выразительны и также подтверждают модель детности «не менее одного, не более двух детей». Готовность завести первенца значимо связана лишь с двумя из рассмотренных характеристик: это позитивная установка на рождение ребенка как главный стимул и ожидаемая реакция родных и родственников как важнейший ограничитель (эффект возраста женщины значим, но очень невелик). Ни одна из объективных характеристик не влияет на принятие решения о первом ребенке.

Готовность родить второго (и более) ребенка положительно связана с более высоким уровнем душевого дохода, формальной религиозностью. Тем не менее и здесь решающими оказываются социально-психологические факторы, причем заметно возрастает роль окружения: основным стимулом становится готовность родных и близких поддержать будущую мать, а главным препятствием — негативное отношение самой женщины к идее родить ребенка.

---

¹⁶ Отчасти это можно объяснить таким предположением: в современной России высокая вовлеченность женщины репродуктивного возраста в религию и, как следствие, более традиционный взгляд на роль женщины в семье не всегда оказываются конечной причиной. Чаше выраженная религиозность отражает неблагополучную ситуацию в домохозяйстве, которую не учитывают индикаторы материального благополучия (например, болезнь близких родственников). Впрочем, эту гипотезу еще предстоит проверить.

Заключение

Основная цель нашей работы — представить результаты применения к вопросу о факторах репродуктивного поведения социально-психологической теории планируемого действия — одного из способов изучения мотивации человеческого поведения. Полученные результаты позволяют утверждать, что набор социально-психологических факторов, который предлагает теория планируемого действия, хорошо работает на российских эмпирических данных. Использование этих переменных в моделях детерминант репродуктивных намерений позволило получить интересную информацию о том, как соотносятся объективные характеристики женщин, их ценностные ориентации и социально-психологические установки.

Достоинство социально-психологических оценок состоит в том, что они позволяют преодолеть разрыв между тем, как оценивает ситуацию сам деятель и как это делает внешний наблюдатель — исследователь. В нашем случае они дают возможность отделить рассматриваемые объективные и ценностные факторы от стоящих между ними и намерением действовать субъективных представлений.

Так, мы можем утверждать, что желание женщины родить первого ребенка (намерение вообще иметь детей) не дифференцировано по социальным группам и зависит только от ценностных ориентаций женщины и ее окружения. Готовность завести первого ребенка (т.е. намерение завести ребенка в ближайшие 3 года) связана исключительно с наличием у женщины позитивной установки на рождение ребенка и тем, как к этому отнесутся родители и родственники.

Желание завести второго (и более) ребенка зависит от установки (личностная характеристика) и положения женщины на рынке труда. И только готовность стать матерью второго (и более) ребенка непосредственно связана, помимо субъективных оценок, с уровнем материальной обеспеченности женщины и ее домохозяйства.

Вместе с тем остается ряд методологических вопросов. Во-первых, как уже говорилось, есть основания сомневаться в эндогенности социально-психологических оценок. Действительно ли они отражают некие реальные, не зависящие от исследовательского вмешательства характеристики женщин? Или же мы имеем дело с эмерджентными признаками, артефактами нашего инструментария?

Во-вторых, мы оценили роль социально-психологических факторов в намерениях завести ребенка. Но в какой степени женщины реализуют высказанные намерения? И в чем причина расхождений между намерениями и реальным репродуктивным поведением (в том, что такие расхождения будут, сомневаться не приходится). Можно ли

утверждать, что имеет место нереализация намерений (в силу тех или иных причин), или же между намерениями и фактическими рожденьями вообще не обнаружится значимой связи? В таком случае придется признать несостоятельность категории «намерений» применительно к прогнозированию репродуктивного поведения.

Ответы на эти вопросы — дело будущего, впрочем, весьма близкого. Вторая панельная волна обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенная в 2007 г., дает информацию о фактическом репродуктивном поведении женщин, чьи намерения завести детей мы рассмотрели в настоящей работе. Это позволит прояснить связь намерений и действий, а также роль социально-психологических оценок и других субъективных факторов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Коэффициенты в моделях репродуктивных намерений, вся выборка

Переменные	Общие намерения		Ближайшие намерения	
	Exp (B)	Sig.	Exp (B)	Sig.
Возраст женщины	0,968	0,001	0,932	0,000
Число комнат на члена домохозяйства	0,795	0,121	0,871	0,385
Образование (К ¹ — в/о)	—	0,004	—	0,164
среднее и ниже	0,600	0,003	0,729	0,088
начальное профессиональное	0,889	0,494	0,900	0,591
среднее профессиональное	0,661	0,003	0,730	0,046
Город (К — село)	1,223	0,166	0,899	0,506
Состояние в браке (К — да)	0,847	0,203	0,874	0,363
Религиозность (К — нет)	—	0,037	—	0,058
слабая	0,978	0,886	0,661	0,016
средняя	1,395	0,054	0,824	0,303
сильная и ислам	1,317	0,206	0,956	0,853
Наличие работы (К — нет)	1,351	0,037	1,354	0,054
Логарифм дохода домохозяйства	1,166	0,116	1,463	0,000
Наличие детей (К — нет)	—	0,000	—	0,000
один	1,075	0,655	0,714	0,051
двое и более	0,450	0,000	0,213	0,000
Уровень женской безработицы в регионе	0,969	0,030	1,003	0,835
Приятие консервативных ценностей (К — непринятие)	—	0,063	—	0,043
нейтральное отношение	1,374	0,147	1,801	0,013
принятие	1,361	0,021	1,126	0,415
Установка на рождение ребенка (К — нейтральная)	—	0,000	—	0,000
негативная	0,505	0,000	0,676	
позитивная	1,982	0,000	2,806	0,000
Позиция окружения (К — нейтральная)	—	0,000	—	0,000
негативная	0,701	0,022	0,397	0,000
позитивная	3,086	0,000	2,771	0,000
Зависимость поведения от внешних обстоятельств	0,904	0,239	0,676	0,000
Константа	0,232	0,182	0,218	0,204
N	2430	—	2465	—
Псевдо-R ² Нагелькерке	0,389	—	0,541	—

Примечание: ¹ К — контрольная группа

Таблица 2

Коэффициенты в моделях репродуктивных намерений, женщины без детей

Переменные	Общие намерения		Ближайшие намерения	
	Exp (B)	Sig.	Exp (B)	Sig.
Возраст женщины	1,001	0,939	0,962	0,046
Число комнат на члена домохозяйства	0,738	0,140	0,866	0,502
Образование (К ¹ — в/о)	—	0,248	—	0,154
среднее и ниже	0,625	0,099	0,583	0,072
начальное профессиональное	1,235	0,550	1,097	0,804
среднее профессиональное	0,964	0,894	0,636	0,119
Город (К — село)	1,106	0,764	0,662	0,260
Состояние в браке (К — да)	1,626	0,122	1,502	0,255
Религиозность (К — нет)	—	0,004	—	0,972
слабая	1,094	0,753	0,940	0,838
средняя	2,576	0,004	0,885	0,719
сильная и ислам	2,017	0,080	0,830	0,667
Наличие работы (К — нет)	1,096	0,714	1,370	0,226
Логарифм дохода д/х	1,340	0,101	1,375	0,085
Уровень женской безработицы в регионе	0,986	0,603	1,057	0,062
Приятие консервативных ценностей (К — неприятие)	—	0,015	—	0,247
нейтральное отношение	2,568	0,012	1,942	0,117
принятие	1,671	0,024	1,295	0,281
Установка на рождение ребенка (К — нейтральная)	—	0,050	—	0,000
негативная	0,746	0,504	1,829	0,182
позитивная	1,469	0,312	4,051	0,000
Позиция окружения (К — нейтральная)	—	0,000	—	0,000
негативная	0,753	0,372	0,266	0,000
позитивная	2,582	0,002	2,086	0,018
Зависимость поведения от внешних обстоятельств	0,722	0,041	0,791	0,154
Константа	0,027	0,077	0,078	0,223
N	494	—	506	—
Псевдо-R ² Нагелькерке	0,274	—	0,375	—

Примечание: ¹ К — контрольная группа

Коэффициенты в моделях репродуктивных намерений, женщины с детьми

Переменные	Общие намерения		Ближайшие намерения	
	Exp (B)	Sig.	Exp (B)	Sig.
Возраст женщины	0,951	0,000	0,910	0,000
Число комнат на члена домохозяйства	0,930	0,745	0,885	0,629
Образование (К* — в/о)	—	0,005	—	0,614
среднее и ниже	0,589	0,013	0,889	0,621
начальное профессиональное	0,741	0,140	0,799	0,352
среднее профессиональное	0,560	0,001	0,783	0,207
Город (К — село)	1,306	0,109	0,980	0,915
Состояние в браке (К — да)	0,707	0,019	0,729	0,061
Религиозность (К — нет)	—	0,790	—	0,016
слабая	0,930	0,705	0,570	0,008
средняя	1,097	0,656	0,787	0,291
сильная и ислам	1,020	0,942	1,065	0,833
Наличие работы (К — нет)	1,354	0,101	1,293	0,206
Логарифм дохода домохозяйства	1,140	0,275	1,522	0,002
Двое и более детей (К — один ребенок)	0,503	0,000	0,328	0,000
Уровень женской безработицы в регионе	0,964	0,039	0,978	0,262
Приятие консервативных ценностей (К — непринятие)	—	0,316	—	0,198
нейтральное отношение	0,981	0,945	1,704	0,073
принятие	1,248	0,185	1,149	0,463
Установка на рождение ребенка (К — нейтральная)	—	0,000	—	0,000
негативная	0,451	0,000	0,476	0,003
позитивная	2,217	0,000	2,582	0,000
Позиция окружения (К — нейтральная)	—	0,000	—	0,000
негативная	0,739	0,098	0,523	0,001
позитивная	3,462	0,000	3,150	0,000
Зависимость поведения от внешних обстоятельств	1,038	0,720	0,637	0,000
Константа	0,497	0,597	0,311	0,431
N	1936	—	1959	—
Псевдо-R ² Нагелькерке	0,389	—	0,505	—
* К — контрольная группа				

Примечание: ¹ К — контрольная группа

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. — М.: Изд-во МГУ, 1996.
2. Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.// Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 33–69.
3. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход// Отечественные записки. 2005. № 3. С. 33–69, 124–140.
4. Магун В.С. Потребности и психология социальной деятельности личности. — Л.: Наука, 1983.
5. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 70–97.
6. Рощина Я.М. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России// Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №5. С. 98–133.
7. Ajzen I. Attitudes, personality, and behavior. Chicago: Dorsey, 1988.
8. Ajzen I., Fishbein M. The influence of attitudes on behavior// The handbook of attitudes/ Eds. D. Albarracín, B.T. Johnson, M.P. Zanna. Mahwah: Erlbaum, 2005. P. 173–221.
9. Becker G. A theory of allocation of time// Economic Journal. 1965 (September). P. 493–517.
10. Corey S.M. Professed attitudes and actual behavior// Journal Educational Psychology. 1937. Vol. 28. P. 271–280.
11. Easterlin R.A., Pollak R.A., Wachter M.L. Towards a more general economic model of fertility determination: endogenous preferences and natural fertility// R.A. Easterlin. Population and Economic Change in Developing Countries. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
12. Fishbein M., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: An introduction to theory and research. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1975.
13. Friedman D., Hechter J.M., Kanazawa S. A theory of the value of children// Demography. 1994. Vol. 31. №3. P. 375–401.
14. Generations and Gender Survey (GGS): Towards a Better Understanding of Relationships and Processes in the Life Course. 2005.
15. Kidder L.H., Campbell D.T. The indirect testing of attitudes// Attitude measurement/ Ed. by G.F. Summers. Chicago: Rand McNally, 1970. P. 333–385.
16. LaPiere R.T. Attitudes vs. Actions// Social Forces. 1934. Vol. 13. P. 230–237.
17. Lenski G.E., Leggett J.C. Caste, class, and deference in the research interview// American Journal of Sociology. 1960. Vol. 65. P. 463–467.
18. Ostrom T.M. The relationship between the affective, behavioral, and cognitive components of attitude// Journal Experimental Social Psychology. 1969. Vol. 5. P. 12–30.
19. Philipov D. Low fertility in Central and Eastern Europe: Culture or economy? International Perspectives on Low Fertility: Trends, Theories and Policies. IUSSP working group on low fertility Conference, Tokyo 2001.

20. *Philipov D., Speder Z., Bilari F.* Soon, later, or ever? The impact of anomie and social capital on fertility intentions in Bulgaria (2002) and Hungary (2001)// *Population Studies*. 2006. Vol. 60. №3. P. 289–308.
21. *Testa M.R., Toulemon L.* Family formation in France: individual preferences and subsequent outcomes// *Vienna Yearbook Population Research*. 2006. P. 41–75.
22. *Saucier D.A., Miller C.T.* The persuasiveness of racial arguments as a subtle measure of racism// *Personality Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29. P. 1303–1315.
23. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America (Vol. 1). — Boston: Badger, 1918.
24. *Van de Kaa D.J.* Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into Determinants of Fertility// *Population Studies*. 1996. Vol. 50. №3. P. 389–432.
25. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition// *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42. №1. P. 1–59.
26. *Wicker A.W.* Attitudes versus actions: The relationship of verbal and overt behavioral responses to attitude objects// *Journal Social Issues*. 1969. Vol. 25. P. 41–78.

Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России

Сколько семей в России? В каких типах домохозяйств они живут? Знание реальной структуры населения России очень важно не только для исследователей, но и для людей, принимающих решения в области социальной политики, жилищного строительства. Самую полную информацию о населении дают переписи населения, последняя из которых была проведена в 2002 г.¹, и ее особенностью был переход к учету домохозяйств. **Насколько отличается семейная структура населения при подходе к семье как семейной ячейке от структуры домохозяйств, публикуемой Росстатом²?**

Проведенный анализ показал, что в России больше неполных и малодетных семейных ячеек, чем свидетельствуют данные по домохозяйствам. В то же время структура населения России сегодня отличается высоким уровнем совместного проживания нескольких семейных ячеек в одном домохозяйстве.

Разработка материалов переписей населения не только по домохозяйствам, но и по семейным ячейкам дает возможность оценить реальное распространение групп риска бедности (например, неполных семей), категорий населения, на которые направлены социальные программы на федеральном или региональном уровне. Это доказывает необходимость разработки и публикации данных переписи 2002 г. и всех последующих о структуре семейных ячеек в составе домохозяйств, тем более, что эта задача технически выполнима.

---

¹ Последняя перепись советского периода проводилась в 1989 г.

² Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 6. «Число и состав домохозяйств», Росстат. Анализ семейных ячеек проводился по материалам специальной разработки Росстата данных переписи 2002 года, представленным в Минздравсоцразвития РФ.

Сравнительное исследование данных по Франции, России и Грузии проводится в рамках проекта INTAS и ECODEF/CI, ANR в 2006–2008 гг.

1. Определение семьи и домохозяйства

Общепризнанное определение семьи исходит из обязательности признака родства, а также общности быта и ответственности членов семьи друг за друга и за семью в целом. Таким образом, семья — это *основанное на браке или кровном родстве объединение людей, связанных общностью быта и взаимной ответственностью* [Волков А. Г., 1986]. В отличие от понятия биологической семьи, включающей супругов и их потомство, семья в более широком социальном смысле может включать усыновленных или сводных детей, родственников одного из супругов на основании отношений свойства.

В программе всех послевоенных переписей населения СССР семья определялась как *группа из двух и более лиц, связанных отношениями родства или свойства, проживающих совместно и имеющих общий бюджет*. В понятие «общий бюджет» входит полное или частичное объединение членами семьи своих доходов и совместное их расходование для ведения хозяйства. Таким образом, при включении в определение семьи потребительского компонента (аккумуляция доходов и организация потребления) статистическое определение семьи оказалось близким к определению семейного домохозяйства в западной социологии. Отличие состояло прежде всего в определении категории одиночки. Домохозяйство, в отличие от семьи, может состоять из одного человека, живущего самостоятельно. В программе переписей лица, живущие вне семьи, разделялись на две категории — одиночек (материально самостоятельные лица) и лиц, живущих отдельно от своих семей, но сохраняющих с ними материальную связь. При этом понятие такой связи не было четко определено. Иногда эти две категории населения рассматривали как одну, именуя ее «одинокие». В группу одиночек включали и институциональное население, находящееся на иждивении государства и живущее в домах для престарелых и инвалидов, школах-интернатах, тюрьмах, казармах и т.п.

Вторым важным отличием определения семьи в советской статистике от определения домохозяйства, принятого в большинстве развитых стран, было исключение из состава *семей* неродственников, проживающих вместе с семьей одним бюджетом, тогда как для домохозяйства наличие родственных отношений не императивно. В переписях такие лица считались либо одиночками, либо отдельно проживающими членами, либо отдельными семьями, если они состояли между собой в родстве (например, прислуга с ребенком, живущая в семье хозяев одним бюджетом). Нужно отметить, что к середине 1990-х гг. в России доля домохозяйств, состоящих только из неродственников, составила 0,75% всех домохозяйств, а среди членов всех домохозяйств только 0,3% не состояли в родственных отношениях с другими, живущими в том же домохозяйстве [Российский демографический журнал, 1996. С. 24.].

Исследование демографической структуры домохозяйств стало возможным благодаря тому, что Госкомстат России впервые перешел к их учету при проведении микропереписи 1994 г.³, а впоследствии эта методика была применена и при проведении переписи 2002 г. С одной стороны, благодаря изменению методологии результаты переписей, относящиеся к демографической структуре домохозяйств, становятся сравнимы с данными по другим странам, с другой — это затрудняет анализ динамики семейной структуры населения России в последние десятилетия.

Необходимо отметить, что в 1990-е гг. наряду с определением домохозяйства при проведении переписей или других выборочных обследованиях Госкомстата (обследование бюджетов домохозяйств) определение семьи используют и социальные службы, правда, в несколько усеченном виде: из состава домохозяйства вычленяется супружеская пара или одинокий родитель и их дети, не достигшие 18 лет⁴, и только их доход рассматривается при определении малообеспеченности семьи и ее права на социальное пособие на детей. При этом в расчет не принимаются живущие вместе взрослые дети или другие родственники, как и их доходы.

С другой стороны, предоставление субсидий и компенсаций на оплату жилья и коммунальных услуг бедным происходит с учетом доходов всех проживающих в данном жилье, независимо от того, являются ли они реально членами одного домохозяйства или нет. Главный признак, определяющий состав домохозяйства в этом случае, — единый лицевой счет на занимаемое жилье и число зарегистрированных в нем людей. Так, живущие в одной квартире родители и семья их сына, ведущие раздельное хозяйство (отдельные бюджеты), будут считаться единым домохозяйством при предоставлении компенсации по оплате ЖКУ. А если жена сына не прописана на этой площади, она также будет исключена из состава домохозяйства. При переписи населения, как и при бюджетном опросе, эти домохозяйства будут идентифицированы как два отдельных домохозяйства, поскольку в этом случае учитывается реальное, а не формальное положение домохозяйств.

Таким образом, существующее в стране официальное определение домохозяйства, используемое в статистике населения и бюджетной сети, на основании которых делаются выводы о количестве, структуре

---

³ При проведении микропереписи доля выборки составила 5% постоянного населения России (кроме Чеченской Республики).

⁴ Дети в возрасте до 18 лет не включаются в число членов семьи при приобретении ими полной дееспособности в соответствии с законодательством Российской Федерации (см.: Государственные пособия гражданам, имеющим детей: нормативные правовые акты. М.: МГСУ НИИ семьи, 2001. С. 36).

и уровне жизни домохозяйств в России, не соответствует определениям, используемым в реальной практике социальной помощи бедному населению, что, разумеется, затрудняет учет домохозяйств, действительно нуждающихся в поддержке государства.

Разработка данных переписи населения по семейным ячейкам позволяет дополнить и расширить представления о семейной структуре населения, доле в ней отдельных типов семей, в частности неполных, как одной из категорий риска бедности.

Семейными ячейками считаются супружеские пары (с детьми или без детей) или один из родителей с детьми. В одном сложном частном домохозяйстве может быть несколько семейных ячеек или не быть их совсем (очень редкий случай прочих домохозяйств). В последнем случае домохозяйство состоит из отдельных лиц, не входящих в состав семейной ячейки, но составляющих домохозяйство. В переписи 2002 г. это могут быть и не родственники.

2. Особенности типологии семей (домохозяйств) при разработке переписей населения

Как было уже отмечено, определение семьи в переписях советского периода и частных домохозяйств (состоящих из двух и более членов) в переписи 2002 г. довольно близко. Поэтому типология семей, разработанная в 1970-е гг., с минимальными изменениями была использована при разработке последней переписи 2002 г.

При выделении основных демографических типов базой структуризации послужил характер родства членов домохозяйства, а основными типобразующими признаками — наличие (или отсутствие) брачной пары⁵ и других родственников или неродственников, а также число брачных пар в одном домохозяйстве. Сохранение этого принципа дает возможность анализа динамики семейной структуры в широком смысле слова «семья», близком к определению домохозяйства. С другой стороны, этот принцип не дает возможности на основе типологии домохозяйств в полной мере оценить распространение неполных семей, поскольку они выделяются в особый тип только в том случае, если в домохозяйстве нет супружеской пары, будь то родители матери (отца) с детьми или их братья и сестры, состоящие в браке и живущие с ними в одном домохозяйстве. Вместе с тем такая подробная оценка семейной структуры необходима, особенно если учесть существование семейного пособия на детей, обращенного именно на малообеспеченные семьи, а не домохозяйства.

---

⁵ Состояние в браке, как и распад союза, определялись по фактическому положению, т.е. фиксировался факт совместного проживания и ведения общего хозяйства, независимо от юридического оформления отношений.

Какие типы домохозяйств выделяются при разработке данных переписи? Типология довольно детализирована и состоит из 8 типов, некоторые из них имеют подтипы.

*Типология частных домохозяйств,
состоящих из двух и более человек*

1. Домохозяйства, состоящие из одной супружеской пары, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

Этот тип имеет четыре подтипа, каждый из которых уточняет, кто является родственниками, живущими с супругами в одном домохозяйстве (один из родителей, мать/отец с детьми, более сложная структура домохозяйства или родственников нет).

2. Домохозяйства, состоящие из двух супружеских пар, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

Этот тип имеет три подтипа, уточняющих, как и в предыдущем случае, характер родства присутствующих в домохозяйстве родственников, в частности второй супружеской пары (только супружеская пара родителей, супружеская пара родителей и другие родственники, более сложная структура).

3. Домохозяйства, состоящие из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и неродственников (или без них).

4. Домохозяйства, состоящие из матери с детьми.

5. Домохозяйства, состоящие из отца с детьми.

Последние два типа объединяют неполные семьи, живущие отдельно от родственников.

6. Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми и одного из родителей матери (отца).

7. Домохозяйства, состоящие из матери (отца) с детьми, одного из родителей матери (отца) (или без него), прочих родственников (или без них) и неродственников (или без них).

8. Прочие домохозяйства.

Среди семейных ячеек выделяют 4 типа:

1. супружеские пары без детей;

2. супружеские пары с детьми;

3. матери с детьми;

4. отцы с детьми.

Кроме того, членами домохозяйства являются отдельные лица, не входящие в семейные ячейки.

Таким образом, становится возможным выделить число и категории семейных ячеек в каждом из демографических типов домохозяйств.

3. Семейные ячейки в домохозяйствах

Среди семейных ячеек преобладают супружеские пары в формальном или неформальном браке — 74% всех семейных ячеек, в том числе 28% — супруги без детей (табл. 1). Матери или отцы с детьми, живущие отдельно или в сложных домохозяйствах с другими родственниками, представляют более четверти всех семейных ячеек. Но это больше, чем представлялось по результатам переписи на основании типологии домохозяйств (22%). Среди семейных ячеек с детьми до 18 лет эта группа составила 30%, в подавляющем числе случаев (90%) это материнские семейные ячейки. Общее число детей, которые жили с одним из родителей (отдельным домохозяйством или с другими родственниками), составило 7,88 млн, т.е. более чем каждый четвертый ребенок в стране.

Таблица 1

Структура семей в России, %

Характеристика семьи	Число семейных ячеек, %	Семейные ячейки с детьми	В том числе	
			дети младше 18 лет	дети 18 лет и старше
Супруги без детей	27,7	—	—	—
Супруги с детьми, в том числе:	46,4	64,2		
в возрасте младше 18 лет ¹	35,3		69,9	
18 лет и старше	11,1			50,9
Неполные семьи, в том числе:	25,9	35,8		
в возрасте младше 18 лет ¹	15,2		30,1	
18 лет и старше	10,7			49,1
Матери с детьми, в том числе:	22,9	31,6		
в возрасте младше 18 лет ¹	13,6		26,8	
18 лет и старше	9,3			42,8
Отцы с детьми, в том числе:	3,0	4,2		
в возрасте младше 18 лет ¹	1,6		3,3	
18 лет и старше	1,4			6,3
Всего семейных ячеек	100,0 (41659520)	100,0 (30096015)	100,0 (21004429)	100,0 (9091586)

Примечание: ¹ В число детей до 18 лет не включаются лица до 18 лет, состоящие в браке и имеющие детей.

Источник: разработка данных переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Наложение структуры семейных ячеек на структуру домохозяйств показывает, что неполные семейные ячейки присутствуют практически во всех типах домохозяйств, кроме супругов с детьми или без детей,

живущих отдельно. Это также говорит в пользу разработки и распространения дополнительно и данных о структуре семейных ячеек.

Доля неполных семейных ячеек значительно возрастает, если дети достигают совершеннолетия — это половина семейных ячеек данной категории. Таким образом, проблема неполных семей не ограничивается возрастом 18 лет, взрослые дети чаще остаются в домохозяйстве с одним из родителей, продолжая учебу и являясь, частично или полностью, иждивенцами семьи.

Представленные результаты касаются общего числа семейных ячеек без выделения семей, живущих отдельно или в одних домохозяйствах с другими семьями, а также с отдельными лицами, не входящими в семейные ячейки.

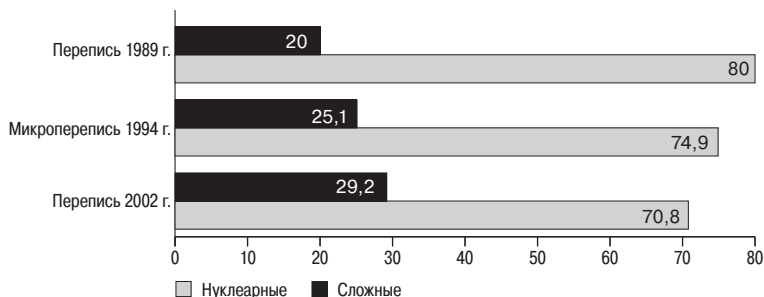
Какова степень нуклеаризации семей в России?

Типология домохозяйств уже позволяет утверждать, что доля сложных многопоколенных домохозяйств в России высока — почти 30% всех домохозяйств, включающих 2 и более человек, и эта доля значительно выросла по сравнению с предыдущей переписью 1989 г. (рис. 1).

Процесс нуклеаризации семей в России устойчиво проходил в период между переписями 1970 и 1989 гг.: доля полных нуклеарных семей выросла за этот период с 63,3 до 66,9%, а неполных — с 12,5 до 13,2%. Этот процесс сдерживался лишь дефицитом жилья, поскольку, по данным обследования молодых семей, 3/4 супругов, проживавших с родителями одного из них, высказали желание отделиться от родителей [Волков А. Г., 1986. С. 220]. Процесс «антинуклеаризации», начавшийся в 1990-е гг., в значительной степени вызван обострением жилищной проблемы, возникновением крайне дорогого рынка жилья, не соответс-

Рисунок 1

Соотношение простых и сложных семей (домохозяйств) по данным переписей населения 1989 и 2002 гг., а также микропереписи 1994 г.

Источник: рассчитано по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6 «Число и состав домохозяйств», Росстат РФ (табл. 2).

твующего материальным возможностям большинства населения. Это не позволяет молодым семьям отделиться от семьи родителей. Кроме того, проблемы выживания в непростых условиях переходного периода заставляли семьи объединяться в одном жилье, а второе сдавать в наем для получения дополнительных средств к существованию. Такой путь пассивной адаптации был особенно распространен в городском населении в начале 1990-х гг.

К категории сложных семей можно отнести и так называемые прочие домохозяйства, куда входят в большинстве своем семейные образования типа «бабушки — внуки», «сестры — братья», «тетя — племянники» и т.п. Иногда в состав их входят и супружеские пары (бабушка и дедушка), воспитывающие внуков в отсутствие родителей. В последние годы образование таких домохозяйств все чаще связано с трудовой миграцией родителей в другие города и регионы на длительный срок.

Материалы переписи по семейным ячейкам подтверждают и даже усиливают вывод о высокой степени распространения межпоколенных семейных образований — почти треть семейных ячеек живут в одном домохозяйстве с родственниками (*табл. 2*).

Доля сложных семейных образований наиболее высока для неполных семей, особенно отцов с детьми до 18 лет, 2/3 которых живут с родственниками. Это дает возможность отцам при активной помощи родителей воспитывать малолетних детей. Отметим, что доля отцовских семей в общей численности семейных ячеек невелика — 3%, а с малолетними детьми их еще меньше — 1,6%. Материнские семьи с малолетними детьми также в большинстве своем живут с родителями или другими родственниками, которые помогают им в уходе за детьми, а также материально.

Однако в сложных домохозяйствах живут не только неполные семьи — к этой группе относится треть супружеских пар без детей и почти четверть супругов с детьми. Это значительно отличает семейную структуру населения России от структуры населения европейских стран.

Материалы большого сравнительного исследования, проведенного в рамках международного проекта «Поколения и гендер»⁶, показали,

---

⁶ Генеральный координатор проекта — Европейская экономическая комиссия ООН. Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Российское обследование проведено летом 2004 г. на выборке более 11 тысяч домохозяйств в 32 регионах. Сравнительное исследование данных по Франции, России и Грузии проводится в рамках проекта INTAS и ECODEF/CI, ANR в 2006–2008 гг.

Степень нуклеаризации семей в России, %

Демографический тип семьи	Все семейные ячейки	В том числе	
		нуклеарные семьи	семьи, живущие в сложных домохозяйствах
Супруги без детей	100,0	67,5	32,5
Супруги с детьми, в том числе:	100,0	86,0	24,0
в возрасте младше 18 лет	100,0	75,7	24,3
18 лет и старше	100,0	76,8	23,2
Неполные семьи (всего), в том числе:	100,0	58,1	41,9
в возрасте младше 18 лет	100,0	46,8	53,2
18 лет и старше	100,0	74,0	26,0
Матери с детьми, в том числе:	100,0	59,1	40,9
в возрасте младше 18 лет	100,0	48,0	52,0
18 лет и старше	100,0	75,0	25,0
Отцы с детьми, в том числе:	100,0	50,5	49,5
в возрасте младше 18 лет	100,0	36,7	63,3
18 лет и старше	100,0	67,0	33,0
Все семейные ячейки	100,0	69,0	31,0

Источник: разработано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

что из трех выбранных для анализа стран (Россия, Франция, Грузия) Россия занимает промежуточное положение — в сложных домохозяйствах живет половина семей Грузии, около 30% семей в России и только 5% семей во Франции (табл. 3).

Увеличение числа детей в семье чаще приводит к совместному проживанию с родственниками, но такая тенденция характерна только для России, в то время как данные по Франции и Грузии показывают обратное: в группе с большим числом детей реже встречаются сложные многопоколенные семьи.

Часто отмечают, что семейная структура населения России во многом носит традиционный характер, хотя она уже далека от патриархальных многопоколенных семей Кавказа. Но, как показывают эмпирические измерения, в России процесс замедления разделения семей, а зачастую и форсированного их соединения в одно домохозяйство, шел в разрез с нормальным развитием института семьи и скорее был связан с экономическими факторами и трудностями трансформационного периода, чем с традиционными ценностями.

**Доля семей, живущих в сложных домохозяйствах,
в % к общему числу семей каждого типа**

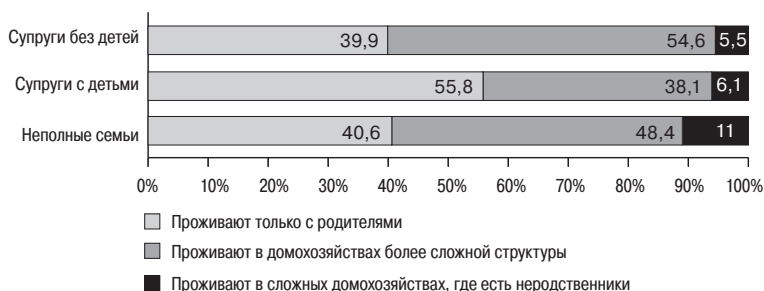
Демографический тип семьи	Франция	Россия	Грузия
Супруги без детей ¹	1,6	10,5	28,9
Супруги с детьми, в том числе:	2,2	22,9	51,9
с одним ребенком	3,5	18,6	57,4
с двумя детьми	1,5	23,7	49,0
с тремя и более	1,2	44,4	46,2
Матери с детьми, в том числе:	5,3	45,8	62,3
с одним ребенком	5,8	36,2	68,7
с двумя и более детьми	4,6	63,4	50,4
Отцы с детьми, в том числе:	5,8	75,8	73,6
с одним ребенком	6,8	74,4	80,4
с двумя и более детьми	—	80,5	54,5
Все семейные ячейки	5,1	27,8	50,4

Примечание. ¹ Дети без ограничения возраста.

Источник: рассчитано по данным обследования «Поколение и гендер» в России, Франции, Грузии.

Рисунок 2

Типы совместного проживания с родственниками

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Наиболее сложные семейные образования характерны для семей без детей (молодые только образовавшиеся семьи), а также для неполных семей: в 60% случаев совместного проживания с родственниками это сложные домохозяйства не только с родителями, но и с другими родственниками, а иногда и неродственниками (рис. 2).

Сложная мозаика семейной структуры населения России не вполне соответствует сложившейся системе социальной поддержки населения,

когда часть социальных пособий и других видов социальной помощи направляется в искусственно вычлененную ячейку, будь то супружеская пара с детьми или неполная семья. Самоопределение семьи как части домохозяйства с общим жильем и бюджетом в период переписи вступает в противоречие с ее интересами в получении социальной поддержки, в частности адресной помощи нуждающимся, и тогда она заявляет себя как самостоятельная ячейка. Кроме того, по действующему законодательству, при выделении пособия на детей малообеспеченным семьям состав домохозяйства, в которых они живут, в расчет не принимается.

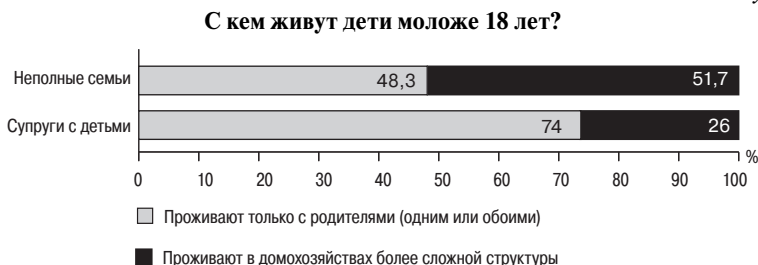
4. Дети в семейных ячейках

Если рассматривать в качестве предмета анализа всех детей в возрасте до 18 лет, то большая часть из них живут в семьях с обоими родителями (73%) и имеют еще хотя бы одного брата или сестру (52%). Однако данные показывают, что в неполных семьях только с одним родителем живут менее половины детей, остальные — в домохозяйствах сложной структуры. Дети из полных семей гораздо чаще живут только с родителями (74%) (рис. 3).

Другой важный вопрос, ответ на который можно найти в данных переписи по семейным ячейкам, — сколько детей имеют семьи? В данном случае анализ ограничен группой семей с детьми до 18 лет.

Теоретически различие с данными по домохозяйствам очевидно. Если в одном домохозяйстве есть двое детей в возрасте до 18 лет, то для простых случаев домохозяйств (одна семейная ячейка) ситуация не вызывает сомнений. Но для остальных вопрос остается открытым: ведь по одному ребенку могут иметь две семейные ячейки, составляющие это домохозяйство (например, родители живут с двумя детьми, один из которых несовершеннолетний, а второй вступил в брак и уже имеет ребенка). Однако такие случаи не очень распространены, поэтому в целом распределение семей по числу детей лишь незначительно

Рисунок 3

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Рисунок 4

Распределение семейных ячеек по числу детей до 18 лет, %

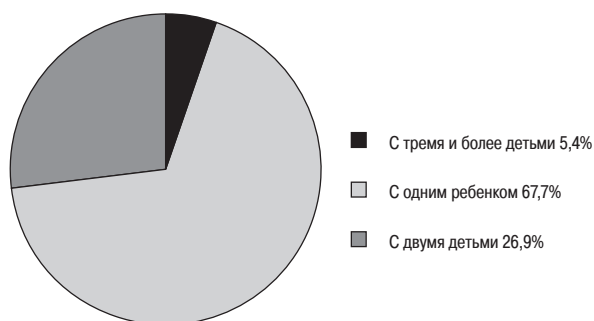

Рисунок 5

Распределение домохозяйств по числу детей до 18 лет, %

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

меняется по сравнению с распределением домохозяйств в сторону увеличения малодетности и снижения и без того крайне незначительной доли многодетных семей (рис. 4, 5). Россия еще в прошлом веке перестала быть страной, в семейной структуре которой преобладают семьи с несовершеннолетними детьми. Согласно данным переписей населения России 1989 и 2002 гг., а также Всероссийского выборочного социально-демографического обследования населения 1994 г., доля домохозяйств с детьми в возрасте до 18 лет составляла менее 50% от общего числа домохозяйств. При этом стала ничтожно мала доля домохозяйств, которые можно условно отнести к многодетным (имеющим трех и более детей)⁷.

⁷ С точки зрения влияния на воспроизводство населения в демографии семьи с 1–2 детьми принято относить к малодетным, с 3–5 детьми — среднететным и с 6 и более детьми — многодетным. До начала 1990-х гг. официально принятым порогом многодетности для назначения специального пособия было 4 ребенка в семье. В связи с падением

5. Многодетность в России

В большинстве случаев многодетная семья⁸ — это семья с двумя родителями, неполные многодетные семьи составляют 17,6% от всех многодетных семей (15,9% — матери с детьми, 1,7% — отцы с детьми). Распределение многодетных семей по числу детей показывает преобладание семей с тремя детьми, которые составляют 3/4 всех многодетных. С точки зрения демографической классификации, это скорее среднететность, чем многодетность. Семей с 5 и более детьми оказывается меньше 8% (рис. 6).

Рисунок 6

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

В многодетных семьях воспитывается 15,7% всех детей в стране (10,6% детей в городах и 16,8% детей в сельской местности). Эти цифры значительно ниже аналогичных показателей в 1989 г., когда каждый пятый ребенок воспитывался в многодетной семье (14,4% детей в городских поселениях и 36% детей в селе). Таким образом, наблюдается резкое снижение доли детей из многодетных семей в общем числе детей, и это особенно заметно в сельской местности.

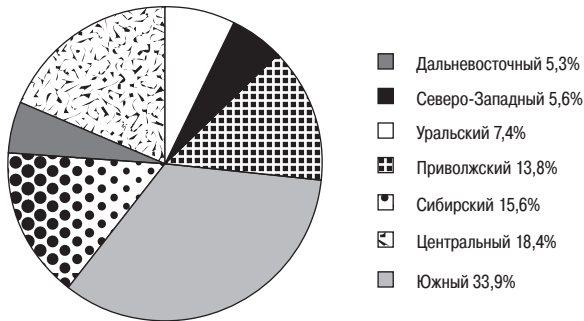
По данным переписи 2002 г., в среднем на многодетное домохозяйство приходилось 3,45 ребенка, в то же время эта цифра ниже, если мы рассматриваем семейные ячейки, — 3,37.

Более трети многодетных семей живут в Южном федеральном округе РФ, почти каждая пятая — в Центральном округе, далее идут Сибирский и Приволжский округа (15,6 и 13,8% соответственно). Менее 10% всех

рождаемости, экономическим кризисом начала 1990-х гг. и резким снижением уровня жизни к числу многодетных относили уже семьи с 3 и более детьми.

⁸ Анализ распространения и глубины многодетности проведен для Минздравсоцразвития РФ в рамках проекта «Анализ социально-экономического положения многодетных семей» (ноябрь 2006 г.).

**Распределение многодетных семейных ячеек (с тремя и более детьми)
по федеральным округам в 2002 г., %**

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Таблица 4

Различия между регионами по глубине многодетности семейных ячеек

Доля семейных ячеек с 5 и более детьми в общем числе многодетных, %	Число регионов
Более 10%	8 регионов
Максимальная глубина:	
Ингушетия	34,4%
Осетия	19,5%
Чечня	17,5%
Ямало-Ненецкий АО	12,5%
От 5 до 10%	65 регионов
Менее 5%	16 регионов
Минимальная глубина:	
Ханты-Мансийский АО	3,4%
Камчатская обл.	3,6%
Удмуртия	3,7%
Москва	3,8%

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

многодетных семей страны живут в Уральском округе и чуть более 5% в Северо-Западном и Дальневосточном округах (рис. 7).

Такое распределение по территории России определяется масштабом и глубиной многодетности в отдельных регионах, и дифференциация здесь значительна: доля многодетных (от общего числа семейных ячеек) варьирует от 55,6% в Республике Ингушетия до 2,1% в Санкт-Петербурге. Причем только в трех регионах, включая Республику Ингушетия, она была выше 20% от общего числа семей (Чеченская Республика — 43,1%, Республика Дагестан — 29,6%).

Что касается глубины многодетности, то максимальная глубина с большим отрывом от остальных регионов отмечается в Ингушетии

(34,4%), в других регионах традиционной многодетности (Чеченская Республика, Республика Осетия) эта доля не превышает 20%. В большинстве регионов распространение семей с глубокой многодетностью (семьи с 5 и более детьми) находится на уровне 5–10%, а еще в 16 регионах их менее 5% среди всех многодетных семей (табл. 4).

Таким образом, многодетность в России носит ярко выраженный региональный характер — выделяются лишь несколько национальных республик с традиционно высоким уровнем многодетности, и в основном это республики Северного Кавказа с преобладанием сельского типа экономики. В остальных же субъектах Российской Федерации многодетность — скорее нетипичное явление, редко встречающееся и выпадающее из общего контекста развития института семьи на данной территории. Кроме того, за исключением нескольких регионов Северного Кавказа, многодетность в России не носит глубокого характера — в среднем по России в 75% случаев это семьи с 3 детьми, а 5 и более детей имеют менее 8% многодетных.

Почти четверть детей из многодетных семей концентрируются в четырех субъектах РФ (Республика Дагестан, Чеченская Республика, Башкирия и Ингушетия), остальные распределены по субъектам РФ с частотой 1–3% на каждый регион. Сложившуюся картину многодетности и ее региональной дифференциации необходимо иметь в виду при формировании политики регионов и федеральных социальных программ поддержки многодетных семей.

Заключение

Каждая типология имеет свои ограничения и условности. Однако, принимая определенные правила, важно видеть, что получается в результате того или иного подхода. Если использовать методологию, принятую в переписи, и выделить основные категории, составляющие население, то результат будет следующим (табл. 5).

Таблица 5

Структура семейных ячеек

Группы населения/семей/домохозяйств	Доля в общей структуре, %
Одиночки как тип домохозяйства	17,2
Отдельные лица, живущие в домохозяйстве, но не являющиеся членами семейной ячейки	21,9
Семейные ячейки, всего в том числе:	60,9
супруги без детей	16,9
супруги с детьми	28,2
матери (отцы) с детьми	15,8
Всего	100,0

Источник: рассчитано по данным переписи 2002 г. по семейным ячейкам.

Нельзя забывать, что значительная часть населения живет в домохозяйствах, состоящих из одного человека. Одиноких в России почти 12 млн чел., это 22% всех домохозяйств, причем 15% — это женщины и 7% — мужчины. Еще одна группа населения, входящая в домохозяйство, но не относящаяся к членам семейной ячейки в определении переписи населения, — категория отдельных лиц, не входящих в семейную ячейку. Такое определение может показаться странным в отношении, например, матери, которая живет с семьей сына. Как и матери (отцы) с детьми, категория отдельных лиц представлена во всех сложных домохозяйствах, полных и неполных.

Таким образом, в структуре населения трудно выделить преобладающую группу: супругов с детьми лишь на 6 процентных пунктов больше, чем отдельных лиц, а одиночек примерно столько же, сколько и супругов без детей или неполных семей. Отличие российской структуры, например, от структуры населения Франции, представленной в таком же виде, заключается в значительно более высокой доле одиноких и супругов без детей, а также в минимальном присутствии категории отдельные лица без семьи в домохозяйстве⁹.

Разработка материалов переписей населения не только по домохозяйствам, но и по семейным ячейкам предоставляет дополнительную очень важную информацию для целей социальной политики на уровне регионов и страны в целом. Она дает возможность оценить реальное распространение групп риска бедности, категорий населения, на которые направлены социальные программы на федеральном, региональном или поселенческом уровне.

Литература

1. Волков А. Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986. — 220 с.
2. Государственные пособия гражданам, имеющим детей: нормативные правовые акты. — М.: МГСУ НИИ семьи, 2001. С. 36.
3. Российский демографический журнал. 1996. №1. С. 24.

---

⁹Данные обследования «Поколения и гендер» во Франции в 2005 г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Захаров С. В.

Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России 1980-х гг.

Постановка проблемы

В преддверии ожидаемого принятия новых мер семейной политики, намеченных, согласно заявлениям Президента В.В. Путина¹ и представителей Правительства РФ², на 2007 г., анализ прошлого опыта проведения активной политики в отношении семьи имеет важное значение для оценки возможного демографического эффекта новых мер и возможных социальных последствий от их введения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Следует отметить, что, по официальным заявлениям, новый комплекс мер будет прямо ориентирован на «стимулирование рождаемости», т.е. основной целью их принятия будет именно повышение рождаемости в стране. Никогда прежде в истории нашей страны пронаталистская направленность государственной политики не манифестировалась в столь явном виде. И в 1930—1940-е гг., когда предпринимались первые попытки государственного вмешательства в демографическую сферу, и в 1980-х гг., когда, по сути, был создан основной каркас действующей системы мер ориентированной

---

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.

² <http://www.mzsrff.ru/vust/96.html>; <http://www.mzsrff.ru/news/294.html>; <http://www.mzsrff.ru/news/326.html>; <http://www.mzsrff.ru/news/374.html>.

на семью политики, курс на повышение рождаемости на официальном уровне открыто не провозглашался. В официальных документах соответствующих лет говорилось о необходимости усиления *помощи* семьям, работающим матерям, особенно в выполнении ими важной социально-демографической функции. Пронатализм вводимых мер лишь угадывался как из самого списка мер, так и из преамбул соответствующих документов, демонстрирующих озабоченность государства демографической ситуацией и обосновывающих необходимость принятия специальных решений.

Не обсуждая сейчас ситуационную обоснованность по сути парадигмальной смены целевых ориентиров политики государства по отношению к семье и подоплека такой «смены век» в более широком политическом контексте в современной России, необходимо все же подчеркнуть, что государство сегодня принимает на себя повышенные обязательства не только по правовому и финансово-экономическому обеспечению предлагаемых мер политики, но и в отношении поставленных задач — повышения рождаемости со всеми возможными социальными последствиями. Такого уровня ответственности российская государственность на себя не принимала, по крайней мере в официально декларируемой форме, ни в период империи, ни в советский, ни в постсоветский период.

В то же время, как показывает отечественный и зарубежный опыт, семейно-ориентированная политика, даже если она прямо и не направлена на изменение уровня рождаемости, в самом общем случае может: а) приводить не только к желательным и предсказуемым, но и к нежелательным и непредсказуемым демографическим результатам; б) вызывать отрицательные социальные последствия, сопровождающие, а иногда и перевешивающие по своему общественному значению положительные сдвиги. Если же перед политикой прямо ставится цель: за короткое время повысить уровень рождаемости до заданного уровня (как предлагается в обсуждаемом новом варианте «Концепции демографического развития страны», с сегодняшних 1,3 до 1,65–1,7 детей в расчете на одну женщину³), — то возникает важный вопрос о том, насколько этот целевой ориентир в демографической сфере сбалансирован с приоритетами и целевыми ориентирами в других общественных сферах, в частности в сфере труда и занятости, образования, здравоохранения.

---

³ Именно этих показателей предлагается достичь к 2015 г., о чем говорится, в частности, в получившем известность варианте программы демографического развития России, подготовленном широким кругом авторов при поддержке ООО «Деловая Россия», которую, в свою очередь, активно использует МЗСР при подготовке официального варианта. См.: Национальная программа демографического развития России. — М., октябрь 2006. С. 11.

Не окажется ли, что для общества в целом социально-экономическая цена желаемого демографического результата, если он будет достигнут, окажется слишком высокой? Мировая история учит, что резкие изменения скорости течения демографических процессов никогда не проходят безболезненно для всех подсистем общества.

Достаточно известен факт, что антиалкогольная кампания во второй половине 1980-х гг., по крайней мере, на короткий период, вызвала существенное снижение смертности, но в то же время усилила неустойчивость финансово-экономической системы страны и тем самым ускорила крах советской политической системы в целом, не говоря уже о том, что дала резкий толчок к росту криминогенности, распространения токсикомании и наркомании. Менее известно, что вследствие ускорения темпов формирования семей под воздействием мер семейной политики в 1980-е гг. расширилось поле бедности не только потому, что увеличилось число детей у очень молодых родителей, но и потому, что несколько миллионов домашних хозяйств опирались только на один мужской доход по причине того, что женщины находились в более длительных, чем прежде, отпусках по уходу за ребенком (пособия в семейном бюджете играли мизерную роль, да и к тому же быстро обесценивались в силу нарастающей инфляции и тотального дефицита потребительских товаров). Это обстоятельство значительно снизило адаптационные возможности российских семей в первые, самые трудные годы перехода к рыночным экономическим отношениям.

К сожалению, следует констатировать, что всестороннего анализа результатов семейной политики 1980-х гг., даже спустя полтора десятилетия после ее условного завершения в 1990 г., мы не имеем. Если демографы, со своей стороны, все же высказывались в печатной форме по поводу ее демографической эффективности (кто вскользь, кто более развернуто и доказательно), то со стороны экономистов и социологов нет опубликованных работ, в которых хотя бы затрагивалась данная тема⁴. Как будет показано ниже, в короткий календарный период в стране родилось на 2,3 млн детей больше, чем можно было ожидать в отсутствие политики. Как это сказалось на микроэкономике семьи вообще и внутрисемейных трансфертных отношениях в частности? В какой мере были востребованы и использованы отпуска по уходу за ребенком? К каким последствиям для образовательной и трудовой биографии женщины и мужчины это привело? Способствовали ли льготы и прочие меры политики внутрисемейному и межпоколенному

---

⁴ Автор будет очень признателен, если более осведомленные читатели поделятся сведениями об опубликованных социологических и экономических работах, касающихся социально-экономических последствий инновационной семейной политики, проводимой в СССР в 1980-х гг.

сплочению? Усилила ли политика гендерное равенство в семейной и внесемейной сферах жизнедеятельности? На эти и многие другие вопросы мы ответов не знаем.

В данной работе мы вновь обратимся к рассмотрению демографических аспектов результатов семейной политики 1980-х гг. К этому побуждает, во-первых, наличие необходимой и вполне надежной официальной демографической информации (перепись населения, текущая регистрация рождений). На сегодняшний день мы располагаем исчерпывающей информацией об истории рождаемости в поколениях, начинавших свой репродуктивный цикл в 1980-х гг. Во-вторых, у нас есть возможность существенным образом дополнить макростатистические данные информацией, полученной в результате разработки представительного на национальном уровне обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»⁵ (далее — РиДМиЖ), программа которого содержала богатый набор ретроспективных вопросов, позволяющих реконструировать репродуктивную биографию поколений, находившихся в возрастах деторождения в период действия политики. Кроме того, обследование позволяет приподнять завесу над практически неосвещенной прежде темой специфики ответной реакции параметров репродуктивного поведения на предложенные государством меры и льготы в различных социальных стратах населения.

Дискуссия об эффективности семейной политики в 1980-х гг. в отечественной литературе

Дискуссия о том, как относиться к очевидному и весьма существенному повышению конъюнктурных показателей рождаемости в 1981–1987 гг., естественным образом развернулась сразу же после фиксации факта этого повышения.

Претендуя на подведение итогов дискуссии, В.А. Борисов и А.Б. Синельников в 1996 г. выносят следующий вердикт: «Что касается эффективности принятых в 1981 г. мер, то здесь мнение демографов единодушное, без каких-либо исключений. Все специалисты оценили их как

---

⁵ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» «Generations and Gender Programme/Survey» (GGS) было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Объем нестратифицированной выборки — 11261 мужчин и женщин 18–79 лет в городской и сельской местности 32 субъектов РФ, метод опроса — формализованное интервью.

неэффективные. Действительно, повышение рождаемости было незначительным и кратковременным. Оно продолжалось до 1987 г., а затем снижение продолжилось (заметим, до начала обострения социально-экономического кризиса)». «Повышение рождаемости в 1981—1987 гг. явилось в значительной части (наряду с рядом других структурных факторов) результатом сдвигов запланированных семьями рождений детей на более ранние сроки по сравнению с первоначальными планами (так называемых тайминговых сдвигов или, иначе, изменений календаря рождений), но при этом не увеличилась потребность семей в общем числе детей»⁶. Эти же авторы говорят не только о неэффективности, но и о несвоевременности⁷ принятия политических мер⁸.

Насколько же единым было мнение специалистов? Обратимся еще раз к опубликованным работам в первую очередь тех демографов, которые специализировались на анализе рождаемости.

Г.П. Киселева в работах 1987—1989 гг., не приводя, правда, никаких расчетных доказательств, высказывается следующим образом: «Говоря об эффективности мер, направленных на экономическую помощь семьям, следует иметь в виду, что они существенно не меняют интенсивности рождаемости. Большинство рождений, вызванных этими мерами, все равно бы произошли, только в другие, по-видимому, более поздние сроки. Безусловно, нельзя не учитывать, что экономические меры оказывают определенное влияние на увеличение рождаемости за счет рождения детей в той группе населения, которая из-за длительного откладывания рождения ребенка выходит из репродуктивного возраста, так и не реализовав свою потребность в детях, а также за счет женщин,

---

⁶ Борисов В.А., Синельников А. Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. НИИ семьи Минсоцзащиты России. — М., 1996. С. 69.

⁷ Замечание о несвоевременности мер сделано не случайно. Одним из положительных эффектов, который может принести политика, направленная на повышение рождаемости, — сглаживание воспроизводящихся демографических волн, инициированных в первую очередь падением рождаемости в годы Второй мировой войны. Малочисленные когорты военных лет рождения произвели на свет малочисленных потомков во второй половине 1960-х гг. (первичное эхо войны), а те, в свою очередь, должны были сильно понизить число рождений в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (вторичное эхо войны). В связи с этим логичным представлялось бы стимулировать рождаемость не в первой половине 1980-х гг., как было сделано, а на 5—7 лет позже. На практике же получилось, что политика повысила и без нее ожидаемый высокий гребень волны рождений в середине 1980-х гг. и еще более углубила ожидаемую яму в начале 1990-х гг. На этот отрицательный эффект намекает и О.Д. Захарова, цитируемая ниже. Забавно, что государство собирается наступить на те же грабли второй раз. Для того чтобы попытаться хотя бы немного сгладить сильную изреженность нашей возрастной пирамиды и притупить разрушающее воздействие демографических волн в будущем, новые меры политики, стимулирующие рождаемость, нужно было бы вводить не президенту Путину, а его преемнику, и, соответственно, не в 2007 г., а после 2010 г.

⁸ Борисов В.А., Синельников А. Б. Указ. соч. С. 68.

которые при откладывании рождений прибегают к абортam, что иногда приводит к возникновению вторичного бесплодия»⁹.

На ведущей роли календарных (тайминговых) сдвигов в повышении рождаемости в первой половине 1980-х гг. настаивала Н.А. Шнейдерман, анализируя коэффициенты суммарной рождаемости по очередности рождений в городской и сельской местности регионов РСФСР¹⁰.

Из всех известных нам специалистов в области анализа рождаемости наиболее критичную оценку политике 1980-х гг. выносит О.Д. Захарова: «Размер ущерба, нанесенного всей демографической динамике в России непродуманной политикой 80-х годов, вполне сопоставим с демографическими катастрофами предвоенных и военных лет. Отличие лишь в том, что сегодня эти потери уже невозможно компенсировать за счет внутренних потенциальных резервов самого населения»¹¹. «Судя по уровням реализации репродуктивных планов отдельных возрастных когорт (по данным переписи 1989 г.), реального повышения рождаемости, а точнее — детности семей, или пересмотра репродуктивных установок не произошло», «значительное число женщин репродуктивного возраста, реализовав свои планы в отношении числа детей, полностью прекратили свое участие в формировании текущих уровней рождаемости и на многие годы превратились в своего рода бесполезный балласт»¹². «Самым неблагоприятным итогом 1980-х гг. стало то, что эволюционный тренд рождаемости был сломан и началось неуправляемое изменение сроков реализации репродуктивных планов когорт»¹³.

Некоторым особняком в ряду работ, посвященных анализу воздействия политики 1980-х гг. на рождаемость, стоит работа М.А. Клупта. В конце 1980-х гг. по горячим следам автор оценил возможность объяснения наблюдавшегося увеличения показателей рождаемости для условных поколений одними только календарными сдвигами рождений в реальных поколениях. С помощью сконструированной им оригиналь-

---

⁹ *Киселева Г.П.* Демографическая политика в СССР// *Демографическая политика в современном мире*/ Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Наука, 1989. С.12; *Борисов В.А., Киселева Г.П., Лукашук Ю.М., и др.* Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. — М.: Наука, 1987. С. 161–162. В этой же работе 1987 г. В.А. Борисов высказывался менее категорично, чем десять лет спустя: «Безусловно, определенного успеха эти меры достигли. Однако повышение рождаемости было недостаточным». «Опросы населения не показывают никаких изменений в репродуктивной ориентации семей, и поэтому нет оснований для коренных изменений в тенденциях рождаемости». С. 200.

¹⁰ *Шнейдерман Н.А.* Откровенный разговор: Рождаемость и ее регулирование. — М.: Мысль, 1991. С. 26–29.

¹¹ *Захарова О.Д.* Эволюция рождаемости в России в XX веке. — М.: ИСПИ РАН, 1993. С. 60.

¹² *Захарова О.Д.* Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики)/ Под ред. Г.И. Кареловой, Л.Е. Рыбаковского. — М.: Изд-во Центра социального прогнозирования, 2001. С. 24.

¹³ *Захарова О.Д.* Указ. соч. С. 26.

ной статистической модели автор сравнивал фактические возрастные коэффициенты рождаемости для календарных лет, в течение которых действовали меры политики, с гипотетическими коэффициентами при различных условиях, связанными с пропорциональным переносом рождений от старших возрастов к младшим, т.е. автор смоделировал возможный тайминговый сдвиг рождений на более ранние сроки у поколений, находившихся в детородных возрастах¹⁴. Метод, основанный на проверке статистических гипотез, привел автора к выводу, что рост рождаемости в России в 1980-е гг. не был связан исключительно с календарными сдвигами, т.е. можно было предположить и действительное повышение рождаемости в реальных поколениях¹⁵. Метод М.А. Клупта не позволяет определить, в какой мере увеличение конъюнктурных показателей связано с истинным повышением рождаемости, а в какой — со сдвигами в календаре рождений. Кроме того, со временем результаты, полученные с помощью подобных моделей, теряют эвристический смысл — по мере того, как накапливаются данные о фактической рождаемости реальных поколений, нет никакой необходимости прибегать к статистико-математическим моделям для ответа на вопрос, было ли повышение рождаемости в реальных поколениях или нет. В то же время модель, предложенная автором, заслуживает внимания тем, что ее можно использовать для предварительных выводов, не дожидаясь окончательных результатов репродуктивного поведения когорт, т.е. по мере развертывания событий, вызванных вмешательством государственной политики в естественный ход эволюции рождаемости. Так что работа М.А. Клупта сыграла свою роль в нужное время, заставив специалистов более внимательно отнестись к наблюдаемой динамике показателей рождаемости. Модель также помогла уточнить максимальное число календарных лет, в течение которых должно наблюдаться увеличение коэффициента суммарной рождаемости (показателя итоговой рождаемости для условного поколения), чтобы можно было ставить вопрос о несводимости этого роста к эффекту, вызванного одними только календарными сдвигами. В общем случае эта величина, по его оценке, составляет около 7 лет.

Более чем скептически относился к эффекту демографической политики крупнейший авторитет в области анализа рождаемости Л.Е. Дарский. В 1988 г. в соавторстве с В.А. Беловой и Г.А. Бондарской он писал: «Повышение коэффициентов рождаемости в последние годы

---

¹⁴ *Клупт М.А.* О статистической оценке влияния демографической политики на рождаемость// *Воспроизводство населения и демографическая политика.* — Рига, 1988. С. 51–58.

¹⁵ *Клупт М.А.* Экономическое измерение демографической динамики. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 35–39.

в республиках с низкой рождаемостью не следует целиком относить на счет эффекта демографической политики. Повышение коэффициентов рождаемости в молодых возрастах началось значительно раньше, чем были приняты специальные меры по стимулированию рождаемости. Некоторое повышение ожидаемого числа детей было заметно уже по материалам обследования 1981 г., особенно среди молодых женщин. В последние годы эта тенденция несколько усилилась, возможно, под влиянием мер демографической политики»¹⁶. Отметим, что это справедливое замечание, имеющее прямое отношение к вопросу о том, каков в действительности был эффект демографической политики. На факт некоторого увеличения рождаемости до введения мер политики указывал в те же годы и А.Г. Вишневецкий: «С этими мерами [политики] демографы не без оснований связывают подъем рождаемости в ряде возрастных групп в начале 1980-х гг., тем более что он наблюдался как раз в тех республиках [СССР], где занятость женщин в общественном производстве и при том в несельскохозяйственных отраслях особенно высока. И все же меры по активизации демографической политики позволяют объяснить не все факты, относящиеся к последнему подъему показателей рождаемости. В частности, они не объясняют роста показателей у женщин 20–24 лет, который в ряде республик начался в 1978–1979 гг., т.е. до введения указанных мер»¹⁷. Имея доступ к уникальным данным микропереписи 1985 г., Л.Е. Дарский строит специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения для условных поколений и приходит к выводу, что небольшое увеличение вероятности вторых, третьих и четвертых рождений действительно имело место и «повышение показателей строго следовало во времени за мерами помощи семьям, которые вводились на разных территориях в разное время»¹⁸. В то же время, понимая методологическую ущербность оценки эффекта политики, построенную только на анализе рождаемости для условных поколений, в более поздней работе Л.Е. Дарский пишет: «Есть основания предполагать, что некоторая часть увеличения рождаемости есть эффект демографической политики»; однако «окончательное заключение можно будет сделать к концу века, когда возможно будет оценить интервалы между рождениями в реальных поколениях»¹⁹.

К анализу динамики рождаемости для реальных поколений обращаются в работах первой половины 1990-х гг. А.А. Авдеев и С.В. Захаров.

---

¹⁶ Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Указ. соч. С. 76.

¹⁷ Вишневецкий А. Г. Население СССР за 70 лет/ Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. — М.: Наука, 1988. С. 109–110.

¹⁸ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. — М.: Наука, 1993. С. 85.

¹⁹ Darsky L. E. Op. cit. P. 60–61.

А.А. Авдеев в соавторстве с А.Моннье (INED, Франция) оценивали эффект политики с помощью двух подходов²⁰: а) основанном на сравнении кумулятивной рождаемости женских когорт 1950–1960 гг. р. с когортой 1945 г.р., не испытавшей влияния политики по причине достигнутого возраста; б) основанном на сравнении фактической рождаемости когорт с гипотетической рождаемостью, которую можно было бы ожидать, если бы оставались постоянными тенденции изменения возрастных коэффициентов рождаемости для условных поколений, наблюдаемые в 1970–1980-е гг.

При использовании первого подхода кумулятивный эффект политики был оценен для когорты 1950 г.р. в 2,4% от величины итоговой рождаемости когорты 1945 г.р., и в 1,5% для когорты 1955 г.р. А для когорты 1960 г.р. оценить эффект политики, по мнению автора, не представляется возможным в силу мощных сдвигов в сторону омоложения рождаемости, характерных для поколений 1960-х г.р. Второй подход приводит автора к максимально возможной оценке эффекта политики — для различных когорт женщин от 2 до 15% от величины итоговой рождаемости. А.А. Авдеев справедливо замечает, что если бы снижение рождаемости в 1980-х гг. проходило медленнее, чем в 1970-х гг. (а для этой гипотезы имелись все основания, см. выше замечания Л.Е. Дарского и А. Г. Вишневого — С. 3.), то относительная оценка действительного эффекта политики, естественно, будет ниже приведенных значений. Подводя итог своим расчетам, автор пишет: «мы можем сказать, что меры политики не привели к сколько-нибудь значимому изменению рождаемости в сравнении с когортой 1945 г.р. Наблюдаемый рост также в значительной степени был вызван изменениями в репродуктивном поведении в направлении более ранней рождаемости, начавшимися до принятия мер политики. Самое большее, что можно сказать, так это то, что пронаталистская политика приостановила падение, начавшееся в начале 1970-х гг.»²¹.

В своих работах середины 1990-х гг. автор данной статьи, опираясь на результаты, полученные при построении таблиц рождаемости с учетом очередности рождений для условных и реальных поколений (соответственно, на основе расчета вероятностей очередного рождения), по сути, пришел к тем же выводам, что и А.А. Авдеев. «Когортный анализ показывает, что стимулирующее значение мер социально-демографической политики 1980-х гг. в России проявилось двояко. Во-первых, увеличилось итоговое среднее число рождений в когортах, завершающих свою репродуктивную деятельность. Это говорит о том, что часть

²⁰ Avdeev A., Monnier A. Op. cit. P. 26–28.

²¹ Avdeev A., Monnier A. Op. cit. P. 28.

вторых и третьих рождений в отсутствии данной политики вряд ли бы появилась на свет. Во-вторых, резко усилилась тенденция к омоложению рождаемости и уменьшению интервалов между рождениями детей первых трех очередностей. Значительная часть семей в короткий 5–6-летний срок полностью реализовала свои планы относительно желаемого числа детей, да и к тому же в более молодом возрасте, чем предшествующие поколения»²². Тогда же было показано, что политика не приостановила снижения вероятности рождения четвертых и последующих по порядку рождения детей в реальных поколениях²³.

Абсолютно неэффективной политику 1980-х гг. считает социодемограф А.А. Антонов. Более того, он вообще отрицает повышение рождаемости в описываемый период. Однако логика его размышлений не совсем понятна. Мы позволили себе пространное цитирование этого автора, чтобы читатель самостоятельно мог погрузиться в ход его мысли.

«Задача собственно семейной политики — усиление потребности семьи в детях до уровня среднететности — не ставилась и не обсуждалась во властных структурах. Поэтому напрасно было рассматривать эти меры в контексте «стимулирования» рождаемости, однако на это пошли многие ученые и чиновники, когда психотерапевтический эффект принятых мер сработал — из-за более полной реализации потребности в двух детях немного повысились грубые коэффициенты. Однако результаты интенсивно проводившихся тогда исследований репродуктивного поведения подтвердили отсутствие воздействия этих мер на усиление самой потребности в детях. До середины 80-х продолжалось некоторое увеличение общего коэффициента рождаемости в связи с улучшением структуры брачности и пропорций мужского и женского населения. Но в европейской части бывшего СССР, особенно в городах, рождаемость стремительно падала...»²⁴

«Улучшение структуры населения и после 1981 г. улучшение условий реализации имеющейся у населения потребности в основном в двух детях перекрывало действие ничем не тормозимой тенденции к снижению интенсивности рождаемости, т.е. к снижению потребности

---

²² *Zakharov S.V., Ivanova E.I.* Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition// *Russia's Demographic «Crisis»*/ Ed. Julie DaVanzo. — RAND, Santa Monica, 1996. P. 52; *Захаров, С.В.* Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад/Отв. ред. А. Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. — М., 1996. с. 51–52. См. также: *Захаров С.В.* Население России 1999. Седьмой ежегодный доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. — М.: Книжный дом «Университет», 2000. С. 57–60.

²³ *Zakharov S.V., Ivanova E.I.* Op. cit. P. 52, 74–80.

²⁴ *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. — М.: Грааль, 2000. С. 339.

в детях, репродуктивных установок в 80-е годы, за счет чего суммарный коэффициент (подверженный латентному влиянию структуры) в 1987 г. вырос до 2,218, после чего начал снижаться (2,007 в 1989 г.). Если бы не латентное воздействие структуры и тайминга рождений, то эта величина была бы около 1,6, т.е. близкой к тогдашнему уровню репродуктивных установок (1,8–1,9, так как обычно потребность в детях реализуется неполностью)²⁵.

«В 70-е и 80-е годы прежний спонтанный ход событий, не сталкивающийся на своем пути с каким-либо сопротивлением, начинает ослаблять и новую массовую потребность (в двух детях. — С. З.), постепенно увеличивая долю малодетных семей, а в пределах малодетности — семей с одним ребенком. Но этот процесс заглушается компенсаторными колебаниями величин суммарных коэффициентов (1978–1979 гг. — 1,89, 1989 г. — 2,02), которые ни в коем случае нельзя называть «ростом рождаемости»²⁶.

«Меры 1981 г. по облегчению сочетания материнских функций с работой на государственном производстве (неверно именуемые мерами стимулирования рождаемости) не вели к значительному повышению уровня жизни среди тех, кто ими пользовался, т.е. не дали роста УП и УД (согласно автору, УП — уровень притязаний, УД — уровень достижений. — С. З.). Но они... способствовали селективному восприятию условий жизни как скорее благоприятных для реализации имеющейся у населения потребности в детях (во втором ребенке у однодетных, в третьем — у двухдетных и т.д.). Повысилась готовность к рождению наличествующих установок детности, но не сами установки, не потребность в детях. Суммарный коэффициент повысился за счет роста степени реализации репродуктивных установок, которая вовсе не была полной»²⁷.

Итак, согласно А.И. Антонову, реализация установок/потребности в детях в годы действия мер политики увеличилась, однако при этом рождаемость не только не повысилась, но даже чуть ли не стремительно снижалась. Как это возможно теоретически и практически, остается непонятным, если только не поставить знак равенства между рождаемостью и потребностью в детях (или рождаемость в данном контексте надо приравнять к репродуктивным установкам?), но не будет ли это слишком сильным обобщением даже для социодемографа?

²⁵ Антонов А.И. Динамика репродуктивных установок и коэффициентов суммарной рождаемости в 1970–2015 гг. // Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. — М.: Грааль, 2002. С. 38–39.

²⁶ Антонов А.И. Динамика репродуктивных установок и коэффициентов суммарной рождаемости в 1970–2015 гг. С. 40.

²⁷ Там же. С. 48.

В последние годы интерес к оценке эффективности демографической политики 1980-х гг. вновь возрос, что, конечно, обусловлено развернувшейся дискуссией о необходимости активизации демографической политики с целью повышения рождаемости. Публикация данных переписи населения 2002 г. о числе рожденных детей предоставила возможность ряду авторов еще раз убедиться в том, что политика 1980-х гг. привела к слабому увеличению итоговой рождаемости поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг.²⁸ Так, к примеру, В.Н. Архангельский пишет: «Оценивая влияние мер помощи семьям с детьми, реализовавшихся в 1980-е гг., следует отметить, что они повлияли на календарь рождений, привели к более раннему появлению в семьях вторых и третьих детей. Об этом косвенно свидетельствует то, что повышение суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений было несколько большим, чем для реальных. В то же время и в реальных поколениях женщин произошло некоторое повышение рождаемости, связанное, вероятно, с более полной реализацией потребности в детях. В максимальной степени, судя по данным переписи населения 2002 г., оно затронуло поколение женщин 1953–1957 гг. рождения... Можно предположить, что реализация мер помощи семьям с детьми дала прибавку среднего числа рожденных детей в этой когорте, равную 0,1–0,2 детей. Делая такую оценку, видимо, целесообразно сравнивать среднее число рожденных детей в этом поколении не с минимальным, имевшим место в старших когортах (1,807 у родившихся в 1943–1947 гг.; тогда прирост не превышает 0,07), а учитывая тенденцию снижения рождаемости, имевшую место в условных и в реальных поколениях женщин»²⁹. Итак, общий вывод автора практически в точности повторяет выводы, сделанные А.А. Авдеевым и С.В. Захаровым десятилетием раньше. В то же время позволим себе выразить сомнение в том, что прибавку среднего числа рождений в реальных поколениях, которую можно было бы приписать мерам политики 1980-х гг., можно поднять до 0,2 детей в расчете на одну женщину, как это считает В.Н. Архангельский. Вопрос в том, было ли снижение рождаемости в условных и реальных поколениях накануне введения в действия мер политики?

Напомним, что меры семейной политики были введены в действие в ноябре 1981 г. на Дальнем Востоке, в Сибири, Карельской АССР, Коми АССР, в Архангельской, Мурманской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях, а с ноября 1982 г. на всей остальной территории

---

²⁸ См., например: *Елизаров В.В.* Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации. Материалы семинара «Стратегия развития» от 14 ноября 2005 г. — М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2005. С. 29; *Архангельский В.Н.* Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006. С. 34–37.

²⁹ *Архангельский В.Н.* Указ. соч. С. 35.

Таблица 1

Сумма однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по пятилетним возрастным группам в расчете на 1000 женщин и коэффициент суммарной рождаемости (итоговая рождаемость условного поколения) в России, 1975–1987 гг.

Год	15–19 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет	45–49 лет	КСР
1975	177	783	537	299	138	37	3	1,97
1976	183	790	537	280	129	35	3	1,96
1977	187	778	531	270	121	32	3	1,92
1978	194	777	525	264	111	29	2	1,90
1979	201	777	506	253	102	26	2	1,87
1980	205	786	501	252	96	24	2	1,86
1981	202	784	515	262	97	23	2	1,88
1982	204	808	539	280	103	24	2	1,96
1983	216	837	590	311	111	24	2	2,09
1984	226	833	564	298	108	22	1	2,05
1985	232	828	564	296	111	21	1	2,05
1986	237	852	605	329	129	24	1	2,18
1987	252	867	612	338	136	26	1	2,23

Источник: рассчитано автором основе неопубликованных данных РОССТАТа; КСР — коэффициент суммарной рождаемости, число рождений на одну женщину.

РСФСР. В то же время слабое увеличение рождаемости в стране фиксировалось до введения этих мер. Увеличение рождаемости в 1981 г. так интерпретируется В. Н. Архангельским: «Некоторое увеличение числа родившихся уже в 1981 г., вероятно, было также связано с этими мерами помощи. Скорее даже не с реализацией их, а с публикацией Постановления. Впоследствии было дано разъяснение, что большинство этих мер будет вводиться поэтапно в различных частях территории страны, начиная с 1 ноября 1981 г. Казалось бы, в этом случае на показателях рождаемости 1981 г. эти меры сказаться еще не могли. Однако в самом тексте Постановления, опубликованном в I квартале 1981 г., ничего о сроках введения мер сказано не было, и граждане имели все основания полагать, что они начнут реализовываться сразу или почти сразу после публикации Постановления. Вероятнее всего, это и привело к некоторому увеличению числа родившихся уже в 1981 г.»³⁰

Даже если допустить столь массово проявившую себя наивность россиян в 1981 г., то как объяснить, что коэффициент рождаемости начал повышаться по отдельным территориям России с 1980 г.?³¹ Об уве-

³⁰ Архангельский В. Н. Указ. соч. С. 8.

³¹ См., например, Кузьмин А. И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. — Екатеринбург: Наука, 1993. С.54; Архангельский В. Н. Семья и се-

личении накопленного числа рождений в реальных послевоенных поколениях также свидетельствовали соответствующие расчеты³². Данные, приведенные в *табл. 1*, говорят о том, что в России рождаемость у матерей до 20 лет устойчиво увеличивалась в 1970-х гг., в возрастной группе 20—24 лет снижение прекратилось в 1977 г., а в 1980 г. уже имелся прирост рождаемости. В возрастах от 30 до 35 лет практически никакого снижения в 1979 и 1980 гг. не было.

Интересно также, что наиболее высокие темпы прироста рождаемости в 1981—1983 гг. наблюдались как раз на территориях, в которых меры были введены не раньше, чем в других, а позже³³. Не явились ли меры 1981 г. лишь детонатором уже намечавшегося подъема уровня рождаемости? Не будем ставить точку в этом вопросе. Возможно, появятся новые свидетельства, которые позволят наконец-то разобраться в ситуации с рождаемостью накануне начала действия политики. В любом случае, утверждать, что в отсутствии мер семейной политики рождаемость в 1980-х гг. продолжала бы снижаться с сохранением предшествующих темпов в 1970-х гг., нет никаких оснований.

Подведем итоги. Действительно, ведущие специалисты не признают за семейной политикой, проводимой в 1980-х гг., права на то, чтобы считаться демографически эффективной, понимая под эффективной такую политику, которая ведет к значимым сдвигам в репродуктивных установках, к увеличению среднего числа детей в семьях или, точнее, к увеличению среднего числа детей, произведенных на свет одной женщиной в течение ее жизни. Однако невозможно отрицать и тот факт, что политика произвела сильный демографический эффект, выразившийся в первую очередь в непростых для интерпретации изменениях темпов формирования семей у целого ряда поколений, которые были застигнуты внедрением новых мер политики на различных этапах своего жизненного цикла. Рассмотрим этот вопрос в следующих разделах.

Общий тренд изменения рождаемости условных и реальных поколений в России в 1981—1990 гг.

Общее представление о динамике рождаемости в двойной проекции — итоговой рождаемости условных поколений (для календарных

мейная политика в Псковской области/ Под ред. Н.В. Васильевой и В.Н. Архангельского. — Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994. С. 134.

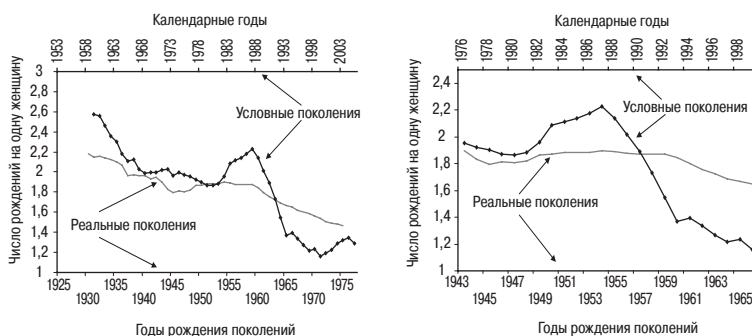
³² Вишневецкий А. Г., Щербов С.Я., Аничкин А. Б. и др. Новейшие тенденции рождаемости в СССР// Социологические исследования. 1988. №3. С. 54—67.

³³ На это указывал, в частности, автор данной статьи в своей кандидатской диссертации, посвященной региональному анализу демографических процессов в России. См.: Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России// Дисс.... канд. эк. наук. — М.: ИСЭПН ГКТ СССР и АН СССР, 1990. С. 156—157.

лет) и итоговой рождаемости для реальных поколений (по году рождения женщины) представлены на рис. 1.

Рисунок 1

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России

Примечание. **Левая панель** — календарные годы 1959–2005, когорты 1930–1975 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 28 лет; **правая панель** — календарные годы 1976–1999, когорты 1943–1966 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 33 года.

Источник (здесь и далее рис. 2–6): расчеты автора с использованием неопубликованных данных Росстата.

Левая панель рисунка отражает общий тренд с 1959 г., правая панель акцентирует внимание на периоде, большую часть которого занимает время действия политики 1980-х гг. Для того чтобы обеспечить возможность сравнения траекторий показателей для условных и реальных поколений на одном рисунке, в международной практике обычно используется технический прием, заключающийся в сдвиге кривых относительно друг друга на величину, близкую к среднему возрасту материнства, чаще всего на 28 лет, как это сделано при построении рисунка на левой панели³⁴. Можно заметить, что при этом не достигается полного совмещения минимумов показателей рождаемости для условных (конец 1970-х гг.) и реальных поколений (женщины, родившиеся в середине 1940-х гг.). Если же применить сдвиг на 26 лет — на фактическую величину среднего возраста материнства для этих же календарных лет и годов рождения женщин, как это предписывает теория, то расхождение минимальных точек только усилится. Совмещение минимумов

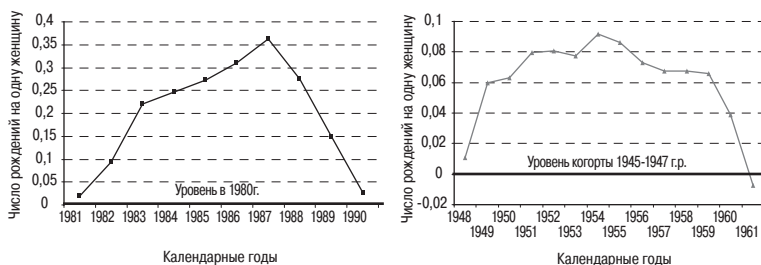
³⁴ В действительности, в России средний возраст материнства снизился с 32 лет у женщин, родившихся в конце XIX века, до 25 лет у женщин, родившихся в конце 1960-х гг., что оправдывает использование усредненного лага в 28 лет при рассмотрении долговременной эволюции рождаемости. См.: Захаров С. В. Возраст матери при рождении ребенка// Демографическая модернизация России, 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006. С. 184–188.

достигается при лаге в 33 года — невероятно высокой величине, чтобы ассоциировать ее со средним возрастом материнства (правая панель *рис. 1*). Это, кстати, хотя и косвенное и не очень сильное, но все же еще одно свидетельство в пользу гипотезы, что рождаемость в реальных поколениях стала подниматься раньше, чем начали действовать меры политики, введенные в начале 1980-х гг. Совместив минимумы двух кривых, мы тем самым закрываем на время тему о тенденциях рождаемости накануне вступления в действие новой политики, считая для простоты анализа, что весь прирост в показателях итоговой рождаемости есть эффект инновационных мер семейной политики.

Правая панель *рис. 1* дает четкое представление о том, насколько по-разному в интересующий нас исторический период выглядело изменение рождаемости в условных и реальных поколениях: резкий подъем конъюнктурных показателей (для календарных лет) весьма далек от едва заметного повышения итоговой рождаемости реальных поколений. Абсолютные отклонения значений показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений от минимальных значений показаны на *рис. 2*. Максимальный эффект политики по показателю рождаемости для условных поколений выразился в величине 0,36 рождений в расчете на одну женщину (2,23 в 1987 г. против 1,87 в 1980 г.), а по показателю рождаемости для реальных поколений — 0,09 рождений на одну женщину (1,90 для когорты 1954 г.р. против 1,81 в среднем для когорт 1945–1947 г.р.).

Рисунок 2

Абсолютный прирост показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений, вызванный мерами политики в 1980-х гг. в России

Примечание. Левая панель — превышение значений показателя для условных поколений в указанных календарных годах по сравнению с минимальным значением в 1980 г.; *правая панель* — превышение значений показателя для реальных поколений указанных годов рождения по сравнению с минимальным значением для женщин 1945–1947 г.р.

Оценка эффекта политики, выраженного в дополнительном числе рождений, приведена в *табл. 2 и 3*.

Если исходить из предположения, что возрастные коэффициенты рождаемости не менялись в 1981–1990 гг., оставаясь такими же, как в

1980 г., то мы приходим к оценке эффекта политики в 2 млн 280 тыс. дополнительных рождений, что составляет 9,8% от фактического суммарного числа рождений за период 1981–1990 гг. (табл. 2). Однако означает ли это, что политика предоставила возможность дать жизнь дополнительно более чем 2 млн российских граждан? Утвердительный ответ на этот вопрос будет методологически неверным. То, что в указанный фиксированный период родилось больше детей, чем можно было ожидать, еще не означает, что все эти дети вообще бы не родились, если бы не проводилась специфическая политика.

Таблица 2

**Оценка дополнительного числа рождений, полученного в 1981–1990 гг.
в результате действия мер семейной политики**

Фактическое число рождений за 1981–1990 гг., тыс.	23 312
Гипотетическое число рождений при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 1980 г., тыс.	21 032
Разница (условный эффект политики), тыс.	2280
В % от фактического числа	9,8
В % от гипотетического числа	10,8

Как будет показано ниже, в ответ на предложенные меры социальной политики целый ряд поколений дружно сдвинул сроки рождений детей в сторону более молодого возраста, к тому же сократив интервалы между первыми и вторыми, вторыми и третьими рождениями. В результате была достигнута избыточно высокая концентрация рождений на коротком промежутке календарного времени. Вслед за необычно быстрым исчерпанием потенциала — числа женщин, имевших намерение родить ребенка (детей) и реализовавших его в более ранние сроки, — неизбежно должен следовать резкий провал годовых показателей рождаемости, с чем Россия и столкнулась в 1988–1993 гг.

И все-таки какой-то части семей идея обзавестись ребенком пришла на ум только после того, как государством были предложены специфические меры новой семейной политики. Если бы это было не так, мы, вероятнее всего, не наблюдали бы отмеченного выше повышения рождаемости в реальных поколениях (напоминаем, что здесь и далее для простоты интерпретации результатов мы исходим из того, что тенденция к росту рождаемости в реальных поколениях к началу политики отсутствовала). Попробуем оценить дополнительное число рождений, простимулированное политикой. Для этого произведем расчет общего числа рождений, которые дали поколения с более высоким показателем итоговой рождаемости (женщины, родившиеся в 1948–1960 гг.) по сравнению с поколениями 1945–1947 г.р., и далее сравним это фактическое число с гипотетическим числом рождений, которое можно

было бы ожидать, если бы для тех же поколений итоговый показатель рождаемости сохранился на минимальном уровне когорт 1945–1947 г.р. Результаты расчетов представлены в *табл. 3*. Фактическое суммарное число рождений у поколений 1948–1960 гг.р. за весь репродуктивный период (т. е. к возрасту 50 лет для каждого поколения) составило 29 млн 180 тыс., а гипотетическое — 28 млн 136 тыс. Соответственно, **эффект политики можно оценить в размере 1 млн 44 тыс. дополнительных рождений, или в 3,6%** от фактического числа рождений.

Таблица 3

Оценка прироста числа рождений в женских поколениях 1948–1960 гг. рождения, полученного в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений у поколений 1948–1960 гг.р. за весь репродуктивный период, тыс.	29 180
Гипотетическое число рождений при сохранении показателя итоговой рождаемости на уровне поколений 1945–1947 гг.р., тыс.	28 136
Разница (условный эффект политики), тыс.	1044
В % от фактического числа	3,6
В % от гипотетического числа	3,7

Различие в числах рождений, приведенных в *табл. 2 и 3*, не должно смущать. Во-первых, репродуктивная деятельность анализируемых поколений не ограничивается только тем периодом, в котором активно действовала политика, так как часть рождений у поколений 1948–1960 гг.р. была произведена до 1981 г., а часть — после 1990 г., и, во-вторых, в формировании общего числа рождений в 1981–1990 гг. участвовали не только указанные поколения женщин. Вклад женщин, родившихся в 1948–1960 гг., составил 72,6% от общего числа рождений в 1981 г., а затем, снижаясь, достиг 48,7% в 1985 г. и 22,4% в 1990 г. Иными словами, поколения с повышенной рождаемостью вносили решающий вклад в годовые числа родившихся именно в первые годы после старта политики.

Итак, если конечная демографическая цель политики сводится к приумножению численности граждан, то при оценке эффекта, произведенного политикой на рождаемость, мы должны исходить не из того, насколько больше детей родилось в том или ином году (или за период в несколько лет после введения инновационных мер политики), а насколько больше детей в итоге было рождено реальными поколениями родителей, оказавшихся в активных репродуктивных возрастах в период действия политики. При таком подходе о высокой демографической эффективности мер политики 1980-х гг. говорить не приходится: дополнительный относительный прирост рождений, вызванный политикой, составил, по нашей оценке, менее 4%. Важен и другой вывод: мы еще

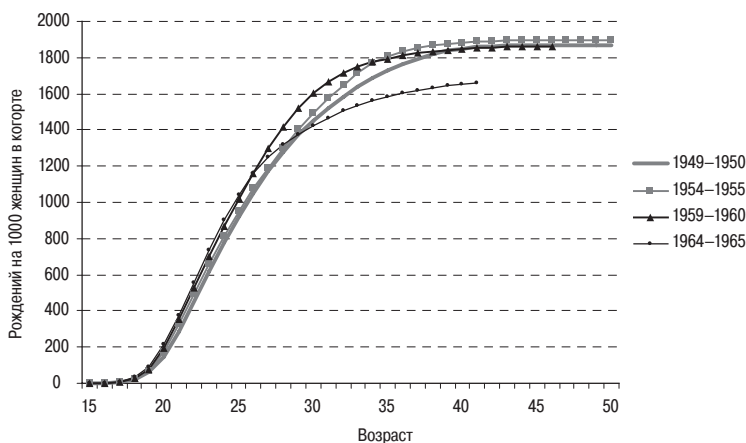
раз подтверждаем, что подавляющая часть выдающегося прироста рождений в 1980-х гг. объясняется не тем, что значительная часть семей решила обзавестись еще одним ребенком, а тем, что значительная часть из них сделала это существенно раньше — в более молодом возрасте и с меньшим интервалом после предыдущего рождения, чем предшествующие и последующие поколения. Проиллюстрируем это ниже.

Изменения итоговой рождаемости в трех проекциях: возраст, когорта по году рождения, календарный год

Рассмотрим, как менялась с возрастом накопленная рождаемость в реальных поколениях — основных творцах «бэби бума» 1980-х гг. На *рис. 3* демонстрируется функция кумулятивной рождаемости в последовательности когорт женщин 1949—1965 гг.р. Финальный итог к возрасту 50 лет у когорт 1949—1959 гг.р. примерно один и тот же: 1,86—1,89 рождений в расчете на одну женщину. В то же время заметно, как каждое последующее поколение, включая женщин 1960-х гг. рождения, все более значительную часть своих рождений относилло на более ранний возраст.

Рисунок 3

**Кумулятивная возрастная функция рождаемости женских поколений
1949—1965 г.р. в России, на 1000 женщин в когорте**

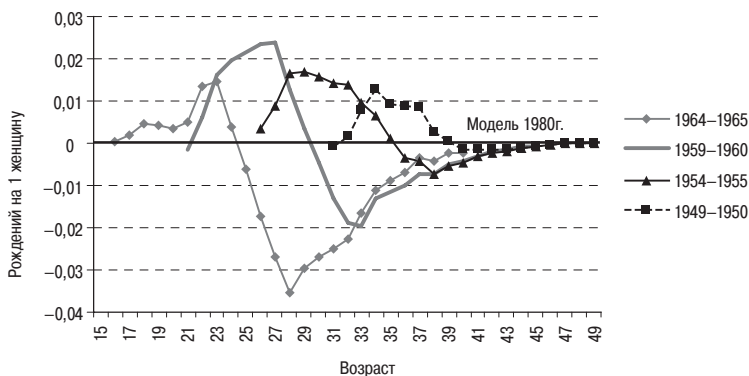
Источник: см. рис. 1.

Чтобы увидеть трансформацию возрастной функции рождаемости, произошедшую под влиянием политики, возьмем в качестве базы сравнения возрастные коэффициенты рождаемости за 1980 г., полагая, что данная возрастная кривая сформировалась в результате естественной эволюции и не несет на себе следов целенаправленного внешнего воздействия. Рассмотрим, насколько сильно отклоняются от нее воз-

растные профили рождаемости тех же поколений, что представлены на рис. 3. На рис. 4. показан результат такого сравнения для каждой когорты, начиная с того возраста, в котором составляющие их люди находились в момент введения в действие мер семейной политики. Заметим, что функция рождаемости поколений 1950-х гг.р. на участках возрастов, предшествовавших началу введения мер политики, слабо отличается от модельной кривой 1980 г., взятой за базу сравнения, и потому в этой ее части (до действия политики) не представлена в целях наглядности.

Рисунок 4

Абсолютные отклонения возрастных коэффициентов рождаемости женских поколений 1949–1965 г.р. от возрастных коэффициентов, наблюдавшихся в 1980 г. и взятых в качестве базы сравнения, в России, рождений в расчете на одну женщину

Источник: см. рис. 1.

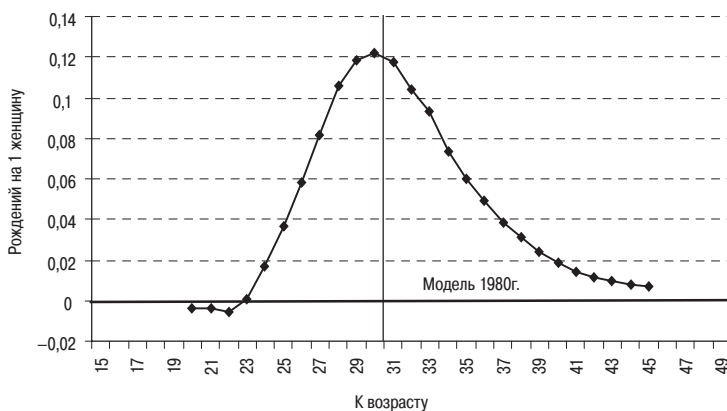
Очевидно, что мы имеем дело с тремя типами реакции на меры семейной политики. Для поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг., характерен чистый прирост итоговой рождаемости за счет того, что примерно от 5 до 10 женщин из 100 в данной когорте приняли решение о рождении ребенка (или еще одного ребенка) в зрелом 30-летнем возрасте. В отсутствие политики эти дети едва ли появились бы на свет. Для женщин, находящихся в старших возрастах, возможности для маневра со сроками рождения детей весьма ограничены и сводятся к выбору: «либо рожать сейчас, либо никогда».

Поведение поколений второй половины 1950-х — начала 1960-х гг., находившихся в 20-летнем возрасте к моменту вступления в силу мер политики, тяготеет к простому изменению календаря рождений: чем больше женщин родили еще одного ребенка немедленно (в молодом возрасте), тем больше не стали рожать позже (в старшем возрасте). В результате общая величина итоговой рождаемости этих поколений слабо отличается от ожидаемой по модели 1980 г., а отклонение фактического возрастного

профиля рождаемости от модельного можно изобразить в виде синусоиды. Наглядное представление об изменении репродуктивного поведения этих поколений под влиянием политики мы получаем, рассмотрев пример когорты 1959–1960 гг.р. (рис. 5). Отклонение накопленной к возрасту итоговой рождаемости данной когорты от ожидаемой по модели для условного поколения 1980 г. выглядит куполообразно: к 30-летнему возрасту график формирования итоговой рождаемости рассматриваемой когорты опережал в среднем ожидаемый график на 0,12 рождений, а после 32-летнего возраста темпы увеличения итоговой рождаемости плавно тормозятся, и к концу репродуктивного периода когорты приходит с результатом, который и ожидался по модели 1980 г. (к возрасту 50 лет отклонение фактической итоговой рождаемости от ожидаемой равно 0). Перед нами классический пример чистого календарного эффекта, вызванного внешним воздействием.

Рисунок 5

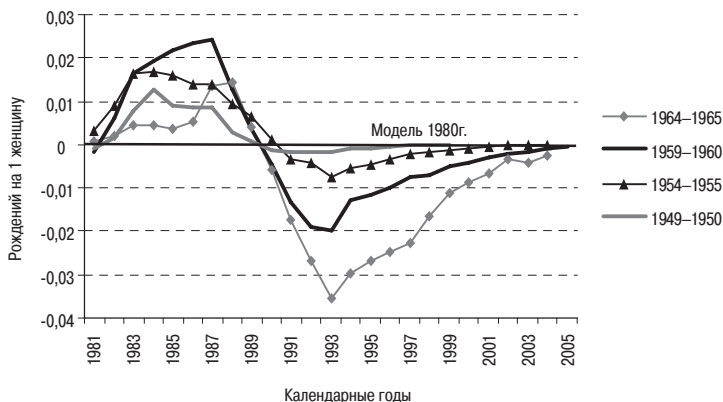
Сравнение итоговой рождаемости когорты женщин 1959–1960 г.р. и итоговой рождаемости условного поколения 1980 г. в России, рождения в расчете на одну женщину — накопленным итогом к указанному возрасту

Источник: см. рис. 1.

Наконец, поколения самых молодых женщин, родившиеся в середине 1960-х гг. и позднее, начинали свою семейную биографию как раз в период внедрения новых мер семейной политики. Для них характерен очень мощный старт, или, иначе, очень раннее родительство. Темпы формирования семей к 25 годам для них вполне сопоставимы с теми, которые были распространены в аграрной России конца XIX в. Зато рождаемость в средних репродуктивных возрастах глубоко провалена, в результате чего репродуктивный итог их деятельности оказывается ниже, чем у предшествующих поколений — 1,67 рождений на одну женщину, что на 0,2 рождений меньше и по сравнению с реальными поколениями 1950-х гг. р.,

Абсолютные отклонения коэффициентов рождаемости реальных поколений в 1981–2005 гг. от соответствующих возрастных коэффициентов, которые можно было бы ожидать, исходя из данных графика рождаемости условного поколения 1980 г.

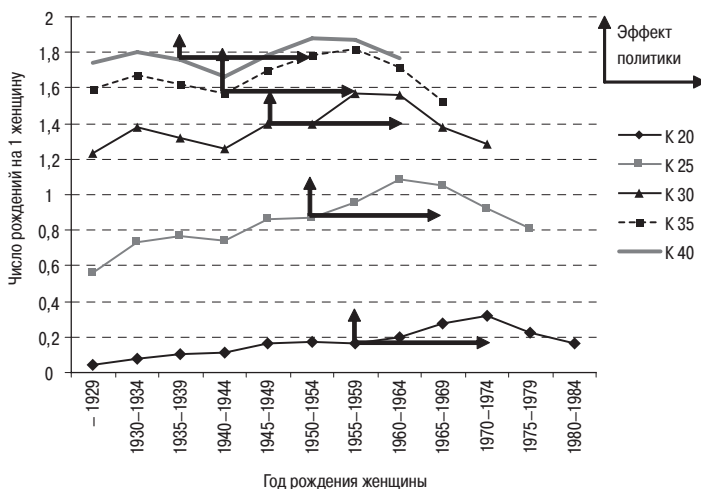

Источник: см. рис. 1.

и по сравнению с условным поколением 1980 г. р., взятым в качестве модели. Безусловно, пониженная рождаемость у когорты середины 1960-х г.р. в возрастах от 25 до 35 лет в первую очередь есть следствие изменившейся социальной реальности в начале 1990-х гг. (снижение уровня жизни, неустойчивость социального положения, неопределенность будущего и т.п.). С другой стороны, не нужно преувеличивать роль социально-экономического кризиса, о чем свидетельствует рис. 6, на котором те же отклонения возрастных коэффициентов от соответствующих коэффициентов по модели 1980 г., проецируются не на ось возраста, а на ось календарного времени. Отвесное падение интенсивности деторождения у когорты 1964–1965 г.р. началось уже в 1989 г., т.е. до наступления политического и социально-экономического кризиса, и с одинаковым темпом, т.е. без какого-либо ускорения, продолжалось до 1992 г. включительно.

Этот же вывод — о несводимости объяснения падения рождаемости в начале 1990-х гг. к кризисному состоянию в обществе — с еще большей уверенностью можно сформулировать по отношению к когортам 1950-х гг.р. Когорты женщин первой половины 1950-х гг. начинают торможение темпов формирования семей уже в середине 1980-х гг., а когорта 1959–1960 гг. — в 1988 г., и никаких особенных ускорений снижения рождаемости, которые можно было бы ассоциировать с трудностями первой половины 1990-х гг., не наблюдается. В быстром снижении конъюнктурных показателей рождаемости в 1987–1993 гг. решающая роль принадлежит механизму чисто демографического свойства — компенсаторная расплата за избыточно

Итоговая рождаемость поколений накопленным итогом к указанным возрастам в России, рождений на одну женщину

Источник (здесь и далее для рис. 8–24): расчеты автора на основе данных РИДМиЖ–2004.

высокие темпы формирования семей у поколений, находившихся в молодом возрасте в первой половине 1980-х. Если социальная норма детности и репродуктивные установки на число детей на массовом уровне не меняются, то последствия сдвига календаря рождений так и должны были выглядеть. Вполне обоснованно можно полагать, что, если бы даже социально-экономическая ситуация в стране в 1990-х гг. была более стабильной, мы едва ли могли ожидать от поколений 1950-х гг.р. существенно более значимый результат репродуктивной деятельности.

Ниже приведены результаты, полученные в ходе разработки данных обследования РИДМиЖ, которые не дают оснований для каких-либо иных выводов, противоречащих полученным ранее с использованием макродемографических данных, что естественно и лишним раз подтверждает действительную репрезентативность выборочного обследования. Так, данные, приведенные на рис. 7 и 8, еще раз свидетельствуют о том, что политика усилила уже имевшуюся до этого сильную тенденцию к все более раннему обзаведению потомством и, вполне возможно, тенденцию к некоторому росту итоговой рождаемости реальных поколений, особенно по сравнению с когортами 1940–1944 г.р.³⁵ Данные

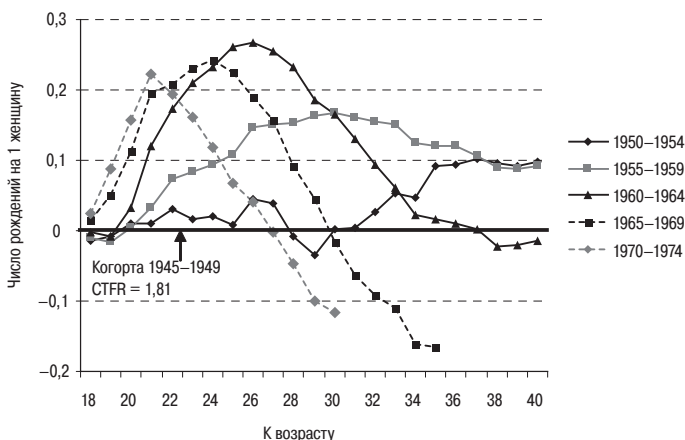
³⁵ В литературе имеются свидетельства того, что поколения, родившиеся в годы войны, обладая изначально ослабленным здоровьем, демонстрируют повышенную смертность, а также пониженную брачность и пониженную рождаемость. Данные РИДМиЖ это подтверждают.

РидМиЖ–2004 подтвердили и общий демографический результат политики — прирост итоговой рождаемости не более 0,1 рождений в расчете на одну женщину в поколениях 1950-х г.р.

Важно отметить, что тенденция все более раннего обзаведения потомством продолжалась в России вплоть до середины 1990-х гг. Не исключено, что таким образом сказался эффект от продления частично оплачиваемых отпусков до 1,5 лет в 1989 г., отпусков по беременности и родам в 1990 г. Так, поколения 1970–1974 гг. к возрасту 26 лет все еще опережали график рождаемости поколений 1945–1949 гг.р. (рис. 8). Перелом наступает только начиная с поколений женщин, родившихся во второй половине 1970-х гг. Ускоренные темпы формирования семей в эти годы как-то не очень вяжутся с распространенными представлениями о негативной роли для рождаемости так называемой шоковой терапии при переходе к рыночной экономике. Видимо, взаимосвязь между демографической и экономической реальностью носит куда более сложный характер, чем представляется на первый взгляд.

Рисунок 8

Сравнение итоговой рождаемости поколений 1950–1974 гг.р. с итоговой рождаемостью поколений 1945–1949 гг.р. в России: накопленным итогом к указанным возрастам, рождений на одну женщину

Источник: см. рис. 7.

Изменения вероятностей увеличения семьи: насколько увеличилось число женщин с двумя и тремя детьми?

Известно, что в XX в. в России, в отличие от других развитых стран, добровольная бездетность не получила значимого распространения. Согласно переписи населения 2002 г., среди завершивших свою репродуктивную деятельность (в возрастах 40–55 лет) доля ни разу не рожавших

женщин составила около 6%, в том числе среди замужних — 3%³⁶. Такой уровень соответствует оценкам окончательной бездетности для второй половины XIX в.³⁷ Известно также, что в послевоенный период, после того как многие семьи оправилась от нарушений в их структуре, инфертильность российских поколений снижалась³⁸. Одновременно доля женщин, родивших одного и двух детей, повышалась, а доля родивших трех и более детей сокращалась³⁹. Посмотрим, как на этом фоне развивались события в годы активизации семейной политики. Для этого вначале воспользуемся такой характеристикой, как вероятность увеличения семьи⁴⁰, оцененной по данным РИДМиЖ–2004 для реальных поколений, а затем реконструируем распределение женщин по числу рожденных детей.

Динамика вероятности рождения первого ребенка представлена на левой панели *рис. 9*. Эффект политики 1980-х гг. выразился главным образом в резком усилении тенденции к обзаведению детьми в особо раннем возрасте. Эта тенденция, как уже говорилось выше, наблюдалась во всех послевоенных поколениях. Однако стимулирующие меры политики довели до 30% долю женщин, имевших не менее одного рождения к 20 годам (рост вероятности рождения первенца — почти в 1,5 раза!). К 25 годам доля рожавших женщин также слегка увеличилась, достигнув 76%, однако, учитывая предшествующий тренд, мы видим, что прирост за счет собственно мер политики составил не более 5 процентов, к возрасту 30 лет — еще меньше. Окончательная же бездетность (к возрасту 50 лет) если и снизилась, то статистически незначимо.

Вероятность второго рождения под влиянием политики также резко увеличилась, в первую очередь в младших репродуктивных возрастах (правая панель *рис. 9*). В поколениях первой половины 1960-х гг. р. к 25 годам 40% женщин из числа родивших первого ребенка уже обзавелись вторым ребенком (в поколениях первой половины 1950-х гг. р. — 25%). К 30-летнему возрасту накопленная доля женщин с двумя рождениями в поколениях 1955–1964 гг. р. поднялась до 63% (в поколениях первой

³⁶ Рассчитано на основе: Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. Т. 12. С. 6–7, 180–181.

³⁷ Захаров С. В. Очередность рождения // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. — М.: Новое издательство, 2006. С. 178.

³⁸ Исходя из текущих тенденций рождаемости, можно ожидать, что у поколений 1970-х г. р. доля ни разу не рожавших женщин повысится до 10%. Данные обследования РИДМиЖ позволяют сделать те же выводы. Правда, среди опрошенных женщин 20–29 лет доля тех, кто не собирается иметь ни одного ребенка, составляет 5%, что пока не дает оснований для утверждения, что в российском населении установка на *добровольную* бездетность получает статистически значимое распространение.

³⁹ Захаров С. В. Очередность рождения. С. 178.

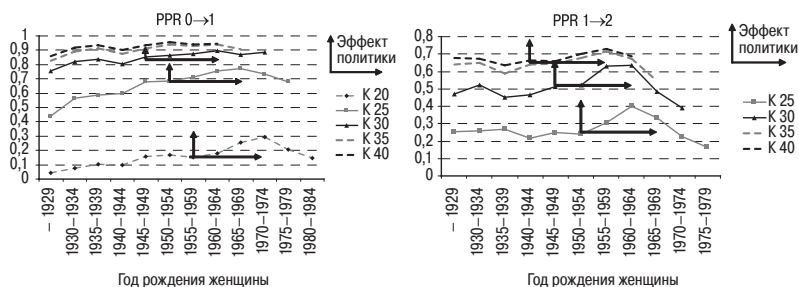
⁴⁰ Вероятность увеличения семьи (вероятность очередного рождения) рассчитывается как доля женщин, родивших очередного ребенка, от числа женщин, родивших на одного ребенка меньше.

половины 1950-х гг. — 52%). Однако прирост итоговой вероятности второго рождения к концу репродуктивного периода (к 40 годам и старше), который можно приписать мерам политики, составил для разных поколений 5–7 процентных пунктов.

Увеличение вероятности третьего рождения также имело место. Однако коснулось оно в основном только тех поколений, которые во время введения действия мер либо находились в возрастах старше 30 лет (поколения 1945–1954 гг.р.), либо успели перешагнуть тридцатилетний возрастной барьер до 1990 г. Прирост вероятности третьего рождения под воздействием политики едва ли был выше 2–3 процентных пунктов. Так, среди женщин 1950–1954 гг.р. доля тех, кто, имея двоих детей, решился на третье рождение, составила 28%, что примерно соответствует показателям для женщин 1930-х гг.р.

Рисунок 9

Вероятность рождения первого (левая панель) и второго (правая панель) ребенка в реальных поколениях, накопленным итогом к указанным возрастам

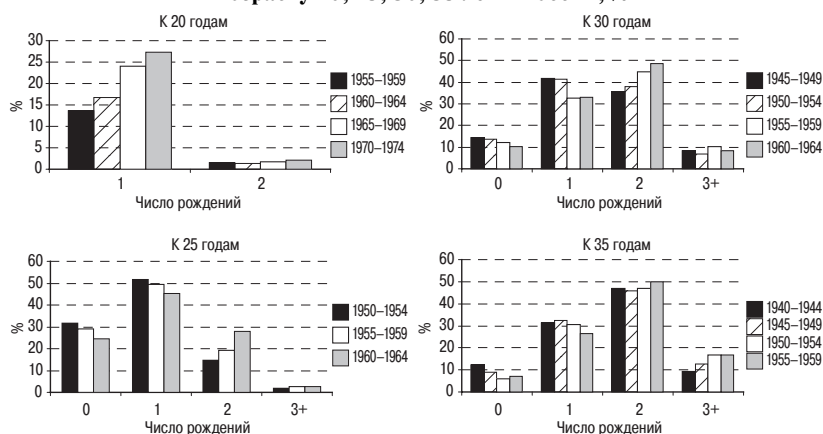
Источник: см. рис. 7.

С помощью несложных преобразований от вероятностей увеличения семьи легко перейти к распределениям женщин по числу рожденных детей к тому или иному возрасту. На рис. 10–11 показано, как по мере увеличения возраста меняются распределения по числу рожденных детей в реальных поколениях. На каждом рисунке первый столбик (черного цвета) относится к той женской когорте, с которой надо сравнивать последующие когорты. Для каждого возраста база сравнения меняется, поскольку для получения эффекта политики нужно отделить когорты, репродуктивная карьера которых проходила под влиянием политики, от тех, для которых к тому же возрасту часть репродуктивной деятельности прошла до введения в действия мер политики. Так, для женщин, достигших 20-летнего возраста, ближайшей референтной когортой будут женщины 1955–1959 гг.р., самые младшие из которых достигли своего двадцатилетия к 1980 г. Для достигших 25-летнего возраста референтной когортой становятся женщины 1950–1954 гг.р. и т.д. Результаты такого сравнения для каждой очередности рождения сведены в табл. 4–6.

Рисунок 10

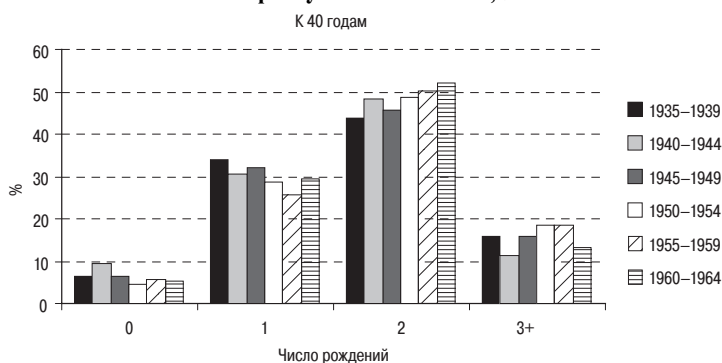
Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 20, 25, 30, 35 лет в России, %

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 11

Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 40 лет в России, %

Источник: см. рис. 7.

Подведем промежуточные итоги. Новая семейная политика, безусловно, вызвала усиление позиций двухдетной семьи в качестве идеальной модели. В женских поколениях 1955–1964 гг.р., находившихся в активных детородных возрастах в период действия мер политики, доля двухдетных женщин повысилась на 6–8 процентных пункта при примерно таком же снижении доли однодетных. Доля бездетных женщин едва ли сократилась сколько-нибудь существенным образом. Популярность семей с тремя детьми не возросла, и фактический прирост доли семей с тремя и более детьми оказался едва статистически различимым.

Суммарная доля женщин, в связи с мерами политики изменивших свой статус по числу рожденных детей в большую сторону, может быть оценена примерно в 10%.

Таблица 4

Распределение женщин к возрасту 25 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытавших и испытавших воздействие политики в 1981–1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1950–1954, %	Когорта 1955–1959, %	±	Когорта 1960–1964, %	±
0	32	29	–3	24	–8
1	52	49	–3	45	–7
2	14	19	+5	28	+14
3+	2	3	+1	3	+1
Среднее число рождений	0,87	0,96	+0,09	1,08	+0,21

Таблица 5

Распределение женщин к возрасту 30 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытавших и испытавших воздействие политики в 1981–1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1945–1949, %	Когорта 1955–1959, %	±	Когорта 1960–1964, %	±
0	14	12	–2	10	–4
1	42	32	–10	33	–9
2	36	45	+9	48	+12
3+	8	10	+2	8	0
Среднее число рождений	1,40	1,56	+0,16	1,56	+0,16

Таблица 6

Распределение женщин к возрасту 40 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытавших и испытавших воздействие политики в 1981–1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1935–1939, %	Когорта 1955–1959, %	±	Когорта 1960–1964, %	±
0	6	6	0	5	–1
1	34	26	–8	30	–4
2	44	50	+6	52	+8
3+	16	18	+2	13	–3
Среднее число рождений	1,76	1,87	+0,11	1,77	+0,01

Оценка сокращения временных интервалов между рождением детей у матери

Наряду со средним возрастом матери при рождении детей важнейшей характеристикой темпа формирования семей является средний интервал времени, отделяющий каждое очередное рождение от предыдущего. Однако на основе данных официальной статистики вычислить эту характеристику нельзя, поскольку при регистрации очередного рождения не спрашивается дата предыдущего рождения. Всеобщие переписи населения России также не содержали в своих программах вопроса о датах рождения детей респондента. На основе регулярной официальной статистики можно получить лишь грубое приближение оценки средних интервалов как разницу в средних возрастах матерей при рождении каждого из детей. Методологически выверенные оценки средних интервалов в нашей стране можно было получить только по результатам выборочных обследований. Обследование РидМиЖ–2004 явилось первым после долгого перерыва национальным репрезентативным обследованием, на базе которого можно корректно проанализировать динамику средних интервалов между рождениями.

Оценки среднего интервала между первым и вторым рождением у матери по году рождения первенца с 1950 по 1993 гг., полученные по результатам обследования, представлены на *рис. 12*. Они убедительно доказывают, что имелось значительное падение этой величины под влиянием политики 1980-х гг. Женщины, родившие первого ребенка в первые годы действия политики (к середине 1980-х гг.), сократили интервал между родами на более значительно — более чем на 2 года, по сравнению с теми, кто родил первенца в середине 1970-х гг. (с 5,5–6 до менее 4 лет)⁴¹. Если половина всех женщин, родивших первого ребенка в 1973–1975 гг., решила на второго ребенка спустя 5 лет после рождения первого, то для 34% женщин, родивших первого ребенка в 1984–1986 гг., интервал между первым и вторым рождением составил не более 2 лет, для 50% женщин — чуть более 3 лет, а в интервал до 5 лет уложилось 80% всех повторно рождающих женщин! Легко предположить, что значительная часть женщин, совсем не выходя на работу или выйдя на короткий срок, фактически продлевала материнский отпуск по уходу за первым ребенком в связи с рождением второго. Однако столь мощное ускорение темпов увеличения семьи оказалось кратковременным

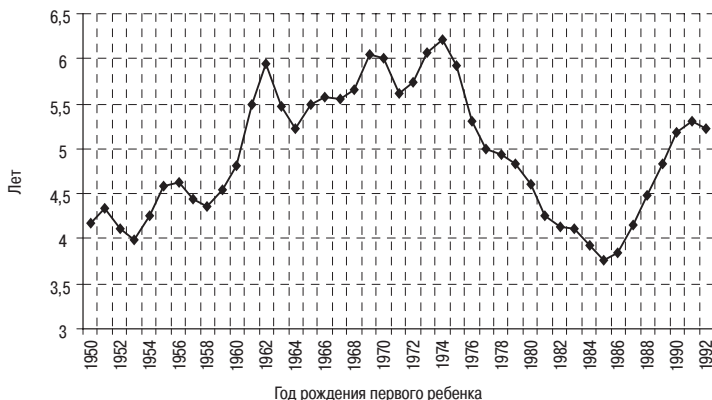
---

⁴¹ Оценки, сделанные нами более десяти лет назад с использованием годовых данных текущего учета рождений и разностного метода для средних возрастов матери при рождении первого и второго ребенка, также показывали снижение среднего интервала в годы политики (См.: *Захаров С. В.* Население России 1994. Второй ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Евразия, 1994. С. 65). Однако падение получалось менее выраженным, чем полученное теперь по результатам прямого счета на основе обследования РидМиЖ–2004, что целиком объясняется грубостью разностного метода при его применении к данным для условных поколений, на что, в частности, указывал Л. Е. Дарский в выше цитированной работе.

явлением. Уже для матерей, давших жизнь первенцу в начале 1990-х гг., распределение по величине интервала между первым и вторым рождением практически вернулось к прежнему виду (рис. 13).

Рисунок 12

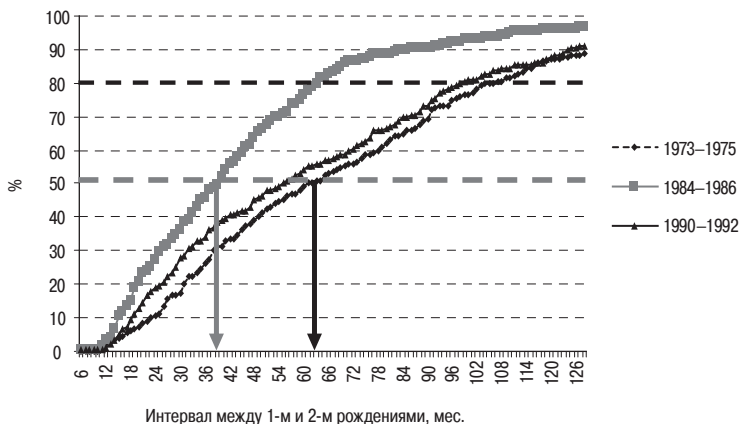
Средний интервал между первым и вторым рождением у матери в зависимости от года рождения первого ребенка (3-летняя скользящая средняя), лет

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 13

Кумулятивная функция распределения интервалов между первым и вторым рождением у матери, родившей первого ребенка в 1973–1975, 1984–1986 и 1990–1992 гг., %

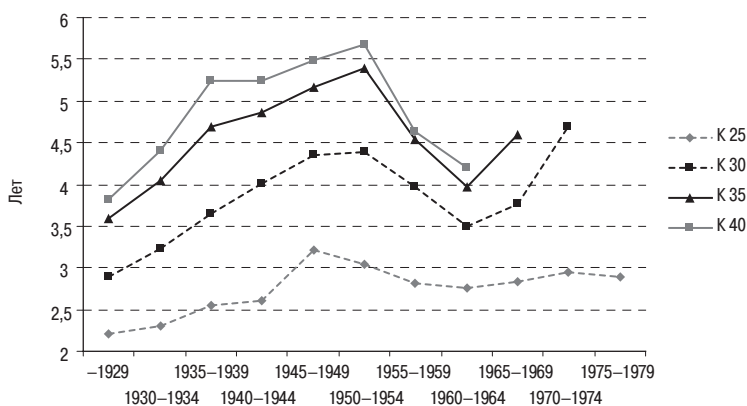
Источник: см. рис. 7.

Вывод о сильном влиянии политики на величину интервала не меняется, если перейти от представления динамики средних интервалов по календарным годам рождений детей к представлению этой динамики

для реальных поколений женщин по году их рождения. Поколения женщин, родившиеся в 1955–1964 гг., демонстрируют резкое сжатие интервала времени между первым и вторым рождением. Для матерей, родивших второго ребенка к 30 годам, сокращение среднего интервала между первым и вторым рождением составило 1 год, для родивших второго ребенка к 35 годам — 1,5 года (рис. 14).

Рисунок 14

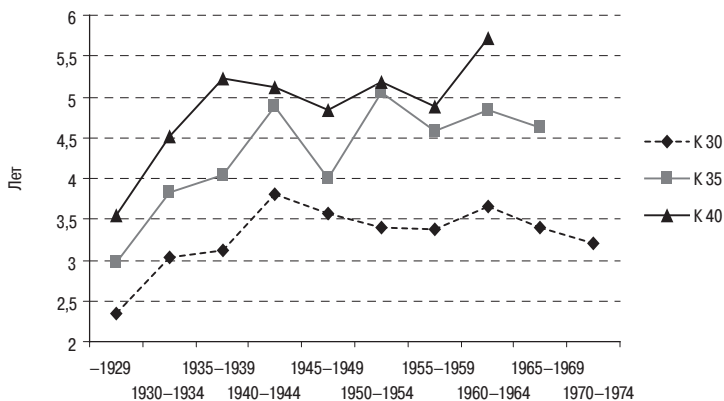
Средний интервал времени между первым и вторым рождением у матери в реальных поколениях, родивших второго ребенка к указанным возрастам

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 15

Средний интервал времени между вторым и третьим рождением у матери в реальных поколениях, родивших третьего ребенка к указанным возрастам

Источник: см. рис. 7.

Средний интервал между вторым и третьим рождением, видимо, также снизился, но не столь очевидно, как интервал между первым и вторым рож-

дением. Заметное уменьшение средних интервалов между вторыми и третьими детьми в семьях проявилось только в когортах женщин 1945–1949 гг.р., находившихся к началу политики в возрастах старше 30 лет (рис. 15).

Итак, под влиянием политики 1980-х гг. календарные сдвиги в рождаемости проявились не только в том, что женщины произвели на свет своих первых и вторых детей в более молодом возрасте, чем можно было бы ожидать в отсутствие этой политики, но и в том, что вторые дети были рождены с существенно меньшим промежутком времени после рождения первенца.

Изменения вероятности рождения очередного ребенка в зависимости от типа поселения и уровня образования

Известно, что этническая принадлежность, тип поселения и уровень образования — основные социальные дифференцы уровня рождаемости. Выборочная совокупность РидМиЖ–2004 не позволяет получить оценки вероятностей увеличения семьи для отдельных этнических групп, поскольку, кроме русских, остальные представленные в выборке народности слишком малочисленны⁴². Что же касается типа поселения и уровня образования, то результаты, полученные нами на основе данных обследования, впервые позволяют судить о различном эффекте политики 1980-х гг. в разных социальных слоях. Следует, правда, оговориться, что вопросник GGS предусматривал фиксацию места проживания и достигнутого образовательного уровня только в момент опроса, и, соответственно, ретроспективной информацией (данными характеристиками для респондентов в момент рождения ими детей) мы не располагаем. В то же время погрешности, которые возникают в связи с этим, едва ли существенным образом могут сказаться на выводах.

Рис. 16–18 дают представление о том, как различалась кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам) первого, второго и третьего ребенка соответственно в зависимости от когорты по году рождения женщины и типу поселения: а) областные центры (включая Москву и Санкт-Петербург); б) прочие города; в) поселки городского типа и сельские населенные пункты.

Основные выводы, относительно реакции рождаемости на меры политики в различных типах поселений сводятся к следующему:

- до введения в действие новых мер семейной политики не только более высокая, но и более ранняя рождаемость была свойственна сельским жителям;

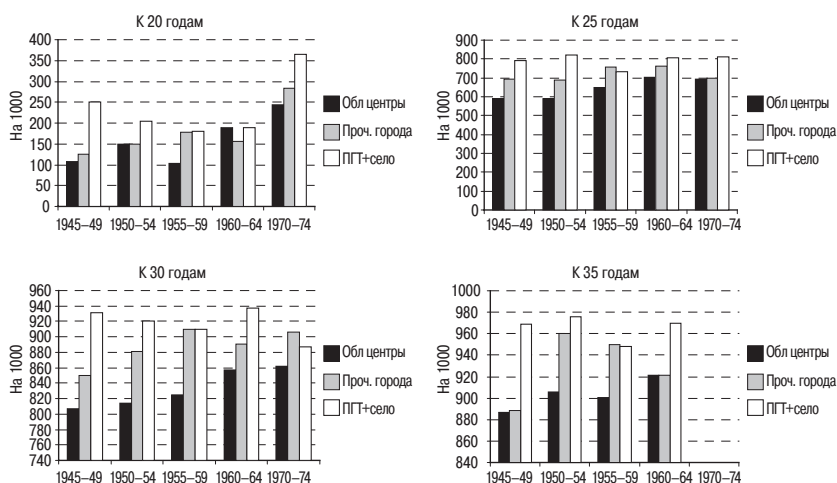
---

⁴² Обследование РидМиЖ–2004 репрезентативно на национальном уровне. В то же время оно не претендует на то, чтобы быть представительным на региональном уровне (в том числе и для каждого из 32 субъектов федерации, в которых проходил опрос). Соответственно, речь не может идти и о репрезентативности на межэтническом уровне.

- под воздействием мер политики темпы увеличения размеров семей в молодом возрасте (до 25 лет) в городах и сельской местности практически сравнялись, преимущественно за счет резкого повышения темпов рождения детей первых трех очередностей в городах;
- итоговая вероятность рождения первого, второго и третьего ребенка в сельской местности практически не изменилась, а в городах шансы иметь первого и второго ребенка заметно повысились;
- прирост вероятности третьего рождения диагностируется только у женщин 1950-х г.р., проживающих в областных центрах.

Рисунок 16

Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 ни разу не рожавших женщин

Источник: см. рис. 7.

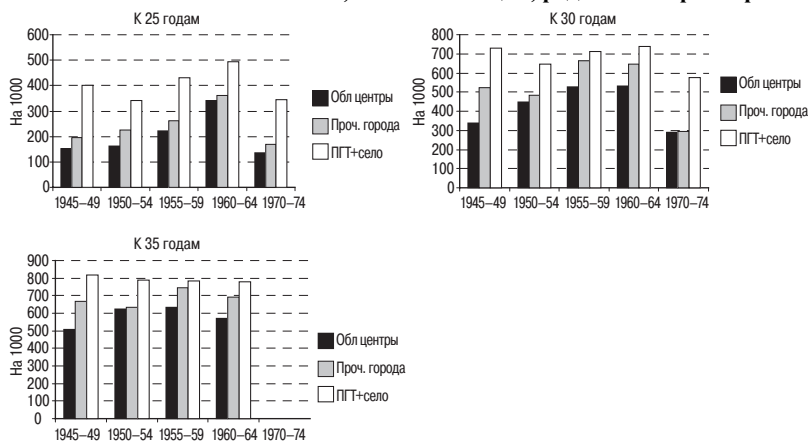
На рис. 19–21 демонстрируется кумулятивная вероятность рождения (к фиксированным возрастам) первого, второго и третьего ребенка соответственно в зависимости от когорты по году рождения женщины и имеющегося у респондентов уровня образования: а) низкое — не выше начального профессионального (включающего все уровни школьного образования и закончивших ПТУ); б) высокое — среднее полное профессиональное уровня техникума и более высокие уровни образования.

Основные выводы, относительно реакции рождаемости на меры политики у лиц с различным уровнем образования сводятся к следующему:

- до введения в действие новых мер семейной политики уровень рождаемости и темпы увеличения семьи в зависимости от уровня образования матерей различались хорошо известным образом:

Рисунок 17

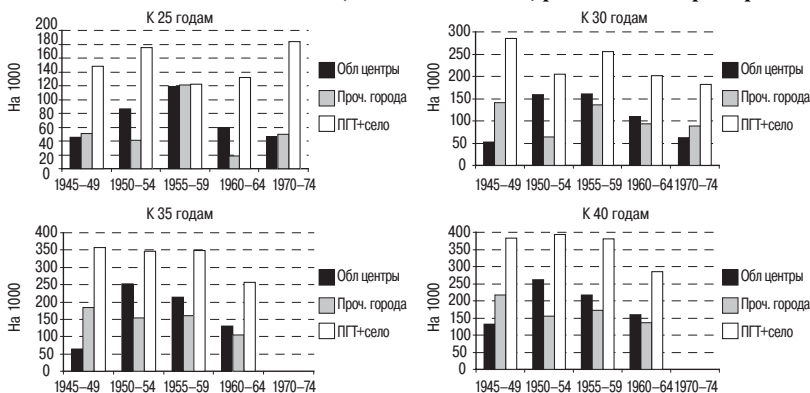
Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 18

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

Источник: см. рис. 7.

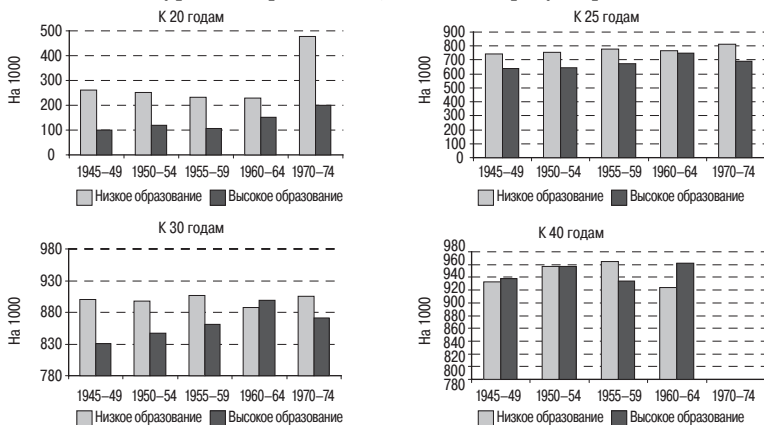
более раннее обзаведение потомством и более высокая итоговая рождаемость были характерны для лиц с невысоким образовательным цензом;

- под воздействием мер политики вероятность рождения первого ребенка у менее образованных женщин (с уровнем образования не выше ПТУ) не изменилась, если не считать резкого скачка вероятности иметь первого ребенка (и последующих детей) до 20 лет у когорты 1970–1974 гг.р.;

Рисунок 19

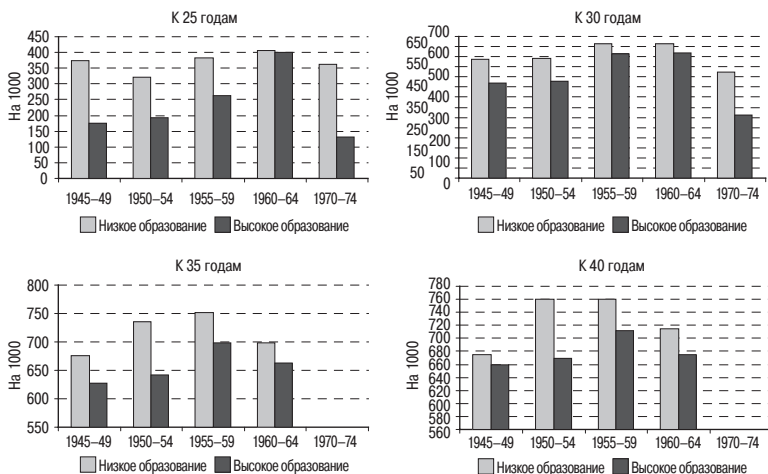
Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 ни разу не рожавших женщин

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 20

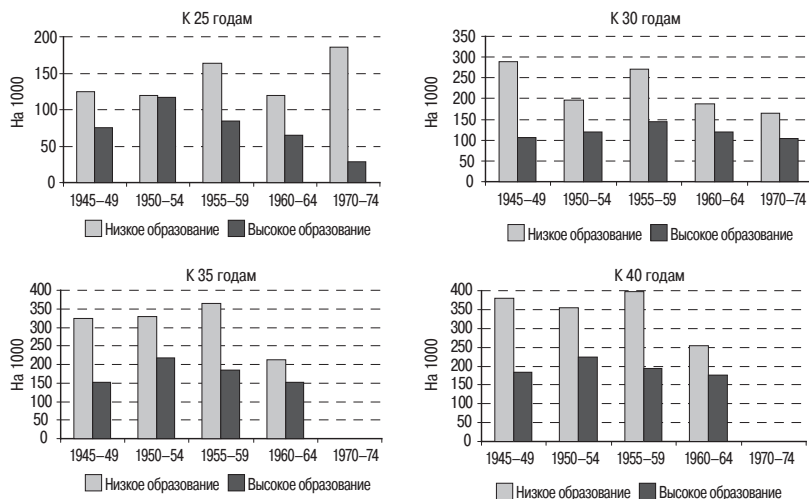
Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

Источник: см. рис. 7.

- темпы формирования итоговой рождаемости у женщин с высоким уровнем образования (среднее профессиональное образование и выше), напротив, в молодом возрасте возросли очень сильно: вероятность рождения первого и второго ребенка к возрасту 25 лет у более образованных женщин сравнялась

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

Источник: см. рис. 7.

с вероятностью рождения детей у менее образованных или даже превысила ее;

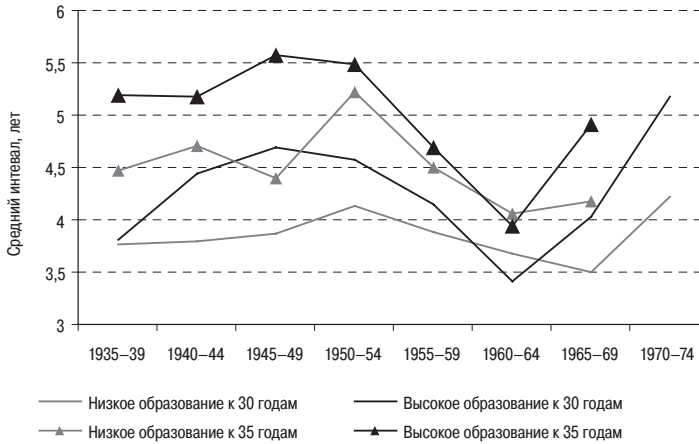
- итоговая вероятность рождения третьего ребенка практически не изменилась ни у менее образованных, ни у более образованных женщин, однако у менее образованных третий ребенок появился на свет в среднем в более раннем возрасте, чем до вступления в силу новых мер семейной политики.

Итак, семейная политика 1980-х гг. вызвала сближение средних возрастов матери при рождении детей первых двух очередностей у лиц с различным образовательным уровнем за счет временного омоложения материнства в социальных группах с высоким образовательным цензом. У женщин с высоким уровнем образования с опережением уменьшался не только возраст рождения детей, но и средний интервал между рождениями первого и второго ребенка, в результате чего различия по величине интервала в зависимости от уровня образования также временно исчезли (рис. 22). Более того, доля женщин, родивших второго ребенка с уменьшенным промежутком времени между родами (менее 3 и менее 2 лет), среди женщин с высоким образовательным уровнем подскочила настолько резко, что, к примеру, для когорт 1960–1964 гг. р. даже превысила значения этого показателя для менее образованных женщин!

Для иллюстрации произведенного политикой эффекта на величину интервала между родами приведем следующие данные (рис. 23, 24). Доля

Рисунок 22

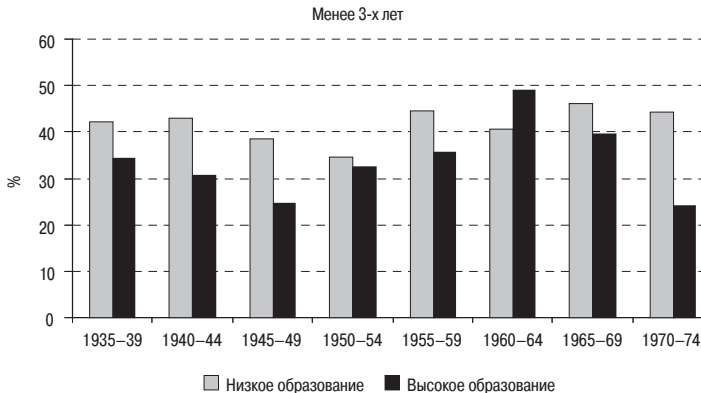
Средний интервал между рождением первого и второго ребенка в реальных поколениях в зависимости от уровня образования (возраст матери при рождении второго ребенка до 30 и до 35 лет)

Источник: см. рис. 7.

Рисунок 23

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 3 лет после рождения первого в реальных поколениях

Источник: см. рис. 7.

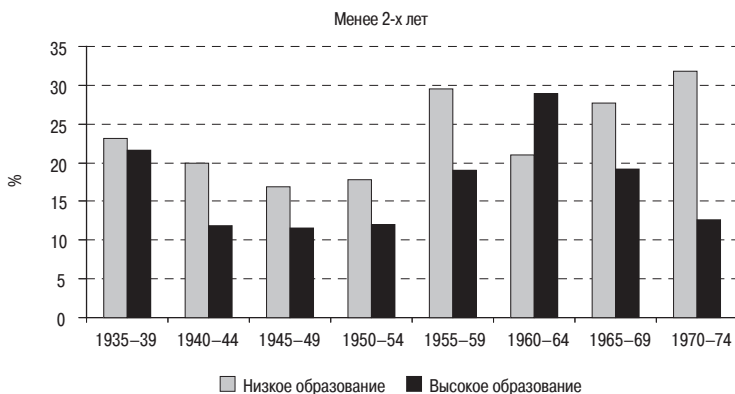
женщин 1945–1949 гг.р. с высоким образовательным уровнем, родивших второго ребенка в возрасте до 30 лет с интервалом после первых родов менее 3 лет, составила 25%, с интервалом менее 2 лет — 12%. Для тех же когорт, но с низким образовательным уровнем интервал менее 3 лет был характерен для 38%, менее 2 лет — для 17% женщин. В когортах 1960–1964 гг.р. доля женщин

с высоким образовательным уровнем, родивших второго ребенка до 30 лет с интервалом менее 3 лет составила 49%, с интервалом менее 2 лет — 29%. Среди менее образованных женщин сокращение интервалов между родами затянулось на несколько лет дольше. В когортах 1965—1969 гг.р. доля женщин, родивших второго ребенка менее чем через 3 года после первого, составила 46%, а родивших с интервалом менее 2 лет — 28%.

После выраженного скачка в темпах увеличения семьи, характерного для поколений 1955—1964 гг.р., в последующих поколениях лица с высоким образованием не менее резко начали эти темпы замедлять, и уже когорты 1970—1974 гг.р. продемонстрировали те же интервалы между первыми и вторыми рождениями, что и когорты второй половины 1940-х гг. У женщин с низким образовательным уровнем замедление темпов увеличения семьи началось позже.

Рисунок 24

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 2 лет после рождения первого, в реальных поколениях

Источник: см. рис. 7.

Общие выводы и дискуссионные вопросы

С точки зрения общего повышения рождаемости, эффект семейной политики 1981—1990 гг. можно оценить как *очень скромный положительный* (т. е. едва отличающийся от нуля со знаком плюс). Возможно, для женских когорт 1955—1965 гг.р. эффект мог бы быть и более существенным, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х гг. Прирост итоговой рождаемости реальных поколений мог бы составить, по нашей оценке, не 0,1, а максимум 0,15 рождений на одну женщину. На бóльший количественный эффект едва ли можно было рассчитывать.

Главный эффект новых мер семейной политики выразился не столько в повышении итоговой рождаемости, или, иначе, в повышении числа детей в семье, сколько во временной и мощной дестабилизации возрастной функции рождаемости и календаря рождений у реальных поколений — снижении возраста материнства, сокращении интервалов между рождениями. Наблюдавшийся и до политики тренд к омоложению рождаемости значительно усилился. Доля женщин с двумя детьми, особенно в молодом возрасте (до 25 лет), повысилась очень значительно. Эти временные сдвиги и вызвали значительный рост конъюнктурных показателей рождаемости, в том числе и коэффициента суммарной рождаемости в 1982–1987 гг. В результате к началу рыночных реформ необычно высокая доля женщин была обременена маленькими детьми и находилась в отпусках по уходу за ними. Как это сказалось на адаптации населения к изменившейся социально-экономической реальности в период перехода к рыночной экономике — вопрос для дискуссии.

Политика повлияла на изменение календаря рождений в первую очередь у жительниц городов и женщин с высоким образовательным статусом. По темпам формирования итоговой рождаемости жители городов временно стали напоминать жителей села, а лица с высоким образовательным статусом — лиц с низким образованием. Характер изменения календаря рождений и социальный состав продемонстрировавших эти изменения подтверждают, что наиболее значимыми для семей инновационными инструментами политики были увеличение отпуска по беременности и родам и учреждение не известных ранее в нашей стране отпусков по уходу за ребенком (до 1,5, а затем и до 3 лет, в том числе частично оплачиваемого до 1 года, а затем до 1,5 лет). Именно городские квалифицированные работники — женщины, работающие в режиме полной занятости, впервые в советской истории получили возможность отвлечься от трудовой деятельности на несколько лет для выполнения материнских функций с минимальным риском потери рабочего места и без последствий для будущей пенсии. Женщины-учащиеся получили возможность оформлять отпуска по уходу за ребенком с частичной оплатой вместо неоплачиваемого академического отпуска.

Отпусками по уходу за ребенком воспользовалось подавляющее большинство матерей. Причем значительная часть молодых бездетных женщин не только незамедлительно реализовала свои права, произведя на свет первого ребенка, но и с минимальной отсрочкой поспешила обзавестись вторым ребенком. В результате более одной трети всех женщин вновь беременели в период отпуска по уходу за первым ребенком и рожали второго, на законных условиях продлевая отпуск по уходу за маленькими детьми. Последствия от столь коротких интервалов для

здоровья матери и детей — вопрос для изучения⁴³. Следует, правда, заметить, что столь значительное сокращение первого интергенетического интервала (интервала между первым и вторым рождением) едва ли стало возможным, если бы оно не отвечало действующим в те годы идеальным представлениям о том, как должен быть устроен жизненный цикл женщины. Так, обследование, проведенное в 1983–1985 гг. в Москве, Саратове и Уфе, показало, что идеальный интергенетический интервал, по мнению опрошенных женщин, должен составлять 3–3,5 года⁴⁴. Как было показано выше, эта идеальная величина была фактически достигнута на среднем уровне после ее снижения в 1980-х гг. Нельзя не прийти к выводу, что политика образца 1980-х гг. полностью отвечала господствующей в те годы идеальной модели раннего начала и быстрого завершения формирования семьи на уровне двухдетности.

Вероятность появления в семье третьего ребенка увеличилась едва заметным образом в когортах 1950-х гг.р., преимущественно у жительниц областных центров. Можно предположить, что за этим скрывается коррекция жилищной политики по отношению к многодетным семьям, произведенная в рамках той же политики 1980-х гг. К многодетным семьям, пользовавшимся преимуществом в очереди предоставляемого жилья, в соответствии с решением городских властей стали относить семьи с тремя детьми. Однако эта гипотеза еще требует специальной проверки, как и обнаруженный нами факт, что, согласно данным обследования РИДМиЖ–2004, вероятность третьего рождения в городах была значимо выше у недавних мигрантов.

Перепись 2002 г. и данные выборочного обследования РИДМиЖ–2004 убедительно показывают прекращение роста и даже снижение распространенности высшего образования в женских когортах, испытавших на массовом уровне раннее материнство в 1980-х гг. Какой направленности эта взаимосвязь — вопрос дискуссионный, но ассоциация очевидна, поскольку завершение образования, поиск первой работы и рождение детей — по сути конкурентные во времени события. Известный демограф и публицист В.В. Переведенцев, много писавший о проблемах молодежи, неоднократно повторял: «Разумеется, можно одновременно работать и учиться, это многие и делают. Но очень

---

⁴³ Стоит напомнить, что Всемирная конференция по народонаселению 1984 г. (Мехико) признала, что наибольший риск для здоровья матери и ребенка представляют следующие ситуации: рождение ребенка матерью, не достигшей 18 лет, рождение первого ребенка матерью старше 35 лет, рождение более 4 детей, рождение детей с интервалом менее двух лет.

⁴⁴ *Бабин Е. Б.* Контрацептивное поведение супругов в городских семьях // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Рук. авт. коллектива А.И. Антонов. — М.: Мысль, 1986. С. 147–148.

трудно одновременно с этим рожать и воспитывать детей»⁴⁵. В 1970-е и 1980-е гг. молодые девушки делали выбор в пользу раннего брака и раннего материнства, тем более что государственная политика тех лет была направлена на усиление притока молодежи в сферу начального профессионального образования и ограничение доступности высшего образования⁴⁶. Что определяло такой выбор: улучшение условий для столь желанной самореализации молодой женщины в роли жены и матери или очевидная узость каналов социальной мобильности для молодежи, характерная для позднего советского периода? Исследования того времени свидетельствуют, что действовали оба фактора, и, скорее всего, в сложной взаимосвязи на индивидуальном уровне принятия решений. В любом случае эта тема чрезвычайно важна для дальнейших исследований, особенно в контексте современных реалий.

В заключение нельзя еще раз не напомнить о главном отрицательном последствии возникновения структурных эффектов в рождаемости, вызванных мерами семейной политики в 1980-е гг. Вследствие неизбежного компенсаторного падения годовых показателей рождаемости в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Россия слишком резко вошла в полосу отрицательного естественного прироста⁴⁷. Психологический шок от размеров естественной убыли населения оказался настолько сильным, что вызвал неадекватную реакцию у политиков, не сильно разбирающихся в тонкостях демографии. Последним из пяти пунктов обвинения президента Ельцина в ходе неудавшегося импичмента значился «геноцид российского народа», важнейшим доказательством

⁴⁵ *Переведенцев В. И.* Школа и молодая семья. — М.: Знание, 1982. С.93.

⁴⁶ Четко артикулируемая политика ограничения доступности высшего профессионального образования в СССР лишь отчасти была связана с многочисленностью молодежных когорт во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. при фиксированном числе учебных мест. Главными мотивами торможения роста образования выступали соображения, вытекающие из специфики отраслевой структуры советской экономики. Результатом политики было двукратное сокращение доли выпускников школ, ориентированных на поступление в вузы. Эту тему в связи с динамикой возраста вступления в брак я специально затрагиваю в другой статье. См.: *Захаров С. В.* Модель брачных отношений в России// Отечественные записки. 2006. №6. В печати; сокращенный вариант статьи в электронном виде см.: *Захаров С. В.* Брачность в России: история и современность// Демоскоп-Weekly. №261–262. 16–29 октября 2006 (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>).

⁴⁷ Ситуация была усугублена и последствиями антиалкогольной кампании. Календарные сдвиги в возрастном распределении смертей в середине 1980-х гг. оказались не менее мощными, чем в распределении рождений. Компенсаторный вал отложенных смертей обрушился на Россию в те же годы, что компенсаторное падение рождений. Подробнее см.: *Захаров С. В.* Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИНП РАН/Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: «Книжный дом Университет», 1999. С. 44–45; *Захаров С. В.* Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти)// Проблемы прогнозирования. 1999. №2. С. 114–131.

которого и была естественная убыль населения⁴⁸. Переход к негативной динамике численности населения был неизбежен при любом социально-экономическом и политическом раскладе, поскольку был заложен предшествующей долговременной эволюцией рождаемости. Задолго до его фактического наступления он прогнозировался и официальными статистическими органами, и отдельными специалистами. В то же время, если бы не было искусственного «бэби бума» в первой половине 1980-х гг., естественная убыль населения в первой половине 1990-х гг. могла быть существенно меньшей. Соответственно, сокращение численности населения началось бы на несколько лет позже и в начальной фазе происходило бы более умеренными темпами. Более того, нынешняя возрастная структура населения характеризовалась бы меньшей волнообразностью, и мы бы с меньшим ужасом ожидали наступления после 2010 г. десятилетия катастрофического уменьшения численности населения трудоспособного возраста.

Справка об основных действующих и вновь введенных мерах семейной политики в 1980-х гг.

Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР №235 от 22.01.1981 базовые инновационные меры семейной политики вводились в действие поэтапно: с ноября 1981 г. в Сибири и на Дальнем Востоке, а также на территориях европейского Севера, с ноября 1982 г. — на остальной территории России. Отпуск по беременности и родам с сохранением полной оплаты труда был увеличен с 77 до 112 дней (затем до 126 дней в 1990 г.). Отпуск по уходу за ребенком для женщин, имеющих опыт работы, был установлен длительностью: а) 12 мес. (с 1989 г. — 18 мес.) с сохранением полной оплаты труда в случае тяжелой болезни ребенка; б) той же длительности в общем случае с оплатой в размере 35 руб. (50 руб. в Сибири, на Дальнем Востоке и европейском Севере), что соответствовало примерно 20% от средней зарплаты в то время; в) неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет (с 1989 г. до 3 лет). Женщинам с двумя и более детьми были предоставлены дополнительный 3-дневный отпуск, право на отпуск в удобное время, дополнительный отпуск сроком в 2 недели без сохранения зарплаты. В 1989–1990 гг. отпуска по уходу за ребенком при необходимости стали предлагаться для отцов, прародителей и даже более отдаленных родственников. Кроме того, родителю, осуществляющему уход за ребенком, было гарантировано право на неполную занятость или надомный труд. Женщинам с детьми до 14 лет

---

⁴⁸ См.: О государственном геноциде в России. Материалы Круглого стола «Кризис нации» при Председателях Комитетов по обороне и безопасности Государственной Думы Российской Федерации. — М., 1998.

все предприятия и учреждения должны были обеспечить по выбору возможность работать полный или неполный рабочий день, в том числе с гибким часовым или недельным графиком. Одиноким матери получили право на социальные алименты в размере 20 руб. на каждого ребенка до 16 лет, если местонахождение отца ребенка неизвестно, если отец ребенка не получает стабильного дохода или его доход недостаточен для обеспечения всех обязательных платежей.

В соответствии с Постановлением №235 предприятиям и колхозам разрешалось выдавать беспроцентную ссуду в размере 1500 руб. сроком на восемь лет одному из супругов до 30 лет с одним ребенком, причем рождение второго погашало 200 руб., а третьего — 300 руб. из этой ссуды.

Кроме того, в этот период продолжали действовать: а) введенное в 1974 г. пособие для малообеспеченных семей на каждого ребенка до 8 лет в размере 12 руб. в месяц (примерно 6–7% от средней зарплаты в середине 1980-х гг.) при условии, что доход на одного члена семьи не превышает 50 руб. (барьер бедности составлял примерно 25% от средней зарплаты в те годы); б) увеличенное в 1974 г. пособие одинокой матери в размере 20 руб. в месяц и продленное в 1981 г. до исполнения ребенку 16 лет; в) пособие на детей в возрасте 1–5 лет многодетным матерям, действовавшее в неизменном виде с 1944 г. (отменены в 1990 г.): на 4-го ребенка — 4 руб., на 5-го ребенка — 6 руб., на 6-го ребенка — 7 руб., на 7-го, 8-го и 9-го ребенка — 9 руб., на 10-го ребенка — 12 руб., на 11-го и последующих детей — 15 руб.; г) единовременное пособие при рождении ребенка, увеличенное в 1981 г.: на 1-го ребенка — 50 руб., 2-го ребенка — 100 руб., 3-го ребенка — 100 руб., 4-го ребенка — 65 руб., 5-го ребенка — 85 руб., 6-го ребенка — 100 руб., 7-го и 8-го ребенка — 125 руб., 9-го ребенка — 175 руб., 10-го ребенка — 200 руб., 11-го и последующих детей — 250 руб. (пособия на 1-го, 2-го и 3-го детей были введены в действие в 1981–1982 гг., а на 4-го и последующих действовали в неизменном виде с 1944 г.); д) специальный налог, введенный еще во время войны (1941 г.) на бездетных неженатых мужчин и незамужних женщин в размере 6%, женатых мужчин с одним ребенком — 1%, женатых мужчин с двумя детьми — 0,5%. Согласно официальной версии, средства, аккумулированные с помощью данного налога, использовались прямо на выплату пособий одиноким матерям и многодетным семьям; е) в 1983–1984 гг. был снижен подоходный налог на 30% с имеющих на иждивении 4 и более человек; ж) снижение платы в детских дошкольных учреждениях с родителей 4 и более детей на 50% и бесплатное содержание в них детей из семей с ежемесячным душевым доходом, не превышающим 60 руб. в месяц.

Наконец, политика 1981 г. предусматривала целый ряд льгот специальной социальной категории «многодетная мать», которая стала

присваиваться матерям с тремя детьми (ранее нужно было иметь не менее 4 живых детей). Удостоверение многодетной матери давало целый ряд преимуществ: снижало срок получения жилья, облегчало доступ к дефицитным товарам длительного пользования, сокращало время стояния в очередях в магазинах, что было принципиально важно в условиях тотального дефицита товаров повседневного спроса и т.п. Кроме того, для матерей, которые вырастили не менее 5 детей до 8-летнего возраста, предполагалось снижение пенсионного возраста.

В апреле 1990 г. была произведена ревизия всей системы финансовой помощи семьям. Размеры пособий стали привязываться через различные коэффициенты к официально устанавливаемой минимальной заработной плате. Так, пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет устанавливалось в размере одной минимальной заработной платы (70 руб.) в случае, если женщина работала перед рождением ребенка, и в размере 0,5 минимальной заработной платы в случае, если мать не работала.

В августе 1990 г. было произведено еще одно усовершенствование системы. Так, были отменены ежемесячные пособия многодетным матерям. Вместо этого вводилось единое семейное пособие на детей в возрасте от 1,5 до 6 лет в размере 0,5 минимальной заработной платы, если душевой доход семьи не превышал 2 минимальные заработные платы, что означало фактическое увеличение финансовой поддержки семей со многими детьми, поскольку, за редким исключением, все семьи с большим числом детей удовлетворяли критерию данного порога бедности.

Литература

1. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л.* Население Советского Союза: 1922–1991. — М.: Наука, 1993.
2. *Антонов А.И., Сорокин С.А.* Судьба семьи в России XXI века. — М.: Грааль, 2000.
3. *Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н.* Демографические процессы в России XXI века. — М.: Грааль, 2002.
4. *Архангельский В.Н.* Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006.
5. [*Архангельский В.Н.*] Семья и семейная политика в Псковской области/ Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.
6. *Бабин Е. Б.* Контрацептивное поведение супругов в городских семьях.// Детность семьи: вчера, сегодня, завтра/ Рук. авт. Кол. А.И. Антонов. — М.: Мысль, 1986.
7. *Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е.* Современные проблемы и перспективы рождаемости// Методология демографического прогноза/Отв. ред. А. Г. Волков. — М.: Наука, 1988. С. 41–77.
8. *Блом А.* Родиться, жить и умереть в СССР/Пер. с франц. М.: Новое издательство, 2005.

9. *Борисов В.А., Киселева Г.П., Лукашук Ю.М. и др.* Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР. — М.: Наука, 1987.
10. *Борисов В.А., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. НИИ Семьи Минсоцзащиты России. — М., 1996.
11. *Вишневский А.Г., Тольц М.С.* Эволюция брачности и рождаемости в советский период// Население СССР за 70 лет/ Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. — М.: Наука, 1988. С. 75–114.
12. *Вишневский А.Г., Шербов С.Я., Аничкин А.Б. и др.* Новейшие тенденции рождаемости в СССР// Социологические исследования. 1988. №3. С. 54–67.
13. Демографическая модернизация России. 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006
14. *Елизаров В.В.* Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации. Материалы семинара «Стратегия развития». 14 ноября 2005 г. — М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2005. С. 10–43.
15. *Захаров С.В.* Брачность в России: история и современность// Демоскоп-Weekly. №261–262. 16–29 октября 2006 (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>).
16. *Захаров С.В.* Возрастная модель брака в России// Отечественные записки. 2006. №4 (31). С. 271–300. (б)
17. [Захаров С.В.] Очередность рождения// Демографическая модернизация России, 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (в)
18. [Захаров С.В.] Возраст матери при рождении ребенка// Демографическая модернизация России, 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (г)
19. *Захарова О.Д.* Эволюция рождаемости в России в XX веке. — М.: ИСПИ РАН, 1993.
20. *Захарова О.Д.* Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики)/ Под ред. Г.И. Кареловой, Л.Е. Рыбаковского. — М.: Издательство Центра социального прогнозирования, 2001.
21. *Киселева Г.П.* Демографическая политика в СССР// Демографическая политика в современном мире/ Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Наука, 1989. С. 5–19.
22. *Клутт М.А.* О статистической оценке влияния демографической политики на рождаемость// Воспроизводство населения и демографическая политика/ Отв. ред. П.П. Звидриньш. — Рига, 1988. С. 51–58.
23. *Клутт М.А.* Экономическое измерение демографической динамики. — Л.: Издательство ЛГУ, 1990.
24. *Кузьмин А.И.* Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. — Екатеринбург: Наука, 1993.
25. Население России 1994. Второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. — М.: Изд-во «Евразия», 1994.
26. Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад./ Отв. ред. А. Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. — М., 1996.
27. Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИНП РАН/ Отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: «Книжный дом Университет», 1999.

28. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневецкий. ЦДЭЧ ИНП РАН. — М.: Книжный дом «Университет», 2000.
29. Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 12 / Федер. служба гос. статистики. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.
30. Семья и семейная политика в Псковской области/ Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. — Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.
31. Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: Рождаемость и ее регулирование. — М.: Мысль, 1991.
32. *Avdeev A., Monnier A.* A Survey of Modern Russian Fertility// Population. An English Selection. 1995. Vol. 7. P. 1–38 (Оригинальная версия была опубликована на французском языке, см.: Population. 1994. Vol. 4–5).
33. *Darsky L.E.* Quantum and Timing of Births in the USSR// Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991/ Ed. W.Lutz, S.Scherbov, A.Volkov. — L. — NY: Routledge-IIASA, 1994. P. 57–69.
34. *Zakharov S.V., Ivanova E.I.* Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition// Russia's Demographic «Crisis». Ed. Julie DaVanzo. — RAND, Santa Monica, 1996. P. 36–82.

Корчагина И. И.,
Прокофьева Л. М.

Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых¹

Кардинальные изменения в основах функционирования экономики и социальной сферы, произошедшие в последние пятнадцать лет, повлияли на характер социальных ожиданий населения и уровень предъявляемых государству претензий в сфере поддержки детей и престарелых. Даже в эпоху государственного патернализма советского типа роль государства не была всеобъемлющей — всегда оставались области, где семья и межсемейная поддержка превалировали, как в уходе за детьми, так и в уходе за престарелыми, не способными себя обслуживать. Смещение оценок и предпочтений в ту или иную сторону связано не только с качеством существующей системы социальной защиты и социального обслуживания детей и престарелых, но и с культурно-исторической спецификой конкретного региона и даже традициями семьи.

Кто должен осуществлять заботу о детях и престарелых — семья или общество? Как может распределяться ответственность между ними? Одинаково ли должно быть участие общества в заботе о детях и стариках?

Результаты обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» 2004 г. (далее — РидМиЖ) позволяют представить картину общественного мнения в отношении ответственности семьи или общества за заботу о детях (дошкольного возраста и школьников вне школьных занятий), за престарелыми, нуждающимися в уходе на дому, а также за денежную помощь бедным семьям с детьми и пожилым людям.

Ответственность общества и семьи за детей и престарелых: общественное мнение

В *табл. 1* представлено распределение ответов на вопрос: «Кто должен заботиться о престарелых, которым необходим уход на дому, и о детях дошкольного и школьного возраста? Кто должен обеспечивать

---

¹ Статья подготовлена в рамках проектов «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений - эмпирические данные по двум странам ЕС и двум новым независимым государствам - интеграция ЕС и его новых ближайших соседей» (грант INTAS) и «Изучение демографического поведения французов в межстрановом сравнительном контексте, ECODEF/C1», ANR в 2007-2008 гг.

денежную помощь бедным старикам и молодым семьям с детьми?» (респондентам предлагалось выбрать один из пяти ответов: преимущественно общество; скорее общество, чем семья; и общество, и семья в равной мере; скорее семья, чем общество; преимущественно семья). По всем вопросам, касающимся заботы или ухода за престарелыми и детьми, большинство (от 52 до 79%) респондентов считает это делом семьи. В то же время материальная помощь и пожилым, и молодым семьям с детьми, по мнению 2/3 опрошенных, должна ложиться на плечи государства и общества.

Таблица 1

Кто должен заботиться о детях и престарелых? (% ответов)

Кто должен		Преимущественно общество	Скорее общество, чем семья	И общество и семья в равной степени	Скорее семья, чем общество	Преимущественно семья	Нет ответа
заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому	100,0	6,2	6,1	35,8	29,4	22,5	0,0
заботиться о детях дошкольного возраста	100,0	0,7	2,2	18,5	35,2	43,3	0,1
заботиться о школьниках вне школы	100,0	3,4	7,9	28,3	31,4	28,8	0,2
обеспечивать денежную помощь бедным пожилым	100,0	36,2	26,1	27,6	5,6	4,3	0,2
обеспечивать денежную помощь бедным молодым семьям с детьми	100,0	37,6	26,4	26,5	5,4	3,8	0,3

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Забота о престарелых, нуждающихся в уходе на дому, должна быть делом семьи — таков ответ 52% респондентов. Еще 36% считают, что ответственность должна быть в равной мере разделена между семьей и обществом².

² Из-за отсутствия в России развитой системы благотворительности и общественных организаций, занимающихся поддержкой различных групп нуждающегося населения, под обществом в данном контексте понимается скорее государство в лице региональных или муниципальных структур.

Причина такого распределения ответов очевидна: в условиях неразвитой системы социального обслуживания и практически полного отсутствия доступных патронажных услуг для престарелых с ограниченными возможностями самообслуживания усилия семьи — единственный путь осуществления ухода за ними. Даже если семья приглашает на платной основе сиделку или домашнюю помощницу по уходу за пожилым человеком, это рассматривается как забота семьи, но никак не связывается с государственным участием. По сравнению с другими странами Европы, такая картина мнений сближает российское население с традиционными представлениями европейского Юга, противоположным «государственной» точке зрения, преобладающей в Скандинавии. Формирование позиции общества в различных национальных контекстах зависит от степени развитости сектора общественных услуг, а также от системы ценностей, в значительной степени связанной с традициями. Например, по данным обследования «Евробарометр», в Швеции, где государственный и общественный сектор услуг очень развит, население отводит семье небольшую роль, когда речь идет об уходе за пожилыми людьми, и большинство (80%) отдает предпочтение специальным учреждениям, где уход осуществляется при значительной финансовой поддержке государства и общественных институтов. И наоборот, в Греции такая же доля населения высказывается в пользу семьи, что связано с отсутствием соответствующей инфраструктуры и национальными традициями [Valetas M.F., 2001].

В России доступность качественных услуг по уходу за престарелыми крайне низка как в силу неразвитости системы такого типа поддержки, так и высокой стоимости таких услуг. Нельзя не учитывать и национальных традиций: общественное мнение осуждает детей, поместивших пожилых родственников в дом престарелых. При этом в России уровень занятости женщин, которые в большинстве случаев берут на себя уход за старшими родственниками, всегда был высок, тогда как в Греции распространение ухода за пожилыми на дому не в последнюю очередь связано с низкой занятостью женщин в экономике.

В европейских странах, и в частности в Греции, как представительнице группы наиболее традиционных стран, превалирование роли семьи в уходе за пожилыми людьми с ограниченными возможностями самообслуживания не означает отказа от идеи финансирования государством (полностью или частично) расходов семьи, связанных с этим уходом. Рост продолжительности жизни в европейских странах усиливает неуверенность населения в том, что без специальной поддержки государства семья сможет осуществить заботу о пожилых. По-видимому, этой же точки зрения придерживаются те российские респонденты, которые заявили о равной ответственности семьи и общества в заботе о пожилых, а таких ответов, напомним, почти 36%.

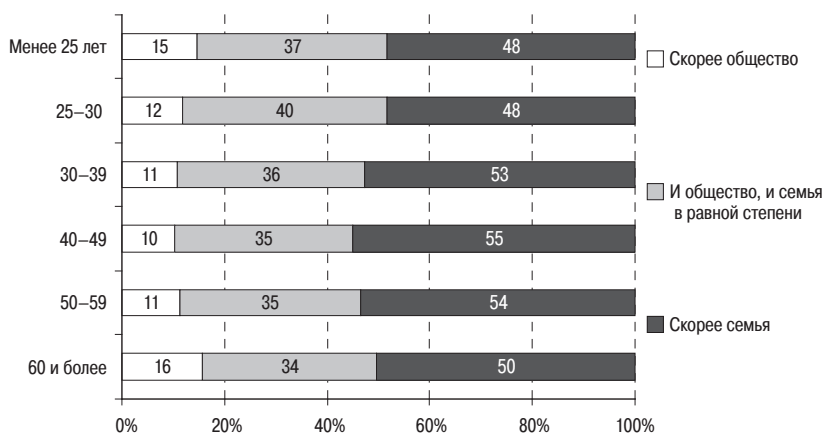
Какие факторы влияют на выбор между обществом и семьей в качестве ответственных за заботу о престарелых с ограниченными возможностями самообслуживания? Ответить на этот вопрос мы попытались с помощью метода бинарной логистической регрессии, в которой зависимыми переменными выступала ориентация респондента на общество или семью. Детерминантами моделей выступали индивидуальные характеристики респондента: пол и возраст, уровень образования, социально-профессиональный статус (для работающих), вероисповедание и религиозность, состояние здоровья, а также наличие партнера и число детей. Кроме того, рассматривались тип семьи (простая/сложная), в которой проживает респондент, уровень ее доходов, тип поселения, регион проживания.

Конечно, этот перечень нельзя считать исчерпывающим, поскольку часть факторов, влияющих на убеждения людей, всегда остается латентной, скрытой от наблюдения и не поддается количественному измерению. Вместе с тем для выявления определенных закономерностей перечисленные переменные могут выступать регрессорами в моделях. Параметры регрессионных уравнений представлены в *Приложениях А—В*.

Какие группы населения в большей степени ориентируются на поддержку государства, когда речь идет об уходе за престарелыми? Первая группа детерминант, влияющая на мнение респондента, — его индивидуальные характеристики. Самые молодые (до 25 лет) и самые пожилые (старше 60) (рис. 1), а также мужчины склонны в этом вопросе в большей степени рассчитывать на общество.

Рисунок 1

Влияние возраста респондента на мнение о том, кто должен заботиться о престарелых, нуждающихся в уходе на дому, %.

Источник: РидМиЖ, НИСР, 2004 г.

Уровень образования не оказывает значимого влияния на мнение респондента, чего нельзя сказать о его социально-профессиональном статусе. Люди, не занятые в экономике (домохозяйки, безработные и прочие социально неактивные), а также занятые в сфере обслуживания в большей степени склонны доверять заботу о престарелых обществу (*Приложение А*).

Немаловажное значение имеет фактор здоровья. При плохом здоровье (ограничения жизнедеятельности, инвалидность, низкая субъективная оценка здоровья) респондент зачастую сам нуждается в какой-либо помощи и считает, что общество должно больше заботиться о таких, как он: проблемы со здоровьем требуют повышенных денежных расходов на медицину и одновременно ограничивают физические возможности респондента увеличивать свои доходы.

Максимальное влияние на формирование мнения людей о том, кто должен заботиться о престарелых, нуждающихся в посторонней помощи, оказывают религиозные факторы: люди, исповедующие ислам, в большей степени склонны доверять семье и значительно реже соглашаются с утверждением, что о престарелых должно заботиться общество.

Значимость семейных характеристик, таких как наличие партнера у респондента, число детей или тип семьи, в которой он проживает, в данной модели не проявилась. Вместе с тем на мнение респондента оказывает влияние уровень жизни семьи: чем выше уровень доходов, тем в большей степени респондент готов взять заботу о пожилых на себя.

Тип поселения, в котором живет респондент, также является значимым фактором в модели. Образ жизни, свойственный крупным городам, более развитая социальная сфера по сравнению с сельской местностью способствуют и повышенному уровню претензий городского населения к обществу в отношении заботы о пожилых и детях.

Если в качестве зависимой переменной тестируется ориентация на семью, то наблюдаемая картина оказывается прямо противоположной. С этим в меньшей степени согласны мужчины, самые молодые (до 30 лет) и самые пожилые (старше 60) респонденты, горожане и люди со слабым здоровьем.

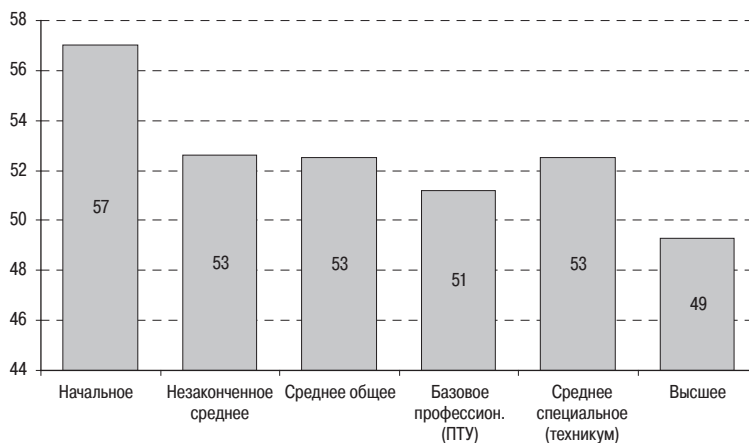
В этой модели также значимым оказался фактор образования респондента: чем выше уровень образования, тем реже респондент соглашается, что забота о престарелых в большей степени должна ложиться на семью (*рис. 2*). Видимо, подобные взгляды у этой группы респондентов связаны с лучшим знанием устройства современного общества и обязанностей общества перед его отдельными гражданами.

В еще большей степени, чем о престарелых, по мнению опрошенных, семья должна заботиться о детях, дошкольниках и школьниках вне

школы: такой ответ дали 79–60% респондентов. Только 3% считают, что забота о дошкольниках — дело общества, и 11% возлагают на общество ответственность за заботу о школьниках вне школы (табл. 1). За равную ответственность общества и семьи по уходу за дошкольниками высказались 19% респондентов, а за заботу о школьниках вне учебы — 28%.

Рисунок 2

**Влияние образования респондента на согласие с утверждением:
«Заботиться о престарелых, нуждающихся в уходе на дому,
должна преимущественно семья или скорее семья, чем общество», %**

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Таким образом, в общественном мнении сложилось устойчивое представление о распределении ответственности семьи и общества в том, что касается ухода за детьми: заниматься ими — обязанность родителей, а участие общества здесь должно быть минимально. Это выглядит не вполне логично: за прошедшие десятилетия широкое распространение получили дошкольные учреждения, школьные группы продленного дня, интернаты и пятидневки. Можно предположить, что на характер ответов наложили отпечаток последние двадцать лет реформ, начиная с перестройки, но все же они не могли кардинально изменить представления такого большого круга семей. Наличие детей в семье всегда рассматривалось обществом как личный выбор супругов, но не как «общественный долг» семьи. Отсюда мнение об исключительно личной ответственности семьи за воспитание детей и уход за ними.

Какие характеристики респондента определяют его ориентацию на общество, когда речь идет об ответственности за заботу о дошкольниках или о школьниках вне школы? С утверждением, что о детях дошкольного возраста должно заботиться общество, в большей степени соглас-

ны жители малых и средних городов, безработные, работники сферы обслуживания. И наоборот, реже с таким утверждением соглашаются многодетные родители, что связано с образом жизни и ценностными ориентациями на большую семью, в которой мать часто занята только домашним хозяйством. Что касается заботы о школьниках за пределами школы, то надежды на общественные организации в большей степени возлагают наиболее молодые и самые пожилые респонденты, жители городов (в том числе крупных). Это связано, с одной стороны, с нормированным рабочим днем городских жителей, а с другой — с распространением в городах групп продленного дня и многообразием кружков для школьников.

Если в качестве зависимой переменной выбрать утверждение, что заботиться о дошкольниках и школьниках вне занятий должна в большей степени семья, то в обеих спецификациях значимыми оказались практически все индивидуальные характеристики респондента, но, как и ожидалось, с противоположным знаком для коэффициентов перед объясняющими переменными.

В то же время в этой модели проявилась значимость таких факторов, как состояние здоровья респондента и уровень его доходов: при плохом состоянии здоровья респондент реже соглашается с тем, что забота о школьниках — дело семьи, а высокий уровень доходов, как и в случае с пожилыми людьми, дает больше оснований семье надеяться на себя, а не на общество.

Если в отношении детей и пожилых мнение большинства склоняется к тому, что о них должна заботиться семья, то в отношении *бедных* (будь то пожилые люди или молодые семьи с детьми) представления населения принципиально иные: признается, что забота о них — дело общества (2/3 ответов). Еще 27% опрошенных считают, что ответственность за материальную поддержку бедных должна быть поделена в равной мере между государством и семьей, но только 10% относят это исключительно к обязанностям семьи (*табл. 1*). Это связано с тем, что большинство опрошенных признает виновником бедственного положения отдельных групп населения именно государственную политику в области пенсионного обеспечения и оплаты труда, а также политику занятости населения.

Бедность пожилых людей напрямую зависит от размера пенсий [Синявская О. В., 2006]. Размер пенсий мало зависел от прежнего трудового вклада в дореформенный период, ситуация практически не изменилась и сегодня. Единственной возможностью для пенсионеров увеличить свои доходы является дополнительный заработок, что характерно главным образом для первых 5–7 лет после выхода на пенсию. Таким образом, сам пенсионер мало что может изменить в своем материальном

положении, ответственность за его благосостояние полностью ложится на государство, которое с этой задачей явно не справляется. Отсюда и мнение большинства респондентов о полной ответственности государства за материальную помощь бедным пожилым людям.

Что касается *молодых семей с детьми*, то общественное мнение также возлагает на государство ответственность за их материальное обеспечение, видя в нем причину бедственного положения этой категории населения. Первые годы становления рыночных отношений спровоцировали резкое падение уровня жизни населения и рост бедности. Исследования показывают преимущественно «детское лицо» бедности: в современной России в число бедных попадают представители как традиционных групп риска, так и вполне благополучных по демографическим характеристикам семей [МОТ, 2002]. Основными факторами бедности семей с детьми выступают социально-экономические условия — низкая заработная плата работающих или незанятость трудоспособных членов семьи, а также низкий уровень социальных трансфертов, призванных обеспечить материальную поддержку детей хотя бы на минимально приемлемом уровне.

Опросы, проводимые в европейских странах в рамках обследования «Евробарометр», показывают аналогичную ситуацию: в среднем 55% опрошенных европейцев высказываются за увеличение социальной помощи семьям с детьми. Но в странах с развитой системой государственной поддержки материнства и детства (Скандинавия) половина опрошенных желает сохранить такое положение, а 1/4 считает размер помощи чрезмерным и говорит о необходимости сокращения социальных программ поддержки семей с детьми [Valetas M.F., Lelièvre E., 2002]. Россия находится еще далеко от такого уровня развития социальной сферы, и из результатов обследования РиДМиЖ следует, что большинство людей признает поддержку бедных семей с детьми делом государства и в меньшей степени семьи. Однако на деле ситуация выглядит иначе: исследования показывают, что наиболее существенна для бюджета семей межсемейная поддержка, которая значительно превосходит по масштабам и значимости государственную помощь [Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М., 2000].

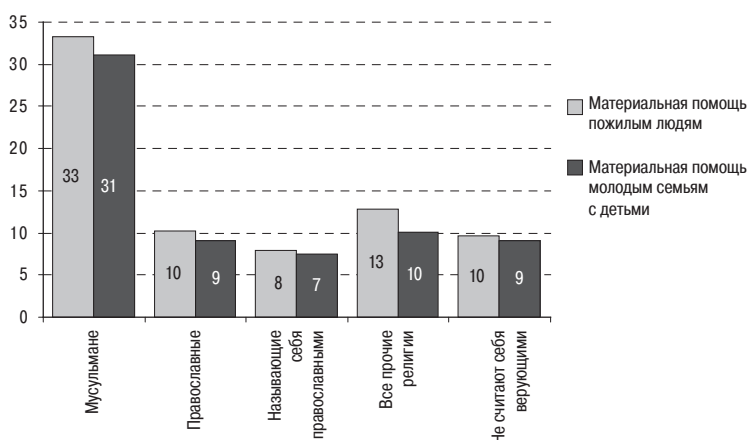
Использование бинарной логистической регрессии позволяет выделить категории населения, в большей степени ориентированные на помощь государства в материальном обеспечении бедных. Это прежде всего молодежь и люди старшего (пенсионного) возраста. Респонденты с высоким уровнем образования признают обязанность общества материально поддерживать нуждающиеся молодые семьи с детьми, но не стариков. Жители крупных городов также чаще считают, что материальная поддержка бедных (как пожилых, так и молодых) — это

забота общества. Влияние доходов на ответ вполне предсказуемо: чем выше доходы, тем меньше респонденты ждут от общества материальной помощи бедным, предпочитая решать эту проблему самостоятельно. Возможно и другое объяснение негативного отношения обеспеченных людей к общественной поддержке бедности — они часто считают самих бедных виновниками своего положения.

Что касается вероисповедания и религиозности, то в этих моделях данный фактор имеет наибольшее влияние. Респонденты, исповедующие ислам, не просто чаще, а в несколько раз чаще утверждают, что семья должна материально заботиться о пожилых людях и молодых семьях с детьми. Если, например, в вопросе денежной помощи бедным молодым семьям с детьми 31% респондентов, исповедующих ислам, считают, что это забота семьи, то среди респондентов иной веры или неверующих таких от 7 до 10%. Аналогичная ситуация по вопросу материальной помощи пожилым: 33% против 7–12% (рис. 3).

Рисунок 3

Влияние вероисповедания и религиозности респондента на согласие с утверждением: «Материально помочь бедным пожилым людям или молодым семьям с детьми должна преимущественно семья или скорее семья, чем общество», %

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Семейные характеристики респондента также влияют на его мнение по поводу материальной помощи пожилым: в многодетных семьях, а также в сложных многопоколенных семьях ответственность за такую материальную помощь обычно возлагают на семью.

Материалы опроса РидМиЖ позволили выделить несколько типов мнений, которые различаются по процентному распределению от-

ветственности за заботу о пожилых и детях между обществом, семьей или их вместе. Насколько однородны мнения? Какова доля тех, кто однозначно считает государство ответственным за обеспечение малоимущих пожилых людей и семей с детьми? Среди опрошенных таких оказалось 55%, и еще 19% высказались за совместное участие семьи и общества в материальной поддержке этих групп населения. Остальные семь вариантов ответа в сумме набрали всего 25% (табл. 2) от общего числа мнений.

Таблица 2

Вариации мнений об ответственности общества и семьи за оказание денежной помощи бедным пожилым людям и молодым семьям с детьми, %

Кто должен материально помогать необеспеченным пожилым людям	Кто должен материально помогать необеспеченным молодым семьям с детьми		
	Скорее общество или преимущественно общество	Общество и семья в равной мере	Скорее семья или преимущественно семья
Скорее общество или преимущественно общество	55,1	5,8	1,6
Общество и семья в равной мере	7,1	19,0	1,5
Скорее семья или преимущественно семья	2,0	1,7	6,2

Источник: РидМиЖ, НИСР, 2004 г.

Если рассматривать поддержку престарелых не только в материальном плане, но и с точки зрения необходимого ухода на дому, то наиболее часто респонденты склоняются к тому, что семья должна заботиться об уходе за пожилыми людьми, а общество — материально поддерживать стариков в случае низкого уровня жизни (30% ответов). Почти 1/4 респондентов согласна с тем, что общество должно материально поддерживать пожилых людей, но уход за престарелыми людьми с ограниченными возможностями самообслуживания — в равной мере обязанность и общества, и семьи. Еще 12% считают правильным разделение ответственности между семьей и обществом и в вопросе ухода за престарелыми, и в вопросе материального обеспечения пожилых людей. Близки по процентному соотношению (11%) мнения о полной ответственности общества в обоих случаях.

Что касается поддержки семей с детьми, то половину голосов опрошенных набирает следующее распределение обязанностей: семья осуществляет заботу о дошкольниках, а государство материально поддерживает бедные молодые семьи с детьми. Каждый пятый респондент, полностью возлагая заботу о дошкольниках на семью, считает

материальную поддержку бедных семей с детьми делом как семьи, так и государства в равной мере.

Результаты опроса говорят о большом разбросе мнений и отсутствии однозначности в ответах, касающихся поддержки престарелых и детей, в том числе материальной. Из возможных вариантов ответа самым распространенным оказалась полная передача заботы по уходу за стариками и детьми семье, а обеспечение материальной поддержки бедных (и пожилых, и молодых) — обществу, но и это мнение не превышает 20% от всего разнообразия точек зрения.

Распределение заботы о молодых и пожилых родственниках в семье

Тесные семейные, соседские, дружеские связи, выражающиеся в оказании помощи деньгами, продуктами или услугами, — явление традиционное и частое в России. Это констатировалось по результатам обследований семей, проводимых еще в 1970—1980-е гг. [Прокофьева Л. М., 1991; ИСЭПН, 1992]. Мы наблюдаем этот феномен и сегодня.

Как показывает обследование РидМиЖ, основной формой материальной помощи является финансовая помощь, регулярная или же единовременная — например, на дорогостоящее лечение, оплату отдыха, учебы, покупку квартиры или машины. Другая форма материальной помощи — снабжение продуктами питания, в основном выращенными на собственном приусадебном участке. Эта форма межсемейной взаимопомощи наиболее распространена в сельской местности или в небольших городах, где образ жизни мало отличается от сельского; жители же крупных городов получают такую помощь от родственников или друзей, живущих в сельской местности.

Бесплатные услуги, оказываемые близкими людьми или получаемые от них, охватывают различные стороны жизнедеятельности семьи: от элементарной помощи в быту (стирка, уборка, покупка продуктов, приготовление еды, уход за детьми и престарелыми и т. д.) до более масштабных дел (строительство или ремонт дома, пошив одежды, предоставление жилья для проведения отпуска родным и друзьям и пр.). Кроме того, помощь может заключаться в бесплатном оказании профессиональных консультаций и услуг (медицинских, юридических, педагогических), а также при устройстве на работу или в поиске дополнительной работы. Все эти виды межсемейной солидарности, имевшие место и в дореформенной России, сегодня приобретают особую ценность в связи с удорожанием социальной инфраструктуры в городах и почти полным ее исчезновением в сельской местности.

Исследования уровня жизни населения, проведенные в 1990-е гг., а также в начале 2000-х гг., показали, что взаимная поддержка на се-

мейном или дружеском уровне в России сохраняется и имеет важное значение для адаптации, а точнее, для выживания семей в сложных условиях социально-экономических трансформаций. При ответе на вопрос: какие источники пополнения семейного бюджета были самыми значимыми в последний год? (опрос городских домохозяйств 1993 г.³), 20% домохозяйств назвали финансовую помощь друзей или родственников в числе трех наиболее значимых источников, а среди неполных семей почти 1/3 назвали финансовую помощь родственников одним из основных ресурсов, способствующих выживанию семьи. Результаты последнего крупного обследования домохозяйств, проведенного Росстатом в 2003 г.⁴, показывают, что и через 10 лет социально-экономических трансформаций материальная помощь от родственников и друзей по масштабам и роли в бюджетах семей сопоставима с такими наиболее распространенными видами социальной помощи, как жилищные субсидии и пособия на детей. Доля домохозяйств, получающих материальную помощь от родственников или друзей, составила 22%, причем роль такой помощи более значима, чем роль жилищных субсидий и пособий: 9% в располагаемых ресурсах по сравнению с 4% вклада полученных жилищных субсидий или детских пособий (табл. 3). В этом смысле помощь родственников может быть сравнима с денежным выражением получаемых членами семьи льгот (8,8%).

В числе основных получателей материальной помощи выделяются неполные семьи и семьи с относительно большим числом детей (2 и более). От трети до 40% этих категорий семей получают материальную поддержку со стороны родственников, причем отдельно проживающих.

Все выделенные типы домохозяйств в той или иной степени оказываются объектом оказания помощи со стороны родственников и друзей: минимальный процент получающих помощь составил 15%, и эта цифра относится к категории домохозяйств, в состав которых входят только пенсионеры. Численность детей также влияет на частоту оказания помощи — доля семей, получающих материальную поддержку со стороны родственников, возрастает с 22% при отсутствии детей до 31% при наличии трех и более.

Важную роль играет и возраст супругов: на первых этапах становления семьи помощь родителей во многом определяет уровень жизни

---

³ Обследование городских домохозяйств европейской части России, реализованное ИСЭПН РАН в 1993 г. (выборка составила 2000 домохозяйств). Подробно об этом исследовании и его результатах [ИСЭПН, 1994].

⁴ Национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС). Обследование проводилось Росстатом во II квартале 2003 г. на выборке 44 тысяч домохозяйств в 87 регионах страны.

Масштаб распространения материальной помощи и основных социальных выплат и их роль в бюджетах домохозяйств-получателей, %

Демографический тип домохозяйства	Помощь друзей и родственников	
	доля получающих	доля в РР ¹
<i>Всего</i>	22,1	9,0
<i>В том числе по демографическим типам домохозяйства</i>		
Одиночки пенсионного возраста	23,5	8,4
Одиночки трудоспособного возраста	30,8	23,4
Супруги пенсионеры	15,0	3,9
Супруги не пенсионеры	22,4	11,5
Супруги с одним ребенком ²	27,4	8,9
Супруги с двумя и более детьми	30,7	8,9
Супруги с одним ребенком и др. родственниками	16,9	5,3
Супруги с двумя и более детьми и другими родственниками	20,6	6,4
Неполные семьи	37,4	17,1
Неполные семьи с родственниками	21,0	7,8
Прочие домохозяйства без детей	16,8	6,5

Примечания. ¹ — располагаемые ресурсы домохозяйства: денежные доходы + дополнительные средства (заем средств, трата сбережений и т.п.) + стоимость продуктов питания собственного производства + расчетная стоимость льгот и субсидий, которыми пользовалось домохозяйство; ² — дети до 18 лет.

Источник: Обследование НОБУС, Росстат, 2003 г.

младших поколений, тем более что средний возраст вступления в брак в России невелик⁵. Кроме того, по данным НОБУС, выделяется группа молодых людей, отделившихся от семьи родителей, но еще не образовавших свою семью: более 30% из них получают помощь родственников, составляющую почти четверть их доходов (*табл. 3*).

Таким образом, можно говорить о более сложной системе межсемейных отношений, чем просто помощь малоимущим родственникам. Традиционно сложившиеся стереотипы поведения, например обязательность помощи молодым семьям со стороны родителей, не меняются и сегодня, несмотря на более активное, по сравнению со старшим

⁵ Средний возраст при вступлении в первый брак в 1997 г. составил 24,4 года для мужчин и 22,2 года для женщин. Дальнейшая динамика этого показателя может быть дана только по модельным оценкам, поскольку Госкомстат прекратил разработку данных о возрасте вступивших в брак. По оценкам С.Захарова, в 2004 г. средний возраст вступления в первый брак составил 26,1 года для мужчин и 23,3 года для женщин, что значительно ниже показателей по европейским странам [ЦДЭЧ, 2006].

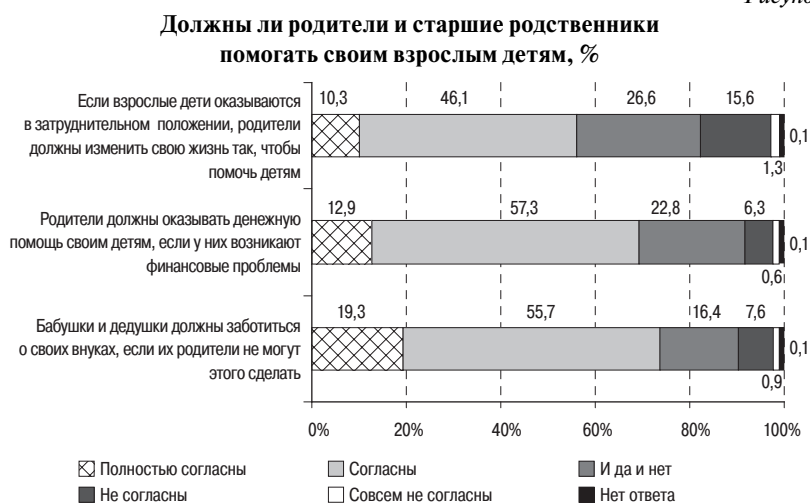
поколением, вхождение молодежи в новые экономические отношения. Ожидаемого в этих условиях потока материальной помощи от детей к родителям не наблюдается.

Традиционные представления о межсемейной солидарности нашли свое отражение в ответах респондентов на вопросы о необходимости взаимной поддержки «родители — взрослые дети» и о ее масштабах. В программе РидМиЖ были использованы утверждения, характеризующие разные уровни помощи между поколениями, — от простой констатации необходимости заботы до ее конкретных проявлений (материальная помощь, готовность изменить свою жизнь или профессиональную карьеру в случае необходимости). Результаты обследования показывают высокую степень готовности населения включаться в межсемейные сети поддержки, будь то помощь взрослым детям или пожилым родителям.

Направление поддержки «от родителей и старших родственников к взрослым детям»

Когда утверждение формулируется относительно абстрактно («должны заботиться»), «должны оказывать денежную помощь»), подавляющее большинство респондентов с ним соглашались (70—75%). Но при переходе к более конкретному утверждению, характеризующему ситуацию экстремальными решениями («должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям»), доля согласившихся снижается до 56%, причем полностью согласны лишь 10% опрошенных (рис. 4).

Рисунок 4

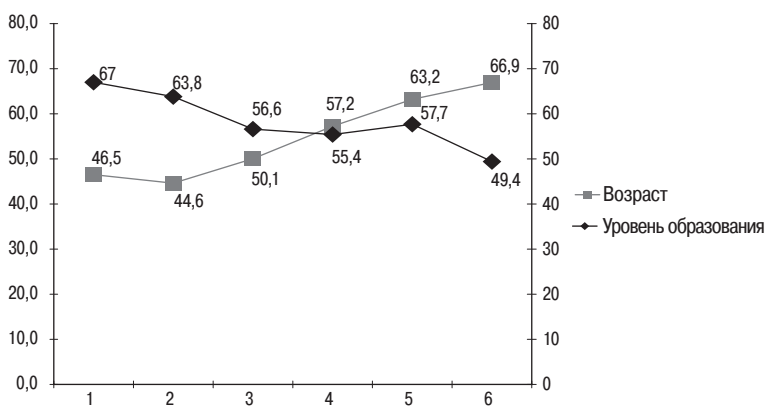
Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Какие группы населения в большей степени согласны с идеей поддержки взрослых детей со стороны родителей и какие индивидуальные характеристики респондентов влияют на выбор ими того или иного утверждения?

Логистическая регрессия показывает, что в целом по данным вопросам наблюдается солидарность позиций различных групп респондентов (*Приложение Б*). Так, по всем моделям с увеличением возраста вероятность согласия с перечисленными утверждениями растет, и максимальное согласие с ними выражают пожилые люди. Особенно ярко возрастные различия в ответах проявились по третьему, самому «сильному» утверждению — «родители должны изменить свою жизнь, чтобы помочь детям»: именно дети чаще высказываются против такой идеи. Это, скорее, абстрактное видение проблемы, так как респонденты, по-видимому, примеряют подобную ситуацию к себе и своим детям и не считают себя способными на такое. В то же время позитивное отношение к этому утверждению демонстрируют пожилые люди, уже доказавшие свою способность к самоотдаче во имя детей (*рис. 5*).

Рисунок 5

Влияние возраста и образования респондента на согласие с утверждением: «Родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь взрослым детям, если те оказываются в затруднительном положении», %

Примечания. Возрастные группы: 1 — менее 25 лет, 2—25—30, 3—30—39, 4—40—49, 5—50—59, 6—60 лет и более.

Уровень образования: 1 — начальное, 2 — незаконченное среднее, 3 — среднее общее, 4 — базовое профессиональное (ПТУ), 5 — среднее специальное (техникум), 6 — высшее.

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Поведение молодого поколения по отношению к межсемейной солидарности меняется со временем, что фиксируется и другими исследова-

ниями⁶. Это отмечают представители старшего поколения в отношении своих детей, например, в интервью с москвичкой 50 лет, замужней, имеющей сына и внуков: *«У нашего поколения все связи прочные — и с родственниками, и с друзьями. А молодежь не похожа на нас: они больше заняты делами, между ними меньше дружеских отношений. Я вижу, что они более безразличны к родственникам, друзьям, более холодны, более индивидуалистичны. Они не устремляются на помощь друг другу, как поколение их матерей и отцов»*. А вот как описывают отношения со старшими представители молодежи: *«По-моему, вполне естественно, что родители поддерживают своих взрослых детей. Я всем обязан своим родителям: благодаря их помощи я поступил в университет, затем нашел хорошую работу. Когда я женился, они помогли мне купить квартиру, машину... И я, в свою очередь, готов помогать своим детям. Единственное, чего мне для этого не хватает, — способности к самопожертвованию, которая была отличительной чертой поколения наших родителей»* (интервью с москвичом, 33 года, женат, имеет двоих детей). Таким образом, новые поколения могут демонстрировать иную, менее традиционную, стратегию поведения по отношению к своим детям и престарелым родителям.

Влияние пола респондентов проявилось в реакции на два утверждения: женщины чаще, чем мужчины, считают, что бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать, а также выражают готовность изменить свою жизнь так, чтобы помочь взрослым детям, если они оказываются в затруднительном положении. По вопросу же денежной помощи различий в ответах между мужчинами и женщинами не проявилось.

Более традиционный взгляд на обязательства «родители — дети» характерен для людей, не имеющих профессиональной занятости (домохозяйки, безработные и другие группы экономически неактивного населения). Именно они в большей степени готовы изменить свою жизнь для того, чтобы помочь детям. Возможно, часть из них уже сделала это и считает такое поведение вполне естественным. Опять же, не имея профессионального занятия, легче принять такие изменения, поскольку в этом случае не существует угрозы потерять хорошее место работы. Неудивительно поэтому, что с ростом образования вероятность согласия с данными утверждениями снижается, и, следовательно, респонденты, имеющие высшее образование, реагируют на них наиболее негативно (рис. 5).

Вероисповедание и религиозность, как и в предыдущих моделях, оказывают сильное влияние на формирование мнения респондента

---

⁶ Опрос 1585 респондентов в возрасте 18 лет и старше по репрезентативной выборке 17–21 июля 2003 г. и качественные интервью в рамках проекта «Межсемейные и дружеские сети поддержки» (руководитель А. Берелович) [Прокофьева Л., Фести П., 2006].

о необходимости оказания помощи детям и внукам. Респонденты, исповедующие ислам, значительно чаще согласны с необходимостью оказания помощи в любом виде младшему поколению семьи. В то же время респонденты, не относящие себя ни к одной из конфессий, реже высказывают традиционный взгляд на межсемейные отношения, в частности они не поддерживают утверждение, что «бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать». Что касается православного вероисповедания, то причисление себя к православным по большому счету не меняет поведенческих предпочтений респондента, лишь активные православные (регулярно посещающие церковные службы, соблюдающие каноны и т.п.) выделяются своей готовностью существенно изменить жизнь во имя помощи взрослым детям, оказывающимся в затруднительном положении. Однако в данном случае сила влияния православия ниже, чем ислама. Оговоримся, что опросы Центра Ю. Левады показывают, что в российском обществе существует разрыв между самоопределением себя как православных с реальной религиозной практикой: доля крещеных в российском населении постоянно растет и в 2002–2003 гг. достигала 75–77% всех взрослых, но одновременно такой же была и доля тех россиян, кто никогда не молится, не соблюдает религиозных постов и праздников [Дубин Б., 2004]. Возрождение православных традиций в нашей стране имеет еще слишком недавнюю историю, чтобы существенно влиять на поведенческие предпочтения.

Поселенческий фактор оказался значимым для всех трех моделей: в сельской местности респонденты в большей степени выражают свое согласие по всем трем перечисленным позициям.

Тип семьи оказывается значимым фактором только при выявлении мнения респондента по вопросу заботы о внуках. В сложных семьях чаще соглашаются с тем, что бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать, что неудивительно: в многопоколенных семьях забота о внуках является естественной нормой, практически не оставляющей выбора старшему поколению.

С другой стороны, респонденты, имеющие детей в возрасте до 14 лет, в меньшей степени готовы принять утверждения о необходимости материально помогать взрослым детям и даже менять свою жизнь с целью им помочь. Видимо, огромные усилия, которые они прилагают сегодня для воспитания и ухода за детьми, вызывают неприятие идеи заниматься их поддержкой всю жизнь.

С утверждениями об обязательной помощи взрослым детям реже соглашаются респонденты с высокими доходами. На первый взгляд, это выглядит не вполне логичным: напомним, что именно эта категория в предыдущих вопросах высказывала готовность не опираться

на общество, когда речь идет о помощи бедным, а здесь «отказывает в поддержке» своим близким. Возможно, это связано с тем, что респонденты, добившиеся определенного успеха в жизни, в воспитательных целях не считают необходимым помогать своим детям, а хотят, чтобы те самостоятельно выходили из трудных ситуаций. Или же просто абстрактные традиции межсемейной солидарности вызывают у них отторжение? А может быть, они не могут представить себе ситуацию, при которой их дети могут в чем-нибудь нуждаться?

Различия в ответах респондентов с разным состоянием здоровья проявились только в вопросах, не связанных с денежной помощью: респонденты, имеющие плохое здоровье, чаще соглашались с тем, что, во-первых, бабушки и дедушки должны заботиться о своих внуках, если их родители не могут этого сделать; и, во-вторых, если взрослые дети оказываются в затруднительном положении, родители должны изменить свою жизнь так, чтобы помочь детям.

Направление поддержки «от детей к престарелым родителям»

Во мнениях относительно поддержки пожилых родителей наблюдается аналогичная закономерность — доля согласных с утверждениями, представленными в общем виде, отлична от доли согласных с более конкретными проявлениями поддержки престарелых родителей со стороны детей. Можно констатировать почти полное единодушие в ответах на вопрос об ответственности детей за заботу о своих престарелых родителях — 96%. Это единодушие не столь явно, хотя и остается на довольно высокой планке (87%), когда мы переходим к утверждению, что дети в случае необходимости должны оказывать денежную помощь родителям. Согласны на совместное проживание с родителями, если они не могут сами себя обслуживать в быту, 71% респондентов. Вместе с тем изменить свою профессиональную жизнь для того, чтобы она не мешала заботиться о престарелых родителях, готовы чуть более половины опрошенных (табл. 4).

Все эти утверждения, на первый взгляд, взятые из вполне реальных ситуаций российской действительности и вчерашнего, и сегодняшнего дня, показывают различную степень готовности детей изменить свою жизнь ради престарелых родителей. Самой большой ценностью в условиях рыночной экономики оказывается работа, поменять которую на менее интенсивную и, следовательно, хуже оплачиваемую сложно. На этом фоне идея совместного проживания с родителями в меньшей степени вызывает отторжение, тем более что до сих пор почти 30% всех российских частных домохозяйств представляют собой сложные многопоколенные семейные образования [Росстат, 2002].

Таблица 4

Должны ли дети помогать своим престарелым родителям? (%)

Варианты ответов		Полностью согласны	Согласны	И да и нет	Не согласны	Совсем не согласны	Нет ответа
Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи	100,0	39,8	56,1	3,5	0,4	0,1	0,1
Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у тех возникают финансовые проблемы	100,0	22,2	65,0	10,6	2,0	0,1	0,1
Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой	100,0	22,0	48,8	20,8	7,7	0,6	0,1
Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях	100,0	14,3	43,9	30,3	10,8	0,5	0,2
Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за них, чем сыновья	100,0	9,5	29,0	23,6	34,1	3,6	0,2

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Что касается распределения обязанностей по уходу за родителями по гендерному принципу («дочери должны брать на себя большую ответственность»), то соглашались с таким утверждением 38% респондентов. Это значительно больше, чем в других странах, где в рамках программы «Поколения и гендер» задавался аналогичный вопрос: например, во Франции эта цифра составила менее 10% [Lefèvre С., Prokofieva L., 2006]. Однако здесь дело не только в большей «отсталости» России, с точки зрения реального равноправия женщин в семье и обществе, по сравнению с европейскими странами, но и в ином понимании слова «заботиться» в отношении престарелых. Для российских респондентов это означает, прежде всего, конкретный уход, требующий женских рук, в то время как для европейцев это обеспечение пожилых людей воз-

возможностью найти и оплатить соответствующее их состоянию здоровья социальное учреждение.

Какие факторы влияют на позитивное отношение респондентов к предложенным утверждениям в отношении помощи «дети — родителям»? Так же, как и в предыдущих моделях, максимальное влияние на формирование мнения респондента по всем позициям заботы о пожилых родителях оказывает религиозность респондента.

Статистически значимые различия отмечаются также в ответах различных возрастных когорт респондентов. С утверждением, что дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, чаще соглашаются респонденты более старших возрастных групп (после 50 лет). Молодежь охотнее соглашается с необходимостью оказания денежной помощи родителям в трудной ситуации, но высказывается против совместного проживания с пожилыми родителями, даже если те не могут ухаживать за собой. Кроме того, молодежь, в противовес старшим поколениям, выступает за равные обязательства полов в заботе о родителях. Пожилые люди в большинстве своем не хотят жить в семьях детей и получать от них материальную помощь. Возможно, что в последнем случае они традиционно жалеют своих детей, которые, по их мнению, тоже во многом нуждаются. Изменения в профессиональной деятельности (дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях) вызывают несогласие у молодой группы респондентов (25–30 лет), поскольку именно в этом возрасте люди активно занимаются своей карьерой.

Как и в случае с вопросами о поддержке детей со стороны родителей, более традиционно настроенными оказываются женщины: они чаще соглашаются на совместное проживание с пожилыми родителями и даже с тем, что именно они должны брать на себя большую ответственность за родителей, чем сыновья. С этим гендерным «неравноправием» чаще согласны респонденты, у которых нет партнера, и те, у кого нет детей. Наличие партнера у респондента негативно сказывается на его ответах о необходимости оказания денежной помощи родителям.

Фактор проживания в сложном домохозяйстве положительно влияет на представление респондента о необходимости жить вместе с родителями, когда они уже не могут сами ухаживать за собой. Возможно, их личный опыт говорит в пользу такого заключения при отсутствии альтернативных вариантов решения проблемы ухода за престарелыми людьми с ограниченными возможностями самообслуживания.

Что касается факторов образования и квалификации респондента, а также доходных характеристик семьи, то они оказались значимыми только в трех моделях: с ростом образования и доходов существенно снижается вероятность согласия с утверждениями о необходимости

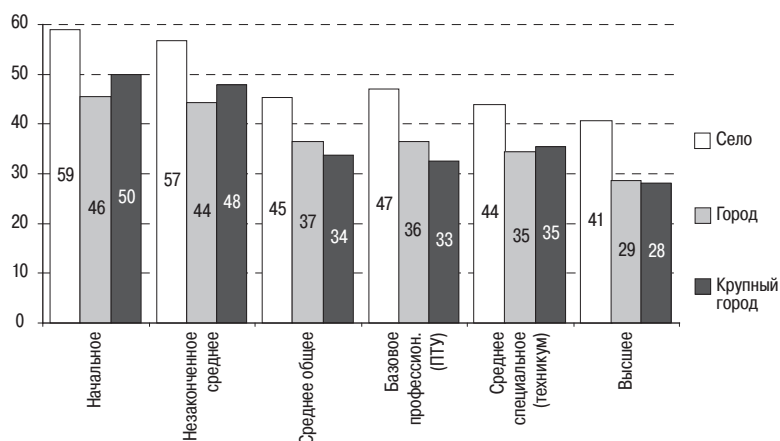

совместного проживания с престарелыми родителями и изменения профессиональной карьеры для облегчения ухода за ними. Минимальное согласие к этим высказываниям выражают респонденты, имеющие высшее образование и самые высокие доходы. Они же высказываются против большей ответственности дочерей за помощь престарелым родителям. Напротив, респонденты, не имеющие профессиональных занятий (домохозяйки, безработные и другие экономически неактивные категории), готовы к большому участию в межсемейных сетях поддержки, в случае помощи как детям, так и пожилым родителям.

Городские жители реже соглашались с необходимостью иначе организовывать свою работу, если этого требует уход за родителями, а также жить с ними вместе, когда те станут не в состоянии за собой ухаживать. Кроме того, они активно не поддерживают идею большей ответственности дочерей в уходе за пожилыми (рис. 6).

Рисунок 6

Влияние образования респондента на согласие с утверждением: «Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за них, чем сыновья» в зависимости от типа поселения, %

Плохое здоровье и необходимость в постороннем уходе заставляют респондентов высказываться за более активное участие дочерей в судьбе пожилых родителей, но вместе с тем реже соглашались на оказание родителям материальной помощи.

Насколько мнения респондентов о необходимости поддержки детей совмещаются с их мнениями по поводу помощи родителям? Анализ показывает, что 2/3 ответивших поддерживают идею взаимных обязательств детей и родителей в оказании денежной помощи: они согласны,

что родители должны материально помогать детям, а дети — материально поддерживать престарелых родителей в случае возникновения у них финансовых проблем (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение мнений об ответственности родителей и детей друг перед другом в оказании денежной помощи, %

Родители должны оказывать денежную помощь своим взрослым детям, если у них возникают финансовые проблемы	Дети должны оказывать денежную помощь родителям, если у них возникают финансовые проблемы		
	Согласны или полностью согласны	И да, и нет	Не согласны или совсем не согласны
Согласны или полностью согласны	64,5	4,8	1,0
И да и нет	17,5	4,8	0,6
Не согласны или совсем не согласны	5,3	1,0	0,5

Источник: РидМиЖ, НИСП, 2004 г.

Второе место по числу голосов (17,5%) заняло мнение о том, что дети должны оказывать денежную помощь родителям, если у них возникают финансовые проблемы, но одновременно сомнение, что это должны делать родители по отношению к своим взрослым детям. Полное отрицание необходимости материальной поддержки со стороны родителей или детей демонстрируют лишь 0,5% респондентов.

Еще меньшая однородность ответов наблюдается в отношении утверждения о необходимости изменить свою жизнь и профессиональную карьеру для помощи детям или родителям — всего 39% сходятся во мнении, что это должно быть сделано и когда в помощи нуждаются дети, и когда в ней чувствуют необходимость престарелые родители. Только 4% опрошенных полностью отвергают необходимость изменения характера трудовой деятельности для помощи детям или пожилым родителям.

Менее половины опрошенных (44%) склоняются к мнению, что родители должны изменить свою жизнь, чтобы помочь детям, а дети, в свою очередь, должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те становятся неспособны сами ухаживать за собой.

Таким образом, опрос показал чрезвычайную однородность высказываний, касающихся общих предложений о взаимной заботе детей и родителей, и вместе с тем крайнюю поляризацию мнений, когда речь идет о конкретных проявлениях такой заботы, особенно об ущербе профессиональной карьере. Молодежь более скептически относится к необходимости тесной межсемейной взаимосвязи, демонстрируя иной тип поведенческих предпочтений, тогда как пожилые люди остаются в традиционном понимании «нормальных» отношений родителей и детей.

Приверженцами традиционных межсемейных ценностей чаще выступают наиболее религиозные люди, а также имеющие низкое образование и доходы, живущие в сельской местности.

Что касается распределения ответственности между обществом и семьей за заботу о детях и престарелых, то общественное мнение больше склоняется отдать заботу по уходу за ними семье, а материальную поддержку в трудной ситуации — обществу.

Литература

1. *Дубин Б.* Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х гг.) // Вестник общественного мнения. 2004. №3 (7). С. 35–44.
2. ИСЭПН РАН (1992) Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения города. — М., ИСЭПН РАН, 1992. С. 23.
3. ИСЭПН РАН (1994) Бедность: взгляд ученых на проблему. — М., ИСЭПН РАН, 1994.
4. МОТ (2002) Предложения к стратегии содействия сокращения бедности в России: анализ и рекомендации. Издание Бюро МОТ в Москве. 2002.
5. *Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М.* Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ. 2000. №4. С. 23–31.
6. *Прокофьева Л., Фести П.* Семейная солидарность уже не такая, как прежде: игра воображения или реальность? // Демографические тенденции и занятость: система родственных и социальных связей. — AIDELF, Париж. 2000. С. 87–99.
7. *Прокофьева Л. М.* Социально-экономическое положение семьи на отдельных этапах жизненного цикла // Народное благосостояние: тенденции и перспективы. — М.: Наука, 1991. С. 124.
8. *Синявская О. В.* Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // СПЭРО. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №4. С. 66–90.
9. Росстат РФ (2002) Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 6. Число и состав домохозяйств (расчет по табл. 2). 2002.
10. ЦДЭЧ (2006) Население России в 2003–2004 гг. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад. — М.: Наука, 2006. С. 210.
11. *Lefèvre C., Prokofieva L.* Opinions sur la place respective de la protection sociale et de la famille. Présentation des résultats de l'enquête GGS en France et en Russie. Paris, INED. 2006.
12. *Valetas M.-F.* Perception de politiques sociales publiques envers les personnes âgées dans l'Union européenne // Retraite et société. 2001. №34. P. 114–131.
13. *Valetas M.-F., Lelièvre E.* Perception de quelques politiques sociales dans l'Union Européenne // Vivre plus longtemps, avoir moins d'enfants, quelles implications? AIDELF, Paris. 2002. P. 671–682.

Приложение А

Значимые факторы, влияющие на ориентацию респондента на общество в заботе и материальной поддержке детей и престарелых

Объясняющие переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	коэффици- циент	Wald	коэффици- циент	Wald	коэффици- циент	Wald	коэффици- циент	Wald	коэффици- циент	Wald
Пол: мужской	,21	10,02								
	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Возраст: менее 25 лет	,33	8,06	,46	15,5	,16	3,9				
			,37	8,1						
25–30										
30–39										
40–49	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
50–59										
60 и более лет	,38	10,3	,27	4,5	,12	3,1	,12	3,8		
Уровень образования: начальное	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
незаконченное среднее			,44	6,9	,24	5,6	,30	8,5		
среднее общее			,37	4,6						
базовое профессиональное (ПТУ)			,36	4,6	,30	7,6				
среднее специальное (техникум)			,34	4,7						
высшее							,24	6,1		
							,27	7,0		
Социально-профессиональный статус (для работающих): руководители										
специалисты высокой квалификации										
специалисты средней квалификации	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
служащие, занятые обработкой ин- формации										
сфера обслуживания	,32	4,2	,46	4,1					,29	9,5
высококвалифицированные рабочие									Ref	Ref
полуквалифицированные									,18	3,2
рабочие									,23	5,7
неквалифицированные рабочие									,23	5,0
безработные	,37	5,1	,24	3,1					,22	3,9
									,20	3,4

домохозяйки прочие неактивные	,42 ,43	5,2 5,7											,20	4,4
Вероисповедание: мусульмане православные называющие себя православными ¹ относящие себя к другим религиям атеисты	-80 Ref	16,8 Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	96,43 Ref 4,4	111,3 Ref
Наличие партнера у респондента: нет есть	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Число детей до 14 лет: нет детей один ребенок два и больше	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Тип семьи: простая сложная	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Плохое здоровье респондента ² :														
да	,19	6,5	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
нет	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Тип поселения: село город крупный город	Ref ,25	Ref 10,4	Ref ,53	Ref 10,5	Ref ,51 ,52	Ref 31,1 35,7	Ref ,14	Ref ,10 ,18	Ref 6,4	Ref 24,1 7,0 6,0 10,8 12,5 25,6	Ref -3,5 -18 ,15 -27 -23 -50	Ref 9,0	Ref -26 3,4	Ref 3,2 4,4
Регион: ЦФО СЗФО ЮФО Приволжский ФО Уральский ФО Сибирский ФО Дальневосточный ФО	Ref -33	Ref 6,7	Ref -29	Ref 3,4	Ref -26 3,4	Ref 9,0	Ref -35 -18 ,15 -27 -23 -50	Ref 24,1 7,0 6,0 10,8 12,5 25,6	Ref -38 -14 ,12 -24 -16 -41	Ref 28,3 4,1 3,1 8,3 5,8 16,7	Ref 9,3	Ref 33 ,43	Ref 28,7	Ref 16,7

Объясняющие переменные	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald
Доходные группы										
1 — самые низкие доходы	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
2	-,31	11,7								
3	-,20	4,3								
4	-,34	11,4						8,3		
5 — самые высокие доходы	-,41	14,1						24,5		
Константа	— 2,21	112,7	— 4,4	103,6	— 3,01	169,4	,46	10,3	,26	13,4

Примечание: ¹ Называющие себя православными — респонденты, указавшие, что они исповедуют православие, но никогда не посещающие религиозные службы и не считающие необходимым соблюдать религиозные обряды.

² Плохое здоровье респондента — низкая субъективная оценка, наличие ограничений в жизнедеятельности или инвалидность.

Модель 1: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Заботиться о престарелых, которым нужен уход на дому, должно преимущественно общество или скорее общество, чем семья».

Модель 2: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Заботиться о детях дошкольного возраста должно преимущественно общество или скорее общество, чем семья».

Модель 3: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Заботиться о школьниках вне школы должно преимущественно общество или скорее общество, чем семья».

Модель 4: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Обеспечивать денежную помощь бедным пожилым должно преимущественно общество или скорее общество, чем семья».

Модель 5: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Обеспечивать денежную помощь бедным молодым семьям с детьми должно преимущественно общество или скорее общество, чем семья».

Приложение Б

Значимые факторы, влияющие на мнение респондента о необходимости оказания помощи взрослым детям, если те оказываются в затруднительном положении

Объясняющие переменные	Модель 6		Модель 7		Модель 8	
	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald
Пол: мужской женский	-0,15 Ref	6,02 Ref	Ref	Ref	-0,12 Ref	6,9 Ref
Возраст: менее 25 лет 25–30 30–39 40–49 50–59 60 и более лет	-0,22 Ref ,26 ,46	6,6 Ref 12,5 21,3	-0,15 Ref ,23 ,17	4,2 Ref 10,2 4,0	-0,42 -0,51 -0,31 Ref ,31 ,44	27,7 36,3 20,2 Ref 21,3 29,2
Уровень образования: начальное незаконченное среднее среднее общее базовое профессиональное (ПТУ) среднее специальное (техникум) высшее	Ref -0,12 -0,26 -0,26 -0,24 -0,40	Ref 2,6 7,9 7,9 8,2 17,1	Ref	Ref	Ref -0,30 -0,29 -0,25 -0,58	Ref 15,0 15,5 14,4 38,2
Социально-профессиональный статус (для работающих): руководители специалисты высокой квалификации специалисты средней квалификации служащие, занятые обработкой информации сфера обслуживания высококвалифицированные рабочие полуквалифицированные рабочие неквалифицированные рабочие	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref

Объясняющие переменные	Модель 6		Модель 7		Модель 8	
	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald	коэффициент	Wald
безработные домохозяйки прочие неактивные	,23	3,7	,18	2,9	,23	5,1
	,26	3,6	,27	4,4	-,11	3,1
	,22	4,3	,19	3,4	,38	23,2
Вероисповедание: мусульмане православные называющие себя православными ¹ относящие себя к другим религиям атеисты	,82	33,9	,53	19,1	1,1	91,7
	Ref	Ref	Ref	Ref	,22	7,9
	-,11	3,6			Ref	Ref
Наличие партнера у респондента: нет есть	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
Число детей до 14 лет: нет детей один ребенок два и больше	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
			-,13	4,3	-,22	5,1
					-,11	3,1
Тип семьи: простая сложная	ref	ref	ref	ref	ref	ref
	1,7	3,9				
Плохое здоровье респондента²: да нет	1,2	3,4	ref	ref	,15	7,9
	ref	ref			Ref	ref
Тип поселения: село город крупный город	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
	-,17	7,3	-,36	34,8	-,33	34,5
			-,29	25,7	-,42	61,7
Регион: ЦФО СЗФО ЮФО	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
	-,48	37,1	-,36	23,6	-,57	62,7
		,19	6,6			

Приложение В

Значимые факторы, влияющие на мнение респондента касаясь необходимости заботы о пожилых родителях

Объясняющие переменные	Модель 9		Модель 10		Модель 11		Модель 12		Модель 13	
	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald
Пол: мужской женский	Ref	Ref	Ref	Ref	-,42 Ref	79,4 Ref	Ref	Ref	-,10 Ref	3,3 Ref
Возраст: менее 25 лет 25–30 30–39 40–49 50–59 60 и более лет	Ref	Ref	-,15 Ref	3,3 Ref	-,17 Ref	4,5 Ref	,32 Ref	6,9 Ref	-,34 -,22 Ref	16,6 5,9 Ref
Уровень образования: начальное незаконченное среднее среднее общее базовое профессиональное (ПТУ) среднее специальное (техникум) высшее	Ref	Ref	Ref	Ref	,14 Ref	3,0 Ref	-,16 Ref	3,9 Ref	-,16 Ref	3,5 Ref
Социально — профессиональный статус (для работающих): руководители специалисты высокой квалификации специалисты средней квалификации служащие, занятые обработкой информации сфера обслуживания высококвалифицированные рабочие	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
			,31 Ref	3,1 Ref					,45 Ref	5,2 Ref
			-,23 Ref	4,3 Ref	4,3 Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	6,9 Ref

Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых

полуквалифицированные рабочие неквалифицированные рабочие безработные домохозяйки прочие неактивные	-48	3,5	,27 ,15 ,31	6,0 3,5 3,1	,21 ,31 ,19 ,14	3,8 7,8 3,3 3,2	,88 Ref Ref	18,49 Ref Ref	,22 ,44	3,9 9,4
Вероисповедание: мусульмане православные называющие себя православными ¹ относящие себя к другим религиям атеисты	1,3 Ref	8,9 Ref	1,10 ,20 Ref	84,2 6,8 Ref	,77 ,20 Ref -,47	61,7 6,9 Ref 4,3	,88 Ref Ref -,17	18,49 Ref Ref 5,5	1,12 ,20 Ref	58,3 6,1 Ref
Наличие партнера у респондента: нет есть	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref -,13 Ref	Ref Ref 3,6	Ref	Ref
Число детей до 14 лет: нет детей один ребенок два и больше	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref -,12 Ref	Ref Ref Ref	Ref	Ref
Тип семьи: простая сложная	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref 19,0
Плохое здоровье респондента ² : да нет	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	,13 Ref	Ref	Ref	Ref
Тип поселения: село город крупный город	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref -,33 -,35	Ref	Ref	Ref 14,5 33,2
Регион: ЦФО СЗФО ЮФО Приволжский ФО Уральский ФО Сибирский ФО Дальневосточный ФО	Ref -,30 -,41 -,87	Ref 3,3 4,8 19,5	Ref ,17 -,27 -,18	Ref 6,1 15,4 6,9	Ref -,19 Ref	Ref 6,4 Ref	Ref ,18 -,22 -,25	Ref Ref 3,1 7,0 4,9	Ref Ref ,25	Ref Ref 11,0

Объясняющие переменные	Модель 9		Модель 10		Модель 11		Модель 12		Модель 13	
	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald	коэф-фициент	Wald
Доходные группы	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref	Ref
1 — самые низкие доходы										
2			-0,17	6,2						
3			-0,25	13,4	-0,13	3,2			-0,13	3,0
4			-0,35	22,3	-0,18	3,8			-0,19	5,9
5 — самые высокие доходы										
Константа	3,6	102,9	0,82	37,0	0,30	4,4	2,40	137,7	1,34	75,4

См. пояснения к табл. 1 Приложения А.

Модель 9: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Дети должны брать на себя ответственность за заботу о престарелых родителях, когда те нуждаются в помощи».

Модель 10: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях».

Модель 11: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Когда родители нуждаются в помощи, дочери должны брать на себя большую ответственность за них, чем сыновья».

Модель 12: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Дети должны оказывать денежную помощь родителям, когда у родителей возникают финансовые проблемы».

Модель 13: в качестве зависимой переменной выступает согласие респондента с утверждением «Дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой».

*Синявская О.В.,
Гладникова Е.В.*

Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами¹

Введение

В последнее время проблемы демографического развития России вышли на первый план политической повестки и экспертного обсуждения. Для стимулирования роста рождаемости в 2007 г. Правительство России реализовало комплекс мер, направленных на материальную поддержку матерей и семей с детьми. Речь идет о кратном повышении пособий на детей (в 2—4 раза в зависимости от вида пособия) и размеров оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет, создании специальных жилищных программ для семей с детьми, а также введении специфической инновационной меры — материнского капитала при рождении второго и более ребенка. Таким образом, предполагается, что выданные средства помогут решить часть материальных проблем матери и ребенка в будущем, сделав финансово доступным рождение еще одного ребенка.

Однако изучение масштабов и профиля бедности в России показывает, что увеличение размеров пособий и отпусков по уходу за ребенком не компенсирует потери в благосостоянии, связанные с рождением даже первого ребенка, и, следовательно, нуждается в дополнении другими инструментами семейной политики [Овчарова, Пишняк, 2007]. Исследования показывают, что определяющим фактором благосостояния семей с детьми выступает размер трудовых доходов родителей [Доходы и социальные услуги, 2005; Бурдяк, Попова, 2007]. Следовательно, успех политики, направленной на снижение бедности семей с детьми и повышение рождаемости, будет во многом определяться тем, насколько

---

¹ Авторы выражают искреннюю признательность Т.М. Малевой за ее советы и поддержку в подготовке данной статьи.

удастся преодолеть существующий конфликт между женской занятостью и рождением ребенка [Esping-Andersen et al., 2002].

При принятии решения о рождении ребенка женщина учитывает не только свое материальное положение, но и возможности и условия воспитания детей, которые определяются развитостью системы услуг по уходу за детьми и дошкольного воспитания. Поэтому доступность дошкольных учреждений — один из важных факторов, положительно влияющих одновременно на принятие решения о рождении ребенка и на занятость женщин [Apps, Rees, 2001].

Межстрановые сравнения показывают, что в преодолении конфликта между женской занятостью и материнством наиболее эффективна та политика, которая предоставляет гарантии получения институциональных услуг по уходу за детьми независимо от материальной обеспеченности женщины и возраста ребенка [Neuger, 2003]. Например, и в Германии, и в Швеции государственная финансовая поддержка матерей очень значительна, тогда как система воспитания и ухода за детьми в этих двух странах различается. В Швеции это активная помощь по совмещению занятости и материнства за счет развитой системы услуг по уходу за детьми, в Германии — поощрение домашнего воспитания детей [Ноем, 2005]. В результате Германия демонстрирует низкую рождаемость и относительно низкие уровни занятости женщин, тогда как Швеция — относительно высокую рождаемость и высокие уровни женской занятости. Положительное влияние развитой общественной системы ухода за детьми на уровень рождаемости подтверждается исследованиями в Италии [Del Boca, 2002].

В России система институциональных услуг по уходу за детьми и их воспитанию до сих пор во многом базируется на системе дошкольных учреждений, сформировавшейся еще в советское время. Несмотря на то что за прошедшие 15 лет число этих учреждений сократилось, количество мест в них избыточно. Возможно поэтому вопрос о развитии и трансформации системы услуг по уходу и воспитанию детей дошкольного возраста остается на периферии российской социальной политики.

Тем не менее эксперты фиксируют нарастание проблем в данной сфере. Недостаточный уровень бюджетного финансирования системы дошкольных учреждений приводит к интенсивному старению материально-технической базы, снижению уровня квалификации и старению кадров, что, в свою очередь, негативно отражается на качестве предоставляемых услуг [Савицкая, 2005]. Неудовлетворенность этим качеством, с одной стороны, и невозможность покрыть разнообразные затраты, связанные с пребыванием ребенка в таком учреждении, с другой, приводят к сужению охвата детей системой дошкольного воспитания в различных социально-экономических группах.

Исследователи, обращаясь к анализу ситуации в системе дошкольного образования, часто фокусируют свое внимание на макроуровне (динамика количества дошкольных учреждений и числа мест в них по России, охват детей дошкольными учреждениями в различных типах поселения, регионах России и пр.) и экономических аспектах (динамике бюджетного и частного финансирования системы, видах расходов родителей на содержание детей в дошкольных учреждениях и т.п.) [Савицкая, 2005; Оберемко, 2004]. При этом ряд вопросов, относящихся к дифференциации потребления данных услуг российскими семьями, остается вне рамок анализа. На наш взгляд, для формирования новой политики в отношении внесемейных услуг по уходу за детьми и их дошкольному воспитанию не менее важно понимание того, какие услуги потребляют семьи с разным образовательным, трудовым, имущественным статусом родителей, чем информация о затратах, которые несут родители в системе дошкольного образования. В данной статье мы попытаемся нарисовать социально-экономический портрет потребителей институциональных услуг по уходу за детьми, опираясь на данные выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), проведенного в 2004 г. Независимым институтом социальной политики.

Подчеркнем, что мы не рассматриваем настоящую работу как исчерпывающий ответ на вопрос о доступности институциональных услуг по уходу за детьми разным группам российского населения. Обследование не позволяет раскрыть вопрос о качестве предоставляемых услуг. Мы не знаем, удовлетворены ли родители ими. Не можем оценить весь спектр затрат, связанных с институциональными формами ухода за детьми. Наконец, не располагаем информацией о причинах отказа от потребления той или иной или любых внесемейных услуг по уходу за детьми. И тем не менее результаты, представленные в данной работе, позволяют продвинуться в понимании того, как дифференцировано потребление этих услуг в различных социально-экономических слоях населения и как соотносится оно с занятостью женщины.

Детские дошкольные учреждения: основные факты

С начала 1990-х гг. число дошкольных учреждений постоянно уменьшалось, что было естественно в условиях резкого снижения рождаемости и сокращения численности детей. В 2005 г. в России было 46,5 тыс. дошкольных учреждений, которые посещали 4530 тыс. детей, тогда как в 1990 г. — 87,9 тыс. дошкольных учреждений, которые посещали 9009 тыс. детей (*табл. 1*). Обеспеченность местами в дошкольных учреждениях вплоть до конца 1990-х гг., напротив, возрастала: в 1990 г. на 1000 детей дошкольного возраста приходилось 616 мест в дошкольных

учреждениях, тогда как в 1999 г. — 697. В 1990 г. число детей, посещавших детские сады, превышало число мест в них (т.е. сложился дефицит мест), а в 1998 г. на 100 мест приходилось 78 детей, посещающих дошкольные учреждения (т.е. число место было избыточным).

Таблица 1

Детские дошкольные образовательные учреждения в России

Год	Число дошкольных учреждений, тыс.	В них детей:		Число детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных учреждениях ²
		тыс. человек	в процентах от численности детей соответствующего возраста ¹	
1970	65,0	5666	н/д	105
1975	68,7	6681	н/д	109
1980	74,5	8149	64,9	109
1985	81,8	9180	68,3	106
1990	87,9	9009	66,4	108
1995	68,6	5584	55,5	83
1996	64,2	5101	54,9	81
1997	60,3	4706	54,4	80
1998	56,6	4379	53,9	78
1999	53,9	4225	54,9	79
2000	51,3	4263	56,0	81
2001	50,0	4246	57,2	83
2002	48,9	4267	58,1	86
2003	47,8	4321	57,6	88
2004	47,2	4423	57,7	92
2005	46,5	4530	57,0	95

Примечания. ¹ — дети, посещающие дошкольные учреждения, в % от численности детей в возрасте 1–6 лет, скорректированной на численность детей 6 лет, обучающихся в школе; ² — определяется отношением численности детей в дошкольных учреждениях к числу мест в них.

Источники: Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. — М., 2006. С. 243. Россия в цифрах. 2006: Стат. сб. / Росстат. — М., 2006. С. 123.

Иными словами, отток детей из детских дошкольных учреждений опережал сокращение мест в них. Это было вызвано и спадом рождаемости в 1990-е гг., и экономическими причинами: сокращением уровней женской занятости, которое расширило возможности домашнего воспитания детей бабушками и матерями, и падением реальных доходов населения, ограничившим финансовую доступность дошкольных учреждений некоторым, наименее обеспеченным, слоям.

В последние годы ситуация изменилась. Рост рождаемости начала 2000-х гг. привел к увеличению числа детей дошкольного возраста. Число детей, посещающих дошкольные учреждения, возросло за 6 лет

на 7%: с 4255 тыс. чел. в 1999 г. до 4530 чел. в 2005 г. Число же дошкольных образовательных учреждений продолжало сокращаться: с 53,9 тыс. в 1999 г. до 46,5 тыс. в 2005 г., т.е. на 14% за этот же период. В сочетании с неравномерным распределением этих учреждений по регионам и муниципалитетам это привело к резкому (более чем в 5 раз) увеличению численности детей, стоящих на учете для определения в дошкольные учреждения — со 192,9 тыс. чел. в 1999 г. до 966,4 тыс. чел. в 2005 г. Очевидно, что при сохранении негативной динамики в числе дошкольных учреждений и по мере увеличения числа детей ситуация с обеспеченностью их местами в дошкольных учреждениях будет усугубляться.

В соответствии с российским законодательством дошкольные образовательные учреждения в России делятся на следующие виды [Постановление Правительства РФ от 01.07.1995 №677]:

- детский сад;
- детский сад с приоритетным направлением развития детей (интеллектуальным, художественно-эстетическим, физическим и др.);
- детский сад с квалифицированной коррекцией отклонений в физическом и психическом развитии детей;
- оздоровительный детский сад;
- детский сад комбинированного вида (в состав которого могут входить общеобразовательные, компенсирующие и оздоровительные группы в разном сочетании);
- центр развития ребенка (детский сад с осуществлением физического и психического развития, коррекции и оздоровления всех воспитанников).

Самыми распространенными по числу учреждений и по числу детей в них по-прежнему остаются детские сады, а также детские сады комбинированного вида (*табл. 2*). В их функции входят присмотр за детьми, уход, укрепление здоровья, воспитание, обучение и подготовка к школе, а также коррекция развития детей с определенными отклонениями. В то же время численность детей, посещающих обычные детские сады, в последние годы сокращается, тогда как посещение детских садов с приоритетным направлением развития детей и центров развития ребенка, напротив, быстро растет (соответственно в 2,3 и в 4,7 раза с 1999 по 2004 гг.). Налицо тенденция увеличения спроса на более индивидуальный подход к воспитанию и образованию детей, обеспечивающий лучшую, с точки зрения родителей, подготовку ребенка к школе. Рост спроса сопровождается увеличением предложения, однако сложно судить, в какой степени последнее удовлетворяет первое. Вероятнее всего, часть спроса на учреждения с индивидуальным подходом к воспитанию ребенка остается неудовлетворенным, так как число подобных учреждений по-прежнему мало и распределено крайне неравномерно.

**Распределение дошкольных образовательных учреждений
по численности детей в 2004 г.**

Вид дошкольного образовательного учреждения	Число учреждений	% от общего числа учреждений	Численность детей, тыс. человек	% от общей численности детей
<i>Учреждения общеразвивающего назначения, всего</i>	46675	81,7	4422,6	90,9
из них:				
детские сады	28855	50,5	1891,5	38,9
детские сады общеразвивающего вида с одним или несколькими направлениями развития воспитанников	4691	8,2	603,8	12,4
детские сады компенсирующего вида	1648	2,9	133,8	2,8
детские сады пресмотра и оздоровления	933	1,6	87,6	1,8
детские сады комбинированного вида	8437	14,8	1327,9	27,3
центры развития ребенка	2111	3,7	378	7,8
<i>Детские сады компенсирующего вида и учреждения с группами компенсирующего назначения</i>	10486	18,3	442,7	9,1
из них:				
для детей с нарушением слуха	157	0,3	5,2	0,1
для детей с нарушением речи (при сохранном слухе)	7519	13,2	271,3	5,6
для детей с нарушением зрения	559	1,0	37,9	0,8
для детей с нарушением интеллекта (умственно отсталых)	264	0,5	12	0,2
для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата	570	1,0	36	0,7
санаторного типа для детей с туберкулезной интоксикацией	858	1,5	47,1	1,0
других профилей	559	1,0	33,2	0,7
<i>Всего</i>	57161	100,0	4865,3	100,0

Источник: Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. / Росстат. — М., 2006, с. 245.

Несмотря на то что законодательство предполагает большое разнообразие дошкольных учреждений по формам собственности (государственные, муниципальные, негосударственные, смешанной формы собственности и др.), около 80% дошкольных учреждений в настоящее время находятся в муниципальной собственности и только около 5% в частной. По всей видимости, потенциал роста специализированных дошкольных учреждений находится в большей степени в развитии частных детских садов, которые пока мало распространены².

По закону дошкольные образовательные учреждения разного типа должны принимать детей в возрасте от 2-х месяцев до 7 лет, однако в реальности дети, посещающие дошкольные учреждения, сконцентрированы в более узкой возрастной группе. Сейчас больше, чем в советское время, распространена практика воспитания детей, особенно младших (ясельных) возрастов, дома. На конец 2005 г. из всех детей, посещающих дошкольные учреждения, 0,7% были в возрасте менее 1,5 лет (включительно), 19,9% — в возрасте от 1,5 до 3 лет и 79,4% — в возрасте старше 3 лет (*табл. 3*). Спрос на услуги дошкольных образовательных учреждений значительно возрастает за год-два до поступления ребенка в школу (*рис. 1*).

Что стоит за низкими цифрами посещаемости детьми моложе 3 лет детских дошкольных учреждений? Только ли стремление родителей воспитывать детей в семье? На наш взгляд, более вероятны такие причины, как неудовлетворительное качество предлагаемых услуг по уходу за ребенком, территориальная и финансовая недоступность соответствующих дошкольных учреждений. Данное предположение основано на результатах уже упоминавшегося исследования ГУ-ВШЭ, в котором исследовали в том числе и причины смены или непосещения ребенком детского сада [Савицкая, 2005]. Три наиболее весомые причины непосещения детского сада включали наличие родственника, с которым можно оставить ребенка дома, отсутствие детского сада и нехватку денег. Наиболее же распространенные причины смены детского сада после изменения места жительства включали плохое материальное состояние детского сада и низкое качество услуг в нем (плохое питание и уход за детьми, низкий уровень занятий с ними). Учитывая, что число яслей меньше, чем число детских садов, а самые маленькие дети требуют повышенного ухода, думаем, что именно эти факторы и определяют низкие уровни охвата детскими учреждениями детей до 3 лет.

---

² По данным исследования, проведенного ГУ-ВШЭ, выбирая государственный или муниципальный детский сад, родители приносят в жертву удобному расположению качество услуг; тогда как частные детские сады выбирают именно по критерию качества (дополнительные занятия с детьми, хороший уход) [Савицкая, 2005].

Таблица 3

Численность и возрастно-половой состав детей в дошкольных образовательных учреждениях (на конец года, тыс. чел., % от общего числа детей)

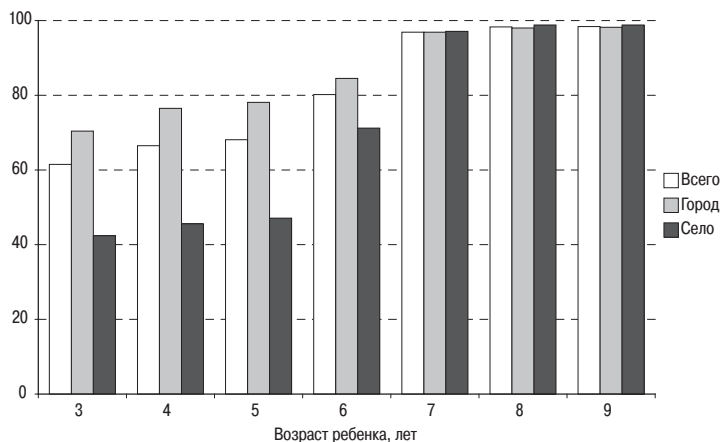
Показатель	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность детей в дошкольных учреждениях, всего	9009,5	5583,6	4263,0	4246,3	4267,3	4321,3	4422,6	4530,4
в том числе в возрасте, лет:								
до 1,5 включительно	63,8	24,2	33,5	35,2	36,4	36,9	33,9	30,0
в % от общей численности детей	0,7	0,4	0,8	0,8	0,9	0,9	0,8	0,7
от 1,5 до 3	1904,1	825,9	756,5	760,6	796,7	829,6	876,0	903,3
в % от общей численности детей	21,1	14,8	17,7	17,9	18,7	19,2	19,8	19,9
3 и старше	7041,6	4733,5	3473,0	3450,5	3434,2	3454,8	3512,7	3597,1
в % от общей численности детей	78,2	84,8	81,5	81,3	80,5	79,9	79,4	79,4

Источник: Образование в России. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. — М., 2003. С. 200. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб./ Росстат. — М., 2006. С. 354.

Сельские дети реже посещают детские сады, чем городские (рис. 1): доля детей, посещающих дошкольные учреждения, от общей численности детей в сельской местности составляет 38%, тогда как в городах и поселках городского типа — 66% (на конец 2004 г.). Можно предположить, что это связано с несколькими факторами: уровни женской занятости в сельской местности ниже, семейная помощь по уходу за детьми (со стороны бабушек) более доступна, тогда как детские сады, напротив, могут быть территориально менее доступны.

Доступность дошкольного учреждения для семей с детьми определяется не только наличием мест в нем, физической близостью этого учреждения к дому или к работе родителей, но и режимом работы учреждения, удобного или не удобного с точки зрения графика работы родителей (главным образом матери). Режим работы дошкольного учреждения и длительность пребывания в нем детей определяются его уставом, договором между дошкольным учреждением и учредителем (в реальности — возможностями учредителя и спросом). Законодательство допускает работу дошкольного учреждения (группы) в дневное, ночное время, круглосуточно, в выходные и праздничные дни, а также свободное посещение детьми. В последние годы появились группы кратковременного пребывания в детском саду (например, 3 дня в неделю или 3 часа в день). Но, как правило, детские сады открыты в течение рабочего

Доля детей соответствующего возраста, обучающихся в дошкольных и общеобразовательных учебных заведениях, %

Источник: Всероссийская перепись населения России 2002 г.

дня: с 8 часов утра до 6 часов вечера (т.е. около 10 часов). Такой график работы вполне удобен жителям села и небольших городов, однако ограничивает доступность детских учреждений для жителей мегаполисов, в которых дорога от работы до детского учреждения может отнимать более часа и в сочетании с 8-часовым рабочим днем, превышать 10-часовой период работы детского учреждения. Очевидно, что в крупных городах и мегаполисах использование услуг дошкольных учреждений при двух работающих родителях требует помощи со стороны других людей (родственники, знакомые, няни).

Еще один фактор, влияющий на доступность дошкольного учреждения, — размер оплаты за пребывание в нем ребенка, который определяется региональными (местными) властями. Плата за пребывание детей в государственных/муниципальных детских учреждениях в среднем невелика и доступна, для многодетных и малообеспеченных семей предоставляются льготы³. По желанию родителей детский сад может оказывать дополнительные услуги за отдельную плату.

Подведем итоги.

- Анализ данных статистики показал, что число дошкольных образовательных учреждений и мест в них продолжает сокращаться,

³ До 1 января 2005 г. [Постановление ВС РФ от 06.03.1992 №2464-1] размер платы, взимаемой с родителей, не должен был составлять более 20% затрат на содержание ребенка в дошкольном учреждении, а размер платы с родителей, имеющих трех и более несовершеннолетних детей, — не более 10%. В 2005 г. это постановление утратило силу.

несмотря на изменившуюся тенденцию в динамике численности детей. Поселенческие разрывы в предложении услуг дошкольных учреждений и спросе на них со стороны семей с детьми дошкольного возраста приводят к тому, что неудовлетворенный спрос на услуги этих учреждений стремительно увеличивается: в 2005 г. число детей, стоящих в очереди для определения в дошкольные учреждения, достигло 21% от числа детей, посещающих данные учреждения.

- Спрос на услуги дошкольных учреждений повышается начиная с 3-летнего возраста ребенка и особенно перед его поступлением в школу. При этом наблюдается тенденция к увеличению разнообразия дошкольных учреждений, особенно к расширению охвата детей детскими садами с приоритетными направлениями развития детей и центрами развития детей, что свидетельствует о повышении требований, предъявляемых родителями, к качеству образования детей дошкольного возраста.
- Сегодня уже очевидно, что без решения вопроса о внесемейном уходе и воспитании детей политика увеличения численности и качества населения России не будет вполне эффективной. Вместе с тем статистические данные не позволяют ответить на вопрос: кто именно выступает потребителем различных услуг по уходу за детьми. Какие семьи больше всего пользуются услугами дошкольных учреждений, и каких типов? Связан ли спрос на дошкольные учреждения с занятостью матери; можем ли мы сказать, что дети неработающих матерей воспитываются дома? В каких семьях использование услуг дошкольных учреждений дополняется неформальной помощью со стороны частных лиц (родственников, знакомых, нянь)? Как изменяются затраты на дошкольные учреждения в семьях с разным достатком? Ответы на эти и подобные вопросы позволят лучше понять проблему эффективности работы дошкольных учреждений и дальнейшего совершенствования системы услуг по уходу за детьми.

Дифференциация потребления социальных услуг по уходу за детьми в различных социально-экономических группах

Предметом последующего анализа является потребление услуг по уходу за детьми домохозяйствами с детьми респондента до 14 лет⁴. Проблема рассматривается в трех измерениях: (1) получение помощи

---

⁴ Выбор возрастного ограничения детей (до 14 лет) обусловлен тем, что, во-первых, в используемом в качестве эмпирической базы исследовании дети определялись таким образом, а во-вторых, именно в этом возрасте дети заканчивают основную школу и уже не требуют ухода со стороны взрослых (за исключением отдельных случаев: болезнь и пр.).

из институциональных источников (детские сады, развивающие центры, профессиональные няни и пр.); (2) получение помощи от частных лиц, для которых уход за детьми не является профессией (других членов домохозяйства, помимо самого респондента, а также не членов домохозяйства, включая родственников, живущих отдельно, знакомых, соседей и пр.) и (3) соотношение видов получаемой помощи из институциональных и частных источников.

По данным обследования РидМиЖ, из всех домохозяйств с детьми до 14 лет (2824) 44% вообще не прибегают к какой бы то ни было внесемейной помощи, обходясь собственными силами. В 15% домохозяйств женщина не получает никакой помощи ни от членов домохозяйства, ни извне. Безусловно, эту цифру не стоит драматизировать, поскольку в ряде случаев помощь в уходе может и не требоваться: например, если ребенок или все дети находятся в школьном возрасте.

Институциональными услугами регулярно пользуются 35,5% домохозяйств с детьми до 14 лет. Наиболее распространенными являются услуги детского сада или ясель: их использование отметили в 741 домохозяйстве, что составляет 26,2% от всех семей⁵ с детьми до 14 лет⁶, в том числе 73,9% от числа семей, которые пользуются институциональными услугами. Далее с заметным отрывом следуют группа продленного дня⁷ в школе (6,4% от семей с детьми), другие группы (3,5%) и развивающие центры, группы кратковременного присмотра за детьми (3,0%). Реже всего домохозяйства обращаются к услугам профессиональной няни⁸ (1,1%)⁹ и групп по уходу за детьми, организованных родителями (0,3%). Абсолютное большинство семей пользуются только одним источни-

⁵ Если не оговорено иное, то понятия «домохозяйство» и «семья» используются в данном тексте как синонимы.

⁶ Здесь и далее семья с детьми — домохозяйство, в котором вместе с респондентом проживают его дети до 14 лет.

⁷ Статистика по посещению групп продленного дня в школах не публикуется, однако значение этой услуги для работающих родителей детей младших школьных возрастов не следует недооценивать, поэтому в настоящем исследовании группы продленного дня рассматриваются в составе других услуг по уходу за детьми.

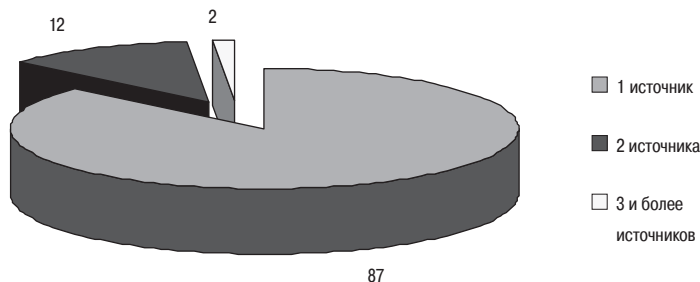
⁸ Здесь и далее, следуя логике вопросника, мы включаем нянь в состав институциональных услуг, хотя стоит отметить, что в России институт профессиональных нянь (тех, для кого работа няней — форма основной занятости) еще не сложился. И дело не только в том, что в России нельзя обучиться на няню, как это, например, практикуется в Великобритании. Но не разработано ни регламентов или стандартов оказания услуг няни, ни каких-то форм лицензирования или регистрации этой деятельности. Организации, предлагающие услуги нянь, существуют пока только в мегаполисах. Поэтому большинство российских нянь — неформальные работники, в роли которых часто выступают соседи или знакомые. Но поскольку в выборку попали всего 32 профессиональные няни, их присутствие не окажет значительного влияния на дальнейший анализ.

⁹ По данным исследования ГУ-ВШЭ, проведенного на основе данных опроса ФОМ 2004 г., услугами нянь и гувернеров пользовались около 4% российских семей [Савицкая, 2005]. Понятно, что в современных российских условиях няни детей — это преимущест-

ком институциональной помощи по уходу за детьми (рис. 2), причем из них 3/4 составляют те, кто пользуется услугами детского сада, и лишь 1/4 пользуется какими-либо другими источниками (рис. 3). Все это свидетельствует о низкой диверсификации рынка услуг дошкольных учреждений.

Рисунок 2

Распределение домохозяйств по количеству одновременно используемых институциональных источников помощи по уходу за детьми, %

К услугам со стороны частных лиц, для которых уход за детьми не является профессией (непрофессионалов)¹⁰, прибегают чаще, чем к услугам детских учреждений и специально подготовленных работников: 20,6% домохозяйств пользовались только услугами частных лиц, тогда как только институциональными — 18,2%; еще 17,3% пользовались и теми, и другими услугами. Сложно однозначно судить о причинах предпочтения услуг частных лиц-непрофессионалов услугам учреждений. Вероятно, здесь сочетается недоступность дошкольных учреждений, отсутствие предложения отдельных видов услуг, неудовлетворенность качеством предоставляемых услуг, принципиальное неприятие услуг дошкольных учреждений (убеждение, что близкий человек предоставит лучший уход за ребенком, чем посторонний) и пр.¹¹

Рассмотрим основные дифференцирующие факторы потребления услуг по уходу за детьми.

Тип поселения. Влияние этого фактора на различия в потреблении услуг детских дошкольных учреждений подтверждают данные макростатистики

венно дальние родственники, соседи и знакомые, которые в обследовании РидМиЖ учитывались в составе услуг, оказываемых частными лицами-непрофессионалами.

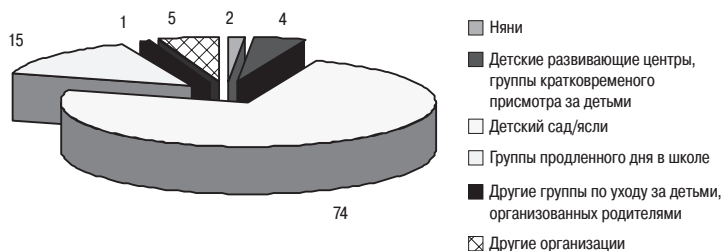
¹⁰ Услуги частных лиц включают помощь в уходе за детьми от лиц, не проживающих в домохозяйстве респондента, для которых эта деятельность не является профессией. Помощь от членов домохозяйства (партнера, самих детей, других членов домохозяйства) в составе услуг непрофессионалов не учитывали.

¹¹ Подробнее вопрос о том, кто в домохозяйстве и расширенной семье ухаживает за детьми рассматривается в статье Д.Х. Ибрагимовой «Сколько стоит российская бабушка?», публикуемой в настоящем сборнике.

Рисунок 3

Распределение домохозяйств, пользующихся услугами только одного институционального источника помощи по уходу за детьми, %

о поселенческих различиях. Если рассматривать только помощь в уходе за детьми от лиц, не живущих в домохозяйстве, и организаций, то наибольшая доля тех, кто не получает такую помощь, наблюдается в поселках городского типа и сельской местности — свыше половины домохозяйств (рис. 4). Там же сконцентрирована наименьшая доля потребителей институциональных услуг. Больше всего институциональные услуги потребляют жители мегаполисов — Москвы и Петербурга. Только там распространенность институциональных услуг сопоставима с услугами, оказываемыми лицами, не живущими в домохозяйстве непрофессионалами.

Обозначенные различия сохраняются и в том случае, если мы учитываем помощь, которую женщина получает в уходе за детьми от других членов домохозяйства. Однако в этом случае закономерно увеличивается доля помощи от частных лиц (рис. 5).

Потребление институциональных услуг городскими семьями более диверсифицировано. В то же время поселенческие различия в потреблении услуг детских садов минимальны (табл. 4): и в городской, и в сельской местности детские сады по-прежнему являются наиболее распространенными дошкольными учреждениями. Ими пользуются почти 4/5 семей, отметивших, что они получают институциональную помощь в уходе за детьми. Исключение составляют Москва и Санкт-Петербург, где услугами детского сада или яслей пользуются менее половины семей, потребляющих институциональные услуги.

Услуги профессиональных нянь — это в первую очередь городской феномен (концентрирующийся в мегаполисах Москве и Санкт-Петербурге, где услугами няни пользуются 4% семей с детьми). В целом, инновационные формы ухода за детьми (детские развивающие центры, группы кратковременного присмотра за детьми и т.п.) в городских поселениях распространены шире, чем в сельской местности. Это обусловлено не только меньшими финансовыми возможностями сельских жителей, но и общими законами распространения инновационных

Рисунок 4

Распределение домохозяйств по видам и соотношению получаемой ими помощи по уходу за детьми в зависимости от типа поселения

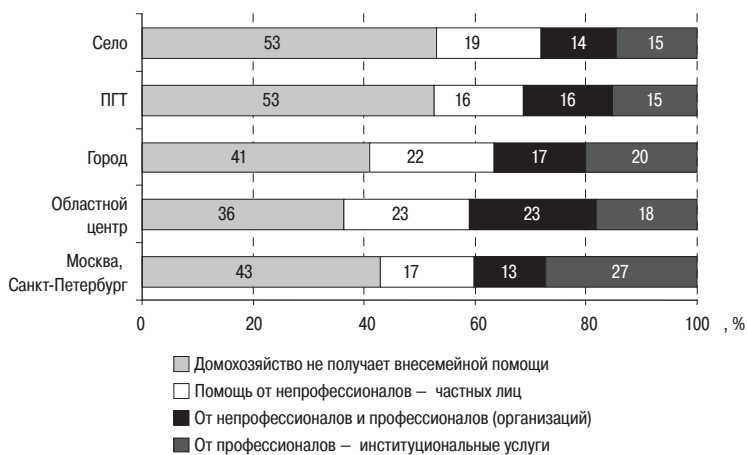
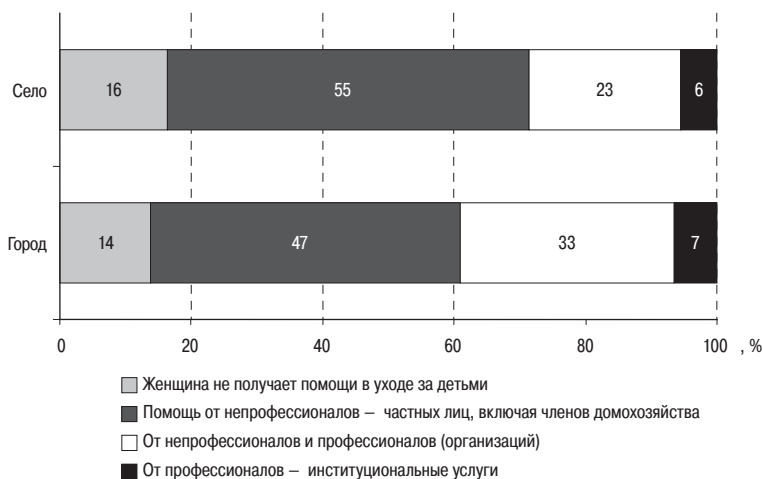

Рисунок 5

Распределение женщин с детьми до 14 лет в домохозяйстве по видам и соотношению получаемой ими помощи по уходу за детьми (включая помощь от членов домохозяйства) в зависимости от типа поселения

форм активности: от элит к массовым слоям, из центра к периферии, из городов в села.

Чем обусловлены наблюдаемые поселенческие различия — меньшей развитостью сектора услуг по уходу за детьми на селе, меньшими тре-

Таблица 4

Зависимость потребления институциональных социальных услуг от типа поселения (по видам услуг)

Параметры	Число наблюдений		% от всей выборки по данному типу поселения		% от домохозяйств с детьми в данном типе поселения	
	город	село	город	село	город	село
Всего домохозяйств с детьми до 14 лет	1834	990	23,6	28,3	100,0	100,0
в том числе пользующихся регулярными институциональными услугами по уходу за детьми	718	284	9,2	8,1	39,1	28,7
<i>из них пользующихся услугами</i>						
няни	29	3	0,4	0,1	1,6	0,3
детского развивающего центра, группы кратковременного присмотра за детьми	67	17	0,9	0,5	3,7	1,7
детского сада/яслей	530	211	6,8	6,0	28,9	21,3
группы продленного дня в школе	120	62	1,5	1,8	6,5	6,3
других групп по уходу за детьми, организованных родителями	8	...	0,1	...	0,4	0,0
других организаций	84	14	1,1	0,4	4,6	1,4

бованиями, предъявляемыми родителями к качеству услуг по уходу и воспитанию детей, или же тем, что на селе услуги частных лиц, главным образом бабушек, более доступны? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим, какое влияние оказывают на потребление рассматриваемых услуг социально-демографические и экономические факторы микроуровня — состав домохозяйства, число и возраст детей, образование родителей, занятость матери и доход домохозяйства.

Возраст и число детей. Два основных параметра, влияющих на потребление услуг по уходу за детьми, — возраст и число детей (рис. 6, 7). Чем старше ребенок, тем меньше он требует ухода и тем большую роль в его образовании начинает играть школа. В семьях с несколькими детьми уход чаще осуществляется членами семьи (неработающими матерями, бабушками, старшими детьми), но одновременно возрастает потребление институциональных услуг.

Данные обследования подтверждают статистику: максимальное потребление услуг детских учреждений приходится на семьи с детьми 4–6 лет. Однако в данном случае принципиально важен другой факт: именно в этих семьях институциональные услуги в значительной мере

Рисунок 6

Соотношение потребления помощи по уходу за детьми из разных источников в зависимости от возраста ребенка (домохозяйства с одним ребенком респондента до 14 лет)

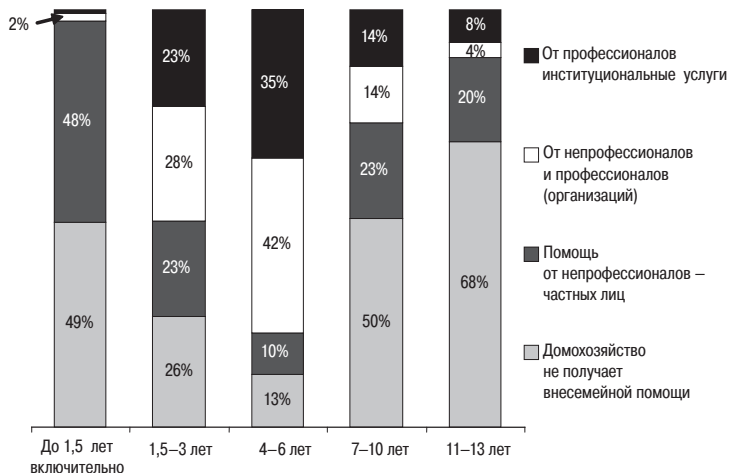
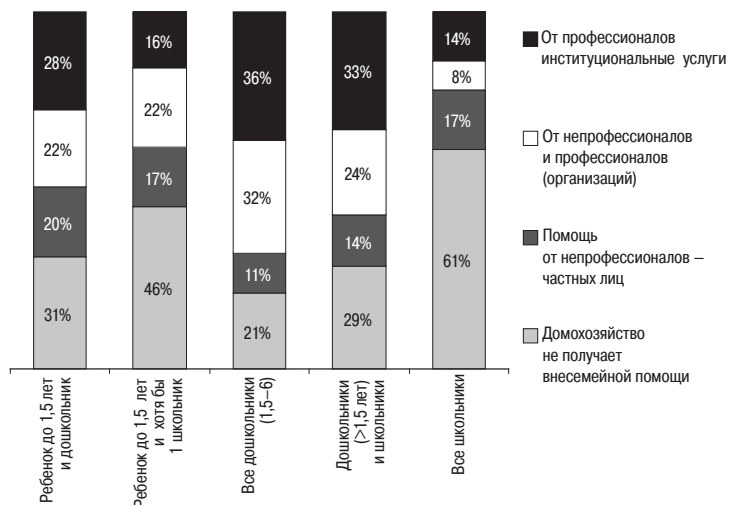

Рисунок 7

Соотношение потребления помощи по уходу за детьми из разных источников в зависимости от возраста детей (домохозяйства с двумя и более детьми респондента до 14 лет)

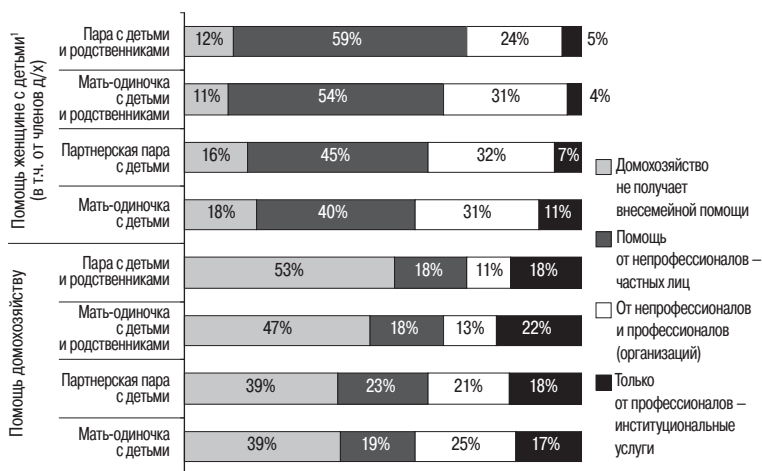
дополняются услугами частных лиц, проживающих в домохозяйстве или вне его. Детские учреждения и по объему оказываемых услуг, и по

графику работы не могут полностью разрешить все вопросы, связанные с занятостью родителей.

Состав домохозяйства. Потребление институциональных услуг по уходу за детьми зависит также от того, насколько женщина может высвободить время для этого, а также от того, может ли она рассчитывать на помощь близких родственников. Несмотря на то что матери-одиночки в среднем чуть чаще прибегают к институциональным услугам, наличие или отсутствие партнера в домохозяйстве не оказывает значимого¹² влияния на особенности потребления услуг по уходу за детьми. Более важно то, входят ли в состав домохозяйства, помимо детей до 14 лет и их родителей, другие родственники (рис. 8). В сложных домохозяйствах уход за детьми чаще осуществляют другие его члены, а потребление институциональных услуг соответственно сокращается.

Рисунок 8

Соотношение потребления помощи по уходу за детьми из разных источников в зависимости от состава домохозяйства

Примечание. ¹ — В случае, когда анализируется получение помощи матерью детей до 14 лет, речь идет о неполучении любой помощи, включая помощь от членов домохозяйства. Аналогично в этом случае помощь от непрофессионалов включает помощь от членов домохозяйства.

Занятость женщины. Как уже говорилось, одним из ключевых факторов при принятии решения о рождении ребенка является преодоление конфликта между занятостью и рождением ребенка. Данные обследования РИДМИЖ показывают, что в России конфликт между

¹² Значимость различий здесь и в остальной работе проверяли по критерию χ^2 .

женской занятостью и рождаемостью стоит особенно остро¹³, в том числе по причине слабо развитого рынка социальных услуг. Результаты проведенного исследования показывают, что занятые матери в целом пользуются помощью по уходу за детьми чаще, чем незанятые (табл. 5). Указанные различия еще больше усиливаются, если мы говорим о помощи женщине, в том числе от членов домохозяйства. Это соотносится с предположением о том, что занятые женщины в большей степени нуждаются в сторонней помощи. Тем не менее и незанятые женщины прибегают к услугам по уходу за детьми довольно часто.

Таблица 5

Распределение домохозяйств по видам и соотношению получаемой ими помощи по уходу за детьми в зависимости от статуса занятости женщины

Домохозяйство	Число наблюдений		% от домохозяйств с детьми в данной группе		% от домохозяйств с детьми, которые пользуются услугами		
	женщина не занята	занята	женщина не занята	занята	женщина не занята	занята	все
Не пользовалось внесемейной помощью	553	688	51,0	39,5	—	—	—
Пользовалось только услугами частных лиц	271	310	25,0	17,8	51,0	29,5	36,7
Пользовалось и услугами частных лиц, и институциональными услугами	122	367	11,3	21,1	23,0	34,9	30,9
Пользовалось только институциональными услугами	138	375	12,7	21,6	26,0	35,6	32,4
<i>Всего домохозяйств с детьми до 14 лет</i>	<i>1084</i>	<i>1740</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Занятость женщины влияет на соотношение потребления институциональных услуг и услуг частных лиц-непрофессионалов: по данным табл. 5, среди занятых женщин около 30% пользуются только услугами частных лиц и 35% обоими видами услуг; тогда как среди незанятых это соотношение составляет более 2 : 1.

Эти различия еще более наглядно проявляются в зависимости от возраста ребенка (табл. 6). Лишь одно из семи домохозяйств, где единственному ребенку не более 3 лет и его мать не работает, пользуется институциональными услугами, предпочитая им услуги частных лиц. Напротив, более 70%

¹³ См., например, результаты, полученные в работе О.В. Синявской, С.В. Захарова, М.А. Карцевой «Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России», публикуемой в настоящем сборнике.

домохозяйств с детьми 3 и менее лет и работающей матерью обращаются к услугам организаций, дополняя их помощью частных лиц, во многом из-за неудобных часов работы детских учреждений. Разрыв в потреблении услуг непрофессионалов и профессионалов сохраняется и в дошкольных возрастах (4–6 лет), хотя и становится меньше. В этой группе семьи даже с неработающей матерью отдают детей в детские сады не столько для высвобождения времени женщины, сколько для социализации ребенка и его подготовки к школе. Два типа семей сближаются по доле потребления исключительно услуг частных лиц, когда ребенок идет в школу, но и здесь работающие родители детей-школьников в 2 раза чаще прибегают к институциональным услугам по уходу за детьми (группа продленного дня), чем семьи, в которых мать ребенка школьного возраста не работает.

Таблица 6

Распределение домохозяйств с одним ребенком до 14 лет по видам получаемой ими помощи по уходу за детьми в зависимости от статуса занятости женщины и возраста ребенка, %

Возраст ребенка	до 3 лет		4–6 лет		7–13 лет	
	не работает	работает	не работает	работает	не работает	работает
Домохозяйство:						
не получает внесемейной помощи	24,5	3,4	17,3	2,9	19,8	12,8
помощь от непрофессионалов — частных лиц	61,3	26,1	29,6	12,5	69,2	66,3
от непрофессионалов и профессионалов (организаций)	12,0	56,3	42,0	73,5	8,4	18,3
только от профессионалов — институциональные услуги	2,1	14,2	11,1	11,0	2,6	2,6
Всего	100	100	100	100	100	100

Работающие матери пользуются более широким набором институциональных услуг по сравнению с незанятыми женщинами (табл. 7). Среди первых доля пользующихся услугами детских садов ниже, чем среди вторых, тогда как доля пользующихся услугами прочих (в целом менее распространенных учреждений), напротив, выше. Это свидетельствует о повышенном спросе занятых женщин на «нестандартные» учреждения по уходу за детьми (вероятно, особую важность здесь представляют часы работы учреждения). А это значит, что занятые женщины имеют значительный потенциал потребления институциональных услуг в целом, а также их специфических видов, которые в настоящий момент представлены слабо.

**Зависимость потребления разных видов институциональных услуг
по уходу за детьми от статуса занятости женщины**

Домохозяйства, пользующиеся регулярными институциональными услугами по уходу за детьми	Число наблюдений		% от домохозяйств, пользующихся институциональными услугами	
	женщина не занята	женщина занята	женщина не занята	женщина занята
Всего	260	742	111,6	116,1
<i>из них пользующиеся услугами</i>				
няни	8	24	3,1	3,3
детского развивающего центра, группы кратковременного присмотра за детьми	16	68	6,2	9,2
детского сада/яслей	208	533	80,3	71,7
группы продленного дня в школе	35	147	13,5	19,9
других групп по уходу за детьми, организованных родителями	3	5	1,2	0,7
других организаций	19	79	7,3	10,7

Примечание. В некоторых ячейках величина превышает 100%, так как домохозяйство может одновременно пользоваться несколькими видами услуг.

Для занятых женщин сохраняются поселенческие различия. В силу ограниченности институциональных услуг по уходу за детьми на селе работающие женщины оказываются в особо сложной ситуации (рис. 9). Независимо от статуса занятости женщины сельские домохозяйства реже получают помощь и от других людей, не входящих в это домохозяйство, и особенно из институциональных источников. Однако большая распространенность сложных семей в сельской местности позволяет активнее привлекать к уходу за детьми других членов домохозяйства (рис. 10). Таким образом, в сельских семьях работающие женщины проблему недостатка времени на уход за ребенком решают за счет помощи от непрофессионалов (скорее всего близких родственников) чаще, чем в городских. И это тоже свидетельствует об ограниченном предложении социальных услуг на селе. Помимо того, что у жителей сельской местности сложилась особая система ценностей (предпочитающих услуги частных лиц услугам учреждений), более низкий уровень потребления институциональных услуг в селе обусловлен и физической недоступностью дошкольных учреждений.

Завершая обсуждение этого вопроса, отметим, что, поскольку именно занятые женщины в большей степени нуждаются в институциональных услугах по уходу за детьми, при условии развития социального

Рисунок 9

Распределение домохозяйств по видам получаемой помощи по уходу за детьми в зависимости от типа поселения и статуса занятости женщины

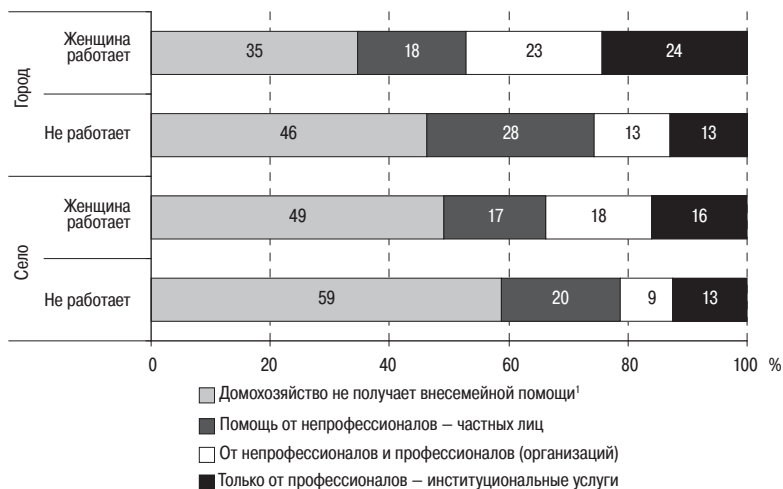
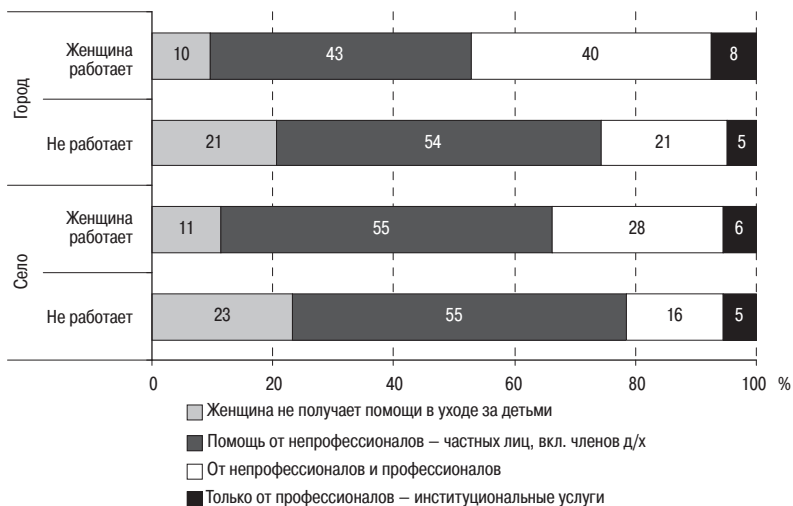

Рисунок 10

Распределение женщин с детьми до 14 лет по видам получаемой ими помощи по уходу за детьми (в том числе от членов домохозяйства) в зависимости от типа поселения и статуса занятости женщины

рынка в будущем работающие матери в первую очередь станут его потребителями. Однако данные свидетельствуют о высоком потенциале

использования институциональных услуг и среди занятых, и среди незанятых матерей: доля тех, кто сегодня получает помощь от частных лиц — непрофессионалов, очень высока, и при развитии институциональных субститутов часть матерей может предпочесть последние. Подобным образом ситуация будет складываться лишь при введении специальных программ по развитию социального рынка. Пока же налицо явная ограниченность институциональных услуг.

Образование женщины. Не только недостаток времени определяет спрос на институциональные услуги. Важную роль играют требования, предъявляемые родителями к воспитанию и образованию детей: они, очевидно, выше у лиц с высшим образованием, которые в большей мере склонны инвестировать человеческий капитал в детей уже в ранних возрастах. Исследование показало: чем выше уровень образования женщины, тем больше вероятность, что данная семья будет пользоваться институциональными услугами по уходу за детьми и меньше вероятность, что будет приниматься помощь от частных лиц — непрофессионалов (Рис. 11).

Рисунок 11

Распределение домохозяйств по видам и соотношению получаемой ими помощи по уходу за детьми в зависимости от уровня образования женщины

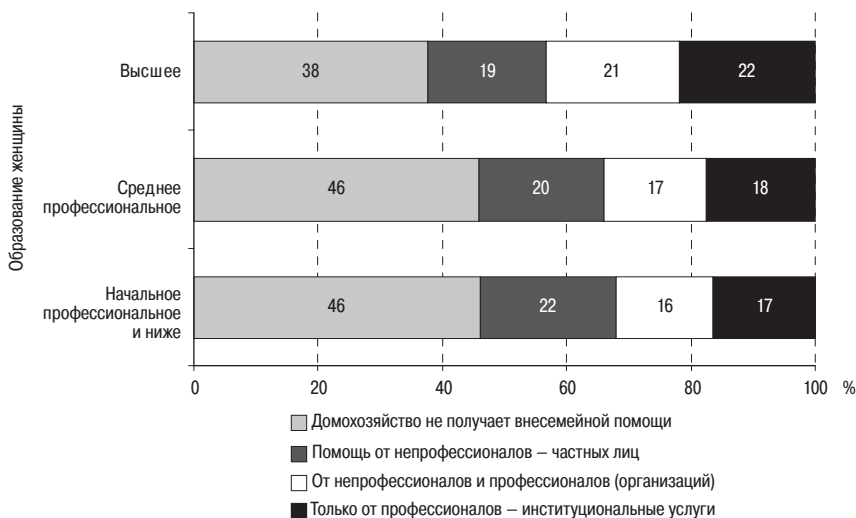

Рис 11. и табл. 8 показывают, что группа женщин с высшим образованием выделяется по всем параметрам. Они гораздо чаще других пользуются не только институциональными услугами в целом, но и каждым из их видов, в том числе эти различия проявляются и в использовании услуг детских садов. О разнообразии потребляемых социальных услуг женщи-

нами с высшим образованием говорит более высокий процент вариантов «детский развивающий центр», «другие группы по уходу за детьми, организованные родителями» и «другие организации». Здесь, видимо, можно говорить о преемственности при передаче человеческого капитала от родителей к детям. Родители, обладающие высоким уровнем человеческого капитала, уже с самого раннего детства инвестируют в ребенка, чаще прибегая к услугам дошкольных образовательных учреждений и выбирая те из них, которые предоставляют наиболее качественные услуги.

Таблица 8

Зависимость потребления институциональных социальных услуг от уровня образования женщины (по видам услуг)

Параметры	Число наблюдений			% от домохозяйств с детьми в данной группе		
	начальное профессиональное и ниже	среднее специальное	высшее и послевузовское	начальное профессиональное и ниже	среднее специальное	высшее и послевузовское
Всего домохозяйств с детьми до 14 лет	1083	1041	686	100	100	100
в том числе пользующихся регулярными институциональными услугами по уходу за детьми	347	354	297	32,0	34,0	43,3
из них пользующихся услугами:						
няни	3	7	22	0,3	0,7	3,2
детского развивающего центра, группы кратковременного присмотра за детьми	23	27	34	2,1	2,6	5,0
детского сада/яслей	260	264	213	24,0	25,4	31,0
группы продленного дня в школе	66	73	43	6,1	7,0	6,3
др. групп по уходу за детьми, организованных родителями	1	1	6	0,1	0,1	0,9
других организаций	20	34	44	1,8	3,3	6,4

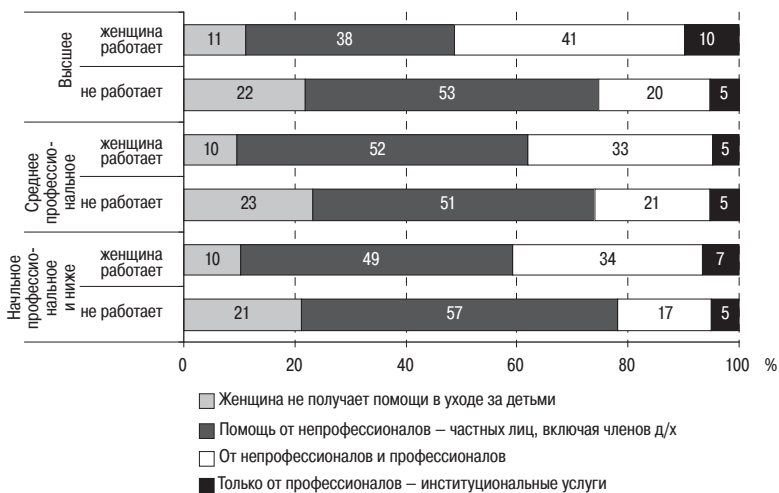
Особенно явно различия в зависимости от уровня образования прослеживаются среди занятых женщин, тогда как среди незанятых они менее значительны (рис. 12). Группа семей, где женщина имеет высшее

или послевузовское образование и занята на рынке труда, резко выделяется по потреблению институциональных, а также обоих типов услуг одновременно (максимальные показатели среди всех групп).

Учитывая то, что в настоящее время занятые женщины с высшим образованием чаще обращаются к услугам детских развивающих центров, особых групп по уходу за детьми, организованных родителями, и других нетипичных на данном рынке организаций, очевидно, что именно эта группа представляет собой потенциальных распространителей инновационных практик в сфере услуг по уходу за детьми (табл. 7, 8). И хотя данный сектор пока развит слабо, виден потенциал его расширения. Вероятно, при большей диверсификации рынка социальных услуг в будущем часть сегодняшних потребителей стандартных услуг обратятся в учреждения, предоставляющие более специфические услуги, сделав таким образом базовый рынок доступным для менее обеспеченных слоев населения. В результате такой спецификации рынка его потребители распределятся по сегментам соответственно своему социальному положению, который включает и материально-имущественный статус, и образовательный и пр.

Рисунок 12

Распределение женщин с детьми до 14 лет по видам получаемой ими помощи по уходу за детьми (в том числе от членов домохозяйства) в зависимости от уровня образования и статуса занятости женщины

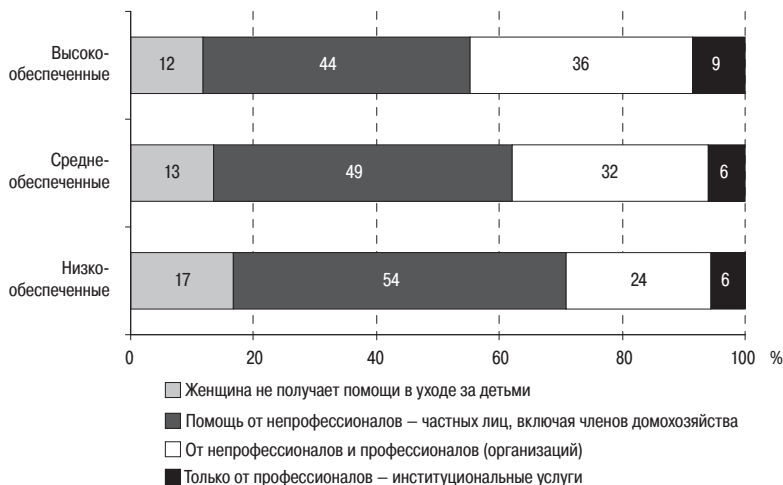

Доходная и материально-имущественная обеспеченность. Данные о влиянии дохода на особенности потребления социальных услуг демонстрируют справедливость предположения о том, что более высокий доход открывает доступ к более разнообразным услугам, как правило, платным. Спрос на услуги по уходу за детьми зависит от уровня доходной

и материально-имущественной обеспеченности семей с детьми (рис. 13)¹⁴. С ростом этого показателя увеличивается доля семей, пользующихся как услугами по уходу за детьми в целом, так и институциональными услугами. Доля семей, принимающих помощь от частных лиц — непрофессионалов, не зависит от материально-имущественного состояния, но в менее обеспеченных семьях выше доля тех, кто использует только эту помощь, тогда как более обеспеченные домохозяйства ориентируются на комбинацию частных и институциональных услуг.

Рисунок 13

Распределение домохозяйств с женщинами с детьми до 14 лет по видам получаемой ими помощи по уходу за детьми (в том числе от других членов домохозяйства) в зависимости от уровня материально-имущественной обеспеченности

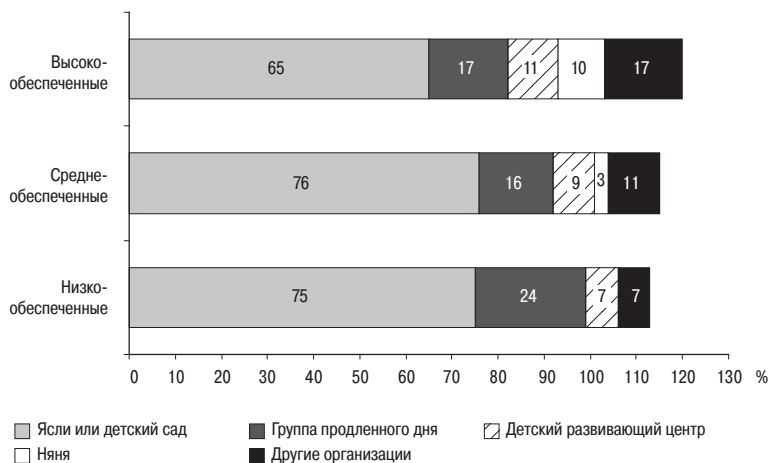
Кроме того, разнообразие потребляемых институциональных ресурсов в наиболее обеспеченной группе выше, чем в остальных (рис. 14). По отдельным типам институциональных услуг заметно, что эта группа чаще потребляет относительно редкие услуги (няня, детские развива-

¹⁴ Для оценки влияния этого параметра мы выделили три основные категории семей: домохозяйства с низкой, средней и высокой материальной обеспеченностью. В качестве структурирующих параметров были использованы данные о величине среднедушевых доходов домохозяйства за год (скорректированной на межрегиональные различия в стоимости жизни), а также информация об имущественной обеспеченности домохозяйства. Соотношение между тремя указанными группами в выборочной совокупности составило примерно 20 : 70 : 10. При интерпретации результатов важно иметь в виду, что по-настоящему богатые категории населения в массовые опросы не попадают, поэтому группа высокообеспеченных по нашему критерию домохозяйств соответствует в стратификационной шкале российского населения, скорее, позиции «выше среднего».

ющие центры, другие группы, организованные родителями, другие организации), а средняя и слабая — традиционные и массовые услуги (детский сад, группа продленного дня в школе). Это свидетельствует о том, что более низкий уровень потребления услуг специализированных учреждений (варианты «другое», «другие группы, организованные родителями») обусловлен не нежеланием женщин пользоваться подобными услугами, а финансовой недоступностью этих услуг для широких слоев населения. В силу высокой стоимости специфичных услуг по уходу за детьми представители низкообеспеченных слоев практически исключены из этого рынка. Однако нераспространенность этих услуг среди наименее обеспеченных групп объясняется и особенностями распространения инновационных практик в целом, о чем уже упоминалось выше.

Рисунок 14

Зависимость потребления разных видов институциональных услуг по уходу за детьми от уровня материально-имущественной обеспеченности домохозяйства, % от ответивших (допускалось несколько ответов)

Материально-имущественное положение семьи также влияет на ее способность оплачивать дополнительные услуги по уходу за детьми и, следовательно, на качество потребляемых услуг. Абсолютные затраты на социальные услуги по уходу за детьми растут с ростом материально-имущественной обеспеченности и особенно заметно — в группе высокообеспеченных, однако их доля в общем доходе домохозяйства снижается (табл. 9). Получается, что уход за детьми для менее обеспеченных семей обходится дороже, чем для более обеспеченных. На фоне низкой материальной обеспеченности первых данный фактор выступает дополнительным препятствием росту рождаемости среди представителей данной группы.

Различия в средних значениях годовых затрат на социальные услуги и их доля в общем доходе домохозяйства в зависимости от уровня материально-имущественной обеспеченности

Уровень материально-имущественной обеспеченности домохозяйства	Статистика	Годовые затраты на соц. услуги, руб.	Доля расходов на соц. услуги от годового дохода домохозяйства, %
Низкий	среднее	4741	10,1
	<i>стандартное отклонение</i>	<i>3514,64</i>	<i>8,00</i>
Средний	среднее	6650	6,3
	<i>стандартное отклонение</i>	<i>8125,09</i>	<i>0,08</i>
Высокий	среднее	18779	5,9
	<i>стандартное отклонение</i>	<i>47974,66</i>	<i>8,00</i>
Все домохозяйства	среднее	7891	6,9
	<i>стандартное отклонение</i>	<i>19086,04</i>	<i>8,00</i>

Детерминанты потребления институциональных услуг по уходу за детьми. Итак, какие же факторы оказывают значимое влияние на потребление институциональных услуг по уходу за детьми? Чтобы ответить на этот вопрос, построим регрессию, описывающую вероятность потребления институциональных услуг по уходу за детьми в зависимости от набора демографических и социально-экономических параметров¹⁵.

Результаты анализа, представленные в *табл. Приложения*, показывают, что на выборке всех домохозяйств с детьми до 14 лет все выше-рассмотренные факторы оказывают статистически значимое влияние на вероятность того, что домохозяйство будет прибегать к институциональным услугам по уходу за детьми. Наиболее сильно увеличивает шансы обращения к институциональным услугам занятость женщины и число детей в домохозяйстве. В то же время нельзя не признать, что набор использованных факторов описывает лишь незначительную часть вариации зависимой переменной.

¹⁵ Мы использовали бинарную логистическую регрессию, в которой зависимая переменная принимала значение 1, если домохозяйство пользовалось институциональными услугами. В качестве независимых переменных выступали тип поселения, состав домохозяйства, число или возраст детей до 14 лет в домохозяйстве, уровень образования женщины, ее трудовой статус и материально-имущественное положение домохозяйства.

Включение в модель переменной, характеризующей возраст ребенка или детей, улучшает качество модели. Именно фактор возраста детей становится определяющим в предсказании того, что домохозяйство будет получать институциональные услуги по уходу за детьми. Наиболее активно эти услуги потребляются в домохозяйствах с одним ребенком в дошкольном возрасте (главным образом 4–6 лет), а также в домохозяйствах, где все дети (или хотя бы один из них) находятся в возрасте 1,5–6 лет.

Второй по степени влияния фактор в обеих группах семей — с одним и с несколькими детьми до 14 лет — занятость женщины. Причем наиболее сильно этот параметр влияет на потребление институциональных услуг в домохозяйствах с одним ребенком до 14 лет.

Эффект образования оказался ниже, чем мы ожидали. Причем в домохозяйствах с двумя и более детьми этот параметр статистически не значим. Как это ни удивительно, но и материально-имущественный статус домохозяйства оказался незначимым параметром в моделях для домохозяйств с разным числом детей. По-видимому, материально-имущественная обеспеченность в большей мере сказывается на способности домохозяйства платить за услуги по уходу за детьми. И оба фактора, образование и материально-имущественный статус, влияют скорее на ассортимент потребляемых услуг, нежели на сам факт обращения к ним. Их незначимость в моделях объясняется сохраняющейся массовостью детских садов. Однако и этот результат имеет содержательное значение: по крайней мере, пока нельзя говорить о серьезных барьерах в доступе к услугам дошкольных учреждений как таковым, определяемым размерами доходов семьи.

Основные выводы

Итак, наше исследование показало, что значительная часть российских семей получает дополнительную помощь в уходе за детьми от организаций или частных лиц — непрофессионалов. Потребление услуг по уходу за детьми различается в зависимости от возраста детей, характеристик матерей и их домохозяйств.

Услуги частных лиц — непрофессионалов, среди которых, безусловно, преобладают родственники (прежде всего бабушки), востребованы, пока ребенок не идет в школу. Домохозяйства с наиболее маленькими детьми (до 1,5 лет) прибегают преимущественно к этому источнику помощи. Спрос на услуги дошкольных учреждений растет в старших дошкольных возрастах, достигая максимума перед тем, как ребенок идет в школу (4–6 лет).

Спрос на инновационные институциональные услуги, помощь со стороны профессиональных работников по воспитанию и образованию

детей заметно выше со стороны наиболее образованных родителей. И в этом проявляется их стремление раньше начать развитие ребенка, обеспечить его более качественную подготовку к школе.

Интенсивнее других институциональные услуги потребляют занятые женщины с высшим образованием. В этой группе концентрируется как стремление к более качественному дошкольному воспитанию детей, так и недостаток времени на уход за ними дома. Однако именно в этой группе находится максимальная доля женщин, чьи дети получают помощь от учреждений и от непрофессионалов. Такая ситуация является следствием наличия барьера доступности многих институциональных услуг по уходу за детьми, связанного с часами их работы. Кто-то должен отводить ребенка в развивающий центр, кружки, секции и забирать его оттуда. Именно здесь скрыт потенциал роста спроса на альтернативные услуги по уходу за детьми (услуги профессиональных нянь, гувернанток и пр.).

Наконец, несмотря на то что барьеры, связанные со стоимостью услуг по уходу за детьми, действительно не оказывают драматическое влияние на возможность получения каких-нибудь услуг, возможность потребления более разнообразных и более качественных услуг в полной мере доступна лишь наиболее обеспеченным семьям. Причем более качественное воспитание и образование детей им обходится относительно дешевле, чем семьям с низким достатком.

Подводя итоги, отметим, что в настоящее время рынок услуг по уходу за детьми до сих пор недостаточно развит. Предоставляемые услуги мало дифференцированы (хотя налицо возрастающий спрос на специализированные социальные услуги). Для некоторых слоев недоступны даже услуги детских садов (наблюдается тенденция к постепенному превышению числа детей, нуждающихся в услугах детских садов, над числом мест в них), а условия предоставления услуг не всегда соответствуют потребностям (время работы учреждений, стоимость, качество услуг).

Неразвитость рынка социальных услуг приводит к негативным последствиям, не касающимся непосредственно удовлетворенности потребителей, уже пользующихся этими услугами. От того, как женщина оценивает свои возможности воспользоваться услугами дошкольных учреждений, и, соответственно, связанные с этим ее перспективы вернуться на рынок труда, зависит ее решение о рождении будущего ребенка (второго и последующих). Стимулирование рождаемости материальными мерами без развития рынка услуг по уходу за детьми может, с одной стороны, дать эффект лишь в краткосрочной перспективе, а с другой, усилить отток женщин — молодых матерей или бабушек пенсионных возрастов — с рынка труда.

Литература

1. Бурдяк А.Я., Попова Д.О. Причины бедности семей с детьми: по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области// СПЭРО. 2007. №6 (весна-лето). С. 31–56.
2. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность. Коллективная монография/ Рук. Л.Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
3. Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Книжный дом «Университет», 2002.
4. Население России 2003–2004. Одиннадцатый-двенадцатый ежегодный демографический доклад/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Наука, 2006.
5. *Оберемко О.А.* Денежные траты на дошкольное образование в 2003/2004 учебном году// Человек, сообщество, управление. 2004. №3–4. С. 33–53.
6. Обзор социальной политики в России: Начало 2000-х гг./ Под ред. Т.М. Малевой/ Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др.; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007.
7. *Овчарова Л.Н., Пишняк А.И.* Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми?// СПЭРО. 2007. №6 (весна-лето). С. 5–30.
8. Постановление Правительства РФ от 01.07.1995 №677 (ред. от 01.02.2005) «Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении».
9. *Савицкая Е.В.* Детское дошкольное образование: экономический аспект. Информационный бюллетень. — М.: ГУ-ВШЭ, 2005.
10. *Apps P., Rees R.* Fertility, Female Labor Supply and Public Policy// IZA Discussion Paper No. 409. December 2001.
11. *Del Boca D.* The Effect of Child Care and Part Time Opportunities on Participation and Fertility Decisions in Italy// IZA Discussion Paper No. 427. February 2002.
12. *Hoem J.* Why does Sweden have such high fertility?// Demographic Research. Vol. 13. Article 22. P. 559–572.
13. *Neyer G.* Family Policies and Low Fertility in Western Europe// MPIDR Working Paper, WP 2003–021, July 2003. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. P. 32.
14. Why We Need a New Welfare State?/ Esping-Andersen G. (ed.) — NY: Oxford University Press, 2002.

Приложение

Оценка факторов, влияющих на вероятность того, что домохозяйство будет пользоваться институциональными услугами по уходу за детьми до 14 лет, моделями бинарной логистической регрессии

Параметры	Все домохозяйства с детьми до 14 лет			Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет			Домохозяйства с двумя и более детьми		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
Тип поселения:	Референтная группа — село								
Москва, Санкт-Петербург	0,512	0,004	1,668	0,661	0,008	1,937	0,903	0,025	2,467
областной центр	0,461	0,000	1,585	0,364	0,044	1,439	0,713	0,005	2,040
город	0,298	0,016	1,347	0,194	0,296	1,214	0,264	0,261	1,302
поселок городского типа	0,081	0,691	1,085	0,118	0,704	1,125	0,243	0,561	1,275
Состав домохозяйства:	Референтная группа — партнерская пара с детьми и родственниками								
мать-одиночка с детьми	0,398	0,018	1,488	0,414	0,069	1,513	0,883	0,046	2,419
партнерская пара с детьми	0,346	0,000	1,413	0,275	0,055	1,317	0,093	0,662	1,098
мать-одиночка с детьми и другими родственниками	0,368	0,035	1,444	0,377	0,092	1,458	0,119	0,829	1,127
Образование женщины:	Референтная группа — высшее								
начальное профессиональное и ниже	-0,233	0,039	0,792	-0,267	0,096	0,766	-0,394	0,112	0,674
среднее профессиональное	-0,319	0,004	0,727	-0,334	0,032	0,716	-0,225	0,356	0,798
Статус занятости женщины:	Референтная группа — не работает								
работает	0,927	0,000	2,526	1,526	0,000	4,602	1,065	0,000	2,902
Материально-имущественная обеспеченность домохозяйства:	Референтная группа — низкая								
средняя	0,252	0,030	1,287	0,031	0,859	1,032	0,252	0,235	1,286
высокая	0,360	0,043	1,434	0,293	0,237	1,340	0,113	0,794	1,120
Число детей до 14 лет в домохозяйстве:	Референтная группа — 1 ребенок								
2 и более	0,838	0,000	2,311	—	—	—	—	—	—
Возраст ребенка	Референтная группа — 11–13 лет								
до 1,5 лет включительно	—	—	—	-0,399	0,379	0,671	—	—	—

Параметры	Все домохозяйства с детьми до 14 лет			Домохозяйства с одним ребенком до 14 лет			Домохозяйства с двумя и более детьми		
	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)	B	Sig.	Exp (B)
1,5–3 года	—	—	—	2,627	0,000	13,838	—	—	—
4–6 лет	—	—	—	3,570	0,000	35,528	—	—	—
7–10 лет	—	—	—	1,008	0,000	2,741	—	—	—
Возраст детей	—	—	—	—	—	—	Референтная группа — все школьники		
1 ребенок до 1,5 лет, остальные дошкольники	—	—	—	—	—	—	2,151	0,000	8,591
1 ребенок до 1,5 лет и хотя бы 1 школьник	—	—	—	—	—	—	1,381	0,000	3,977
все дошкольники (1,5–6 лет)	—	—	—	—	—	—	2,465	0,000	11,761
дошкольники (1,5–6 лет) и школьники (7–13 лет)	—	—	—	—	—	—	1,999	0,000	7,383
Константа	-1,925	0,000	0,146	-3,626	0,000	0,027	-2,435	0,000	0,088
Число наблюдений	2626			1881			658		
Nagelkerke R Square	0,111			0,447			0,277		

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ ДОМОХОЗЯЙСТВА

---

*Овчарова Л. Н.,
Пишняк А. И.,
Попова Д. О.*

Измерение и анализ благосостояния: возможные подходы на основе данных РидМиЖ¹

Данная статья посвящена концептуальным и методическим вопросам разработки инструментария измерения материальных условий жизни домашних хозяйств. Для целей моделирования демографических намерений и на основе принципов построения, согласованных сводных индексом, реализуется оригинальный подход к оценке накопленного благосостояния домохозяйств. Авторы не предлагают универсальные индексы измерения уровня и качества жизни населения, скорее, речь идет о методическом подходе, который в каждом конкретном случае будет адаптироваться к целям и информационным возможностям отдельных исследований.

Благосостояние домашних хозяйств или отдельных граждан измеряется душевыми текущими денежными доходами населения, которые используются для определения уровня бедности, неравенства, динамики условий жизни населения. Именно этот показатель принимают во внимание большинство исследователей, когда речь идет о влиянии материального положения респондентов на социальную стратификацию, выбор моделей экономической активности и трудовой мобильности, репродуктивное и электоральное поведение. Несмотря на то что данная традиция измерения благосостояния продолжает преобладать в

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений - эмпирические данные по двум странам ЕС и двум новым независимым государствам - интеграция ЕС и его новых ближайших соседей» (грант INTAS) в 2006-2008 гг.

системах национального статистического учета, межстрановых сопоставлениях и отдельных исследованиях материальных условий жизни, все большее распространение получают подходы, основанные на многомерных оценках достигнутого уровня жизни, учитывающих не только доходы, но и другие его компоненты: текущее потребление, оснащенность товарами длительного пользования, владение недвижимостью и финансовыми активами. Важно также подчеркнуть, что, работая с базами микроданных, исследователи имеют дело с оценками доходов, которые, как правило, значительно ниже душевых доходных характеристик, получаемых на основе макроэкономического баланса доходов и расходов. Чтобы проиллюстрировать это, обратимся к сравнению параметров доходной обеспеченности по официальным статистическим источникам, каковыми являются макроэкономический баланс доходов и расходов населения и данные обследования бюджетов домохозяйств (ОБДХ) в 2003 г.² Согласно данным макроэкономического баланса, среднедушевые доходы, за вычетом налогов и обязательных платежей, составляющих 8,2% от всех начисленных доходов, в этот период оценивались в 4746³ руб. Аналогичные характеристики доходной обеспеченности, полученные на основе ОБДХ, существенно ниже: 3186 руб.⁴, или 67,1% от уровня макроэкономической оценки. Обозначенное расхождение обусловлено двумя разнонаправленными обстоятельствами. С одной стороны, данные ОБДХ смещены в сторону бедных семей, и в таком случае при получении характеристик генеральной совокупности необходимо применять процедуры перевзвешивания выборочных данных. С другой стороны, доходы в макроэкономическом балансе на 26,6% представлены источниками, которые не идентифицируются, и дооценены на основании расходов⁵, поэтому макроэкономические оценки также вызывают определенные вопросы у экспертного сообщества. В любом случае обследования не позволяют собрать полной информации о доходах, и не только потому, что обеспеченные семьи слабо представлены в выборках, но и по причине сокрытия информации о доходах самими респондентами. В ряде опросов населения доходная обеспеченность контролируется информацией о расходах, но если таковых нет, необходимость использования интегральных показателей благосостояния становится еще более очевидной, в том числе и потому,

---

² 2003 г. выбран потому, что на этот период доступны все необходимые данные в годовом исчислении.

³ Рассчитано по данным: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб./Росстат. — М., 2006. С. 30, 112.

⁴ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2003 г. (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). — М., 2004 г. С. 55.

⁵ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб./Росстат. — М., 2004. С. 155.

что нужно инспектировать представленную информацию о доходах. Еще раз подчеркнем, что текущие денежные доходы не позволяют получить представление о компонентах благосостояния, характеризующих накопленное движимое и недвижимое имущество.

Метод многомерных оценок благосостояния получил свое развитие в рамках концепций измерения бедности, а индексы множественной депривации⁶ и социальной исключенности⁷ — это, по сути, комплексные оценки условий жизни, инструментально настроенные на измерение бедности. Стратификационные исследования, ориентированные на идентификацию и анализ качественных характеристик среднего класса⁸, также применяют интегральные оценки достигнутого уровня экономического положения.

Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РИДМИЖ) — одно из первых в России исследований, посвященных изучению демографических процессов и демографического поведения российских домохозяйств. Его программа предполагает сбор информации о доходах (данные о расходах не представлены), некоторых потребительских стандартах, жилищной обеспеченности и субъективных оценках материальной обеспеченности. Обозначенные исследовательские цели подвигли нас к разработке и использованию индекса благосостояния опрошенных домохозяйств, характеризующего размеры не только текущих денежных поступлений, но и накопленных материальных активов. Вместе с тем задача разработать универсальный сводный индекс благосостояния не ставилась, поскольку когда речь идет об индексном методе, то принципиальный вопрос, связанный с выбором показателей, характеризующих уровень жизни, продолжает оставаться дискуссионным. Задача состояла в другом — представить читателям инструментарий построения сводных и частных индексов, понять, могут ли они быть согласованными, т.е. отображать некоторое общее для всех домохозяйств представление о достигнутом уровне материальной обеспеченности. Следующий не менее важный вопрос — что делать в том случае, если наши экспертные представления о базовых компонентах условий жизни не позволяют получить согласованных индексов.

Работая с данными РИДМИЖ, авторы также столкнулись с проблемой поиска методологических приемов восполнения недостающих

⁶ *Townsend P.* Poverty in the United Kingdom. Harmondsworth: Penguin, 1979; *Mack J., Lansley S.* Poor Britan. London: George Allen and Unwin, 1985.

⁷ *Townsend P., Bradshaw J.*, Poverty and social exclusion in Britain. Joseph Rowntree Foundation, 2000.

⁸ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии/ Е.М. Аврамова и др.; под ред. Т.М. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003. — 506 с.; *Давыдова Н.М., Тихонова Н.Е.* Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации// Социологические исследования. 2006. №2 (262). С. 29—41.

данных по таким важным компонентам уровня жизни, как, например, жилищные условия. Выборка данного обследования пересекается с другим популярным в России обследованием условий жизни населения — лонгитюдным Российским мониторингом экономического благосостояния и здоровья (РМЭЗ). Из 11 261 домохозяйства, опрошенного в ходе обследования РидМиЖ во II квартале 2004 г., 2589 домохозяйств являются участниками 13-й волны РМЭЗ⁹, проведенной в III квартале 2004 г., 1184 домохозяйства — участниками всех волн РМЭЗ начиная с 1994 г. Такой кумулятивный дизайн выборки позволит значительно расширить возможности анализа данных опроса РидМиЖ, в случае необходимости подключая к анализу данные обследования РМЭЗ, которое изначально нацелено на более детальное изучение параметров благосостояния российского населения. Поэтому вниманию читателей предлагаются и некоторые приемы совмещения результатов обоих обследований с целью получения более полных сводных индексов благосостояния.

Данная статья носит методологический характер, теоретически она опирается на развитие ресурсного стратификационного подхода¹⁰, но рассматривает только материальные компоненты, соответствующим образом классифицированные и измеренные. Важным методологическим фокусом статьи стала и технология оценки денежных доходов, инструментально ориентированная на применение множественных индексов благосостояния. Содержательно предлагаемый индекс привязан к данным РидМиЖ и, возможно, при переходе к другим базам данных или в случае решения других исследовательских задач, качественное наполнение индекса может быть иным, но сама методика его построения претендует на универсальность.

1. Методика построения индекса благосостояния

Поскольку решается проблема классификации материальных активов и их последующего измерения, методика построения индекса благосостояния предлагает реализацию следующих этапов: 1) на основе контекстуального анализа данных РидМиЖ определяются первичные индикаторы благосостояния; 2) группы индикаторов объединяются в рамках доменов благосостояния, характеризующих отдельные виды материальных ресурсов, для каждого из которых рассчитывается частный индекс; 3) частные индексы доменов объединяются в итоговый

---

⁹ РМЭЗ представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов, проводившихся с 1992 г. при поддержке международных организаций. Подробную информацию об обследовании можно найти на <http://www.crc.unc.edu/projects/rfms>.

¹⁰ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. №9 (269). С. 28–41.

индекс благосостояния. В рамках программы данного исследования было выделено 5 доменов благосостояния:

- доходная обеспеченность;
- имущественная обеспеченность;
- жилищная обеспеченность;
- базовые потребительские возможности;
- субъективная оценка благосостояния.

Каждый домен отражает определенный аспект благосостояния или его измерения. Первые три домена — это традиционные компоненты экономического благосостояния домохозяйств, а четвертый и пятый представляют собой альтернативные способы измерения. Почему мы включили в индекс домены альтернативных измерений материального положения? Прежде всего потому, что решая вопрос о рождении детей, смене места работы, об изменении статуса экономической активности, респонденты, если и принимают во внимание достигнутый уровень материального положения, то только в субъективном его измерении. Далее мы покажем, что взгляд на материальные условия жизни через призму субъективных оценок и потребительских возможностей иначе располагает домохозяйства на стратификационной шкале. Кроме того, опыт в исследовании проблем бедности уже показал, что ее определение на основе благосостояния, измеренного в терминах доходов, потребления и субъективных оценок, идентифицирует разные группы домохозяйств в числе бедных, и зона их пересечения не велика¹¹.

Следующий методологический принцип, которому мы следовали, — сделать домены непересекающимися по набору показателей, поэтому индикаторы не дублируются внутри разных доменов. Например, наличие долгов по оплате ЖКУ может служить как показателем низкой доходной обеспеченности, так и признаком депривации в сфере базовых потребительских возможностей. В результате этот показатель включен только в домен доходов. Такой подход позволяет как избежать необходимости оценки причинно-следственных связей между разными аспектами благосостояния (например, между доходами и жилищными условиями), так и принимать обоснованные решения о том, какой вес должны иметь домены в итоговом индексе благосостояния.

Частный индекс каждого домена состоит из набора первичных индикаторов, которые должны удовлетворять следующим требованиям:

---

¹¹ *Можина М.А., Овчарова Л.Н. и др.* Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография. — М., 1998. — 282 с. (Научн. докл./Моск. Центр Карнеги; Вып. 24); *Бурдяк А.Я., Овчарова Л.Н., Пишняк А.И. и др.* Бедность и благосостояние домохозяйств в Ленинградской области. По результатам выборочного опроса домохозяйств в апреле 2005 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой. — СПб.: Селеста, 2007. — 288 с.

- характеризовать специфику домена благосостояния и, по возможности, быть прямыми показателями благосостояния в этой сфере;
- отражать признаки, наблюдаемые у всех единиц выборочной совокупности, а не какой-либо отдельной группы населения;
- быть статистически надежными.

Домен доходной обеспеченности состоит из одного индикатора — душевых денежных доходов, которые корректировались с помощью ряда вспомогательных показателей. Другие аспекты благосостояния измеряются индексами, в состав которых входит несколько независимых индикаторов (5 — в домене базовых потребительских возможностей, 9 — в домене имущественной обеспеченности, 3 — в домене жилищной обеспеченности и 2 — в домене субъективной оценки благосостояния).

Домен доходной обеспеченности

Как уже отмечалось, домен доходной обеспеченности представлен в индексе одним показателем — душевые денежные доходы. Проводя сравнительный анализ оценок этих доходов, полученных различными исследователями на основе данных РМЭЗ, мы столкнулись с тем, что разные исследователи получают несовпадающие оценки, и причины кроются в использовании неодинаковых методик расчета душевых доходов. Учитывая это обстоятельство, считаем необходимым познакомить читателей со всеми методологическими приемами, которые были применены при оценивании доходов. Для их измерения в программе обследования РИДМИЖ как основная использовалась методология, несколько отличная от общепринятой статистической практики, но получившая широкое распространение в опросах общественного мнения. Респондента просят указать сумму совокупного дохода домохозяйства из всех источников либо за последние 12 месяцев, либо в расчете на месяц. Как показал опыт многочисленных исследований, проведенных в России и других странах, при использовании подобной методики сбора информации на точные результаты рассчитывать не приходится^{12,13,14}.

Более качественные оценки дает метод сбора информации о доходах по отдельным их источникам, и он также нашел применение в обследовании РИДМИЖ. В частности, собирается достаточно детальная информация по всем видам личных доходов респондента и его суп-

---

¹² *Popova D.* Strategies of Russian Workers in Adapting to Market Reforms, Russian Economic Trends, Blackwell Publishers. — Oxford, 2001. Vol. 10. №3/4.

¹³ Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность/ Рук. авт. колл. Л. Н. Овчарова. Независимый институт социальной политики. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — 348 с.

¹⁴ *Елисеева И.И., Бурдяк А. Я., Пишняк А.И. и др.* Указ. соч.

руга/партнера за последние 12 месяцев (включая доходы от занятости и предпринимательской деятельности, а также пенсии, стипендии и социальные пособия, алименты и содержание от бывших партнеров). Однако подобные вопросы о личных доходах других членов домохозяйства не предусмотрены, так же как и сбор информации об общесемейных доходах, за исключением данных о денежных трансфертах, полученных от людей, не входящих в состав домашнего хозяйства. В связи с этим мы не можем использовать эту агрегированную оценку в качестве базового показателя доходной обеспеченности домохозяйства и применяем ее только в качестве контрольного индикатора.

Таким образом, в тех случаях, когда респонденты не ответили на вопрос о суммарном доходе домохозяйства (5,8% опрошенных) или указанный совокупный доход в месячном выражении был ниже, чем сумма компонентов личных доходов респондента и его супруга/партнера и денежных трансфертов, полученных извне (22,5% опрошенных), мы дооценивали указанный респондентом совокупный доход на основе данной информации.

Поскольку предлагаемый индекс чувствителен к неправдоподобно низким и высоким значениям дохода, первичные данные были скорректированы по следующей схеме. Если душевые доходы для данного домашнего хозяйства десятикратно превосходили или составляли менее 1/10 медианных душевых доходов в данном регионе и типе поселения, они замещались соответствующим предельным (максимальным или минимальным) значением интервала. В целом мы заменили 1,1% от общего числа выбросов (*табл. 1 Приложения*). Большинство исследователей пренебрегают этой процедурой из-за ее трудоемкости и, казалось бы, незначительных эффектов влияния, но при использовании множественных индексов выполнение такой процедуры необходимо.

Далее возникает вопрос о домохозяйствах, не сообщивших никакой информации о своих доходах (1,8% всех наблюдений). Для них эти значения были спрогнозированы на основе регрессионной модели, в которой зависимой переменной является логарифм душевых доходов, а независимыми переменными — набор характеристик, отражающий демографическую структуру домохозяйства, уровень образования и статус занятости его членов, наличие тех или иных источников дохода, а также дамми-переменные региона и типа поселения, отвечающие за ненаблюдаемые параметры местного рынка. Параметры модели приведены в *табл. 2 Приложения*.

При анализе показателей благосостояния необходимо помнить о том, что Россия относится к странам с высоким уровнем межрегионального неравенства, как по уровню доходов населения, так и по стоимости жизни. Стоимость минимальных потребительских наборов в субъектах Российской Федерации различается в несколько раз. Поэтому низкие доходы

населения в слаборазвитых регионах могут частично компенсироваться низкой стоимостью жизни. В то же время в регионе с высокими доходами покупательная способность населения может быть ниже, чем в регионе с более низкими доходами. Поэтому показатели доходов были приведены к сопоставимому виду, и различия в стоимости жизни нивелированы посредством их умножения на коэффициент, равный соотношению общероссийского и регионального прожиточного минимума во II квартале 2004 г. В противном случае гарантированы сильные смещения показателей благосостояния [Л. Овчарова, Э. Теслюк, 2006¹⁵; Д. Гибсон, А. Подузов (2003)¹⁶; А. Дитон, С. Заиди (1999)¹⁷]. Таким образом, на этом этапе мы располагаем количественной оценкой реальных душевых доходов в расчете на месяц, очищенной от пропущенных значений и выбросов.

Программа обследования также позволяет построить два дополнительных индикатора доходной обеспеченности. Во-первых, респондента спрашивают остаются ли у домохозяйства деньги, которые оно могло бы сберечь или отложить. На этот вопрос утвердительно ответили 2857 респондентов (25,4% выборки). Во-вторых, респонденту задают вопрос о том, были ли за последние 12 месяцев случаи, когда домохозяйство оказывалось не в состоянии внести очередной платеж за жилье и коммунальные услуги (26,6% всех домашних хозяйств рассказали о таких ситуациях). Одновременно о наличии сбережений и задолженности по оплате ЖКУ сообщили 3,4% опрошенных.

Мы исходим из того, что домохозяйство, у которого есть сбережения, при прочих равных условиях имеет более высокий уровень благосостояния, чем домохозяйство, у которого таковые отсутствуют. Напротив, наличие долгов по оплате ЖКУ при прочих равных условиях, свидетельствует о более низком уровне благосостояния семьи. Вопрос относительно долгов по оплате жилья и коммунальных услуг требует комментариев, поскольку такого рода задолженности не всегда связаны с отсутствием денег. Вместе с тем результаты специализированных исследований указывают на то, что низкие доходы являются основной причиной рассматриваемых видов долгов¹⁸, и в нашем исследовании

---

¹⁵ Овчарова Л., Теслюк Э. Чувствительность статистических показателей бедности и неравенства к альтернативным определениям благосостояния домашних хозяйств. Иллюстрация с помощью данных обследования НОБУС. Предварительный вариант доклада. Сентябрь 2006 г.

¹⁶ Гибсон Д., Подузов А.А. Оценка индикаторов благосостояния для целей измерения бедности в России. Окончательный вариант доклада. Сентябрь 2003 г.

¹⁷ Deaton A., Zaidi S. Guidelines for Constructing Consumption Aggregates for Welfare Analysis, RPDS Working Paper 192, Princeton University. 1999ю

¹⁸ Корнев Н.Р. Отчет по гранту SP-99-1-12. Проблема массовой задолженности за жилье и альтернативы жилищной политики. Программа «Социальная политика накануне XXI в.» 1999 г.

Таблица 1

Среднее значение поправочного коэффициента для домохозяйств, имеющих сбережения и/или задолженность по оплате ЖКУ

Децильная группа	Наличие задолженности по оплате ЖКУ	Наличие сбережений
1 (с самыми низкими доходами)	0,14	1,12
2	0,82	1,04
3	0,88	1,02
4	0,92	1,04
5	0,93	1,04
6	0,96	1,03
7	0,97	1,05
8	0,97	1,03
9	0,98	1,04
10 (с самыми высокими доходами)	0,98	1,04
В среднем по выборке	0,85	1,05

именно респонденты из первой децильной группы чаще других указывали на случаи задержки платежей за ЖКУ.

Таким образом, задача состоит в том, чтобы рассчитать поправочный коэффициент, который бы понижал душевые доходы, если у семьи имеет место задолженность по оплате ЖКУ и, наоборот, повышал их, если у семьи есть сбережения. Очевидно также, что из двух семей, имеющих сбережения, более обеспечена та семья, у которой размер сбережений выше, а из двух семей, имеющих задолженность по оплате ЖКУ, менее обеспечена семья, у которой эта задолженность выше.

На этом этапе анализа исследователи сталкиваются с информационными ограничениями, поскольку в анкете РидМиЖ не предусмотрены вопросы о размере сбережений и долгов по оплате ЖКУ. Чтобы восполнить этот пробел, мы вынуждены были прибегнуть к дополнительному источнику данных — обследованию РМЭЗ, которое, как уже было сказано выше, проводилось в том же году и практически на той же выборке домохозяйств¹⁹. На данных РМЭЗ было рассчитано среднее соотношение душевого размера сбережений/долгов по оплате ЖКУ и доходов домохозяйства для каждой децильной группы.

В результате итоговый показатель реальных доходов в обследовании РидМиЖ, очищенный от выбросов и пропущенных значений, допол-

¹⁹ Отметим, при использовании предлагаемой методики расчета индикаторов информационные пробелы такого рода могут быть легко восполнены с помощью любого доступного исследователю источника информации, например, с помощью данных официальной статистики.

нительно корректируется с помощью поправочного коэффициента, значения которого приведены в *табл. 1*. Обратим внимание на то, что именно доходы 10% самых бедных в большей степени корректируются за счет предложенных поправочных коэффициентов.

Итак, мы получили душевые доходы со скорректированными неправдоподобными выбросами, восстановленные при отсутствии прямых ответов и приведенные к сопоставимому виду в случае наличия различий в стоимости жизни. В заключение отметим, что среднедушевые доходы, оцененные до применения процедур корректировки на различия в стоимости жизни и коэффициентов владения сбережениями и наличия задолженности по оплате ЖКУ, равны 3130 руб., что составляет 89%²⁰ от аналогичной оценки доходов, полученной по данным ОБДХ.

Домен имущественной обеспеченности

Имущественная обеспеченность является неотъемлемой компонентой оценки благосостояния домохозяйств в рамках ресурсного подхода. Однако ошибочно считать, что он игнорируется официальной статистикой (например, ФСГС учитывает товары длительного пользования при определении неравенства). В связи с этим следует заметить, что для исследования благосостояния принципиален не столько сам факт включения этой составляющей в анализ, сколько выбор метода ее оценки.

В рамках нашего подхода индикатор имущественной обеспеченности домохозяйства представляет собой индекс, рассчитанный на основе данных о наличии у домохозяйства товаров длительного пользования и второго жилья.

Общую схему вычисления индекса можно представить следующим образом:

Шаг 1: устанавливается, какие компоненты имущества есть в распоряжении домохозяйства.

Шаг 2: определяется вес каждой компоненты.

Шаг 3: суммируются веса всех учитываемых компонент имущества, имеющихся у семьи.

В итоге, данный индекс имеет вид:

$$I_{ио} \equiv \frac{\sum a_i x_i}{\sum a_i} \times 100, \quad (1)$$

---

²⁰ Согласно данным ОБДХ за период с III кв. 2003 г. по II кв. 2004 г. включительно душевые доходы составили 3526 руб. рассчитано по данным статистических сборников «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств): (1) во II квартале 2003–2004 гг. (стр. 29); (2) в III кв. 2003–2004 гг. (стр. 29); (3) в IV кв. 2003–2004 гг. (стр. 29); в I–IV кв. 2004–2005 гг. (С. 24).

где x — компоненты имущественной обеспеченности (принимают значение «1» в случае наличия у домохозяйства; «0» — в случае отсутствия); a — веса этих компонентов; i — число компонент имущественной обеспеченности, включенных в анализ.

Очевидно, компоненты имущественной обеспеченности вносят неодинаковый вклад в благосостояние домохозяйств, в связи с чем и возникает необходимость перевешивания. В качестве эквивалента веса компонент выбран показатель доли домохозяйств, не имеющих возможности приобрести тот или иной товар длительного пользования или второе жилье по причине недостатка денежных средств²¹. Однако, на наш взгляд, разрыв, существующий в стандартах жизни различных категорий населения Российской Федерации, требует дополнительной корректировки весов.

Существует несколько критериев, которые можно выбрать в качестве дифференцирующих. Традиционно в России существенные расхождения наблюдаются при рассмотрении характеристик материальной обеспеченности в разрезе различных регионов и типов поселения. Несомненно, разница фиксируется и в стандартах потребления, характерных для домохозяйств различных социально-демографических типов.

С учетом специфики обследования РИДМЖ, мы остановили свой выбор на двух факторах — типе поселения и составе семьи. Это решение гарантировало нам работу с группами статистически значимого размера — не меньше величины предельной доли выборки — 1,5%.

В итоге, сегменты домохозяйств, не имеющих возможности позволить себе то или иное имущество, определялись по четырем типам поселения (крупные города и региональные центры, другие города, поселки городского типа, село) и трем социально-демографическим типам (семьи с трудоспособными и детьми, семьи с трудоспособными без детей, семьи только пенсионеров). Таким образом, было обеспечено 12 вариаций весов компонент показателя имущественной обеспеченности.

Какие же виды имущества учитывались при расчете данного домена?

РИДМЖ содержит информацию о наличии у домохозяйств 10 видов товаров длительного пользования и второго жилья. При этом вопрос формулируется таким образом, что позволяет не только судить о том, каких предметов нет в распоряжении семьи, но и определить, является ли факт отсутствия того или иного блага следствием бюджетного ограничения (*табл. 2*).

---

²¹ Такой подход можно обнаружить в работах ряда исследователей, напр. *Hallerod B. A New Approach to the Direct Measurement of Consensual Poverty/ SPRC Discussion paper. 1994. №50.*

Очевидно, наиболее распространенными благами из приведенного списка являются холодильник, телевизор, стиральная машина (95,3, 91,3 и 82,2% соответственно). Микроволновая печь и домашний компьютер, напротив, относятся к компонентам имущественной обеспеченности, в отношении которых респонденты чаще всего выбирают вариант ответа «не можем себе позволить». Аналогично обстоит дело и со вторым жильем.

Иная ситуация складывается с посудомоечной машиной и вторым автомобилем: несмотря на то что эти блага реже всего встречаются в распоряжении домохозяйств (0,7 и 3,5%), их отсутствие в большинстве своем объясняется причинами, не связанными с недостатком средств на приобретение. Этот факт свидетельствует о наличии в современном российском обществе различных потребительских стратегий, и вполне адекватно характеризует одну из них.

Не будем забывать, однако, что здесь мы описываем ситуацию, характерную для выборки в целом. По отдельным же группам домохозяйств, находящихся в фокусе нашего внимания, фиксируются иные комбинации имущественной обеспеченности. Впрочем, фактически для всех групп самым доступным благом оказывается холодильник, а микроволновая печь и компьютер неизменно попадают в категорию бытовой техники, отсутствующей по причине ограничения возможностей (табл. 4 Приложения).

Таблица 2

Имущественная обеспеченность домохозяйств, по данным РИДМиЖ, %

Имущество	Есть у домохозяйства	Нет у домохозяйства (хотели бы, но не могут себе позволить)	Нет у домохозяйства (по другим причинам)
Цветной телевизор	91,3	6,7	1,8
Видеомагнитофон или DVD-плеер	52,2	24,4	23,1
Стиральная машина	82,2	12,8	4,8
Микроволновая печь	15,9	45,6	38,3
Домашний компьютер	16,0	43,5	40,2
Посудомоечная машина	0,7	34,5	63,9
Телефон (стационарный или мобильный)	66,7	22,2	10,7
Автомобиль или мини-автобус для личного пользования	31,0	37,9	30,8
Второй автомобиль	3,5	34,2	61,2
Второе жилье (дом, квартира, зимняя или летняя дача)	21,8	41,9	36,0
Холодильник	95,3	3,4	1,1

Таблица 3

**Компоненты имущественной обеспеченности:
описательные статистики анализа надежности**

Имущество	Скорректированная корреляция между пунктами и группой	Коэффициент альфа Кронбаха при исключении компоненты
Цветной телевизор	0,3615	0,6657
Видеомагнитофон или DVD-плеер	0,4831	0,6374
Стиральная машина	0,3109	0,6718
Микроволновая печь	0,3993	0,6565
Домашний компьютер	0,3925	0,6577
Посудомоечная машина	0,1016	0,6930
Телефон (стационарный или мобильный)	0,4046	0,6554
Автомобиль или мини-автобус для личного пользования	0,4285	0,6499
Второй автомобиль	0,2243	0,6838
Второе жилье (дом, квартира, зимняя или летняя дача)	0,2841	0,6778
Холодильник	0,2606	0,6799
Итоговый коэффициент альфа Кронбаха		0,6884

Итак, мы располагаем информацией о том, какие блага из списка, приведенного в *табл. 2*, есть у домохозяйства, и представляем, какова доля семей, лишенных этого вида имущества. Этой информации достаточно для расчета индекса имущественной обеспеченности. Но прежде необходимо совершить еще одну итерацию.

Несмотря на то что, с точки зрения здравого смысла, любое дополнительное неинфериорное благо, имеющееся у семьи, должно повышать его благосостояние, чтобы гарантировать обоснованность действий с математической позиции, необходимо проверить, действительно ли наличие/отсутствие всех перечисленных благ является значимым при определении имущественного статуса домохозяйства. Для этой цели применим тесты анализа надежности (тест Кронбаха). В *табл. 3* демонстрируется, как изменяется согласованность группы при исключении из нее отдельных компонент имущественной обеспеченности. Итоговый коэффициент альфа Кронбаха (0,6884) позволяет утверждать, что в целом вся группа показателей однородна, и построение сводного индекса на основе суммирования ответов на вопросы РиДМиЖ, касающихся наличия у домохозяйства товаров длительного пользования и второго жилья, вполне легитимно. Однако значение коэффициента альфа при удалении посудомоечной машины из списка компонентов имуществ-

венной обеспеченности становится выше итогового — 0,6930 против 0,6884. Тем не менее данный результат не позволяет утверждать, что наличие посудомоечной машины не является значимым при определении благосостояния домохозяйств, но свидетельствует о том, что при столь небольшой доле респондентов — владельцев этого вида бытовой техники (0,7%), исключение компонента из группы обоснованно.

Нельзя игнорировать и тот факт, что 63,9% домохозяйств не имеют посудомоечной машины по причинам, не связанным с недостатком средств на ее приобретение, а вес компоненты, как отмечено выше, определяется по сегменту домохозяйств, у которых отсутствует возможность купить то или иное благо. Но даже с учетом последнего, если посудомоечная машина останется в списке компонентов индекса имущественной обеспеченности, благосостояние домохозяйств, имеющих данное благо, будет необоснованно завышаться.

Таким образом, итоговый индекс благосостояния формируется из 10 компонент, имеющих 12 весовых коэффициентов для различных типов семей, проживающих в разных типах поселения. Значения индекса колеблются в интервале от 0 до 100.

Домен жилищной обеспеченности

Наряду с текущими доходами и имущественной обеспеченностью, жилищные условия домохозяйства являются важнейшей компонентой экономического благосостояния. В рыночной экономике жилищная компонента, как правило, измеряется параметрами, которые характеризуют:

- отношения собственности на занимаемое жилье;
- оснащенность жилой площадью;
- оснащенность базовыми коммунальными удобствами.

Как и в случае имущественной обеспеченности, частный индекс жилищной обеспеченности может быть описан формулой (1).

Начнем с показателя, характеризующего права собственности на занимаемое жилье. Особенность российского рынка жилья заключается в том, что большинство российских семей являются собственниками своего жилья или арендуют жилье у государства или муниципалитета и только небольшая часть населения арендует жилье по рыночным ценам. Согласно данным репрезентативного опроса 44 000 российских домашних хозяйств, размер рыночной арендной платы в среднем в 5 раз превышает размер квартплаты, которую платят собственники жилья [Овчарова Л., Теслюк Э., 2006].

Следовательно, при одинаковом уровне доходов более обеспеченным будет домохозяйство, имеющее жилье в собственности, каковыми, по данным РидМиЖ, являются 64,6% домохозяйств. В среднем по вы-

борке лишь 5% домохозяйств арендуют жилье по рыночным ценам, а остальные 30,4% не относятся к собственникам занимаемого жилья, но их расходы на ЖКУ аналогичны тем, кто проживает в собственном жилье. Таким образом, нам необходим индикатор, который, с одной стороны, повышает положение домохозяйства на стратификационной шкале в случае, если оно является собственником жилья, с другой стороны, это перемещение не должно быть существенным, поскольку с точки зрения условий жизни факт владения жильем (независимо от его размера и качества) пока еще не является определяющим в общей системе детерминант дифференциации по благосостоянию. В рамках индексного подхода данные условия выполняются, если индикатор обеспеченности собственным жильем равен 1, в то время как для всех остальных домохозяйств он равен 0²², а весом для него выступает доля домохозяйств, арендующих жилье у частных лиц или организаций. Поскольку в среднем по выборке доля арендующих жилье на условиях рыночной арендной платы низкая (5%), вес данного индикатора в жилищном домене будет небольшим. Как и во всех предыдущих случаях, веса дифференцированы в зависимости от места проживания и социально-демографического типа семьи. Тест χ^2 подтвердил, что разница между всеми выделенными группами является значимой (табл. 3 Приложения).

Среди домохозяйств пенсионеров практически не встречается случаев проживания в съемном жилье, поэтому для этой группы факт наличия собственного жилья будет иметь нулевой вес. Чаще остальных вынуждены арендовать жилье семьи трудоспособных с детьми, соответственно, для них данный индикатор жилищной обеспеченности будет иметь самый высокий вес.

Следующим важным показателем жилищной обеспеченности является размер жилой площади, приходящейся на одного члена семьи. Однако в анкете РИДМИЖ вопрос о размере жилой площади отсутствует, но есть вопрос о количестве жилых комнат в доме/квартире респондента. Очевидно, что под словом «комната» могут пониматься помещения разного размера, поэтому индикатор, который мы вынуждены использовать, служит лишь грубым приближением показателя обеспеченности жилой площадью.

---

²² Необходимо отметить, что, хотя домохозяйства, арендующие жилье у государства, также платят за него не по рыночным ценам, а по гораздо более низким фиксированным тарифам, мы не считаем возможным уравнивать их с собственниками жилья, поскольку собственное жилье является еще и серьезным ликвидным ресурсом. Хотя такие арендаторы несут более низкие альтернативные издержки, по сравнению с теми, кто арендует жилье у частных лиц или фирм, они не могут распоряжаться своим жильем, что, на наш взгляд, существенно ограничивает их возможности по сравнению с собственниками жилья.

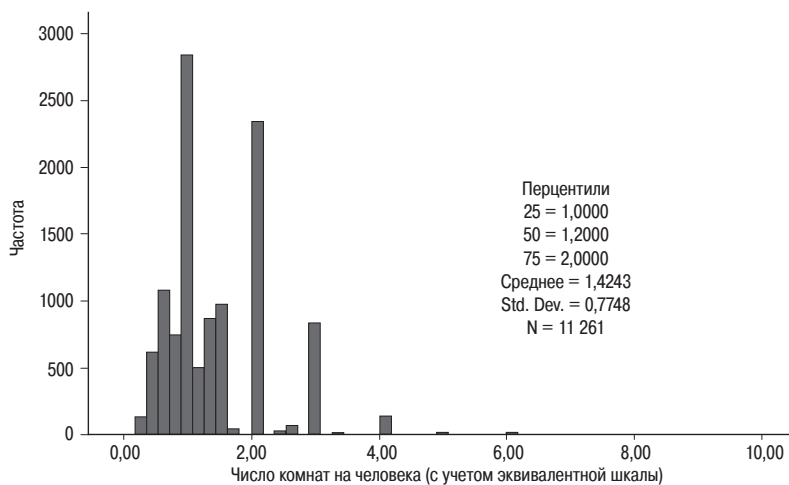
Наш индикатор рассчитывается по следующей схеме:

$$\text{Обеспеченность жилой площадью} = \frac{\text{количество комнат}}{\text{число взрослых, не имеющих супруга/партнера} \times 1 + \text{число взрослых, имеющих супруга/партнера} \times 0,5 + \text{число детей до 18 лет} \times 0,5}. \quad (2)$$

В знаменателе используется не прямой показатель количества членов семьи, а показатель, скорректированный с помощью шкалы эквивалентности, которая позволяет адекватно сравнивать потребности семей одного размера, но с разной структурой. Шкала разработана авторами на основе существующих в России средних стандартов обеспеченности семей жилой площадью. Согласно данной шкале, вес взрослого члена семьи, не имеющего супруга/партнера, равен 1, вес взрослого, не имеющего супруга/партнера, а также вес ребенка, не достигшего 18 лет, равен 0,5. Таким образом, для бездетной супружеской пары минимально приемлемое значение показателя обеспеченности жилой площадью — 1 комната, для супружеской пары с 1 ребенком до 18 лет — 1,5 комнаты, для супружеской пары с двумя детьми до 18 лет — 2 комнаты и т.д.

Рисунок 1

Частотное распределение показателя обеспеченности жилой площадью

Распределение полученного показателя представлено на *рис. 1*. Порогом низкого уровня обеспеченности жилой площадью служит граница 25-го перцентиля, которая находится на значении 1 (одна комната на душу с учетом шкалы эквивалентности). Таким образом, если в семье на человека приходится менее одной комнаты, итоговый индикатор

домена принимает значение 0, что свидетельствует о низкой обеспеченности жилой площадью, и если на человека приходится как минимум одна комната, индикатор принимает значение 1, что свидетельствует о нормальной обеспеченности жилой площадью.

Индикатор перевзвешивается на основе данных о доле домохозяйств, имеющих низкий уровень обеспеченности жилой площадью. Веса дифференцированы в зависимости от места проживания и социально-демографического типа семьи. Значимость межгрупповых различий тестируется с помощью χ^2 (табл. 3 Приложения). В тесном жилье живут порядка 23% российских домохозяйств, однако средний показатель скрывает сильную дифференциацию. Семьи пенсионеров, как правило, не нуждаются в увеличении площади жилья, поэтому для них вес этого индикатора равен 0. С другой стороны, в среднем более 1/3 семей трудоспособных с детьми и 20% семей трудоспособных без детей имеют жилье недостаточной площади. Проблема усугубляется для тех, кто проживает в областных центрах. Для этих категорий проживание в жилье с нормальной площадью, соответственно, будет иметь высокий вес в итоговом индексе.

Показателем жилищной обеспеченности является не только размер жилья, но и его качество. Последнее, как правило, оценивается через показатели оснащенности жилья коммунальными удобствами. К сожалению, вопросы о наличии в жилье коммунальных удобств программой обследования РидМиЖ не были предусмотрены²³. Нам представляется, что данная характеристика является ключевой для домена жилищной обеспеченности, и в ее отсутствие оценка благосостояния в этой сфере будет искаженной, поэтому мы предприняли попытку сконструировать показатель оснащенности жилья удобствами на основе данных другого обследования. Как и в предыдущем случае, о котором шла речь в домене доходной обеспеченности, источником вспомогательных данных является обследование РМЭЗ (2004 г.).

В программе РМЭЗ представлено шесть показателей, характеризующих оснащенность жилья базовыми коммунальными удобствами, на основе которых можно построить индекс оснащенности базовыми удобствами (табл. 4). Отсутствие в домохозяйстве одного или нескольких удобств из числа базовых мы считаем признаком низкой обеспеченности. Все показатели были предварительно протестированы с помощью классического теста на надежность индекса (альфа Кронбаха). По результатам теста исключение из списка телефона повышает надежность индекса, т.е. согласованность входящего в него набора показателей.

---

²³ Отметим, что блок вопросов об оснащенности жилья коммунальными удобствами был включен в анкету второй волны обследования РидМиЖ (2007 г.).

**Показатели надежности индикатора
обеспеченности коммунальными удобствами, по данным РМЭЗ (2004 г.)**

Оснащенность жилья коммунальными удобствами:	Скорректированная корреляция между пунктом и группой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Центральное отопление или магистральное газоснабжение	0,7514	0,8364
Централизованное водоснабжение	0,7287	0,8388
Горячее водоснабжение	0,7074	0,8410
Напольная электроплита или магистральный (не балонный) газ	0,6776	0,8468
Централизованная канализация	0,7679	0,8289
Телефон	0,4505	0,8896
Общее значение альфы Кронбаха		0,8696

Таким образом, в итоговый индекс мы включаем пять коммунальных удобств. Значение теста для всего индекса находится на уровне 0,8696, что свидетельствует о его высокой надежности.

Используя данные РМЭЗ, мы смогли оценить медианный уровень благоустройства жилья для каждого региона и типа поселения, попавшего в выборку обследования РидМиЖ. Эти медианные характеристики были вменены всем домохозяйствам региона, проживающим в областных центрах, других городах, поселках городского типа или сельской местности. Оказалось, что 64% всех российских домохозяйств проживает в жилье, оснащенном всеми пятью коммунальными удобствами. Для таких домохозяйств итоговый индекс благоустроенности равен 1. Принимая во внимание распространенный стандарт качества жилья, жилище, в котором отсутствует хотя бы одно из пяти базовых удобств, должно считаться неблагоустроенным. Для данной группы домохозяйств индикатор благоустроенности принимает значение 0.

Индикатор перевзвешивается на основе информации о распространенности неблагоустроенного жилья в данном типе поселения и социально-демографической группе. Значимость межгрупповых различий тестируется с помощью χ^2 (табл. 3 Приложения). Индикатор благоустроенности жилья, как и ожидалось, имеет самый большой вес в домене жилищной обеспеченности, поскольку в неблагоустроенном жилье живет 36% домохозяйств. По этому показателю значимых различий между демографическими группами практически не наблюдается. Уровень благоустроенности жилья зависит от типа населенного пункта: например, семьи, проживающие в сельской местности, где почти 100% жилого фонда является частично или полностью неблагоустроенным, при наличии полного набора базовых коммунальных удобств получают

более высокий балл, чем семьи, проживающие в городе, где благоустроенное жилье — не редкость.

Чтобы рассчитать итоговый индекс домена жилищной обеспеченности для каждого домохозяйства, сумма перевзвешенных значений трех индикаторов делится на максимально возможное значение индекса и умножается на 100.

Домен базовых потребительских возможностей

Измерение благосостояния в терминах возможностей удовлетворения потребностей, а не ресурсной обеспеченности, по сути, представляет собой альтернативный подход к оценке условий жизни. Наибольшее распространение он получил в исследованиях бедности²⁴, которые содержательно и инструментально связаны с анализом благосостояния. Разница лишь в том, что для проблем бедности принципиальным является вопрос граничных значений и позиция домохозяйств относительно этих границ, а в случае измерения благосостояния для более широкого круга задач принципиальным является общий порядок расположения обследуемых единиц на стратификационной шкале. Важно и то, что стратификация по критериям ресурсной обеспеченности и потребительским характеристикам дает согласованные, но статистически различающиеся группировки домашних хозяйств. Данный результат также подтвержден исследованиями бедности, согласно которым, с точки зрения ресурсов, самые высокие риски бедности у семей с детьми, а по потребительским возможностям — у семей одиноко проживающих пенсионеров²⁵. В этой связи немаловажно, что анкета РИДМИЖ содержит блок вопросов, отвечающих цели идентификации способности домохозяйств удовлетворить базовые потребительские возможности.

В основу определения возможностей домохозяйств обеспечить базовые потребности заложен тот же принцип, что и при идентификации имущественной и жилищной обеспеченности семей. Соответственно, индекс базовых потребностей может быть описан формулой (1). При этом мы снова прибегаем к процедуре перевзвешивания компонент по типу поселения и составу домохозяйства.

В целом по выборке наиболее распространенным из набора базовых потребностей является возможность обеспечить обогрев жилья (80,1%). Свыше половины домохозяйств могут позволить себе купить

²⁴ Можина М.А., Овчарова Л.Н. и др. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография. — М., 1998. — 282 с. (Научн. докл./ Моск. Центр Карнеги; Вып. 24).

²⁵ Елисеева И.И., Бурдяк А. Я., Пишняк А.И. и др. Бедность и благосостояние домохозяйств в Ленинградской области. По результатам выборочного опроса домохозяйств в апреле 2005 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой. — СПб.: Селеста, 2007. — 288 с.

Таблица 5

Доступность базовых благ для домохозяйств, по данным РидМиЖ, %

Доступность базовых благ	Доля домохозяйств, которые могут себе это позволить
Платить за то, чтобы дома было достаточно тепло	80,1
Ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома всем членам домохозяйства	20,5
Заменять по мере надобности износившуюся мебель	30,9
Покупать новую, а не подержанную одежду	74,8
Не реже чем через день есть мясо, курицу или рыбу	68,4
Не реже чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин	45,7

новую одежду по мере необходимости (74,8%) и потреблять каждый день мясо, курицу или рыбу (68,4%). Пригласить в гости друзей или родных на ужин — недоступно для 54,3% домохозяйств. Еще больше сегмент семей, не имеющих возможности заменять по мере надобности износившуюся мебель, — почти 70%. Наконец, недельный отпуск для всех членов семьи, согласно данным РидМиЖ, оказывается доступен только 1/5 россиян.

Опять-таки напомним, что нас интересуют возможности отдельных групп семей, данные о которых позволяют определить весовые коэффи-

Таблица 6

**Компоненты базовых потребностей:
описательные статистики анализа надежности**

Компоненты базовых потребностей	Скорректированная корреляция между пунктами и группой	Коэффициент альфа Кронбаха при исключении компоненты
Платить за то, чтобы у вас дома было достаточно тепло	0,2653	0,7541
Ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома всем членам домохозяйства	0,4648	0,7059
Заменять по мере надобности износившуюся мебель	0,5281	0,6867
Покупать новую, а не подержанную одежду	0,4974	0,6963
Не реже чем через день есть мясо, курицу или рыбу	0,5265	0,6871
Не реже чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин	0,5693	0,6730
Итоговый коэффициент альфа Кронбаха		0,7392

циенты для индекса базовых потребительских возможностей. Не будем рассматривать их детально, но отметим, что для всех домохозяйств самым доступным благом из нижеприведенного списка является обогрев жилища, а самым недоступным — проведение отпуска вне дома (*табл. 5 Приложения*).

И снова встает вопрос о том, насколько обосновано объединение всех компонент в индексе — возникает необходимость проверки согласованности списка.

Анализ надежности, как и в случае имущественной обеспеченности, дает основание исключить одну из базовых потребностей: коэффициент альфа Кронбаха для набора, приведенного в *табл. 5*, проигрывает коэффициенту, которым характеризуется набор в случае исключения из него возможности платить за обогрев жилья — 0,7392 против 0,7541 (*табл. 6*).

Соответственно, в индекс базовых потребительских возможностей в итоге включены 5 компонент, причем каждый имеет 12 вариаций веса. Значения индекса лежат в интервале от 0 до 100.

Домен субъективной оценки благосостояния

Субъективные оценки зачастую игнорируются исследователями при идентификации благосостояния домашних хозяйств. При этом опыт работы с различными массивами данных позволяет утверждать, что суждения респондентов о своей обеспеченности редко коррелируют с объективными показателями. Вопрос состоит в том, какие оценки предпочтительны при анализе? Очевидно, что это зависит от исследовательских задач, и если речь идет о стратегиях поведения населения, то субъективные ощущения оказываются более согласованными со стратегиями поведения и намерениями респондентов. Именно поэтому, как уже отмечалось ранее, мы обратились к домену субъективной оценки. В рамках методики, избранной нами для формирования итогового индекса благосостояния домохозяйств, имеется возможность еще раз проверить обоснованность такого решения. Вернемся к этому чуть позже. А прежде обратимся к описанию принципа построения данного домена.

Массив РидМиЖ предлагает только два параметра субъективной оценки благосостояния: оценка жилищных условий и доходов домохозяйства. Первый реализуется в формате шкалы от 0 до 10, на которой респондент отмечает степень своей удовлетворенности жилищными условиями. Второй представляет собой вопрос «Насколько легко сводите концы с концами?» с шестью вариантами закрытия — от «с большим трудом» до «очень легко».

Общий принцип построения индекса субъективной оценки благосостояния такой же, как и в предыдущих доменах (см. формулу (1)). Однако

поскольку он состоит всего из двух компонент, его можно представить в развернутом виде:

$$I_{CB} \equiv \frac{ax + by}{ab} \times 100, \quad (3)$$

где x — хорошее жилье согласно субъективной оценке; y — высокий доход согласно субъективной оценке; a, b — веса компонент.

В случае с имущественной обеспеченностью и базовыми потребностями определить исключенные домохозяйства, по которым рассчитывается вес компонент, было несложно. Составляющие индекса субъективной обеспеченности в своем изначальном виде это сделать не позволяют. Соответственно, перед нами встает вопрос: какие домохозяйства считать благополучными по субъективным показателям жилья и доходов?

Согласно данным РИДМИЖ, 5,3% российских домохозяйств совершенно не удовлетворены жильем, а 17,8% семей жилищные условия, напротив, полностью устраивают. В случае субъективной оценки доходов число недовольных своим положением превышает долю тех, кто им удовлетворен, — 26,3% против 8,2%. Но наиболее популярными как в том, так и в другом случае стали ответы, находящиеся в середине шкалы (табл. 7).

Однако опыт социологических исследований указывает на то, что большинство респондентов, избирающих ответы, соответствующие срединным значениям шкалы, следует рассматривать как неопределившихся. С учетом этого нецелесообразно делить все градации на две группы. Для целей построения индекса благосостояния, на наш взгляд, необходимо выделить удовлетворенных своим положением, а в качестве веса компонент использовать показатель доли неудовлетворенных, выводя тем самым третью «срединную» группу из анализа.

В итоге было принято следующее решение:

- **субъективная оценка жилья:** обеспеченные — домохозяйства, выбравшие варианты ответа от «8» до «10» (33,1%); депривированные — отметившие варианты от «0» до «2» (12,2%).
- **субъективная оценка доходов:** обеспеченные — те, кто останавливается на вариантах «легко» и «очень легко» (9,2%); депривированные — указавшие, что «с трудом» или «с большим трудом» сводят концы с концами (53,4%).

Надо заметить, что данный вариант был выбран по итогам тестирования ряда альтернатив и гарантирует значимость домена субъективной оценки благосостояния как составляющей итогового индекса.

Поскольку мы имеем дело с двумя относительно независимыми компонентами, анализ надежности проводить не имеет смысла. Это

Таблица 7

Субъективные оценки жилья и дохода, по данным РиДМиЖ, %

Насколько удовлетворены своим жильем?	Доля домохозяйств в выборке	Насколько легко сводите концы с концами? (по совокупным доходам)	Доля домохозяйств в выборке
0 — «совсем не удовлетворены»	5,3	С большим трудом	26,3
1	3,3	С трудом	27,1
2	3,6	С некоторыми усилиями	35,3
3	8,0	Довольно легко	8,2
4	5,6	Легко	0,4
5	23,5	Очень легко	8,2
6	7,1		
7	10,2		
8	10,3		
9	5,0		
10 — «полностью удовлетворены»	17,8		

вполне обосновано еще и в силу специфики базы РиДМиЖ, содержащей крайне мало информации о субъективной оценке благосостояния — у нас фактически отсутствует возможность выбора индикаторов в рамках подготовки данного домена.

Применяя схему дифференцированных весов для различных социально-демографических типов домохозяйств, проживающих в различных типах поселения (*табл. 6 Приложения*), получаем итоговый индекс субъективной оценки благосостояния, значения которого колеблются от 0 до 100.

Итоговый индекс благосостояния: агрегирование доменов

На последнем этапе частные индексы доменов объединяются в общий индекс благосостояния. Вопрос объединения разных доменов представляется концептуальным с точки зрения природы благосостояния.

Во-первых, поскольку не все домены имеют одинаковые единицы измерения, перед объединением они должны быть стандартизированы. С этой целью мы переходим от числовой шкалы к порядковой, линейно ранжируя домохозяйства по возрастающей. Самый низкий ранг (1) имеет домохозяйство с самым низким значением частного индекса домена. Чем выше ранг, тем выше уровень благосостояния. Самое большое число уникальных рангов наблюдается в домене доходной обеспеченности (8466). Индекс базовых потребительских возможностей имеет 1042 ранга, индекс имущества — 246 рангов. Индексы жилищной обеспе-

ченности и субъективных возможностей имеют самое маленькое число уникальных рангов — 56 и 25 соответственно. Для того чтобы перейти к единой шкале, мы были вынуждены стандартизировать исходные ранги, разделив каждый ранг на максимальный ранг данного домена и умножив на 100. Таким образом, значения всех частных индексов доменов лежат в интервале от 0 (самый низкий уровень благосостояния) до 100 (самый высокий уровень благосостояния).

Таблица 8

Показатели надежности общего индекса благосостояния

Стандартизированные ранги частных индексов доменов:	Скорректированная корреляция между пунктом и группой	Альфа Кронбаха при удалении пункта
Доходная обеспеченность (1)	0,5415	0,5232
Имущественная обеспеченность (2)	0,4683	0,5569
Базовые потребности (3)	0,5068	0,5295
Жилищная обеспеченность (4)	0,2735	0,6619
Субъективные возможности (5)	0,2433	0,6501
Альфа Кронбаха		0,6431
Альфа Кронбаха для индекса, включающего компоненты 1, 2 и 3		0,7100
Альфа Кронбаха для индекса, включающего компоненты 1, 2, 3 и 4		0,6520
Альфа Кронбаха для индекса, включающего компоненты 1, 2, 3, 4 и 5		0,6440

Мы уже упоминали ранее о некоторых ограничениях методологического характера, которые не позволяют нам утверждать, что все индексы доменов являются комплексными и надежными мерами соответствующих аспектов благосостояния. Напомним, что, во-первых, оценки доходов, полученные в обследовании РидМиЖ, занижены. Во-вторых, домен жилищной обеспеченности вынужденно конструируется на основе вспомогательных данных. В-третьих, домен субъективной оценки обеспеченности включает всего два индикатора.

Протестировав частные индексы доменов на надежность (табл. 8), мы пришли к выводу, что более высокий уровень согласованности его компонент достигается при включении в индекс трех доменов: домена доходов, имущественной обеспеченности и базовых потребительских возможностей. Значение альфы Кронбаха для такого индекса составляет 0,71, что, во-первых, соответствует общепринятым критериям надежности²⁶, во-вторых, представляется очень хорошим результатом в свете

²⁶ SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей/ А.Бюль, П.Цефель; пер. с нем. — СПб.: ДиаСофтЮП, 2005. С. 414.

предлагаемой нами двухшаговой методики оценки общего благосостояния. Именно этот индекс рекомендуется к использованию в качестве основного показателя благосостояния домохозяйств в опросе РидМиЖ, и далее мы будем называть его *базовым индексом благосостояния*.

Включение в индекс благосостояния домена жилищной обеспеченности, а затем и субъективных оценок, снижает его согласованность: в первом случае значение альфы Кронбаха падает до 0,65, во втором — до 0,64. В целом, такое снижение уровня надежности не представляется нам критичным. Более того, используемая процедура перевзвешивания частных индексов доменов, о которой пойдет речь ниже, предоставляет определенные преимущества в этом отношении.

Предлагаемая методика оценки благосостояния основана на представлении об отдельных компонентах благосостояния, измеряемых частными индексами доменов, как о непересекающихся понятиях. Однако на уровне домохозяйства домены могут иметь кумулятивный эффект. Например, если у домохозяйства высокие доходы и хорошее жилье, его общий уровень благосостояния будет выше, чем у домохозяйства с только высокими доходами или только хорошим жильем.

Включение различных компонент благосостояния в общий индекс благосостояния с одинаковым весом не представляется корректным ни с концептуальной, ни с методологической точки зрения. Например, если мы считаем, что доходы и жилье в нашем случае — это равноценные характеристики благосостояния, то домохозяйство, которое имеет самый высокий ранг в домене доходов и самый низкий ранг в домене жилищной обеспеченности, оказывается в 50-м процентиле по уровню общего благосостояния.

Включение частных индексов доменов с разным весом позволяет в некоторой степени контролировать эффект, возникающий при наложении двух доменов друг на друга, когда низкий ранг в одном домене частично отменяет высокий ранг в другом. Веса определяются на основе однофакторного анализа (метод максимального правдоподобия), в который включаются все пять частных индексов благосостояния. Первый фактор объясняет 51% дисперсии, поэтому мы считаем его подходящей суммарной мерой для всех индикаторов. Для определения весовых коэффициентов факторные нагрузки пересчитываются в процентном соотношении (табл. 9).

Определяющей характеристикой благосостояния является возможность удовлетворения базовых потребительских возможностей. Вес этого индикатора в базовом индексе благосостояния достигает 39%, а в расширенном показателе, учитывающем характеристики жилья и оценку субъективных возможностей семьи, — 31%. Возможность удовлетворения базовых потребительских возможностей в большинстве

случаев определяется уровнем текущих доходов, которые занимают второе место по значимости среди всех компонент благосостояния (28% в базовом индексе и 26% — в расширенном показателе). Вес индекса имущественной обеспеченности, который также характеризует доходную обеспеченность, но в длительном периоде, достигает 28% в базовом и 22% в расширенном индексе соответственно. Веса доменов жилищной обеспеченности и субъективной оценки возможностей практически в 3 раза ниже веса домена базовых потребительских возможностей (базовые потребности) и 2 раза ниже веса домена доходов и имущества.

Таблица 9

Весовые коэффициенты частных индексов доменов благосостояния

Стандартизированные ранги частных индексов доменов:	Базовый индекс благосостояния	Базовый индекс, включая домен жилищной обеспеченности	Базовый индекс, включая домены жилищной обеспеченности и субъективных возможностей
Доходная обеспеченность (1)	0,33	0,29	0,25
Имущественная обеспеченность (2)	0,31	0,25	0,24
Базовые потребительские возможности (базовые потребности) (3)	0,36	0,35	0,28
Жилищная обеспеченность (4)	1,00	0,10	0,12
Субъективные возможности (5)		1,00	0,11
			1,00

Таким образом, итоговые индексы благосостояния рассчитываются как сумма значений перевзвешенных частных индексов доменов:

$$\text{индекс благосостояния-1 (базовый)} = 0,36 \times \text{базовые потребности} + 0,33 \times \text{доходная обеспеченность} + 0,31 \times \text{имущественная обеспеченность}; \quad (4)$$

$$\text{индекс благосостояния-2} = 0,35 \times \text{базовые потребности} + 0,29 \times \text{доходная обеспеченность} + 0,25 \times \text{имущественная обеспеченность} + 0,10 \times \text{жилищная обеспеченность}; \quad (5)$$

$$\text{индекс благосостояния-3 (расширенный)} = 0,28 \times \text{базовые потребности} + 0,25 \times \text{доходная обеспеченность} + 0,24 \times \text{имущественная обеспеченность} + 0,12 \times \text{жилищная обеспеченность} + 0,11 \times \text{субъективные возможности}. \quad (6)$$

Преимуществом перевзвешивания, как уже было сказано раньше, является корректировка эффекта, возникающего при наложении двух доменов. Возьмем для примера случай, когда домохозяйство попадает в первый дециль по доходам и в верхний дециль по уровню жилищной обеспеченности. Суммируя ранги по этим двум доменам (при условии, что они равнозначны по весу), мы поместим домохозяйство в 5-й дециль по общему уровню благосостояния. В данном случае очень низкие доходы компенсируются высоким уровнем жилищной обеспеченности. Исходя из наших теоретических предпосылок индекс не должен допускать такого сильного сглаживания, так как рассматриваемые блага не могут полностью заменять друг друга. Соотношение факторных нагрузок доходов и жилищной обеспеченности составляет 2 : 1, поэтому при применении весов рассматриваемое домохозяйство окажется во втором дециле по общему уровню благосостояния, что представляется нам более корректным. В результате значений предложенных сводных индексов благосостояния являются ранги, которые позволяют определить место конкретного домохозяйства на шкале благосостояния. Значения рангов колеблются в пределах от 1 до 100.

Завершая методологическую часть, следует заметить, что выбор того или иного варианта индекса зависит от задач, которые ставит перед собой исследователь.

2. Благосостояние домохозяйств: социально-демографические профили

После подробного описания методологии расчета отдельных доменов благосостояния и сводных индексов обратимся к изложению выводов, которые они позволяют сделать. С этой целью рассмотрим, какие значения исследуемых компонент характерны для домохозяйств различных типов и как варьируются индексы благосостояния от одной социально-демографической группы к другой. Иными словами, приведем описание социально-демографических профилей семей в контексте предложенных показателей.

Прежде всего, рассмотрим, какие различия в значениях частных и сводных индексов наблюдаются у домохозяйств, относящихся к разным квинтельным группам по доходу. Эти результаты нам представляются наиболее важными, поскольку именно вместо традиционно применяемой доходной стратификации предлагается использовать группировки домохозяйств, построенные на основе сводных индексов благосостояния. Из данных *табл. 10* следует, что тенденция роста доходов совпадает с тенденцией динамики средних рангов как частных, так и сводных индексов. Наибольший разрыв между средним значением ранга для 5-го квинтиля и средним по выборке обнаруживается по домену, имеюще-

**Средние ранги по доменам для домохозяйств
различных квинтильных групп по показателю дохода**

Квин- тили	Домен				ИНДЕКС-1 (базо- вый)	ИНДЕКС-2	ИНДЕКС-3 (расши- ренный)
	базовых потреб- ностей	имуще- ственной обеспе- ченности	жи- лищной обеспе- ченности	субъек- тивной обеспе- ченности			
1	20,8	25,0	42,4	12,5	21,1	20,6	20,9
2	25,2	30,9	54,1	13,0	33,9	34,0	34,1
3	33,9	37,6	58,8	13,6	48,5	48,4	48,4
4	50,0	46,5	66,2	15,6	65,5	65,6	65,5
5	69,8	55,0	74,9	20,6	80,7	81,2	81,0
Всего ¹	39,9	39,0	59,3	15,1	50,0	50,0	50,0

Примечание. ¹ В этой и приведенных ниже таблицах данные строки «Всего» различаются, поскольку при переходе от показателя к показателю несколько меняется размер выборки — параметры, к которым мы обращаемся, рассматривая социально-демографические профили, определены для всех опрошенных домохозяйств.

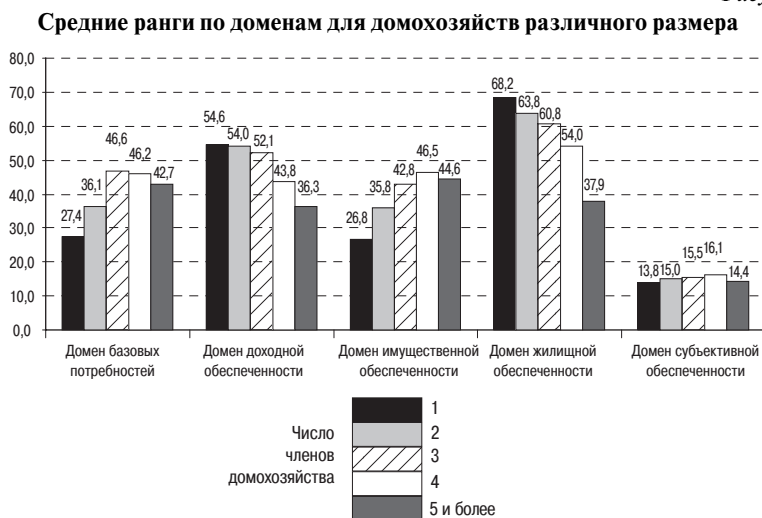
му наибольший вес в итоговом индексе — базовым потребителем возможностям (базовым потребностям). Его средний ранг для самой обеспеченной 20-процентной группы по доходу на 75% выше общего по выборке (69,8 против 39,9). Максимальное отклонение для 1-й квинтильной группы от среднего значения ранга по выборке также наблюдается по базовым потребностям и составляет 19,1%. При этом средний ранг по базовому индексу составляет для самой низкообеспеченной доходной группы 21,1, а для самой высокообеспеченной — 80,7. Несмотря на то что, в сравнении с доходами, сводные индексы благосостояния совершенно иначе ранжируют домохозяйства респондентов²⁷, эти пары показателя находятся в тесной корреляционной зависимости. Завершая обзор итогов сравнения стратификации домохозяйств по доходам и сводным индексам благосостояния, обратимся к матрице сопряжения распределений по 10% группам на основе показателя доходов и базового сводного индекса: при переходе от доходов к базовому сводному индексу 24,6% домохозяйств сохраняют принадлежность к децильной группе; 34,4% перемещаются в более высокие децильные группы, и 41%, наоборот, смещаются в сторону более низких децилей распределения. Следовательно, мы получили стратификацию респондентов, существенно отличающуюся от доходной.

²⁷ Первая децильная группа по доходам только на 55% состоит из домохозяйств, входящих в первую децильную группу по базовому сводному индексу, и, аналогично последняя доходная децильная группа на 49% представлена домохозяйствами из последней децильной группы сводного индекса.

Обратная зависимость благосостояния от числа членов домохозяйства неоднократно фиксировалась нами на различных массивах данных (НОБУС, РМЭЗ, SPRILO и т.д.)²⁸. Если речь идет о доходах и жилищной обеспеченности, то данная тенденция подтверждается и результатами данного исследования, но для домена базовых потребностей и имущества закономерность другая (рис. 2).

Рисунок 2

Наибольшее значение среднего ранга по домену базовых потребностей характерно для домохозяйств из 3 человек, а наименьшее — для одиночек. Самыми обеспеченными в имущественном плане оказываются семьи из четырех человек, в то время как аутсайдерами снова являются одиночки. Аналогичная картина наблюдается и по домену субъективной оценки благосостояния

Что касается итоговых индексов, то здесь мы сначала наблюдаем тенденцию роста их значения, и максимума они достигают для домохозяйств из 3 человек. Если для одиночек среднее значение ранга по базовому индексу благосостояния составляет 41,8, а по индексу, включающему максимальное число доменов (расширенному) — 44,0, то для семей, состоящих из 3 человек — 54,9 и 54,7 соответственно. Далее при росте размера семьи средние ранги индекса снижаются. Следова-

²⁸ Бурдяк А.Я., Пишняк А.И., Попова Д.О. и др. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Под ред. Л.Н. Овчаровой; НИСП. — М.: Изд. ГУ ВШЭ, 2005. — 348 с.; Елисеева И.И., Бурдяк А.Я., Пишняк А.И. и др. Бедность и благосостояние домохозяйств в Ленинградской области. По результатам выборочного опроса домохозяйств в апреле 2005 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой. — СПб.: Селеста, 2007. — 288 с.

но, сводные индексы, по сравнению с доходами, иначе характеризуют благосостояние российских семей, и этот результат имеет принципиальное значение для целей демографической политики. Семьи из трех человек в основном представлены супружескими парами (или партнерами) с одним ребенком, а супруги (партнеры) с двумя детьми — самый распространенный тип домохозяйств среди семей из 4 человек. Это означает, что именно появление второго и последующих детей в семье коррелирует со снижением благосостояния.

Следующий аспект, который интересует нас в рамках данной статьи, — дифференциация благосостояния в поселенческом разрезе. Когда благосостояние характеризуется текущими доходами, то мы наблюдаем значительные различия в уровне жизни и стандартах потребления, характерные для семей, проживающих в населенных пунктах различного типа. Сводные и частные индексы благосостояния подтверждают данный результат.

Региональные центры выбиваются в лидеры фактически по всем рассматриваемым показателям благосостояния (*табл. 11*). Если по выборке средний ранг домена базовых потребностей составляет 39,9, доходной обеспеченности — 49,9, имущественной обеспеченности — 39,0, то для областных, краевых и республиканских центров — 45,4, 57,8 и 44,0 соответственно. Из общего ряда выпадает показатель жилищной обеспеченности: наилучшее положение дел здесь оказывается у семей из городов, не относящихся к региональным центрам. В рамках используемых показателей жилищной обеспеченности (оснащенность домохозяйств необходимым числом комнат) данный результат предсказуем, поскольку средние и малые города отличаются жильем большего размера в расчете на душу, и корректирующее влияние благоустройства не изменило средние значения рангов домена жилищной обеспеченности так, чтобы проживающие в крупных городах стали лидерами до данному компоненте благосостояния.

Но от исключений — к правилам: самыми депривированными по всем доменам оказываются, как и следовало ожидать, жители села. Средние ранги сводного индекса для домохозяйств этого типа поселения значительно ниже, чем по выборке в целом и ощутимо уступают средним рангам по группе, находящейся на предпоследнем месте.

Интересные зависимости наблюдаются при обращении к социально-демографическому профилю (*табл. 12*). Несмотря на то что и по домену базовых потребностей и домену имущественной обеспеченности наибольшие средние значения рангов фиксируются у домохозяйств с трудоспособными и детьми, а одиночки трудоспособного возраста оказываются лидерами только по показателю дохода, сводный базовый индекс максимален именно для последней категории семей. Причина

этого в существенном отрыве одиночек трудоспособного возраста от остальных типов домохозяйств по домену доходов и незначительное отставание от семей с трудоспособными и детьми по показателю базовых потребностей. Заметим, что при этом и по домену жилищной обеспеченности, и по субъективной оценке благосостояния лидерство остается за одиночками трудоспособного возраста без детей.

Таблица 11

**Средние ранги по доменам для домохозяйств,
проживающих в различных типах поселения**

Место проживания	Домен базовых потребностей	Домен доходной обеспеченности	Домен имущественной обеспеченности	ИН-ДЕКС-1 (базовый)	Домен жилищной обеспеченности	Домен субъективной обеспеченности	ИН-ДЕКС-3 (расширенный)
Областные, краевые или республиканские центры	45,4	57,8	44,0	57,0	70,4	16,8	58,6
Другие города	40,3	53,8	38,2	51,2	77,4	14,8	54,0
Поселки городского типа	39,9	48,5	38,6	49,2	59,9	16,4	49,5
Село	30,5	33,1	31,7	37,2	21,2	12,1	31,6
<i>Всего</i>	<i>39,9</i>	<i>49,9</i>	<i>39,0</i>	<i>50,0</i>	<i>59,3</i>	<i>15,1</i>	<i>50,0</i>

Таблица 12

**Средние ранги по доменам для домохозяйств
различных социально-демографических типов**

Тип домохозяйства	Домен базовых потребностей	Домен доходной обеспеченности	Домен имущественной обеспеченности	ИН-ДЕКС-1 (базовый)	Домен жилищной обеспеченности	Домен субъективной обеспеченности	ИН-ДЕКС-3 (расширенный)
С трудоспособными и детьми	46,9	44,6	43,2	52,5	53,1	15,8	51,3
С трудоспособными без детей	42,7	53,1	41,8	53,2	61,7	15,8	53,4
Одиночки трудоспособного возраста с детьми	31,3	43,0	26,4	39,0	54,6	13,8	39,2
Одиночки трудоспособного возраста без детей	45,7	70,7	28,4	56,0	76,1	17,3	58,5
Пенсионеры	21,8	47,7	31,9	39,3	61,0	11,9	40,1
<i>Всего</i>	<i>39,9</i>	<i>49,9</i>	<i>39,0</i>	<i>50,0</i>	<i>59,3</i>	<i>15,1</i>	<i>50,0</i>

Анализ значений частных и сводных индексов в разрезе групп с различным образованием и должностным статусом также согласуется с уже известными тенденциями взаимосвязи обозначенных качественных характеристик с достигнутым уровнем материальной обеспеченности.

В *табл. 13* содержится информация о дифференциации средних значений рангов для категорий домохозяйств, выделенных по максимальному уровню образования респондентов и их партнеров. Очевидно, чем выше уровень образования, тем значительнее средний ранг по всем доменам, и, как следствие, больше сводный индекс. Единственным исключением является некоторое опережение по показателю субъективной оценки благосостояния категорией с незаконченным высшим образованием группы с высшим. Однако, на наш взгляд, это не меняет общих выводов и демонстрирует лишь, что молодые люди, составляющие абсолютное большинство учившихся или учащихся в вузе, оптимистичнее других смотрят на жизнь.

В конечном итоге, среднее значение ранга базового индекса для домохозяйств, в которых максимальным уровнем образования партнеров является высшее, составляет 66,1 и в 2,4 раза превосходит аналогичный показатель для семей партнеров с начальным уровнем образования. Такие же результаты дает и сопоставление других вариантов индекса.

Прямая зависимость величины среднего показателя ранга по доменам фиксируется и с ростом должностного статуса (*табл. 14*). Максимальные оценки наблюдаются для категории домохозяйств, в которых один из партнеров является руководителем, минимальные — в семьях неквалифицированных рабочих. При этом наибольшая разница показателей предельных групп (2,9 раза) определяется по домену базовых потребностей, а наименьшая (1,3 раза) — по домену жилищной обеспеченности.

Если базовый индекс благосостояния в среднем по выборке составляет 57,2, а расширенный — 56,8, то для группы домохозяйств, в которых есть занятые на позиции руководителя, — 80,1 и 79,9 соответственно.

Завершим разговор о социально-демографических профилях домохозяйств в контексте дифференциации благосостояния — одной из наиболее острых для современной России тем. Каким образом меняет положение домохозяйства иждивенческая нагрузка?

В свете приоритетов социальной политики, сформулированных в 2006 г. в послании Президента РФ Федеральному Собранию, особую актуальность приобрело обсуждение условий жизни домохозяйств с детьми. Как демонстрируют данные РидМиЖ, с увеличением числа детей в семье благосостояние снижается. Это характерно для всех доменов. Домохозяйства без детей, однако, уступают семьям с одним ребенком по показателю среднего значения ранга доменов базовых потребностей

и имущественной обеспеченности, что отчасти надо связывать с присутствием в категории «без детей» пенсионеров.

Из рис. 3 следует, что домохозяйства, в которых проживают пенсионеры, менее обеспечены, чем семьи трудоспособных, однако одновременно с этим позволяет утверждать, что пенсионеры оказываются не столь дискриминированы, как многодетные семьи. Но в целом для домохозяйств с пенсионерами характерны меньшие показатели средних рангов по всем доменам.

В итоге, минимальное значение базового индекса (25,9) определяется для семей с 4 и более детьми, что ниже аналогичного показателя по семьям без детей почти вдвое. Для сравнения: средний ранг базового индекса для семей с одним пенсионером равняется 41,4, а для домохозяйств с двумя пенсионерами — 47,0.

Таким образом, иждивенческая нагрузка оказывается обратно связана с уровнем благосостояния, и на семьях с детьми это сказывается особенно остро.

Таблица 13

Средние ранги по доменам для домохозяйств с различным уровнем образования партнеров

Наивысший уровень образования партнеров	Домен базовых потребностей	Домен доходной обеспеченности	Домен имущественной обеспеченности	ИН-ДЕКС-1	Домен жилищной обеспеченности	Домен субъективной обеспеченности	ИН-ДЕКС-3 (расширенный)
Нет начального	12,1	32,1	16,4	21,9	38,9	13,0	21,2
Начальное общее	16,0	36,8	20,3	27,4	47,7	11,2	27,2
Основное общее	21,1	37,5	24,2	31,6	53,0	13,3	32,3
Начальное профессиональное	35,0	45,8	31,0	43,7	57,6	13,5	43,9
Среднее общее	37,0	44,9	34,2	45,2	55,1	15,1	45,1
Среднее профессиональное	37,9	47,9	38,0	48,3	57,3	14,7	48,1
Учился или учится в вузе	49,8	54,6	46,1	59,1	63,1	19,4	59,4
Высшее	55,6	62,7	53,2	66,1	68,3	17,1	66,3
Послевузовское	63,2	69,1	62,8	73,6	77,6	19,6	74,8
<i>Всего</i>	<i>39,9</i>	<i>49,9</i>	<i>39,0</i>	<i>50,0</i>	<i>59,3</i>	<i>15,1</i>	<i>50,0</i>

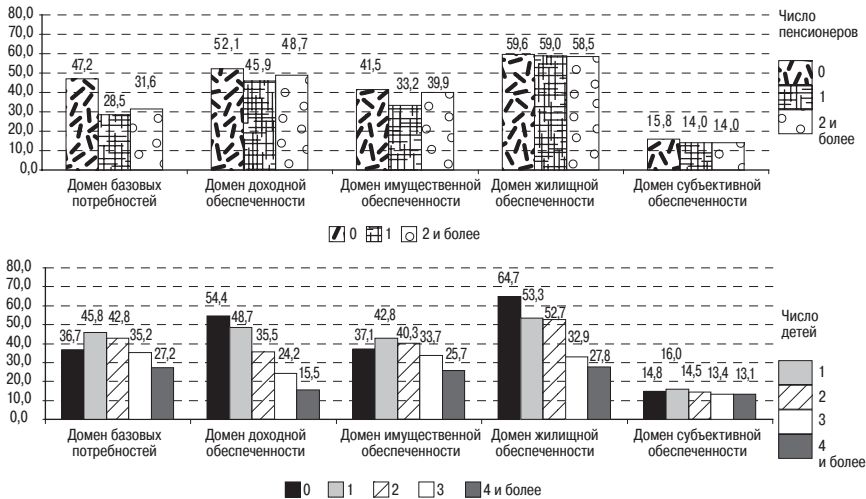
Все вышесказанное позволяет сделать ряд крайне важных выводов относительно примененных методических подходов к стратификации домохозяйств по уровню материальной обеспеченности. Во-первых,

**Средние ранги по доменам для домохозяйств
с различным должностным статусом партнеров**

Наивысший должностной статус парт- неров	Домен базовых потреб- ностей	Домен доходной обеспе- ченности	Домен имуще- ственной обеспе- ченности	ИН- ДЕКС-1	Домен жи- лищной обеспе- ченности	Домен субъек- тивной обеспе- ченнос- ти	ИН- ДЕКС-3 (расши- ренный)
Неквалифи- цированные рабочие	25,9	38,9	26,0	35,1	55,6	13,8	36,0
Полуквали- фицирован- ные рабочие	40,7	46,7	36,2	48,2	53,3	14,1	47,3
Высоко- квалифици- рованные рабочие промыш- ленности и сельского хозяйства	42,0	51,7	34,5	50,5	58,6	15,1	50,5
Служащие, занятые обр. информации и в сфере об- служивания	46,8	52,2	41,3	55,0	58,2	15,5	54,5
Специали- сты средней квалифика- ции	54,1	60,4	47,8	62,9	62,4	16,8	62,2
Специали- сты высшей квалифика- ции, вклю- чая военно- служащих	56,0	63,0	52,1	66,2	65,0	15,8	65,7
Руководи- тели	76,0	67,3	70,3	80,1	69,5	24,9	79,9
<i>Всего</i>	<i>48,5</i>	<i>55,1</i>	<i>43,5</i>	<i>57,2</i>	<i>60,4</i>	<i>15,9</i>	<i>56,8</i>

представленный многомерный индекс материальной обеспеченности, значениями которого на уровне домохозяйств являются стандартизированные ранги, изменяющиеся в пределах от 0 до 100, представляет собой многомерную характеристику материальной обеспеченности. Он учитывает текущие денежные доходы и накопленное движимое и недвижимое имущество. Самостоятельными доменами индекса являются характеристики потребительских возможностей и субъективные оценки благосостояния, которые корректируют положение домохозяйства на

Средние ранги по доменам для домохозяйств с различной иждивенческой нагрузкой

стратификационной шкале. Объединение объективных и субъективных оценок в одном индексе мы считали обоснованным, поскольку доходы трудно поддаются методам прямого учета, а субъективные оценки материальных условий жизни являются важным индикатором благосостояния, когда речь идет о стратегиях поведения домохозяйств. Домен потребительских возможностей также решает задачу уточнения показателей доходов, он находится в тесной зависимости с доходами, но все же является самостоятельным стратифицирующим показателем, на что указывает тест χ^2 Пирсона.

Во-вторых, конструируя инструмент распределения домохозяйств по уровню благосостояния, мы ставили перед собой задачу получить согласованные не только частные, но и сводные индексы, поскольку это позволит нам утверждать, что каждый домен индикаторов под благосостоянием подразумевает нечто единое. Тест согласованности альфа Кронбаха свидетельствует о том, что удалось построить такие индексы, хотя когда речь идет о расширенном сводном индексе, то значения этой меры надежности показателя с точки зрения согласованности на уровне предельных значений. В случае, когда речь идет о базовом индексе, включающем только домены доходов, потребительских возможностей и имущества, то индекс более согласован и соответствует самым строгим требованиям надежности.

В-третьих, тестирование стратифицирующих направлений индекса свидетельствует о том, что они совпадают с общепринятыми представ-

лениями о взаимосвязи между благосостоянием и образованием или квалификационным статусом респондентов. По сравнению с доходным инструментом оценки материальных условий жизни, индексный подход несколько меняет наши представления о материальной обеспеченности отдельных социально-демографических типов домохозяйств. В рамках доходного домена мы получаем результаты, согласованные с доходным подходом: самые высокие доходы у одиночек трудоспособного возраста без детей; далее следуют семьи, состоящие только из пенсионеров; домохозяйства трудоспособных без детей; домохозяйства трудоспособных с детьми; и, наконец, одиночки трудоспособного возраста с детьми. Но в случае, когда речь идет об индексах благосостояния, пенсионеры перемещаются в группы аутсайдеров, и теперь только одинокие трудоспособные родители с детьми в среднем имеют уровень благосостояния ниже данной социально-демографической группы домохозяйств, супружеские пары трудоспособных без детей продолжают иметь благосостояние выше, чем семьи с детьми. Индекс корректирует благосостояние, по сравнению с доходами, если речь идет о домохозяйствах разного размера. Душевые доходы находятся в обратной зависимости от размера семьи, а индексы благосостояния выводят в лидеры семьи из трех человек.

Авторы не претендуют на то, что предложенный индекс по составу показателей будет устойчив в различных исследованиях уровня и качества жизни населения. Скорее всего, речь идет об открытом для модификации инструменте, которым возможно и необходимо настраивать исследовательские цели и информационные возможности баз данных.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Среднее значение выбросов в душевых доходах

Регион	Значение верхнего выброса	Значение нижнего выброса	Доходы на душу до удаления выбросов	Доходы на душу после удаления выбросов
Санкт-Петербург		222,7	4959,9	4961,9
Москва	69356,6	169,7	6152,2	5865,6
Московская обл.		154,2	4555,2	4556,4
Республика Коми	48833,3	117,9	5475,0	5476,1
Саратовская обл.		13,9	2596,1	2596,5
Ленинградская обл.		72,9	2671,1	2673,6
Смоленская обл.		95,3	2923,6	2924,1
Тверская обл.		125,0	2753,6	2754,4
Тульская обл.		63,9	2895,4	2896,7
Калужская обл.			1847,7	1847,7
Нижегородская обл.		150,6	3268,5	3269,8
Чувашская Республика		0,0	1845,9	1846,3
Пензенская обл.			1471,5	1471,5
Липецкая обл.		18,1	2744,1	2745,7
Тамбовская обл.			1802,3	1802,3
Республика Татарстан	133077,8	90,0	3561,3	3147,4
Краснодарский край	76000,0	71,4	2788,0	2606,4
Челябинская обл.		75,3	2816,3	2817,3
Волгоградская обл.		72,0	1672,3	1673,5
Кабардино-Балкарская Республика	11282,3	48,5	1634,9	1630,2
Ростовская обл.	30073,7	125,3	3321,2	3251,7
Алтайский край		55,5	1749,8	1751,1
Ставропольский край		54,5	1852,3	1853,1
Красноярский край		69,7	3056,9	3057,5
Курганская обл.			2794,3	2794,3
Удмуртская Респ.		27,5	2712,7	2713,8
Оренбургская обл.		81,7	2591,2	2591,7
Пермская обл.		214,3	3296,5	3296,6
Томская обл.		132,0	3364,6	3366,0
Новосибирская обл.	26748,5	13,8	3256,6	3251,7
Приморский край	60000,0	0,0	5245,0	5176,5
Амурская обл.	15333,3	77,3	1690,0	1689,7
В среднем по выборке	54879,3	90,8	3161,8	3121,8
Общее число выбросов				126
Общее число наблюдений				11056
Доля выбросов в общем числе наблюдений, %				1,1

Таблица 2

Регрессионная оценка факторов, влияющих на размер душевых доходов

Показатель	B	Std. Error	Beta	Sig.
Константа	7,951	0,405		0,000
Число членов семьи	-0,089	0,009	-0,152	0,000
<i>Демографический тип семьи (референтная категория — супружеская пара с одним ребенком до 18 лет)</i>				
Супружеская пара с двумя детьми до 18 лет	-0,197	0,027	-0,062	0,000
Супружеская пара с тремя и более детьми до 18 лет	-0,388	0,055	-0,052	0,000
Супружеская пара с детьми до 18 лет и др. родственниками	-0,037	0,031	-0,013	0,229
Мать (отец) с одним ребенком до 18 лет	-0,122	0,400	-0,026	0,760
Мать (отец) с двумя и более детьми до 18 лет	-0,297	0,403	-0,034	0,461
Мать (отец) с детьми до 18 лет и др. родственниками	-0,166	0,401	-0,033	0,680
Прочие семьи с детьми до 18 лет	-0,060	0,079	-0,013	0,447
Одиночка трудоспособного возраста	0,370	0,400	0,111	0,355
Супружеская пара трудоспособных	0,261	0,399	0,086	0,513
Одиночка пенсионного возраста	0,269	0,400	0,105	0,502
Супружеская пара пенсионеров	0,300	0,400	0,103	0,454
Супружеская пара (пенсионер и трудоспособный)	0,226	0,401	0,039	0,574
Супружеская пара с детьми старше 18 лет или др. родственниками	0,044	0,027	0,018	0,106
Мать (отец) с детьми старше 18 лет (и др. родственниками)	0,051	0,400	0,017	0,898
Одиночка с родителями или др. родственниками	-0,012	0,088	-0,004	0,895
<i>Тип партнерства (референтная категория — одиночки без детей)</i>				
Нет партнера, с родителями или родители без детей	0,064	0,390	0,021	0,870
Нет партнера, с родителями или родители с детьми	-0,036	0,040	-0,009	0,368
Есть партнер, живущий отдельно, без родителей или родители без детей	0,247	0,037	0,055	0,000
Есть партнер, живущий отдельно, без родителей или родители с детьми	0,020	0,046	0,003	0,665
Есть партнер, живущий отдельно, с родителями или родители без детей	0,127	0,390	0,030	0,746
Есть партнер, живущий отдельно, с родителями или родители с детьми	-0,047	0,064	-0,006	0,461
Есть партнер в домохозяйстве, без родителей или родители с детьми	-0,001	0,398	0,000	0,998
Есть партнер в домохозяйстве, с родителями или родители без детей	0,050	0,396	0,010	0,899
Есть партнер в домохозяйстве, с родителями или родители с детьми	-0,088	0,399	-0,030	0,826
возраст респондента, лет	-0,003	0,001	-0,072	0,000

Показатель	B	Std. Error	Beta	Sig.
<i>Максимальный уровень образования респондента и партнера, проживающего в домохозяйстве (референтная категория — нет начального)</i>				
Начальное общее	0,036	0,063	0,009	0,564
Основное общее	-0,052	0,060	-0,018	0,387
Начальное профессиональное	0,002	0,060	0,001	0,969
Среднее общее	0,022	0,060	0,009	0,720
Среднее профессиональное	0,053	0,059	0,032	0,371
Учился или учится в вузе, но не закончил	-0,020	0,073	-0,003	0,788
Высшее	0,175	0,060	0,096	0,003
Послевузовское	0,106	0,084	0,012	0,209
<i>Максимальный должностной статус респондента и партнера, проживающего в домохозяйстве (референтная категория — незанятые)</i>				
Неквалифицированные рабочие	-0,065	0,028	-0,018	0,019
Полуквалифицированные рабочие	0,163	0,027	0,049	0,000
Высококвалифицированные рабочие промышленности и сельского хозяйства	0,192	0,022	0,078	0,000
Служащие, занятые обработкой информации и в сфере обслуживания	0,187	0,022	0,085	0,000
Специалисты средней квалификации	0,309	0,026	0,108	0,000
Специалисты высшей квалификации, включая военнослужащих	0,270	0,023	0,128	0,000
Руководители	0,414	0,037	0,086	0,000
Число безработных	-0,221	0,014	-0,114	0,000
Число трудоспособных неработающих и не ищущих работу	-0,064	0,018	-0,026	0,000
Число нуждающихся в уходе	-0,049	0,019	-0,017	0,012
Число источников индивидуальных доходов (всех членов домохозяйства)	0,027	0,086	0,041	0,749
Число зарплат (в том числе от дополнительной занятости)	0,168	0,086	0,206	0,051
Число пенсий	0,095	0,086	0,096	0,270
Число стипендий	-0,080	0,088	-0,028	0,368
Число социальных пособий	-0,075	0,086	-0,057	0,386
Число алиментов	0,009	0,070	0,003	0,893
Число льгот	-0,034	0,005	-0,052	0,000
Есть трансферты от людей, не являющихся членами домохозяйства	0,069	0,018	0,027	0,000
Есть доходы от продажи продукции личного подсобного хозяйства	-0,122	0,018	-0,051	0,000
Есть доходы от ренты, сбережений, страховки	0,152	0,041	0,025	0,000

Показатель	B	Std. Error	Beta	Sig.
Есть долги по оплате ЖКУ	-0,139	0,013	-0,077	0,000
Есть сбережения	0,291	0,013	0,158	0,000
<i>Тип поселения (референтная категория — областной центр)</i>				
Город	-0,040	0,024	-0,022	0,098
Поселок городского типа	-0,221	0,034	-0,064	0,000
Село	-0,327	0,024	-0,179	0,000
<i>Регион (референтная категория -1 Санкт-Петербург)</i>				
Москва	0,126	0,036	0,039	0,000
Московская обл.	0,114	0,045	0,030	0,011
Республика Коми	0,127	0,039	0,034	0,001
Саратовская обл.	-0,453	0,039	-0,123	0,000
Ленинградская обл.	-0,164	0,050	-0,032	0,001
Смоленская обл.	-0,436	0,045	-0,084	0,000
Тверская обл.	-0,380	0,050	-0,074	0,000
Тульская обл.	-0,411	0,045	-0,080	0,000
Калужская обл.	-0,389	0,050	-0,077	0,000
Нижегородская обл.	-0,380	0,045	-0,074	0,000
Чувашская Республика	-0,552	0,050	-0,107	0,000
Пензенская обл.	-0,571	0,050	-0,111	0,000
Липецкая обл.	-0,422	0,045	-0,080	0,000
Тамбовская обл.	-0,580	0,049	-0,115	0,000
Республика Татарстан	-0,354	0,045	-0,067	0,000
Краснодарский край	-0,370	0,040	-0,100	0,000
Челябинская обл.	-0,295	0,039	-0,082	0,000
Волгоградская обл.	-0,532	0,051	-0,105	0,000
Кабардино-Балкарская Республика	-0,217	0,054	-0,041	0,000
Ростовская обл.	-0,270	0,051	-0,052	0,000
Алтайский край	-0,614	0,043	-0,166	0,000
Ставропольский край	-0,441	0,050	-0,085	0,000
Красноярский край	-0,300	0,039	-0,083	0,000
Курганская обл.	-0,383	0,045	-0,074	0,000
Удмуртская Республика	-0,375	0,050	-0,073	0,000
Оренбургская обл.	-0,462	0,051	-0,089	0,000
Пермская обл.	-0,168	0,050	-0,033	0,001
Томская обл.	-0,310	0,045	-0,060	0,000
Новосибирская обл.	-0,226	0,051	-0,043	0,000
Приморский край	0,090	0,047	0,016	0,054
Амурская обл.	-0,457	0,050	-0,089	0,000

Окончание таблицы 2

Показатель	B	Std. Error	Beta	Sig.
Зависимая переменная — логарифм душевого дохода в расчете на месяц				
Размер выборки — 11261				
Коэффициент детерминации — 0,530				
Скорректированный коэффициент детерминации — 0,526				

Таблица 3

**Веса индикаторов домена жилищной обеспеченности
(доля домохозяйств в соответствующей группе)**

Индикаторы	Арендуют жилье по рыночным ценам	Низкая обеспеченность жилой площадью	Жилье не оснащено всеми базовыми коммунальными удобствами
Областные центры			
Домохозяйства трудоспособных с детьми	0,08	0,48	0,12
Домохозяйства трудоспособных без детей	0,08	0,26	0,11
Домохозяйства пенсионеров без детей	0,01	0,00	0,13
Другие города			
Домохозяйства трудоспособных с детьми	0,07	0,34	0,14
Домохозяйства трудоспособных без детей	0,05	0,18	0,15
Домохозяйства пенсионеров без детей	0,00	0,00	0,18
Поселки городского типа			
Домохозяйства трудоспособных с детьми	0,08	0,29	0,52
Домохозяйства трудоспособных без детей	0,04	0,17	0,46
Домохозяйства пенсионеров без детей	0,00	0,00	0,49
Сельская местность			
Домохозяйства трудоспособных с детьми	0,06	0,24	0,97
Домохозяйства трудоспособных без детей	0,02	0,16	0,95
Домохозяйства пенсионеров без детей	0,01	0,00	0,96
В среднем	0,05	0,23	0,36

Таблица 4

Весовые коэффициенты для расчета индекса имущественной обеспеченности

Показатель	Цвет- ной теле- визор	Видео- магни- тофон или DVD- плеер	Сти- раль- ная маши- на	Мик- ровол- новая печь	До- маш- ний ком- пью- тер	Телефон (стаци- онарный или мо- бильный)	Автомо- биль или мини-ав- тобус для личного пользо- вания	Второй авто- мобиль	Второе жилье (дом, квартира, зимняя или лет- няя дача)	Холо- диль- ник
Региональные центры										
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,01	0,15	0,11	0,38	0,48	0,10	0,40	0,37	0,50	0,02
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,05	0,19	0,16	0,38	0,36	0,11	0,40	0,33	0,41	0,02
Домохозяйства пенсионеров	0,07	0,20	0,19	0,30	0,12	0,10	0,17	0,11	0,19	0,03
Другие города										
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,03	0,19	0,09	0,49	0,60	0,21	0,43	0,43	0,50	0,01
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,05	0,28	0,10	0,49	0,47	0,22	0,40	0,36	0,39	0,02
Домохозяйства пенсионеров	0,11	0,30	0,12	0,36	0,20	0,28	0,28	0,21	0,21	0,03
Поселки городского типа										
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,03	0,18	0,13	0,58	0,62	0,30	0,44	0,54	0,58	0,02
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,06	0,28	0,14	0,53	0,51	0,28	0,45	0,48	0,57	0,03
Домохозяйства пенсионеров	0,15	0,32	0,16	0,44	0,25	0,31	0,25	0,29	0,30	0,03
Село										
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,09	0,35	0,10	0,67	0,68	0,42	0,45	0,43	0,54	0,08
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,12	0,35	0,12	0,58	0,49	0,37	0,40	0,37	0,46	0,06
Домохозяйства пенсионеров	0,23	0,33	0,20	0,36	0,20	0,37	0,25	0,18	0,23	0,08
Всего	0,07	0,24	0,13	0,46	0,43	0,22	0,38	0,34	0,42	0,03

Таблица 5

Весовые коэффициенты для расчета индекса базовых потребностей

Показатель	Возможность ежегодно оплачивать недельный отпуск вне дома всем членам домохозяйства	Возможность заменять по мере надобности износившуюся мебель	Возможность покупать новую, а не подержанную одежду	Возможность не реже чем через день есть мясо, курицу, или рыбу	Возможность не реже чем раз в месяц приглашать к себе друзей или родных на угощение, обед, ужин
Региональные центры					
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,66	0,55	0,09	0,18	0,38
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,69	0,65	0,19	0,23	0,45
Домохозяйства пенсионеров	0,87	0,90	0,53	0,43	0,75
Другие города					
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,76	0,58	0,13	0,23	0,43
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,77	0,65	0,21	0,30	0,52
Домохозяйства пенсионеров	0,94	0,91	0,57	0,46	0,79
Поселки городского типа					
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,75	0,65	0,13	0,29	0,40
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,76	0,68	0,22	0,25	0,45
Домохозяйства пенсионеров	0,91	0,90	0,53	0,56	0,70
Село					
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,90	0,67	0,19	0,39	0,60
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,92	0,74	0,27	0,43	0,66
Домохозяйства пенсионеров	0,96	0,93	0,57	0,55	0,79
Всего	0,79	0,69	0,25	0,31	0,54

Таблица 6

Весовые коэффициенты для расчета индекса субъективной обеспеченности

Показатель	Субъективная оценка доходов	Субъективная оценка жилья
Региональные центры		
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,42	0,22
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,44	0,15
Домохозяйства пенсионеров	0,59	0,07
Другие города		
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,50	0,13
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,50	0,09
Домохозяйства пенсионеров	0,68	0,05
Поселки городского типа		
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,49	0,18
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,47	0,09
Домохозяйства пенсионеров	0,61	0,04
Село		
Домохозяйства с трудоспособными и детьми	0,67	0,12
Домохозяйства с трудоспособными без детей	0,64	0,07
Домохозяйства пенсионеров	0,71	0,06
Всего	0,53	0,12

*Синявская О. В.,
Захаров С. В.,
Карцева М. А.*

Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России¹

В статье представлены результаты проекта «Семейные стратегии, поведение на рынке труда и рождаемость в современной России» (грант № R04–9161 Консорциума экономических исследований и образования (Инк.)). Исследование было сконцентрировано, во-первых, на выявлении связи между трудовыми и репродуктивными решениями у женщин и их общим детерминанте. Во-вторых, на изучении влияния домохозяйственного окружения и типов принятия решений о занятости женщин на трудовые решения. В-третьих, на выявлении не только экономических, но и социальных ценностных факторов репродуктивного поведения. Мы эмпирически подтвердили тезис, что оба решения — о занятости и деторождении, которые традиционно рассматриваются как индивидуальные, в значительной мере являются решениями, принимаемыми в домохозяйствах. Исследование показало, что, несмотря на конфликт между женской занятостью и уходом за детьми, положительные решения женщины о занятости и планируемом деторождении пропорционально взаимосвязаны. С точки зрения политики по стимулированию рождаемости важно то, что более высокие доходы людей повышают склонность к деторождению, что свидетельствует об определенном потенциале роста рождаемости в результате принятых государством мер в этой сфере. Однако связь эта не прямая и не линейная. Пропаганда традиционных

---

¹ Авторы выражают благодарность Консорциуму экономических исследований и образования (Инк.) за финансовую и профессиональную поддержку в работе над проектом (Грант № R04–9161). Консорциум финансируется за счет средств, предоставленных Фондом Евразия (из средств, предоставленных Агентством международного развития США (USAID), Глобальной сетью развития, Всемирным банком, Правительством Финляндии).

Эта статья не могла бы быть написана без поддержки наших коллег. Мы чрезвычайно признательны Т. Герберу, Э. Ливни, В. Радаеву, другим членам Экспертного совета Консорциума и анонимным рецензентам отчетов по данному проекту за развернутые критические комментарии и предложения, позволившие лучше раскрыть тему исследования и подобрать наиболее адекватные предмету методы анализа. Мы также выражаем искреннюю благодарность Т. Малевой и И. Денисовой, которые всецело поддерживали нас и щедро делились своими идеями не только в процессе осуществления замысла исследования, но и на начальной стадии его формирования. В подготовке и реализации проекта, результаты которого отражены в предлагаемой статье, принимала участие Д. Ибрагимова, предложившая используемый в наших исследованиях способ выделения моделей принятия решений.

Вся ответственность за полученные результаты и их интерпретацию лежит только на авторах данной работы.

ценностей также будет иметь ограниченный эффект. Группа, на которую государству следует обратить внимание в демографической политике, — это работающие женщины с высшим образованием. Их вклад в сокращение неравенства по числу рожденных детей может быть наибольшим. Но для этого государство должно прикладывать больше усилий к ослаблению конфликта между женской занятостью и материнством, добиваясь выполнения трудового законодательства и развивая систему дошкольных учреждений.

Введение

Одна из наиболее острых проблем, которую должна решить социальная и семейная политика в современных обществах, в том числе российском, состоит в трудности ослабления конфликта между женской занятостью и материнством [Esping-Andersen G. et al., 2002]. Очевидно, что патриархальные модели, при которых женщина, выходя замуж, полностью посвящала себя семье и детям, нежизнеспособны в условиях ослабления традиционных брачных уз, распространения неформальных партнерских союзов, увеличения вероятности распада союза, повышения уровня образования и притязаний женщин. Тем более возврат к традиционным гендерным ролям кормильца-мужа и жены как матери и хозяйки дома невозможен в бывших социалистических странах (и прежде всего России), в которых на протяжении нескольких десятилетий участие женщин в оплачиваемой занятости было почти стопроцентным. Справедливо и другое: переход к постиндустриальной экономике сопровождается усилением гибкости рынка труда, ростом требований к квалификации работников и повышению этой квалификации на протяжении всей трудовой жизни [Esping-Andersen G. et al., 2002]. Рынок труда становится более поляризованным, поскольку одновременно растет доля высококвалифицированных и неквалифицированных рабочих мест в секторе услуг. Чтобы не потерять работу и не остаться без средств к существованию, женщина не может надолго покидать рынок труда в связи с рождением ребенка (детей). Таким образом, сохранение конфликта между занятостью женщины и материнством может иметь следствием как повышение рисков бедности для семей с детьми, так и увеличение неравенства женщин с разным социально-экономическим статусом по числу рожденных детей, включая распространение бездетности.

Современная Россия прошла трудный путь трансформации от плановой социалистической к рыночной экономике, но все еще находится в процессе перехода к экономике постиндустриальной. Ей не удалось избежать сокращения рождаемости, но она сохранила довольно высокие, по меркам большинства стран Центральной и Восточной Европы и ряда стран Западной Европы, уровни экономической активности и за-

нятости женщин [Полетаев А. В., 2003]. С середины 1990-х гг. появились основания считать, что Россия вступила в трансформацию брачно-семейных отношений и моделей рождаемости, которые проявились в откладывании рождения первенца и увеличении числа детей, рожденных вне формально зарегистрированного брака [Население России, 1997; Население России, 1998 и последующие ежегодники].

Какова же связь между решениями женщины о том, работать ли ей, и о том, заводить ли ей детей, в современной России? Каковы шансы женщины с маленькими детьми иметь работу? Как образование и занятость женщины влияют на ее склонность заводить детей? Зависят ли модели занятости женщины от того, насколько консервативны гендерные роли внутри партнерства? Насколько рациональным может считаться решение завести детей — как влияют на него благосостояние женщины и ее домохозяйства, возможность ухода за ребенком кем-либо? Какую роль играют ценностно-культурные факторы? Ответы на эти вопросы позволят дать качественную оценку государственным мерам в области семейной политики и стимулирования рождаемости и предложить новые решения в этой сфере.

Таким образом, цель настоящего исследования — выявить, взаимосвязаны ли решения о занятости женщины и ее репродуктивные намерения, а также установить, насколько совпадают или, напротив, различаются факторы, определяющие каждое из этих решений. Объект анализа — женщины, проживающие совместно с партнером, в возрасте до 44 лет включительно.

Рождаемость, демографическая и семейная политика в современной России

Последние два года в России, без преувеличения, прошли под знаком демографии и рождаемости. В Послании Президента России Федеральному Собранию РФ от 2006 г. демографическая ситуация в стране определена как критическая. Начиная с 1993 г. отрицательный естественный прирост составляет в России 0,7–0,9 млн чел. в год. Положительный миграционный прирост лишь в слабой степени компенсирует естественную убыль. В результате численность населения России сокращается на 0,5% в год. Согласно официальному демографическому прогнозу, к 2030 г. население России может сократиться со 142 млн до 120 млн чел. К этому же году население трудоспособного возраста станет меньше на 17 млн чел., а ежегодное число потенциальных призывников сократится в 3 раза.

Общественное мнение разделяет представления политического руководства о том, что Россия с сокращающимся и стареющим населением не может развивать экономику, строить паритетные отношения

с другими государствами, сохранять территорию страны в современных границах.

В дискуссии о причинах кризиса обозначены следующие позиции:

а) экономические и политические реформы 1990-х гг. были ориентированы неправильно, произошли не в интересах народа. Вызванные реформами падение уровня жизни большинства населения, разрушение уравнительной системы социальных гарантий, лишение народа объединяющей национальной идеи построения общества для всех и утрата социального контроля над индивидуальным поведением приводят к высокой смертности и низкой рождаемости [О государственном геноциде... 1998; Римащевская Н.М., 1999, 2004; Осипов Г.В., 2000];

б) навязанные российскому обществу западные морально-этические нормы разрушают семью и дезинтегрируют социум, традиционно строившийся в России на ценностях высокой духовности, коллективизма, взаимопомощи, развитых социальных сетей, в результате чего снизилась рождаемость и возросла смертность [Дугин А.Г., 1997, 2005; Гундаров И.А., 2001, Русский крест... 2005];

в) текущий демографический кризис в России был заложен логикой исторического развития демографических процессов в советский период. Консервативная модернизация во всех сферах жизнедеятельности сохраняла традиционные ценности, ограничивала самореализацию личности, подавляла его инициативу и препятствовала рационализации демографического поведения. В результате она блокировала снижение смертности, разрушала старую, но не создавала новую мотивационную основу рождаемости [Вишневский, 1998; Вишневский, ред. 2006].

Приоритеты государственной политики в области населения были расставлены следующим образом: сокращение смертности, увеличение миграционного прироста, повышение рождаемости [Послание Президента 2006 г.]. Однако на современном этапе центральное место отводится стимулированию рождаемости, без повышения которой, по мнению разработчиков этой политики, невозможно стабилизировать численность населения. Причины такого смещения приоритетов очевидны: политика повышения рождаемости — по крайней мере, в теории — может дать видимый и быстрый прирост числа рождений², тогда как набор мер по снижению смертности и повышению продолжительности жизни далеко не так очевиден [Андреев Е.М., Жданов Д.А.,

---

²Что не означает, вместе с тем, что завершенная рождаемость поколений, попавших под действие этой политики, будет выше, чем у предшествующих когорт. Иными словами, заранее неизвестно, родят ли женщины больше детей, чем ранее планировали, или же они родят то число детей, которое появилось бы и без дополнительных мер, но раньше и в более короткий промежуток времени. Последний эффект дали, в частности, меры по стимулированию рождаемости в СССР в 1980-е гг. [Захаров С.В., 2006б].

Школьников В.М., 2007] и, главное, способен дать отдачу лишь в отдаленной перспективе. Наконец, теоретическую возможность стабилизации численности населения и возрастной структуры с помощью политики «открытых дверей» и широкого привлечения мигрантов, современная российская власть всерьез не рассматривает, во многом из-за того, что общественное мнение настроено отрицательно по отношению к мигрантам из-за опасений утраты этнокультурной идентичности.

Единые установки семейной политики³ в России как таковые отсутствуют⁴. Действующая политика по отношению к семье базируется на системе мер, введенных в действие еще в СССР в 1980-е гг. с многократными изменениями (последние от 01.01.2007). Ее инструменты включают: а) полностью оплачиваемый отпуск по беременности и родам (в общем случае 140 дней), частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет (пособие в размере 40% от среднего заработка, но не более 6000 руб. и не менее 1500 руб. на первого ребенка и 3000 руб. на второго и последующих; б) дополнительный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет; в) единовременное пособие при рождении ребенка (не менее 8000 руб.); г) ежемесячные пособия на детей, которые с 01.01.2005 не регулируются федеральным законодательством (прерогатива субъектов РФ), составляющие в среднем около 100 руб. в месяц; д) «материнский (семейный) капитал» в размере 250 000 руб. при рождении второго ребенка с возможностью использования по достижении ребенком возраста 3-х лет в форме трех видов инвестиций (по выбору в любом сочетании): оплата нового жилья, оплата образования детей, увеличение накопительной части трудовой

---

³ В данной статье семейная политика рассматривается как часть социальной политики, связанная с поддержкой семей, материнства и рождаемости. Сфера действия демографической политики пересекается с политикой семейной лишь в той части, в которой она связана с поддержкой рождаемости. Однако в рамках этой статьи мы будем использовать понятия «семейная» и «демографическая» политика как синонимы, чаще употребляя термин «демографическая политика» там, где речь идет об артикулированном намерении поднять рождаемость, а термин «семейная политика» — если цель действий состоит в общей, безотносительно повышении рождаемости, поддержке семьи, материнства и занятости матерей.

⁴ Общие правила ее реализации заданы Семейным кодексом РФ и «Основными направлениями государственной семейной политики» (Указ Президента РФ от 14.05.1996 №712, в ред. Указа Президента РФ от 05.10.2002 № 1129). Описание отдельных инструментов семейной политики можно встретить также в документах, регулирующих занятость населения (Трудовой кодекс, закон «О занятости населения», программы содействия занятости населения), жилищную политику (программы «Жилище»), положение молодежи («Основные направления молодежной политики», программы «Молодежь России»), положение женщин (Концепция улучшения положения женщин в РФ, Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе (до 2000 г.)), социальную защиту населения и др.

пенсии матери. Работающие матери имеют право на льготный режим труда, полностью оплачиваемые дни по уходу за больным ребенком, дополнительный ежегодный неоплачиваемый отпуск в размере 14 дней для матерей, воспитывающих двух и более детей. В последние годы молодые семьи с детьми получили некоторые преимущества в области улучшения жилищных условий — как получатели бесплатного жилья («очередники»), участники социальной ипотеки и других программ льготного кредитования [Основные направления государственной молодежной политики в РФ; Программа 2002; Программа 2006; ФЦП «Жилище» на 2002–2010 г. и др.]

Вплоть до 2007 г. семейная политика не носила пронаталистского характера, т.е. не артикулировала в качестве цели повышение рождаемости. Концептуально ее можно охарактеризовать как политику *де-юре*, направленную на частичную компенсацию затрат на детей и облегчение совмещать материнство с занятостью для работающей женщины. В ее основе лежат идеи финансовой доступности деторождения в условиях традиционного гендерного разделения обязанностей в семье⁵.

Де-факто роль государственной помощи семьям с детьми последовательно снижалась на протяжении всего переходного периода [Овчарова Л.Н., Попова Д.О., 2005]⁶. Меры политики были слабо дифференцированы в зависимости от числа детей (порядкового номера родов), а размеры выплат на детей играли малозаметную роль в семейном бюджете. Компенсация затрат на детей практически никак не увязывалась с доходами семей, средней заработной платой в стране, фактической стоимостью потребительской корзины, в явном виде не учитывала инфляцию, рост фактических затрат на ребенка и т.д. Иными словами, до 2007 г. политика не имела поощряющего стимула для деторождения и покрывала лишь незначительный объем затрат на ребенка (государственные расходы на семейные и материнские пособия составляли менее 0,5% от общего объема денежных доходов населения, и за 10 лет этот показатель снизился в 3 раза) [Елизаров В.В., 2005].

Несмотря на значительные социальные гарантии беременным женщинам и матерям, содержащиеся в трудовом законодательстве, реальный контроль над их исполнением с начала 1990-х гг. практически отсутствовал. Это привело к почти повсеместному нарушению этих

---

⁵ Такое решение проблемы рождаемости отвечает представлениям о том, что главная причина снижения рождаемости — падение уровня жизни населения.

⁶ По оценкам Л.Н. Овчаровой и Д.О. Поповой, доля семейных и материнских пособий (по беременности и родам; при рождении ребенка; по уходу за ребенком до 1,5 лет; по уходу за детьми-инвалидами; ежемесячное пособие на каждого ребенка) в общем объеме государственных средств, идущих на выплату социальных пособий, сократилась с 77,3% в 1991 г. до 32,4% к 2003 г. [Овчарова Л.Н., Попова Д.О., 2005: 12].

прав, особенно на предприятиях частного сектора [Кабалина, Кларк, 1999: 75; Гендерные проблемы в России, 2004: 36–37]. Более того, в условиях трансформации экономических и социальных институтов сохранение обширных гарантий работающим матерям привело к усилению их дискриминации при найме: при прочих равных условиях работодателю было выгоднее приобрести работника, который по закону мог бы трудиться полный рабочий день без скидок на семейные обязанности. В результате конфликт между материнством и женской занятостью усилился.

Наконец, доступность детских дошкольных учреждений, которая могла бы облегчить совмещение материнства с занятостью, с начала 2000-х гг. стремительно уменьшается: численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные учреждения возросла со 192,9 тыс. чел. в 1999 г. до 805,0 тыс. чел. в 2004 г., т.е. более чем в 4 раза [Госкомстат, 1999; Росстат, 2004]⁷. Охват детей детскими садами и яслями также заметно сократился: если в 1990 г. детские дошкольные учреждения посещали 66,4% детей в возрасте от 1 до 6 лет, то в 1998 г. — 53,9%, а в 2003 г. — 57,6%, причем среди детей младше 3 лет лишь около 16%⁸ в настоящее время посещают ясли или детский сад⁹.

Результатом взятия в 2006 г. официального курса на повышение рождаемости пока практически явилось повышение в 2–4 раза (в зависимости от типа) ежемесячных пособий и введение специфической российской инновационной меры — «материнского капитала»¹⁰. Предполагается, что новая политика должна ориентироваться на снижение разрыва между фактическим количеством детей в семьях и желаемым числом детей в пределах двухдетности¹¹. Однако эмпирическая проверка возможности повышения рождаемости в ответ на новые меры отсутствует.

Опыт других стран, проводивших политику материального стимулирования рождаемости, показал, что она давала положительный результат (хотя и весьма умеренный), если рассматривать соотношение

---

⁷ Более подробное обсуждение этого вопроса представлено в статье Т. Малевой, О. Синявской и Е. Гладниковой.

⁸ Расчеты авторов на основе данных [Госкомстат, 2004: 384] и [Госкомстат, 2003а].

⁹ Для сравнения, во Франции ясли охватывают 16% маленьких детей, в то время как 40% двухлетних и все трехлетние дети ходят в детский сад [Ekert-Jaffé O., Heather J. et al., 2002].

¹⁰ Подробное обсуждение новых мер политики представлено в статье Л. Овчаровой и А. Пишняк [Овчарова Л. Н., Пишняк А. И., 2007].

¹¹ Вместе с тем эксперты скептически оценивают результативность использования только предложенного набора мер даже для преодоления бедности семей с детьми, не говоря уже о таком повышении уровня их материального благосостояния, который мог бы привести к заметному и стабильному росту рождаемости [Овчарова Л. Н., Пишняк А. И., 2007; Бурдяк А. Я., Попова Д. О., 2007].

прироста рождаемости и затраченных средств [Макдональд П., 2006]. Российский опыт — семейная политика 1980-х — оказался более скромным с точки зрения общего повышения рождаемости [Захаров С.В., 2006]. Главное, на что повлияла эта политика, и прежде всего введение частично оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком до 1,5 лет и неоплачиваемых — до 3 лет, — это изменения в календаре рождений.

Очевидно, что рождение ребенка выводит женщину из состава занятых. Открытым остается вопрос, надолго ли она покинет рынок труда и вернется ли вообще в группу занятых. Важно также знать, не приведет ли данная политика к росту рождаемости среди молодых женщин, которые еще не имеют опыта работы и, в конце концов, могут никогда его не получить. Опыт советской политики 1980-х гг. показал, что эффект от введения отпусков в наибольшей степени сказался на женщинах с высоким образовательным и профессиональным статусом, работавших в режиме полного рабочего времени. Повышение интенсивности деторождения в очень молодом возрасте — до 20 лет — было также достаточно существенным [Захаров С.В., 2006b]. Однако увеличение периода пребывания женщины вне сферы занятости, неизбежно ведущее к утрате квалификации, было возможно в условиях трудоизбыточной советской экономики, что вряд ли может выдержать современная рыночная экономика. Даже если предложенные меры приведут к повышению рождаемости новых поколений, временной разрыв между притоком рабочей силы, образовавшимся за счет дополнительных рождений, и оттоком женщин трудоспособных возрастов с рынка труда, может оказаться критическим для экономики со стареющей и численно сокращающейся рабочей силой.

На многие из поставленных здесь вопросов ответ можно получить, лишь имея в руках данные о том, как на уровне отдельных людей соотносятся декларируемые намерения и реальные действия в сфере рождения детей, как оценивают они свое поведение, и как оно меняется на практике под влиянием предложенных — и уже реализуемых — мер семейной политики. Впрочем, отсутствие «идеальных» (конечно, лучше всего, панельных) данных не должно служить непреодолимым препятствием для изучения детерминант женской занятости и рождаемости.

Известные факты о женской занятости и рождаемости

Решения о рождении ребенка и о занятости — важнейшие темы, обсуждаемые в домохозяйствах. Предметом непрекращающихся дискуссий является не столько взаимосвязанность этих двух решений (хотя и она тоже), сколько причинно-следственная связь между ними. Возможен один из четырех вариантов этой связи: 1) занятость влияет на рождаемость; 2) рождаемость влияет на занятость; 3) взаимобратная

связь; 4) ложная связь из-за влияния других факторов [Lehrer, Nerlove, 1986, цит. по Spitze, 1988].

Экономический подход к решениям о предложении труда и к репродуктивным решениям базируется на моделях рационального выбора, которые описывают индивидуальное поведение человека в его выборе наиболее приемлемой из имеющихся возможностей [Pollak S.C., Watkins R.A., 1993]. В экономике труда можно выделить два направления, относящиеся к теме настоящего исследования.

Первое включает модели распределения времени или домашнего производства, разработанные Беккером (1965) и Гронау (1977). В обеих работах подчеркивается, что время, отведенное для производства товаров и услуг внутри домохозяйства, является важной компонентой общего разделения времени, т.е. производство есть важная составляющая домохозяйственной жизни. Распределение времени между рыночной занятостью, домашним производством (включая уход за детьми и их воспитание) и отдыхом зависит от ставок заработной платы на рынке труда, размера нетрудового дохода, технологий домашнего производства и индивидуальных предпочтений.

Второе важное направление связано с семейными моделями предложения труда, в которых единицей принятия решения является все-таки семья, а не индивид [Killingworth M.R., Neckman J.J., 1986; Берндт Э., 2005]. Эти модели, в свою очередь, делятся на три больших класса: а) так называемые шовинистические модели; б) модели максимизации семейной¹² полезности при заданных семейных бюджетных ограничениях; в) модели максимизации индивидуальной полезности при заданных семейных бюджетных ограничениях. Предсказания в трех указанных типах семейных моделей относительно влияния трудовых доходов и решений о занятости других членов семьи на индивидуальное предложение труда будут различны.

В частности, шовинистическая¹³ модель предполагает, что глава семьи (в традиционных семьях мужчина) принимает решение о своем предложении труда, не учитывая доход партнера, в то время как партнер, принимая аналогичное решение, считается с решением главы семьи. В результате предложение труда главы семьи зависит от его (или ее) собственной реальной заработной платы, дохода, не связанного с трудовой деятельностью, и от его предпочтений относительно отдыха

---

¹² Семья здесь выступает синонимом домохозяйства.

¹³ Отметим, что в русском языке слово «шовинистический» имеет негативную окраску, что затрудняет использование этого распространенного в англоязычной экономической литературе термина в российских публикациях. В социологической литературе для обозначения этого типа принятия решений обычно используют термин «модель доминирующего мужчины (женщины)».

и потребления средств, в то время как предложение труда партнера зависит еще и от реальной зарплаты, и графика работы главы семьи. Иными словами, доход главы семьи рассматривается как нетрудовой доход партнера¹⁴.

Демократическая (в социологии — эгалитарная¹⁵) модель семьи предполагает максимизацию совместной семейной функции полезности с учетом семейных бюджетных ограничений. Поэтому предложение труда каждого члена семьи определяется не только его собственной реальной заработной платой и доходом, не связанным с трудовой деятельностью, но и реальной заработной платой и «нетрудовым» доходом других членов домохозяйства. Направление перекрестного влияния не может быть определено однозначно, так как зависит от величин эффектов дохода и замещения. Кроме того, если внутри домохозяйства перекрестные эффекты замещения равны нулю, то перекрестные эффекты зарплаты становятся эффектами дохода.

Наконец, в индивидуалистической¹⁶ модели используются индивидуальные функции полезности в рамках семейного бюджетного ограничения. В моделях предполагается «стратегическое» поведение партнеров, подразумевающее, что их предложение труда будет зависеть от их собственной реальной заработной платы и «нетрудового» дохода, предпочтений относительно отдыха и потребления средств и от заработка партнера. Причем зависимость от заработка партнера будет иметь форму эффекта дохода, прямого и косвенного.

Отсутствие данных, позволяющих выделить типы семей согласно механизму принятия решений, ограничивало использование вышеописанного подхода. Большинство исследователей не имели возможности контролировать типы домохозяйств¹⁷, и это различие оказывало влияние на остаточный член в регрессионных моделях. При наличии более развернутой информации о процессе принятия решений в семье возможно использование другого подхода к исследованию.

Экономический подход к изучению рождаемости предполагает, что люди действительно принимают решение о рождении детей. Значи-

---

¹⁴ Поскольку предметом этой работы выступает анализ трудового и репродуктивного поведения женщин, то в эмпирической части данной модели будет соответствовать случай, когда «решения принимает мужчина», т.е. классическая традиционная патриархальная модель отношений.

¹⁵ В эмпирической части статьи — модель, когда «партнеры принимают решения сообща».

¹⁶ «Решения принимает женщина».

¹⁷ Панельные данные в известной мере позволили бы решить эту проблему. Но даже в случае наличия панельных данных было бы полезно иметь возможность заранее установить тип домохозяйства, с тем чтобы определить, какая часть фиксированного эффекта отвечает за различие в механизмах принятия решений.

тельная часть экономической литературы по вопросам рождаемости анализирует взаимосвязь между доходом (как основной детерминантой бюджетных ограничений) и деторождением. Несмотря на распространенное представление о том, что причина низкой рождаемости кроется в низких доходах, и, следовательно, их повышение приведет к росту рождаемости, почти все эмпирические исследования показали, что более обеспеченные домохозяйства имеют меньшее число детей. Г.Беккер (1960) попытался разрешить эту загадку с помощью теории поведения потребителей, чтобы показать, что различия в окончательном числе детей в домохозяйствах в развитых странах вызваны вариацией доходов домохозяйств, и «ценой» детей, т.е. альтернативными стоимостями (opportunity costs) детей^{18,19}.

Большим вкладом экономической теории в изучение рождаемости стало признание важности родительского времени и особенно времени, которое затрачивают матери на воспитание детей [Becker G., 1965; Willis, 1973; Pollak R.A., Wachter S.C., 1975; Sanderson, 1980]. Существуют два конкурирующих подхода.

Первый подход — модель «фиксированных предпочтений», «цены времени», «чикаго-колумбийская», разработанная Г.Беккером. Он предполагает, что предпочтения родителей экзогенны и фиксированны. Соответственно, различия в репродуктивных намерениях людей и рождаемости в разные промежутки времени объясняются в терминах возможностей и бюджетных ограничений, которые зависят от технологий, используемых в домашнем хозяйстве, цен на рыночные товары (включая ставки зарплаты) и располагаемых ресурсов домохозяйства. Отсюда вытекает следующая гипотеза относительно основной причины отрицательной взаимосвязи между доходами и рождаемостью: чем выше доходы домохозяйства, тем дороже ценится время женщины. Это возможно либо вследствие более высокой (возросшей со временем) зарплаты женщин на рынке труда, либо из-за того, что более высокие доходы домохозяйства поднимают стоимость женского времени в домашнем производстве. Поскольку уход за детьми и их воспитание являются трудоемкими видами деятельности, особенно для матерей, альтернативная стоимость заботы о детях возрастает относительно

---

¹⁸ В моделях, основанных на этом подходе, родители рассматриваются как потребители, соглашающиеся завести такое количество детей, которое максимизирует их полезность, с учетом цены детей и имеющихся бюджетных ограничений.

¹⁹ Следующий этап в развитии этого сюжета — появление качественно-количественных моделей деторождения, которые позволяют учесть то обстоятельство, что родители предъявляют спрос не только на число детей, но и детей с определенными характеристиками [Becker G., 1960; Willis, 1973; Becker G., Lewis, 1973]. В этих моделях вводится понятие баланса между числом и «качеством» детей. Предсказания моделей относительно влияния дохода на число детей, однако, нельзя интерпретировать однозначно.

других источников удовлетворения потребностей, приводя к эффекту замещения деторождения другими видами деятельности²⁰.

Альтернативный подход представлен моделью изменяющихся предпочтений, или «относительного дохода», также известной как модель «пенсильванской школы», введенной Истерлином [Easterlin, 1966] и развитой впоследствии в работах Easterlin, Pollak, Wachter (1980). Согласно этому подходу, опыт потребления, приобретенный человеком в детстве и отрочестве, определяет стандарты потребления во взрослом возрасте, и, следовательно, индивидуальные предпочтения отныне рассматриваются как изменяющиеся и эндогенные. Этот подход, в отличие от предложенного Г. Беккером, позволяет объяснять вариацию в поведении через различия не только в возможностях, но и в предпочтениях [Pollak R.A., Watkins S.C., 1993]²¹.

Тем не менее углубленные эмпирические исследования в Швеции и Норвегии показали, что вероятность рождения второго или третьего ребенка слабо связана с уровнем дохода, получаемого от работы вне дома. Занятость женщин в общественном производстве также не оказывает предполагаемого отрицательного влияния на рождение вторых и последующих детей [Hoem B., Hoem J.M., 1989; Kravdal O., 1992; Andersson G., 2000]. Вероятность появления первенца еще более запутанным образом оказывается связанной с этими же переменными. Безработные женщины зачастую демонстрируют более высокую интенсивность желания родить первенца, чем занятые. С другой стороны, уровень образования, возраст женщин и активная социальная политика противоречивым образом могут сказываться на общей вероятности и времени появления на свет первого ребенка [Rindfuss et al., 1988; Oppenheimer et al., 1995; Kravdal O., 1994; Liefbroer A., Corijn M., 1999; Andersson G., 2000 и др.].

Изучение взаимовлияния стратегий в отношении рождаемости и стратегий занятости в России не имеет столь богатой истории, как в западных странах. Выводы, полученные при анализе данных микропереписи населения 1994 [Kharkova T.L., Andreev E.M., 2000], данных РМЭЗ [Kohler H.-P., Kohler I., 2001, Рощина Я.М., Бойков А.В., 2005], обескураживают тех, кто привык к банальным объяснениям феномена низкой рождаемости в России. Однако эти нетривиальные результаты вполне согласуются с упомянутыми выше результатами эмпирических исследований рождаемости в развитых странах. В России вероятность рождения ребенка также оказывается не связанной однозначно негативным обра-

---

²⁰ Напротив, влияние мужской занятости на рождаемость описывается в терминах доступности (affordability) детей. Рост мужской зарплаты увеличивает ресурсы домохозяйства и, следовательно, стимулирует рождаемость.

²¹ Именно в рамках данного подхода удалось объяснить распространение использования контрацепции в 1960–1970-е гг.

зом с уровнем материального благосостояния, кризисом на рынке труда, неопределенностью положения в трудовой сфере вне дома²².

Приведенные выше результаты эмпирических исследований объясняют, почему оба экономических подхода активно критикуются демографами и социологами за то, что они ограничиваются только инструментальными переменными (т.е. предпочтениями), которые не объясняют, почему люди в развитых странах вообще имеют детей [Friedman D., Hechter M., Kanazawa S., 1994]. Friedman, Hechter и Kanazawa представили новую версию модели рационального выбора, сфокусированную на снижении неопределенности в качестве основного мотива иметь детей. Они рассматривают три основные стратегии снижения неопределенности, включая стабильную карьеру, вступление в брак и рождение детей. Основной вывод, следующий из модели, состоит в том, что желание иметь детей будет наибольшим у тех, для кого альтернативные каналы снижения неопределенности ограничены или закрыты [Ibid.]. Следовательно, модель предсказывает большие уровни рождаемости у безработных, бедных и т.п.

Наконец, по мнению социологов, желание иметь детей относится к числу базовых (immanent) человеческих ценностей. Как следует из концепции второго демографического перехода, предложенной Р.Лестэгом, влияние экономических факторов на рождаемость опосредуется структурой и иерархией индивидуальных установок [Surkyn J., Lesthaeghe R., 2004]. Это замечание особенно важно, когда мы изучаем не фактическое, а будущее репродуктивное поведение, поскольку намерения иметь или не иметь детей в еще большей степени определяются господствующими социальными нормами.

В России вплоть до недавнего времени рождение первенца вообще было всеобщим, жестко нормированным на социокультурном уровне явлением [Вишневыский А. Г., 2006], а потому, как хорошо было известно специалистам, вероятность рождения первого ребенка не зависела ни от факторов экономического положения индивида, ни от конъюнктурного состояния экономической среды в целом. Можно назвать две причины, по которым мы обращаемся к данному вопросу вновь. Во-первых, с середины 1990-х гг. в России наблюдается тенденция откладывания времени появления на свет первенца. В то же время показатели вероятности рождения второго ребенка (для тех, кто уже имеет первого) и последующих детей если и снизились за последние десять лет, то незначительно. Во-вторых, внезапное и огромное распространение полу-

---

²² Напротив, исследования предложения труда женщин на микроуровне того же РМЭЗ доказывают значимое негативное влияние числа детей на предложение труда женщин, особенно в молодых возрастах [Рошин С. Ю., 2003].

чила практика рождения ребенка вне официального брака в основных брачных возрастах [Захаров С.В., 1999–2004]. Механизм, который стоит за столь резким пересмотром социокультурных норм формирования семьи, совершенно не исследован, а высказываемые в средствах массовой информации и научной литературе объяснительные гипотезы до сих пор не имели под собой прочных эмпирических оснований.

Методология и методика анализа данных

Объект исследования

Результаты, представленные в этой статье, основаны на микроданных уникального социологического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РиДМиЖ)²³. Пользуясь тем, что информация о партнере собирается в этом обследовании почти в том же объеме, что и о самом респонденте, мы расширили число наблюдений, включив в анализ как респондентов, так и партнеров²⁴.

Поскольку фокус исследования был направлен на изучение детерминант и взаимосвязи трудовых и репродуктивных²⁵ решений, мы ограничили выборку женщинами (респондентками и партнершами) в возрасте 18–44 лет, проживающих в одном домохозяйстве с партнером (независимо от того, является ли это партнерство браком), причем из выборки были исключены пенсионерки, студентки²⁶, длительно больные или инвалиды, поскольку их трудовое и демографическое поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин. Исключены также те, чье положение на рынке труда (занята/не занята) или репродуктивные намерения нам неизвестны. В результате, общее число наблюдений составило 2110 чел. (*табл. 1, 3 Приложения*).

Отправной точкой нашего анализа выступает предположение о наличии значимой взаимосвязи между *решениями* о занятости женщины

---

²³ Подробнее об исследовании см. статью С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии.

²⁴ Хотя, безусловно, при интерпретации результатов необходимо будет учитывать возможные системные ошибки, возникающие из-за того, что о партнере нам рассказывает респондент, и связанные с трудностями вспоминания (если речь идет о прошлых событиях) или недостаточной осведомленностью респондента.

²⁵ Несмотря на то что репродуктивное поведение и репродуктивные решения охватывают широкий набор действий, связанных с планированием и рождением детей, включая, например, использование контрацептивов, в данной работе мы понимаем под «репродуктивными намерениями» только намерения родить ребенка, а под репродуктивным поведением — фактическое рождение и намерения родить первого ребенка или еще одного. Иными словами, репродуктивные решения — это решения рожать или не рожать ребенка (еще одного).

²⁶ Мы полагаем, что у студентов имеет место выбор между свободным временем и учебой либо между свободным временем, учебой и работой, что отличает их поведение от поведения неучащихся взрослых.

Таблица 1

Распределение женщин в выборке по статусу занятости и репродуктивным намерениям — зависимые переменные

Занятость	Репродуктивные намерения		
	Не хотят сейчас завести (еще одного) ребенка	Хотят сейчас завести (еще одного) ребенка	Всего
<i>количество наблюдений, чел.</i>			
Не имеют работы	304	94	398
Имеют работу	1278	434	1712
Всего	1582	528	2110
<i>% от общего числа</i>			
Не имеют работы	14,4	4,5	18,9
Имеют работу	60,6	20,6	81,1
Всего	75,0	25,0	100,0

и рождении ребенка. Окончательно ответить на вопрос о последовательности решений можно, лишь имея панельные наблюдения, которыми мы пока не располагаем. Можно предположить, что, с одной стороны, ожидания относительно желаемого числа детей и зависящие от них планы завести первого ребенка или еще одного формируются задолго до вступления женщины на рынок труда. С другой стороны, в настоящее время мы имеем дело с разовым опросом, на момент проведения которого решение работать или нет уже принято, тогда как рождение ребенка — вопрос будущего, и поэтому репродуктивные намерения могут зависеть от нынешнего положения на рынке труда. Следует также отметить, что влияние занятости на рождаемость предполагает, что рождение ребенка в основном планируется и является рациональным решением; если же это не так, скорее рождаемость будет влиять на занятость. Наконец, оба решения могут приниматься одновременно.

Оценка предложения труда женщин

Понятие предложения труда включает несколько различных факторов: размер и демографический состав населения, уровень участия в рабочей силе, количество отработанных часов в неделю или в год, качество труда. В нашем исследовании мы сфокусировали внимание на изучении факторов, влияющих на решение женщин о том, сколько часов им работать за плату. Принимая во внимание цель исследования, следовало бы оценивать предложение труда в более широком смысле, т.е. включая участие в домашнем производстве. Однако в РидМиЖ нет данных о времени, потраченном на домашнюю работу. Поэтому при оценивании предложения труда мы будем предполагать, что у женщины есть только два варианта выбора: участие на рынке труда или отдых.

Решение о предложении труда состоит из двух частей: человек определяется с тем, работать ли ему за плату или нет, и если да, то сколько часов ему работать. В данной работе мы выявляем факторы, влияющие только на первое решение²⁷.

Мы исходим из домохозяйственных моделей предложения труда и проверяем, существует ли систематическое отличие в факторах, влияющих на занятость женщин из партнерств с разными типами принятия решений²⁸. В этой связи нельзя не признать проблему эндогенности зависимой и объясняющей переменных, поскольку тип принятия решений в семье в некоторой степени отражает результат ранее принятых решений о формировании партнерства с данным человеком, о разделении домашних обязанностей, о том, как разрешать возникающие разногласия и пр. В этом смысле тип принятия решений, вероятно, так же, как и сами решения о занятости, зависит от доминирующих социокультурных норм, гендерных установок и семейных ценностей, формирующих индивидуальные предпочтения. Более того, этот тип может изменяться со временем. Поэтому, принимая допущение об экзогенности и стабильности типа принятия решений, мы отдаем себе отчет в том, что результаты нашего анализа, вероятно, будут смещены, поскольку подвыборки, для которых будет проводиться оценивание, сформированы по эндогенному основанию типов принятия решений. Но простого способа обойти эту проблему не существует, поскольку модель формирования образцов принятия решений, в том числе во времени, не может быть получена на основе имеющихся данных.

Вопросник реализует следующую схему определения занятых: 1) к занятым относятся респонденты, которые на вопрос о том, *какая из позиций лучше всего описывает то, чем они занимаются в настоящее время*, ответили, что они: а) работают за плату или получают доходы от собственной деятельности и не на пенсии; б) работают без оплаты на семейном предприятии или на семейной ферме и не на пенсии и в) находятся в отпуске по беременности и родам, уходу за ребенком. Все эти респонденты автоматически переключаются на блок вопросов об их нынешней работе или бизнесе; 2) остальные респонденты (т.е. определившие себя как безработные, занимающиеся домом, семьей, личным подсобным хозяйством, не работающие и не на пенсии, или другие) определяются как занятые, если они дали положительный ответ на вопрос: *«В течение 7 дней — с прошлого понедельника до прошлого воскресенья — Вы выполняли какую-либо оплачиваемую работу или имели доходное*

---

²⁷ Такой выбор объектов исследования объясняется тем, что вариация отработанных часов сравнительно мала.

²⁸ Описание процедуры выделения партнерств по типу принятия решений и оценки распространенности разных типов в выборке см. в *Приложении 1*.

занятие, включая различного рода подработку?»²⁹. Респондентам, определившим себя в качестве безработных, задается вопрос о том, ищут ли они сейчас работу или пытаются ли организовать собственное дело. Вопрос о готовности приступить к работе в вопроснике отсутствует. Те, у кого нет работы, и они не являются безработными, были отнесены к категории «вне рабочей силы» (неактивные). В соответствии с данной схемой в нашей выборке 81,1% женщин (респондентки и партнерши в возрасте до 44 лет) имели работу на момент опроса (табл. 1).

Решение о вливании в ряды «рабочей силы» определяется величинами резервной³⁰ и рыночной заработной платы. Резервная заработная плата зависит от состава домохозяйства (числа имеющихся детей, их возраста, числа взрослых и т.п.), возраста, уровня образования женщины, а также от размеров оплаты труда других членов домохозяйства, часов их оплачиваемой занятости и нетрудовых доходов. Для женщин, имеющих партнера в домохозяйстве, характеристики его занятости могут оказывать влияние на резервную заработную плату³¹. Поэтому мы контролируем влияние заработной платы партнера и индекса социальных льгот и услуг³² на его работу. Мы также учитываем возможность получения бесплатных услуг по уходу за детьми или работе по дому, принимая во внимание наличие в семье «потенциальной бабушки»³³, а также доступность детских дошкольных учреждений в регионе (измеряемую через охват детей дошкольного возраста этими учреждениями).

Чтобы минимизировать возможные нежелательные эффекты, вызванные мультиколлинеарностью регрессоров, в работе используется непрямой способ оценивания влияния потенциальной зарплаты на принятие решений, касающихся рынка труда. Мы включаем переменные, определяющие потенциальную зарплату на рынке труда (такие как образование, опыт работы и квадрат опыта работы, характеристики регионального и локального рынка труда) в уравнение предложения труда.

²⁹ Порядок определения занятых партнеров точно такой же.

³⁰ Понятие резервной заработной платы отражает склонность к работе и зависит от характеристик индивида и его семьи.

³¹ По крайней мере, в партнерствах, где решения о занятости женщины принимает партнер или они оба сообща.

³² Мы определяем индекс социальных льгот и услуг как число социальных льгот и услуг, включая оплачиваемые отпуска, больничные, полную или частичную оплату медицинских услуг, полную или частичную оплату детских садов, компенсацию транспортных расходов и т.п., предоставляемых работодателем по месту основной работы партнера. Мы полагаем, что женщины, чьи партнеры имеют доступ к оплачиваемому или бесплатному медицинскому обслуживанию и детским дошкольным учреждениям, могут снижать требования к своей собственной работе.

³³ Мы определяем «потенциальную бабушку» как женщину пенсионных и предпенсионных (начиная с 50 лет) возрастов в домохозяйстве или мать респондентки (ее партнера), живущую недалеко от домохозяйства (в пределах 2 часов езды).

Оценка репродуктивных намерений женщин

Считается, что репродуктивное поведение определяется социальной нормой «идеального» числа детей в семье, принимаемой большинством населения. Как и любая другая, эта норма изменяется со временем и не всегда может быть выражена количественно. Сегодня в развитых странах доминирует идеальная модель двухдетной семьи (мальчик и девочка), что подтверждают многочисленные социологические опросы³⁴. Наблюдаемые различия между странами по уровню рождаемости прежде всего определяются разной реализацией этой нормы в разных социальных стратах.

В России социальная норма относительно двухдетной семьи формулируется следующим образом: «не менее одного ребенка, но и не более двух», что проявляется в очень маленькой доле никогда не рожавших женщин и одновременно в небольшом числе женщин с тремя и более детьми. В результате, несмотря на то, что среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину в Германии, Италии и России примерно одинаково, Россия характеризуется наименьшей вариацией по этому показателю³⁵. Поэтому можно предположить, что в России норма относительно рождения детей («быть как все») соблюдается более строго, чем в развитых странах Запада [Захаров С.В., 1999–2004].

Вместе с тем на протяжении двух последних десятилетий в большинстве развитых стран, включая Россию, растет число женщин, ограничивающихся рождением лишь одного ребенка. Эта тенденция вызвала среди экспертов оживленную дискуссию о том, не являемся ли мы свидетелями постепенного изменения социальной нормы двухдетной семьи в сторону однодетной [Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R., 2005].

Один из способов подойти к ответу на этот вопрос — изучение неслучайных отклонений в индивидуальном мнении относительно господствующей социальной нормы в различных социально-экономических группах³⁶. Это можно сделать, в частности, на основе сопоставления реального и потенциального репродуктивного поведения людей. В странах, где рождение детей контролируется населением, к числу которых, безусловно, относится Россия, важным источником информации относительно будущего репродуктивного поведения этих возрастных групп является информация об их репродуктивных намерениях.

---

³⁴ См., напр., отчет о межстрановом исследовании отношения населения к государственной политике, в том числе демографической, проведенном в 14 странах Европы в 2003 г.: http://www.bib-demographie.de/ppa/PPAS_brochure_en.pdf

³⁵ По нашим расчетам, 70–80% всех женщин родили 1–2 детей (оценка по данным переписей 1989 и 2002 гг. и микропереписи 1994 г.).

³⁶ См., напр., работы [Ekert-Jaffé O., Heather, et al., 2002; Meron M., Widmer I., 2002; Testa M.R., Grilli L., 2004, Andersson G., 2005], обсуждающие вопросы детерминант рождаемости и влияния семейной политики на вариации в репродуктивном поведении населения европейских стран.

Располагая данными только одной волны, мы не можем исследовать факторы, повлиявшие на уже состоявшиеся рождения детей. Однако обследование РИДМИЖ позволяет изучить детерминанты будущего репродуктивного поведения населения России на основе следующего вопроса, который, при условии корректной интерпретации, позволяет оценить доминирующую норму относительно «идеального» числа детей, с одной стороны, а с другой, изучить вариацию этой нормы в различных социально-экономических группах: «*Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?*»³⁷. По данным обследования, 25,0% женщин из анализируемой группы выразили желание иметь (еще одного) ребенка (табл. 1).

Вероятность того, что женщина захочет иметь (еще одного) ребенка, может быть оценена на основе совокупности факторов: 1) *экономических* (уровень денежных доходов, обеспеченность жильем); 2) *социальных* (образование, отношение к религии, ценности, тип поселения и пр.); 3) *демографических* (состояние в зарегистрированном браке, число уже имеющихся детей, состояние репродуктивного здоровья). Такой набор факторов позволит нам проверить гипотезы о том, как влияют характеристики благосостояния семьи, социокультурные и идеологические факторы на репродуктивное поведение, а также выявить степень рационализации репродуктивных решений, в том числе при планировании первого, второго и последующих детей.

Методика эконометрического анализа

Как уже отмечалось, в данном проекте мы уделяем особое внимание вопросу взаимосвязи между текущим состоянием женщины на рынке труда (наличие/отсутствие работы) и намерениям родить ребенка. Очевидно, что наилучшим способом уловить причинно-следственную связь между женской занятостью и деторождением можно с помощью группы методов анализа наступления событий³⁸. Однако в настоящее время мы не можем применить данные методы, поскольку располагаем данными только одного опроса (проведенного в 2004 г.), в котором содержится история деторождений, но отсутствуют образовательные и трудовые биографии респондентов и их доходная история.

Поэтому на данном этапе³⁹ мы оставляем в стороне вопрос причинно-следственной связи и пытаемся установить, насколько сильной является корреляция между занятостью и репродуктивными намерениями

³⁷ Аналогичный вопрос задается в отношении намерений партнера.

³⁸ Термин предложен А.Я. Бурдяк (2007). В английской терминологии эта методология известна как event history analysis, duration analysis, survival analysis.

³⁹ Обследование РИДМИЖ задумано как панельное, состоящее из трех волн, проведенных с интервалом в 3 года. Поэтому мы планируем вернуться к изучению данного вопроса, имея на руках данные первой и второй волны, в 2008 г.

российских женщин. Чтобы решить поставленную задачу на имеющихся данных первой волны, мы оцениваем систему структурных уравнений, в которой уравнения содержат эндогенные переменные в составе объясняющих факторов⁴⁰. Эти эндогенные переменные в одних уравнениях выступают объясняющими параметрами, а в других — зависимыми переменными. Система уравнений выглядит следующим образом:

$$\begin{cases} birth\_int = \alpha_0 + \alpha_1 * job + \alpha_2 * age + \alpha_3 * age2 + \alpha_4 * edu2 + \alpha_5 * edu3 + \alpha_6 * ch0 + \alpha_7 * ch1 \\ \quad + \alpha_8 * ch\_02 + \alpha_9 * lme\_hhinc1 + \alpha_{10} * room + \alpha_{11} * female\_type + \alpha_{12} * male\_type \\ \quad + \alpha_{13} * values + \alpha_{14} * marsta + \alpha_{15} * grandma + \alpha_{16} * social\_par + \alpha_{17} * religg \\ \quad + \alpha_{18} * rural + \alpha_{19} * unempl\_lev + \alpha_{20} * fem\_un + \alpha_{21} * dou \\ job = \alpha_0 + \alpha_1 * birth\_int + \alpha_2 * age + \alpha_3 * age2 + \alpha_4 * edu2 + \alpha_5 * edu3 + \alpha_6 * ch\_03 + \alpha_7 * ch\_46 \\ \quad + \alpha_8 * ch\_716 + \alpha_9 * female\_type + \alpha_{10} * male\_type + \alpha_{11} * num\_ad + \alpha_{12} * grandma \\ \quad + \alpha_{13} * social\_par + \alpha_{14} * linc\_par + \alpha_{15} * rural + \alpha_{16} * unempl\_lev + \alpha_{17} * fem\_un \\ \quad + \alpha_{18} * dou \end{cases} \quad (1),$$

где **зависимые переменные** включают: *birth_int* — дихотомическая переменная (1 — если женщина хочет сейчас завести (еще одного) ребенка, 0 — не хочет) и *job* — дихотомическая переменная (1 — если у женщины есть работа, 0 — нет работы); **объясняющие переменные**: *age* — возраст женщины; *age2* — возраст женщины в квадрате; **образование**: *ed2* — среднее специальное; *ed3* — высшее профессиональное; **состав домохозяйства**: *ch_03* — число детей в возрасте 0–3 лет; *ch_46* — число детей в возрасте 4–6 лет; *ch_716* — число детей в возрасте 7–15 лет; *ch_0* — у женщины детей нет; *ch_1* — один ребенок; *ch_2* — двое детей; *ch_3* — три и более детей; *ch_02* — дихотомическая переменная (1 — если у женщины есть маленькие дети в возрасте до 2 лет); *female_type* — дихотомическая переменная, принимающая значение 1, если женщина сама принимает решения о своей занятости; *male_type* — дихотомическая переменная, равная 1, если решение о занятости женщины принимает мужчина (партнер); *values* — дихотомическая переменная для семейных ценностей (1 — консерватизм); *num_ad* — число взрослых членов домохозяйства (исключая обоих партнеров); *grandma* — наличие потенциальной бабушки; *social_par* — индекс социальных льгот и услуг на работе партнера; *linc_par* — логарифм среднемесячных доходов партнера; *rural* — дихотомическая переменная, равная 1 для живущих в сельской местности; *unemp_lev* — региональный уровень безработицы; *fem_un* — процент

⁴⁰ Для этого в данной работе мы применяем технику трехэтапного оценивания методом наименьших квадратов (далее 3SLS — от английского «three-stages least square»).

женщин среди безработных в регионе; *dou* — охват детей детскими дошкольными учреждениями (процент от числа детей соответствующего возраста) (*табл. 2 Приложения*).

Следует, однако, заметить, что реализация процедуры оценивания методом 3SLS имеет в нашем случае определенные ограничения, связанные с тем, что в качестве зависимых выступают дихотомические переменные. Применение линейной регрессии для оценки уравнений с бинарными зависимыми переменными сопряжено с серьезными недостатками. Наиболее существенный из них состоит в том, что предсказанные значения могут выходить за пределы интервала $[0, 1]$, что делает невозможной интерпретацию результатов. Мы полагаем, тем не менее, что модель линейной регрессии может быть использована в качестве важного инструмента на этапе первоначальной работы с данными. Поэтому в интерпретации коэффициентов регрессии мы будем концентрироваться прежде всего на направлении влияния, а не на их величине и предсказательной силе модели.

Исходя из предположений о том, что решения о занятости женщины и деторождении взаимосвязаны, в ситуации отсутствия панельных данных мы применили процедуры двухэтапного оценивания вероятностей принятия решений. На первом этапе оценивается вероятность одного из решений для всей совокупности женщин, а затем вероятность второго решения оценивается на двух подвыборках, разбитых по принципу того, какое решение было выбрано в первом случае. Поскольку вопрос о последовательности решений остается для нас открытым, мы использовали указанный подход симметрично для обоих случаев. Иными словами, мы определили детерминанты решения быть занятой для всех, после чего отдельно для занятых и незанятых женщин оценили факторы, влияющие на решение о том, заводить ли (еще одного) ребенка. И, наоборот, мы проанализировали решение о том, планирует ли женщина завести (еще одного) ребенка, для всех женщин, а затем оценили влияющие на занятость факторы отдельно для женщин, планирующих и не планирующих (еще одного) ребенка. Такой подход позволяет нам выявить различия в моделях занятости тех женщин, которые хотят сейчас завести ребенка, и тех, которые не хотят этого делать. Так же можно выявить различия в моделях, оценивающих репродуктивные намерения занятых и незанятых женщин. Распределение женщин по репродуктивным намерениям и положению на рынке труда представлено в *табл. 1*. Поскольку зависимые переменные являются дихотомическими, мы применили указанный подход, используя модели бинарных логистических регрессий для оценивания соответствующих вероятностей.

Первая спецификация

1. Эмпирическая модель — детерминанты желания иметь ребенка (вся выборка)

$$\begin{aligned} \text{Prob}(\text{birth\_int} = 1) = & \Lambda(\alpha_0 + \alpha_1 * \text{job} + \alpha_2 * \text{age} + \alpha_3 * \text{age}2 + \alpha_4 * \text{edu}1 + \alpha_5 * \text{edu}2 + \alpha_6 * \text{edu}3 \\ & + \alpha_7 * \text{ch}0 + \alpha_8 * \text{ch}1 + \alpha_9 * \text{ch\_02} + \alpha_{10} * \text{lme\_hhinc}1 + \alpha_{11} * \text{room} \\ & + \alpha_{12} * \text{female\_type} + \alpha_{13} * \text{male\_type} + \alpha_{14} * \text{health} + \alpha_{15} * \text{values} \\ & + \alpha_{16} * \text{marsta} + \alpha_{17} * \text{nump} + \alpha_{18} * \text{grandma} + \alpha_{19} * \text{social\_par} \\ & + \alpha_{20} * \text{religg} + \alpha_{21} * \text{rural} + \alpha_{22} * \text{unempl\_lev} + \alpha_{23} * \text{fem\_un} + \alpha_{24} * \text{dou}) \end{aligned} \quad (2).$$

2. Эмпирическая модель — детерминанты вероятности иметь работу (подвыборки женщин, которые хотят иметь (еще одного) ребенка, и тех, которые не хотят)

$$\begin{aligned} \text{Prob}(\text{job} = 1) = & \Lambda(\alpha_0 + \alpha_1 * \text{birth\_int} + \alpha_2 * \text{age} + \alpha_3 * \text{age}2 + \alpha_4 * \text{edu}1 + \alpha_5 * \text{edu}2 + \alpha_6 * \text{edu}3 \\ & + \alpha_7 * \text{ch\_03} + \alpha_8 * \text{ch\_46} + \alpha_9 * \text{ch\_716} + \alpha_{10} * \text{female\_type} + \alpha_{11} * \text{male\_type} \\ & + \alpha_{12} * \text{num\_ad} + \alpha_{13} * \text{grandma} + \alpha_{14} * \text{social\_par} + \alpha_{15} * \text{lminc\_par} \\ & + \alpha_{16} * \text{rural} + \alpha_{17} * \text{unempl\_lev} + \alpha_{18} * \text{fem\_un} + \alpha_{19} * \text{dou}) \end{aligned} \quad (3).$$

Вторая спецификация

1. Эмпирическая модель — детерминанты решения о занятости (вся выборка)

$$\begin{aligned} \text{Prob}(\text{job} = 1) = & \Lambda(\alpha_0 + \alpha_1 * \text{birth\_int} + \alpha_2 * \text{age} + \alpha_3 * \text{age}2 + \alpha_4 * \text{edu}1 + \alpha_5 * \text{edu}2 + \alpha_6 * \text{edu}3 \\ & + \alpha_7 * \text{ch\_03} + \alpha_8 * \text{ch\_46} + \alpha_9 * \text{ch\_716} + \alpha_{10} * \text{female\_type} + \alpha_{11} * \text{male\_type} \\ & + \alpha_{12} * \text{num\_ad} + \alpha_{13} * \text{grandma} + \alpha_{14} * \text{social\_par} + \alpha_{15} * \text{lminc\_par} \\ & + \alpha_{16} * \text{rural} + \alpha_{17} * \text{unempl\_lev} + \alpha_{18} * \text{fem\_un} + \alpha_{19} * \text{dou}) \end{aligned} \quad (4).$$

2. Эмпирическая модель — детерминанты желания иметь ребенка (подвыборки занятых и незанятых женщин)

$$\begin{aligned} \text{Prob}(\text{birth\_int} = 1) = & \Lambda(\alpha_0 + \alpha_1 * \text{job} + \alpha_2 * \text{age} + \alpha_3 * \text{age}2 + \alpha_4 * \text{edu}1 + \alpha_5 * \text{edu}2 + \alpha_6 * \text{edu}3 \\ & + \alpha_7 * \text{ch}0 + \alpha_8 * \text{ch}1 + \alpha_9 * \text{ch\_02} + \alpha_{10} * \text{lme\_hhinc}1 + \alpha_{11} * \text{room} \\ & + \alpha_{12} * \text{female\_type} + \alpha_{13} * \text{male\_type} + \alpha_{14} * \text{health} + \alpha_{15} * \text{values} \\ & + \alpha_{16} * \text{marsta} + \alpha_{17} * \text{nump} + \alpha_{18} * \text{grandma} + \alpha_{19} * \text{social\_par} \\ & + \alpha_{20} * \text{religg} + \alpha_{21} * \text{rural} + \alpha_{22} * \text{unempl\_lev} + \alpha_{23} * \text{fem\_un} + \alpha_{24} * \text{dou}) \end{aligned} \quad (5),$$

где **зависимые переменные** включают: *birth_int* — дихотомическая переменная (1 — если женщина хочет сейчас завести (еще одного) ребенка, 0 — не хочет) и *job* — дихотомическая переменная (1 — если у женщины есть работа, 0 — нет работы); **объясняющие переменные**: *age* — возраст женщины; *age2* — возраст женщины в квадрате; **образование**: *ed2* — среднее специальное; *ed3* — высшее профессиональное; **состав домохозяйства**: *ch_03* — число детей в возрасте 0–3 лет; *ch_46* — число детей в возрасте 4–6 лет; *ch_716* — число детей в возрасте 7–16 лет; *ch_0* — у женщины детей

нет; *ch_1* — один ребенок; *ch_2* — двое детей; *ch_3* — три и более детей; *ch_02* — дихотомическая переменная (1 — если у женщины есть маленькие дети в возрасте до 2 лет); *female_type* — дихотомическая переменная, принимающая значение 1, если женщина сама принимает решения о своей занятости; *male_type* — дихотомическая переменная, равная 1, если решение о занятости женщины принимает мужчина (партнер); *values* — дихотомическая переменная для семейных ценностей (1 — консерватизм); *num_ad* — число взрослых членов домохозяйства (исключая обоих партнеров); *grandma* — наличие потенциальной бабушки; *social_par* — индекс социальных льгот и услуг на работе партнера, *linc_par* — логарифм среднемесячных доходов партнера; *rural* — дихотомическая переменная, равная 1 для живущих в сельской местности; *unemp_lev* — региональный уровень безработицы; *fem_un* — процент женщин среди безработных в регионе; *dou* — охват детей детскими дошкольными учреждениями (процент от числа детей соответствующего возраста) (табл. 2 Приложения).

5. Результаты исследования

Распределение женщин по статусу занятости и репродуктивному поведению представлено в табл. 1. Наиболее многочисленная группа женщин — это те, которые на момент опроса имели работу, но не хотели завести (еще одного) ребенка, — 61%. Доля тех, кто при наличии работы хотел бы завести ребенка, составила 21%; 14% не имеют ни работы, ни желания завести ребенка. Наконец, меньше всего тех, кто, не имея работы, выразил желание завести ребенка — 6% от общего числа попавших в нашу совокупность женщин.

Описательные статистики объясняющих переменных для всей совокупности женщин и отдельно для женщин, намеренных и не намеренных завести ребенка, занятых и не занятых, представлены в табл. 3 Приложения. Поскольку в фокусе нашего внимания находилось влияние типа принятия решений на вероятность работать, отдельно мы привели распределение женщин по типу принятия решений (табл. 1 Приложения). Видно, что наиболее распространенной является ситуация, когда решение о занятости женщины принимает сама женщина, — 67%. Напротив, реже всего встречается сугубо традиционный тип отношений, когда решения о занятости женщины принимает ее партнер — мужчина — 6%. В сочетании с информацией о средних значениях индекса консерватизма⁴¹ и религиозности⁴² это позволяет говорить о весьма уме-

⁴¹ Показатель был рассчитан на основе факторного анализа ответов на блок вопросов, представляющих собой утверждения, с которыми респондент должен был согласиться или не согласиться. Вопросы касались отношения к браку, допустимости развода, абортam, гомосексуальным союзам, а также детям как средству самореализации женщины и мужчины.

⁴² Учитывалась как религиозная самоидентификация респондента, так и частота посещения церковных служб и отношение к необходимости выполнения религиозных обрядов (связанных с вступлением в брак, инициацией, погребением).

ренном распространении полностью традиционных, патриархальных отношений в нашем обществе.

Важный вывод, который следует из результатов одновременного анализа решений о занятости и репродуктивных намерений методом трехэтапного МНК (3SLS), состоит в следующем: решения о том, работать ли и заводить ли еще одного ребенка, значимо положительно взаимосвязаны (*табл. 4 Приложения*). При уровне значимости $\alpha = 0,1$ наличие работы повышает вероятность хотеть еще одного ребенка, и наоборот, желание иметь еще одного ребенка увеличивает шансы женщины быть занятой. Таким образом, речь не идет о том, что занятые женщины отказываются от желания иметь детей, а женщины, планирующие ребенка, уходят из сферы оплачиваемого труда.

Факторы, влияющие на трудовые и репродуктивные решения всех женщин в выборке

Сравнение результатов оценивания вероятностей быть занятой и намереваться завести (еще одного) ребенка, выполненного для всей совокупности женщин, показывает, что решения эти имеют различную природу (*табл. 4–6 Приложения*). Желание завести ребенка выше у женщин с высшим образованием, более религиозных, более обеспеченных, но еще в большей степени оно связано с возрастом женщины и числом уже имеющихся у нее детей (*табл. 4, 6 Приложения*). Совершенно ожидаемо, что чаще других о детях думают нерожавшие молодые женщины. Факт регистрации брака, напротив, значимого влияния не оказывает, и это — в сочетании с весомым влиянием возраста и количества имеющихся детей — говорит о том, что до сих пор индивидуальные репродуктивные намерения отражают следование господствующей социальной норме («не менее одного ребенка, но и не более двух»), которая важнее официального брачного статуса женщины (если есть партнер, будет и ребенок). Как показывают *табл. 6.1 и 6.2 Приложения*, и экономические (доход домохозяйства), и мировоззренческие (установки в отношении семьи, брака, детей, гендерных ролей и религиозность) параметры оказывают значимое влияние лишь на желание родить второго ребенка, первый же ребенок рождается в любом случае, независимо от обстоятельств⁴³. Желание завести первого ребенка более явно выражено

---

⁴³ Отметим, что влияние субъективных факторов, таких как религиозность и установки по отношению к браку, семье и детям, во многом зависит от того, как сконструирована переменная, отражающая каждый из этих факторов. Например, как показано в другой работе, влияние консервативных установок удается лучше зафиксировать, когда используется более дробная шкала, отражающая степень принятия традиционных семейных ценностей. Подробнее см. статью *Т.М. Малевой и О.В. Синявской* «Социально-экономические факторы рождаемости в современной России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике», публикуемую в настоящем сборнике.

у религиозных женщин, которые, по-видимому, острее переживают бездетность. А намерения завести третьего и последующих детей не зависят ни от одного из использованных в модели экономических и мировоззренческих факторов, что может быть отчасти связано с крайней редкостью этого явления.

Напротив, решение о том, идти ли работать, лежит в плоскости экономической рациональности. Неудивительно, что отрицательное влияние на шансы иметь работу оказывают и число других взрослых членов домохозяйства (косвенно отражающее доступные ресурсы домохозяйства), и доход партнера — все эти факторы повышают уровень нетрудовых доходов женщины (*табл. 4, 5 Приложения*). Дети, особенно маленькие, требующие от женщины существенных затрат времени, резко уменьшают вероятность быть занятой. Однако наличие потенциальной бабушки — женщины пожилого возраста, способной взять на себя хотя бы часть забот по уходу за детьми, напротив, повышает ее. Очевидно, что более высокий уровень завершенного образования увеличивает шансы иметь работу. Тогда как негативная ситуация на локальных рынках труда — высокий уровень безработицы, особенно женской, — снижает.

Часть факторов одновременно значима для обоих решений. Например, женщины с высшим образованием, по сравнению с теми, кто окончил только школу, имеют самые высокие шансы работать и одновременно чаще других выражают желание завести ребенка.

И если положительная связь между уровнем образования и предложением труда сомнений не вызывает, то аналогичное влияние уровня образования на репродуктивные намерения женщин кажется неправдоподобным. Казалось бы, именно женщины с высшим образованием больше других инвестировали в свой человеческий капитал, цена их труда также должна быть более высокой, и, следовательно, альтернативные издержки, связанные с рождением детей, у них выше. Поэтому при прочих равных можно было бы ожидать, что эти женщины должны быть меньше готовы к рождению ребенка. Результаты обследования показывают обратное.

Чтобы понять причину этого явления, сопоставим данные по уже состоявшимся рождениям с данными о репродуктивных намерениях женщин в определенных возрастных и образовательных группах. Выделим три основные категории: низкий уровень образования, соответствующий начальному профессиональному, среднему школьному и ниже образованию; средний — соответствующий среднему специальному образованию, и высший — высшему профессиональному образованию, включая незавершенное высшее и послевузовское образование. Процентное распределение женщин по уровню завершенного образо-

вания и числу рожденных на момент опроса детей (*табл. 7 Приложения*) показывает, что в среднем больше всего детей родили женщины со средним специальным образованием. Женщины же с высшим образованием, как и ожидалось, больше представлены среди не имеющих детей и имеющих одного ребенка на момент опроса.

Ожидаемое увеличение числа детей при переходе от бездетности к одному ребенку, от первого ко второму и от второго к третьему рождению для женщин с разным уровнем образования, рассчитанное на основе положительных ответов на вопрос о намерениях завести сейчас (еще одного) ребенка, представлено в *табл. 7.1 Приложения*. Если предположить, что женщина может родить только одного ребенка за год (не принимая во внимание вероятность родить двойню), полученные результаты могут быть описаны в терминах максимально возможного годового прироста среднего числа детей и возможной вариации женщин по числу детей. Они показывают, что, даже при условии полной реализации намерений, существующие различия в уровнях рождаемости между образовательными группами сохраняются, и женщины с высшим образованием будут по-прежнему оставаться группой с наименьшим средним числом детей (*табл. 7.2 Приложения*). Следовательно, повышенное желание женщин с высшим образованием иметь (еще) детей в ближайшее время можно объяснить их большей «неудовлетворенностью» имеющимся числом детей при господствующей норме одного-двух детей в семье.

Женщины с более низкими уровнями образования раньше завершают процесс его получения. У них меньше шансов на рынке труда, что проявляется как в более высокой вероятности оказаться безработной, так и в меньшей заработной плате [Нестерова Д., Сабирьянова К., 1998]. При этом они демонстрируют более ранние рождения. Женщины с высшим образованием, напротив, дольше получают образование, имеют лучшие перспективы в сфере занятости и, несмотря на повышенное желание иметь детей, не только откладывают их рождение на более поздний срок, но так и не догоняют остальные образовательные группы по среднему числу детей. Это позволяет сформулировать гипотезу о справедливости объяснения рождаемости как инструмента снижения неопределенности в российских условиях, проверить которую мы сможем, когда будем располагать панельными данными.

Наличие маленьких детей (до 2 или 3 лет) уменьшает как вероятность быть занятой, так и желание заводить еще одного ребенка — временные ресурсы женщины в этот период очень ограничены (*табл. 5, 6 Приложения*).

Влияние доходов партнера и других членов домохозяйства значимо в обоих случаях, но имеет противоположную направленность — повышает вероятность хотеть еще одного ребенка и уменьшает вероятность

быть занятой (табл. 5, 6 Приложения). Такая статистически значимая и устойчиво положительная связь между величиной доходов и репродуктивными намерениями подтверждает положения экономической теории рождаемости и результаты других исследований репродуктивных намерений [Рощина Я.М., Бойков А.В., 2005]⁴⁴. Тем не менее она отражает уже обсуждавшуюся нами слабую вариацию в обществе социальной нормы одно- и двухдетной семьи. Важно, что совокупный эффект среднемесячного дохода домохозяйства оказывается значимым только для намерений завести второго ребенка и незначимым как для желаний завести первенца, так и для намерений относительно третьего и более детей (табл. 6.2 Приложения). Причем даже при условии полной реализации намерений, выраженных в стратах с более высокими доходами, различия в среднем числе детей в расчете на одну женщину между разными доходными группами сократятся, но не исчезнут. По-прежнему общее число детей в расчете на одну женщину будет тем ниже, чем выше среднедушевой доход домохозяйства.

Другие факторы оказывают заметное влияние только на одно из решений. Например, возраст значим для желания иметь ребенка (желание завести детей наиболее характерно для 22–24-летних женщин), но не для решения иметь работу (табл. 4–6 Приложения). Скорее всего, здесь сказывается ограничение выборки женщин по возрасту, так как уровни занятости падают только в самых молодых и самых старших возрастных группах, которые не попали в наш анализ.

Женщины, чьим брачным партнерам на работе предоставляется большее число социальных льгот и услуг (оплачиваемые отпуска, больничные, оплата медицинских услуг, детских дошкольных учреждений и пр.), с большей вероятностью будут иметь работу (табл. 4, 5 Приложения), что подтверждает ранее выдвинутую гипотезу. Наличие подобного социального пакета выступает косвенной характеристикой качества рабочего места. Женщины, чьи партнеры заняты на «хороших» рабочих местах, сами могут снизить требования к работе, согласившись на менее оплачиваемую, или менее стабильную занятость, или даже на неформальный наем. Число социальных льгот и услуг на работе партнера положительно влияет и на желание иметь ребенка, однако в этом случае эффект статистически незначим (табл. 6 Приложения).

Охват детей детскими дошкольными учреждениями в регионе слабо увеличивает вероятность хотеть завести (еще одного) ребенка, но не сказывается на вероятности иметь работу (табл. 5, 6 Приложения). Напротив,

---

⁴⁴ Однако стоит отметить, что положительное влияние доходов домохозяйства на фактические рождения в российских семьях пока не подтверждено [Kohler H.-P., Kohler I., 2001, Рощина Я.М., Бойков А.В., 2005].

наличие потенциальной бабушки заметно повышает вероятность быть занятой, но практически не отражается на репродуктивных намерениях (*табл. 5, 6 Приложения*). По-видимому, принимая решение о рождении ребенка, особенно второго и последующего, женщины, независимо от их планов в отношении занятости, хотя бы частично задумываются о том, смогут ли они отдать его на воспитание в детский сад, чтобы возобновить работу. Когда же появляется необходимость выйти на работу после рождения ребенка, становится важной помощь бабушки: и в том, чтобы посидеть с ребенком, если дошкольные учреждения по каким-то причинам недоступны, и в том, чтобы отвести ребенка в детский сад и забрать его оттуда, если часы работы дошкольных учреждений несовместимы с графиком работы матери. В любом случае значимое влияние обоих показателей на принятие решений о занятости и репродуктивные намерения свидетельствует о важности проблемы несовместимости женской занятости и деторождения и возможном положительном эффекте от ее решения как для повышения женской занятости, так и для стимулирования рождаемости.

Характеристики локального рынка труда, как и ожидалось, негативно сказываются на вероятности работать, но — на выборке всех женщин до 44 лет — не влияют на вероятность планировать (еще одного) ребенка (*табл. 4–6 Приложения*). Следовательно, гипотеза о том, что женщины в регионах с более высокой женской безработицей будут более склонны к деторождению как способу снижения неопределенности, не подтвердилась⁴⁵. Наибольшее влияние на предложение труда женщин оказывает не столько даже общий уровень безработицы в регионе, сколько масштабы женской безработицы.

Важное отличие нашей модели от традиционно используемых в изучении предложения труда состоит в том, что мы попытались учесть влияние домохозяйственного окружения на трудовые решения. Причем сделали это не только контролируя состав домохозяйства (дети, другие взрослые, потенциальные бабушки, а также доходы других членов домохозяйства), но и проанализировав, как влияет на выбор женщины тип принятия решений в партнерстве (*табл. 1 Приложения*). Результаты показали, что вероятность идти работать в большой степени зависит от типа принятия решений о занятости, сложившегося в партнерстве (*табл. 4, 5 Приложения*), что подтверждает выдвинутую ранее гипотезу

---

⁴⁵ Как показало другое исследование, выполненное на данных РиДМиЖ, на подвыборке всех женщин в возрасте до 44 лет, как с партнером, так и без него, уровень женской безработицы увеличивает шансы женщины хотеть родить ребенка в ближайшие 3 года (уровень значимости 10%). Однако в различных моделях значимость и направление влияния этого параметра неустойчивы. Подробнее см. упомянутую выше статью *Т.М. Малевой и О.В. Синявской*.

о существовании различных моделей предложения труда в домохозяйствах. Женщины, самостоятельно принимающие решение о том, сколько времени им проводить на оплачиваемой работе, имеют более высокую вероятность быть занятыми, тогда как те, за кого аналогичное решение принимают их партнеры (мужья), — более низкие шансы иметь работу по сравнению с женщинами из партнерств, в которых это решение принимается обоими партнерами сообща. Для репродуктивных намерений этот показатель оказывается незначимым — это, видимо, объясняется тем, что мы использовали тип принятия не любых решений в партнерстве, а только решений о занятости (*табл. 4, 6 Приложения*).

Чтобы определить, имеет ли место существенная вариация в трудовом поведении женщин, представляющих партнерства с разными типами принятия решений, мы включили в модели (4) и (3) взаимодействия переменной «тип принятия решений» с характеристиками партнера и домохозяйства (наличие потенциальной бабушки, доход партнера, индекс социальных льгот и услуг на его работе) (*табл. 5.1 Приложения*). Также мы оценили совокупный эффект каждой из названных характеристик партнера и домохозяйства отдельно для каждого типа партнерства (*табл. 5.2 Приложения*).

Обнаружилось, что «потенциальная» бабушка значительно увеличивает вероятность занятости женщин, которые самостоятельно принимают решения о своей занятости, и тех, решения по поводу занятости которых принимаются обоими партнерами совместно (*табл. 5.2 Приложения*). Это позволяет предположить, что пожилые женщины рассматриваются молодыми в качестве источника помощи по дому и уходу за детьми. Возможность получения такой помощи снижает резервную заработную плату женщин и позволяет им легче найти работу. Напротив, в домохозяйствах, где решения о занятости женщины принимает мужчина, наличие «потенциальной» бабушки не оказывает влияния на вероятность того, что женщина будет работать. Полученные результаты, скорее всего, отражают традиционные представления о роли женщины в семьях этого типа: независимо от числа потенциальных помощников женщина должна воспитывать детей и заниматься домом.

Анализируя влияние характеристик работы партнера в домохозяйствах с разными типами принятия решений, мы обнаружили, что индекс социальных льгот и услуг на работе партнера положительно связан с занятостью женщин из партнерств, где решения принимает женщина либо партнеры сообща (*табл. 5.2 Приложения*). Но этот показатель не оказывает никакого влияния на перспективы занятости женщин, решения о занятости которых принимает мужчина. Среднемесячный доход партнера значимо отрицательно влияет на вероятность занятости женщин из партнерств, где решения принимаются партнерами сообща либо решения

принимает мужчина. Он значим, но с меньшей вероятностью (при уровне значимости 15%) для женщин, которые принимают решения самостоятельно. Таким образом, можно заключить, что женщины, принимающие решения самостоятельно либо совместно с партнером, рассматривают его доход и социальные гарантии на рабочем месте как свой нетрудовой доход. Тогда как мужчины из партнерств, в которых они принимают решения, учитывают свой доход, решая, работать ли партнерше.

Женщины, желающие и не желающие завести ребенка: детерминация их трудовых решений

Обратимся к анализу принятия решений в различных подвыборках женщин (табл. 5, 6 Приложения). При использовании процедуры двухэтапного оценивания вероятностей принятия трудовых и репродуктивных решений мы исходили из предположения, что раз уж эти два решения сильно взаимосвязаны, то и тестируемые факторы должны по-разному влиять на репродуктивные намерения занятых и не занятых женщин или решения о занятости женщин, планирующих и не планирующих завести ребенка.

Рассмотрим *первую* ситуацию, когда мы предполагаем, что *желание иметь ребенка возникает до того, как принимается решение о занятости*. Поэтому вначале мы оцениваем вероятность желания завести (еще одного) ребенка для всех женщин, а затем моделируем вероятность быть занятой отдельно для женщин, намеренных завести ребенка и не собирающихся делать это. Такой подход позволяет уточнить эффекты некоторых факторов.

Результаты анализа показали, что наличие маленьких (до 3 лет) детей, доход партнера, наличие потенциальной бабушки и тип принятия решений о занятости в партнерстве значимо и в одном направлении влияют на вероятность устройства на работу женщин, независимо от их репродуктивных намерений (табл. 5 Приложения).

Вместе с тем решения о занятости женщин, планирующих родить ребенка, определяются в основном степенью традиционности их гендерных установок, проявляющихся в принятии решений, и возможностью освободить время — наличием потенциальной бабушки и социальных льгот и услуг на работе партнера. Отрицательное влияние на занятость женщины традиционного типа принятия решений (мужчина — глава семьи) и положительное влияние потенциальной бабушки здесь заметно сильнее, чем в подгруппе женщин, не собирающихся заводить (еще одного) ребенка.

Напротив, решения о занятости женщин, не планирующих рожать (еще одного) ребенка, зависят от большего числа параметров, включая характеристики человеческого капитала и локального рынка труда. Дети любого возраста снижают вероятность занятости этих женщин.

Компенсацией конфликта между женской занятостью и материнством выступает наличие потенциальной бабушки и более высокий уровень охвата детей детскими садами. В ответах этой подгруппы респонденток заметнее выражен и эффект дохода, который проявляется в том, что присутствие в домохозяйстве других взрослых и доход партнера снижают вероятность иметь работу. Но самый сильный негативный эффект оказывает высокий уровень безработицы, прежде всего женской, на региональном рынке труда.

То, что уровень образования и характеристики локального рынка труда по-разному влияют на предложение труда женщин, планирующих и не планирующих завести ребенка, может свидетельствовать о разных требованиях к работе, предъявляемых этими категориями женщин. Вероятно, они ищут работу в разных сегментах рынка труда. Женщины, планирующие в ближайшей перспективе родить ребенка, вряд ли будут заинтересованы в работе, требующей большой отдачи, пусть даже и высокооплачиваемой и дающей перспективу роста. Их, скорее, может привлекать занятость на государственных предприятиях, с гарантиями сохранения рабочего места, либо, напротив, временная занятость как источник дохода до рождения ребенка. И, наоборот, те женщины, которые заявили, что сейчас не планируют заводить ребенка, будут, видимо, заинтересованы в стабильной, дающей перспективы карьерного роста, более высокооплачиваемой работе. Их резервная заработная плата наверняка будет выше. Поэтому в этой группе выше шансы работать у более образованных женщин и сильнее зависимость от ситуации с занятостью на локальном рынке труда.

Занятые и не занятые женщины: детерминация их репродуктивных намерений

Вторая ситуация такова: решение о занятости принимается до того, как женщина решает, хочет ли она завести (еще одного) ребенка. Как мы уже обсуждали выше, такая последовательность в принятии решений оправдана спецификой имеющихся в нашем распоряжении данных. Решение о занятости могло быть принято за некоторое, подчас значительное, время до проведения опроса, тогда как репродуктивные намерения выясняются на момент опроса. Соответственно, здесь мы вначале оцениваем предложение труда для всей выборки женщин до 44 лет, а затем изучаем вероятности репродуктивных намерений для подгрупп занятых и незанятых женщин.

Для обеих категорий женщин репродуктивные намерения квадратично зависят от возраста женщины: желание родить ребенка резко повышается в молодых возрастах, а ближе к 30 годам идет на убыль (табл. 6 Приложения).

Отсутствие детей и наличие только одного ребенка наиболее сильно повышают вероятность желаний (еще одного) ребенка независимо от положения на рынке труда. Однако для неработающих женщин эффект числа детей оказывает большее влияние.

Анализ различий во влиянии факторов на репродуктивные намерения занятых и незанятых женщин позволяет предположить, что мы имеем дело с двумя различными поведенческими моделями. Работающие женщины принимают решение о том, заводить ли (еще одного) ребенка, более рационально, ориентируясь на свои ресурсные возможности, тогда как не работающие демонстрируют больший консерватизм и традиционность во взглядах на семью и детей.

Действительно, доход домохозяйства значимо увеличивает желание завести ребенка для занятых женщин, но незначим для незанятых. Число комнат в расчете на члена домохозяйства, социальные услуги на работе партнера и наличие потенциальной бабушки не значимы в обеих моделях, однако только для занятых женщин они демонстрируют положительный эффект. Работающие женщины с высшим образованием более склонны стремиться к рождению ребенка по сравнению с теми, у кого есть только среднее школьное и более низкий уровень образования. Учитывая то, что женщины с высшим образованием позже становятся матерями, этот эффект можно интерпретировать как проявление «отложенного спроса» — неудовлетворенности имеющимся числом детей в силу того, что их рождение вначале было отложено. Кроме того, модель решений о занятости показала, что высшее образование увеличивает предложение труда, а влияние высшего образования на репродуктивные намерения неработающих женщин хотя и положительное, но статистически незначимо. Это показывает, что значение имеет не только уровень образования, но и трудовой опыт женщины. Занятые женщины с высшим образованием представляют собой категорию женщин, отложивших рождение ребенка ради более продуктивного начала своей карьеры.

Напротив, желание завести (еще одного) ребенка у неработающих женщин положительно зависит от таких нематериальных параметров, как зарегистрированный брак и религиозность. Оба параметра отражают консервативный, традиционный тип поведения, при котором отношения между партнерами должны быть официально оформлены, дети должны рождаться в браке, а брак без детей немыслим. Косвенно это подтверждается и положительным влиянием консервативных установок в отношении семьи, хотя их эффект и оказался в наших моделях статистически незначимым, в отличие от религиозности. Неудивительно, что в этой категории женщин намного сильнее проявляется и давление нормы детности («не менее двух»).

Выводы и рекомендации

Подведем некоторые итоги. В последние годы проблема устойчиво низкой рождаемости вышла на первый план российской политической повестки. В условиях российского общества существуют три основных подхода к этому феномену. Первый подход в качестве основной причины снижения рождаемости выдвигает падение уровня жизни в 1990-е гг. Следовательно, повышение благосостояния в целом, и семей с детьми особенно, будет способствовать росту рождаемости. Второй подход видит корень зла в насаждении социуму чуждых западных ценностей — индивидуализма и стремления к материальному процветанию. Следовательно, чтобы повысить рождаемость, необходимо вернуть общество к традиционным ценностям коллективизма и взаимопомощи. Наконец, третий подход объясняет кризис в рождаемости логикой развития демографических процессов в советский период, прежде всего искусственной консервацией традиционных ценностей, подавлением инициативы и ограничением возможностей самореализации личности, что в совокупности препятствовало рационализации демографического поведения. В рамках данного подхода снижение рождаемости в 1990-е гг. интерпретируется как, во-первых, ответная реакция на искусственное стимулирование рождаемости в 1980-е гг., а во-вторых, как постепенный переход к новой, *экономически более рациональной* модели рождаемости, которая предполагает откладывание рождения первенца.

Государственный подход к семейной политике в России основан, прежде всего, на первой интерпретации кризиса в рождаемости. Его основной фокус — частичная компенсация затрат на детей и, начиная с 2007 г. материальное стимулирование рождения второго ребенка. На практике это выразилось в недавнем существенном повышении пособий на детей и размеров оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет, создании специальных жилищных программ для семей с детьми, а также введении специфической инновационной меры — «материнского капитала» в размере 250 тыс. руб. женщине, родившей второго ребенка. Эти меры адресованы всем женщинам, но наибольшую поддержку получают наиболее бедные и неработающие матери.

Опыт других стран, проводивших политику материального стимулирования рождаемости, показал, что она давала положительный результат (хотя и весьма умеренный), если смотреть на соотношение прироста рождаемости и затраченных средств [Макдональд П., 2006]. Российский опыт — семейная политика 1980-х — оказался более скромным с точки зрения общего повышения рождаемости [Захаров С. В., 2006b]. Главное, на что повлияла эта политика, и прежде всего введе-

ние частично оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком до 1,5 лет и неоплачиваемых до 3 лет, — это изменения в календаре рождений. Эффект от введения отпусков в наибольшей степени сказался на женщинах с высоким образовательным и профессиональным статусом, работавших в режиме полного рабочего времени. Однако увеличение периода пребывания женщины вне сферы занятости, неизбежно ведущее к утрате квалификации, было возможно в условиях трудоизбыточной советской экономики, и вряд ли может выдержать современная рыночная экономика.

Следовательно, требуются альтернативные инструменты семейной политики. В этой связи одна из наиболее острых проблем, которую должна решить социальная политика, — ослабление конфликта между женской занятостью и материнством [Esping-Andersen G. et al., 2002]. По опыту других стран, одним из наиболее эффективных инструментов повышения рождаемости стало увеличение доступности услуг по уходу за детьми, в том числе через систему дошкольных учреждений [Макдональд П., 2006]. Меньший, но положительный, результат дала политика создания благоприятных условий занятости для матерей (гибкий рабочий график).

Проведенный нами анализ показал, что решения о том, работать ли женщине и заводить ли ей детей, относятся к разным типам социального действия. Рациональными в узком экономическом смысле этого слова (или целерациональными, если обратиться к терминологии М. Вебера [Радаев, 1998]), мотивированным экономическими стимулами, является только решение о занятости. Тогда как намерения завести ребенка являются традиционными или ценностно-рациональными действиями, мотивированными господствующей социальной нормой двухдетности, сильной приверженностью религии с характерным для любой религии отношением к деторождению («сколько Бог пошлет», «Бог дал, Бог взял») и представлениями о том, что дети необходимы для полной самореализации. Данное утверждение особенно справедливо в отношении рождения первого ребенка.

Мы эмпирически подтвердили тезис о том, что оба решения — о занятости и деторождении, которые традиционно рассматриваются как индивидуальные, в значительной мере являются решениями, принимаемыми в домохозяйствах. Отчасти удалось подтвердить теоретические предположения о том, что тип принятия решений в домохозяйстве оказывает влияние на решения о занятости.

Кроме того, доказано, что для обоих решений значение имеют состав и материальная обеспеченность домохозяйства. С точки зрения политики по стимулированию рождаемости, то, что более высокие доходы действительно повышают склонность к деторождению, свидетельствует

об определенном потенциале роста рождаемости в результате предложенных правительством мер. Однако связь между интегральными показателями материальной обеспеченности (включающими доходы, жилищную обеспеченность, субъективную оценку достаточности доходов, имущественную обеспеченность) не прямая и не линейная: нельзя рассчитывать на то, что каждый дополнительный рубль, переданный семье в виде увеличенных пособий и материнского капитала, принесет дополнительное увеличение рождаемости.

Пропаганда традиционных ценностей, в том числе с помощью религиозных организаций, также будет иметь ограниченный эффект. Консервативные установки, как и большая приверженность религии, действительно положительно влияют на репродуктивные намерения, однако исследование показало, что доля лиц, исповедующих такие ценности, в современном обществе ограничена; и возврат к «источкам» уже невозможен. Более того, согласно полученным результатам, по-прежнему говорить можно лишь о повышении рождаемости в пределах двух детей: никакие меры экономического стимулирования не могут повлиять на массовое рождение третьего ребенка и последующих детей.

Ограничения в доступе к услугам детских дошкольных учреждений, как и отсутствие реального контроля над исполнением трудовых гарантий, сохраняют естественный конфликт между женской занятостью и деторождением, что подтверждает отрицательная связь между наличием маленьких детей и занятостью женщины. Вместе с тем возможность привлечь бабушку (или других родственников) к уходу за детьми отчасти разрешает этот конфликт и увеличивает шансы женщины быть занятой. Таким образом, если рост рождаемости не будет сопровождаться интенсивным развитием рынка социальных услуг и созданием трудового климата, дружественного по отношению к членам семей с детьми, это чревато увеличением, пусть даже временным, на год-два, оттока женщин с детьми с рынка труда.

Мы подтвердили, что, несмотря на существующий конфликт между женской занятостью и уходом за детьми, решения о занятости женщины и планируемом деторождении, значимо положительно взаимосвязаны. При этом работающие и неработающие женщины принимают решения о том, заводить ли им ребенка, по-разному. Аналогично, различными факторами определяются решения о занятости женщин, собирающихся и не собирающихся завести ребенка. Окончательный ответ на вопрос о том, какое из рассмотренных решений первично, можно будет дать, имея в распоряжении панельные данные РИДМИЖ.

Результаты проведенного нами анализа позволяют предположить, что женщины, собирающиеся родить ребенка, отличаются снижен-

ными карьерными притязаниями, а желание завести ребенка у неработающих женщин обусловлено, прежде всего, следованием нормам в брачном поведении и деторождении, принятым в обществе и в их референтной группе. Однако и первая, и особенно вторая категория немногочисленны. Россия остается страной с высокими уровнями женской занятости, и подавляющее большинство рождений происходит все-таки среди работающих женщин. Таким образом, не умаляя важности компенсаторного подхода, мы полагаем, что целевой группой политики, стимулирующей рождаемость, должны выступать работающие женщины.

Среди них выделяется группа женщин с высшим образованием, которые, можно предположить, откладывают деторождение до тех пор, пока не будет завершено образование и сделан карьерный старт. Однако именно здесь видна наибольшая неудовлетворенность имеющимся количеством детей. Поэтому создание условий, благоприятных для совмещения работы и материнства, позволило бы достичь максимального прироста рождаемости именно за счет этой группы.

Среди таких благоприятных условий можно назвать расширение доступности и качества детских дошкольных учреждений, что позволит ослабить явно выраженный в настоящее время конфликт между женской занятостью и деторождением, не позволяющий женщинам с маленькими детьми быть полноценными участниками рынка труда. Расширение возможностей совмещения воспитания детей и занятости позволит повысить предложение труда и качество занятости женщин, что немаловажно, учитывая начинающееся сокращение трудовых ресурсов в России.

Главный вывод, следующий из нашего анализа, состоит в том, что в России есть потенциал роста рождаемости, но наибольший эффект даст комбинация различных действий в рамках семейной политики, которая позволит учесть репродуктивные модели поведения женщин с разным образовательным уровнем, трудовым и доходным статусом. Если же политика, направленная на повышение рождаемости, будет опираться исключительно на меры материального стимулирования, то нельзя исключать, что, как и в 1980-е гг., опять изменится только календарь рождений, и цель повышения коэффициента рождаемости в реальных поколениях не будет достигнута. Кроме того, в этом случае кратковременный всплеск рождаемости может привести к усугублению дефицита рабочей силы на рынке труда, который в силу образовательных и квалификационных различий не может быть компенсирован за счет внешней миграции. И, таким образом, не решив проблем демографического развития, мы усугубим экономические проблемы.

Литература

1. Концепция действий на рынке труда на 2003–2005 гг. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 06.05.2003 № 568-р.
2. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.09.2001 № 1270-р. <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya.html>. Президент России. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2006. <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>.
3. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2002–2004 гг.).
4. Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008 гг.). Проект.
5. Госкомстат: Социальное положение и уровень жизни населения России. 1997: Стат. сб. — М., 1997.
6. Госкомстат: Социальное положение и уровень жизни населения России. 1999: Стат. сб. — М., 1999.
7. Госкомстат: Труд и занятость в России: Стат. сб. — М., 2003а.
8. Госкомстат: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. На 1 января 2003 г. (без учета итогов Всероссийской переписи населения 2002 г.): Статистический бюллетень. — М., 2003б.
9. Госкомстат: Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 2004.
10. Росстат: Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 2005.
11. Росстат: Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. — М., 2006.
12. Андреев Е. М., Жданов Д. А., Школьников В. М. Смертность в России через 15 лет после распада СССР: факты и объяснения// SPERO. 2007. №6. С. 115–142.
13. Берндт Э. Практика эконометрики: классика и современность/ Пер. с англ.; под ред. С. А. Айвазяна. — М.: Юнити-Дана, 2005.
14. Бурдяк А. Я. Применение метода «анализ наступления события (event history analysis)» с помощью пакета SPSS// SPERO. 2007. №6. С. 189–202.
15. Бурдяк А. Я., Попова Д. О. Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области)// SPERO. 2007. №6. С. 31–56.
16. Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. — М.: ОГИ, 1998.
17. Гендерные проблемы в России (по национальным публикациям 1993–2003 гг.). — М.: Алекс, 2004.
18. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Центр творчества «Беловодье», 2001; *Он же*. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
19. Демографическая модернизация России, 1900–2000/ Под ред. А. Г. Вишневского. — М.: Новое издательство, 2006.

20. *Дугин А. Г.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997.
21. *Дугин А. Г.* Конспирология. — М.: Арктогея, 2005.
22. *Елизаров В.В.* Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации. Материалы семинара «Стратегия развития» от 14 ноября 2005 г. — М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2005. С. 10–43.
23. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / под ред. Кабапиной В., Кларка С., М.: РОССПЭН, 1999.
24. *Захаров С.В.* Брачность и рождаемость// Население России. Ежегодный демографический доклад. Центр демографии и экологии человека ИМП РАН. — М.: Книжный дом «Университет», 1999–2004.
25. *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака. 2006а. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1
26. *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.// SPERO. 2006б. №5. С. 33–69.
27. *Макдональд П.* Низкая рождаемость и государство: эффективность политики // Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы. Материалы международного семинара (Москва, 14–15 сентября 2006 г.). — М., 2006. С. 27–56.
28. *Медведева И., Шишова Т.* Демографическая война против России// Наш Современник. 2000. №1. С. 245–262.
29. Население России. 1997. Пятый ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИМП РАН. — М., 1998.
30. Население России. 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИМП РАН. — М., 1999.
31. Население России. 2003–2004. XI — XII ежегодный демографический доклад ЦДЭЧ ИМП РАН. — М.: Наука, 2006.
32. Национальный доклад о положении в области народонаселения в Российской Федерации в 1994–1998 гг. (Специальная сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций) <http://www.owl.ru/win/docum/rf/population/doc1998.htm>
33. *Нестерова Д., Сабирьянова К.* Инвестиции в человеческий капитал в переходный период в России/ Научные доклады ЕЕРС. 1998. №99/04. Декабрь
34. О государственном геноциде в России. Материалы «круглого стола» «Кризис нации» при Председателях Комитетов по обороне и безопасности Государственной думы Российской Федерации. — М., 1998.
35. Обзор занятости в России. Выпуск 1 (1991–2000 гг.)/ Под ред. Т.М. Малевой. — М.: ТЕИС, 2002.
36. *Овчарова Л.Н., Попова Д.О.* Детская бедность в России. Доклад ЮНИСЕФ/НИСП, ЮНИСЕФ. — М., 2005.
37. *Овчарова Л.Н., Пишняк А.И.* Новые меры поддержки материнства и детства: стимулирование рождаемости или рост уровня жизни семей с детьми? // SPERO. 2007. №6. С. 5–30.
38. *Осинов Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика. — М.: Норма, 2000.

39. *Поletaев А.В.* Эффективность функционирования российского рынка труда. Серия «Препринты ГУ-ВШЭ». WP3/2003/06.
40. *Радаев В.В.* Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. Пособие. — М.: Аспект Пресс, 1998. 39. *Римашевская Н.М.* Человеческий потенциал России: взгляд в XXI век// Народонаселение. 1999. №1. С. 9—19.
41. *Римашевская Н.М.* Качество человеческого потенциала России как стратегическая цель// Народонаселение. 2004. №3. С. 17—27.
42. *Роцин С.Ю.* Предложение труда в России: микроэкономический анализ экономической активности населения: Препринт WP3/2003/02. — М.: ГУ-ВШЭ.
43. *Роцина Я.М., Бойков А.В.* Факторы фертильности в современной России. — М.: EERC, 2005.
44. Русский крест: новые грани демографической катастрофы в России. Материалы научн.-практ. конференции «Актуальные вопросы стратегии развития России». Москва, 13—14 мая 2005 г. — М.: Библиотека партии «Родина», 2005.
45. *Andersson G.* The Impact of Labour-Force Participation on Childbearing Behaviour: Pro-Cyclical Fertility in Sweden during the 1980s and 1990s// *European Journal Population*. 2000. Vol. 16. P. 293—333.
46. *Andersson G.* A Study on Policies and Practices in Selected Countries that Encourage Childbirth: A Case of Sweden// MPIDR Working Paper WP2005—005, March.
47. *Becker G.* A Theory of Allocation of Time// *Economic Journal*. 1965. September, P 493—517.
48. *Bokemeier J., Monroe P.* Continued Reliance on One Respondent in Family Decision-Making Studies: A Content Analysis// *Journal Marriage and Family*. 1983. Vol. 45. №3. P. 645—652.
49. *Ekert-Jaffé O., Joshi H., Lynch K., Mougin R. et al.* Timing of Births and Socio-economic Status in France and Britain: Social Policies and Occupational Polarization// *Population*. English Edition. 2002/ Vol. 57. №3. P. 475—508.
50. *Esping-Andersen G., Gallie D., Hemerijck A. et al.* Why We Need a New Welfare State? — NY: Oxford University Print, 2002.
51. *Friedman, D., Hechter, M., Kanazawa, S.* A Theory of the Value of Children// *Demography*. 1994. Vol. 31. №3. August. P. 375—401.
52. *Gronau R.* Leisure, Home Production, and Work — the Theory of the Allocation of Time Revisited// *Journal Political Economy*. 1977. Vol. 85. №6. P. 1099—1123.
53. *Heckman J.J.* Shadow Prices, Market Wages and Labor Supply// *Econometrica*. 1974. 1974. Vol. 42. №4. July. P. 679—694.
54. *Heckman J.J.* Sample Selection Bias as Specification Error// *Econometrica*. 1979. Vol. 47. №1. January. P. 153—162.
55. *Hoem B., Hoem J.M.* The impact of women's employment on second and third births in modern Sweden// *Population Studies*. 1989. Vol. 43. P. 47—67.
56. *Kharkova T.L., Andreev E.M.* Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus// *European Journal Population*. 2000. Vol. 16. P. 211—233.
57. *Killingsworth, M. R., Heckman J.J.* Female Labor Supply: A Survey// O.Ashenfelter, P.R. G. Layard (eds.) *Handbook of Labor Economics*. — Amsterdam, 1986. Vol. 1.
58. *Kohler H.-P., Kohler I.* Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis// *European Journal Population*. 2001. Vol. 18. P. 233—262.

59. Kravdal O. (1992). The weak impact of female labour force participation on Norwegian third-birth rates. *European Journal of Population*. Vol. 8, P. 247–263.
60. *Kravdal O.* The importance of economic activity, economic potential and economic resources for the timing of first births in Norway// *Population Studies*. 1994. Vol. 48. P. 249–267.
61. *Liefbroer A., Corijn M.* Who, what, where and when? Specifying the impact of educational attainment and labour force participation on family formation// *European Journal Population*. 1999. Vol. 15. P. 45–75.
62. *Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R.* The Low Fertility Trap Hypothesis: Forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe// *European Demographic Research Papers*. 2005. №4.
63. *Meron M., Widmer I.* Unemployment Leads Women to postpone the Birth of Their First Child// *Population*. English Edition. 2002. Vol. 57. №2. P. 301–330.
64. *Mincer J.* Labor Force Participation of Married Women// NBER, *Aspects of Labor Economics*. 1962.
65. Mincer J., Ofek H. The Distribution of Lifetime Labor Force Participation of Married Women: Comment// *Journal Political Economy*. 1979. Vol. 87. №1. P. 197–201.
66. *Pollak R.A., Watkins S.C.* Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper Marriage or Mesalliance?// *Population and Development Review*. 1993. Vol. 19. №3. September. P. 467–496.
67. *Safilios-Rotschild C.* Family Sociology or Wives' Family Sociology? A Cross-Cultural Examination of Decision-Making// *Journal Marriage Family*. 1969. Vol. 31. №2. P. 290–301.
Spitze, Glenna. Women's Employment and Family Relations: A Review// *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 50. No. 3. August 1988. P. 595–618.
68. *Surkyn J., Lesthaeghe R.* Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe. An Update// *Demographic Research*, Special Collection 3, 204. Article 3. MPIDR. April.
69. *Testa M.R., Grilli L.* The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis// *European Demographic Research Papers*. 2004. № 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Выделение типов партнерств по принятию решений о женской занятости

Выделение моделей принятия решений о занятости женщины проводилось на основе анализа ответов на вопросы анкеты: «Кто в Вашем домохозяйстве принимает решения о том, сколько времени Вы [Ваша партнерша/супруга] должны проводить на оплачиваемой работе?». Мы выделили три типа ответов: «решения принимает сама женщина», «решения принимает мужчина» и «партнеры решают сообща». Из анализа были исключены респонденты, затруднившиеся ответить на этот вопрос или ответившие, что решение принимает кто-либо другой внутри или вне домохозяйства.

Особенность РидМиЖ в том, что механизмы принятия решений оцениваются со слов одного человека. Из предыдущих исследований [Bokemeier J., Monroe P., 1983; Safilios-Rothschild C., 1969] известно, что мужья и жены по-разному оценивают степень собственного влияния на принятия тех или иных решений, причем каждый склонен преуменьшать роль супруга. Особенно разительны отличия в вопросах, связанных с организацией домохозяйства (покупки, воспитание детей и т.п.), где доля решений, принимаемых женой, значительно выше в ответах женщин-респонденток (Safilios-Rothschild, 1969). Чтобы оценить на данных нашего массива возможную величину смещений ответов о принятии решений в зависимости от пола респондента, мы проверили существенность различий между ответами респондентов — мужчин и женщин, используя критерий χ^2 Пирсона. Результаты показали, что по данному критерию различия в ответах между мужчинами и женщинами не случайны (при уровне $\alpha = 0.000$), и в этом смысле мы вынуждены признать, что определенное смещение, связанное с тем, что опрашивался только один из партнеров, будет иметь место во всех областях принятия решений. Вместе с тем, как показывает мера τ Гудмена — Краскела, знание пола позволяет снизить ошибку в предсказании ответов на вопрос о принятии решений о занятости женщины на 0,6%. Таким образом, можно считать, что мужчины и женщины примерно одинаково отвечают на вопросы о принятии указанных решений в партнерствах.

Распределение партнерств по типу принятия решений представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение домохозяйств по типу принятия решений о занятости женщины

Тип принятия решений	Решают женщины	Решают мужчины	Партнеры решают совместно	Всего
Число семей	1405	124	581	2110
% выборки	66,6	5,9	27,5	100

Видно, что в 2/3 случаев решение о том, сколько времени женщина должна проводить на оплачиваемой работе, принимается самой женщиной. Чуть более часто, чем в каждом четвертом партнерстве такое решение принимается партнерами сообща. И лишь в 6% случаев имеет место традиционная «шовинистическая» модель, когда все решает мужчина.

Таблица 2

Список использованных переменных

Название переменной	Описание переменной	Как была построена переменная
Job	Дихотомическая переменная: 1 — женщина имеет работу 0 — другое	К занятым относятся те, кто определил свое основное занятие как работа по найму или индивидуальное предпринимательство (не пенсионеры), а также те, кто, являясь безработным, домохозяйкой или находясь в отпуске по беременности и родам, выполнял оплачиваемую работу в 7 дней перед опросом
Birth_int	Дихотомическая переменная: 1 — женщина хочет сейчас (еще одного) ребенка 0 — женщина не хочет сейчас (еще одного) ребенка	На основе ответов на вопрос о репродуктивных намерениях
Age	Возраст респондента или партнера (женщины)	По дате рождения и дате проведения интервью
Age^2	Возраст в квадрате	По дате рождения и дате проведения интервью
Edu0	Дихотомическая переменная: 1 — респондентка или партнерша закончила среднюю школу (или более низкий уровень образования) 0 — другое	1 присваивается индивидам (респонденткам или партнерам), чей наиболее высокий уровень образования — средняя школа или ниже
Edu1	Дихотомическая переменная: 1 — наивысший уровень образования — начальное профессиональное (ПТУ, ФЗУ и пр.) 0 — другое	1 присваивается индивидам (респонденткам или партнерам), получившим диплом о завершении начального профессионального образования, но не выше
Edu2	Дихотомическая переменная: 1 — наивысший уровень образования — среднее специальное (техникумы и т.п.) 0 — другое	1 присваивается индивидам, получившим диплом о завершении среднего специального образования, но не выше

Название переменной	Описание переменной	Как была построена переменная
Edu3	Дихотомическая переменная: 1 — наивысший уровень образования — высшее 0 — другое	1 присваивается индивидам, имеющим незавершенное высшее, завершенное высшее или послевузовское образование
Ch	Число детей респондента/партнера	По данным карточки домохозяйства
Ch_02	У женщины есть очень маленькие дети (0–2 лет)	По данным карточки домохозяйства
Ch_03	Число детей до 3 лет включительно	По данным карточки домохозяйства
Ch_36	Число детей 4–6 лет	По данным карточки домохозяйства
Ch_715	Число детей 7–15 лет включительно	По данным карточки домохозяйства
Nump	Порядковый номер текущего партнерства	По информации об истории партнерств
Regist_mar	Зарегистрированный брак	По вопросу о том, зарегистрированы ли официально отношения с текущим партнером
Fam_val	Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	На основе кластерного и факторного анализа блока вопросов об установках в отношении брака, гендерных ролей, детей (основной фактор)
Relig	Религиозность: от агностиков до сильно верующих	По ответам на вопросы об исповедуемой религии, посещении культовых учреждений и важности соблюдения определенных религиозных обрядов
Dec_1	Дихотомическая переменная: 1 — женщина принимает решения о своей занятости самостоятельно 0 — другое	На основе информации о принятии решений в партнерстве
Dec_2	Дихотомическая переменная: 1 — решение о занятости женщины принимает мужчина (партнер) 0 — другое	На основе информации о принятии решений в партнерстве
Dec_3	Дихотомическая переменная: 1 — решение о занятости женщины партнеры принимают совместно 0 — другое	На основе информации о принятии решений в партнерстве

Название переменной	Описание переменной	Как была построена переменная
Lminc_par	Логарифм среднемесячных доходов партнера	Рассчитываются среднемесячные доходы мужчины — респондента или партнера, которые затем логарифмируются
Index of social security at partner's job	Число социальных льгот или услуг, предоставляемых на работе партнера (0–7)	Информация о возможности воспользоваться на работе оплачиваемыми отпусками, больничными, оплатой медицинских услуг, ведомственными детскими садами или их оплатой, компенсациями на транспорт и пр. — рассчитывается для мужчины (респондента или партнера)
Lminc_hh	Логарифм среднемесячных среднедушевых доходов домохозяйства (без доходов женщины)	Рассчитываются среднемесячные доходы домохозяйства, из которых вычитаются доходы женщины. На основе этого рассчитываются среднедушевые доходы домохозяйства, которые логарифмируются.
Num_ad	Число взрослых членов домохозяйства (от 16 лет и старше) за исключением респондента и партнера	По данным карточки домохозяйства; косвенная характеристика (прокси) нетрудовых доходов женщины
Grandma	Дихотомическая переменная: 1 — в домохозяйстве есть женщины пенсионного возраста, или мать или свекровь, женщины живут неподалеку 0 — другое	По данным карточки домохозяйства и информации о родителях респондента
Room	Число комнат в расчете на одного члена домохозяйства (при условии, что те партнеры, которые хотят ребенка, заведут его)	Рассчитывается по информации о числе комнат в жилище, числе членов домохозяйства (из карточки домохозяйства) и ответам на вопрос о репродуктивных намерениях
Rural	Дихотомическая переменная для живущих в сельской местности	1 присваивается живущим в сельской местности (включая ПГТ)
Regional unemployment rate	Региональный уровень безработицы	Общая безработица — процент экономически активного населения в регионе. Данные региональной статистики
Un_fem	Процент женщин среди безработных	Данные региональной статистики
Preschool	Охват детей детскими дошкольными учреждениями в регионе	Процент детей, посещающих детские дошкольные учреждения, от общего числа детей соответствующего возраста в регионе. Данные региональной статистики

Описательные статистики объясняющих переменных:
средние и стандартные отклонения (в скобках)

Переменная	Вся выборка		Желание завести ребенка				Наличие работы			
			да		нет		да		нет	
Возраст	33,2	(6,5)	29,88	(5,63)	34,3	(6,4)	33,8	(6,4)	30,5	(6,4)
Среднее школьное образование и ниже	0,17	(0,37)	0,15	(0,36)	0,18	(0,38)	0,15	(0,36)	0,24	(0,43)
Начальное профессиональное	0,22	(0,42)	0,20	(0,40)	0,23	(0,42)	0,22	(0,41)	0,26	(0,44)
Среднее специальное	0,35	(0,48)	0,29	(0,46)	0,37	(0,48)	0,36	(0,48)	0,31	(0,46)
Высшее, включая незавершенное, послевузовское	0,25	(0,44)	0,35	(0,48)	0,22	(0,41)	0,27	(0,44)	0,20	(0,40)
Нет детей	0,26	(0,44)	0,34	(0,47)	0,24	(0,43)	0,29	(0,45)	0,15	(0,35)
1 ребенок	0,48	(0,50)	0,56	(0,50)	0,46	(0,50)	0,49	(0,50)	0,44	(0,50)
2 и более детей	0,26	(0,44)	0,11	(0,31)	0,31	(0,46)	0,22	(0,41)	0,41	(0,49)
Есть маленькие дети (0–2)	0,14	(0,35)	0,11	(0,31)	0,15	(0,36)	0,07	(0,25)	0,46	(0,50)
Число детей в возрасте 0–3 лет	0,20	(0,42)	0,16	(0,39)	0,21	(0,43)	0,12	(0,34)	0,53	(0,56)
Число детей в возрасте 4–6 лет	0,17	(0,39)	0,19	(0,39)	0,16	(0,39)	0,17	(0,39)	0,20	(0,42)
Число детей в возрасте 7–15 лет	0,66	(0,73)	0,43	(0,61)	0,74	(0,75)	0,67	(0,72)	0,63	(0,81)
Порядковый номер текущего партнерства	1,22	(0,49)	1,23	(0,49)	1,21	(0,49)	1,21	(0,48)	1,25	(0,52)
Зарегистрированный брак	0,82	(0,39)	0,75	(0,43)	0,84	(0,37)	0,81	(0,39)	0,85	(0,36)
Решение принимает женщина	0,67	(0,47)	0,63	(0,48)	0,68	(0,47)	0,72	(0,45)	0,45	(0,50)
Решение принимает мужчина	0,06	(0,24)	0,08	(0,26)	0,05	(0,22)	0,04	(0,19)	0,16	(0,36)
Совместное принятие решения	0,28	(0,45)	0,29	(0,45)	0,27	(0,44)	0,25	(0,43)	0,39	(0,49)
Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	0,33	(0,47)	0,33	(0,47)	0,33	(0,47)	0,32	(0,47)	0,36	(0,48)
Религиозность	0,34	(0,48)	0,38	(0,48)	0,33	(0,47)	0,33	(0,47)	0,40	(0,49)
Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	2,10	(1,72)	2,18	(1,78)	2,07	(1,70)	2,15	(1,72)	1,86	(1,72)

Переменная	Вся выборка		Желание завести ребенка				Наличие работы			
			да		нет		да		нет	
Логарифм среднемесячных доходов партнера	0,60	(1,00)	0,78	(0,88)	0,55	(1,03)	0,58	(1,01)	0,71	(0,96)
Потенциальная бабушка	0,34	(0,48)	0,37	(0,48)	0,33	(0,47)	0,35	(0,48)	0,32	(0,47)
Число взрослых в домохозяйстве	0,16	(0,54)	0,19	(0,62)	0,15	(0,50)	0,13	(0,48)	0,26	(0,71)
Логарифм среднемесячного дохода домохозяйства (без доходов женщины)	-0,35	(0,91)	-0,04	(0,75)	-0,45	(0,93)	-0,36	(0,90)	-0,29	(0,96)
Число комнат в расчете на 1 члена домохозяйства (при условии, что те, кто хотят ребенка, родят его)	0,51	(0,22)	0,52	(0,27)	0,51	(0,21)	0,52	(0,23)	0,50	(0,21)
Сельское население	0,27	(0,45)	0,19	(0,39)	0,30	(0,46)	0,27	(0,44)	0,31	(0,46)
Региональный уровень безработицы	8,97	(4,06)	8,89	(4,13)	9,00	(4,04)	8,76	(3,74)	9,89	(5,14)
Процент женщин среди безработных	0,47	(0,04)	0,47	(0,04)	0,47	(0,05)	0,47	(0,05)	0,47	(0,04)
Охват детей детскими дошкольными учреждениями	59,74	(10,1)	60,24	(10,2)	59,58	(10,1)	59,99	(10,1)	58,68	(9,85)
Число наблюдений	2110		528		1582		1712		398	

Таблица 4

Результаты совместного оценивания решений о занятости и о том, заводить ли ребенка, оцениваемые моделью 3SLS

Переменные	3SLS	
	-1	-2
	Намерения завести ребенка	Намерения иметь работу
<i>Имеют работу</i>	0,177 ¹	
	[1,75]	
<i>Хотят завести (еще одного) ребенка</i>		0,060 ¹
		[1,82]

Переменные	3SLS	
	–1	–2
	Намерения за- вести ребенка	Намерения иметь работу
<i>Характеристики женщины</i>		
Возраст	0,064 ³	0,021
	[3,53]	[1,28]
Квадрат возраста	–0,001 ³	–0,000
	[4,95]	[0,87]
Среднее специальное образование	–0,033	0,045 ²
	[1,31]	[2,54]
Высшее образование	0,089 ³	0,055 ²
	[2,89]	[2,19]
<i>Количество имеющихся у женщины детей</i>		
Нет детей	0,250 ³	
	[5,64]	
1 ребенок	0,163 ³	
	[5,19]	
Есть очень маленький ребенок (0–2 лет)	–0,067	
	[0,46]	
Число детей в возрасте до 3 лет включительно		–0,326 ³
		[8,65]
Число детей 4–6 лет		–0,068 ²
		[2,52]
Число детей 7–15 лет		–0,031
		[1,46]
<i>Характеристики партнерства</i>		
Зарегистрированный брак	–0,020	
	[0,82]	
Решения о занятости женщины принимает сама женщина	–0,049	0,088 ³
	[1,44]	[4,82]
Решения о занятости женщины принимает мужчина	0,035	–0,143 ³
	[0,56]	[4,03]
Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	0,018	
	[0,93]	
Религиозность	0,042 ²	
	[2,20]	
<i>Характеристики ее партнера (мужчины)</i>		
Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	0,001	0,013 ³
	[0,13]	[2,82]
Среднемесячный доход партнера (log)		–0,016 ¹
		[1,89]

Переменные	3SLS	
	-1	-2
	Намерения за- вести ребенка	Намерения иметь работу
<i>Характеристики домохозяйства (семьи)</i>		
Наличие потенциальной бабушки в домохозяйстве или поблизости	-0,005 [0,24]	0,036 ² [2,23]
Число взрослых членов домохозяйства (без женщины и ее партнера)		-0,044 ³ [3,01]
Среднемесячный доход домохозяйства без доходов женщины (log)	0,034 ² [2,10]	
Число комнат в расчете на 1 члена домохозяйства (если еще один ребенок будет рожден)	0,051 [1,14]	
<i>Поселенческие и региональные характеристики</i>		
Село	-0,005 [0,19]	-0,018 [0,97]
Региональный уровень безработицы	0,004 [1,12]	-0,008 ³ [3,74]
Процент женщин среди безработных	0,172 [0,79]	-0,184 [1,06]
Охват детей детскими дошкольными учреждениями (% детей соответствующего возраста)	0,002 [1,60]	0,001 [0,96]
Константа	-0,840 ² [2,57]	0,517 ² [2,10]
Число наблюдений	1898	1898

Примечания. В квадратных скобках — абсолютные значения z-статистики; ¹ — значим на уровне 10%; ² — на уровне 5%; ³ — на уровне 1%.

Таблица 5

**Результаты оценивания вероятности иметь работу
моделями логистической регрессии**

Переменные	Вероятность иметь работу (=1)		
	Все женщины 18–44 лет	Хотят ребенка	Не хотят ребенка
<i>Характеристики женщины</i>			
Возраст	0,082 [0,72]	0,389 [1,58]	0,015 [0,11]
Квадрат возраста	-0,001 [0,50]	-0,006 [1,58]	0,000 [0,10]
Начальное профессиональное образование	0,144 [0,74]	-0,255 [0,61]	0,201 [0,90]

Переменные	Вероятность иметь работу (=1)		
	Все женщины 18–44 лет	Хотят ребенка	Не хотят ребенка
Среднее специальное образование	0,444 ² [2,41]	0,233 [0,57]	0,485 ² [2,32]
Высшее образование	0,768 ³ [3,70]	0,788 ¹ [1,77]	0,706 ³ [2,93]
<i>Количество имеющихся у женщины детей</i>			
Число детей в возрасте до 3 лет включительно	-1,989 ³ [13,36]	-1,867 ³ [5,73]	-2,033 ³ [11,44]
Число детей 4–6 лет	-0,400 ² [2,41]	-0,284 [0,78]	-0,432 ² [2,25]
Число детей 7–15 лет	-0,245 ² [2,38]	0,111 [0,42]	-0,293 ² [2,49]
<i>Характеристики партнерства</i>			
Решения о занятости женщины принимает сама женщина	0,811 ³ [5,78]	0,903 ³ [3,15]	0,806 ³ [4,93]
Решения о занятости женщины принимает мужчина	-0,903 ³ [3,86]	-1,109 ³ [2,60]	-0,797 ³ [2,76]
<i>Характеристики ее партнера (мужчины)</i>			
Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	0,083 ² [2,15]	0,173 ² [2,10]	0,055 [1,22]
Среднемесячный доход партнера (log)	-0,222 ³ [2,95]	-0,200 [1,22]	-0,232 ³ [2,69]
<i>Характеристики домохозяйства (семьи)</i>			
Наличие потенциальной бабушки в домохозяйстве или поблизости	0,340 ² [2,39]	0,581 ¹ [1,95]	0,278 ¹ [1,69]
Число взрослых членов домохозяйства (без женщины и ее партнера)	-0,280 ¹ [2,56]	0,030 [0,15]	-0,406 ³ [3,05]
<i>Поселенческие и региональные характеристики</i>			
Село	-0,080 [0,50]	-0,409 [1,23]	0,018 [0,10]
Региональный уровень безработицы	-0,047 ³ [2,91]	-0,037 [1,05]	-0,052 ³ [2,73]
Процент женщин среди безработных	-2,601 ¹ [1,67]	-1,137 [0,34]	-3,283 ¹ [1,83]
Охват детей детскими дошкольными учреждениями (% детей соответствующего возраста)	0,009 [1,22]	-0,012 [0,88]	0,016 ¹ [1,93]
Константа	0,919 [0,46]	-3,210 [0,78]	1,940 [0,83]
Число наблюдений	2110	528	1582

См. примечания к табл. 4.

Таблица 5.1

**Вероятность иметь работу: взаимодействие переменных
(референтная категория — женщины, у которых нет работы)¹**

Переменные	Вся выборка женщин	Женщины, которые хотят (еще одного) ребенка	Женщины, которые не хотят (еще одного) ребенка
Решает женщина ⁴	0,822 ²	0,282	0,996 ²
	[3,44]	[0,55]	[3,59]
Решает мужчина	-0,214	-1,600 ³	0,363
	[0,51]	[2,04]	[0,69]
Потенциальная бабушка	0,399 ²	0,024	0,558 ³
	[1,74]	[0,05]	[2,03]
Потенциальная бабушка — решает женщина	-0,101	0,987	-0,432
	[0,34]	[1,58]	[1,26]
Потенциальная бабушка — решает мужчина	0,067	0,518	-0,100
	[0,11]	[0,45]	[0,14]
Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	0,127 ²	0,184	0,116
	[1,88]	[1,43]	[1,40]
Индекс социальных льгот — решает женщина	-0,026	0,011	-0,039
	[0,31]	[0,06]	[0,38]
Индекс социальных льгот — решает мужчина	-0,254 ²	-0,106	-0,397 ³
	[1,83]	[0,41]	[2,16]
Логарифм средне-месячного дохода партнера	-0,277 ³	-0,420 ³	-0,247 ²
	[2,35]	[1,76]	[1,79]
Среднемесячный доход партнера — решает женщина	0,130	0,370	0,065
	[0,88]	[1,12]	[0,38]
Среднемесячный доход партнера — решает мужчина	-0,250	0,535	-0,437
	[0,83]	[1,01]	[1,07]
Число наблюдений	2110	528	1582

Примечания. ¹ В табл. представлена часть регрессии; остальные переменные для простоты опущены. ^{2,3} См. примечания к табл. 4. ⁴ Референтная (пропущенная) группа — решения о занятости женщины партнеры принимают совместно.

Таблица 5.2

Влияние структуры домохозяйства и характеристик работы партнера на вероятность того, что женщина будет работать, в партнерствах с разными типами принятия решений («0» — нет влияния; «+» — значимый положительный эффект; «—» — значимый отрицательный эффект)¹.

Переменные:		Потенциальная бабушка	Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	Доходы партнера
Решает женщина	Вся выборка	+	+	— ²
	Намерены завести ребенка	+	+	0
	Не намерены завести ребенка	0	0	—
Решает мужчина	Вся выборка	0	0	—
	Намерены завести ребенка	0	0	0
	Не намерены завести ребенка	0	—	—
Партнеры решают вместе	Вся выборка	+	+ ⁴¹	—
	Намерены завести ребенка	0	+	—
	Не намерены завести ребенка	+	+ ⁴¹	—

Примечания. ¹ Совокупный эффект (влияние) переменной рассчитывался для каждого типа партнерства следующим образом $b(\text{var})+b(\text{var}*\text{female}(\text{male})\_type)$, где var — переменная, $\text{female}(\text{male})\_type$ — тип принятия решений о занятости женщины в партнерстве. Мы использовали тест Вальда (Wald test), чтобы установить значимость совокупного эффекта. ² Значимо на 15-процентном уровне.

Таблица 6

Результаты оценивания вероятности хотеть завести (еще одного) ребенка моделями логистической регрессии

Переменные	Вероятность хотеть завести ребенка (=1)		
	Все женщины 18–44 лет	Занятые	Незанятые
<i>Характеристики женщины</i>			
Возраст	0,725 ³	0,722 ³	0,743 ²
	[6,04]	[5,36]	[2,31]
Квадрат возраста	–0,013 ³	–0,013 ³	–0,014 ²
	[7,05]	[6,32]	[2,54]
Начальное профессиональное образование	0,095	0,136	–0,214
	[0,48]	[0,61]	[0,42]

Переменные	Вероятность хотеть завести ребенка (=1)		
	Все женщины 18–44 лет	Занятые	Незанятые
Среднее специальное образование	–0,161	–0,186	–0,153
	[0,86]	[0,90]	[0,29]
Высшее образование	0,535 ³	0,554 ²	0,390
	[2,72]	[2,57]	[0,72]
<i>Количество имеющихся у женщины детей</i>			
Нет детей	2,023 ³	1,792 ³	3,418 ³
	[8,47]	[6,96]	[4,28]
1 ребенок	1,311 ³	1,137 ³	2,027 ^{***}
	[7,17]	[5,57]	[4,44]
Есть очень маленький ребенок (0–2 лет)	–0,558 ³	–0,451	–0,543
	[2,82]	[1,63]	[1,23]
<i>Характеристики партнерства</i>			
Порядковый номер текущего партнерства	0,072	0,095	–0,069
	[0,55]	[0,66]	[0,18]
Зарегистрированный брак	–0,005	–0,146	0,879
	[0,03]	[0,80]	[1,63]
Решения о занятости женщины принимает сама женщина	–0,210	– 0,128	–0,674 ¹
	[1,50]	[0,83]	[1,75]
Решения о занятости женщины принимает мужчина	0,043	0,181	–0,089
	[0,16]	[0,52]	[0,18]
Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	0,123	0,035	0,578
	[0,95]	[0,25]	[1,64]
Религиозность	0,274 ²	0,207	0,722 ²
	[2,15]	[1,48]	[2,04]
<i>Характеристики ее партнера (мужчины)</i>			
Индекс социальных льгот и услуг на работе партнера	0,023	0,028	–0,022
	[0,64]	[0,70]	[0,21]
<i>Характеристики домохозяйства (семьи)</i>			
Наличие потенциальной бабушки в домохозяйстве или поблизости	0,019	0,094	–0,601
	[0,15]	[0,69]	[1,64]
Среднемесячный доход домохозяйства без доходов женщины (log)	0,228 ³	0,222 ²	0,262
	[2,66]	[2,25]	[1,35]
Число комнат в расчете на 1 члена домохозяйства (если еще один ребенок будет рожден)	0,330	0,475	–0,432
	[1,13]	[1,50]	[0,49]

Окончание таблицы 6

Переменные	Вероятность хотеть завести ребенка (=1)		
	Все женщины 18–44 лет	Занятые	Незанятые
<i>Поселенческие и региональные характеристики</i>			
Село	–0,033 [0,20]	–0,121 [0,66]	0,073 [0,17]
Региональный уровень безработицы	0,024 [1,44]	0,021 [1,11]	0,047 [1,03]
Процент женщин среди безработных	1,004 [0,71]	1,524 [1,01]	–3,612 [0,83]
Охват детей детскими дошкольными учреждениями (% детей соответствующего возраста)	0,011* [1,74]	0,006 [0,85]	0,042 ² [2,18]
Константа	–12,914 ³ [6,14]	–12,619 ³ [5,40]	–13,917 ² [2,44]
Число наблюдений	1898	1586	312

Примечания. См. примечания к табл. 4.

Таблица 6.1

Вероятность хотеть завести (еще одного) ребенка сейчас¹

Переменные	Вся выборка женщин	Занятые женщины	Незанятые женщины
Нет детей	1,875 ²	1,674 ¹	6,449 ²
	[2,33]	[1,82]	[2,31]
1 ребенок	0,960	0,953	1,840
	[1,29]	[1,09]	[1,11]
Порядковый номер текущего партнерства	0,077	0,044	0,523
	[0,21]	[0,11]	[0,64]
Нет детей — Номер партнерства	–0,055	0,118	–4,163 ²
	[0,13]	[0,25]	[2,33]
1 ребенок — Номер партнерства	0,008	0,029	–0,518
	[0,02]	[0,06]	[0,56]
Логарифм среднемесячного дохода домохозяйства (без доходов женщины)	0,254	0,211	0,486
	[1,34]	[0,95]	[1,24]
Нет детей — Доход домохозяйства	–0,076	–0,015	–0,307
	[0,32]	[0,06]	[0,35]
1 ребенок — Доход домохозяйства	–0,010	0,022	–0,143
	[0,05]	[0,09]	[0,32]

Окончание таблицы 6.1

Число комнат в расчете на члена домохозяйства (если планируемый ребенок будет рожден)	0,251	0,566	-0,275
	[0,28]	[0,56]	[0,14]
Нет детей — Число комнат на человека	0,151	-0,161	2,400
	[0,16]	[0,15]	[0,82]
1 ребенок — Число комнат на человека	0,033	-0,045	-0,584
	[0,04]	[0,04]	[0,27]
Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	-0,159	-0,058	-0,595
	[0,47]	[0,15]	[0,71]
Нет детей — Индекс консерватизма	-0,185	-0,367	1,179
	[0,44]	[0,79]	[0,86]
1 ребенок — Индекс консерватизма	0,565	0,336	1,650*
	[1,51]	[0,79]	[1,75]
Религиозность	-0,013	-0,002	-0,121
	[0,04]	[0,00]	[0,17]
Нет детей — Религиозность	0,447	0,440	0,664
	[1,12]	[0,98]	[0,49]
1 ребенок — Религиозность	0,295	0,166	1,012
	[0,83]	[0,41]	[1,17]
Число наблюдений	1898	1586	312

Примечание: ¹ В таблице представлена часть регрессии; остальные переменные для простоты опущены.

См. примечания к табл. 4.

Таблица 6.2

Влияние структуры домохозяйства и семейных ценностей на вероятность того, что женщина будет хотеть завести сейчас (еще одного) ребенка в домохозяйствах разным числом уже имеющихся детей («0» — нет влияния; «+» — значимый положительный эффект; «-» — значимый отрицательный эффект)¹

Переменные	Нет детей			1 ребенок			2 и более детей		
	Вся выборка	Заняты	Не заняты	Вся выборка	Заняты	Не заняты	Вся выборка	Заняты	Не заняты
Порядковый номер текущего партнерства	0	0	+	0	0	0	0	0	0
Логарифм среднемесячного дохода домохозяйства (без доходов женщины)	0	0	0	+	+	+	0	0	0

Число комнат в расчете на члена домохозяйства (если планируемый ребенок будет рожден)	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Индекс консерватизма: традиционные семейные ценности и роли	0		0	+	+	+	0	0	0
Религиозность	+	+	0	+	0	+	0	0	0

¹ Совокупный эффект (влияние) переменной рассчитывался для каждой группы домохозяйств следующим образом: $b(\text{var}) + b(\text{var} * \text{no\_children}(1 \text{ child})\_type)$, где var — переменная, no_children(1 child)_type — женщины без детей (с 1 ребенком; с 2 и более детьми). Мы использовали тест Вальда (Wald test), чтобы установить значимость совокупного эффекта.

Таблица 7

Распределение женщин по числу рожденных детей и уровню завершеного образования; среднее число детей по уровню образования

Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	27,7	35,0	28,1	9,2	1,23	1	1,024
Среднее специальное	18,3	39,8	34,7	7,1	1,34	1,087	1,114
Высшее профессиональное	33,9	40,1	23,3	2,7	0,96	0,779	0,798
Всего	25,9	38,0	29,3	6,9	1,20	0,976	1

Таблица 7.1

Ожидаемый прирост рождаемости по числу детей и уровню образования женщины на момент опроса

Образование	Изменение числа детей		
	0→1	1→2	2→3
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	0,248	0,237	0,076
Среднее специальное	0,299	0,231	0,035
Высшее профессиональное	0,417	0,339	0,081

Таблица 7.2

Ожидаемая структура выборки женщин с разным уровнем образования по числу детей; ожидаемое число детей по уровню образования матери

Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	20,8	33,0	34,3	11,3	1,42	1	1,004
Среднее специальное	12,8	36,1	42,7	8,3	1,51	1,064	1,068
Высшее профессиональное	19,8	40,6	35,0	4,6	1,27	0,894	0,898
Всего	17,7	36,2	37,4	8,6	1,41	0,996	1

Динамика трудовых ценностей российского населения, 1991–2004 гг.¹

В статье сравниваются данные четырех массовых репрезентативных опросов, проведенных в 1991–2004 гг. Установлено, что большинство трудовых ценностей российских работников претерпело за 14 пореформенных лет многочисленные изменения, что свидетельствует о лабильности массовой трудовой культуры и не согласуется с распространенными утверждениями о ее неподатливости изменениям. Существенные изменения произошли и в выраженности двух интегральных ценностных индексов, построенных на основе факторного анализа.

Доминантами ценностной «повестки дня», характерной для рассматриваемого периода, оказались базовые, «материалистические» потребности работников и две стратегии их удовлетворения — стратегия дозированных усилий («комфортный материализм») и (менее выраженная) стратегия энергичных действий, ориентированных на высокие достижения («энергичный материализм»). Инициативная самореализация и личная ответственность остаются пока на периферии трудового сознания россиян, что резко отличает их от работников экономически развитых стран, входящих в «большую восьмерку».

Социально-экономические перемены, переживаемые в последние 15 лет российским обществом, закономерно усилили интерес исследователей к тому, как люди относятся к своему труду.

Научной предпосылкой этого интереса послужило открытие М. Вебера, показавшего, что фундаментальные социально-экономические сдвиги, связанные с возникновением капитализма, не могли бы осуществиться без новой трудовой этики [Вебер, 1990]. Развивая эту идею, Д. Макклелланд на большом эмпирическом материале убедительно продемонстрировал зависимость экономических успехов общества от выраженности у людей, образующих это общество, мотивации достижения [McClelland, 1961; Хекхаузен 1986, с. 283–288].

Интерес к проблемам трудовой мотивации актуализировался и в связи с практическими усилиями, нацеленными на преобразование бывшего советского общества. Необходимость усилить мотивацию к труду и добиться на этой основе более высокой его производительности была одним из ключевых лозунгов, легитимизировавших революционные

---

¹ 1 Статья является доработанной версией текста, первоначально опубликованного в «Российском журнале менеджмента» (2006, том. 4, № 4). Автор выражает глубокую благодарность В.Е. Гимпельсону, Р.И. Капелюшникову и А.Г. Щербакову за ценные замечания и предложения.

социально-экономические и социально-культурные трансформации конца 1980-х — начала 1990-х гг. Реформаторы гайдаровского призыва резонно полагали, что институциональные изменения — снятие ограничений на формы и способы приложения человеком своего труда, развитие предпринимательства, отказ от отношения к материальным потребностям людей как к чему-то предосудительному, от разнообразных «потолков» заработка и от уравнилельных установок в оплате труда — раскрепостят энергию людей, побудят их к тому, чтобы больше работать, будут стимулировать высокие притязания и желание их осуществить, разбудят инициативу. Основными в этих прогнозах были расчеты на стимулирующую роль денежных вознаграждений (которые в условиях рыночной экономики легко превращаются в разнообразные потребительские блага) и развитие денежной мотивации, но одновременно ожидалось, что в качестве способов реализации этих «целевых» мотивов будут развиваться и инструментальные мотивации к проявлению повышенной трудовой активности и инициативы. Ожидалось также, что открытая безработица усилит мотивацию, связанную с сохранением работником своего рабочего места².

Существует и иная позиция: в научных и публицистических текстах сегодня очень популярно мнение о неподатливости взглядов и ценностей людей серьезным изменениям, и это мнение распространяется и на отношение людей к труду.

Многие из тех, кто придерживается подобной позиции, отталкиваются от веберовского тезиса о протестантской этике: раз капитализм (и главное, бешеная трудовая энергия людей) в Европе возник на базе протестантской этики, то и нам для побуждения людей к трудовым достижениям и успеха нового экономического строя необходима такая же идеология. Но, как легко себе представить, сегодня в России большинство наблюдателей протестантской этики не находят, вместо нее часто обнаруживая «православную этику» или «русский национальный характер», которые, согласно распространенному мнению, к энергичному труду и достижению успеха вовсе не побуждают, а напротив, поощряют аскезу, духовность, бедность.

Отсюда обычно делается вывод о тщетности попыток построить в России капитализм и побудить людей к энергичному труду. Если проанализировать все упоминания о культуре в циркулирующих в настоящее время в России текстах, то обнаружится, что наиболее распространенная смысловая задача этих упоминаний — объяснение труд-

---

² Слова В.И. Ленина о том, что «производительность труда, это... самое главное для победы нового общественного строя» были сказаны совсем по другому поводу, тем не менее они, как представляется, тоже добавляли интереса к рассматриваемой тематике.

ностей экономического и политического реформирования российского общества. Культура стала чем-то вроде индульгенции, которую элита и общество выдают себе, чтобы оправдать страх и нежелание реформ.

В подобных построениях, воспроизведенных здесь, конечно, крайне схематично, есть целый ряд моментов, вызывающих возражения³. И самое главное, в чем трудно согласиться с распространенными рассуждениями о роли религии и вообще культурного наследия, — это эссенциалистский подход к ним, т.е. отношение как к застывшим, имманентным сущностям. Полагают, что культура — это раз и навсегда написанная пьеса, сценарий (часто употребляют еще слова «менталитет», «архетип», «культурный генотип», «институциональная матрица»), который на протяжении веков снова и снова разыгрывается людьми, социальными группами и социальными институтами. Конкретное содержание культурных традиций при этом конструируется весьма произвольно, в соответствии с политическими, идеологическими или даже экономическими задачами тех, кто о них пишет⁴.

Но ведь хорошо известно, что режиссерские прочтения одной и той же пьесы от постановки к постановке меняются, да так, что смысл ее при этом может измениться на противоположный, что большое значение для той или иной интерпретации пьесы имеет социальная эпоха. Культура — тоже меняющееся образование. А если она и содержит некий сценарий, то такой, который может быть прочтен и разыгран совершенно по-разному, подобно тому, как могут резко отличаться друг от друга разные прочтения одной и той же пьесы⁵.

---

³ В частности, теперь стало ясно, что сильную мотивацию трудовых достижений может генерировать не только протестантизм, но и другие религии. Известный американский социолог П. Бергер пишет, например, что «по всей вероятности, Вебер ошибался, полагая, что конфуцианство и восточноазиатские традиции препятствуют модернизации общества» [Бергер, 1994, С. 36].

⁴ О конструировании традиций см: *The Invention of Tradition*. Eds. *E. Hobsbawm, T. Ranger*. — Cambridge University Press, 1983. Русский перевод введения к книге, см.: http://www.vshu.ru/library/3/new_02410_01.doc. Вот, для примера один из последних по времени обстоятельных текстов, где «изобретается традиция»: *Сурков В.* Русская политическая культура. Взгляд из утопии — http://www.russ.ru/politics/docs/russkaya_politicheskaya_kul_tura_vzglyad_iz_utopii. Критический анализ этого текста см.: *Архангельский А.* Между почвой и судьбой — <http://www.gian.ru/authors/20070614/67188667.html>.

⁵ Ряд убедительных фактов, свидетельствующих о быстрой изменчивости культурных ценностей и обычаев, приводится, например, в работе [Росс, Нисбетт, 2000, с. 278–326]. Об изменчивости ценностей в ходе социально-экономических реформ в современной России и в других странах см.: [Ясин, 2003; Лапин, 2003].

Этот общий подход применим и к религии, хотя, конечно, религиозный канон охраняется строже, чем литературно-драматургический. В частности, православие, столь часто упоминаемое как препятствие к формированию ориентированной на достижения трудовой мотивации, на самом деле имеет несколько «прочтений». Сошлемся на авторитетное мнение протоиерея В. Федорова (руководителя Православного института миссиологии). Один подход — он называет его «фундаменталистским» — видит долг

Возможность эмпирического изучения изменений трудовых ценностей в масштабе страны появилась благодаря повторным репрезентативным опросам российского населения, осуществленным в 1990-х гг. в рамках Всемирного исследования ценностей⁶.

Термин «ценность» многозначен, его содержание не зафиксировано даже в рамках одной и той же или близких научных дисциплин [Steven, Piliavin, 2004]. В данной статье анализируются индивидуальные ценности, и мы определяем их как убеждения человека в значимости (или важности) лично для него некоторого объекта или явления. Ценность, таким образом, — это синоним равнодушия человека к тому или иному аспекту действительности. Упомянутая значимость осознается и переживается в двух случаях: либо в ситуации, когда необходимый для сохранения и развития индивида объект отсутствует, либо в ситуации, когда человек обладает тем, что необходимо, но это обладание не воспринимается как стабильное, раз и навсегда данное. И то, и другое переживание при определенных условиях может побуждать человека к активности, т.е. может становиться *мотивом действия* [Магун, 1983]. Поэтому постановка вопроса об изменении трудовых ценностей — это одновременно и попытка разобраться в динамике потенциальных мотивов трудовой деятельности.

Проблема стабильности — изменчивости трудовых ценностей далеко не безразлична для практики менеджмента. Если ценностно-мотивационные характеристики работников меняются, то требуются изменения и в типовых стратегиях управления персоналом.

Какого рода вознаграждения за труд являются сегодня ведущими для типичного российского работника и в каком направлении их содержание менялось на протяжении пореформенного периода? Как структурированы в сознании людей ожидаемые ими вознаграждения и те трудовые ресурсы, которые они готовы затрачивать? Присутствуют ли хотя бы у части сегодняшних российских работников ценности и мотивы, побуждающие к трудовому энтузиазму? Таковы некоторые из

верующего в созерцательном самосовершенствовании, уходе из «мира» и поиске на этом пути личного спасения. Другой же подход — «творческий» — полагает, что поскольку человек сотворен Богом, то на этот акт творения он должен отвечать «сотрапничеством». Данный подход призывает человека к личной ответственности, рассматривая ее как благодарный *ответ* Богу на акт творения [Федоров, 1997].

⁶ Координатором Всемирного исследования выступает профессор Р. Инглхарт (Университет штата Мичиган, США). Руководителями исследования в Московском регионе (конец 1990 — начало 1991 гг.) были Е.И. Башкирова («Башкирова и партнеры») и В.С. Магун (Институт социологии РАН), общероссийского исследования в начале 1991 г. — В. Г. Андреев (Институт сравнительных социальных исследований). Общероссийским исследованием, проведенным в конце 1995 г., руководили Е.И. Башкирова и Х.-Д. Клингеман (Берлинский центр социальных исследований), общероссийским исследованием, проведенным в мае-июне 1999 г., — Е.И. Башкирова.

вопросов, которые могут волновать исследователей в связи с рассматриваемой проблематикой.

Наши предшествующие исследования подтвердили, что трудовые ценности российских работников действительно меняются, причем эти изменения происходят на протяжении сравнительно коротких промежутков времени — в рамках одного десятилетия [Магун, 2000, 2003].

Распространено мнение о том, что сдвиги в сознании и стереотипах поведения носят преимущественно поколенческий характер, т.е. изменения происходят только у новых поколений молодежи, которая пронесит зафиксированные в молодости взгляды и привычки через всю жизнь [Дубин, 1995; Гордон, 1999; Alwin, 1990; Alwin, Scott, 1996]. Чтобы проверить эти предположения о поколенческой природе ценностных сдвигов, упомянутые выше изменения в трудовых ценностях были проанализированы в зависимости от возраста респондентов, и оказалось, что четыре из пяти обнаруженных ценностных сдвигов примерно одинаково представлены в разных возрастах. Отсюда был сделан вывод, согласно которому данные сдвиги происходили не только у молодежи, а возникали у всех поколений независимо, в виде реакций на одну и ту же социально-экономическую и социально-культурную ситуацию [Магун, 2000]⁷.

Если исходить из упомянутых выше эссенциалистских взглядов на трудовую культуру, то эмпирические данные об изменениях трудовых ценностей следовало бы истолковать в том смысле, что на протяжении бурного десятилетия 1990-х гг. изменились соответствующие архетипы, но это противоречит смыслу самого понятия: представление об устойчивости архетипов как раз и используется для объяснения неподатливости российской культуры и общества изменениям, стимулировавшимся реформистскими группами российской элиты в конце 1980-х и в 1990-е гг.!

В данной публикации мы продолжим анализ динамики трудовых ценностей, добавив данные, полученные в 2004 г. Расширение временного диапазона имеет принципиальный характер: все предшествующие изменения трудовых ценностей были зафиксированы на протяжении трансформационного экономического спада, а теперь впервые появляется возможность проследить, как изменились российские трудовые

---

⁷ Применительно к политическим ценностям наши американские коллеги вводят разделение на два типа — «символические» (в которых информационно-когнитивный компонент редуцирован, а эмоциональный сильно выражен) и «несимволические» (более рациональные и основанные на поступающей извне информации), и предполагают, что эти типы подчиняются разным закономерностям возрастных изменений [Alwin, Krosnick, 1992]. Если подобное разделение применить и к экономическим ценностям, то тогда исследуемые здесь ценности следует отнести, скорее, к «несимволическим».

ценности под влиянием длительного периода экономического роста, начавшегося в 1999 г.

Данные 2004 г. были получены в рамках опроса «Поколения и гендер», в анкету которого были включены те же вопросы, что использовались в предшествующих замерах, проведенных в рамках Всемирного исследования ценностей⁸.

Объект нашего анализа — высказывания людей о важности (значимости) для них различных аспектов работы. Вопрос, с помощью которого определяли значимость аспектов работы, звучал следующим образом: «Ниже перечислены некоторые стороны трудовой деятельности, которые обычно считаются важными. Пожалуйста, посмотрите на них и выберите те, которые важны лично для Вас». И далее в анкете перечислялись 11 аспектов работы, список которых приводится ниже (табл. 1).

Из формулировки вопроса видно, что число возможных выборов не оговаривалось, и, следовательно, респондент мог назвать в качестве важных от 0 до 11 аспектов работы. На основе выборов, совершенных респондентами, делались заключения о ценности (субъективной значимости) или о безразличии для них соответствующих аспектов работы. Выбранному аспекту работы присваивался балл «2», невыбранному — балл «1»⁹.

В списке, предложенном респондентам, присутствуют все основные категории трудовых ценностей: материальные и духовные, «внутренние» и «внешние», инструментальные и терминальные, индивидуальные и социальные, характеризующие трудовые блага и трудовые затраты¹⁰.

Во всех случаях опросы были проведены на выборках, репрезентирующих российское население в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка исследования «Поколения и гендер» (2004 г.) в несколько раз превышала

---

⁸ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено в 2004 г. Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия).

⁹ Обращаем внимание, что система кодирования в массиве Всемирного исследования ценностей отличается: там выбранному респондентом аспекту работы присваивается, наоборот, более низкий балл. В рамках данной статьи система кодирования изменена для удобства читателей. Стоит также упомянуть, что в опросе 1991 г. респондентам предлагали список из 15 ценностей, который впоследствии (начиная с волны 1995 г.) был сокращен до 11.

¹⁰ В то же время представленный список неполон: в нем нет, например, такого важного показателя, как санитарно-гигиенические условия труда. Подобная неполнота относится к числу издержек, с которыми приходится мириться ради возможности использовать имеющиеся базы данных.

российские выборки Всемирного исследования ценностей, что объясняется специфическими задачами этого демографически ориентированного проекта и никак не влияет на сопоставимость данных. В статье анализируются данные, относящиеся к занятым и безработным, в совокупности образующим множество российских работников (или «экономически активное население»).

Статья состоит из пяти разделов. В первом разделе анализируются отдельные трудовые ценности и их динамика, во втором излагаются результаты факторного анализа, описываются обнаруженная с его помощью структура трудовых ценностей («ценностные синдромы») и построенные на основе этой структуры интегральные ценностные индексы. В третьем разделе статьи анализируется динамика этих интегральных ценностных индексов, позволяющая в более целостном виде представить эволюцию российских трудовых ценностей. (Проанализировать эволюцию интегральных индексов важно и для того, чтобы привести эмпирические аргументы против идеи неизменности ценностей — факты динамики интегральных ценностных образований выглядят в этом контексте весомее, чем описание того, как меняются отдельные ценности.) В четвертом разделе описаны результаты анализа динамики трудовых ценностей в отдельных подгруппах российских работников, выделенных на основе демографических и профессионально-должностных признаков. Этот более дифференцированный анализ позволяет определить степень универсальности обнаруженных изменений и уточнить, в каких именно социальных группах происходят те изменения, которые первоначально обнаружены в рамках всего анализируемого массива. В пятом разделе представлены основные выводы.

1. Значимость различных сторон работы и ее динамика

В *табл. 1* приведены ответы российских респондентов на вопрос о том, что для них важно в работе, а также показано, как меняются эти ответы с 1991 по 2004 г. Она показывает, какими были трудовые ценности работающих россиян в начале 1991 г., в канун радикальных общественных перемен. В это время лидировала ценность высокого заработка, которая статистически надежно опережала по частоте упоминаний все остальные аспекты работы, в том числе и весьма распространенную у нас ценность интересной работы¹¹. Что же касается ценностей активной самоотдачи, трудовых и статусных достижений, ответственности, то они занимали места в нижней части российского списка.

---

¹¹ Вообще в большинстве стран мира лидировала тогда одна и та же триада трудовых ценностей: хороший заработок, интересная работа и хорошие товарищи. Люди хотели зарабатывать, занимаясь чем-то нескудным и желательно в приятной компании.

Таблица 1

Трудовые ценности экономически активного населения России и их динамика с 1991 по 2004 гг.

Ценности ¹	Частота упоминания, %				Динамика ценностей (показаны статистически значимые различия в частоте упоминания ценностей в разные годы ²)	Семь стран, входящих в «большую восьмерку» (кроме России), средняя частота упоминания, %	
	1991 г. (N = 1365)	1995 г., (N = 1313)	1999 г., (N = 1575)	2004 г., (N = 6949)		1990–1991 гг.	1999–2000 гг.
Хороший заработок	85	92	92	96	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991	74	82
Надежное место работы	40	67	73	80	Последовательный рост: 1995 > 1991; 1999 > 1995, 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991	58	70
Интересная работа	68	73	71	72	Рост: 2004 > 1991	65	72
Удобные часы (в 2004 г. — удобный график) работы	49	46	42	57	Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991; Снижение: 1999 < 1991	46	56
Возможность чего-то достичь	28	41	40	44	Рост: 1995, 1999, 2004 > 1991	61	67
Работа, уважаемая широким кругом людей	40	49	46	36	Рост: 1995, 1999 > 1991; Снижение: 2004 < 1999, 1995	32	39
Соответствие работы способностям	57	57	56	34	Снижение: 2004 < 1999, 1995, 1991,	57	61
Большой отпуск	46	34	30	32	Снижение: 1995, 1999, 2004 < 1991	30	38

Возможность инициативы	30	30	32	24	Снижение: 2004 < 1999, 1995, 1991	52	54
Ответственная работа	21	25	27	20	Рост: 1999 > 1991; Снижение: 2004 < 1999, 1995	51	53
Не слишком напряженная работа	20	18	17	18	—	28	38

Примечания. ¹ Ценности расположены в порядке убывания их распространенности в 2004 г. ² Для оценки статистической значимости различий в популярности одной и той же ценности в разные годы был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$).

Для определения статистической значимости различий в популярности одной и той же ценности в разные годы был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$). За восемь лет, с 1991 по 1999 г., возросла частота упоминания надежности места работы, возможности чего-то достичь, уважения к работе со стороны окружающих, ответственности, хорошего заработка, и наоборот, реже стали упоминаться большая продолжительность отпуска и удобные часы работы. В целом эти изменения свидетельствуют об активизации стремления к вознаграждениям (денежным и моральным), к тому, чтобы они были стабильными, а также о большей готовности людей платить за все это результативным трудом.

Промежуточные данные, собранные в 1995 г., предоставляют возможность более детально проследить за характером изменений. Этот более детальный анализ показывает, что основные сдвиги произошли к 1995 г., а в последующие три года ситуация либо совсем не менялась, либо сдвигалась в ту же сторону, но ненамного.

В сдвигах, зафиксированных при сравнении 1999 г. и 1991 г., по-видимому, отразились хорошо известные процессы, протекавшие в российской экономике в 1990-е гг. С одной стороны, это были явления, соответствовавшие планам реформаторов и связанные прежде всего с развитием нового для России частного сектора: разрушение прежних ограничений на активность и инициативу, снятие всяческих «потолков» заработка и достижений, освобождение труда и возникновение новых возможностей; сюда же можно отнести и предвиденное реформаторами возникновение открытой безработицы [Магун, 1996]. С другой стороны, это явления, порожденные экономическим спадом и специфическим способом адаптации к нему российского рынка труда: деградация многих рабочих мест и приближение занятых на них к состоянию, близкому к безработице (за счет низкой зарплаты, ее задержек, незагруженности, вынужденных отпусков и вызванного всем этим снижения престижа соответствующих видов занятости) [Капелюшников, 2001; Gimpelson, Lippoldt, 2001].

Понятно, что явления первой группы, носящие преимущественно конструктивный характер, явно вели к росту популярности ценности достижения («возможности чего-то достичь»), но в то же время они могли внести свой вклад и в рост привлекательности высоких зарплаток, и в потерю интереса к продолжительному отпуску (который не «вписывается» в новые, ориентированные на достижения стратегии). Явления второй группы объясняют рост популярности заработка, гарантий занятости, потребности в уважении к своему труду, а также снижение актуальности такого блага, как продолжительный отпуск (многие в эти годы стали страдать как раз из-за вынужденных отпусков).

В двух случаях сдвиги довольно значительны: частота упоминаний и о гарантиях занятости, и о возможности достижений возросла в полтора раза; при этом заметно повысился ранг данных аспектов труда в иерархии ценностей. Примечательно, что ценности, испытавшие наибольший взлет популярности, представляют два противоположных полюса формулы «гарантии против возможностей», которая, как пишет Б.В. Дубин, емко выражает «содержание общественной жизни и полюса массового сознания в России после гайдаровских реформ» [Дубин, 1997, с. 297].

Если взглянуть на ценности, воплощающие ориентацию на активность и достижения (а их развитие входило в число исходных целевых установок либеральных реформ), то можно констатировать, что к концу 1990-х гг., по сравнению с началом десятилетия, ситуация в некоторой степени улучшилась: это выразилось в росте популярности достижений и ответственности¹² и повышении общей готовности трудиться (снижение значимости «большого отпуска»). Но возможность инициативы не стала более популярной, и это несмотря на то, что свобода и инициатива входили в ценностно-идеологическое ядро программы не только экономических, но и политических и культурных трансформаций 1990-х гг. Данный факт свидетельствует о чрезвычайной трудности обеспечения сдвигов в сторону инициативы — большей, чем трудности стимулирования общей ориентации на достижения и даже ответственности [Врум, 1996].

Если сравнить направление российских сдвигов с рейтингом рассматриваемых трудовых ценностей в семи экономически и политически продвинутых странах мира, входящих в «большую восьмерку», то увидим, что три наиболее заметных сдвига, произошедших в трудовых ценностях россиян с 1991 по 1999 г., шли как раз в направлении сближения с этими странами. В результате значимость гарантий занятости («надежного места работы») и длинного отпуска в 1999 г. стала мало отличаться от значимости этих характеристик в странах «семерки». Что же касается аспектов труда, которые предполагают достижение некоторых неординарных результатов, то в этом отношении между Россией и мировыми лидерами пока остаются очень заметные различия: рейтинг «возможности чего-то достичь» и «возможности проявлять инициативу»

---

¹² «Ответственность» означает, что за работу приходится «держат ответ», поскольку ее результаты важны для окружающих. В связи с этим при прочих равных условиях выполнять *ответственную* работу — это большее достижение, чем просто совершать работу. Кроме того, испытывать чувство ответственности значит в ситуации неопределенной (или «диффузной») ответственности *брать на себя* выполнение тех или иных действий, чего в случае отсутствия подобного чувства человек не делает. Таким образом, ответственность — всегда предпосылка более высокой активности.

в 1999 г. был в России в 1,7–1,8 раза ниже. Все это указывает на то, что *догнать страны «семерки» по значимости страха безработицы, выражающего мотивацию избегания, России оказалось гораздо легче, чем приблизиться к ним по выраженности мотивации достижения.*

В настоящей статье мы впервые имеем возможность проанализировать дальнейшие изменения российских трудовых ценностей, используя данные опроса 2004 г. Приступая к анализу, мы исходили из того, что пятилетний период, прошедший со времени предыдущего замера, был первым в истории наших наблюдений сравнительно длительным периодом экономического роста, что обязательно должно было сказаться на трудовых ценностях российских работников. Прежде всего мы ожидали, что изменения пойдут как раз в сторону дальнейшего повышения ценностей активности и достижений и что, наконец-то, вырастет рейтинг инициативы.

Как выясняется (*табл. 1*), изменения с 1999 по 2004 г. действительно произошли, причем более многочисленные и заметные, чем за любой из предшествующих интервалов между соседними наблюдениями, но их содержание не совпало с ожидаемым. Еще чаще стал упоминаться хороший заработок — теперь его называл практически каждый опрошенный. Как и в предыдущие годы, продолжился рост значимости надежности места работы, она тоже стала важна для подавляющего большинства — 80% респондентов. И третье заметное повышение коснулось показателя, который в предыдущий период, наоборот, несколько снижился — на 15 процентных пунктов выросла важность удобного времени работы (это изменение, правда, скорее всего было связано с нарушением тождественности формулировок самого вопроса: с заменой «удобных часов работы» на «удобный график работы»). Показатель «возможность чего-то достичь» не претерпел статистически значимых изменений, но те достигательные ценности, которые непосредственно связаны с ростом статуса и заработка, за эти годы стали для россиян более важными. В наш набор ценностей продвижения включена не была, но другое исследование, в котором сравнивались данные 1998 и 2005 гг., показало, что рейтинг «хороших возможностей для продвижения» вырос [Хахулина, 2006]¹³.

---

¹³ Прямые сопоставления анализируемых в настоящей статье данных с материалами других исследователей, к сожалению, затруднены прежде всего, по методическим причинам: неодинаковы списки предлагаемых респондентам трудовых ценностей, различаются задания респондентам (в одних случаях их просят ранжировать ценности, а в других — оценивать каждую из них в отдельности) и т.п. Но, несмотря на это, можно констатировать некоторые совпадения. Так, Л.А. Хахулина установила, что лидирующими у россиян в 2005 г. были ценности высокого заработка, гарантий сохранения рабочего места и интересной работы [Хахулина, 2006]; анализируя данные 2007 г., к выводу о наибольшей важности заработка как критерия выбора работы пришла также И.Шмерлина [Шмерлина, 2007] и сотрудники ВЦИОМа [ВЦИОМ, 2007].

Другая группа изменений свидетельствует о том, что с 1999 по 2004 г. значимость ряда аспектов работы, наоборот, *уменьшилась*. Более чем на треть сократилась доля тех, кто считал важным для себя соответствие работы способностям (прежде, на протяжении 1990-х гг. данный показатель практически не менялся). Это самое большое изменение из всех, произошедших за рассматриваемый период, — целых 22 процентных пункта. Снизилась также доля тех, кто считал важным для себя уважение своей деятельности со стороны окружающих — с 1991 по 1999 г. она, наоборот, несколько повышалась. Понизилась, вопреки нашим ожиданиям, популярность двух трудовых ценностей, рост которых входил в исходные цели реформ конца 1980-х — 1990-х гг., — для меньшего числа людей теперь стали важны инициатива и ответственность в работе (на протяжении 1990-х гг. первый из этих показателей не менялся, а «ответственность» к 1999 г. несколько повысилась, но теперь, к 2004 г. — вернулась к исходному уровню 1991 г.).

Как можно объяснить полученные результаты? Ошибка в предположениях, касающихся роста инициативы и других форм активности, не связанных прямо с получением дополнительного материального вознаграждения, объясняется, видимо, тем, что мы недооценили степень неудовлетворенности российских граждан своим материальным положением. О том, сколь она значительна, свидетельствует, в частности, тот факт, что на всем протяжении 1990-х гг. по показателям «материализма» и «ориентации на выживание», разработанным Р. Инглхартом, Россия устойчиво находилась в числе мировых лидеров [Андреенкова, 1994; Inglehart, 1997; Inglehart, Baker, 2000]. Поэтому вполне закономерно, что как только начался экономический рост и у большого числа людей, прежде лишенных возможности «нормально» зарабатывать, такая возможность появилась, они ради этого пошли на все мыслимые и немыслимые жертвы: отказывались от работы по специальности (отсюда резкое падение «соответствия работы способностям»), готовы были пожертвовать социальным признанием их работы и ее нацеленностью на социально значимый результат («уважением работы широким кругом людей» и ее «ответственностью»), а также свободой проявления собственной активности («инициативой»).

Напомним, что самая простая жертва — свободным от работы временем (то, что отражается в ценности «большой отпуск») — была принесена ранее, в 1990-е гг. Особенность же тех жертв, которые пошли в ход в последнее пятилетие, состоит в том, что теперь они затронули само содержание труда, т.е. такие аспекты работы, ценность которых в 1990-е гг. не снижалась. Незатронутой изменениями осталась лишь ценность «интересной работы», на которой теперь у большинства работников сконцентрированы все содержательные требования к труду. Для человека, не готового тратить лишние силы на работу, преимущество «интересности» состоит в том, что этот вид удовлетворения от

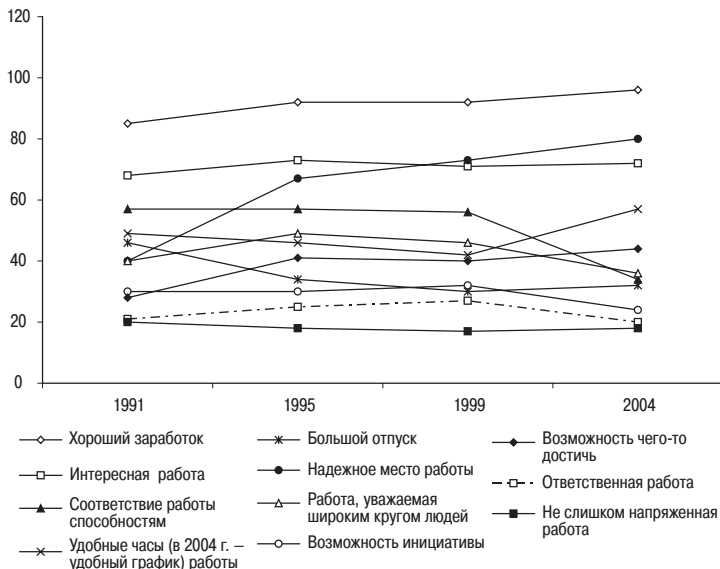
работы можно получать, не прилагая сверхнормативных усилий, и это отличает гедонистическое требование «интересной» работы от запроса на работу, где надо проявлять инициативу или ответственность.

На рис. 1 наглядно представлена иерархия значимости различных аспектов работы в каждой из четырех временных точек опросов. Как видно, только 4 из 11 линий (отображающих на рисунке динамику ценностей заработка, инициативы, ответственности и не слишком напряженной работы) не имеют пересечений или их пересечения малозаметны. Это значит, что относительная важность остальных трудовых ценностей, их иерархия на протяжении рассматриваемого периода заметно менялась. К числу наиболее заметных изменений относятся подъем «надежного места работы» с 6–7 ранга в 1991 г. до второго в 2004 г., снижение ценности «большого отпуска» — с 5 места в 1991 г. до 8 в 2004 г., а также подъем «возможности чего-то достичь» — с 9 на 5 место.

Ознакомившись с описанными в этом параграфе результатами, сторонники устойчивости ценностей и их неподатливости изменениям могут возразить, что здесь речь идет о сравнительно частных показателях, которые, возможно, не могут именоваться ценностями. Не будем вступать в спор о терминах, вместо этого попробуем получить более интегральные ценностные показатели и доказать, что и они тоже меняются.

Рисунок 1

Динамика значимости трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 г. (% опрошенных, указавших тот или иной аспект работы в качестве важного)

2. Выявление ценностных синдромов с помощью факторного анализа

Рассмотрение ценностей по отдельности является определенным упрощением внутреннего мира людей, в котором ценности существуют в определенных сочетаниях (синдромах); прежде всего в этих сочетаниях объединяются *вознаграждения за труд и способы их достижения*.

Например, эмпирические исследования начала 1990-х гг. показали, что среди российских респондентов широко распространена позиция *«чем лучше платят, тем больше делаю»* [Куприянова, 1993; Куприянова, Хибовская, 1994]. Нетрудно заметить, что эта формула выражает ориентацию людей на эквивалентный, справедливый обмен между их трудовым вкладом и ожидаемым материальным вознаграждением и явно связана с общей установкой на справедливость — одним из моральных императивов, легитимизировавших фундаментальные социальные перемены конца 1980-х — начала 1990-х гг., который остается остро актуальным и в сегодняшней «повестке дня» [Найшуль, 2005; Аузан, 2006].

В упомянутых исследованиях различные соотношения ценностей заработка и трудовой отдачи были сформулированы *исследователями*, а респондентам предлагались *готовые формулировки*, с тем чтобы они с ними согласились или их отвергли. Перед нами стоит другая задача — обнаружить сочетания ценностей, *естественно* сформировавшиеся во внутреннем мире *самих их носителей*. Для этого была использована специальная статистическая процедура — факторный анализ, позволяющий обнаружить характерные для людей естественные сочетания различных ценностей.

Факторизации были подвергнуты упомянутые выше 11 суждений о субъективной значимости различных аспектов работы; опишем здесь первые три фактора до вращения, достаточно существенные по своей информативности (их собственные числа больше единицы) и вобравшие в себя 43% суммарной дисперсии всех анализируемых признаков (табл. 2).

С *первым фактором* (его информативность равна 19%) положительно связаны показатели важности *всех* аспектов работы, но факторные нагрузки различных показателей неодинаковы. Доминируют здесь ценности социального признания и ответственности, а также ценности «содержательных» и сверхнормативных аспектов работы, присутствие которых в трудовой деятельности и обеспечивает человеку уважение и признание — возможность инициативы, достижений, соответствие работы способностям. Ценности же личных вознаграждений и личного комфорта в работе имеют менее заметный вес по фактору, причем самая низкая факторная нагрузка у ценности заработка.

Таким образом, с ростом значений первого фактора увеличивается число разнообразных сторон труда (материальных и духовных, индивидуальных и социальных, активных и пассивных, долговременных и сиюминутных), отмеченных респондентами в качестве важных, а с уменьшением его значений число этих сторон, наоборот, сокращается. Но преобладают в этом факторе, как отмечалось, вариации тех ценностей, в которых отражается важность для человека общественной оценки его работы и важность возможностей, которые она предоставляет для его самореализации. Следовательно, данный интегральный параметр можно назвать *фактором общей высокой либо общей низкой субъективной значимости работы с преобладающим вниманием к значимости возможностей, которые работа предоставляет человеку для самореализации и общественной оценки его достижений.*

Наблюдаемое в этом факторе единообразие оценок может быть следствием как общей требовательности (или нетребовательности) людей к разнообразным аспектам трудовой деятельности, так и другого хорошо известного психологам и социологам феномена — определенного стиля реагирования на вопросы, независимо от их содержания. О значении этого последнего обстоятельства свидетельствует обнаруженная нашим коллегой А.О. Крыштановским значимая (и положительная по смыслу) корреляция между индивидуальными значениями данного фактора и активностью ответов на вопросы, касающиеся других, в частности семейных ценностей. Одной из основных психологических причин подобного реагирования является стремление человека давать социально желательные ответы [Edwards, 1957; Эткинд, 1983]. В пользу «методического» истолкования первого фактора свидетельствуют и отмеченные выше явные отличия в факторных нагрузках различных трудовых ценностей: наибольшие нагрузки имеют в нем ценности социального признания и возможностей, предоставляемых работой для самореализации, т.е. как раз те аспекты работы, значимость которых человек заинтересован предъявить окружающим, чтобы получить от них положительную оценку [Магун, 1998а].

Оба последующих фактора биполярны. Это значит, что вслед за характерной для первого фактора тенденцией универсальной актуализации всех вообще трудовых ценностей в действие вступает механизм их избирательной актуализации. И хотя число ценностей, которые можно было выбрать, инструкцией не ограничивалось, все же люди выбирали одни из них, пренебрегая другими; биполярные факторы как раз и описывают конкретные сочетания этих ценностных выборов и отвержений.

Второй фактор (его информативность составляет 14%) свидетельствует о наличии в массиве обратных соотношений между двумя груп-

пами ценностей: с ростом значений фактора *чаще* воспринимаются в качестве важных такие аспекты работы, как удобное время работы, продолжительный отпуск, отсутствие чрезмерного давления, высокий заработок, надежность места работы, и в то же время *реже* оцениваются как существенные возможность проявить инициативу в работе, возможность чего-то достичь, ответственность работы, уважение к ней со стороны окружающих. Иными словами, в данном факторе противостоят друг другу группы признаков, которые в первом факторе выступали совместно, т.е. с актуализацией одних трудовых ценностей теряют в значимости другие, и наоборот.

Таблица 2

Факторная структура трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004 гг. (N = 11 202 человека)

Ценности	Факторные нагрузки		
	Фактор I	Фактор II	Фактор III
Хороший заработок	0,19	0,36	0,62
Интересная работа	0,35	– 0,16	0,26
Соответствие работы способностям	0,48	– 0,16	– 0,21
Удобные часы (график) работы	0,30	0,63	– 0,05
Большой отпуск	0,42	0,59	– 0,20
Надежное место работы	0,28	0,29	0,55
Работа, уважаемая широким кругом людей	0,57	– 0,20	– 0,11
Возможность инициативы	0,62	– 0,36	– 0,01
Возможность чего-то достичь	0,49	– 0,36	0,24
Ответственная работа	0,56	– 0,21	– 0,10
Отсутствие чрезмерного давления	0,37	0,45	– 0,41
<i>Информативность факторов</i>	19%	14%	10%

Примечание. Использован метод главных компонент, без вращения.

В итоге, лица с *высокими* значениями по этому параметру убеждены в важности для себя таких аспектов, как удобное время работы, продолжительный отпуск, отсутствие чрезмерного давления, высокий заработок, надежность места работы, но пренебрегают такими ценностями, как инициатива, ответственность, возможность достижений, уважение работы со стороны окружающих. И наоборот, лица, имеющие *низкие* значения по второму фактору, считают важной для себя такую работу, где можно проявить инициативу, взять на себя ответственность и чего-то достичь, получить признание окружающих и пренебрегают такими аспектами, как удобное время работы, продолжительный отпуск, отсутствие чрезмерного давления, высокий заработок, надежность места работы.

Данные сочетания свидетельствуют о том, что в сознании многих работников противостоят друг другу ценности, которые, с точки зрения представлений о справедливом, «правильном» устройстве жизни, должны бы выступать совместно. В одном случае человек ожидает от работодателя максимизации надежного денежного вознаграждения, стремясь вместе с тем минимизировать свои риски («надежное место работы») и трудовые затраты («продолжительный отпуск», «отсутствие чрезмерного давления», «удобное время работы»), т.е. работать от сих до сих, не проявляя инициативу и не претендуя на ответственную работу и уважение окружающих. В противоположном же варианте респондент готов проявлять добровольную сверхнормативную активность («инициативу»), брать на себя дополнительную ответственность, добиваться высоких результатов («достижений»), но не требует взамен от работодателя повышенных материальных вознаграждений и снижения своих затрат и рисков.

Обнаруженные в данном факторе сочетания усилий и вознаграждений явно отличаются от упомянутой выше формулы «чем лучше платят, тем больше делаю»: формула исходит из социально нормативных представлений о том, как *должна* быть устроена жизнь, а в реальных устремлениях людей преобладают «неправильные», несправедливые соотношения между трудовыми затратами и материальными вознаграждениями¹⁴.

В данном факторе позитивное отношение к процессу труда и его содержательным результатам («трудолюбие», потребность в самореализации) противостоит нелюбви к работе, отношению к ней как к неизбежному злу, которое приходится терпеть ради заработка («страданию, испытываемому при создании полезности», по словам известного экономиста XIX в. У. Дживонса). При этом те, кто любит работу и хотел бы большего достичь в ней, не думают о зарплате, а тем, кто не любит самого процесса труда, важно только вознаграждение, внешнее по отношению к работе, а следовательно, и удовольствие, которое они смогут получить от размера своего заработка. Иными словами, основное содержание данного фактора — конфликт двух видов удовлетворения от работы: удовлетворения от самого процесса труда и его содержательных результатов либо удовлетворения от внешних по отношению к труду материальных вознаграждений¹⁵.

---

¹⁴ Подобное противоречивое соотношение между высокой субъективной значимостью «материалистических» ценностей и нежеланием респондентов использовать активные средства их достижения было впервые обнаружено нами много лет назад в исследовании, проведенном на выборке ленинградских инженеров [Магун, 1978]. Теперь видно, что оно носит более общий (и даже глобальный) характер.

¹⁵ Дополнительный анализ показывает, что сознание работников, которых привлекает сам процесс труда и его содержательные результаты, устроено сложнее, чем кажется на первый взгляд. Да, их действительно не заботит конкретный размер немедленного мате-

В итоге данный интегральный параметр можно назвать *фактором обратных соотношений между ценностью максимизации надежного заработка при минимизации трудовых затрат, с одной стороны, и ценностью процесса работы и личных трудовых достижений (ценностью трудолюбия) — с другой.*

Похоже, что выбор, сделанный человеком в этом конфликте, выражается и в его намерениях по-разному организовать свою трудовую жизнь: тот, кто ищет надежный и высокий заработок, стремится прочно связать себя с определенной организацией; тот же, кто ориентирован на интересную работу, инициативу и достижения, но равнодушен к гарантиям занятости и максимизации материальных вознаграждений, чувствует гораздо большую свободу от конкретной организации, готов ее поменять или вообще работать самостоятельно.

Кроме того, инициатива, ориентация на достижения, чувство личной ответственности и автономия от производственной организации в большей мере присущи специалистам и руководителям, нежели менее квалифицированным работникам. Именно профессии как особые формы объединения лиц, обладающих высокой квалификацией, являются основными конкурентами производственных организаций в сфере разделения общественного труда [Abbott, 1998], и, следовательно, принадлежность к профессии ориентирует квалифицированного работника на автономию от организации.

Ценности инициативы, достижений, личной ответственности и автономии ассоциируются также с социальной ролью предпринимателя, а стремление получать высокое и гарантированное жалование и минимизировать трудовые затраты — с социальной ролью наемного работника в организации. Не случайно американский социолог Ч. Хэлэби,

---

риального вознаграждения за труд, но они тем не менее уверены, что рано или поздно их активность и достижения будут вознаграждены. Чтобы продемонстрировать этот факт, мы в рамках большого международного массива сопоставили индивидуальные оценки по рассматриваемому фактору с ответами респондентов на вопрос, в котором они должны были выбрать, с каким из двух альтернативных суждений согласны: «В конечном счете упорный труд обычно обеспечивает человеку лучшую жизнь» (согласие оценивалось баллом 1) либо «Упорный труд, как правило, не приносит успеха — это скорее вопрос удачи и связей» (согласие оценивалось баллом 10); можно было дать и любую из промежуточных оценок. Выяснилось, что коэффициент корреляции значим и указывает на то, что чем сильнее выражена у человека ориентация на бескорыстную трудовую активность, тем сильнее он верит, что этот труд в конечном счете (т. е. в долговременном плане) будет вознагражден. Более того, когда ответ на этот вопрос был добавлен к набору факторизуемых трудовых ценностей, то вера в то, что труд будет вознагражден, с большим весом вошла во второй фактор с тем же знаком, что и ценности активности и достижений. Иными словами, бескорыстный характер ориентаций на активность, инициативу и достижения оказывается все же подкрепленным верой в *отдаленное, долговременное* вознаграждение, которое придет само собой, без специальных забот со стороны субъекта. Этот феномен сходен знаменитой «вере в справедливый мир», описанной в свое время социальным психологом М. Лернером [Lerner, 1980].

описывая похожий по содержанию ценностный параметр и считая его очень существенным для характеристики трудовых ценностей, обозначил его как оппозицию «предпринимательских» и «бюрократических» трудовых ориентаций [Halaby, 2003].

Факторный анализ показал также, что для части респондентов характерны *обратные* соотношения между значимостью заработка и надежностью места работы, с одной стороны, и значимостью отсутствия чрезмерного давления на работе и продолжительного отпуска — с другой. Именно эти соотношения, противоположные тем, что имели место во втором факторе, лежат в основе *третьего фактора* (его информативность составляет 10%).

Положительно с данным фактором связаны значимость заработка, надежного места работы, а также интересной работы и возможности чего-то достичь (последние два признака входят в фактор со сравнительно низкими по абсолютной величине весами), а отрицательные нагрузки характерны для отсутствия чрезмерного давления, продолжительного отпуска и соответствия работы способностям (и в этой тройке последние два показателя имеют более низкие по абсолютной величине веса).

В рамках данного фактора сознательные предпочтения работников находятся в согласии с господствующими социальными нормами, диктующими пропорциональные соотношения между трудовыми затратами и материальными вознаграждениями. Максимизация надежного заработка уже не ассоциируется в сознании респондентов с избеганием трудовых усилий: тех, кто хотел бы больше зарабатывать (причем на долговременной основе) и продвигаться по службе, не волнует продолжительный отпуск, и они не заботятся о том, чтобы работа не сопровождалась чрезмерным давлением. И наоборот, те, кого волнует щадящая трудовая нагрузка, отпуск и соответствие работы способностям, не выражают стремления к хорошему заработку и не озабочены долговременной надежностью места работы и продвижением. Отметим только, что подобные нормативно «правильные» предпочтения *менее* характерны для работников, чем те, о которых свидетельствует структура рассмотренного выше (и объясняющего большую долю вариации) второго фактора.

Данный интегральный параметр можно назвать *фактором обратных соотношений между ценностью интересной и усердной работы в организации как способа обеспечить высокий заработок и надежную занятость, с одной стороны, и ценностью работы в организации как способа комфортного времяпрепровождения — с другой*.

Примечательно, что в этом факторе снова сталкиваются два типа отношения работников к производственной организации: одни ищут надежных, устойчивых связей с организацией, обеспечивающей инте-

ресную работу и хороший заработок (но без расчета на минимизацию затрат, как это было в предыдущем факторе); другие же хотят комфортной «непыльной» работы, при этом за данное место не держатся и высокого заработка не ждут. По сути, здесь тоже сталкиваются приверженность организации и автономное от нее существование, но (в отличие от предыдущего фактора) готовность к большей трудовой отдаче связана с ориентацией на приверженность, а не на автономию.

Итак, одному из полюсов (положительному) второго и третьего факторов отвечают одни и те же ключевые для россиян «материалистические» трудовые ценности — заработок и надежность места работы. Но способы достижения этих ценностей совершенно разные: в рамках *второго* фактора — это реализация «материалистических» целей «малой кровью» за счет сокращения, где можно, трудовых усилий и рисков, в *третьем* же факторе — такой установки нет. Соответственно, в одном случае отвергаются повышенная («сверхнормативная») трудовая активность и самореализация, в другом — отвергается, наоборот, стремление снизить трудовую нагрузку («большой отпуск» и «отсутствие чрезмерного давления»). Таким образом, структурный анализ позволяет выявить две принципиально разные «материалистических» ориентации — «энергичный материализм», отвечающий положительному полюсу *третьего* фактора и «комфортный материализм» — находящийся на *положительном* полюсе *второго* фактора.

Заключая описание и интерпретацию второго и третьего факторов, уместно заметить, что реальные оси, описывающие множество трудовых ценностей, оказались сложнее того противопоставления «материального» и «духовного», которое наиболее часто фигурирует в научной и публицистической литературе. В этой логике обычно противопоставляют инструментальное отношение к труду как способу заработка и отношение к труду как к самостоятельной ценности, приносящей человеку удовлетворение самим своим процессом и его непосредственными, содержательными результатами. Из приведенного выше описания *второго* фактора видно, что в нем действительно содержится противопоставление инструментального и самоценного отношения к труду, но ведь инструментальность присутствует и в *третьем* факторе, и здесь она *не* противостоит интересу к процессу и непосредственным результатам труда. Дело в том, что факторный анализ обнаружил *разные* виды инструментальности: в одном случае человек пытается получить высокий заработок ценой минимальных трудовых затрат, а в другом — готов ради этого к напряженным и долговременным трудовым усилиям.

Отметим также устойчивость структурной картины трудовых ценностей. В рамках данного массива, состоящего только из россиян, были воспроизведены те же (или очень похожие) структурные соотношения

между трудовыми ценностями, которые ранее были выявлены на других массивах, состоящих из респондентов 34 стран (опросы 1990–1993 гг.), 65 стран (опросы 1990–1993 гг. и 1995–1997 гг.) и 8 стран мира (опросы 1981–2000 гг.) [Магун, 1995, 2001, 2005].

3. Динамика интегральных (факторных) индексов трудовых ценностей

По каждому из трех описанных выше интегральных параметров (факторов) всем респондентам посредством процедуры приписывания индивидуальных значений были присвоены индивидуальные оценки (эта процедура похожа на вычисление индивидуальных индексов на основе ответов респондентов на несколько отдельных вопросов). Отсюда появилась возможность сравнивать индивидов по данным интегральным параметрам и проследить, как меняются их средние оценки на протяжении изучаемого периода; для определения значимости различий вновь был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$).

В *табл. 3* приводятся средние оценки участников опросов по трем описанным выше факторам.

Как видно из приведенных в *табл. 3* данных, средние значения *первого фактора* изменялись нелинейно: к середине 1990-х гг. они выросли и оставались на одном и том же уровне, как минимум, до 1999 г., а затем снова снизились, вернувшись к исходному уровню начала 1990-х гг.

Выше отмечалось, что этот параметр характеризует не столько трудовые ценности как таковые, сколько общий стиль реагирования людей на вопросы анкеты. Значит, на протяжении изучаемого периода стремление людей давать социально желательные ответы сначала увеличивалось, а потом вернулось к исходному значению. Причина, возможно, в усилившемся в 1990-е гг. у большого числа работников и безработных граждан чувстве социальной ущемленности, вызванном ухудшением условий их занятости (что обсуждалось выше). В ответ на это усилилась потребность людей в положительной социальной оценке, что и сказалось в усилении их социально желательных реакций в ситуации опроса. Некоторое снижение данного факторного индекса к 2004 г. и возвращение его к исходным значениям, возможно, связано с тем, что в силу улучшения экономической конъюнктуры самоуважение российских работников несколько повысилось, а это, в свою очередь, привело к ослаблению потребности во внешнем одобрении и ослаблению социально желательных реакций на вопросы анкеты.

Наши предыдущие исследования показали, что Россия в 1991–1995 гг., по сравнению с другими странами мира, имела одно из самых высоких средних значений по *второму факторному индексу*. Это означает,

**Факторные индексы трудовых ценностей в России
и их динамика с 1991 по 2004 гг.**

Факторные ценностные индексы	Средние оценки (в условных баллах)				Динамика факторных ценностных индексов (показаны статистически значимые различия между средними оценками в разные годы ¹)
	1991 г., (N = 1365)	1995 г., (N = 1313)	1999 г., (N = 1575)	2004 г., (N = 6949)	
фактор I «Общая высокая оценка работы с акцентом на возможности, которые она предоставляет человеку для самореализации и общественного признания его достижений (фактор социально желательного стиля реагирования)»	-0,07	0,12	0,11	-0,04	Рост: 1995, 1999 > 1991; Снижение: 2004 < 1995, 1999
фактор II + «Комфортный материализм» (ценность максимизации заработка при минимизации рисков и трудовых затрат) <i>либо</i> — «Бескорыстная трудовая самоотдача» (ценность процесса работы и личных трудовых достижений)»	-0,12	-0,19	-0,22	0,11	Снижение: 1999 < 1991; Рост: 2004 > 1991, 1995, 1999
фактор III + «Энергичный материализм» (ценность интересной и усердной работы в организации как способ обеспечить высокий заработок и надежную занятость) <i>либо</i> — «Работа в организации как способ комфортного и бескорыстного времяпрепровождения»	-0,78	-0,18	-0,10	0,21	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1991, 1995, 1999

*Примечание.*¹ Для оценки статистической значимости различий между средними оценками факторных ценностных индексов в разные годы был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$).

что среди россиян (в сравнении с работниками других стран) в эти годы было более широко распространено стремление к высокому, надежному и легкому заработку и реже встречалась ориентация на трудолюбие и бескорыстную самореализацию [Магун, 1995, 2000]¹⁶.

Было предложено два основных объяснения этих отличительных особенностей российских работников.

Первая из причин восходит к советским временам и связана с организацией советской экономики по принципу «привязки» работника к предприятию. Это достигалось запретом на автономную от государства предпринимательскую деятельность, различными ограничениями профессиональной свободы и самоорганизации, стимулирующим влиянием общественных фондов потребления, распределявшихся через предприятия, а также другими социально-экономическими и социально-культурными механизмами, действие которых было направлено на снижение межорганизационной мобильности (немаловажный из них — жесткие ограничения на совместительство, которые сегодняшнему работнику даже трудно себе представить) [Магун, Гимпельсон, 1993].

Вторая причина явно связана с более низкой, чем в большинстве рассматриваемых стран, оплатой, приходящейся на единицу трудовых усилий (например, на один час рабочего времени), и возросшими (уже в 1991 году в сравнении с «доперестроечным» временем) материальными притязаниями россиян [Магун, Литвинцева, 1993; Магун, 1998б; Магун, Энгватов, 2006]. Не случайно с данным фактором коррелируют различия в доходе, приходящемся на члена семьи, и в оценке своего материального положения. Если «базовые» потребности не удовлетворяются (а именно так, по-видимому, воспринимали люди свое состояние), то согласно известной идее А. Маслоу, потребности более высоких уровней иерархии не актуализуются [Maslow, 1970]. Отсюда подчеркивание важности высокого заработка и низких трудовых затрат и одновременно пренебрежение возможностями индивидуальной самореализации.

Как видно из *табл. 3*, к 1999 г. значения рассматриваемого ценностного индекса несколько сместились в сторону «бескорыстной самоотдачи», о чем свидетельствует появление статистически значимых различий между средними величинами этого индекса в 1999 и в 1991 гг. И хотя в ряду других стран российские трудовые ценности все равно оставались

---

¹⁶ Этот факт представляется особенно примечательным в связи с тем, что многие десятилетия в СССР в качестве норматива провозглашалась прямо противоположная формула, требовавшая от работника *высоких трудовых затрат при низких материальных вознаграждениях*. Таким образом, в 1990-е гг. для российских работников более характерной являлась не упоминавшаяся выше формула «справедливого» обмена «чем лучше платят, тем больше делаю», а формула неэквивалентного обмена — «больше получать и меньше делать».

в районе полюса «максимизации вознаграждений-минимизации рисков и затрат», все же подобный сдвиг, проявившийся, кстати, далеко не сразу после начала экономических и социально-политических реформ, выглядел обнадеживающе.

На фоне этой предыстории особенно интересно посмотреть, что произошло в интервале между 1999 и 2004 гг. Как видно из *табл. 3*, тенденция, наметившаяся к концу 1990-х гг., повернулась вспять: средняя оценка рассматриваемого показателя в 2004 г. значимо *превышает* среднюю за 1999 г. Причем сдвиг был настолько значительным, что ценности российских работников не только вернулись к исходному уровню 1991 г., но и заметно его превысили: +0,11 в 2004 г. вместо — 0,12 в 1991 г. Подобная динамика согласуется с описанными выше изменениями отдельных трудовых ценностей: как следует из *табл. 1*, в 2004 г., в сравнении с 1999 г., усилилась значимость надежности места работы и хорошего заработка, и при этом снизилась популярность инициативы, ответственности и уважения. Все это как раз те компоненты, которые входят в рассматриваемый ценностный индекс и обеспечивают его изменение в сторону «комфортного материализма».

Изменения *третьего* фактора тоже шли в направлении повышения ценности заработка и гарантий занятости. В 1991 г., в канун реформ, средние оценки россиян по этому фактору были одними из самых низких в ряду 30 обследованных стран, т.е. российские работники чаще остальных выражали стремление к комфортному времяпрепровождению на работе. Но значения этого интегрального параметра оказались гораздо более чувствительны к социально-экономическим изменениям, чем значения второго фактора: уже к 1995 г. произошли статистически значимые сдвиги в сторону отказа от взгляда на работу как форму рекреации. Более того, оказалось, что подобный сдвиг имел место не только в России, но и в других постсоветских странах, и средние оценки по индексу «энергичный материализм *либо* комфортное времяпрепровождение на работе» четко разделили опросы в одних и тех же странах в зависимости от года проведения: выборки, опрошенные в 1991 г., группировались около полюса «комфортного времяпрепровождения», а опрошенные в 1995 г. — около полюса «энергичного материализма» [Магун, 2000]. (В скобках заметим, что нечасто приходилось сталкиваться со столь четким разделением исследуемых объектов на две полярные группы.)

Как видно из оценок, приведенных в *табл. 3*, повысившиеся к 1995 г. значения третьего фактора в 1999 г. сохранились на том же уровне (несмотря на экономический кризис 1998 г., который мог бы их как-то поколебать), а затем вновь повысились к 2004 г. Таким образом, изменения этого показателя не демонстрируют возвратных тенденций,

характерных для двух предыдущих ценностных индексов, и значит, они являются индикатором некоторых наиболее устойчивых поворотов, произошедших в сознании российских работников и в самой жизни российского общества. За сравнительно короткое время важный аспект интегрального отношения к труду изменился радикально: *российские работники больше не рассматривают пребывание на работе как одну из форм рекреации и четко закрепляют за трудом функцию нелегкого добывания высокого и надежного заработка.*

Итак, изменения второго и третьего ценностных индексов показывают, что на протяжении всего рассматриваемого периода для людей все более значимыми становились цели получения высокого заработка и стабильной занятости. Причем одновременно повышалась значимость *двух разных стратегий* достижения этих целей: одна основана на экономии трудовых затрат и минимизации рисков (в противоположность сверхнормативной трудовой активности), другая — на энергичных трудовых усилиях (в противоположность «ничегонеделанию» на работе).

Как объяснить рост популярности каждой из этих стратегий?

Что касается стратегии «комфортного материализма» (отвечающей фактору II), то здесь причины примерно те же, что действовали в начале 1990-х, на излете советской власти, и о которых мы уже упоминали. Средние показатели зарплат к 2004 г. только-только приблизились к докризисным [Обзор социальной политики, 2007, с. 218–254], а притязания, наоборот, в сравнении с началом 1990-х заметно выросли [Магун, Энгватов, 2006]. Иначе говоря, к 2004 г. у значительной части российских работников были основания считать, что их «базовые» (по А.Маслоу) потребности удовлетворены все еще в недостаточной степени (возможно, даже хуже, чем в советское время), и потому актуальность сверхнормативной и бескорыстной активности продолжала, соответственно, снижаться.

Не исчезли и упоминавшиеся выше институциональные барьеры на пути развития трудовой инициативы и активности. Конечно, в том, что касается свободы профессиональной деятельности и предпринимательства, перемены к лучшему очевидны. Но этого оказалось явно недостаточно. До сих пор не сняты многие барьеры, мешающие развитию предпринимательства и трудовой мобильности, невелики оказались сдвиги и в развитии профессий (как саморегулирующихся ассоциаций профессионалов, обеспечивающих работнику некоторую автономию от конкретной производственной организации). В иерархии общественных норм и ценностей, транслируемой средствами массовой информации, инициатива, креативность и ответственность тоже не заняли подходящего места.

Что касается стратегии «энергичного материализма» (отвечающей фактору III), то ее усиление, параллельное усилению «комфортного материа-

лизма», не столь удивительно. Ведь эта стратегия не является какой-то «героической» альтернативой пассивности. В ее рамках человек не выбирает какие-то сверхнормативные усилия, а просто отвергает ничегонеделание, выражает готовность «нормально» работать. Рост популярности этой стратегии стал результатом двух встречных процессов: работодатели, которые теперь платят работникам не государственные, а свои деньги, сократили предложение рабочих мест, обеспечивающих комфортное времяпрепровождение и не приносящих заметной прибыли; да и у работников, получивших возможность за больший труд получать большие деньги, спрос на такие места тоже постоянно падает. Иными словами, никто не может теперь позволить себе роскошь ни содержать подобные рабочие места, ни занимать их¹⁷. В последние годы усилению этой стратегии способствовали новые возможности повышения зарплаток и приложения энергичных усилий, которые принес российский экономический рост.

Таким образом, динамика ценностных *индексов* помогает более аналитично представить динамику *отдельных* ценностей, которая описана в разделе I. Если, например, взять рост популярности такой ценности, как надежность места работы, то в него вносят вклад три различных интегральных образования: общий фактор трудовых ценностей (интерпретируемый нами как индивидуальный стиль реагирования на вопросы анкеты), фактор максимизации *надежного* заработка и минимизации рисков и затрат (ценой отказа от важности содержания работы и личных трудовых достижений), а также фактор ценности усердной и интересной работы как способа обеспечить высокий заработок и *надежную* занятость (ценой отказа от рассмотрения работы как способа комфортного времяпрепровождения).

4. Динамика трудовых ценностей внутри демографических и профессиональных групп

В принципе, можно представить, что изменения трудовых ценностей совокупности российских работников порождаются двумя группами причин: первую представляют собой те воздействия, которые оди-

---

¹⁷ Уже после первой публикации части описанных здесь результатов появилась интересная статья Н.В. Чайковской и Я.Л. Эйдельмана, подтверждающая наши выводы. В ней приводятся данные о динамике трудовых ценностей работников промышленных предприятий, охватывающие 1993–1999 гг. и свидетельствующие, что на протяжении этого времени росла значимость заработка, и в то же время последовательно снижалась значимость благоприятных санитарно-гигиенических условий труда, интересной работы, хорошего, дружного коллектива. Эти факты наглядно демонстрируют, что в течение 1990-х гг. ожидания работников все больше фокусировались на заработке при одновременном снижении запросов к комфортности процесса и условий труда. Хотя авторы сравнивали значимость *отдельных* ценностей, их вывод прямо совпадает с тем, который сделан в данной работе на основе наблюдения за динамикой третьего интегрального индекса.

наково влияли на протяжении изучаемого периода на все категории работников; вторая же связана с изменением самого состава российских работников во времени, и поскольку трудовые ценности разных категорий работников неодинаковы, то изменение удельного веса разных подгрупп ведет к изменению трудовых ценностей российских работников как целого.

Особенности имеющейся базы данных — в частности, ее «срезовой», а не панельный характер (при котором на протяжении всех 14 лет прослеживались бы трудовые ценности одних и тех же людей) — не дают нам возможности строго изучить влияние изменений в составе работников на динамику трудовых ценностей. Но предположение об универсальных воздействиях, вызывающих изменения, проверить можно.

В предшествующих разделах данной статьи изменения трудовых ценностей объяснялись, исходя из влияния новых социальных институтов, а также конъюнктурных экономических сдвигов — трансформационного экономического спада и последовавшего затем экономического подъема, т.е. в обоих этих случаях для объяснения привлекались такие причины, которые, скорее всего, одинаково воздействовали на разные категории работников. Конкретное содержание этих объяснительных гипотез в рамках группового анализа, который будет описан в данном разделе, проверить не удастся, но предположение об универсальном характере действия предполагаемых причин на разные категории работников проверке поддается.

С этой целью повторно сравним трудовые ценности в тех же четырех временных точках, но сделаем это применительно к отдельным подгруппам работников, выделенным на основе демографических и профессионально-должностных признаков. Этот более дифференцированный анализ и позволит определить степень универсальности обнаруженных изменений или, наоборот, локализации их в определенных социальных группах и кроме того, возможно, поможет продвинуться в понимании причин этих изменений.

В табл. 4 и 5 приводятся средние величины двух *интегральных индексов* трудовых ценностей (второго и третьего факторов) в подгруппах мужчин и женщин разных возрастов — от 18 до 29 лет, от 30 до 44 и от 45 до 59 лет, а также в профессионально-должностных подгруппах — руководителей, специалистов, работников со средним специальным образованием, рабочих разной квалификации (высокой, средней и низкой); всего рассматривается 12 подгрупп.

Напомним, что в рамках всего массива *среднее значение индекса «комфортного материализма»* (противостоящего «бескорыстной трудовой самоотдаче») к 1999 г. статистически значимо снизилось, а затем к 2004 г. снова выросло.

Таблица 4

Факторный индекс II — «Комфортный материализм» (ценность максимизации заработка при минимизации рисков и трудовых затрат) (+) либо «Бескорыстная трудовая самоотдача» (ценность процесса работы и личных трудовых достижений) (–), его динамика с 1991 по 2004 гг. в различных демографических и профессионально-должностных группах

Группы	Средние оценки (в условных баллах)				Динамика индекса (показаны статистически значимые различия между средними оценками в разные годы) ¹
	1991 г., (N=1365)	1995 г., (N=1313)	1999 г., (N=1575)	2004 г., (N=6949)	
Выборка в целом	-0,12	-0,19	-0,22	0,11	Снижение: 1999 < 1991; Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991
Социально-демографические группы:					
мужчины, 18–29 лет	-0,19	-0,39	-0,48	0,03	Рост: 2004 > 1999, 1995
мужчины, 30–44 года	-0,23	-0,29	-0,33	0,01	Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991
мужчины, 45–59 лет	-0,33	-0,32	-0,30	0,03	Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991
женщины, 18–29 лет	0,03	-0,04	-0,34	0,06	Снижение: 1999 < 1991; Рост: 2004 > 1999
женщины, 30–44 года	0,04	-0,06	-0,02	0,23	Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991
женщины, 45–59 лет	0,01	-0,06	-0,11	0,22	Рост: 2004 > 1999, 1995
Профессионально-должностные группы, выделенные на основе ISCO-88:					
руководители	-0,57	-0,60	-0,61	-0,26	Рост: 2004 > 1999, 1995
специалисты	-0,26	-0,47	-0,46	-0,15	Рост: 2004 > 1999, 1995
работники со средним специальным образованием	-0,29	-0,11	-0,28	-0,08	Рост: 2004 > 1999
работчие высокой квалификации	-0,10	-0,22	-0,13	0,15	Рост: 2004 > 1995
работчие средней квалификации	-0,04	-0,02	-0,10	0,27	Рост: 2004 > 1999, 1995, 1991
неквалифицированные рабочие	0,38	0,05	0,25	0,41	Снижение: 1995 < 1991; Рост: 2004 > 1995

Примечание. ¹ Для оценки статистической значимости различий между средними оценками факторного ценностного индекса II в разные годы был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$).

Данные *табл. 4* позволяют заключить, что *рост* данного ценностного индекса к 2004 г. носит универсальный характер — он имеет место во всех 12 подмассивах. Это значит, что *универсальным является рост ориентации людей на работодателя, который предоставил бы им большой заработок, благоприятные и стабильные условия труда, не требуя взамен повышенной и не нацеленной на непосредственное вознаграждение самоотдачи*. В большинстве подвыборок этот рост обеспечивает значимое повышение показателей 2004 г. по сравнению с 1999 г. (и обычно также с предшествующими годами), но в двух подгруппах рабочих — высокой и низкой квалификации — наблюдается превышение 2004 г. только по отношению к 1995 г.

Что касается *промежуточного снижения индекса*, т.е. его изменения в сторону ценностей активной трудовой самореализации, то оно *проявляется всего в двух подгруппах*: у низкоквалифицированных рабочих статистически значимый сдвиг в сторону активной самореализации наблюдался от 1991 к 1995 г., а у молодых женщин — от 1991 к 1999 г. Вообще, стоит упомянуть, что более высокие значения рассматриваемого индекса характерны для женщин, которые в большей мере, чем мужчины, ориентированы на поиск благоприятных условий труда с высоким заработком и низкими затратами, нежели на сверхнормативную трудовую активность. Поэтому неудивительно, что проактивистский ценностный сдвиг коснулся именно женщин — у них был больший простор для движения в эту сторону. А то, что это имело место именно среди молодых женщин, скорее всего, является результатом новых условий социализации, в большей мере ориентирующих человека на экономическую активность и инициативу, которая не обязательно приносит сиюминутный эффект, но зато вознаграждается в долгосрочном плане.

Как отмечалось выше (см. раздел 3), средние значения индекса, отражающего *ценность «энергичного материализма» (в противовес «работе как способу комфортного и бескорыстного времяпрепровождения»)*, в рамках всего массива с 1991 по 2004 г. устойчиво росли. Перерыв в этом росте наблюдался только в 1995–1999 гг.: значения индекса, зафиксированные в этих двух точках, статистически значимо не различались.

Данные, приведенные в *табл. 5*, позволяют заключить, что отмеченная тенденция носит универсальный характер и почти в неизменном виде проявляется во всех 12 подмассивах. Это значит, что *универсальным является неуклонное повышение с 1991 по 2004 г. (с плато между 1995 и 1999 гг.) ценности интересной и усердной работы с целью получения высокого и надежного заработка при одновременном снижении ценности работы как способа комфортного времяпрепровождения*. Небольшие отличия от этой универсальной тенденции наблюдаются только в двух подвыборках: у

женщин в возрасте 30–44 года рост индекса не прерывается даже в период с 1995 по 1999 г., а в подгруппе рабочих высокой квалификации рост индекса к 2004 г. имел место по отношению не к 1999 г., а только к более отдаленным во времени точкам — к 1995 и 1991 г.

Таблица 5

Факторный индекс III — «Энергичный материализм» (ценность интересной и усердной работы в организации как способа обеспечить высокий заработок и надежную занятость) (+) либо «Ценность работы как способа комфортного и бескорыстного времяпрепровождения» (–), его динамика с 1991 по 2004 гг. в различных демографических и профессионально-должностных группах

Группы	Средние оценки (в условных баллах)				Динамика индекса (показаны статистически значимые различия между средними оценками в разные годы ¹)
	1991 г. (N = 1365)	1995 г. (N = 1313)	1999 г. (N = 1575)	2004 г. (N = 6949)	
Выборка в целом	–0,78	–0,18	–0,10	0,21	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
Социально-демографические группы:					
мужчины, 18–29 лет	–0,59	–0,06	–0,10	0,19	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
мужчины, 30–44 года	–0,65	–0,06	0,05	0,24	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
мужчины, 45–59 лет	–0,64	–0,09	–0,18	0,27	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
женщины, 18–29 лет	–0,90	–0,18	–0,09	0,24	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
женщины, 30–44 года	–0,82	–0,26	–0,04	0,23	Рост: 1995 > 1991; 1999 > 1995, 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
женщины, 45–59 лет	–0,81	–0,38	–0,24	0,15	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
Профессионально-должностные группы, выделенные на основе ISCO-88					
руководители	–0,77	–0,22	–0,11	0,28	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
специалисты	–0,74	–0,16	–0,03	0,24	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991

Группы	Средние оценки (в условных баллах)				Динамика индекса (показаны статисти- чески значимые различия между сред- ними оценками в разные годы ¹)
	1991 г. (N = 1365)	1995 г. (N = 1313)	1999 г. (N = 1575)	2004 г. (N = 6949)	
работники со средним специальным образова- нием	-0,95	-0,21	-0,12	0,25	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
рабочие высокой квали- фикации	-0,73	-0,10	0,01	0,24	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1995, 1991
рабочие средней квали- фикации	-0,77	-0,08	-0,06	0,23	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991
неквалифицированные рабочие	-0,69	-0,26	-0,30	0,06	Рост: 1995, 1999 > 1991; 2004 > 1999, 1995, 1991

Примечание. ¹Для оценки статистической значимости различий в средних оценках факторного ценностного индекса III в разные годы был использован однофакторный дисперсионный анализ (критерий Тамхена, $p < 0,05$).

Таким образом, судя по дифференцированному анализу двух основных ценностных индексов в 12 различных подмассивах, большинство изменений этих индексов, зафиксированных в рамках всего массива респондентов, носит универсальный характер и проявляется в каждой из подвыборок, выделенных в массиве на основе демографических или профессионально-должностных критериев.

Рассмотренные факторные индексы в большой степени вбирают в себя вариации отдельных трудовых ценностей, поэтому можно ожидать, что и изменения отдельных ценностей, зафиксированные на всем массиве респондентов, будут чаще всего воспроизводиться в рамках выделенных в массиве 12 подвыборок. Ниже мы кратко резюмируем результаты анализа того, как менялась во времени в рамках каждого из подмассивов популярность *отдельных ценностей*. (Для экономии места соответствующие таблицы в статье не приводятся, заинтересованные читатели могут запросить их у автора.)

Популярность ценности *хорошего заработка* в рамках всего массива с 1991 по 2004 г. устойчиво повышалась. Перерыв в этом росте наблюдался только с 1995 по 1999 г.: доли тех, кто отметил важность для себя хорошего заработка, в этих двух точках статистически значимо не различались. Рост популярности заработка наблюдается и почти во всех подвыборках, кроме подвыборки молодых мужчин и неквалифицированных рабочих: в двух последних уже в 1991 г. заработок считали важным 90–91% респондентов, что уже сильно снижало возможность

роста показателя. Чаще всего значимый рост популярности заработка наблюдается к 2004 г. по сравнению с предшествующими годами, что, как уже отмечалось, связано со стимулирующей ролью экономического подъема и созданных им новых экономических возможностей. В трех «средних» группах — у женщин среднего возраста (30–44 года), у работников со средним специальным образованием и у рабочих средней квалификации — повышение внимания к заработку произошло уже к 1995 г., т.е. раньше, чем у других респондентов.

Популярность ценности *интересной работы* в рамках всего массива к 2004 г. повысилась незначительно, но все же стала заметно отличаться от ее популярности в 1991 г. (уже и тогда считавших ее важной было больше двух третей). Но при рассмотрении этой ценности на уровне отдельных подмассивов ни одного статистически значимого отличия обнаружить не удалось.

Частота упоминаний *соответствия работы способностям* в рамках всего массива, как отмечалось, резко упала в интервале между 1999 и 2004 г. и стала за счет этого в 2004 г. заметно более низкой, чем во все предыдущие годы. Дробление исходного массива показывает, что данный сдвиг абсолютно универсален и имеет место во всех рассматриваемых подмассивах; в каждом из них структура значимых различий полностью воспроизводит картину, наблюдающуюся в рамках всего массива.

Частота упоминаний *удобных часов работы* в рамках всего массива сначала несколько снизилась (и в итоге показатель 1999 г. статистически заметно уступает показателю 1991 г.), а в течение последнего пятилетия она очень заметно возросла. В 2004 г. формулировка этого пункта была несколько изменена — с «удобных часов работы» на «удобный график работы», поэтому значимое превышение доли выбравших этот пункт в 2004 г. по сравнению со всеми предыдущими опросами могло быть вызвано просто изменением формулировки. Повышение в 2004 г. в сравнении с 1999 г. является почти универсальным и наблюдается в 11 подмассивах (еще в одном рост имеет место только по отношению к 1995 г.). Снижение важности этого показателя в 1999 г. по сравнению с 1995 г. характерно только для одной из выделенных подгрупп — работников со средним специальным образованием.

Частота упоминаний *большого отпуска* заметно снизилась к 1995 г., т.е. сразу на первом этапе реформ, и в последующих опросах держалась примерно на одном уровне. За счет этого показателя 1995 г. и всех последующих лет статистически заметно отстают от показателей 1991 г. Снижение показателя в 1995 г. наблюдается в 7 подгруппах из 12. Выделяются по динамике этого показателя две элитные профессиональные группы — у руководителей и квалифицированных рабочих такого

снижения вообще не наблюдается (правда, у первых популярность этой ценности и исходно была ниже, чем в других профессиональных группах). У специалистов, а также у молодых женщин значимое снижение внимания к отпуску произошло несколько позже, чем у других категорий опрошенных, — к 1999 г., а у работников со средним специальным образованием — только к 2004 г.

Значимость ценности *надежное место работы* (отражающей беспокойство о потере работы) в рамках общего массива неуклонно растет на протяжении всего рассматриваемого периода. Это редкий случай, когда частота упоминаний ценности в каждый последующий год статистически значимо превышает частоту упоминаний в предыдущем году. Данный рост воспроизводится и в каждом из 12 подмассивов, однако не всегда различия между соседними опросами статистически значимы. Наиболее универсальным фактом является отличие всех последующих опросов от данных 1991 г.

Популярность ценности *работа, уважаемая широким кругом людей*, в рамках всего массива к 1995 г. повысилась, а затем к 2004 г., наоборот, снизилась. Это снижение оказалось характерно для 10 подгрупп, а подъем начала 1990-х гг. — всего для трех: для молодых женщин и женщин среднего возраста, а также для специалистов. Две подгруппы оказались абсолютно стабильны и не испытали не только подъема, но и спада популярности данной ценности — это молодые мужчины и рабочие высокой квалификации. В первом случае стабильность, возможно, объясняется новыми условиями социализации, в контексте которых престиж работы — вовсе не то, что может быть принесено в жертву. Во втором случае устойчивость указанной ценности объясняется, по-видимому, ее включенностью в ценностное ядро, в профессиональную идентичность квалифицированного рабочего.

Судьба ценности *возможность инициативы*, как уже говорилось, в минувшие годы складывалась в России неудачно: единственное связанное с ней событие — это падение (и без того невысокой) популярности к 2004 г., в результате чего показатель 2004 г. статистически значимо отстает от показателей всех предшествующих опросов.

Значимое снижение наблюдается и в половине из числа рассмотренных подмассивов. Примечательно, что в ряде подгрупп статистически значимого снижения *не* произошло. Это, во-первых, молодые мужчины и женщины, а также несколько профессионально-должностных групп — руководители, работники со средним специальным образованием и две полярные группы рабочих — рабочие высокой квалификации и неквалифицированные рабочие.

Популярность ценности *возможность чего-то достичь* в рамках всего массива заметно повысилась уже к 1995 г. и далее сохранялась примерно

на одном уровне, поэтому показатели второго и всех последующих опросов значимо превышают исходный показатель 1991 г. Итоговый сдвиг популярности этой ценности вверх в период с 1991 по 2004 г. характерен для всех 12 рассматриваемых подгрупп. Различаются же подгруппы тем, когда именно у них произошел этот сдвиг — к 1995 г. или позже. Если рассматривать отдельные демографические группы, то видим, что у женщин рост популярности этой ценности начался раньше, чем в двух подгруппах мужчин, а в группе женщин среднего возраста значимый скачок вверх имел место не только в начале 1990-х гг., но и в период с 1999 по 2004 г. Такой же двойной сдвиг вверх характерен и для работников со средним специальным образованием.

Популярность ценности *ответственная работа* в рамках всего массива значимо повысилась к 1999 г., а затем в течение следующего пятилетия снова опустилась к своим исходным 20%. Любопытно, что только 4 из рассматриваемых нами 12 подгрупп оказываются «мобильными» по данному показателю, т.е. только в 4 подгруппах зафиксированы статистически значимые различия между показателями разных лет. Сдвиг вверх от 1991 к 1999 г. наблюдался у молодых мужчин и рабочих средней квалификации, а снижение к 2004 г. — у тех же рабочих, а также у специалистов и женщин старшего возраста.

Ценность *не слишком напряженная работа* — единственная, по которой нет ни одного значимого отличия ни в рамках массива в целом, ни в каком-либо из 12 подмассивов.

Резюмируя дифференцированный анализ ценностной динамики в отдельных подмассивах, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство статистически значимых отличий между показателями опросов разных лет, которые имели место в рамках всего массива респондентов и касались интегральных ценностных индексов, а также отдельных трудовых ценностей, универсально воспроизводятся и во всех подвыборках, выделенных внутри этого массива.

2. Популярность ценности «работа, уважаемая широким кругом людей» с 1991 по 2004 г. менялась нелинейно (сначала росла, а потом снизилась), причем позднейшая тенденция является универсальной для всех подмассивов, а первоначальные изменения воспроизводятся только в небольшом числе подмассивов.

3. Применительно к ценности «ответственная работа», популярность которой в рамках всего массива с 1991 по 2004 г. также менялась нелинейно, обе тенденции не являются универсальными и воспроизводятся только в небольшом числе подмассивов.

4. Из того факта, что большинство описанных в настоящей статье ценностных изменений универсально воспроизводятся во всех (или

почти во всех) выделенных внутри массива подвыборках, можно заключить, что причины этих сдвигов не могут быть сведены к изменениям демографического или профессионально-должностного состава опрошенных от года к году, включая и межпоколенные культурные сдвиги. По меньшей мере, часть этих причин связана с социально-экономическими изменениями, одинаково воздействовавшими на представителей различных гендерных, возрастных, поколенческих и профессионально-должностных групп.

5. В тех менее многочисленных случаях, когда обнаруженные в рамках всего массива изменения воспроизводились только в некоторых из сформированных внутри него подмассивов, локализация этих изменений, их привязка к демографическим или профессионально-должностным характеристикам респондентов дает возможность конкретизировать предположения о причинах наблюдаемых ценностно-мотивационных сдвигов.

5. Заключение

По итогам сравнения массовых опросов, проведенных в 1991, 1995, 1999 и 2004 гг., можно сделать следующие основные выводы о динамике трудовых ценностей.

1. Установлено, что большинство трудовых ценностей российских работников претерпело за 14 пореформенных лет многочисленные изменения. Это свидетельствует о лабильности массовой трудовой культуры и не согласуется с многочисленными утверждениями о ее неподатливости изменениям. Большинство статистически значимых отличий между показателями опросов разных лет, которые имели место в рамках всего массива респондентов, универсально воспроизводятся и во всех подвыборках, выделенных внутри этого массива.

2. Обнаружены следующие статистически значимые итоговые изменения (*net changes*) популярности трудовых ценностей с 1991 по 2004 г.

Четыре ценности за 14 лет стали для россиян *более важными*: более часто люди стали относить к числу важных такие стороны работы, как хороший заработок, надежность работы, ее интересность, а также возможность достичь каких-то значимых результатов. Это как раз те ценности, которые в 2004 г. лидируют в трудовом сознании россиян.

Важность трех других ценностей *понижилась*: респонденты реже стали относить к числу важных аспектов работы большой отпуск, соответствие работы способностям и возможность инициативы.

И, наконец, важность еще трех ценностей, если сравнивать начало и конец рассматриваемого 14-летнего периода, *не изменилась*: уважение

к работе со стороны широкого круга людей, ее ответственность и не слишком высокая напряженность отмечались в 2004 г. не чаще и не реже, чем в 1991 г.

3. Те же изменения проявились и в динамике двух интегральных ценностных индексов, построенных на основе факторного анализа. За 14 лет у россиян *выросло* стремление к высокому, надежному и легкому заработку в ущерб ориентации на трудолюбие и не требующей немедленного вознаграждения самореализации (стратегия «комфортного материализма», факторный индекс II). И в то же время *резко возросла* ценность интересной (и усердной) работы в организации как способа обеспечить высокий заработок и надежную занятость при одновременном снижении ценности работы в организации как способа комфортного и бескорыстного времяпрепровождения (стратегия «энергичного материализма», факторный индекс III).

4. Обнаруженные ценностные сдвиги обусловлены двумя категориями процессов, происходивших в российской экономике в 1990-е и 2000-е гг. Это, во-первых, *запланированная реформаторами институциональная трансформация* — прежде всего, рыночные реформы и развитие нового для России частного сектора: разрушение прежних ограничений на активность и инициативу, снятие «потолков» заработка и достижений, освобождение труда и возникновение новых возможностей. Во-вторых, это *изменения экономической конъюнктуры*: сначала трансформационный спад 1990-х гг., появление безработицы, а также специфических для российского рынка труда способов адаптации (деградация многих рабочих мест и приближение занятых на них к состоянию, близкому к безработице, — за счет низкой зарплаты, ее задержек, незагруженности работой, вынужденных отпусков и вызванного всем этим снижения престижа соответствующих видов занятости), а затем экономический рост, в ходе которого у большого числа людей появилась возможность постепенно восстановить разрушенное материальное благополучие или добиться новых успехов.

Все это и определило ценностную повестку дня, характерную для рассматриваемого периода. Ее доминантами оказались базовые, «материалистические» потребности людей и две стратегии их удовлетворения — стратегия дозированных усилий («комфортный материализм») и (менее выраженная) стратегия энергичных, ориентированных на достижения действий («энергичный материализм»). Инициативная самореализация и личная ответственность остаются пока на периферии трудового сознания россиян, что резко отличает их от работников экономически развитых стран, входящих в «большую восьмерку».

Литература

1. *Андреевкова А.В.* 1994. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. №11. С. 73–81.
2. *Аузан А.А.* Договор-2008: критерии справедливости. 2006 <http://www.polit.ru/lectures/2006/05/18/auzan.html>
3. *Бергер П.* Капиталистическая революция: 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе/ Пер. с англ. Г.П. Бляблиной. — М.: Прогресс, 1994.
4. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Пер с нем. М.И. Левинной // М.Вебер. Избранные произведения. Пер. с немецкого под ред. Ю.Н. Давыдова. — Москва: Прогресс, 1990.
5. ВЦИОМ. Главное в работе — это зарплата // Пресс-выпуск №684. 26 апреля 2007 г.
6. *Гордон Л.А.* Времена и сроки демократических перемен: тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. №5. С. 17–23.
7. *Дубин Б.В.* О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития/ Т.И. Заславская (ред.). Вып. II. — М.: Московская школа социальных и экономических наук, 1995. С. 237–247.
8. *Дубин Б.В.* Молодежь и идеология сегодня // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии/ Т.И. Заславская и др. (ред.) Вып. IV. — М.: Интерцентр, 1997. С. 291–302.
9. *Капелюшников Р.И.* Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. — М.: ГУ-ВШЭ, 2001.
10. *Куприянова З.В.* Трудовая мотивация // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены 1993. №6. С. 32–36.
11. *Куприянова З.В., Хибовская Е.А.* Рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1994. №3. С. 16–22.
12. *Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. 2003. №6. С. 78–87.
13. *Магун В.С.* О взаимосвязях между значимостью различных потребностей и их удовлетворенностью // Вопросы психологии. 1978. №6. С. 86–93.
14. *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. — Л.: Наука, 1983 (См. Интернет-версию: <http://www.ecosman.edu.ru/db/msg/184520.html>).
15. *Магун В.С.* Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Т.И. Заславская (ред.). — М.: Московская школа социальных и экономических наук, 1993. Вып. II. С. 137–151.
16. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998а. Т. 3. №4. С. 113–144.
17. *Магун В.С.* Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество/ В.А. Ядов (ред.). — М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 430–448.
18. *Магун В.С.* Смена диапазона// Отечественные записки. 2003. №3. С. 260–278.

19. Магун В.С. Трудовые ценности экономически активного населения// Мы и они. Россия в сравнительной перспективе/ В.Мау, А.Мордашев, Е.Турунцев (ред.). — М.: Институт экономики переходного периода, 2005. С. 117–156.
20. Магун В.С., Гимпельсон В.Е. Стратегии адаптации рабочих на рынке труда // Социологические исследования. 1993. №9. С. 73–83.
21. Магун В.С., Литвинцева А.З. Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е годы. — М.: Институт социологии РАН, 1993.
22. Магун В.С., Энговатов М.В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985–2005 гг.) // Отечественные записки. 2006. №3. С. 76–96.
23. Найшуль В.А. Революция и справедливость. — М.: ОГИ, 2005.
24. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х // Под ред. Т.М. Малевой. — М.: Независимый институт социальной политики, 2007.
25. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 / В.С. Магун (ред.). — М.: Институт социологии РАН, 1998б.
26. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии / Пер. с англ. В.В. Румынского; под ред. Е.Н. Емельянова и В.С. Магуна. — М.: Аспект Пресс, 2000.
27. Соколов М. Наш российский электорат: как много дум наводит он // Коммерсантъ. №0. 1993. С. 5.
28. Федоров В.Ф. Фундаментализм и творческая свобода Российского Православия // Куда идет Россия?. Общее и особенное в современном развитии/ Т.И. Заславская и др. (ред.). М.: Интерцентр, 1997. Вып. IV. С. 353–359.
29. Хахулина Л. Труд в системе жизненных ориентаций российского населения // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. №5 (85). 2006. С.28–37.
30. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность/ Пер. с нем.; под ред. Б.М. Величковского. — М.: Педагогика. 1986. Т. 1.
31. Чайковская Н.В., Эйдельман Я.Л. Трудовая мотивация работников промышленности: структура и динамика// Общество и экономика. 2000. №11–12. С. 104–117.
32. Шмерлина И. О трудовых ценностях и привычке к работе. (Заметки по материалам текущих исследований)// Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений. 2007. №4. С.46–66.
33. Эткинд А.М. Эмоциональные компоненты самоотчетов и межличностных суждений// Вопросы психологии. 1983. №2. С. 106–112.
34. Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей. — М.: ГУ — ВШЭ, 2003.
35. Abbott A. The New Occupational Structure. What Are the Questions// Working in America. Continuity, Conflict, and Change/A.S. Wharton (ed.). — Mountain View, Ca.: Mayfield Publishing Company, 1998.
36. Alwin D. Cohort Replacement and Changes in Parental Socialization Values// Journal of Marriage and the Family. 1990. Vol. 52 (May). P. 347–360.
37. Alwin D., Scott J. Attitude Change: Its Measurement and Interpretation Using Longitudinal Surveys// Understanding Change in Social Attitudes/ B. Taylor, K. Thomson (eds.). — Aldershot: Dartmouth, 1996.

38. *Alwin D.F., Krosnick J.A.* Aging, Cohorts, and the Stability of Sociopolitical Orientations over the Life Span// *American Journal of Sociology*. 1992. Vol. 97. №1. P. 169–195.
39. *Brym R.* The Ethic of Self-Reliance and the Spirit of Capitalism in Russia // *International Sociology*. 1996. Vol. 11. №4. P. 409–426.
40. *Edwards A.L.* The Social Desirability Variable in Personality Assessment and Research. — New York: Dryden, 1957.
41. *Gimpelson V., Lippoldt D.* The Russian Labour Market: between transition and turmoil. — London: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2001.
42. *Halaby Ch. N.* Where Job Values Come from: Family and Schooling Background, Cognitive Ability, and Gender // *American Sociological Review*. 2003. Vol. 68. №2. P. 251–278.
43. *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press, 1997.
44. *Inglehart R., Baker W.E.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values// *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65. №1. P. 19–51.
45. *Lerner M.J.* The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. — New York: Plenum, 1980.
46. *Magun V.S.* Labor Culture// *Russian Culture in Transition: Paradoxes of Postcommunist Consciousness/ D.Shalin (ed.)*. — Boulder, Co: Westview Press, 1996. P. 279–297.
47. *Maslow A.H.* Motivation and Personality. Sec. ed. — NY: Harper & Row, 1970.
48. *McClelland D.C.* The Achieving Society. — Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1961.
49. *Steven H., Piliavin J.* Values: Reviving a Dormant Concept// *Annual Review of Sociology*. 2004. P. 359–393.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ

---

*Синявская О. В.,
Гладникова Е. В.*

Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями¹

Взрослые дети и их родители: тема для социальной политики

Взаимоотношения с родителями остаются одним из самых важных контактов взрослого человека. На характер этих отношений на протяжении всей жизни влияет множество факторов микро- и макроуровня. Для отдельного взрослого человека его контакты с родителями, взаим-

---

¹Статья подготовлена в рамках проектов «Социальная политика в отношении современной семьи в контексте преобразования семьи и семейных отношений — эмпирические данные по двум странам ЕС и двум новым независимым государствам — интеграция ЕС и его новых ближайших соседей» (грант INTAS) и «Изучение демографического поведения французов в межстрановом сравнительном контексте, ECODEF/CI», ANR в 2007–2008 гг.

Первый вариант этой статьи был опубликован в электронном еженедельнике Демоскоп-Weekly №287–288, 30 апреля — 20 мая 2007 г.: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0287/index.php>.

Авторы выражают искреннюю признательность С.В. Захарову, Т.М. Малевой, Л.Н. Овчаровой и С.В. Шишкину за их советы и предложения по доработке материала.

ная поддержка друг друга будут меняться в зависимости от проживаемого им этапа жизни, состава семьи (его и родительской), отношений в семье во времена его детства, личных установок в отношении межпоколенной поддержки, социально-экономического положения домохозяйства и его родителей и пр. Но одновременно на эти отношения будут влиять параметры макросреды, характеризующие экономическое и социальное развитие страны, — уровень урбанизации, экономического развития, широта охвата и патернализм социальной политики, доступность социальных услуг по уходу за детьми, больными и стариками.

В развитых странах старение населения приводит к изменению экономического баланса между поколениями. Вместе со старением населения увеличивается и доля в нем хронически больных и инвалидов. Между тем государство вынуждено сокращать удельные (т. е. приходящиеся на одного пожилого) размеры поддержки. В этих условиях традиционная помощь старшему поколению внутри семьи — эмоциональная, инструментальная и финансовая — чрезвычайно важна.

В современной России государственные финансовые трансферты в большей степени направлены на материальную поддержку пожилых (через перераспределение средств в пенсионной системе), тогда как социальные услуги развиты недостаточно. Сохраняются и даже увеличиваются очереди в детские дошкольные учреждения, частные же услуги по уходу за детьми (няни, частные детские сады, развивающие центры и пр.) остаются недоступными для большинства населения. Еще хуже обстоит дело с услугами по уходу за больными и пожилыми: здесь основная нагрузка падает на саму семью. Как в этих институциональных условиях выстраиваются отношения между поколениями? Какое влияние на них оказывают факторы микроуровня — индивидуальные и домохозяйственные характеристики взрослых детей и их родителей?

Эти вопросы изучаются нами на основе данных обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РИДМиЖ), проведенного летом 2004 г. В данном исследовании нас интересовали только те респонденты, которые живут отдельно от родителей, причем оба родителя живы. Проанализируем выборку, состоящую из 2311 респондентов в возрасте 18–59 лет².

Идея данной статьи позаимствована у наших французских коллег из Национального института демографических исследований, которые впервые на данных обследования, аналогичного РИДМиЖ, проанализировали факторы, влияющие на то, как часто взрослые

---

² Верхняя возрастная граница установлена с учетом того, что у респондентов 60 лет и старше практически не осталось живых родителей.

дети во Франции видят своих родителей³. Поскольку французское и российское обследования выполнены по единой методике и содержат одни и те же вопросы, проанализируем, чем Россия в данном вопросе может отличаться от Франции. Проект сравнительных исследований еще не завершен, поэтому в этой работе мы приводим сравнения с Францией лишь как иллюстрацию некоторых аспектов изучаемой темы.

Речь прежде всего пойдет о такой характеристике отношений между взрослыми детьми и их родителями, как частота их встреч друг с другом. Она оценивалась на основе ответов на следующие вопросы: «*Как часто Вы видите с Вашей матерью?*» и «*Как часто Вы видите с Вашим отцом?*». Аналогичные вопросы о том, как часто сам респондент видится с каждым из своих детей, живущих отдельно, пока не исследованы. Таким образом, наш анализ опирается на ответы взрослых детей и, по сути, описывает только две пары отношений: «дети — матери» и «дети — отцы»⁴.

Большинство взрослых детей живут отдельно от родителей, но поддерживают контакты с ними

Первый интересующий нас вопрос был связан с тем, насколько тесны отношения взрослых детей и их родителей в современной России. Распространено мнение, что в результате действия процессов индустриализации и урбанизации, приведших к нуклеаризации семей, прежде сильные межсемейные и межпоколенные отношения утратили свое значение [см., например, Shanias, 1979]. Однако многие западные эмпирические исследования доказывают, что это неверно, в частности данные свидетельствуют о высокой интенсивности контактов между родителями и их взрослыми детьми⁵.

Несмотря на то, что в России многопоколенные, расширенные семьи по-прежнему распространены больше, чем в странах Северной и Западной Европы, большинство российских семей является нуклеарными (с детьми или без детей). Согласно Всероссийской переписи

---

³ Régnier-Loilier A. How often do adult children see their parents?// Population & Societies. 2006. №427. October. http://www.ined.fr/en/resources_documentation/publications/pop_soc/bdd/publication/1211.

⁴ Мы отдаем себе отчет, что представленная картина страдает как неполнотой информации, поскольку мы не знаем всех возможных отношений каждого из родителей с каждым из взрослых детей, так и определенной смещенностью, поскольку ответы детей и ответы родителей на один и тот же вопрос о частоте встреч могут быть различными [Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет./ Под ред. О. Б. Божкова. — СПб.: Алетейя, 2006].

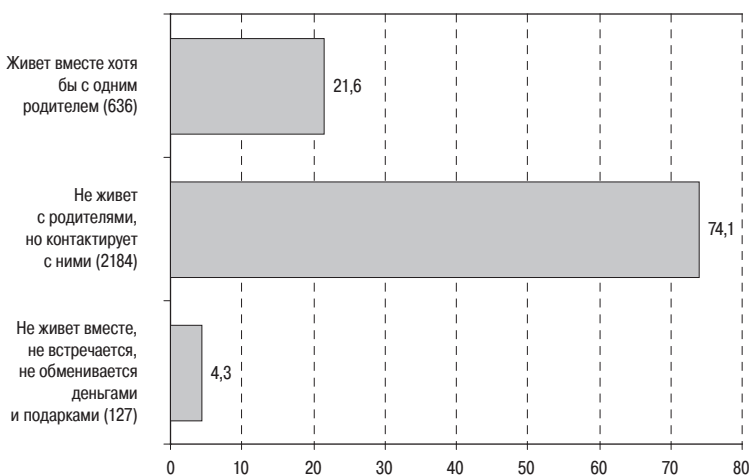
⁵ Хороший обзор западных эмпирических работ представлен в: [Mancini, Blieszner, 1989; Allen, Blieszner, Roberto, 2000].

населения 2002 года 81,4% домохозяйств состоят из одного взрослого или супружеской пары с детьми или без детей до 18 лет.

По данным РидМиЖ, почти 3/4 респондентов, оба родителя которых живы, не живут вместе хотя бы с одним из них, но контактируют с ними; около 22% живут хотя бы с одним из родителей; и только более 4% не включены ни в личные встречи, ни в обмен денежными ресурсами с родителями (рис. 1), хотя они имеют с ними другие контакты, например, созваниваются или списываются.

Рисунок 1

Формы взаимоотношений взрослых детей и их родителей (оба родителя живы), %.
В скобках приведено абсолютное число ответов

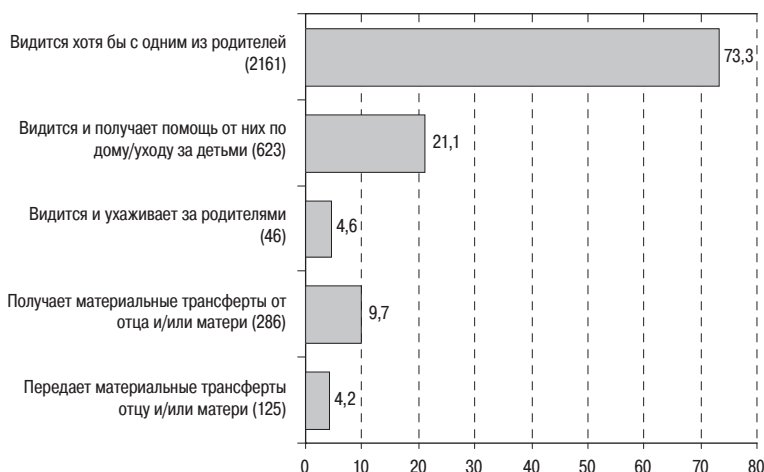

Источник: здесь и далее, если не указано иное, данные РидМиЖ (2004)

В целом же отношения между поколениями в России остаются достаточно тесными и разнообразными. Наиболее распространенной формой контактов остаются личные встречи. Пятая часть опрошенных получает от родителей помощь в работе по дому и уходу за маленькими детьми, но лишь менее 5%, в свою очередь, ухаживают за родителями. Каждый девятый, хотя и не встречается с родителями, все же обменивается с ними деньгами и подарками (рис. 2). Таким образом, можно утверждать, что межпоколенные взаимодействия продолжают играть важную роль для их участников, в том числе в силу значимости экономического обмена, которым они сопровождаются⁶.

⁶ Аналогичная точка зрения высказывается в следующей работе: [Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год, 2002]. См. также: [Чернов, Евграфова, 2002].

Формы взаимоотношений взрослых детей с родителями (оба родителя живы), когда они не живут вместе, %. В скобках приведено абсолютное число ответов

Дети покидают родительский дом раньше, чем 40 лет назад

Как показал РИДМИЖ, около половины российских юношей и девушек к 20 годам приобретают первый опыт проживания отдельно от родителей в течение не менее 3 месяцев. А к 25–30 годам их доля увеличивается более чем до 80% (рис. 3). Средний возраст ухода из родительского дома современной 30-летней российской женщины составил 19,2 года, а 30-летнего мужчины — 20,4 года⁷ (рис. 4).

По сравнению с поколением 1920–1930-х годов рождения, каждое последующее поколение в среднем покидало родителей во все более молодом возрасте (рис. 4). Более явно эта тенденция выражена для женщин, у которых не только средний, но и медианный возраст ухода из родительского дома снижались в когортах 1940–1964 годов рождения (рис. 4). Начиная с когорт 1940-х годов рождения российские женщины покидают родительский дом раньше мужчин.

По сравнению с Францией первое выделение из родительской семьи происходит в России почти на 2–3 года раньше. Там, по данным обследования, аналогичного РИДМИЖ, средний возраст ухода 30-летней женщины из родительского дома составил 22 года; а 30-летнего мужчины — 22,5 года [Régnier-Loilier A., 2006]. Разрыв с большинством других

⁷ Возрастная граница в 30 лет была выбрана потому, что к этому возрасту абсолютное большинство людей уже приобретают первый опыт жизни отдельно от родителей.

Рисунок 3

Примечание. Респонденты в возрасте 18–79 лет.

Рисунок 4

Примечание. Респонденты в возрасте 30–79 лет, отделившиеся от родителей в возрасте 14–29 лет.

стран Западной Европы еще больше⁸. Применительно к мужчинам это можно объяснить сохранением в России практики призыва на срочную воинскую службу начиная с 18-летнего возраста, но в отношении российских женщин таких институциональных факторов не существует.

Все чаще уход из родительского дома коррелирует с созданием первого партнерского союза

С точки зрения характеристики общественного развития, важно, по какой причине происходит выделение из родительской семьи. Связан ли такой уход с началом самостоятельной жизни вне брака или же когда-то от родителей уходят к мужу (а в наше время и к жене)? Иными словами, как возраст отделения от родителей соотносится с возрастом создания первого партнерского союза (формального брака или неформального сожительства)?

Отмеченное выше снижение от поколения к поколению возраста «выделения» из родительского дома было в значительной степени связано с тем, что все большее количество молодых людей уезжали работать или получать образование за пределы населенного пункта, в котором жили их родители. Следовательно, можно было ожидать, что доля детей, которые уходят из родительской семьи и не вступают в течение следующего за отделением года в партнерский союз, должна была бы увеличиваться. Наши ожидания подкреплялись тем, что именно такая тенденция была обнаружена во Франции, где аналогичный анализ был проведен раньше⁹.

Реальные тенденции оказались прямо противоположными: удельные веса тех, чьи партнерские союзы образовались до или в течение первого года после выделения из родительского дома, возрастают от когорты к когорте и для женщин, и для мужчин (рис. 5). В поколении 1930–1934 годов рождения 38% мужчин и 53% женщин, покинувших родительский дом, начали жить вместе с партнером до этого события или в течение первого года после. В поколении 1970–1974 годов рождения таких было уже 52% мужчин и 65% женщин. Эти показатели соответствуют тому, что наблюдалось во Франции в когорте 1931–1935 годов рождения (40% мужчин и 65% женщин начали жить вместе с партнером в первый год после выделения из родительской семьи), когда заключение брака представлялось почти единственной легитимной возможностью покинуть родительский дом. В современной же Франции такое совпадение двух

---

⁸ По данным, которые приводит в статье И.Палилова, опубликованным в журнале Focus в 2002 г., наименьший медианный возраст ухода из родительской семьи наблюдался в Дании (20,3 лет женщины и 21,4 года мужчины), а наибольший — в Италии (соответственно 27,1 и 29,7 лет) [Палилова, 2003].

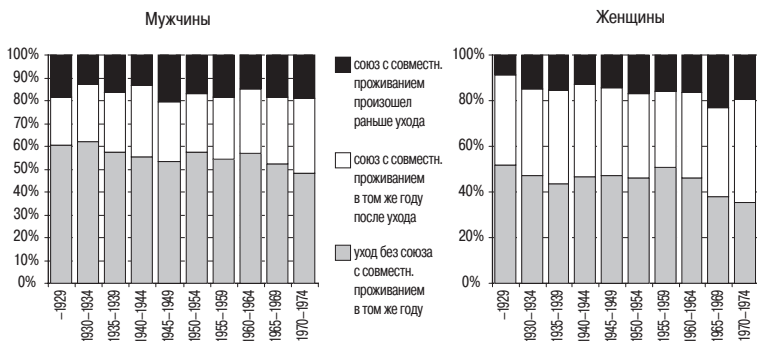
⁹ A. Régnier-Loilier (2006).

рассматриваемых событий во времени характерно лишь для 24% мужчин и 44% женщин¹⁰.

Впрочем, наблюдаемая в России тенденция выглядит вполне объяснимо, если вспомнить о том, что в послевоенные десятилетия и вплоть до начала 1990-х гг. происходило существенное омоложение лиц, вступивших в первый формальный или неформальный партнерский союз, в том числе с совместным проживанием¹¹. Поскольку женщины образуют партнерство в более ранних возрастах, чем мужчины, неудивительно, что они не только раньше отделяются от родителей, но и чаще, в 2/3 случаев, образуют при этом (или еще до отделения) партнерские союзы (рис. 5). Свою роль могло сыграть и снижение образовательной мобильности, произошедшее после начала экономической трансформации в 1990-е гг. и затронувшее когорты 1970—1979 годов рождения. Все больше детей продолжали профессиональное образование, оставаясь с родителями, но при этом раньше, чем их родители, начинали жить с партнерами, отсюда — рост доли первых уходов из родительской семьи по причине создания партнерства.

Рисунок 5

Куда уходят взрослые дети? Соотношение времени ухода из родительского дома и вступления в первый партнерский союз с совместным проживанием

Примечание. Респонденты в возрасте 30–79 лет, отделившиеся от родителей в возрасте 14–29 лет.

Полученные результаты согласуются с выводами других исследователей, фиксирующими модель отношений, при которой взрослые дети остаются в родительской семье до замужества, причем часто не

¹⁰ В отличие от России во Франции доля тех, кто начал совместное проживание с партнером до ухода из родительского дома, не превышала 10% во всех обследованных когортах [Régnier-Loilier A., 2006].

¹¹ *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака.// Демоскоп-Weekly. 2006. Март. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1.

только по экономическим или жилищным мотивам [Палилова, 2003]. В числе причин, препятствующих началу самостоятельной жизни без родителей и партнера (супруга) самими родителями и их выросшими детьми называются и необходимость помогать родителям и ухаживать за ними, и неготовность «детей» к самостоятельной жизни, страх одиночества [Палилова, 2003]. Таким образом, можно предположить, что в современной России проживание отдельно от родителей обусловлено либо учебой или службой в армии, либо образованием партнерства с совместным проживанием (вступлением в брак). Причем в последнем случае не обязательно, что взрослые дети живут самостоятельно: может иметь место уход из своей родительской семьи в семью родителей партнера.

Взрослые дети и их родители обычно живут поблизости и видятся часто

Учитывая то, что около половины случаев выделения из родительской семьи почти совпадают по времени с образованием партнерского союза и часто, видимо, обусловлены этой причиной, закономерно то, что примерно четверть респондентов живет на расстоянии менее 15 минут от своих родителей, а почти 80% — на расстоянии не более 1 часа.

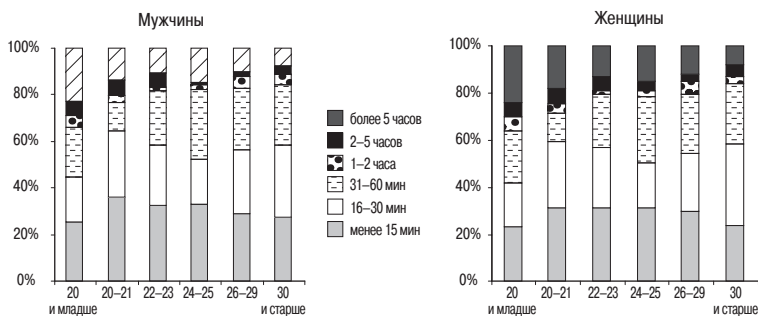
Любопытно, что расстояние между домами взрослых детей и их родителей зависит от возраста ухода из родительского дома: чем позже дети отделяются, тем ближе живут (*рис. 6*). Причем гораздо чаще других живут очень далеко (более чем в 5 часах) от родительского дома респонденты, покинувшие родителей в возрасте до 20 лет. Скорее всего, в этой категории больше тех, кто уехал от родителей в связи с учебой или службой в армии в другом городе или даже регионе. Те же, кто начинают самостоятельную жизнь позднее, по-видимому, чаще уходят из-за вступления в партнерские отношения, создания собственных семей (обычно в том же населенном пункте).

В России взрослые дети, отделившиеся от родителей в возрасте старше 20 лет, живут дальше от них, чем во Франции. Это неудивительно, учитывая размеры российской территории. Среди французов, покинувших родительский дом в 26–29-летнем возрасте, 35% живут на расстоянии свыше 30 минут [Régnier-Loilier A., 2006], тогда как россияне, находящиеся в аналогичной ситуации, порядка 44–45%. Тем более интересно, что для выделившихся относительно рано — до 20 лет, различий по данному показателю между Россией и Францией почти не наблюдается. В обеих странах свыше 50% представителей этой группы живут на расстоянии от родителей в более получаса езды.

Но вот сравнение с исследованиями в США (хоть и не такое чистое, поскольку методика исследований различна) позволяет предположить,

Рисунок 6

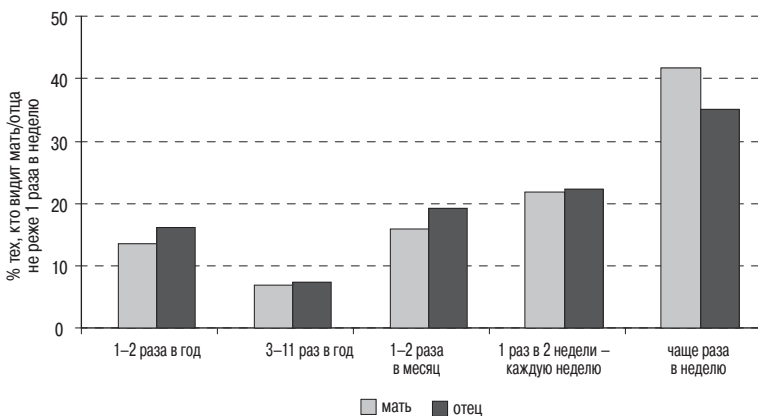
**Расстояние между взрослыми детьми и их родителями
в зависимости от возраста ухода из родительского дома**

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, проживающие отдельно от последних.

Рисунок 7

Распределение респондентов по частоте встреч с матерью и отцом

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, проживающие отдельно от последних

что в России взрослые дети и их родители живут намного ближе друг к другу. Во всяком случае, по данным обследования межпоколенческих связей, проведенного в 1990 г. Американской ассоциацией пенсионеров, в пределах не более 1 часа езды от своих родителей живут около 50% взрослых американцев [Lawton et al., 1994a; цит. по Lye D.N., 1996], тогда как, по данным РидМиЖ, на таком же расстоянии живут порядка 70% взрослых россиян.

Проживание на близком расстоянии друг от друга предопределяет высокую интенсивность контактов между взрослыми детьми и их ро-

дителями. Чаще одного раза в неделю отца видит треть респондентов, мать — 40% (рис. 7). Более частые встречи с матерью, чем с отцом характерны практически для всех групп респондентов (дифференцированных по полу, возрасту, типу поселения и пр.).

Что влияет на частоту встреч взрослых детей с родителями?

Понятно, что одним из наиболее весомых факторов, влияющих на частоту встреч¹² родителей и детей, выступает временная доступность родителей: чем меньше времени приходится затрачивать на поездку друг к другу, тем чаще взрослые дети видятся со своими родителями. Далеко проживающие друг от друга родственники, какими психологически близкими ни были их отношения, могут встречаться друг с другом, лишь преодолевая временные и финансовые ограничения. Рис. 8 показывает, что перелом в частоте встреч наступает при расстоянии 1 часа езды: как только расстояние между родителями и детьми превышает этот порог, частота встреч сокращается более чем в 3 раза¹³.

Психологическая близость родителей и детей определяет желание видаться и также влияет на частоту встреч¹⁴. Обследование не содержит прямых вопросов о тесноте отношений, но она может быть измерена косвенно — через возраст покидания родительского дома и то, с кем из родителей жил респондент в возрасте 15 лет.

Неудивительно, что чем позже респондент уходит от родителей, тем чаще он потом с ними встречается (рис. 9). Особо выделяется группа людей, покинувших родительский дом до 17 лет включительно: они в 1,5–2 раза реже остальных видятся и с отцом, и с матерью. Конечно, отчасти это связано с тем, что среди этой категории респондентов больше тех, кто живет далеко от своих родителей (рис. 6). Но, даже контролируя влияние расстояния (рис. 15, 16), мы обнаруживаем, что ранний уход из родительского дома значимо снижает частоту встреч.

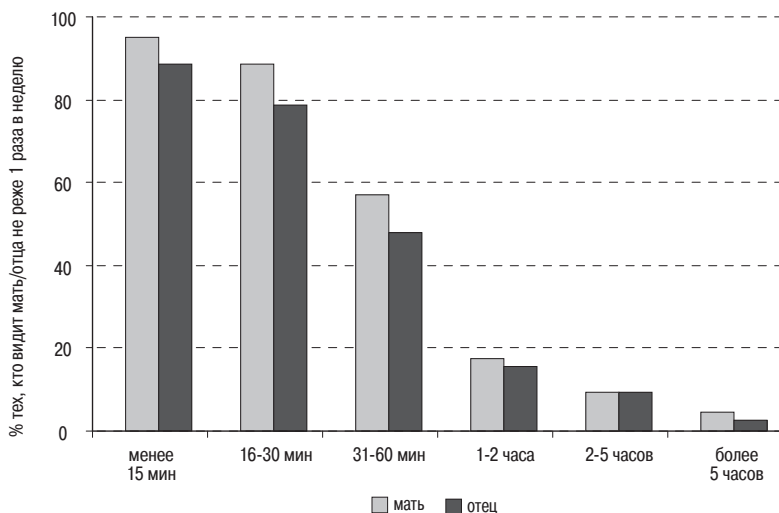
¹² Учитывая, что почти половина респондентов видит своих родителей не реже одного раза в неделю, мы взяли неделю в качестве пороговой величины, отделяющей редкие встречи с родителями (реже 1 раза в неделю) от частых (1 раз в неделю и чаще). Далее мы будем оперировать только этим показателем, говоря о частоте (или интенсивности) встреч.

¹³ Результаты одного из американских исследований также показывают, что проживание на расстоянии одного часа значимо положительно влияет на частоту встреч и с матерью, и с отцом [Lawton, Silverstein, Bengston, 1994].

¹⁴ Впрочем, результаты американского исследования, изучающего взаимосвязь между частотой встреч и эмоциональной близостью (измерялась прямым вопросом респонденту о близости отношений), показали, что эти показатели зависимы только для отношений между матерью и ребенком, тогда как между ребенком и отцом этого не наблюдается. Исследователи делают вывод, что частые контакты с матерью являются следствием близости с ребенком и усиливают последнюю; контакты с отцом же носят скорее инструментальный характер — необходимость в помощи и пр. [Lawton, Silverstein, Bengston, 1994].

Рисунок 8

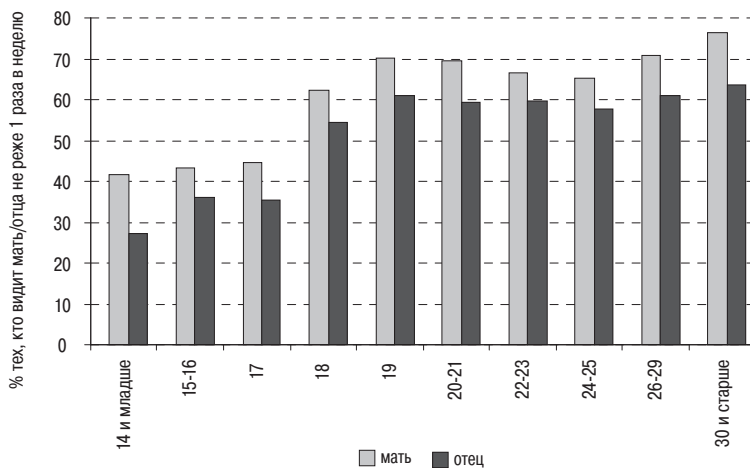
Частота встреч респондентов со своими родителями в зависимости от времени, затрачиваемого на поездку друг к другу

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, а также проживающие отдельно от последних.

Рисунок 9

Частота встреч респондентов со своими родителями в зависимости от возраста респондента, уходящего из родительского дома

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, а также проживающие отдельно от последних.

Еще заметнее на частоту встреч влияет то, с кем из родителей респондент жил в детстве (в возрасте 15 лет), т.е. с кем проходила его социализация (рис. 10). Если ребенок рос в семье с обоими родителями, он видится с ними почти с одинаковой частотой. Но если его воспитывала одна мать, контакты с отцом практически теряются¹⁵, а встречи с матерью становятся интенсивнее. Интересно, что, даже если в возрасте 15 лет ребенок жил отдельно от матери и отца (с бабушкой, дедушкой, другими родственниками и пр.), став взрослым, он продолжает поддерживать отношения и видется с матерью почти так же часто, как и дети из полных семей, а с отцом контакты остаются редкими¹⁶.

Рисунок 10

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, а также проживающие отдельно от последних.

Тенденции, представленные на рис. 9 и 10, подтверждают предсказания теории обмена¹⁷, интерпретирующей отношения между поколениями в терминах «реципрокности» (взаимообмена)¹⁸. Реципрокность

¹⁵ Отдаление отцов от детей происходит почти сразу после развода родителей [Прокофьева, Валетас, 2001], поэтому редкие встречи с ним взрослых уже детей являются следствием ранее наступившего охлаждения отношений.

¹⁶ Случаев, когда респондент воспитывался одним отцом, в нашей выборке немного, однако данные аналогичного исследования во Франции доказывают, что, даже если ребенок воспитывался без матери отцом или другими родственниками, он в дальнейшем видится с ней не намного реже, чем дети, воспитанные только матерью или обоими родителями [Régnier-Loilier A., 2006].

¹⁷ Подробнее о теориях, объясняющих отношения между поколениями, см. Луе (1996).

¹⁸ Мы используем здесь введенный К.Поланьи и прочно вошедший в научный язык российской социологии термин, который может быть определен следующим образом: «Взаимообмен дарами между членами социальной горизонтальной сети представляет собой особый тип социальной интеграции — реципрокность (reciprocity)» [Барсукова, 2004].

отношений подразумевает, что недополученное внимание и поддержка со стороны родителей, в силу ли их развода или более раннего выделения из родительской семьи, компенсируется недостаточным вниманием взрослых детей к своим родителям, особенно к отцам, живущим отдельно. С позиций гендерных трактовок межпоколенных отношений более редкие встречи с отцом можно объяснить тем, что именно женщины остаются хранительницами и держателями родственных уз и контактов между членами семьи. Следовательно, мужчина после развода оказывается исключенным из прежних родственных отношений и, как правило, не готов и не может поддерживать их самостоятельно¹⁹.

Еще один фактор, влияющий на частоту встреч взрослых детей с родителями, — ценностные установки детей на взаимопомощь поколений. С целью изучения этого фактора респондентам было предложено высказать согласие или несогласие с двумя группами утверждений. Утверждения первой группы касались отношения к тому, насколько и чем старшее поколение должно помогать младшему, второй — к тому, какой должна быть помощь младшего поколения старшему²⁰.

Анализ ответов показал, что дети, которые видятся со своими родителями (особенно с отцом) чаще, чем раз в неделю, в целом больше ориентированы на взаимопомощь поколений (*табл. 1*). Если допустить, что ценностные ориентации и установки меняются в течение жизни человека медленнее его поведения и формируются в довольно раннем возрасте, полученные результаты свидетельствуют о том, что ориентация на сильную межпоколенную поддержку увеличивает частоту встреч родителей и их взрослых детей.

---

¹⁹ В западных эмпирических исследованиях чаще рассматривается зависимость контактов с родителями от того, живут ли вместе родители в настоящий момент (а не в детстве), однако результаты схожи. В целом разведенные родители реже встречаются со своими детьми, чем женатые. Однако женщины, повторно вышедшие замуж, имеют более тесные отношения с детьми, чем женщины-одиночки; тогда как для повторно женившихся отцов это не выполняется — их контакты с детьми слабее. [White, 1994]. Другие исследования также показывают, что повторно женатые родители в целом реже видят своих детей, по сравнению с женатыми впервые [Lye, Klepinger, Hyle, Nelson, 1995; Lawton, Silverstein, Bengston, 1994], хотя для отца этот негативный эффект значительно выше, чем для матери [Lawton, Silverstein, Bengston, 1994].

²⁰ Возможные варианты помощи охватывали альтернативы от заботы, денежной помощи до изменения графика работы, жизни, совместного проживания. Ответы ранжировались по шкале от 1 «полностью согласны» до 5 «совсем не согласны». В первый блок входило три утверждения, во второй — пять. Учитывая относительно высокую согласованность ответов (Cronbach's $\alpha = 0,702$ для первого индекса и Cronbach's $\alpha = 0,637$ для второго), мы построили два индекса, суммировав ответы на каждое утверждение из названных блоков. Диапазон значений первого индекса мог варьировать между 3 (полное согласие со всеми утверждениями) и 15 (полное несогласие со всем), второго индекса — между 5 и 25. Среднее значение первого индекса в нашей подвыборке составило 7,1, второго — 11,2. Коэффициент корреляции Пирсона между двумя индексами оказался равен 0,337 (значимость на уровне 1%).

**Установки респондентов в отношении взаимопомощи поколений
в зависимости от частоты встреч с матерью или с отцом**

	Респондент видит родителей	
	реже 1 раза в неделю	1 раз в неделю или чаще
	<i>Степень согласия с тем, что родители (и бабушки, дедушки) должны помогать детям (и внукам) [min — 3; max — 15]</i>	
мать	7,32 ²	7,11 ²
отца	7,36 ³	7,04 ³
	<i>Степень согласия с тем, что дети должны помогать престарелым (нуждающимся) родителям [min — 5; max — 25]</i>	
мать	11,32	11,19
отца	11,34	11,17
	<i>Степень согласия с тем, что старшие и младшие поколения должны помогать друг другу [min — 8; max — 40]</i>	
мать	18,64 ¹	18,30 ¹
отца	18,69 ³	18,21 ³

Примечания. 1. Различия в установках между теми, кто видится с матерью или отцом реже 1 раза в неделю и не менее 1 раза в неделю по t-критерию для двух независимых выборок значимы на ³ — 1-процентном уровне; ² — 5-процентном уровне и ¹ — 10-процентном уровне. 2. Фильтр: респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родных родителя которых живы, а также проживающие отдельно от последних.

Однако нельзя не отметить, что выявленные различия значимы только для установок в отношении помощи, которую должны оказывать родители детям, но не наоборот. Это можно объяснить, с одной стороны, тем, что реальные трансферты между поколениями в силу разных причин, включая низкую продолжительность жизни и непродолжительное пребывание в пожилых и старческих возрастах, направлены от старших к младшим.

С другой стороны, данные обследования РидМиЖ показывают, что степень согласия с тем, что дети должны помогать престарелым и нуждающимся родителям выше, чем с тем, что помощь должна поступать от родителей детям. Более того, 56% респондентов из нашей подвыборки согласны с тем, что дети должны организовать свою работу так, чтобы она не мешала им заботиться о престарелых родителях. А 68% согласны с тем, что дети должны жить вместе с престарелыми родителями, когда те уже не могут сами ухаживать за собой²¹.

Можно высказать предположение, что отсутствие значимых различий в установках относительно помощи детей родителям между теми, кто видится с родителями редко и часто, связано с тем, что взрослые

²¹ Во всей выборке РидМиЖ согласных с данными утверждениями соответственно 58 и 70%.

дети, чьи родители вследствие возраста или состояния здоровья нуждаются в помощи и уходе, съезжаются с ними и, соответственно, не попадают в нашу подвыборку. Но эта гипотеза нуждается в проверке.

Реже видятся с родителями наименее и наиболее образованные дети, а также горожане по сравнению с сельскими жителями

Анализ влияния ценностных ориентаций, отражающих представления респондента о межпоколенных отношениях на контакты взрослых детей с их родителями, может быть расширен за счет изучения связи частоты таких контактов с уровнем образования и поселенческими характеристиками респондентов.

Начнем с уровня образования, который часто используется в качестве переменной, аппроксимирующей консерватизм установок человека: считается, что менее образованные люди отличаются более традиционными ценностями, в том числе представлениями о необходимости тесных взаимоотношений поколений. С другой стороны, отношения с родителями в группе лиц с высшим образованием могут быть более глубокими и близкими и поэтому также интенсивными.

Наши данные подтверждают, что образование респондента значительно влияет на интенсивность межпоколенных контактов, однако оно нелинейно: и высокий, и низкий уровень образования снижают вероятность частых встреч с родителями, начальное профессиональное образование, напротив, повышает ее (рис. 11)²². Снижение частоты встреч при повышении уровня образования от начального к высшему профессиональному вполне укладывается в вышепредложенную схему объяснения. Однако если мы проконтролируем воздействие всех других факторов, то обнаружим, что значительно отрицательно на частоту встреч и с матерью, и с отцом влияет только отсутствие полного среднего школьного образования (рис. 15, 16). В нашей подвыборке, включающей респондентов моложе 60 лет, отсутствие полного среднего школьного и любого профессионального образования свидетельствует об определенной маргинальности. В этой группе может быть больше людей из неблагополучных семей, а также демонстрирующих асоциальное поведение. Все вместе это может вести к снижению контактов между родителями и детьми.

Другой косвенной характеристикой степени традиционализма респондента выступает проживание в сельской местности, где родственные связи играют большую роль. Данные РиДМиЖ подтверждают, что

---

²² Различия в частоте встреч в зависимости от уровня образования по критерию χ^2 значимы только для встреч с матерью (при уровне значимости 0,01), но незначимы для встреч с отцом.

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родителя которых живы, проживающие отдельно от последних.

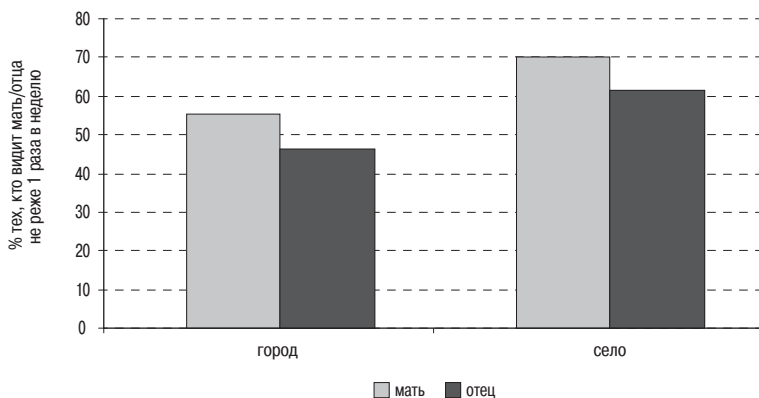
взрослые дети, живущие на селе, по сравнению с горожанами чаще видятся и с отцом, и матерью (рис. 12)²³. Однако большая частота личных контактов скорее всего связана с тем, что на селе родители и дети живут ближе друг к другу, поскольку при контроле влияния других факторов различия между городом и селом в частоте встреч как с матерью, так и с отцом исчезают (рис. 15, 16). И действительно, около 2/3 сельских респондентов живут на расстоянии не более 30 минут от своих родителей, тогда как среди горожан таковых 40%.

Два возрастных пика активных контактов с родителями

Очевидно, что отношения между родителями и детьми меняются в зависимости от того, какой этап жизненного цикла проживает каждое поколение. Кроме того, женщины и мужчины играют разные роли в этих отношениях. Поэтому интенсивность встреч с родителями будет варьировать в зависимости от пола и возраста респондента. Зная, что женщины больше включены в поддержание родственных связей и помощь по уходу (за больными родственниками, престарелыми родителями, детьми и внуками), можно было бы предположить, что они

²³ Следует, однако, отметить, что не все респонденты, проживающие в селе, имеют родителей, живущих в том же селе или даже в сельской местности вообще. По данным обследования, каждый десятый сельчанин живет на расстоянии свыше 5 часов езды от своих родителей.

**Частота встреч респондентов со своими родителями
в зависимости от типа поселения**

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родителя которых живы, проживающие отдельно от последних.

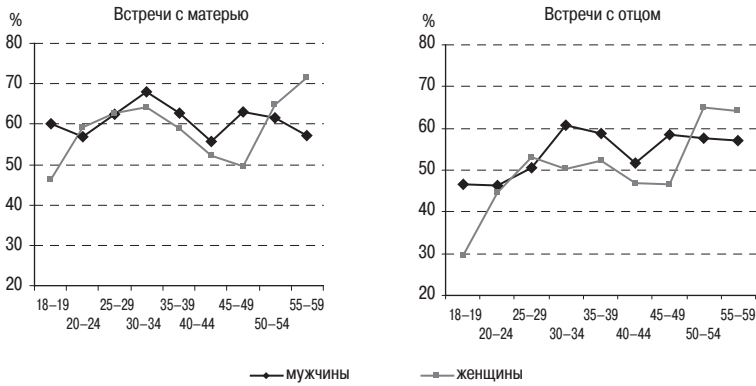
должны чаще видятся с обоими родителями или хотя бы с матерью²⁴, но наши данные не подтвердили этого. Напротив, в целом мужчины немного чаще видят своих родителей, чем женщины, особенно это касается отца (*рис. 13*)²⁵. Женщины начинают опережать мужчин по частоте встреч только в возрасте старше 50 лет, когда их родители уже достигают преклонных лет. Но при условии контроля других факторов различия во встречах с родителями между мужчинами и женщинами исчезают (*рис. 15, 16*), что отличает Россию от Франции, где женщины значимо чаще видятся с матерью.

Как и ожидалось, отца, в среднем, взрослые дети видят реже, чем мать. Во встречах с обоими родителями наблюдается два пика, первый из которых приходится на возраст 25–39 лет, когда у респондентов появляются дети, а второй — на 50–59 лет, когда родители респондента перешагивают 70–75-летний рубеж; при этом женщины старше 50 лет родителей видят даже чаще, чем 25–39-летние (*рис. 13*). В первом случае встречи скорее необходимы детям (родители оказывают помощь по уходу за внуками), а во втором — родителям (теперь респонденты помогают ухаживать за ними). Действительно, наши данные подтверж-

²⁴ Такая зависимость обнаружена как во французском [Régnier-Loilier A., 2006], так и в одном из американских исследований [Lawton, Silverstein, Bengston, 1994].

²⁵ С матерью и дочери, и сыновья встречаются примерно с одинаковой частотой (различия по полу незначимы по критерию χ^2), тогда как с отцом сыновья встречаются чаще (различия значимы по критерию χ^2 с уровнем значимости 0,05).

Частота встреч респондентов со своими родителями в зависимости от пола и возраста респондента

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родителя которых живы, проживающие отдельно от последних.

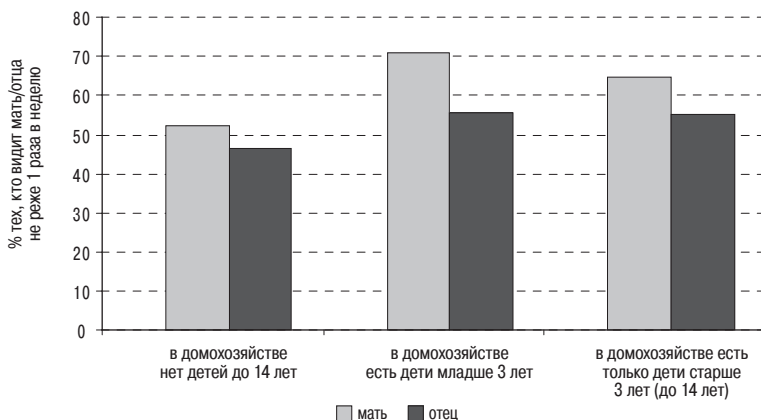
дают то, что чаще других помощь родителей получают респонденты в возрасте 25–34 лет.

Интересно отметить, что во Франции максимальная интенсивность встреч характерна для молодых людей 18–19 лет, когда чаще одного раза в неделю видят мать около 70% респондентов, а отца — около 60% респондентов [Régnier-Loilier A., 2006]. В России же, напротив, в этом возрасте часто видятся с родителями очень немногие респонденты (рис. 13). Возможно, это различие обусловлено российскими расстояниями: лишь немногие студенты могут регулярно видеть своих родителей, живущих в других городах.

Создание собственной семьи и рождение детей предсказуемо увеличивают частоту контактов респондента с родителями. Респонденты, живущие вместе с партнером (и детьми), чаще видятся с родителями. Вероятно, главной причиной этого выступает наличие детей, которые чаще появляются именно в партнерских союзах (рис. 14). Маленький ребенок требует постоянного ухода, в чем обычно помогают родители, прежде всего бабушки. Вот почему около 70% респондентов, имеющих детей до 3 лет, видятся со своими матерями не реже 1 раза в неделю²⁶.

²⁶ Французское обследование дало аналогичные результаты — возрастание контактов с родителями в возрастах, в которых наиболее вероятно наличие маленьких детей (30–40 лет) [Régnier-Loilier A., 2006]. В то же время исследование, проведенное в Америке, показало противоположную картину: респонденты, у которых есть дети, видятся со своими родителями реже, чем бездетные, — и с матерью, и с отцом [Lawton, Silverstein, Bengston, 1994].

**Частота встреч респондентов со своими родителями
в зависимости от того, есть ли у респондента дети определенного возраста**

Примечание. Респонденты в возрасте 18–59 лет, оба родителя которых живы, проживающие отдельно от последних.

Наличие братьев и/или сестер способствует более редким встречам с родителями, так как в этом случае внимание последних делится между всеми детьми²⁷. Одновременно уменьшается личная ответственность респондента — не единственного ребенка — за родителей. Наиболее сильно отрицательное влияние числа братьев и сестер сказывается на встречах респондента с матерью (рис. 15, 16).

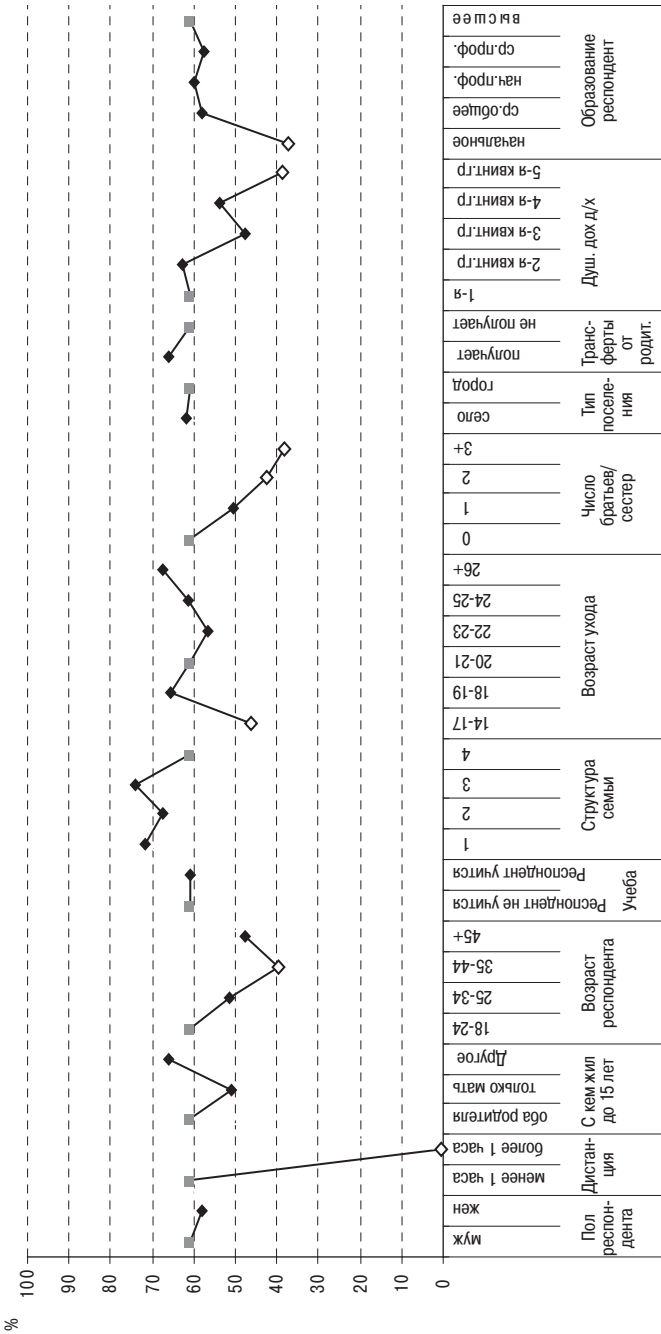
Какие факторы влияют на частоту контактов взрослых детей и их родителей?

На поведение людей обычно одновременно воздействует множество факторов, что затрудняет выделение влияния каждого из них в отдельности. Мы попытались преодолеть эту трудность и выявить «чистое», «при прочих равных условиях» влияние рассмотренных выше и некоторых других факторов на частоту встреч с матерью и отцом с помощью модели бинарной логистической регрессии. В качестве зависимых переменных выступали характеристики «респондент видится с матерью не реже 1 раза в неделю» и «респондент видится с отцом не реже 1 раза в неделю». Результаты анализа представлены на рис. 15, 16 и в табл. 1, 2 Приложения.

При прочих равных условиях значимое влияние на частоту встреч с матерью оказывают затраты времени на преодоление расстояния между

²⁷ Подобные результаты подтверждаются и западными исследованиями [Spitze, Logan, 1991].

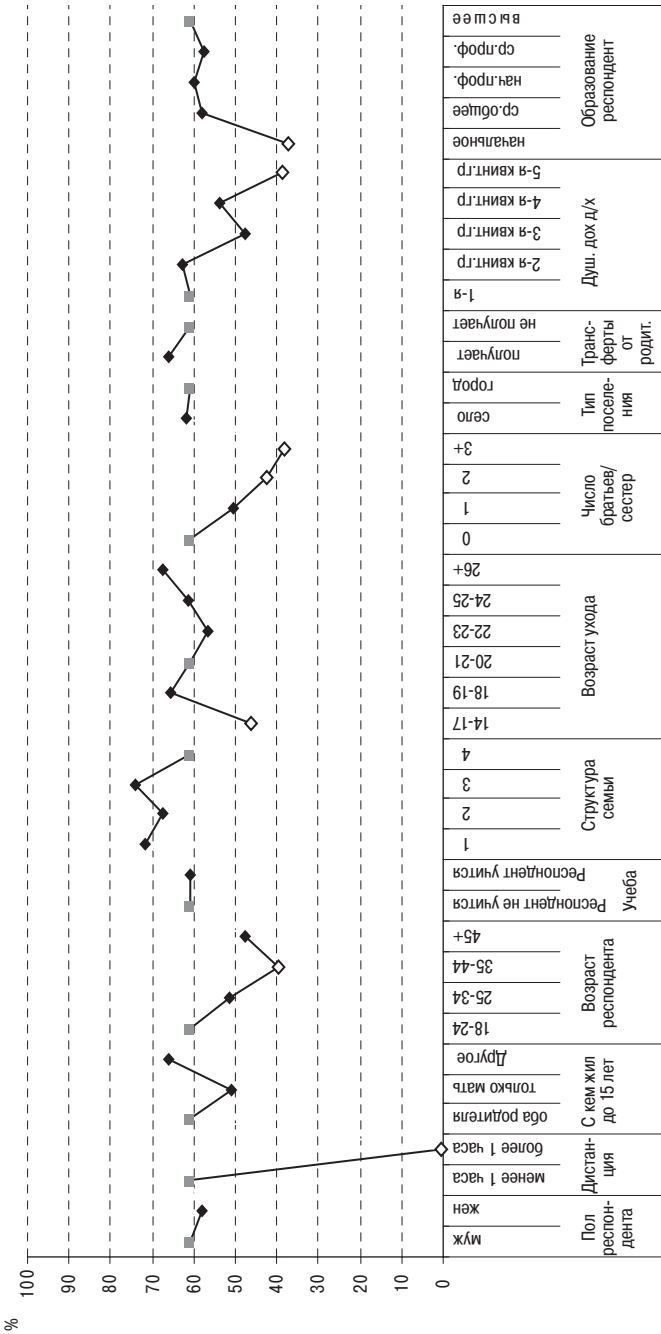
Рисунок 15
Факторы, влияющие на вероятность того, что респондент будет видеться с матерью не реже 1 раза в неделю

Примечание. Серые квадраты обозначают референтные категории, ◊ — значимые переменные.

Структура семьи:
 1. нет детей + нет партнера 2. нет детей + есть партнер
 3. есть дети + нет партнера 4. есть дети + есть партнер

Рисунок 16
Факторы, влияющие на вероятность того, что респондент будет видеться с отцом не реже 1 раза в неделю

Примечание. Серые квадраты обозначают референтные категории, ◇ — значимые переменные.

Структура семьи:
 1. нет детей + нет партнера 2. нет детей + есть партнер
 3. есть дети + нет партнера 4. есть дети + есть партнер

местом жительства респондента и матери, возраст респондента, возраст его ухода из родительского дома, число братьев и сестер, среднедушевой доход домохозяйства и уровень образования респондента. На частоту встреч с отцом значимо влияет то, с кем жил респондент до 15 лет, возраст, в котором он покинул родительский дом, затраты времени на преодоление расстояния между местом жительства респондента и отца, число братьев и сестер, среднедушевой доход домохозяйства и образование респондента.

Фактором, сильнее всего сокращающим интенсивность личных контактов как с отцом, так и с матерью, оказались затраты времени на преодоление расстояния между местом жительства респондента и родителей. Встречи с отцом, кроме того, практически сводят на нет раздельное проживание респондента и отца в то время, когда респондент был ребенком.

Более молодые респонденты (18–24 лет) чаще видятся со своими родителями, особенно с матерями. Тем не менее ни учеба респондента, ни факт получения им денежной помощи со стороны родителей значимо не влияют на частоту встреч. Это не позволяет говорить о том, что молодые люди чаще навещают родителей, потому что больше зависят от них материально или в силу неустроенности студенческого быта. Конечно, наименее обеспеченные респонденты (нижние 40% по среднедушевому доходу) видятся и с матерью, и с отцом чаще других, однако поскольку влияние дохода в модели учитывается, более частые встречи 18–24-летних со своими родителями можно объяснить сохраняющейся в этом возрасте высокой степенью близости отношений между недавно отделившимися детьми и их родителями.

Увеличение материального благополучия семьи сокращает частоту встреч с родителями. Значимо реже других встречаются и с отцом, и с матерью наиболее обеспеченные респонденты (верхние 20% по среднедушевому доходу). Это может свидетельствовать об отчасти вынужденном характере встреч менее обеспеченных респондентов, связанном с обменом услугами, которые невозможно получить не иначе как от членов семьи.

Краткие итоги

Подведем некоторые итоги нашего анализа.

Как и во многих других странах, новые поколения детей в России все раньше покидают родительский дом, причем в последние годы это все чаще совпадает со вступлением в формальный или неформальный партнерский союз, созданием собственной семьи. Но расставание с родителями не ведет к разрыву связей с ними.

На фоне усиливающегося отхода от традиционных правил и норм во многих областях жизнедеятельности, межпоколенные отношения в России остаются интенсивными и близкими: 94,5% взрослых детей, живущих отдельно от своих родителей, видятся с ними или обмениваются безвозмездной денежной помощью. При этом самым серьезным препятствием на пути к личным встречам выступают большие (свыше 1 часа) затраты времени на преодоление расстояния между домами родителей и детей.

Чаше других с обоими родителями видятся мужчины и женщины 25–34 лет, причем интенсивность встреч взрослых детей со своими родителями заметно увеличивается при наличии у первых собственных детей в возрасте до 3 лет. Так как поводом для встреч с родителями часто служит не только общение и эмоциональная поддержка, но и объективная необходимость в помощи (деньгами, продуктами или услугами — выполнением работы по дому, уходу за детьми или стариками), можно утверждать, что внутрисемейная поддержка сегодня широко распространена.

Отношения между родителями и детьми могут напоминать обмен, сильно растянутый во времени. Чем больше эмоциональной поддержки и другой помощи от родителей было получено в детстве, тем более вероятны личные контакты ставших взрослыми детей и родителей. Напротив, недополучение ребенком от родителей внимания и поддержки в более раннем возрасте ведет к меньшей отдаче тех же ресурсов в обратном направлении спустя годы. Так, дети, воспитывавшиеся одним из родителей (преимущественно матерью), с отсутствовавшим родителем (отцом), видятся впоследствии намного реже. Аналогично, дети, очень рано покинувшие своих родителей, реже встречаются с ними, чем те, кто отделился от родителей позже.

Представленные результаты — лишь первый шаг на пути изучения межпоколенных отношений в России. Для составления более полной картины необходимо изучить вопрос о частоте встреч с позиций родителя (респонденты и их взрослые дети), и хотя родители и дети не будут представлять одни и те же семьи, подобный анализ придаст большую четкость пониманию данного вопроса. Меняя угол зрения, мы получим несколько иные результаты, которые уточнят и скорректируют уже существующие.

Кроме того, полезно рассмотреть вопрос о встречах родителей с детьми на более широком фоне обменов различными видами трансфертов. С одной стороны, встречи, рассматриваемые как односторонняя передача эмоциональных трансфертов или их обмен, являются частью более широкого понятия — обмен трансфертами вообще.

С другой стороны, сами встречи могут включать в себя обмен разными видами трансфертов — материальных и нематериальных (эмоциональных или трудовых). Из этого следует, что совместное изучение этих двух объектов поможет более детально исследовать каждый из них, а также системно изучить более общую ситуацию межпоколенных отношений.

Анализ межпоколенных отношений, рассматривающий встречи с родителями во взаимосвязи с другими видами отношений, позволит сделать ряд выводов для социальной политики — о месте межпоколенных и межсемейных связей в сфере социально-экономической деятельности людей, о масштабах этих взаимодействий и их важности для представителей разных поколений. Однако уже сейчас можно сказать, что связи между детьми и родителями остаются довольно тесными. Помимо очевидной эмоциональной роли межпоколенных контактов, они являются каналами передачи помощи в обоих направлениях. В условиях слабо развитых институциональных услуг по уходу за пожилыми людьми и маленькими детьми (или их недоступности для некоторых слоев населения), внутри- и межсемейная поддержка являются частными субститутами этой помощи из институциональных источников. С одной стороны, положительно то, что население выработало действенные механизмы взаимопомощи, которые позволяют домохозяйствам справляться с собственными проблемами (нехватка времени у женщин на уход за детьми, нехватка средств у пожилых людей для найма профессионалов, которые могли бы ухаживать за ними и пр.). С другой стороны, столь широкие масштабы распространенности *частной* взаимопомощи свидетельствуют о недостаточной поддержке со стороны государства. Вероятно, она недоступна для населения или не устраивает его по отдельным параметрам (стоимость, качество услуг, условия предоставления услуг, физическая/территориальная доступность и пр.). Верность предположения о том, что зачастую встречи между родителями и детьми носят вынужденный характер (необходимость в помощи), подтверждается результатами проведенного исследования: интенсивность контактов увеличивается при проживании в сельской местности (где проблема обеспеченности институциональными социальными услугами стоит особенно остро), когда представители младшего поколения имеют собственных маленьких детей, а также когда родители достигают преклонного возраста.

Цитируемые источники:

1. Барсукова С.Ю. (2004) Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2004. №9. С. 20–29. <http://www.ecsostan.edu.ru/socis/msg/216150.html>.
2. Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / Под ред. О. Б. Божкова. — СПб.: Алетейя, 2006.
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001. Под общей ред. проф. С.Н. Бобылева. — М.: ИнтерДиалект+, 2002.
4. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака// Демоскоп-Weekly. 2006. Март. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1.
5. Палилова И. Совершеннолетние дети и родительская семья // Вестник общественного мнения. 2003. №1 (67). Сентябрь-октябрь. С. 63–67. <http://demoscope.ru/weekly/2006/0259/analit05.php>.
6. Прокофьева Л.М., Валетас М.-Ф. Отцы и дети после развода // Демоскоп-Weekly. 2001. №09–10. 26 февраля — 11 марта. <http://demoscope.ru/weekly/009/tema01.php>
7. Чернов А., Евграфова Е. Семья — залог выживания // Ведомости. 2002. 11 октября.
8. Allen K.R., Blieszner R., Roberto K.A. Families in the Middle and Later Years: A Review and Critique of Research in the 1990s // Journal of Marriage and the Family. 2000. Vol. 62. №4. P. 911–926.
9. Lawton L., Silverstein M., Bengtson V. Affection, Social Contact, and Geographic Distance between Adult Children and (неполностью дано название) // Journal of Marriage and the Family. 1994. Vol. 56. №1. P. 57–68.
10. Lye D.N., Klepinger D.H., Hyle P.D. et al. Childhood Living Arrangements and Adult Children's Relations with their Parents// Demography. 1995. Vol. 32. №2. P. 261–280.
11. Lye D.N. Adult Child-Parent Relationships// Annual Review of Sociology. 1996. Vol. 22. P. 79–102.
12. Mancini J.A., Blieszner R. Aging Parents and Adult Children: Research Themes in Intergenerational Relations// Journal of Marriage and the Family. 1989. Vol. 51. №2. P. 275–290.
13. Régnier-Loilier A. How often do adult children see their parents?// Population & Societies. 2006. №427. October. http://www.ined.fr/en/resources_documentation/publications/pop_soc/bdd/publication/1211/
14. Spitze G., Logan J.R. (1991) Sibling Structure and Intergenerational Relations// Journal of Marriage and the Family. 1991. Vol. 53. №4. P. 871–884.
15. White L. Growing Up with Single Parents and Stepparents: Long-Term Effects on Family Solidarity // Journal of Marriage and the Family, 1994. Vol. 56. №4. P. 935–948.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Результаты оценивания вероятности того, что респондент видит мать
не реже 1 раза в неделю (1 раз в неделю и чаще = 1)

Переменные		B	Wald	Sig.	Exp (B)
Пол респондента (К — муж)	жен/	-0,113	0,297	0,586	0,893
Дистанция (К — менее 1 часа)	более 1 часа	-5,412	466,959	0,000	0,004
С кем жил до 15 лет (К — с обоими родителями)	только с матерью	-0,405	1,093	0,296	0,667
	другое	0,223	0,106	0,744	1,250
Возраст респондента (К — 18–24 года)	25–34	-0,384	1,412	0,235	0,681
	35–44	-0,868	5,784	0,016	0,420
	45+	-0,532	1,539	0,215	0,588
Учеба (К — респондент не учится)	респондент учится	0,000	0,000	1,000	1,000
Структура семьи (К — есть дети + есть партнер)	нет детей + нет партнера	0,478	1,399	0,237	1,612
	нет детей + есть партнер	0,274	0,966	0,326	1,315
	есть дети + нет партнера	0,612	1,710	0,191	1,844
Возраст ухода (К — 20–21 год)	14–17	-0,600	4,104	0,043	0,549
	18–19	0,202	0,391	0,532	1,223
	22–23	-0,171	0,221	0,638	0,843
	24–25	0,020	0,002	0,964	1,021
	26+	0,284	0,418	0,518	1,329
Число братьев/сестер (К — 0)	1	-0,433	2,033	0,154	0,648
	2	-0,759	4,704	0,030	0,468
	3 и более	-0,932	5,510	0,019	0,394
Тип поселения (К — город)	село	0,029	0,014	0,906	1,030
Трансферты от родителей (К — не получает)	получает	0,214	0,479	0,489	1,238
Душевой доход домохозяйства (К — 1-я квинт. группа)	2-я квинт. группа	0,081	0,056	0,813	1,085
	3-я квинт. группа	-0,545	2,601	0,107	0,580
	4-я квинт. группа	-0,287	0,777	0,378	0,750
	5-я квинт. группа	-0,903	7,522	0,006	0,405
Образование Р (К — высшее)	начальное	-0,956	5,729	0,017	0,384
	ср. общее	-0,115	0,122	0,727	0,891
	нач. проф.	-0,048	0,020	0,887	0,953
	ср. проф.	-0,136	0,271	0,603	0,873
Константа		4,107	45,712	0,000	60,753
N		2303			
Nagelkerke R Square		0,779			

**Результаты оценивания вероятности того, что респондент видит отца
не реже 1 раза в неделю (1 раз в неделю и чаще = 1)**

Переменные		B	Wald	Sig.	Exp (B)
Пол респондента (К — муж)	жен.	-0,244	1,760	0,185	0,784
Дистанция (К — менее одного часа)	более 1 часа	-4,693	433,274	0,000	0,009
С кем жил до 15 лет (К — с обоими родителями)	только с матерью	-3,455	67,334	0,000	0,032
	другое	-2,620	17,896	0,000	0,073
Возраст респондента (К — 18–24 года)	25–34	-0,352	1,576	0,209	0,704
	35–44	-0,287	0,839	0,360	0,751
	45+	-0,013	0,001	0,972	0,987
Учеба (К — респондент не учится)	респондент учится	-0,018	0,004	0,950	0,983
Структура семьи (К — есть дети + есть партнер)	нет детей + нет партнера	0,155	0,167	0,683	1,168
	нет детей + есть партнер	0,458	3,403	0,065	1,582
	есть дети + нет партнера	0,063	0,030	0,863	1,065
Возраст ухода (К — 20–21 года)	14–17	-0,617	5,639	0,018	0,539
	18–19	0,083	0,094	0,759	1,086
	22–23	-0,073	0,056	0,813	0,929
	24–25	0,053	0,017	0,895	1,054
	26+	-0,011	0,001	0,976	0,989
Число братьев/сестер (К — 0)	1	-0,286	1,215	0,270	0,751
	2	-0,401	1,723	0,189	0,670
	3 и более	-0,726	4,396	0,036	0,484
Тип поселения (К — город)	село	0,204	0,925	0,336	1,226
Трансферты от родителей (К — не получает)	получает	0,283	1,150	0,284	1,326
Душевой доход домохозяйства (К — 1-я квинт. группа)	2-я квинт. группа	0,106	0,130	0,718	1,112
	3-я квинт. группа	-0,339	1,277	0,258	0,713
	4-я квинт. группа	-0,235	0,700	0,403	0,791
	5-я квинт. группа	-0,876	9,204	0,002	0,416
Образование Р (К — высшее)	начальное	-0,577	2,566	0,109	0,562
	ср. общее	-0,142	0,245	0,621	0,867
	нач. проф.	0,054	0,037	0,847	1,056
	ср. проф.	-0,058	0,068	0,795	0,943
Константа		2,973	34,005	0,000	19,557
N			2303		
Nagelkerke R Square			0,721		

*Малева Т.М.,
Синявская О.В.*

Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории

Прогрессирующее старение становится основным фактором изменения социально-экономических систем в развитых странах мира [Gruber J., Wise D., 2001]. Ответственность государства и общества перед пожилым населением стимулирует активный поиск таких пенсионных моделей, которые в наибольшей степени отвечают новому вызову — принципиальным изменениям в демографическом балансе поколений. По сути, речь идет о новых моделях внутри- и межпоколенного распределения, новом балансе разделения ответственности государства, бизнеса и семьи за обеспечение и социальное обслуживание в старости [Esping-Andersen G. et al., 2002].

Россия не исключение. Пенсионный вопрос уже более десятилетия занимает одно из первых мест в социально-экономической политике российского государства¹. Не менее остро эта проблема воспринимается и обществом. Каждый человек хочет знать, что его ожидает после окончания трудовой жизни и каковы гарантии его безбедного существования в старости.

По поводу пенсионной реформы уже сломано немало копий. Однако по-прежнему значительная часть проблемы заключается в том, что комплексный научный анализ пенсионной системы отсутствует, а полемика вокруг нее в условиях недостатка аргументов количественного порядка часто носит эмоционально-популистский характер.

Пенсионная проблематика разрабатывается российскими исследователями преимущественно в трех направлениях. Первое и, безусловно, преобладающее рассматривает институциональные особенности пенсионной системы, обсуждает вопросы ее финансовой устойчивости и реформирования на макроуровне [см., напр., Малева Т.М., 1997; Пенсионная рефор-

---

¹ См. обзор концепций пенсионной реформы в России в [Малева Т.М., Синявская О.В., 2005].

ма..., 1998; Баскаков В.Н., Баскакова М.Е., 1998; Дмитриев М. и др., 1999; Гурвич Е.Т., 2002; Соловьев А.К., 2001; Колобаев О.М., Кокорев Р.А., 2006; Кривошекова Е. и др., 2006]. Второе, также широко представленное, концентрируется на оценке реального размера пенсии и ее динамики, анализе материального положения и масштабов бедности пенсионеров [Бедность..., 1998; Римашевская Н.М., Кислицина О.А., 1999; Женщина, мужчина, семья..., 2001; Синявская О.В., 2006]. Третье изучает социально-психологические аспекты старения и межпоколенного взаимодействия [Вовк Е., 2005; Преснякова Л., 2005]. Но почти ничего не известно о внутри- и межсемейных сетях поддержки, ее формах, взаимоотношениях родителей и детей, трудоспособных и пожилых в различных типах семей². И главная лакуна в этом дискурсе — отсутствие ясного представления о реальном трудовом и пенсионном поведении пожилого населения³. Кроме того, большинство работ относится к 1990-м гг., тогда как в последние годы наблюдается явное охлаждение научного сообщества к пенсионной тематике.

Безусловно, экономический рост, сопровождающийся увеличением заработной платы и сокращением безработицы, повышением всех реальных доходов населения, ослабил остроту проблемы бедности российских пенсионеров. Этому способствовала также отмена любых ограничений на их занятость, проведенная в рамках пенсионной реформы 2002 г. и приведшая к увеличению доли работающих пенсионеров. Прямым следствием погашения задолженности по выплате пенсий и их регулярной индексации стало то, что одинокие пенсионеры в крупных городах больше не относятся к числу групп риска по показателям бедности по располагаемым ресурсам [Синявская О.В., 2006]. Тем не менее о кардинальном улучшении материального положения пожилых говорить пока еще рано. Более того, последние годы продемонстрировали очаги растущего напряжения в пенсионной системе — сокращение дифференциации размеров выплат, увеличивающееся отставание роста пенсий от роста заработной платы.

В этих условиях продолжение работы после выхода на пенсию для многих пенсионеров по-прежнему вопрос не личных пристрастий,

---

² Имеющиеся исследования межпоколенных экономических отношений охватывают либо отдельные регионы [Денисенко М. Б., 1999], либо определенные категории пенсионеров [сельские пенсионеры — Иванова Е.И., 2003].

³ Анализ трудового поведения пожилых представлен единичными исследованиями — [Бодрова Е., 1998; Рошин С.Ю., 1999; Синявская О.В., 2003] и, безусловно, не может считаться исчерпывающим. Работы Е. Бодровой и С. Рошина базируются на опросах в отдельных регионах; в работе О. Синявской трудовое поведение пожилых не является самостоятельным предметом исследования, но обсуждается в контексте повышения пенсионного возраста. Между тем, в 1970–1980-е гг. трудовое и пенсионное поведение пожилых было предметом множества исследований [Шапиро В.Д., 1980; Шапиро В.Д., 1983; Кремлякова Л., 1986 и др.].

а жизненная необходимость [Римашевская Н.М., Кислицина О.А., 1999]. Где же трудятся российские пенсионеры? Какими секторами экономики востребован их труд? Насколько квалифицированна пожилая рабочая сила? Иными словами, что потеряет рынок труда, если — в результате ли возврата к ограничениям на труд пенсионеров или же вследствие их личных предпочтений — пенсионеры перестанут работать? Как это ни покажется странным, но на этот вопрос нельзя дать подкрепленного эмпирическими данными ответа — российская статистика позволяет ответить либо на вопрос, сколько у нас работающих пенсионеров, либо в каких отраслях работают пожилые работники, не выделяя из них пенсионеров. Поэтому до сих пор дискуссия о плюсах и минусах занятости пенсионеров базируется на домыслах и спекуляциях.

Не более изучен и вопрос о том, в каком возрасте россияне становятся пенсионерами. Ведомственная статистика учитывает общее число получателей различных видов пенсий, в том числе сколько из них не достигли общеустановленного пенсионного возраста. Но она не дает ответа на вопрос, как рано люди начинают получать пенсию и как возраст назначения пенсии связан с возрастом выхода с рынка труда — вопросы, приобретающие все большее значение по мере старения населения.

Наконец, понятно, что качество жизни пожилого населения не исчерпывается его материальным благополучием. Значение имеют и состояние здоровья, и возможность получения социальных услуг, помощи в уходе, и отношения с близкими. Именно по этим параметрам одинокие пенсионеры оказываются в числе наиболее уязвимых. И стареющее общество не может игнорировать эти аспекты, не связанные непосредственно с финансами пенсионной системы. Между тем, в настоящее время в России о них практически ничего не известно.

Обследование РидМиЖ, один из фокусов которого связан с изучением межпоколенных отношений, представляет в этом отношении огромную ценность и позволяет пролить свет на поставленные вопросы.

Социально-демографический портрет российских пенсионеров

*Сколько в России пенсионеров, каков их возраст
и где они живут?*

Всего обследованием РидМиЖ охвачено 3885 респондентов-пенсионеров (34,7% от общего числа респондентов обследования), из них — 1172 мужчин (30,2%) и 2713 женщин (69,8%)⁴. Эти оценки практически совпадают с оценками доли пенсионеров в населении 18–79 лет,

---

⁴ Поскольку обследование охватывает население 18–79 лет, за рамками анализа остаются самые молодые и самые пожилые пенсионеры, что делает невозможным со-

полученными по данным обследования НОБУС⁵ (34,3%). Пенсионеров среди партнеров оказалось 1832 чел., или 24,0% от общего их числа (7614 чел.). Таким образом, общая доля пенсионеров (не считая получателей военных пенсий) в массиве респондентов и их партнеров составила 29,6%.

Вставка 1

Под *пенсионным возрастом* понимается возраст, в котором человек оформил получение пенсии, т.е. обратился за ней, стал реципиентом пенсионной системы. Понятия «возраст обращения за пенсией», «возраст назначения пенсии», «возраст оформления пенсии» и «пенсионный возраст» будут использоваться как синонимы.

В основном изучение пенсионного поведения будет проводиться применительно к группе респондентов, но в ряде случаев дополнительно будут привлекаться оценки, сделанные для партнеров-пенсионеров. Эмпирическое определение партнеров-пенсионеров аналогично приведенному выше определению для респондентов.

Распределение респондентов-пенсионеров по возрасту и типу населенного пункта, в котором они проживают, представлено в *табл. 1*, а половозрастные соотношения — в *табл. 2*.

В городской местности проживает 75% респондентов-пенсионеров, в сельской — 25%. В свою очередь, жители республиканских, краевых и областных центров составляют 54% от общей численности городских жителей (41% от общей численности респондентов-пенсионеров). Это распределение пенсионеров очень близко к распределению по типам поселений всех респондентов, охваченных опросом.

Естественно, что возрастное распределение пенсионеров сильно смещено к пожилым возрастам: 5% пенсионеров в возрасте до 50 лет, 23% — от 50 до 60 лет, 72% — 60 лет и старше. Наибольшее представительство в выборке имеют пенсионеры в возрасте 65–69 лет — 24% (*табл. 1*). Возрастной профиль респондентов-пенсионеров, проживающих в населенных пунктах различного типа, различается слабо (*рис. 1*).

Соотношение численности респондентов-пенсионеров по полу с перевесом в пользу женщин характерно для всех возрастов и для всех населенных пунктов. В то же время женский перевес более выражен в сельской местности в возрастах до 60 лет, а в городском населении — в более пожилых возрастах. По-видимому, это объясняется тем, что одиноких деревенских бабушек чаще, чем дедушек, принимают в свои семьи или перевозят поближе к себе взрослые дети, проживающие в

поставление данных обследования об удельном весе пенсионеров, их распределении по полу и видам получаемой пенсии с данными ведомственной статистики.

⁵ Национальное обследование благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах (НОБУС) — уникальная база данных с объемом выборки 44,5 тыс. домашних хозяйств (117 209 респондентов) из 79 регионов России и обеспечивает репрезентативность на общероссийском уровне и на уровне некоторых отдельных регионов.

Таблица 1

Распределение респондентов-пенсионеров по возрасту и типу населенного пункта постоянного проживания, %

Возраст	В том числе					Всего
	все городские поселения	республиканские, краевые, областные центры	прочие города	поселки городского типа	сельские населенные пункты	
18–19	—	—	—	—	**	**
20–24	—	—	—	—	**	**
25–29	0,2	0,1	0,1	**	0,1	0,3
30–34	0,2	0,1	0,1	—	0,1	0,3
35–39	0,6	0,4	0,2	—	0,2	0,8
40–44	1,2	0,7	0,4	0,1	0,2	1,4
45–49	1,9	0,9	0,8	0,2	0,7	2,6
50–54	5,9	2,9	2,6	0,4	1,6	7,5
55–59	11,8	6,6	4,4	0,8	3,5	15,2
60–64	12,8	6,8	4,7	1,3	4,6	17,3
65–69	17,9	10,3	6,2	1,4	6,1	24,0
70–74	11,7	5,7	4,9	1,1	4,4	16,2
75–79	11,0	6,1	4,1	0,8	3,6	14,6
<i>Итого 18–79</i>	<i>75,0</i>	<i>40,6</i>	<i>28,3</i>	<i>6,1</i>	<i>25,0</i>	<i>100,0</i>

Примечания. «—» — отсутствуют наблюдения; «**» — малое число наблюдений.

Рисунок 1

Структура респондентов-пенсионеров обоего пола по возрасту в различных типах населенных пунктов, %

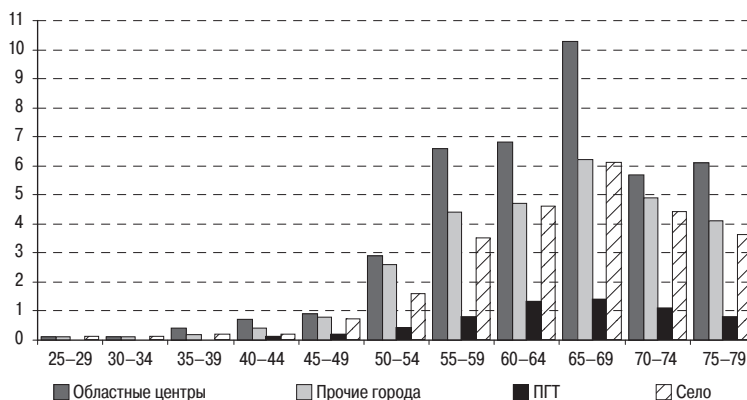

Таблица 2

**Соотношение респондентов-женщин и мужчин в каждой возрастной группе
и типе населенного пункта постоянного проживания
(число женщин на 100 мужчин)**

Возраст	В том числе					Всего
	все городские поселения	республиканские, краевые, областные центры	прочие города	поселки городского типа	сельские населенные пункты	
18–19	—	—	—	—	—	—
20–24	—	—	—	—	—	—
25–29	**	**	**	**	**	**
30–34	—	—	—	—	**	**
35–39	**	**	**	**	**	**
40–44	**	**	**	**	**	**
45–49	130	100	220	**	136	132
50–54	199	235	203	**	313	217
55–59	364	349	333	**	462	384
60–64	227	222	229	250	189	216
65–69	249	273	226	206	222	242
70–74	215	211	243	144	182	205
75–79	248	285	218	182	229	243
<i>Итого 18–79</i>	<i>235</i>	<i>244</i>	<i>231</i>	<i>193</i>	<i>223</i>	<i>232</i>

Примечания. См. примечание к табл. 1.

городах. Полезность бабушек в деле воспитания внуков оценивается намного выше, чем дедушек.

Существуют различия в возрастной структуре между респондентами и партнерами, которые обусловлены в первую очередь тем, что среди респондентов РИДМИЖ больше женщин, тогда как среди их партнеров соответственно мужчин. В нашей выборке в трудоспособном возрасте находятся 16% респондентов-пенсионеров и 22% партнеров-пенсионеров⁶, но из табл. 3 видно, что доля пенсионеров-мужчин в трудоспособных возрастах выше, чем соответствующая доля женщин. Отчасти это связано с меньшей продолжительностью жизни мужчин и, как следствие, меньшим представительством их в старших возрастах.

Однако и удельные веса пенсионеров — мужчин и женщин — в возрастной группе 45–54-летних, несмотря на пятилетнюю разницу в общеустановленном пенсионном возрасте, примерно равны (рис. 2).

⁶ Для сравнения — в НОБУСе 23% пенсионеров не достигли общеустановленного пенсионного возраста.

Таблица 3

Соотношение пенсионеров в пенсионных и трудоспособных возрастах,
% по столбцу

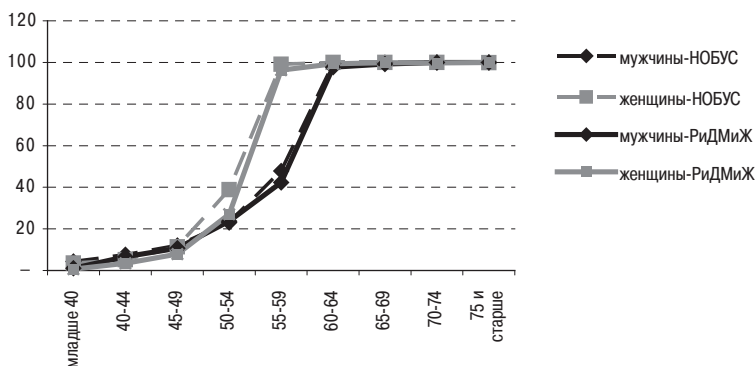
Возраст респондента или партнера	Респонденты		Партнеры	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Трудоспособный	26,9	11,1	27,3	14,1
Пенсионный	73,1	88,9	72,7	85,9
Всего	100	100	100	100

Это означает, что мужчины чаще, чем женщины, оформляют пенсию досрочно.

Массовое досрочное оформление пенсий начинается примерно за 15–10 лет до общего пенсионного возраста (рис. 2). Пенсионеров до 40 лет — единицы, в основном это инвалиды, получившие инвалидность в детстве или в очень молодом возрасте.

Рисунок 2

Доля пенсионеров в населении соответствующего пола и возраста, %

Представляется важным то обстоятельство, что на возраст оформления пенсии влияют нормы, допускающие его возможное снижение, тогда как положения, регулирующие более поздний выход на пенсию, попросту «не работают»: почти 100% лиц, перешагнувших рубеж пенсионного возраста, — пенсионеры. Ясно, что это связано с тем, что в соответствии с российским законодательством пенсионер может продолжать работать и после оформления пенсии без каких-либо ограничений его доходов и с правом пересчитывать пенсию с учетом увеличившегося страхового стажа. Одновременно это свидетельствует о том, что человек оформляет пенсию, как только это становится возможным. Подробнее вопрос о досрочном выходе на пенсию будет рассмотрен ниже.

Каково состояние их здоровья?

Состояние здоровья человека, и особенно пожилого, — базовая характеристика, от которой зависит большинство его жизненных стратегий: работать или нет, жить самостоятельно или же в составе такой семьи, которая способна оказать помощь и уход, ожидать ли помощи от социальных институтов и т.д. Результаты обследования в отношении состояния здоровья не внушают оптимизма (рис. 3): более 40% российских пенсионеров оценивают его как плохое или очень плохое и почти 2/3 подтверждают наличие хронического заболевания. Разумеется, в этом вопросе высока степень субъективизма и болезнь болезни рознь. Но если 20% респондентов сообщают о заболеваниях, ограничивающих их трудоспособность, то это уже серьезное свидетельство о неблагополучии со здоровьем.

Обследование РИДМиЖ подтверждает результаты предыдущих социологических российских и зарубежных исследований, направленных на изучение различий в состоянии здоровья мужчин и женщин: женщины чаще декларируют более низкое качество здоровья, чем мужчины. В табл. 4 приведен процент в каждой возрастной группе тех респондентов-пенсионеров мужского и женского пола, которые оценивают свое состояние здоровья как «плохое» и «очень плохое», а также свидетельствуют, что у них имеются хронические (умственные и физические) заболевания, ограничивающие трудоспособность, и наличие инвалидности. По большинству возрастных групп и индикаторов состояния здоровья женщины-пенсионеры проигрывают мужчинам-пенсионерам. На плохое состояние жалуются почти каждая вторая женщина и каждый третий мужчина. По распространенности хронических заболеваний мужчины в среднем уступают женщинам почти 15 процентных пунктов.

В контексте занятости пенсионеров важным представляется ответ на вопрос о наличии заболевания, ограничивающего трудоспособность. По этому показателю мужчины уступают женщинам в возрастах до 45 лет, затем лидерство по распространенности такого рода заболеваний переходит к мужчинам — они страдают ими как минимум в 1,5 раза чаще женщин. После 55-летия разрыв в показателях выравнивается, но перевес остается на стороне мужчин. Наконец, 70-летние женщины вновь демонстрируют более высокие показатели ограничения трудоспособности по заболеваниям. Выявленная закономерность подтверждается данными о распространенности инвалидности: в возрастах 45–60 лет среди мужчин-пенсионеров показатели хуже, чем у женщин.

Если женщины в целом гораздо менее оптимистично оценивают свое здоровье, чем мужчины, то мужчины декларируют проблемы со

Самооценки состояния здоровья пенсионеров, % от численности пенсионеров

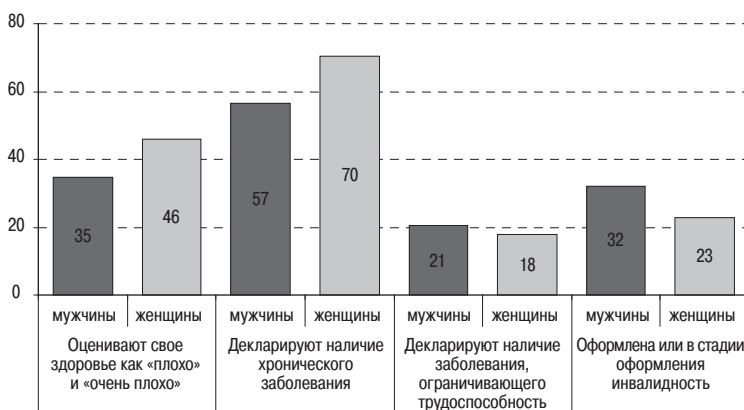

Таблица 4

Доля пенсионеров-мужчин и женщин, декларирующих наличие проблем со здоровьем, в % к числу пенсионеров данной возрастной группы

Возраст	Оценивают свое здоровье как «плохо» и «очень плохо»		Декларируют наличие хронического заболевания		Декларируют наличие заболевания, ограничивающего трудоспособность		Оформлена или в стадии оформления инвалидность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
18–19	—	—	—	**	—	—	—	**
20–24	—	—	—	**	—	—	—	**
25–29	**	**	**	**	**	**	**	**
30–34	**	**	**	**	**	**	**	**
35–39	20,0	45,5	66,7	72,7	33,3	54,5	80,0	90,9
40–44	20,0	32,0	63,3	80,0	23,3	40,0	43,3	76,0
45–49	34,1	27,6	61,4	63,8	40,9	27,6	59,1	53,4
50–54	32,6	33,0	51,1	61,0	31,5	17,5	50,0	33,5
55–59	26,2	23,9	52,5	60,9	15,6	5,6	31,1	13,0
60–64	24,9	37,0	49,8	67,6	14,6	13,7	16,4	17,4
65–69	28,9	49,1	52,0	71,7	16,1	14,8	19,4	17,0
70–74	45,1	61,7	58,3	78,3	19,9	22,9	26,7	27,4
75–79	55,8	72,3	71,5	78,3	25,5	32,7	52,1	29,7
<i>Итого 18–79</i>	<i>34,8</i>	<i>46,1</i>	<i>56,6</i>	<i>70,3</i>	<i>20,6</i>	<i>17,9</i>	<i>32,1</i>	<i>22,9</i>

Примечания. См. примечания к табл. 1.

здоровьем, когда они действительно серьезны. Этому есть объяснение. Как известно, женщины гораздо чаще обращаются к врачам, и, соответственно, у них больше диагностируются те или иные заболевания. Мужчины, напротив, гораздо хуже информированы о фактическом состоянии своего здоровья и меньше им интересуются вообще. В столь различном отношении к своему здоровью, в частности, кроется одна из главных причин больших различий в смертности по полу.

Наличие серьезных заболеваний и увечий выступает одной из основных причин выхода на пенсию раньше положенного срока и у мужчин, и у женщин: в трудоспособных возрастах свыше половины респондентов-пенсионеров имеют оформленную инвалидность. В то же время среди мужчин 45–60 лет существенно выше распространенность серьезных заболеваний, приводящих к ограничению трудоспособности и инвалидности. Это объясняет меньшую экономическую активность пенсионеров-мужчин по сравнению с женщинами-пенсионерами.

Итак, обследование РИДМИЖ хорошо репрезентирует пожилое население и получателей пенсий по основным социально-демографическим характеристикам. Но его главное достоинство в том, что оно позволяет довольно подробно исследовать пенсионное и трудовое поведение пенсионеров, историю выхода на пенсию, пенсионный статус, продолжительность пребывания на пенсии и пр., что невозможно проанализировать на данных официальной и даже ведомственной статистики. Мы можем учесть вклад характеристик здоровья в оформление пенсии ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста, соотнести возраст оформления пенсии и возраст реального выхода с рынка труда, проанализировать связь между пенсионными возрастами партнеров и пр., т.е. погрузить пенсионное поведение отдельного человека в социальный контекст.

Пенсионные стратегии

Пенсионер пенсионеру рознь. Среди них есть прекратившие работу и продолжающие работать, чувствующие в себе силы для экономической активности и глубоко нездоровые, подчас не способные обойтись без посторонней помощи, пенсионеры со стажем и покинувшие рынок труда недавно, а часто в возрасте, значительно ниже общего пенсионного возраста и пр.

В каком возрасте пенсионеры обычно оформляют пенсию? Какие виды пенсии получают пенсионеры, не достигшие общеустановленного пенсионного возраста? Как связан возраст выхода на пенсию и прекращения работы с продолжительностью стажа (страхового и специального), размером заработка, размером пенсии и пр.?

Выход работника на пенсию в большинстве случаев сопряжен с потерей работы, что приводит не только к изменению уровня и струк-

туры доходов индивида, но и к изменению его социальной роли, утраты экономической и социальной активности, социальных связей и контактов (с коллегами, сослуживцами), что часто означает нисходящее социальное перемещение, а иногда приводит к депривации личности. Изменяются статус, роли и функции, условия, уровень и образ жизни индивида. В этой связи возраст оформления пенсии, как и возраст прекращения трудовой деятельности, становится ключевой характеристикой положения пенсионеров, их места в социальной структуре общества.

Тем не менее, поскольку назначение пенсии в России не обуславливает непосредственно решения о выходе с рынка труда, это превращает пенсионное поведение в сугубо индивидуальное решение. Именно поэтому здесь мы рассматриваем анализ пенсионного поведения на индивидуальном уровне, без учета характеристик домашнего хозяйства и расширенной семьи пенсионера, влияние которых на выбор той или иной стратегии пенсионера на рынке труда будет рассмотрено ниже.

Какие виды пенсий получают нынешние пенсионеры?

Пенсионный возраст определяется, в первую очередь, тем, какую пенсию назначают работнику. Пенсии по старости на общих основаниях предоставляются мужчинам по достижении 60 лет, женщинам — 55 лет. Пенсии по инвалидности назначаются в момент наступления инвалидности⁷. В российском законодательстве существует также целый ряд пенсий, которые входят в группу пенсий по старости, но назначаются ранее общеустановленного пенсионного возраста.

Вставка 2

Вопросы о видах (основаниях) пенсий, которые получают респонденты, представляют особую сложность при анализе данных выборочных обследований, включающих вопросы о пенсионном обеспечении респондентов. Независимо от размера выборочной совокупности (это может быть и сплошное обследование) существует вероятность возникновения системных ошибок в процессе получения информации от респондента. Опрашиваемый может не знать, какая именно пенсия ему назначена. Вероятность таких системных смещений еще выше, если респондент отвечает на вопрос о других лицах, в данном случае — партнере (супруге).

Хотя подобные смещения возможны при опросе населения в любой стране, вероятность их возникновения и величина ошибки в России выше. Прежде всего, это связано с тем, что пенсионная система за последние годы претерпела значительные изменения. С 2002 г. введено понятие «пенсии по государственному пенсионному обеспечению»; часть пенсий за выслугу лет включена в состав трудовых пенсий по старости; изменены условия назначения двух пенсий. Поскольку размер получаемой пенсии для пенсионеров при этом переходе не менялся, многие из них даже не заметили, что вид получаемой ими пенсии изменился.

---

⁷ Точнее — в момент признания человека инвалидом и присвоения группы инвалидности.

Другая причина имеет отношение не столько к текущей структуре пенсий, сколько к изучению взаимосвязи между пенсионным возрастом и видом пенсии. Речь идет о практике перехода с пенсии по инвалидности (или за выслугу лет) на пенсию по старости после достижения общеустановленного пенсионного возраста. Таким образом, даже если 70-летний респондент в 35 лет оформил пенсию по инвалидности, а сейчас получает пенсию по старости, в данном опросе он будет фигурировать как рано оформивший пенсию по старости, так как ретроспективная информация о прежних видах пенсии отсутствует.

Как и ожидалось, основную категорию пенсионеров составили те, кто получает пенсию по старости (табл. 5)⁸: их доля достигает 84% (для сравнения — в НОБУСе 82%). Пенсию по инвалидности получает примерно каждый десятый пенсионер, как по данным РидМиЖ, так и НОБУСа, причем подавляющее большинство пенсионеров по инвалидности находится в трудоспособных возрастах.

Таблица 5

Виды пенсий по данным выборочных обследований, % к числу пенсионеров

Виды пенсий	РидМиЖ, 2004			НОБУС, 2003, выборка 18–79 лет
	респонденты	партнеры	респонденты и партнеры	
По старости	85,6	81,6	84,3	82,3
По инвалидности	10,5	10,2	10,4	9,8
По случаю потери кормильца	0,4	0,2	0,3	1,8
Социальные	0,5	0,8	0,6	3,1
За выслугу лет	2,3	4,1	2,9	3,8
Военным	2,0	4,3	2,7	—
Всего ответов	101,2	101,2	101,2	100,9

Примечание. Сумма по столбцу превышает 100%, поскольку некоторые пенсионеры получают два вида пенсии одновременно.

Получение пенсии, назначаемой военным, и пенсии за выслугу лет указали соответственно 2,9 и 2,7% пенсионеров-респондентов, по данным РидМиЖ. В число получателей пенсии за выслугу лет попадают прежде всего лица, проработавшие в организациях и учреждениях Минюста, МЧС, Минобороны и пр., а это в основном мужские специальности⁹. Введение в обследование РидМиЖ категории «военная пенсия» позволило более точно идентифицировать часть респондентов, получаю-

⁸ В эту группу входят получатели всех пенсий по старости, в том числе досрочных.

⁹ Возможно, категорию получателей за выслугу лет можно было бы объединить с получателями военных пенсий или досрочных пенсий по старости, однако достоверные данные о том, кто входит в нее, включая не только по респондентов, но и партнеров, отсутствуют.

щих пенсии из бюджетов силовых министерств, которая в обследовании НОБУС попадала в категорию «пенсионеры за выслугу лет» и др.

Отсутствие детей-пенсионеров в обследовании закономерно уменьшает долю получателей пенсии по случаю потери кормильца и социальных пенсий¹⁰, поскольку, как показывают данные НОБУС, примерно 1/2 получателей социальных пенсий и 3/4 пенсионеров по случаю потери кормильца — дети младше 18 лет. А отсутствие в нем пенсионеров 80 лет и старше снижает численность получателей двух пенсий по сравнению с данными ведомственной статистики.

Как связано получение пенсии в трудоспособных возрастах и здоровье?

Подавляющее большинство пенсионеров в пенсионных возрастах получают трудовую пенсию по старости. В трудоспособных возрастах причины, связанные с прежней трудовой деятельностью (досрочные пенсии по старости¹¹, пенсии за выслугу лет, пенсии военным), охватывают 45% всех пенсий. Суммарный вес этих причин сопоставим с вкладом инвалидности — 43%. Причем если в среднем по выборке досрочные пенсии¹² получают около 15% пенсионеров по старости, то среди тех, кто находится в трудоспособных возрастах, их доля достигает уже 72%. Доля досрочных пенсионеров по старости выше в городах, где концентрируются соответствующие производства, чем в сельской местности.

С точки зрения социальной политики, большое значение имеет то, насколько получение инвалидности и назначение пенсии в трудоспособных возрастах связано с реальным ухудшением здоровья. Сравнение пенсионеров и непенсионеров в трудоспособных возрастах по характеристикам здоровья свидетельствует о том, что среди первых значительно выше доля тех, кто страдает каким-либо продолжительным или хроническим заболеванием (61% пенсионеров против 27% непенсионеров), в том числе ограничивающим человека в обычной повседневной деятельности (26% против 2%). Выше среди них и удельный вес инвалидов (45% против 1% среди непенсионеров), в том числе лиц с тяжелыми формами инвалидности.

---

¹⁰ Кроме того, по-видимому, часть респондентов, в действительности получающих социальную пенсию как инвалиды с детства или инвалиды без достаточного трудового стажа, в нашем обследовании оказались в группе пенсионеров по инвалидности.

¹¹ Обследование позволяет выделить получателей досрочных пенсий по старости на основаниях, предусмотренных Федеральным законом №173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

¹² Здесь имеются в виду пенсии, назначение которых по закону происходит до достижения общеустановленного пенсионного возраста, независимо от того, сколько лет респонденту, отметившему получение этой пенсии.

Однако доля пенсионеров увеличивается с возрастом, поэтому отчасти эти различия могут также отражать эффект ухудшающегося с годами здоровья. В этой связи обратимся к респондентам последнего предпенсионного десятилетия — к мужчинам в возрасте 50–59 лет и к женщинам 45–54 лет (в выборке их оказалось 2129 чел.). Из них выделим непенсионеров, «новых» пенсионеров (оформивших пенсию не раньше 45–50 лет) и «старых» пенсионеров (ставших пенсионерами в возрасте младше 45–50 лет). Различия между этими тремя группами по наличию хронических заболеваний действительно уменьшились, но продолжают оставаться статистически значимыми. Хронические заболевания есть у 42% непенсионеров, 54% «новых» и 66% «старых» пенсионеров. Заболевания, ограничивающие респондента в обычной повседневной деятельности, имеются у 4% непенсионеров, 15% «новых» и 35% «старых» пенсионеров, а инвалидность — у 3% непенсионеров, 28% и 61% «новых» и «старых» пенсионеров. При этом худшие показатели здоровья демонстрируют получатели пенсий по инвалидности. Таким образом, резкое ухудшение здоровья, приводящее к инвалидности, — один из важнейших факторов более раннего оформления пенсии¹³.

Насколько распространены досрочные пенсии?

Доля пенсионеров, указавших право на досрочную пенсию в соответствии с нормами закона о трудовых пенсиях, составила в нашем обследовании 18,3% (710 чел.). Из них 18% респондентов (147 чел.) отметили только основания, не связанные непосредственно с производственной деятельностью:

- женщины, родившие и воспитавшие 5 и более детей;
- женщины, родившие и воспитавшие 2 и более детей и проработавшие в районах Крайнего Севера;
- матери инвалидов с детства;
- инвалиды вследствие военной травмы, по зрению или граждане, больные специфическими заболеваниями.

Если рассматривать все названные респондентами основания (рис. 4), то 26% пенсионеров-досрочников заработали ранний выход на пенсию на подземных работах, в горячих цехах, в особо вредных и особо тяжелых условиях труда (в эту группу попадает весь Список 1). Среди причин более раннего оформления пенсии, прямо связанных с производственной деятельностью, на долю этой категории приходится почти треть ответов. Она лидирует у досрочных пенсионеров трудоспособных и пенсионных возрастов.

---

¹³ Анализ также показал, что различия в большинстве характеристик здоровья между инвалидами и неинвалидами в трудоспособных возрастах выше, чем в пенсионных.

Вставка 3

В настоящем обследовании использовался следующий список из 11 оснований для досрочного оформления пенсии, большинство из которых соотносятся со ст. 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», по которыми устанавливаются категории граждан, имеющих право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости:

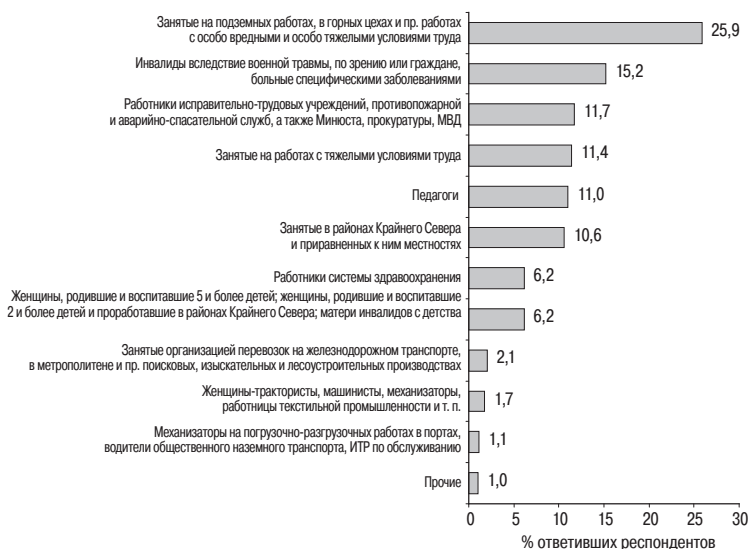
- 1) женщины, родившие и воспитавшие 5 и более детей; женщины, родившие и воспитавшие 2 и более детей и проработавшие в районах Крайнего Севера; матери инвалидов с детства;
- 2) инвалиды вследствие военной травмы, по зрению или граждане, больные специфическими заболеваниями;
- 3) женщины-трактористы, машинисты, механизаторы, работницы текстильной промышленности и т.п.;
- 4) занятые на подземных работах, в горячих цехах и прочих работах с особо вредными и особо тяжелыми условиями труда;
- 5) занятые на работах с тяжелыми условиями труда;
- 6) занятые организацией перевозок на железной дороге, в метрополитене и пр., в экспедициях и прочих поисковых, изыскательских и лесоустроительных работах, рабочие на лесозаготовках, плавсостав всех флотов, занятые управлением полетами;
- 7) занятые в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;
- 8) механизаторы на погрузочно-разгрузочных работах в портах, водители общественного наземного транспорта, инженерно-технические работники по обслуживанию воздушных судов гражданской авиации;
- 9) работники исправительно-трудовых учреждений, противопожарных и аварийно-спасательных служб, а также Минюста, прокуратуры, МВД, МЧС, Минобороны и пр.;
- 10) педагоги;
- 11) работники системы здравоохранения.

Работники исправительно-трудовых учреждений, противопожарных и аварийно-спасательных служб, а также Минюста, прокуратуры, МВД, МЧС, Минобороны и пр. составляют вторую по частоте упоминаний группу, но с двукратным отрывом от лидера (11,7% ответивших респондентов). Занятые на работах с тяжелыми условиями труда занимают третье место (11,4%), педагоги (11,0%) и занятые в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (10,6%) — четвертое и пятое.

Распространенность оснований для досрочного оформления пенсии зависит от типа поселения. В городах на первом месте по частоте упоминаний вновь оказываются занятые на подземных работах, в горячих цехах, особо вредных и особо тяжелых условиях труда (свыше четверти), тогда как в сельской местности почти каждый пятый — это женщины-матери, а каждый шестой — педагоги.

Занятость на подземных работах, в горячих цехах и в особенно вредных условиях труда остается ведущей причиной досрочного оформления пенсий как мужчин, так и женщин. Однако по вторым позициям наблюдаются различия, связанные с гендерной асимметрией в области профессиональной деятельности. У мужчин значительное место занимает досрочное оформление пенсии в связи с работой в исправитель-

Распределение пенсионеров по основаниям досрочной пенсии, %

но-трудовых учреждениях, Минюсте, МВД, МЧС, МО и др., а также досрочные пенсии в связи с военными травмами и т.п. У женщин вторая по распространенности причина досрочного оформления пенсии — педагогическая деятельность.

В каком возрасте оформляются пенсии?

Данные о представительстве пенсионеров в численности определенных возрастно-половых групп не дают точного представления о фактическом пенсионном возрасте. Соответственно, нельзя понять и то, как долго находится человек на пенсии, каков его «пенсионный стаж». Между тем от того, в каком году и возрасте человек оформил пенсию, как давно он ее получает, зависит ряд характеристик его экономической активности (например, занятости) и благосостояния (размер пенсии).

Россия известна как страна с низкими официальными границами общеустановленного пенсионного возраста, составляющими 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Но средний фактический возраст оформления пенсии в выборке еще ниже (табл. 6) — 53,1 года для респондентов и 53,6 года для партнеров. Мужчины оформляют пенсию в 54,5 года (респонденты; 54,5 года — партнеры), а женщины в 52,6 года (респонденты; 52,7 года — партнеры). Иными словами, реальный пенсионный возраст у мужчин на 5 лет, а у женщин — на 2 года ниже официального.

**Средний возраст назначения пенсии в зависимости от ее основания,
респонденты-пенсионеры, лет**

Вид пенсии	Средний возраст, лет		
	оба пола	мужчины	женщины
Все пенсионеры	53,1 (6,343) ¹	54,5 (8,244)	52,6 (5,222)
Пенсии по возрасту на общих основаниях	55,4 (3,570)	58,7 (3,383)	54,3 (2,867)
Досрочная пенсия (все основания по ФЗ-№ 173):	50,1 (4,435)	52,4 (5,077)	48,9 (3,586)
занятые на подземных работах, в горячих цехах и пр. работах с особо вредными и особо тяжелыми условиями труда	49,8 (4,210)	52,3 (3,870)	47,8 (3,285)
занятые на работах с тяжелыми условиями труда	50,0 (3,731)	52,0 (4,066)	48,7 (2,857)
занятые в районах Крайнего Севера и приравненным к ним местностях	49,6 (5,934)	51,1 (8,334)	48,6 (3,350)
работники исправительно-трудовых учреждений, противопожарных и аварийно-спасательных служб, а также Минюста, прокуратуры, МВД, МЧС, Минобороны и пр.	44,9 (6,405)	44,4 (6,411)	... ²
педагоги	50,0 (4,762)	...	49,4 (4,398)
инвалиды вследствие военной травмы, по зрению, или граждане, больные специфическими заболеваниями	42,0 (11,645)	42,5 (12,836)	41,5 (10,174)
Пенсии по инвалидности	44,1 (10,426)	44,8 (11,377)	43,5 (9,611)

Примечания. ¹ — среднее арифметическое, лет (в скобках — среднее квадратичное отклонение, лет); ² — мало наблюдений.

Для устранения эффекта присутствия молодых пенсионеров в выборке на средний возраст назначения пенсии мы исключили из анализа пенсионеров в трудоспособных возрастах. В результате средний возраст оформления пенсии составил 54,6 года (55,7 года — у партнеров), в том числе для мужчин — 57,7 года (57,6 лет у партнеров) и для женщин 53,6 года (53,8 года).

При этом анализ распределения пенсионного возраста отдельно по мужчинам и женщинам свидетельствует о наличии «пиковых» возрастов, когда происходит массовое оформление пенсии: для женщин — 45, 50 и 55 лет, для мужчин — 50, 55 и 60 лет; причем у женщин последний пик в 55 лет выражен более явно, что говорит о том, что большинство женщин оформляют пенсию в общеустановленный пенсионный возраст.

Отмеченные «пики» явно связаны с правилами назначения досрочных трудовых пенсий по старости¹⁴, а также средним возрастом отставки из армии и других силовых ведомств. Действительно, как показывают данные *табл. 6*, средний возраст оформления пенсии по старости на общих основаниях мало отличается от общего, установленного в законе, в то время как средний возраст оформления досрочной пенсии по разным основаниям варьирует от 42 до 53 лет.

Ожидаемо более низкий возраст оформления пенсии оказывается у инвалидов. Среди досрочных пенсионеров «в связи с производственными основаниями» самый низкий — 44,9 года — возраст оформления пенсии зафиксирован у работников исправительно-трудовых учреждений, Минюста, прокуратуры, МЧС, МВД, МО и пр. Эта же категория пенсионеров оказалась и самой молодой — их средний возраст составляет 54 года, что может свидетельствовать о расширении численности этой категории в последние годы либо за счет расширения списка оснований для оформления пенсии (перечня профессий), либо за счет увеличения числа занятых на соответствующих рабочих местах.

Какой трудовой стаж выработали российские пенсионеры?

Учитывая то, что пенсионеры имеют право продолжать работать, периодически пересчитывая размер пенсии, а дифференциация пенсионных выплат сохраняется на низком уровне¹⁵, то до последнего времени действовало всего лишь два фактора, влияющих на фактический пенсионный возраст. Это, во-первых, разрешенный законодательно возраст назначения пенсий по старости (выслуге лет — до 2002 г.), и, во-вторых, минимально необходимая продолжительность трудового стажа¹⁶.

До 2002 г. продолжительность общего трудового стажа для назначения полной пенсии по старости на общих основаниях составляла 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин. В настоящее время пенсия по старости может быть назначена по достижении общеустановленного пенсионного возраста при наличии 5-летнего страхового стажа. Продолжительность специального стажа (выслуги) устанавливалась отдельно по каждой конкретной профессиональной группе. Минимальный специальный стаж для назначения досрочной пенсии за работу в особо

---

¹⁴ Например, наиболее распространенные среди досрочных пенсии за работу в особо вредных и особо тяжелых условиях труда могут назначаться на 10 лет раньше общеустановленного возраста; пенсии за работу в тяжелых условиях труда — на 5 лет раньше и т.п.

¹⁵ По данным НОБУС, коэффициент фондов для государственных пенсий составил 4,1 раз, а коэффициент Джини — 0,211 [Синявская О.В., 2006].

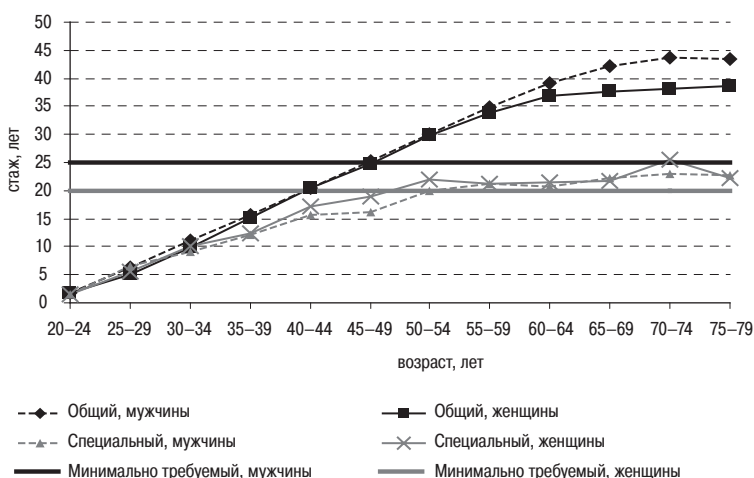
¹⁶ Поскольку в данном разделе речь идет о пенсионерах, вместо нового понятия «страховой стаж» используется термин «трудовой стаж», соответствующий прежнему законодательству.

тяжелых и особо вредных условиях труда составлял, например, 10 лет для мужчин и 7,5 лет для женщин.

Практика обязательной всеобщей занятости, существовавшая в советский период, привела к тому, что к 55–60 годам большинство работников имело стаж, значительно превышающий минимально требуемый¹⁷. По данным настоящего обследования, это превышение составляет в среднем около 10 лет (рис. 5). Минимальный же рубеж пересекается где-то между 40–44 годами у женщин и 45–49 годами у мужчин. Как показано на рис. 6, менее 10% населения имеет к 50–54 годам стаж менее 25 лет для мужчин и 20 лет для женщин. При этом новую границу стажа большинство населения вырабатывает уже к 35–39 годам¹⁸.

Рисунок 5

Средний общий и специальный стаж в зависимости от возраста респондента

Не только средний общий, но и средний специальный стаж для всех категорий досрочных пенсионеров значительно превышает минимально необходимый для назначения пенсии. Наименьшие по выборке средние значения (17,3 и 17,7 года) специальный стаж принимает у пенсионеров, работавших в особо вредных и особо тяжелых и в тяжелых условиях труда.

Поэтому несмотря на то, что в пенсионном законодательстве всегда присутствовали нормы, увеличивавшие размер пенсии за каждый год

¹⁷ Число тех, кто сейчас не работает и никогда прежде не работал, составляет статистически малозначимую величину — 17 чел., или 0,4% от числа пенсионеров.

¹⁸ Безусловно, в новой системе, где размер пенсии зависит от объема уплаченных взносов, существуют стимулы для занятости в течение значительно более пяти лет, но исследование этого вопроса лежит за пределами данного анализа.

работы сверх установленной минимальной продолжительности стажа, низкая дифференциация и маленький размер назначаемой пенсии не создавали стимулов для работы после достижения общеустановленного пенсионного возраста, если требуемый трудовой стаж к этому возрасту был выработан. Таким образом, в прошлом и по сию пору для подавляющего большинства российского населения единственным ограничителем оформления пенсии выступает возраст. Как только соответствующие пороги достигаются, человек обращается за назначением пенсии.

Рисунок 6

Пенсионеры на рынке труда

Сколько в России работающих пенсионеров?

Пенсионное поведение неразрывно связано с поведением лиц пенсионного возраста на рынке труда и в решающей мере определяет последнее. Хотя в России, в отличие от многих других стран, пенсионер может продолжать работать после оформления пенсии, получая в полном объеме и пенсию, и зарплату, пенсия, как дополнительный источник дохода, влияет на повышение ценности свободного времени и тем самым может способствовать высвобождению пенсионеров из сферы занятости. Как связано оформление пенсии и продолжение/прекращение работы? В каких секторах экономики трудятся пенсионеры? Каковы причины окончательного ухода их с работы?

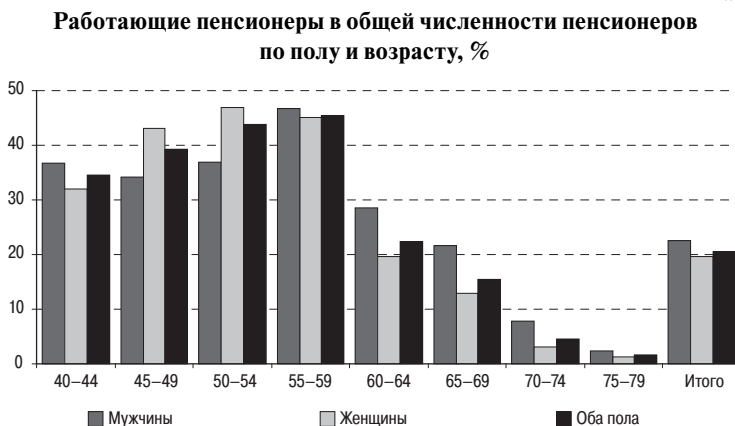
В выборке доля работающих пенсионеров составляет 19,1%, в том числе 20,5% для респондентов и 15,2% для партнеров. При этом доля работающих пенсионеров в трудоспособных возрастах достигает 42%, тогда как в пенсионных — 15%. По данным ведомственной статистики

ПФР (форма 94 «Пенсия») доля работающих пенсионеров в конце 2003 г. составляла 18,5%, а в конце 2004 г. — 20,5%.

Распределение доли работающих пенсионеров в общей численности пенсионеров по полу и возрасту представлено на *рис. 7*.

Рисунок 7

Наиболее высока трудовая активность пенсионеров-мужчин в возрастах от 40 до 60 лет — каждый второй-третий пенсионер в этом возрастном интервале работает. Достижение официального пенсионного возраста приводит к резкому снижению экономической активности. Уже в возрасте 60–64 года работающих пенсионеров 29%. 22% пенсионеров продолжает работать в возрасте 65–69 лет, затем происходит очередной резкий спад: среди ста 70-летних мужчин можно найти лишь 5 работающих.

Женщины-пенсионерки в принципе демонстрируют ту же возрастную закономерность. Однако имеются и некоторые отличия. Во-первых, в трудоспособных возрастах женщины работают чаще, чем мужчины: работающие пенсионерки составляют 32% от общего числа пенсионерок в возрасте 40–44 лет, затем эта доля повышается и достигает максимума — 47% в возрасте 50–54 лет (у мужчин в той же возрастной группе показатель равен 37%). В первом пятилетии официального пенсионного возраста для женщин (55–59 лет) занятость женщин практически не снижается (45,1%). А затем происходит резкий спад. Среди 60–64-летних работающие женщины составляют 19,6% — это более чем в два раза меньше по сравнению с предыдущим возрастным интервалом.

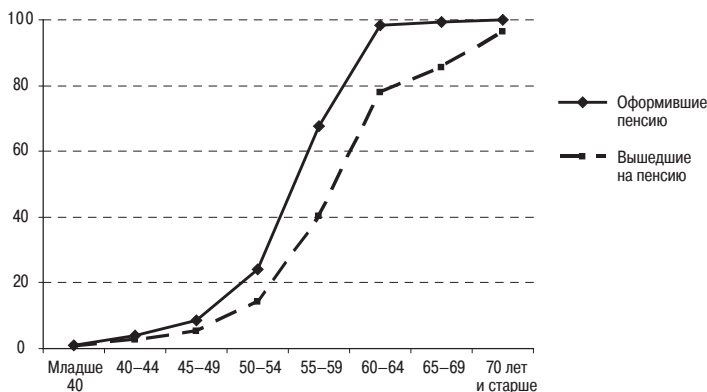
Доли занятых среди 55–59-летних пенсионеров мужчин и женщин почти равны. Более высокая экономическая активность женщин-пенсионерок данной возрастной группы по сравнению с мужчинами может быть связана с их более устойчивым состоянием здоровья. Как было

показано выше, частично эта гипотеза подтверждается гендерными различиями в ответах на серию вопросов, направленных на выявление проблем со здоровьем. Но, по сути, для значительной части женщин мы имеем дело с отложенным *выходом* на пенсию: их фактический возраст выхода с рынка труда приближается к общей границе пенсионного возраста, установленной для мужчин, — 60 лет.

В результате, разрыв между численностью пенсионеров и тех, кто покидает рынок труда, — максимальный в последнее предпенсионное десятилетие (рис. 8). Это свидетельствует о том, что большая часть досрочных пенсионеров сохраняет трудоспособность к моменту оформления пенсии.

Рисунок 8

Удельный вес оформивших пенсию и прекративших работать (вышедших на пенсию) респондентов и партнеров, % в возрастной группе респондентов

В разрезе видов получаемых пенсий более низкие масштабы занятости характерны для получателей пенсий по инвалидности. Наиболее высокие — для получателей пенсии по старости в трудоспособных возрастах. В среднем более половины пенсионеров по старости на досрочных основаниях остаются в составе занятых до достижения общеустановленного пенсионного возраста. У врачей и учителей трудится около четырех из пяти пенсионеров трудоспособных возрастов (88 и 77% соответственно). В целом высокий уровень занятости среди получателей досрочных пенсий по сравнению с другими категориями пенсионеров свидетельствует о том, что эта группа в меньшей степени, чем остальные, утрачивает трудоспособность и здоровье на момент оформления пенсии. Применительно к работникам бюджетной сферы речь идет о том, что государственная пенсионная система покрывает часть расходов, связанных с поддержанием их уровня жизни, которые должны быть ответственностью работодателя — бюджетов разных уровней.

*Как долго они работают после оформления пенсии?*¹⁹

Средний возраст выхода с рынка труда составил 54,8 года, тогда как возраст оформления пенсии (для этой же подвыборки респондентов) — 53,5 года. Для мужчин возраст выхода с рынка труда несколько выше — 56,2 года, тогда как средний пенсионный возраст — 55,1 года. Женщины покидают рынок труда в среднем в 54,2 года, тогда как оформляют пенсию в 52,8 года.

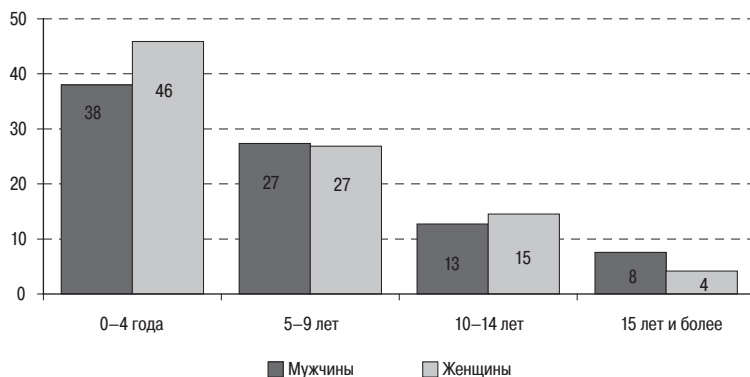
Вставка 4

Вопрос о годе прекращения работы в вопроснике относится только к респондентам. Соответственно, речь пойдет только о тех респондентах, которые уже прекратили работать. Для анализа соотношения между возрастом оформления пенсии и возрастом выхода с рынка труда были отобраны респонденты, ответившие на оба вопроса. Общее число наблюдений составило 2549 чел., или 65,6% от общего числа респондентов-пенсионеров.

Наиболее высокие уровни занятости характерны для пенсионеров в течение первых пяти лет после оформления пенсии: в это время занятость сохраняют около 1/3 мужчин и почти 1/2 женщин (рис. 9). При этом пенсионеры, находящиеся в пенсионном возрасте, демонстрируют примерно такие же показатели занятости.

Рисунок 9

Изменение доли занятых пенсионеров в зависимости от продолжительности пребывания на пенсии, % от числа пенсионеров с данным «пенсионным стажем»

На протяжении первых десяти лет после оформления пенсии продолжают работать примерно четверть пенсионеров, и лишь затем доля занятых снижается до относительно небольших значений.

¹⁹ Эконометрический анализ факторов, влияющих на продолжительность занятости пенсионеров и их выход с рынка труда, представлен в статье *Л. И. Ниворожкиной*, публикуемой в данном сборнике.

Таким образом, различия в уровнях занятости мужчин и женщин после 60 лет отчасти отражают накопленные к этому возрасту различия в продолжительности пенсионного стажа — периоде, прошедшем с момента оформления пенсии. Именно после 60 лет особенно заметен вклад пожилых женщин в выполнение домашних обязанностей, преимущественно связанных с воспитанием подрастающих внуков. Одновременно ухудшающееся с возрастом здоровье приводит к увеличению доли пожилых, не способных работать и нуждающихся в уходе.

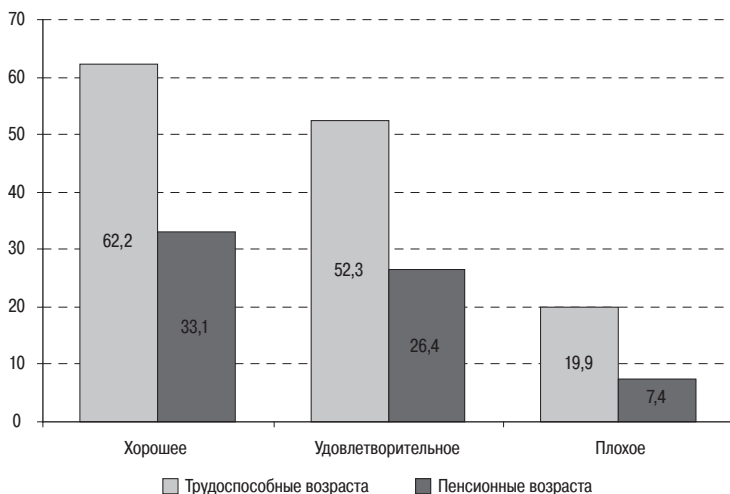
Каким человеческим капиталом они располагают?

Анализ уровней занятости пенсионеров в зависимости от характеристик их человеческого капитала (образования, здоровья) показал, что наибольшие уровни занятости характерны для наиболее образованных пенсионеров. Среди пенсионеров с высшим образованием доля работающих составляет 38%. Напротив, образование ниже среднего существенно уменьшает вероятность быть занятым, особенно после достижения общего пенсионного возраста.

Серьезно ограничивает возможности занятости и состояние здоровья. Уровень занятости среди пенсионеров по инвалидности в трудоспособных возрастах — всего 15%. На *рис. 10* хорошо видно, что разрыв в долях занятых среди пенсионеров, оценивающих свое здоровье как «хорошее» и как «плохое», составляет более трех раз. Таким образом, резкое ухудшение здоровья не только провоцирует более раннее оформление пенсии, но и приводит к выходу из оплачиваемой занятости.

Рисунок 10

Доля занятых в общем числе пенсионеров в зависимости от состояния здоровья, %

Где и как они работают?

Для большинства работающих пенсионеров в их занятости после оформления пенсии ничего не изменилось: около 60% работают на том же рабочем месте, что и раньше. Причем, как и следовало ожидать, для работающих пенсионеров, получающих пенсию на общих основаниях (т. е. с 55–60 лет), этот показатель еще выше — 70%. Эти результаты подтверждаются и другими исследованиями: например, по данным 9-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, 2000), у более, чем половины работающих пенсионеров стаж работы на последнем рабочем месте превышал 10 лет [Синявская О.В., 2003].

Одновременно пенсионеры демонстрируют довольно низкую готовность к трудовой мобильности: с той или иной степенью уверенности хотели бы сменить нынешнее место работы 8% занятых, в том числе около 14% работающих пенсионеров в трудоспособных возрастах и 5% в пенсионных.

Анализ структуры рабочих мест и уровня образования работающих пенсионеров показал, что преимущественно высокий уровень занятости сохраняют специалисты с высшим образованием (профессионалы) и работники с низкой квалификацией. Таким образом, утверждение о том, что большинство пенсионеров трудится на местах, не отвечающих их уровню квалификации, не вполне корректно. Квалифицированные работники и специалисты высшего уровня квалификации демонстрируют высокие показатели наследования прежнего профессионального статуса.

Безусловно, такая устойчивость профессиональных статусов содержит определенные опасности. В частности, положение тех работников-пенсионеров, которые прежде были заняты в качестве разнорабочих, наиболее тяжелое. Большинство современных пенсионеров заработало пенсионные права еще до начала реформ, а эти места традиционно были низкооплачиваемыми²⁰. Например, по данным РМЭЗ, уровень заработной платы разнорабочих в 1985 г. составлял 73% от среднего уровня, а в 1990 г. — 66% [Синявская О.В., 2003]. Поэтому для данной категории работа действительно сугубо вынужденная мера, способ выживания.

Поскольку наибольший уровень занятости демонстрируют пенсионеры с высшим (включая послевузовское) уровнем образования,

---

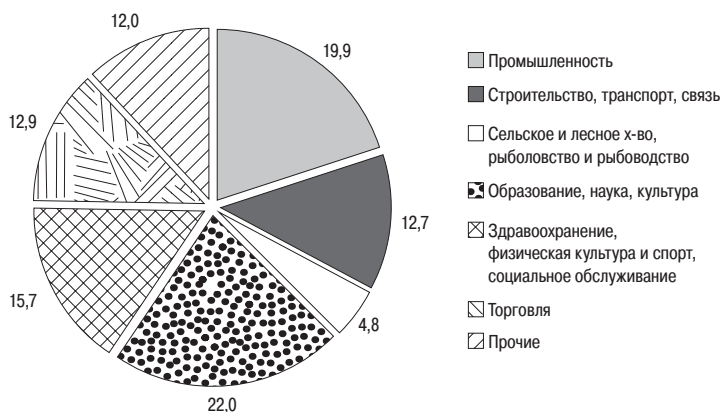
²⁰ Столь же низкие показатели оплаты труда зафиксированы у служащих и работников сферы обслуживания. Размеры их пенсий (как среди работающих пенсионеров, так и среди неработающих) — наименьшие по выборке, однако среди всех работающих пенсионеров их доля составляет около 10 %, и распределение по образовательным и профессиональным группам может быть статистически незначимым.

неудивительно, что отраслевая структура занятости работающих пенсионеров по сравнению со всей совокупностью респондентов имеет отчетливо выраженное смещение в сторону интеллектуальных сфер деятельности. На первом месте стоит образование, наука и культура (рис. 11). Если среди всех респондентов 11% заняты в сфере образования, то среди работающих пенсионеров эта доля составляет 17,5%. В сфере науки и культуры работают 4,5% пенсионеров. Второй сферой, где концентрируются пенсионеры, является здравоохранение и социальное обслуживание. Там заняты около 9% всех имеющих работу респондентов и почти 16% — пенсионеров, причем большая часть — пенсионеры, уже достигшие общеустановленного пенсионного возраста²¹. Схемы раннего оформления пенсии для работников образования (учителя) и здравоохранения в значительной степени объясняют высокую концентрацию работающих пенсионеров в этих сферах. Если к этому добавить сферу управления, органы социальной защиты, то получится, что около 40% всех работающих пенсионеров заняты в сферах, требующих высокого уровня профессионального образования.

В машиностроении и отраслях тяжелой промышленности заняты около 22% респондентов и 18,3% работающих пенсионеров. Различия не очень большие, что, по-видимому, также связано с распространенностью в этих отраслях схем льготного по возрасту оформления пенсий. Во всех остальных отраслях занятость пенсионеров существенно ниже, чем для совокупности всех респондентов.

Рисунок 11

**Распределение работающих пенсионеров по отраслям
(% ответивших респондентов)**

²¹ По данным массива, средний возраст занятых в сфере образования, науки, культуры и здравоохранения составляет 42 года, тогда как в среднем по выборке — 40 лет.

Учитывая приведенные выше данные о занятости некоторых категорий досрочных пенсионеров, такое распределение работающих пенсионеров по отраслям выглядит вполне ожидаемо. Более того, у сохранения занятости в образовании, науке, здравоохранении есть свои резоны. Работа в них, в отличие, например, от работы на транспорте, в строительстве или промышленности, не сопряжена с высокими рисками утраты профессиональной способности. Здесь не предъявляется повышенных требований к состоянию физического здоровья человека. И ухудшившееся здоровье не ведет к утрате профессиональных способностей. Напротив, с возрастом накапливается багаж знаний, опыт, профессиональная компетенция. Тем не менее сложившаяся ситуация, с точки зрения политики на рынке труда, выглядит противоречиво. Выплачивая пенсию работающим в этих областях пенсионерам, за счет ресурсов пенсионной системы удастся решить проблему нехватки кадров, однако нерешенной остается проблема привлечения молодых кадров на низкооплачиваемые бюджетные места.

Столь значительные показатели занятости пенсионеров в образовании, науке и здравоохранении объясняют более высокую концентрацию пенсионеров на предприятиях с исключительно государственной или муниципальной собственностью. В среднем по выборке на государственных предприятиях заняты 43% респондентов, тогда как среди пенсионеров таких 57%.

Как много они работают?

Объем предложения труда зависит не только от количества участвующих в рабочей силе, но и от продолжительности отработанного времени. Подавляющее большинство пенсионеров трудятся в режиме полной рабочей недели²². Тем не менее с возрастом, как свидетельствуют и материалы обследований Госкомстата, и данные настоящего обследования (табл. 7), доля занятых неполное рабочее время возрастает. В режиме неполной ставки трудятся 7,4% всех респондентов массива, имеющих основную работу, 10,6% пенсионеров, находящихся в трудоспособных возрастах и 13,4% — работающих пенсионеров старше 55–60 лет.

Пенсионеры, особенно находящиеся в пенсионных возрастах, чаще, чем другие категории занятых, работают дома — все время или частично. На таких условиях заняты 5,6% пенсионеров 55/60 лет и старше и 2,9% всех работающих. Очевидно, что это связано с отмеченной ранее

---

²² Согласно результатам исследований, проведенных в 1970-е и в 1990-е гг., подавляющее большинство работающих пенсионеров также трудились в режиме полной рабочей недели или даже больше [Население третьего возраста, 1986; Рошин С.Ю., 1999].

Некоторые характеристики занятости пенсионеров

Характеристики занятости	Трудоспособные		Пенсионного возраста	
	всего, чел.	%	всего, чел.	%
<i>полная или частичная занятость:</i>	254	100,0	544	100,0
работа на полную ставку	227	89,4	471	86,6
работа на неполную ставку	27	10,6	73	13,4
<i>где респондент обычно работает:</i>	253	100,0	538	100,0
на одном месте вне дома	224	88,5	483	89,8
Дома	1	...	10	1,9
часть недели дома, а часть — на одном месте вне дома	6	2,4	20	3,7
в нескольких местах вне дома	22	8,7	25	4,6
<i>график работы</i>	249	100,0	528	100,0
в дневное время	170	68,3	375	71,0
рабочие часы периодически меняются	36	14,5	43	8,1
круглосуточная смена — сутки работаю, двое отдыхаю и т.п.	28	11,2	50	9,5
рабочее время организованн как-то иначе	15	6,0	60	11,4

высокой долей занятых в науке и образовании, для которых характерен свободный график работы.

В старших возрастах получают распространение и другие нестандартные формы занятости: например, работа рано утром, ночью, вечерами — на их долю приходится 5% ответов у пенсионеров и 3% — у всех занятых. Относительно высока у пенсионеров и занятость в режиме круглосуточной смены — 11,2% в трудоспособных возрастах и 9,5% в пенсионных (при средней по выборке — 7%).

В результате, у пенсионера появляется возможность, не покидая полностью рынок труда, сокращать объем рабочей нагрузки. Как показывают наши данные, пенсионеры относительно чаще, чем другие категории занятых, трудятся менее 35 часов в неделю и реже — свыше 45 часов (*рис. 12*).

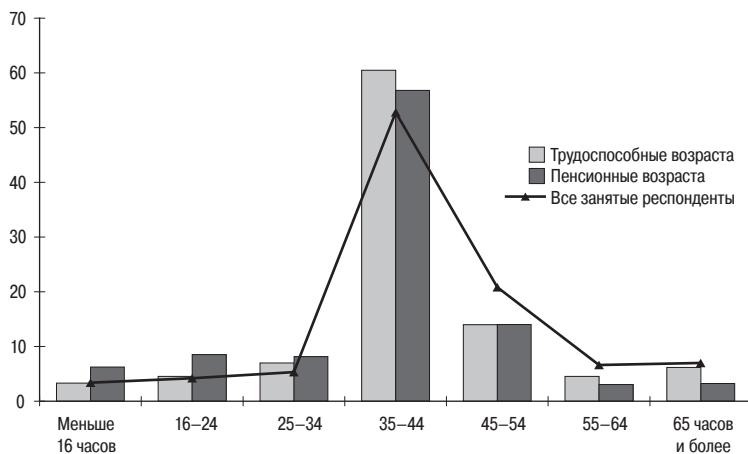
Такие формы занятости обеспечивают пенсионеру дополнительный доход, оставляя вместе с тем больше свободного времени и времени на домашние дела, включая уход за внуками и другими родственниками.

На какие доходы они живут?

Очевидно, что одна из причин сохранения занятости после выхода на пенсию связана с низким размером пенсионных выплат. Ниже приводимая *табл. 8* со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что

Распределение пенсионеров по средней продолжительности рабочей недели, %

прибавка к пенсии дохода от занятости принципиальным образом меняет ситуацию с материальным обеспечением пенсионеров.

Таблица 8

Среднемесячный размер различных видов доходов работающих и неработающих респондентов-пенсионеров, руб.

Вид дохода	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры	Отношение доходов работающих к неработающим, раз
Индивидуальный доход	5662	2101	2,69
Зарботок от основной работы	3810	—	—
Зарботок от дополнительной работы	1173	—	—
Пенсия (без дополнительной)	2057	2000	1,03
Дополнительная пенсия	431	918	0,47
Социальная помощь	174	145	1,20
Прочие виды социальных пособий	413	268	1,54

Средний уровень индивидуальных доходов работающих пенсионеров выше среднего индивидуального дохода по всей выборке респондентов (в которой присутствуют пенсионеры и непенсионеры, но последние

превалируют). Но заработная плата пенсионеров (включая заработок от основной и дополнительной работы) ниже, чем средний заработок остальных работников.

По размеру выплачиваемых основных пенсий работающие и неработающие пенсионеры практически не отличаются друг от друга, а дополнительная пенсия у неработающих пенсионеров более чем в два раза выше (918 руб. против 431 руб.). Различные социальные выплаты, наоборот, у работающих пенсионеров выше²³.

Как долго они работают после оформления пенсии?

Но если мотивы продолжения работы связаны, прежде всего, с возможностью получения дополнительного источника дохода и желанием оставаться востребованным обществом, то что же влияет на выход с рынка труда? Основным фактором, препятствующим трудовой активности, по-видимому, является плохое здоровье²⁴, так как уровень занятости среди пенсионеров по инвалидности заметно ниже, чем у получателей пенсий по старости или выслуге лет (рис. 10). Кроме того, собственная болезнь или инвалидность доминирует среди причин ухода с последнего места работы у пенсионеров трудоспособных возрастов (рис. 13).

Следующая после нездоровья группа причин ухода с работы связана с выходом на пенсию — добровольным или вынужденным. Изначально в обследовании факторы прекращения работы в связи с пенсией формулировались таким образом, чтобы отделить вынужденный уход («отправили в отставку, на пенсию и пр.») от добровольного («хотел выйти на пенсию и не работать»). Соотношение между двумя этими причинами в трудоспособных возрастах вопросов не вызывает. С одной стороны, среди досрочных пенсионеров немало бывших военных или лиц, выработавших выслугу лет и вынужденных уйти с прежнего места работы именно по этой причине. С другой стороны, тот факт, что почти половина пенсионеров в трудоспособных возрастах занята, делает ожидаемыми невысокие значения «добровольного» выхода на пенсию.

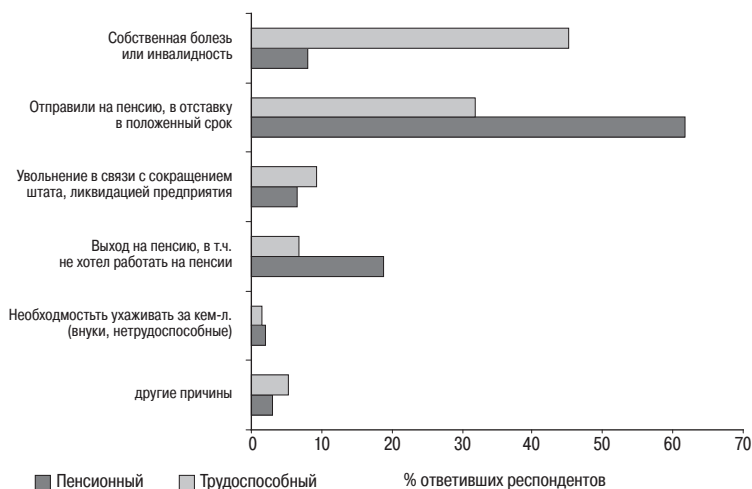
Однако массовое распространение первой причины среди лиц пенсионного возраста при имеющемся у них праве совмещать работу с пенсией свидетельствует, по-видимому, о том, что часть этой группы оставила занятость *добровольно*, достигнув пенсионного возраста, или через не-

---

²³ Здесь следует отметить, что число получателей всех видов социальной помощи в денежной форме среди пенсионеров в России до сегодняшнего дня было крайне мало, чтобы делать определенные выводы.

²⁴ В СССР мотивы, связанные с состоянием здоровья, абсолютно доминировали над всеми другими причинами ухода на пенсию и прекращения трудовой деятельности [Шапиро В.Д., 1980; Шапиро В.Д., 1983; Кремлякова Л., 1986].

Распределение респондентов по причине ухода с работы, %

которое время после этого. Другая часть пенсионеров, вероятно, могла столкнуться с проблемами поиска новой работы, потеряв прежнюю.

Крайне низкие значения (не более 2%) фактора прекращения работы в связи с необходимостью ухаживать за кем-либо (будь то внуки или нетрудоспособные взрослые) не должны вводить в заблуждение. Пенсионеры, особенно женщины-пенсионерки, по-прежнему принимают активное участие в уходе за маленькими детьми, выполнении другой домашней работы, разгружая тем самым женщин трудоспособных возрастов²⁵. Одновременно на них же часто ложится и бремя ухода за нетрудоспособными членами домохозяйства или расширенной семьи. Однако, во-первых, за исключением крайне редких случаев, когда болезнь кого-то из близких или рождение ребенка действительно *вынудили* пенсионера уйти с работы, во всех остальных ситуациях прекращение работы даже в связи с рождением внуков, например, может восприниматься человеком как добровольное. Во-вторых, возросшие домохозяйственные нагрузки необязательно приводят к выходу из состава занятых. Могут изменяться параметры занятости — увеличиваться занятость на условиях неполного рабочего времени, в нестандартное рабочее время (утренние или вечерние часы), т.е. может происходить подстройка под семейные обязанности человека.

Прекращение работы уже в статусе пенсионера для большинства из них, по-видимому, окончательно. По данным обследования, готовы

²⁵ См. статью Д.Х. Ибрагимовой «Сколько стоит российская бабушка?» в этом сборнике.

начать работать лишь 5,6% неработающих респондентов-пенсионеров (общее число — 3076 чел.), в том числе определенно хотели бы найти работу всего 1,5%. При этом, как и ожидалось, доля респондентов, склонных возобновить трудовую деятельность, выше в трудоспособных возрастах: 24 против 3%.

Таким образом, условно модель трудового и пенсионного поведения российских пенсионеров можно описать следующим образом: оформление пенсии — как только это становится возможным, работа — до тех пор, пока позволяют силы и здоровье.

Пенсионеры в семье и без семьи

Типология домохозяйств

Современные развитые общества существенно различаются по типу построения отношений между поколениями. В одних принято раннее выделение взрослых детей из родительской семьи и высокая автономия пожилых людей от взрослых детей и соответственно от своих внуков и правнуков (Северная и Западная Европа, белое население Северной Америки). В этих обществах многопоколенные семьи — большая редкость и, напротив, совсем не редкость проживание одиноких престарелых людей в коллективных домохозяйствах (домах престарелых, хосписах и т.п.). В других странах, например в Южной Европе, принято более позднее выделение из родительской семьи, а семьи, в которых проживают взрослые дети со своими родителями, встречаются чаще. Соответственно взаимоотношения между поколениями строятся на более тесной основе, и забота о пожилom человеке все еще носит традиционные семейные черты.

Россия тяготеет, по-видимому, ко второй группе стран. Более того, встретить традиционные очертания родственных отношений в России, возможно, даже легче, чем в Италии и Испании. Известно, что в России еще сохраняются традиции совместного проживания нескольких поколений, и соответственно, число домохозяйств, в которых пенсионеры разделяют совокупный доход с другими членами домохозяйства (с работающими детьми и прочими родственниками), статистически значимо.

Итак, исследовательская задача состоит в том, чтобы определить, в каких домохозяйствах проживают сегодня российские пенсионеры, насколько действительно распространены типы домохозяйств, состоящих из нескольких поколений. С другой стороны, важно также получить симметричное распределение по тем же типам домохозяйств респондентов-доноров пенсионной системы, или, в терминах российского пенсионного законодательства, респондентов-застрахованных.

Вставка 5

В основу типологии домохозяйств (*рис. 14*) были положены следующие характеристики домохозяйств: число членов домохозяйства, число проживающих в нем пенсионеров, число детей²⁶

Пенсионеры в данной типологии — те члены домохозяйства, основное текущее занятие которых в момент обследования было определено респондентом как «неработающий пенсионер» или «работающий пенсионер».

Типы домохозяйств 1–6 (*табл. 9*) охватывают домохозяйства, состоящие из одних пенсионеров (типы 1 и 2); домохозяйства, в которых пенсионеры разделяют жилище с малолетними детьми, как правило, внуками — типы 3 и 4; и домохозяйства, в которых пенсионеры проживают с другими взрослыми людьми, как правило, родственниками, но без малолетних детей (типы 5 и 6).

В типах домохозяйств 7–9 пенсионеры, по определению, проживать не могут. Тип 7 представляет собой типичную полную (с супружеским ядром) и неполную нуклеарную семью, в которой проживают только два поколения, как правило, родители/одиноким родителем со своими малолетними детьми. Тип 8 — одиноко проживающие, несемейные взрослые люди трудоспособного возраста. Тип 9 включает прочие домохозяйства взрослых трудоспособных людей без детей.

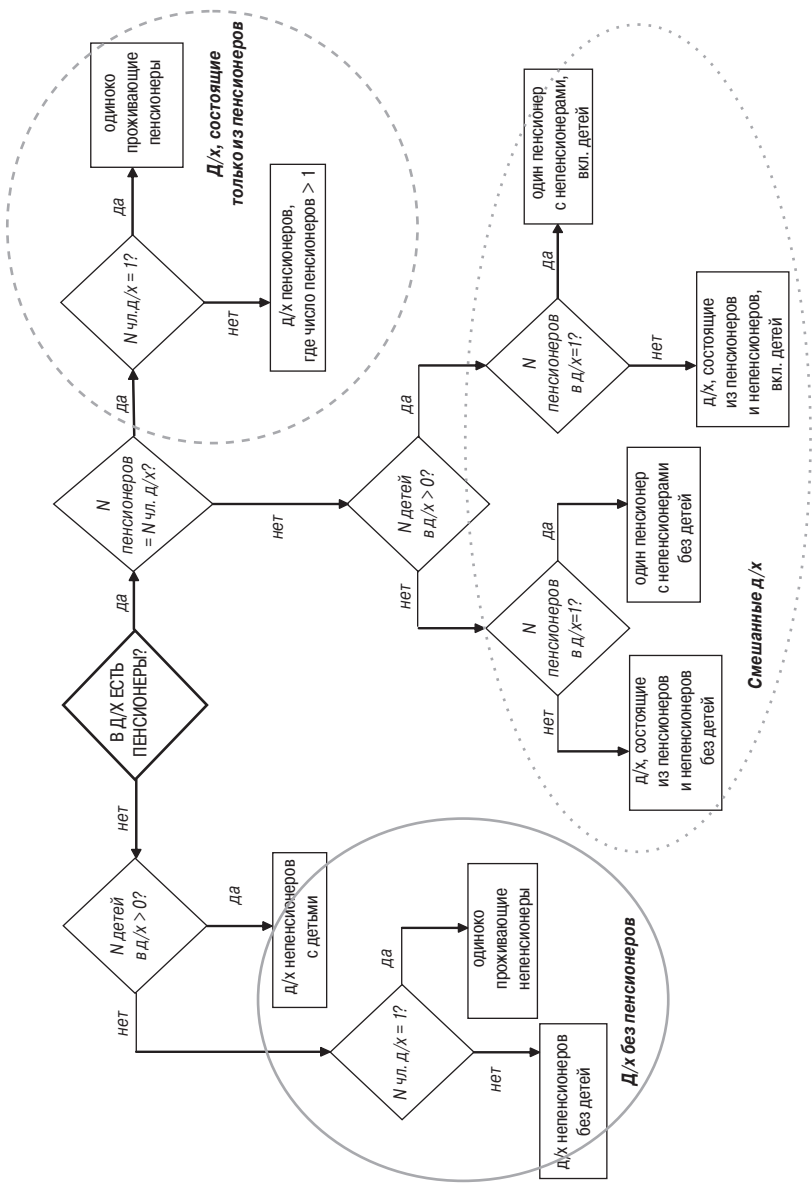
Последовательность указания типов домохозяйств с 1 по 9 отражает степень зависимости совокупного дохода того или иного типа домохозяйства от средств, получаемых из государственной пенсионной системы. В типах 1 и 2 зависимость от ПФР близка к 100% (ниже 100% она может быть только в случае трансфертов от родственников и других доноров и спонсоров, не проживающих в домохозяйстве), а в типах 7 и 9 близка к 0% (больше нуля она может быть только в случае трансфертов, поступающих от родственников-пенсионеров и прочих пенсионеров, являющихся членами других домохозяйств). Все остальные домохозяйства занимают промежуточное положение.

Рассмотрим, каким же образом оказались заполнены клетки априорной типологии всеми респондентами, респондентами-застрахованными и респондентами-пенсионерами (*табл. 9*).

---

²⁶ К детям относились дети дошкольного и школьного возраста, а также те, кто по основному текущему занятию попал в категорию «учащиеся и студенты». Необходимость выделения детей диктовалась тем, что по многочисленным исследованиям именно семьи с детьми составляют группу повышенного риска с точки зрения попадания в бедность. Появление детей увеличивает домохозяйственные нагрузки членов семьи. Кроме того, дети, в указанном выше смысле, — это в основном чистые иждивенцы, потребители доходов других членов домохозяйства.

Схема построения типологии домохозяйств

Распределение основных категорий респондентов по демографическим типам домохозяйств, %

Тип домохозяйства	Застрахованные респонденты	Респонденты-пенсионеры	Прочие респонденты	Все респонденты
1. Одиноко проживающие пенсионеры	—	33,2	—	11,5
2. Домохозяйства пенсионеров, где число пенсионеров больше одного	—	29,9	—	10,4
Всего домохозяйств, полностью зависящих от ПФР	—	63,1	—	21,9
3. Один пенсионер с непенсионерами, среди которых есть дети	9,3	12,0	8,1	10,1
4. Домохозяйства, состоящие из пенсионеров и непенсионеров, включая детей	1,8	6,2	1,2	3,3
5. Один пенсионер с непенсионерами без детей	7,7	13,0	10,2	10,1
6. Домохозяйства, состоящие из пенсионеров и непенсионеров без детей	1,5	5,7	1,7	3,0
Всего домохозяйств, частично зависящих от ПФР	20,2	36,9	21,2	26,1
7. Домохозяйства непенсионеров с детьми	52,2	—	44,4	33,4
8. Одиноко проживающие непенсионеры	8,2	—	11,2	5,6
9. Домохозяйства непенсионеров без детей	19,4	—	23,1	13,0
Всего домохозяйств, не зависящих от ПФР	79,8	—	78,8	52,0
<i>Итого:</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Если посмотреть на распределение по типам домохозяйств только респондентов-пенсионеров, то выясняется, что большинство пенсионеров (63,1%) проживают в домохозяйствах, состоящих из одних пенсионеров. Типы 1 (одинокие пенсионеры) и 2 (состоящий, главным образом, из брачных пар-пенсионеров) представлены примерно в равной пропорции: 33,2 и 29,9%. Домохозяйства, в которых пенсионеры проживают совместно с малолетними внуками, составляют 17,1%, в том числе 11,2% (т. е. большинство) — домохозяйства, в которых только один его член — пенсионер, как правило, пожилая женщина-вдова, про-

живающая со своими детьми и внуками. Наконец, имеются достаточно представительные типы домохозяйств (19,8% от всех домохозяйств), в которых отсутствуют малолетние дети, но присутствуют другие взрослые члены (типы 5 и 6). Типичный пример такого домохозяйства — пожилая мать или пожилые родители с неженатым сыном или незамужней дочерью.

Доноры пенсионной системы, «застрахованные», концентрируются в двух основных типах: нуклеарные семьи с детьми — 52,2% и без детей — 20,4%, в которых пенсионеры не присутствуют. Отметим, что в отличие от западных стран одинокое несемейное проживание взрослых людей для России не характерно — лишь 8% таких домохозяйств. Почти такой же удельный вес (8,8%) занимают домохозяйства трудоспособных с одиноким пенсионером и малолетними детьми.

В итоге (рис. 15) в 48% от числа всех домохозяйств в России есть пенсионеры и, соответственно, только чуть более половины (52%) — домохозяйства без пенсионеров. 22% — домохозяйства, состоящие только из пенсионеров, в том числе 11,5% — домохозяйства, состоящие из одного человека (одинокие пенсионеры).

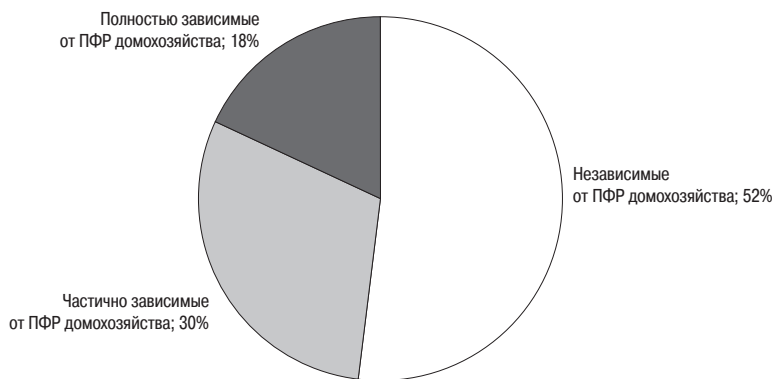
Рисунок 15

Посмотрим на это распределение с позиций зависимости домохозяйств от ресурсов, распределяемых от ПФР как главного финансового субъекта пенсионной системы. В реальности часть из этих домохозяйств (4,2%) включают в свой состав работающих пенсионеров и, тем самым, имеют доходы от занятости. 17,7% не имеют никаких источников доходов, кроме пенсии. Эти домохозяйства полностью зависят от ресурсов ПФР. Тем самым, реальное распределение домохозяйств по зависимости от финансовых ресурсов ПФР выглядит следующим образом (рис. 16).

Структура российских домохозяйств по степени реальной зависимости от государственной пенсионной системы

Каково материально-экономическое положение домохозяйств пенсионеров?²⁷

Как состав домохозяйств, в которых проживают пенсионеры, влияет на их материальное положение? Как соотносится материальное положение домохозяйств с пенсионерами и без них, по данным РИДМИЖ? Помимо комплекса симметричных друг другу и подробных вопросов о доходах респондента и его партнера, программа обследования содержит и вопросы относительно доходов домохозяйства. Однако необходимо отметить, что в отличие от *размеров* доходов, *структура* доходов может быть представлена не для всех домохозяйств, а только состоящих из респондента и его партнера. Это связано с тем, что анкета позволяет выявить информацию лишь о *наличии* в домохозяйстве доходов не от занятости (в том числе от продажи продукции личного подсобного хозяйства, от ренты, сбережений, различные льготы и субсидии и т.п.), о наличии доходов других членов домохозяйства, но не их отдельные объемы. Вместе с тем несомненным преимуществом вопросника является возможность выявления суммы и структуры межсемейных трансфертов: для этого есть целый комплекс вопросов, подробно структурированный по типам родственных и иных связей.

Оценка материально-экономического положения домохозяйства по-прежнему составляет нелегкую задачу, поэтому предварим анализ замечаниями методологического и методического характера.

²⁷ Расчеты материального положения и имущественной обеспеченности домохозяйств пенсионеров были выполнены Д.Х. Ибрагимовой.

Вставка 6

Доходы домохозяйства оценивались на следующих параметрах:

среднемесячный доход домохозяйства, который включает в себя доходы всех членов домохозяйства из всех источников, включая доходы самого респондента. В случае отсутствия прямого ответа (т. е. суммы) респондента на данный вопрос, использовались данные по вопросу, в котором респонденту предлагалось указать ежемесячный уровень доходов домохозяйства по предложенной шкале интервалов (для расчетов было принято среднее значение по каждому интервалу);

среднедушевой доход в месяц — среднемесячный доход домохозяйства, разделенный на число членов домохозяйства;

трансферты (++) — совокупные денежные поступления от родственников/близких (деньги, ценности, земля, др. собственность, наследство);

трансферты (---) — совокупные денежные суммы, переданные родственникам/близким (деньги, ценности, земля, др. собственность, наследство);

сальдо трансфертов — разность между совокупными денежными поступлениями от родственников/близких и суммами, переданными родственникам/близким;

алименты и содержание на детей от бывших партнеров включают регулярные (ежемесячные выплаты) и нерегулярные (в пересчете на месяц), а также любое другое содержание на детей респондента от бывших партнеров/супругов, не живущих в одном домохозяйстве.

Среднемесячные располагаемые ресурсы домохозяйства — максимальная оценка, выполненная из двух показателей:

вариант 1 (счетный) — сумма индивидуальных доходов респондента, совместно проживающего с ним партнера/супруга, алиментов на детей и респондента от бывших партнеров/супругов, сальдо трансфертов;

вариант 2 — среднемесячный доход домохозяйства, увеличенный/уменьшенный на сальдо межсемейных трансфертов (в зависимости от знака).

Располагаемые ресурсы (по максимальной оценке) на душу в месяц — среднемесячные располагаемые ресурсы домохозяйства, разделенные на число членов домохозяйства.

Уровень располагаемых по доходам ресурсов домохозяйств, в состав которых входят пенсионеры, в целом ниже, чем в среднем по выборке — на 17–20% (*рис. 17*), тогда как домохозяйства, где нет пенсионеров, относительно более обеспечены, что, впрочем, вполне закономерно.

Как выглядит картина при анализе доходов домохозяйств по децильным группам (*рис. 18*)? Сравним три кривые по выделенным выше типам домохозяйств.

Распределение домохозяйств, в которых нет пенсионеров, показывает U-образную форму: относительно высока доля семей с низкими доходами, далее до медианы (5-я децильная группа) она падает, а затем по мере приближения к верхним децилям возрастает, практически достигнув начальной точки.

Смешанные домохозяйства демонстрируют похожую траекторию распределения по доходам с одним существенным отличием: после достижения максимума в 8-м дециле доля домохозяйств, представленных в каждой доходной группе, вновь опускается, особенно заметно в самой верхней 10-й группе.

И принципиально иначе выглядит распределение по доходным группам домохозяйств, которые состоят только из пенсионеров. Бед-

Рисунок 17

Среднемесячные располагаемые (по доходам) ресурсы на душу по типам домохозяйств, руб.

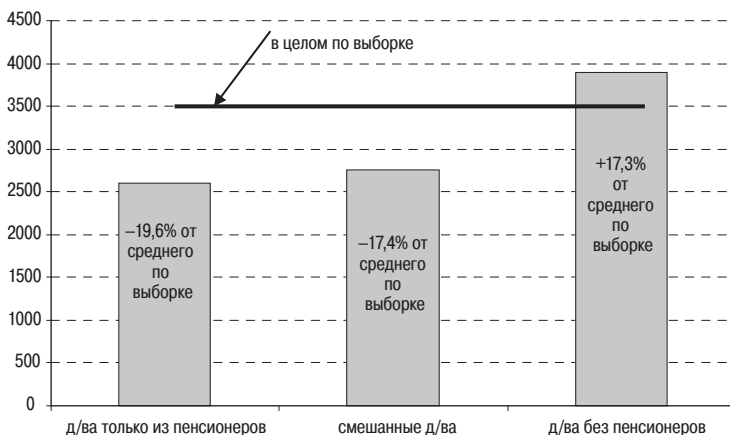
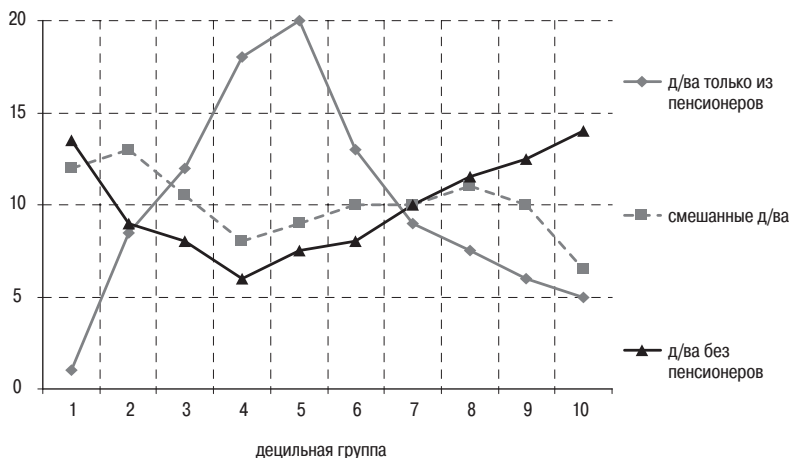

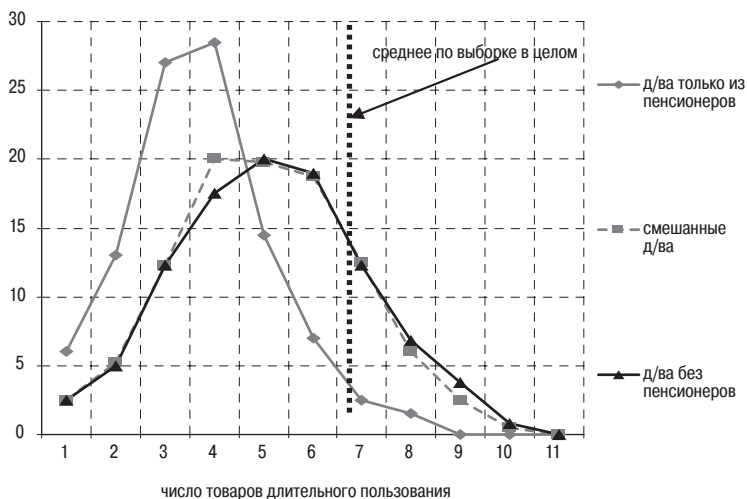
Рисунок 18

Распределение домохозяйств в зависимости от включения пенсионеров по децильным группам, %

нейших, т.е. представителей самой нижней группы, в выборке мало (1%), далее до 5-го дециля наблюдается устойчивый и весомый рост, затем падение, особенно заметное в 8–10-й децильных группах. Это означает, что большинство семей пенсионеров концентрируются в среднедоходных группах, однако с заметным смещением влево, т.е. в сторону более низких доходов.

Имущественная обеспеченность домохозяйств по типам домохозяйств, %

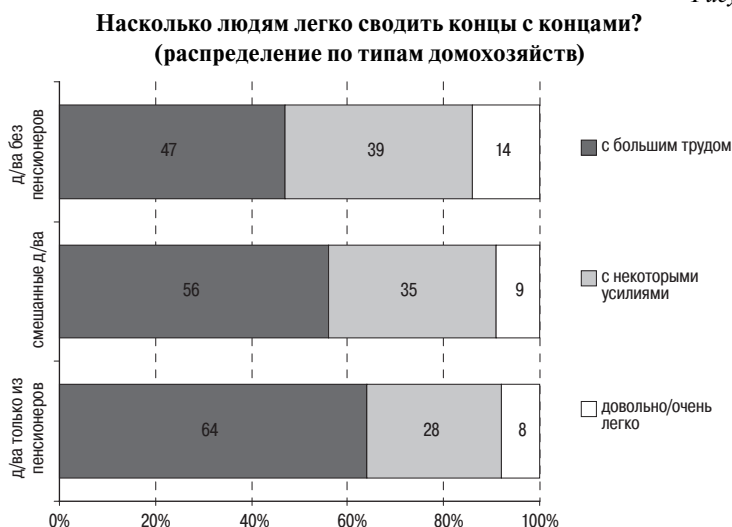
Очевидно, что причина наблюдаемых различий связана со структурой доходов этих типов домохозяйств и степенью дифференциации пенсий и заработной платы. В домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, основной источник доходов — пенсия, размеры которой слабо дифференцированы. Напротив, заработная плата, которая является основным источником дохода занятых и, соответственно, домохозяйств без пенсионеров и смешанных домохозяйств, гораздо более дифференцирована как по отраслям, так и по группам работников.

Доходы являются важной, но далеко не единственной характеристикой уровня благосостояния домохозяйства/индивидуума. К материальным активам любого домохозяйства относится имущество, о котором можно судить по наличию/отсутствию определенных предметов домашнего обихода, которые в определенной степени являются «знаковыми».

Среднее число товаров длительного пользования в расчете на одно домохозяйство в целом по выборке — 4,8, однако в домохозяйствах пенсионеров оно меньше (3,6), а в других типах — выше (5,0), причем в этих группах среднее арифметическое совпадает с медианой, что свидетельствует о нормальном в них распределении предметов домашнего обихода (рис. 19). Если же взглянуть на имущественные активы домохозяйств сквозь призму их денежных доходов, то следует закономерный вывод: наиболее уязвимые группы по доходу являются и имущественно обделенными.

Тем не менее в домохозяйствах, состоящих только из пенсионеров, даже сопоставимых по уровню денежных доходов с другими типами домохозяйств имущественная обеспеченность хуже (рис. 19). В сочетании с ограничениями, которые пенсионеры испытывают в доступе к социальным услугам [Синявская О.В., 2006], не вызывает удивления тот факт, что субъективные оценки материально-имущественного положения в семьях пенсионеров очевидно пессимистичнее, нежели в домохозяйствах двух других типов (рис. 20).

Рисунок 20

Нуждаются ли пенсионеры в помощи и уходе?

Материально-имущественное положение — лишь одна из сторон жизни человека и семьи. Жизнь пожилых людей зависит в первую очередь от состояния их здоровья, которое, как уже отмечалось ранее, оценивается нашими респондентами-пенсионерами весьма пессимистично. Среди них есть довольно много тех, кто не может обойтись без посторонней помощи для решения даже самых простых жизненных проблем. В российских семьях существует устойчивая потребность в уходе за пожилыми, престарелыми и больными людьми, который оказывается значительным числом людей, что требует от них затрат времени, физических, моральных и пр. усилий (табл. 10).

Средний возраст женщин, нуждающихся в уходе, — 69 лет, мужчин — 65 лет. Это лица пенсионных возрастов. Большинство из нуждающихся в помощи со стороны других лиц составляют женщины — их доля почти вдвое выше, чем мужчин (66 против 34%). Этому есть объ-

Помощь в уходе за взрослыми

	% от всей выборки	% от нуждающихся
Респонденты, нуждающиеся в регулярной помощи, уходе	1,7	100,0
<i>в том числе</i> получали такую помощь в течение последних 12 месяцев	1,4	79,5
<i>в том числе от:</i>		
организаций	0,4	25,1
других людей, для кого уход — не профессия	1,2	68,2
Респонденты, оказывавшие помощь кому-либо в течение последних 12 месяцев	9,0	

яснение: в свете разницы в продолжительности жизни женщины этой группы в выборке старше мужчин. Следовательно, в силу возраста они в большей мере ограничены в физических возможностях и подвержены заболеваниям.

Действительно, у 74% людей, которые нуждаются в уходе, есть заболевание, ограничивающее их активность, а у 63% — инвалидность.

Однако не все, кому необходима помощь, получают ее: доля лиц, оставшихся без такого рода поддержки, в рассматриваемой группе нуждающихся довольно весома (21%), что само по себе уже означает существование серьезной социальной проблемы.

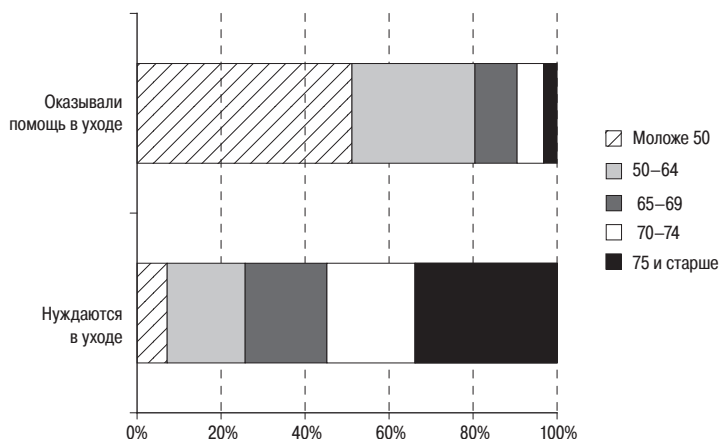
От кого получают эту помощь остальные? Институциональные услуги (услуги от организаций и учреждений) получает лишь четверть респондентов (25%). Большинство (68%) рассчитывают на помощь и пользуются услугами частных лиц — родственников, близких, знакомых, других лиц, иногда не связанных с респондентом родством, в любом случае — лиц, для которых уход за больными и пожилыми не является профессией.

Из *рис. 21* видно, что в России имеет место активный обмен социальными услугами между различными поколениями, в данном случае от трудоспособного к пожилому населению поздних пенсионных возрастов. Учитывая, что процесс интенсивного старения населения набирает силу, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в перспективе объемы этих услуг будут возрастать.

Для лиц трудоспособных возрастов в большинстве случаев оказание помощи и уход означают дополнительные нагрузки по отношению к своей профессиональной активности и домохозяйственным нагрузкам.

Более сложно выглядит ответ на вопрос, осуществляется ли обмен социальными услугами по уходу за пожилыми и больными внутри

Обмен социальными услугами по уходу между возрастными группами

домохозяйства или же вне его пределов. В 60% случаев респонденты получают помощь от членов домохозяйства, в 96% — от родственников и других лиц, живущих отдельно. Оказание помощи респондентом другому лицу также может происходить как внутри домохозяйства (56% от общего числа наблюдений), так и вне его пределов (51% случаев). Более детальный анализ показывает, что случаи межсемейного обмена (оказание социальных услуг нечленам/нечленами домохозяйства) — помощь в адрес пожилых одиноких (оставшихся без партнера) женщин, чаще всего со стороны детей/внуков, которые проживают отдельно, но выполняют некоторые функции по уходу за пожилой родственницей (матерью, бабушкой).

Между тем значительная часть социального обмена осуществляется внутри домохозяйства, что приводит к отвлечению определенных, иногда значительных, ресурсов внутри домохозяйств. Это влияет как на параметры занятости и заработной платы, так и на общий доход домохозяйств, в состав которых включены пожилые люди и люди с серьезными заболеваниями.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что почти 30% респондентов, нуждающихся в помощи, сообщали, что такой уход осуществляют лица, не являющиеся им родственниками и даже членами домохозяйства. В свою очередь, 15% из тех, кто оказывал такую помощь, также сообщили, что они ухаживают за людьми, с которыми не связаны родством и которые не являются членами их семьи. В четверти (24,4%) из этих случаев респонденты оплачивали труд этих лиц. Скорее всего, это практика найма сиделок, социальных работников, не опосредованного

социальными или медицинскими институтами, т.е. на неформальной основе, что означает существование неформального рынка социальных услуг и связанного с ним неформального рынка труда. Принципиально важно, что все случаи оплаты услуг по уходу наблюдаются в отношении одиноких пенсионеров, т.е. в тех случаях, когда пожилому человеку не к кому обратиться за помощью в уходе.

В результате просматривается следующая тактика поведения домохозяйства в отношении ухода за пожилыми и больными: в первую очередь функции по уходу берут на себя родственники, преимущественно женщины, причем независимо от того, проживает ли нуждающийся в уходе в их домохозяйстве или же живет отдельно. Если родственники не могут взять на себя эти обязанности или же родственников нет, пожилые люди и лица с серьезными заболеваниями обращаются за помощью к лицам, не связанным с ними родством. Одинок проживающие пенсионеры часто вынуждены платить за оказание услуг по уходу. Те, кто не может платить, вообще остаются без помощи. Напомним, что численность этой группы составляет 1/5 от всех, кому в силу возраста или болезни необходима помощь для реализации даже простых жизненных функций.

Эти деформации означают существование серьезной социальной проблемы и должны рассматриваться в свете формирования рынка социальных услуг и расширения предложения труда со стороны социальных работников и специализированных социальных (медицинских) институтов.

Одиночество и беспомощность²⁸

Группа, экономическое и социальное положение которой вызывают особую тревогу и озабоченность в обществе, — одинокие пенсионеры. Одинокие пенсионеры, т.е. пенсионеры, проживающие в домохозяйстве, состоящем из одного человека, составляют 11,5% от всех респондентов и 33,2% от общего числа пенсионеров.

Одинокими они стали по разным причинам. 21% из них — вдовцы и вдовы, 59% — разведенные, 14% из них никогда не имели постоянных партнеров. Это объясняет, почему у 16% одиноких пенсионеров нет детей. Наконец, лишь у 6% из них есть постоянные партнеры (разумеется, проживающих отдельно).

Одиночество пенсионеров усиливается с возрастом, главным образом по причине увеличивающейся вероятности овдоветь — к 80 годам 53% всех пенсионеров становятся одинокими. С возрастом также увеличивается распространенность заболеваний и увечий, ограничивающих

---

²⁸ Авторы благодарят С.В. Захарова за помощь в подготовке данного раздела.

трудоспособность, и инвалидность: одинок почти каждый пятый в 60-летнем возрасте, каждый четвертый в 70–74-летнем и каждый третий пенсионер в 75–79-летнем возрасте.

Одинокие пенсионеры отличаются меньшей экономической активностью, чем пенсионеры, живущие в семье, во многом по причине более плохого здоровья. В самых пожилых возрастах даже обслуживание самого себя становится серьезной проблемой — к 80 годам нуждающиеся в регулярной помощи других людей при приеме пищи и выполнении гигиенических процедур составляют до 14% от числа одиноких пенсионеров (табл. 11). Одновременно, как мы уже отмечали, именно этой категории пенсионеров не к кому обратиться за бесплатной помощью в уходе.

Таблица 11

Доля одиноких пенсионеров среди всех пенсионеров и некоторые характеристики одиноких пенсионеров в каждой возрастной группе

Возраст	Одинокие среди всех пенсионеров, %	Среди одиноких пенсионеров, %			
		не работают	страдают заболеваниями, ограничивающими трудоспособность	не имеют детей и партнеров	нуждаются в регулярной помощи других людей ⁺
18–19	—	—	—	—	—
20–24	*	**	**	**	**
25–29	*	**	**	**	**
30–34	*	**	**	**	**
35–39	*	**	**	**	**
40–44	*	**	**	**	**
45–49	15,7	81,3	**	**	**
50–54	12,3	58,3	27,8	**	**
55–59	20,8	56,1	8,9	12,2	**
60–64	31,6	79,8	18,8	19,2	**
65–69	35,2	86,9	16,5	15,2	3,7
70–74	41,7	95,0	24,0	18,9	5,7
75–79	53,2	98,7	34,9	25,7	14,0
<i>Итого 18–79</i>	33,2	86,2	22,9	18,9	6,0

Примечания. «—» — отсутствуют наблюдения; «*» — малое число наблюдений среди всех пенсионеров; «**» — малое число наблюдений среди одиноких пенсионеров; «+» — респондент нуждается в регулярной помощи при приеме пищи и гигиенических процедурах.

В наиболее тяжелом положении оказываются одиноко проживающие пенсионеры, у которых нет ни партнера, ни детей. В данной выборке таких абсолютно одиноких в демографическом смысле пожилых людей около 15% среди пенсионеров-одинок и 5% среди всех пенсионеров.

Субъективные оценки пенсионеров различных групп, %

Возраст	Ощущают себя одинокими ⁺	Не хватает людей во-круг ⁺⁺	Чувствуют себя отвергнутыми ⁺⁺	Чувствуют себя неудачниками ⁺	Ощущают страх ⁺	Плачут ⁺
<i>Одинокие пенсионеры</i>						
18–19	—	—	—	—	—	—
20–24	**	**	**	**	**	**
25–29	**	**	**	**	**	**
30–34	**	**	**	**	**	**
35–39	**	**	**	**	**	**
40–44	**	**	**	**	**	**
45–49	25,0	50,0	18,8	12,5	18,8	6,3
50–54	11,1	33,3	19,4	11,1	8,3	19,4
55–59	18,7	27,6	22,0	10,6	11,4	9,8
60–64	20,2	39,0	26,8	14,1	9,4	11,7
65–69	27,1	39,3	28,4	14,6	11,3	16,5
70–74	25,6	49,2	31,3	12,2	12,2	14,5
75–79	33,9	51,2	30,9	17,3	15,9	22,9
<i>Итого 18–79</i>	<i>25,9</i>	<i>42,9</i>	<i>28,5</i>	<i>14,0</i>	<i>12,2</i>	<i>16,0</i>
<i>Неодинокие пенсионеры</i>						
18–19	**	**	**	**	**	**
20–24	—	—	—	—	—	—
25–29	**	**	**	**	**	**
30–34	**	**	**	**	**	**
35–39	8,7	30,4	21,7	13,0	13,0	4,3
40–44	8,2	24,5	22,4	16,3	4,1	10,2
45–49	7,0	27,9	15,1	9,3	7	8,1
50–54	8,9	23,3	18,6	8,9	4,3	10,1
55–59	6,6	21,2	15,3	8,1	4,5	5,7
60–64	6,6	24,6	16,3	7,2	5,3	6,2
65–69	8,7	21,9	15,7	7,1	4,9	7,1
70–74	8,9	27,1	15,7	11,4	6,8	9,8
75–79	9,8	25,3	12,8	5,3	6,4	10,2
<i>Итого 18–79</i>	<i>8,1</i>	<i>23,9</i>	<i>15,9</i>	<i>8,2</i>	<i>5,4</i>	<i>7,7</i>

Примечания. «—» — отсутствуют наблюдения; «**» — малое число наблюдений; «+» — ответы «часто» и «почти постоянно» на прошлой неделе; «++» — ответы «да, верно» и «более или менее верно».

И в этой группе больше всего инвалидов — каждый третий, а в старших возрастах 75–79 лет — каждый второй, а также выше число тех, кто не может обойтись без посторонней помощи — каждый десятый, а в возрасте 75–79 лет — каждый пятый. Очевидно, что эта категория пенсионеров — самая депривированная часть российского населения, требующая специально ориентированных целевых социальных программ.

Между тем на вопрос, оказывалась ли им жизненно необходимая помощь со стороны государственных или общественных, благотворительных организаций в течение года, никто из них не ответил утвердительно. Если кто-то и получал такую помощь, то в половине случаев это была поддержка со стороны родственников (детей, напомним, у них нет) и в половине случаев со стороны друзей, соседей и других людей, для которых оказание такого рода помощи не является профессией. Если же расширить группу нуждающихся в повседневной помощи за счет тех, кто имеет детей, партнеров, но также утверждал, что регулярная помощь ему необходима при выполнении гигиенических процедур, то и в этом случае профессиональная помощь на регулярной основе предоставлялась не более чем на 33% от потребности.

Как же психологически ощущают себя одинокие пенсионеры в сравнении с пенсионерами, проживающими с кем-либо?

Увы, ответ на этот вопрос не удивляет (*табл. 12*). Одиночество никогда не скрашивает жизнь, особенно в пожилом возрасте, когда уходят из жизни родственники, друзья, а иногда даже дети. Человек в прямом смысле лишается социальной опоры. Одиноким пенсионер по сравнению с пенсионером, проживающим с кем-либо (супругом/партнером, детьми, внуками и др.), острее чувствует одиночество, дефицит общения и внимания со стороны других людей. Они в 2 раза чаще считают себя неудачниками и отвергнутыми обществом и людьми, ощущают страх.

От 10 до 20% всех одиноких пенсионеров имеют психологическое состояние, близкое к критическому. Одинокие пенсионеры чаще, чем другие пенсионеры, нуждаются в социально-медицинской, реабилитационной и социально-психологической помощи. Однако большая часть нуждающихся в такой помощи ее не получает.

Что в итоге?

Один из фокусов данной статьи состоял в анализе пенсионного и трудового поведения пенсионеров, незаслуженно забытого в современном научном дискурсе. Мы подтвердили тот факт, что основная проблема современной пенсионной системы состоит не столько в низком законодательном пенсионном возрасте, сколько в том, что фактический воз-

раст оформления пенсии оказывается ниже, причем для ряда категорий населения — существенно ниже, чем нормативный. Очевидно, что такая ситуация увеличивает нагрузку на финансы пенсионной системы.

Практически все пенсионеры к моменту оформления пенсии имели стаж — общий или специальный, значительно превышающий минимальные значения, установленные в законодательстве. Поскольку при этом назначение пенсии не влечет никаких ограничений в занятости пенсионера, а размер пенсии слабо отражает предыдущие заработки, оформление пенсии происходит сразу же, как только это становится возможным по закону.

Основные причины более раннего оформления пенсии — инвалидность и прежняя профессиональная деятельность пенсионера, дающая право на законодательно разрешенное назначение пенсии ранее общеустановленного пенсионного возраста.

Основная группа получателей досрочных пенсий по старости в связи с особенностями прежней трудовой деятельности — это занятые на подземных работах, в горячих цехах, в особо вредных и особо тяжелых условиях труда. В целом, получатели пенсий по профессиям, которые в перспективе предполагается переводить под действие профессиональных пенсионных систем, составляют менее половины общей численности всех досрочных пенсионеров.

Большинство досрочных пенсионеров по основаниям, связанным с прежней производственной деятельностью, сохраняют высокий уровень занятости и после оформления пенсии, причем зачастую — на том же рабочем месте. За столь высокими показателями занятости пенсионеров стоит желание поддержать уровень своих доходов. Вместе с тем это свидетельствует о слабой связи между назначением пенсии и утратой трудоспособности. По сути, из средств пенсионной системы субсидируются способные самостоятельно зарабатывать граждане. Это приводит к перераспределению ресурсов от пенсионеров к молодым поколениям.

Пенсионный возраст для получателей пенсии по инвалидности в трудоспособных возрастах наиболее низкий. Именно состояние здоровья трудоспособного населения может стать основным препятствием на пути к повышению фактического пенсионного возраста и фактического возраста выхода с рынка труда. Этот же аргумент может влиять и на перспективы повышения нормативного пенсионного возраста.

Уровень занятости пенсионеров снижается постепенно с увеличением возраста и продолжительности периода с момента оформления пенсии. Наиболее высокие уровни занятости характерны для пенсионеров в течение первых пяти лет после оформления пенсии.

Большинство пенсионеров продолжают работать там же, где они работали до оформления пенсии, и демонстрируют низкую готовность

к смене места работы. Одновременно лишь немногие неработающие пенсионеры хотели бы возобновить трудовую деятельность, что свидетельствует о «невозвратном» характере выхода с рынка труда после назначения пенсии.

Сферами наибольшей концентрации занятости пенсионеров выступают бюджетные рабочие места в сфере образования, науки, здравоохранения и пр. Это обуславливает большее распространение гибких форм организации занятости среди пенсионеров: работа на неполной ставке, меньшее количество часов, дома и др.

Обозначенные параметры занятости пенсионеров имеют свои плюсы и минусы. С одной стороны, высокая трудовая активность пенсионеров и, соответственно, лиц пожилых возрастов, является несомненным благом для российского рынка труда в условиях старения населения. Одновременно доходы от занятости позволяют существенно улучшить материальное положение пенсионеров и тем самым, снизить социальную напряженность, связанную с низким размером пенсии. С другой стороны, концентрация занятых в бюджетных секторах экономики пенсионеров в сочетании с более низким фактическим возрастом назначения пенсии работникам этих отраслей означает скрытое перераспределение ответственности государства по обеспечению приемлемого уровня доходов учителям, врачам, библиотекарям на плечи работодателей других секторов экономики. Более того, во многом вынужденный характер продолжения работы пенсионерами может привести к заметному снижению экономической активности пожилого населения России в случае, если уровень пенсии удастся существенно поднять. И вот тогда реальной проблемой станет низкий фактический возраст назначения пенсии.

Второй фокус данной работы, отличающей ее от других работ по пенсионной проблематике, был связан с вниманием к проблеме социального обслуживания пожилых и вопросу положения одиноких пенсионеров. Оба этих сюжета будут все более актуальны по мере старения российского общества.

Исследование показало, что в России имеет место значительный по объему обмен социальными услугами между различными поколениями, в данном случае от трудоспособного к пожилому населению, главным образом поздних пенсионных возрастов. Неразвитость рынка социальных услуг пожилым приводит к отвлечению иногда значительных ресурсов внутри домохозяйств. В большинстве случаев для лиц трудоспособных возрастов оказание помощи и уход означают дополнительные нагрузки по отношению к своей профессиональной активности и домохозяйственным нагрузкам. Кроме того, сегодня крайне слабое развитие рынка социальных услуг вызвало существование значитель-

ного неформального сектора на этом рынке и связанного с ним неформального рынка труда. Учитывая, что процесс интенсивного старения населения набирает силу, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в перспективе потребности в этих услугах будут увеличиваться, а нерешенные проблемы — обостряться.

Одинокие пенсионеры — большая по численности социальная группа российского населения. Каждый третий пенсионер живет один. Экономическая активность у них снижена по сравнению с другими пенсионерами, главным образом из-за проблем, связанных со здоровьем. У многих одиноких пенсионеров психологическое состояние, близкое к критическому. Одинокие пенсионеры чаще, чем другие пенсионеры, нуждаются в социально-медицинской, реабилитационной и социально-психологической помощи. Однако абсолютно большая часть нуждающихся в такой помощи не получает ее.

Анализ в разрезе домохозяйств вскрыл принципиально важное обстоятельство. Хотя формально численность пенсионеров, т.е. лиц, материальное положение которых зависит от ПФР, составляет четверть населения страны, реальная степень экономического влияния Пенсионного фонда значительно выше. От общественных средств, перераспределяемых через ПФР, зависят (полностью или частично) доходы 48% всех домохозяйств в России, т.е. около половины всех российских семей. Около 20% домохозяйств полностью зависят от платежей из ПФР. Эта конфигурация позволяет по-новому оценить важность финансовой устойчивости и социальной ответственности ПФР как крупнейшего финансового института страны.

Литература

1. Баскаков В.Н., Баскакова М.Е. О пенсиях для мужчин и женщин: социальные аспекты пенсионной реформы. — М.: Московский философский фонд, 1998.
2. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: Коллективная монография / Под ред. Т.М. Малевой. — М.: Московский центр Карнеги, 1998.
3. Бодрова Е. Пенсия как элемент социальной защиты: отношение населения к системе пенсионного обеспечения // Мониторинг общественного мнения. 1998. №4. Июль-август.
4. Вовк Е. Старики в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия // Отечественные записки. 2005. №3. С. 177–183.
5. Гурвич Е.Т. Распределительный эффект российской пенсионной реформы. Научные доклады РЭШ. 2002.
6. Денисенко М. Б. Благосостояние и внутрисемейные трансферты пожилых людей в городах России (по материалам обследований в Нижнем Новгороде, Орле и Твери) // Демографические и социально-экономические аспекты

- старения населения (вторые Валентеевские чтения): в 2 кн. Кн. 1. — М., 1999. С. 150–161.
7. *Дмитриев М., Помазкин Д., Синявская О. и др.* Финансовое состояние и перспективы реформирования пенсионной системы в Российской Федерации. — Варшава, CASE — Центр социально-экономических исследований, 1999.
  8. Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность / Рук. авт. колл. Л. Н. Овчарова; Независимый институт социальной политики. — М.: ГУ ВШЭ, 2005.
  9. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под ред. Н. М. Римашевской. — М., 2001.
  10. *Иванова Е. И.* Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1: GP1/2003/04/ Независимый институт социальной политики. — М., 2003. С. 135–164.
  11. *Колобаев О. М., Кокорев Р. А.,* Накопительные принципы пенсионной реформы: попытка переосмысления // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. №4. С. 5–23.
  12. *Кремлякова Л.,* Трудовая активность пенсионеров-колхозников // Население третьего возраста. — М.: Мысль, 1986. С. 233–244.
  13. *Кривошекова Е., Окунева Е., Окунев В.* Обязательное пенсионное страхование: теория и практика российской пенсионной реформы // Вопросы экономики. 2006. №6. С. 120–135.
  14. *Малева Т. М.* Финансовое состояние Пенсионного фонда: взгляд в среднесрочную перспективу // Современные проблемы пенсионной сферы: комментарии экономистов и демографов / Под ред. Т. М. Малевой. — М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 9–31
  15. *Малева Т. М., Васин С. А., Голодец О. Ю. и др.* Инвалиды в России: причины и динамика инвалидности, противоречия и перспективы социальной политики. — М., 1999.
  16. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. Аналитический доклад. — М., 2005.
  17. Население третьего возраста. — М.: Мысль, 1986.
  18. Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы / Под ред. М. Э. Дмитриева, Д. Я. Травина. — СПб.: Норма, 1998.
  19. Пенсионная система в России: оценка специалистов / Под ред. В. Н. Баскакова, А. С. Орлова. — М.: Редакция журнала «Пенсия», 1999.
  20. *Преснякова Л.* Социальный, материальный и эмоциональный климат старости в России // Отечественные записки. 2005. №3. С. 141–153.
  21. *Римашевская Н. М., Кислицына О. А.* Доходы и сбережения пенсионеров // Народонаселение. 1999. №3–4. С. 33–49.
  22. *Рошин С. Ю.* Трудовая активность населения старшего возраста // Демографические и социально-экономические аспекты старения населения (вторые Валентеевские чтения): Сб. статей. — М., 1999. С. 134–150.
  23. *Синявская О. В.* Российские пенсионеры: в чем их бедность и уязвимость? // SPERO. 2006. №4. С. 66–90.

24. *Сиявская О.В.* Перспективы повышения пенсионного возраста в России / Серия научных докладов ASPE, 2002, №9. — СПб: Европейский дом, 2003.
25. *Соловьев А.К.* Финансовая система государственного пенсионного страхования в России. — М.: Финансы и статистика, 2001.
26. *Шапиро В.Д.* Социальная активность пожилых людей в СССР. — М., 1983.
27. *Шапиро В.Д.* Человек на пенсии: социальные проблемы и образ жизни. — М.: Мысль, 1980.
28. *Esping-Andersen G., Gallie D., Hemerijck A. et al.* Why We Need a New Welfare State? Oxford University Print. — NY, 2002.
29. *Gruber J., Wise D.* An International Perspective on Policies for an Aging Society// NBER Working Paper. 2001. January. №8103.

Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться?

Введение

По прогнозам демографов, XXI в. станет периодом интенсивного старения населения. Во второй половине XX в. средняя продолжительность жизни людей в мире увеличилась на 20 лет, что в сочетании с сокращением рождаемости в большинстве развитых стран привело к росту общей численности людей пожилого возраста и увеличению их доли в общей массе населения. По имеющимся данным, в 2001 г. возраст каждого десяти жителя Земли превышал 60 лет. По прогнозам ООН, к 2050 г. люди в возрасте старше 60 лет будут составлять свыше 1/3 населения Земли. Ситуация изменится уже к 2030 г., когда в развитых странах мира 25% населения будет старше 65 лет, и, если не предпринять радикальные и непопулярные реформы в сфере социального обеспечения, соотношение работающих налогоплательщиков и пенсионеров составит 1 : 1. Очевидно, что в этой ситуации даже самые благополучные страны не смогут обеспечить растущей массе новых пенсионеров тот же уровень жизни, который имели их родители. В сущности, все эксперты говорят о более позднем выходе на пенсию, увеличении налогов и широком привлечении иммигрантов из трудоизбыточных стран с высокой рождаемостью.

В сегодняшней России разговоры о долголетию и проблемах стариков кажутся не совсем уместными. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин не превышает пенсионного порога. Минимальная ожидаемая продолжительность жизни была отмечена в 1994 г. (57,6 года для мужчин и 71,2 года для женщин). С тех пор отмечается незначительный и неустойчивый ее рост. Тем не менее и население Российской Федерации переживает период устойчивого демографического старения. С 1979 до 2006 г. процентная доля лиц старше трудоспособного возраста возросла с 16,3 до 20,4%. Особенно возрастает численность старших возрастных групп — после 75–85 лет (процентная доля лиц старше 85 лет увеличилась с 1979 по 2000 г. в 2 раза).

Другая проблема пожилого населения — устойчивое превышение численности женского населения над мужским. Среди жителей страны в возрасте 60 лет и старше доля мужчин составляет только треть (33,7%).

Значительные различия в уровне ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин — особенность социально-демографической ситуации в нашей стране. Во всех развитых странах женщины живут дольше мужчин в среднем на 2–5 лет. В России этот разрыв составляет 13–14 лет и является самым большим в мире.

Еще одна проблема, тесно связанная с увеличением доли пенсионеров, — рост демографической нагрузки на работающее поколение. По состоянию на 1 января 2006 г. на 100 человек трудоспособного возраста приходилось 58 человек нетрудоспособного (в совокупности лиц старше и моложе трудоспособного возраста). С середины 1990-х в структуре нетрудоспособных начали доминировать пожилые. В дальнейшем эта тенденция будет только нарастать. К 2015 г., по прогнозам, в нашей стране, будет 34,7% престарелых.

Несмотря на столь негативную тенденцию, есть основания полагать, что в ближайшие годы люди, достигшие пенсионного возраста, будут значительно активнее своих предшественников. По-видимому, в недалеком будущем 70- и 80-летние работающие пенсионеры станут обычным явлением. Дело не только в том, что жизнь заставит, — люди сами не захотят уходить, а сокращение рождаемости снизит давление на рабочие места «стариков» со стороны молодежи. Работать пожилым придется еще и потому, что сама их возросшая численность не позволит относительно малой доле молодых содержать их.

Сдвиги в демографической структуре коренным образом влияют на все социальные процессы в обществе. Поколения, достигшие пенсионного возраста, могут и должны продолжать реализацию накопленного потенциала, оставаться позитивным фактором экономического и социального развития, а не бременем для молодых.

Постановка проблемы и исходные данные. В работе предпринята попытка исследования воздействия комплекса социально-экономических факторов на вероятность для пенсионера продолжать работу после пенсии и оценка риска прекращения этой деятельности спустя определенный промежуток времени после оформления пенсии по возрасту.

Эмпирический анализ базировался на данных первой волны выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее — РИДМЖ).

Объектами исследования были лица, которые, оформив трудовую (или государственную) пенсию по старости (или возрасту), продолжали работать. В анализ были включены и пенсионеры, продолжающие трудиться. В контексте поставленной цели анализируемый период времени представлял собой интервал от момента официального оформления пенсии (выход на пенсию) до момента фактического прекращения работы или до окончания наблюдения.

Эконометрические основы анализа. Эконометрическое моделирование детерминант продолжительности работы после оформления пенсии, риска прекращения работы после выхода на пенсию проведено на основе методологии анализа транзитных данных. На сегодняшний день методы анализа событий, определяемых в терминах изменений во времени, привлекают все большее внимание отечественных исследователей, однако их широкому распространению препятствуют дефицит литературы по этим методам моделирования и необходимость в специально организованных данных. Проект РиДМиЖ — один из немногих информационных источников, который позволяет осуществить анализ событий, претерпевающих некоторые качественные изменения, происходящие в определенные моменты времени.

Временной промежуток анализа — период от даты официального выхода на пенсию до даты окончательного увольнения с работы или наблюдения. Единица измерения — месяц, а количественная мера временного интервала — количество месяцев, отработанных пенсионером после выхода на пенсию.

Событие, которое нас интересует, — продолжительность работы пенсионера после его выхода на пенсию. Почему одни пенсионеры прекращают работу через год, а другие работают гораздо дольше? Как изменяются во времени шансы выхода пенсионера из состава работающих? Для выяснения причин этого необходимы объясняющие переменные, способные пролить свет на «историю событий»¹.

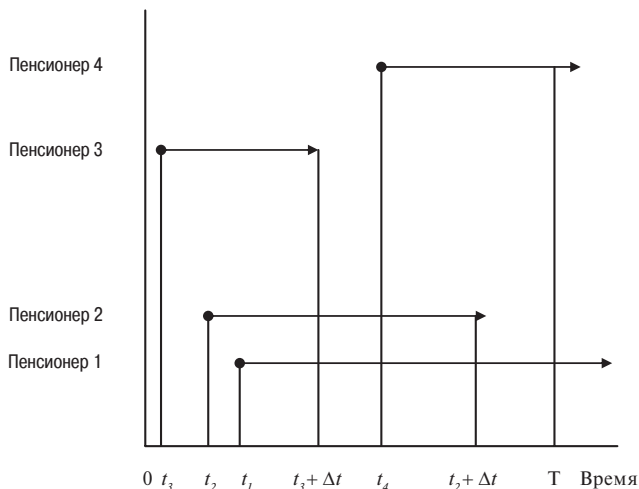
База данных организована для лиц, продолжавших работу после оформления пенсии, по временным отрезкам. Это значит, что имеется матрица размерностью $n \times m$, где n (1, 2, 3, ... i ... n) — число событий (работавших пенсионеров), а m — вектор переменных (время, социально-демографические, профессионально-квалификационные и др.). Временные переменные для каждого события включают начальное время для каждой переменной, продолжительность события и время завершения события, показывающее момент перехода в другое состояние.

На *рис. 1* показаны возможные состояния событий.

---

¹ Особенностью анализа социально-экономических явлений, где исследовательский интерес сосредоточен на наступлении событий, изменяющихся во времени, и причинах наступления этих событий, является терминологическое разнообразие. Для исследователей-социологов, политологов более привычным является термин «история событий (Event history analysis)» [1], для медиков и демографов — «анализ дожития (survival analysis)» [2], в технических приложениях — «анализ данных типа времени жизни [3]. В эконометрическом моделировании чаще используется термин — «анализ длительности (duration analysis) [4] либо «анализ транзитных данных (analysis of transition data)» [5]. Последний термин ввел в оборот Т. Ланкастер, который пояснил, что термин «транзитные данные» относится не только к продолжительности события, но и к тому, что произойдет, когда оно закончится.

Наблюдение за 4 работающими пенсионерами с распределенными во времени моментами вступления в занятость после оформления пенсии и выхода из состояния занятости

Наблюдения, представленные на рисунке, показывают, что произошли четыре события и имеются завершённые промежутки времени для работающих пенсионеров 2 и 3. Наблюдение для пенсионера 2 иллюстрирует, что он (она) оформил выход на пенсию в момент t_2 (стартовое время) и затем уволился (перешел в другое состояние) в момент $t_2 + \Delta t$ (время завершения события). Продолжительность его работы после пенсии есть $((t_1 + \Delta t) - t_1)$.

Стрелки вне наблюдаемого периода (для пенсионеров 1 и 4) определяют цензурированные наблюдения. В такой ситуации мы не знаем, что случилось с пенсионером по окончании наблюдаемого периода (T): уволился ли он или продолжил работу. Точное время окончания трудовой деятельности этих пенсионеров неизвестно. Кроме того, что продолжительность работы после пенсии для них превышает время наблюдения. Характеристики нецензурированных (завершённых) и цензурированных событий определены с помощью индикаторной переменной следующим образом. Предположим, что пенсионер i ($i = 1, 2, \dots, n$) оформил выход на пенсию в момент времени t_i , но продолжал трудовую деятельность до момента окончательного увольнения $t_i + \Delta t$. Наблюдаемое календарное время — $(0, T)$, где T верхнее временное ограничение, при котором завершённое наблюдение стартует и завершается внутри этого интервала. Отсюда определяем следующую индикаторную переменную:

$$\delta_i = \begin{cases} 0, & \text{если } i \text{ объект завершил трудовую деятельность после выхода на пенсию} \\ & \text{в течение наблюдаемого периода: } T \geq t_i + \Delta t \text{ (нецензурирован)} \\ 1, & \text{если } i \text{ объект продолжает трудиться после выхода на пенсию} \\ & \text{по окончании наблюдаемого периода: } T < t_i + \Delta t \text{ (цензурирован)} \end{cases}$$

Пусть теперь T — продолжительность трудовой деятельности после выхода на пенсию. Распределение T периодов работы характеризуется тремя взаимно однозначными функциями.

$S(t)$ — функция надежности (дожития). Это вероятность того, что период работы после выхода на пенсию превысит для пенсионера t (число дней, недель, месяцев и т.д.):

$$S(t) = Pr(T \geq t) = 1 - F(t). \quad (1)$$

Отсюда $S(t)$ — неубывающая функция времени t со свойствами $S(t)=1$ для $t=0$ и $S(t)=0$ для $t=\infty$. Вероятность продолжать работу по крайней мере в промежутке времени, равном 0 равна 1, и вероятность трудиться всю жизнь равна 0. Если нет цензурированных наблюдений, функция надежности оценивает долю пенсионеров, продолжающих после пенсии трудиться дольше, чем t .

Функция плотности оценивает вероятность отказа (увольнения с работы и перехода пенсионера в неработающее состояние) в малом интервале времени $t+\Delta t$:

$$f(t) = dF(t)/dt. \quad (2)$$

Функция риска $h(t)$ задает условную вероятность отказов. Она определяет риск уволиться в течение малого промежутка времени, в предположении, что пенсионер работал до начала этого периода:

$$h(t) = \frac{f(t)}{1 - F(t)} = \lim_{\Delta t \rightarrow 0} Pr(t \leq T < t + \Delta t \mid T \geq t) / \Delta t, \quad (3)$$

где $F(t)$ — функция распределения, а $f(t)$ — функция плотности.

Функция риска может быть интерпретирована как мгновенная вероятность того, что событие произойдет в промежуток времени в интервале $[t, t+\Delta t]$ при условии, что оно не произошло до начала этого интервала. Однако функция риска не является условной вероятностью, поскольку может быть больше 1, поэтому она и называется интенсивностью, или уровнем, риска. Для малого Δt , $h(t) \Delta t$ может быть записана как аппроксимация условной вероятности $P(t \leq T < t + \Delta t \mid T \geq t)$. При отсутствии цензурированных наблюдений функция риска может

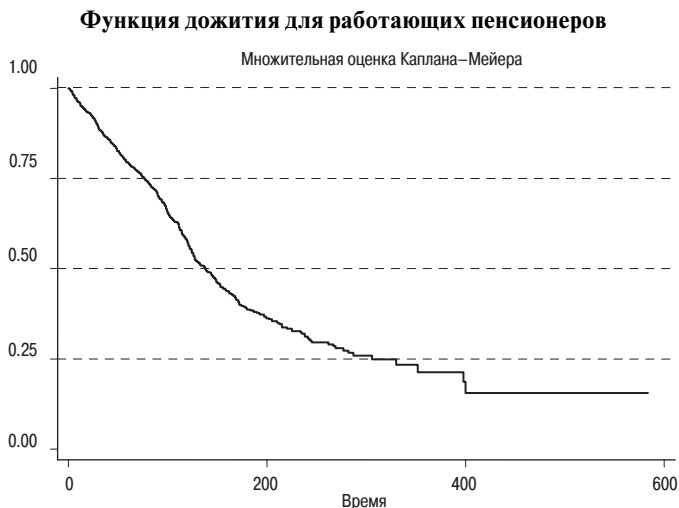
быть интерпретирована как условная вероятность, например, того, что пенсионер, проработавший после оформления пенсии 9 месяцев, на десятый месяц уволится.

Мы используем термин «риск выхода» для обозначения ожидаемого риска прекращения работы пенсионером, продолжавшим (или продолжающим) трудовую деятельность после выхода на пенсию любом в месячном интервале.

Среднее время работы после оформления пенсии для нецензурированных наблюдений составило 72,2 месяца, с учетом цензурированных наблюдений — 74,4 месяца. Более 20% пенсионеров завершили работу в течение года после оформления пенсии. Затем в течение следующих двух лет завершали работу в среднем по 10% пенсионеров, на четвертом и пятом годах по 7,5%, а затем до 10 лет выходили из занятости от 4 до 5% пенсионеров. Более 10 лет продолжали трудовую деятельность свыше 21% пенсионеров, а 90% вышли из состояния занятости спустя 15 лет после оформления пенсии.

На начальном этапе анализа факторов, влияющих на продолжительность работы после пенсии и «риска» прекращения работы, полезным является использование непараметрических методов анализа, поскольку форма распределения функции априорно нам неизвестна. Графическое представление функции может помочь в выборе подходящего параметрического закона распределения. Наиболее распространенным методом оценки функций дожития и риска является множительная оценка Каплана-Мейера, которая позволяет оценить функции дожития и риска с учетом цензурирования.

Рисунок 2

На *рис. 2* показано число пенсионеров, прекративших работу, относительно общего числа работающих пенсионеров в каждой точке времени. График демонстрирует достаточно резкий уклон: 25-процентный квантиль равен 77 месяцам, 50-процентный — 138 месяцам и 75-процентный — 306 месяцам.

Непараметрическая оценка функции риска представлена на *рис. 3*. Она указывает на рост функции риска на интервале до 120 месяцев. Пик выхода — на рубеже десятилетия работы после оформления пенсии. Затем на интервале до 340 месяцев функция убывает и вновь возрастает. Основная часть (80%) работающих пенсионеров завершает трудовую деятельность в течение 10 лет после оформления пенсии. Для остальных пенсионеров мотивация связана с пожизненным трудом, всплеск риска после 340 месяцев можно объяснить, по-видимому, естественным выбытием.

Рисунок 3

Функция риска для работающих пенсионеров (по эмпирическим данным)

Отбор наблюдений и переменных. Как уже указывалось, для анализа в общем массиве были отобраны пенсионеры, которые оформили трудовую (или государственную) пенсию по старости (или по возрасту) и продолжали время работать после ее оформления. Мы исходили из предположения, что мотивы продолжать работать на пенсии у пенсионеров-инвалидов, военных несколько иные, нежели у пенсионеров по старости. В результате набор данных составили 1849 наблюдений из которых 616 цензурированных.

В качестве детерминант, влияющих на продолжительность работы после пенсии, риска ее прекращения, были отобраны переменные, от-

ражающие социально-демографический и профессиональный статус работающих пенсионеров.

Потребность в работах, наличие вакансий в существенной степени варьируются в зависимости от того, где живет пенсионер. В большом городе спрос на труд намного выше, чем в поселке, на селе специфика занятости во многом определяет возможности продолжения работы. Для выявления этих моментов в дальнейший анализ были включены переменные, характеризующие тип поселения.

Вопросы, относящиеся к трудовой деятельности, включали отрасль занятости, статус в занятости: наемный работник или самозанятый, занят на полную или неполную ставку, был ли трудовой договор временным или постоянным. Кроме того, был учтен вопрос, в котором пенсионеры оценивали состояние своего здоровья.

Переменные, доступные для моделирования, также включали пол, возраст, образование. Учитывалось наличие брачного партнера и число членов домохозяйства, поскольку именно семейное положение, структура домохозяйства, на наш взгляд, в наибольшей степени влияют на решение пенсионера о продолжении трудовой деятельности и сроке работы. Для дальнейшего анализа мы сгруппировали пенсионеров по полу и семейному положению (*табл. 1 Приложения*).

Работающие пенсионеры в возрасте 65 лет и старше составляют 56%. Среди них с неполным средним образованием — 37%. 26% пенсионеров трудятся в сфере образования, здравоохранения и культуры. Следует отметить, что эта доля приблизительно совпадает с долей пенсионеров с высшим образованием. Особенность российского рынка труда — отсутствие рабочих мест с неполной занятостью. Как результат, 85% пенсионеров трудятся на полную ставку.

Логистическая модель детерминант выбора: прекращение или продолжение работы после выхода на пенсию. Что влияет на решение пенсионера о продолжении работы после оформления пенсии? Мы разделили выборку всех пенсионеров на тех, кто никогда не работал после наступления пенсионного срока, и тех, кто работал, и построили логистическую модель для этой дихотомической переменной (*графа 3 табл. 2 Приложения*).

По сравнению с одинокими работающими пенсионерками вероятность продолжить работу после пенсии, при прочих равных условиях, выше лишь у женщин с работающими мужьями.

Чем выше уровень образования, тем выше шансы продолжать работу, особенно у тех, кто трудится в сфере образования, здравоохранения и культуры. Работники сельского хозяйства предпочитают после оформления пенсии прекращать работу (по крайней мере, в общественном секторе). Те, кто работал перед пенсией на полную ставку, на постоянной основе, и наемные работники, вероятнее оставляют работу. Плохое состояние здоровья также существенный фактор прекращения работы после пенсии.

Разница в возрасте партнеров не играет существенной роли в решении о продолжении работы. А нагрузки по переменным возраста указывают на то, что относительно молодые возрастные когорты больше настроены на продолжение работы после пенсии, чем те, кто вышел на пенсию ранее.

Выбор модели продолжительности работы после выхода на пенсию. При выборе модели для анализа транзитных данных наиболее важными представляются две проблемы. Первая — способ, которым мы будем контролировать возможное наличие ненаблюдаемой гетерогенности, и вторая — выбор формы распределения для функции риска. Многие авторы указывают на крайнюю важность учета ненаблюдаемой гетерогенности. Если исследователь пренебрегает возможным влиянием неучтенных в модели факторов, коэффициенты такой модели могут оказаться существенно смещенными, а результаты ее интерпретации неверными. При оценке модели мы исходили из предположения о параметрической форме гамма-распределения ненаблюдаемой гетерогенности, следуя в своем выборе обоснованиям, представленным в работах ряда исследователей [6]. Более того, принимая во внимание тот факт, что значительная часть пенсионеров (20%) после оформления пенсии выходит из занятости в течение года, лишь «дорабатывая» некоторое время (например, для преподавателей это может быть завершение учебного года), естественно предположить, что мотивация на продолжение работы у них иная, чем у тех, кто продолжает трудиться дольше. Для учета этого обстоятельства мы разделили компоненту ненаблюдаемой гетерогенности между пенсионерами, выходящими из занятости на различных временных отрезках².

Результаты оценок моделей с параметрами, задающими различные законы распределения функции риска, зачастую могут привести исследователя к противоречивым заключениям о форме риска. Поэтому необходима проверка соответствия характера эмпирических данных некоторой теоретической модели распределения, заданной в модели. Кроме статистических тестов, здесь также необходим учет теоретических положений о поведении индивидов в изучаемых обстоятельствах и анализ сходных исследований.

Мы отбирали модель в соответствии с информационным критерием Акаки (AIC), который определяется так:

$$AIC = -2/N \cdot (L_m) + 2k_m/N,$$

где L_m — правдоподобие модели m ; k_m — параметр оценки модели m ; N — число наблюдений. Этот тест основывается на модифицированной

---

² Обзор методов оценки моделей с разделенной ненаблюдаемой гетерогенностью представлен в работе Р. Гуттиереза [7] и реализован в пакете Stata.

версии критерия максимального правдоподобия, где правдоподобие каждой модели убывает с числом оцененных параметров. В соответствии с тестом предпочтительной будет модель с наименьшим значением АИС-критерия. Нами были проведены оценки моделей с распределениями Вейбулла, логнормального, лог-логистического и экспоненциального, которые указали на то, что предпочтительной является модель экспоненциального распределения с предположением о постоянстве риска на отдельных отрезках величиной в 12 месяцев. Выбранная спецификация является наиболее гибкой, поскольку позволяет немонотонную вариацию линии риска на отрезках.

Уровень риска в выбранной модели предполагается постоянным внутри интервала, но различается между интервалами. Нами были определены 11 интервалов риска $[0,12)$, $[12,24)$ ... $[120, \infty)$.

Результаты оценки представлены в колонке 4 табл. 2 Приложения. Тестирование ненаблюдаемой гетерогенности в рамках этой модели указало на то, что гипотеза о ее отсутствии не может быть отклонена.

Интерпретацию результатов моделирования можно вести как в терминах продолжительности работы после пенсии, так и в терминах «риска выхода», который в нашем случае означает риск прекращения работы для пенсионера, продолжавшего работу некоторое время после выхода на пенсию. Для сравнения результаты оценки представлены как в виде коэффициентов, так и в виде отношений риска. Соотношение между ними: *Haz. Ratio = exp (Coef)*. Результаты оценки представлены в табл. 2 Приложения.

Риск прекращения работы среди мужчин, при прочих равных условиях, ниже, чем среди женщин. Соответственно, продолжительность работы мужчин в среднем дольше. Коэффициент отношения риска (Hazard Ratio), равный 0,58, означает, что в каждый момент времени, определяемый функцией дожития, для мужчин риск прекращения работы составляет лишь 58% от риска для женщин.

Отсутствие партнера не обязательно предполагает одинокую жизнь для пенсионера, он может делить домохозяйство с детьми, родственниками. Однако именно наличие брачного партнера оказывает наиболее заметное влияние на жизненные стратегии пенсионера, в том числе и на его решение о продолжении или прекращении трудовой деятельности. Мы также полагаем, что модель поведения работающего пенсионера может определяться совместным влиянием пола и типом партнерства, поэтому для дальнейшего моделирования были определены шесть групп работающих пенсионеров: мужчина с неработающей женой, мужчина с работающей женой, женщина с неработающим мужем, женщина с работающим мужем, одинокий мужчина, одинокая женщина. По сравнению с одинокими работающими пенсионерками продолжительность работы после пенсии меньше для женщин и мужчин с неработающими парт-

нерами. Для мужчин и женщин с работающими партнерами разница в рисках имеет противоположные знаки. Одиноким мужчинам характеризуются существенно более высоким риском выхода, чем женщины.

Мы рассмотрели разницу в возрасте для ситуаций, когда партнер младше, ровесник или старше по возрасту. Если партнеры — ровесники, риск выхода несколько возрастает. При разнице в возрасте риск выхода уменьшается, соответственно увеличивается продолжительность трудовой деятельности. Однако выявленная тенденция статистически существенна лишь для случая, когда партнер младше на 5 лет и более.

По сравнению со старшей возрастной группой (свыше 70 лет) риск выхода для пенсионеров до 60 лет — ниже и статистически незначим, а вот для возрастной группы от 60 до 70 лет — выше и значим. Иными словами, когорты пенсионеров, которые вышли на пенсию сравнительно недавно, настроены на продолжение работы, в то время как пенсионеры старших возрастных групп гораздо чаще покидают (покидали) работу.

По сравнению с пенсионерами с высшим образованием все остальные работающие пенсионеры, работают не столь долго и риск выхода для них — выше.

Пенсионеры, загруженные на полный рабочий день, имеют значительно более высокий риск выхода, чем те, которые работают неполный день. Те, кто работал или работает после выхода на пенсию по бессрочному контракту, также характеризуются повышенным риском выхода по сравнению с другими категориями найма.

Следует отметить, что работающие пенсионеры в основном отмечали, что были заняты на полную ставку, работали по бессрочному контракту и трудовому договору на неопределенный срок.

Пенсионеры, работающие (или работавшие) по найму, имеют более низкий риск выхода по сравнению с лицами свободных профессий, предпринимателями, самозанятыми и др.

В больших городах возможность найти или продолжать работу на прежнем месте после оформления пенсии существенно выше, чем в других типах поселений. Риск выхода для пенсионеров, проживающих в малых городах и селах, существенно выше, чем у жителей больших городов.

Дольше всех, при прочих равных условиях, работают после пенсии те, кто трудится в сфере здравоохранения, образования и культуры. По сравнению с теми пенсионерами, которые сгруппированы по отраслям, которые мы обозначили как «другие», работники промышленности, транспорта, связи продолжают работать дольше, а работники сельского хозяйства прекращают работать быстрее, что, по-видимому, связано в основном с переходом к неформальной занятости в приусадебном хозяйстве.

Чем более многочисленно домохозяйство, тем дольше продолжает работу пенсионер, что возможно, является индикатором исчезновения патриархатного уклада, когда основным занятием старших поколений в

домохозяйствах, состоящих из нескольких поколений родственников, был чаще всего уход за внуками и ведение домашнего хозяйства.

При прочих равных условиях негативная оценка здоровья увеличивает риск выхода из состояния занятости.

Зависимость от времени и модельный прогноз. Оценку влияния различных социально-демографических характеристик на интерпретацию функции риска мы завершим обсуждением параметров модели с гибкой спецификацией базовой функции риска, варьирующей между годичными интервалами (в общем, уровень риска предполагается постоянным внутри каждого интервала).

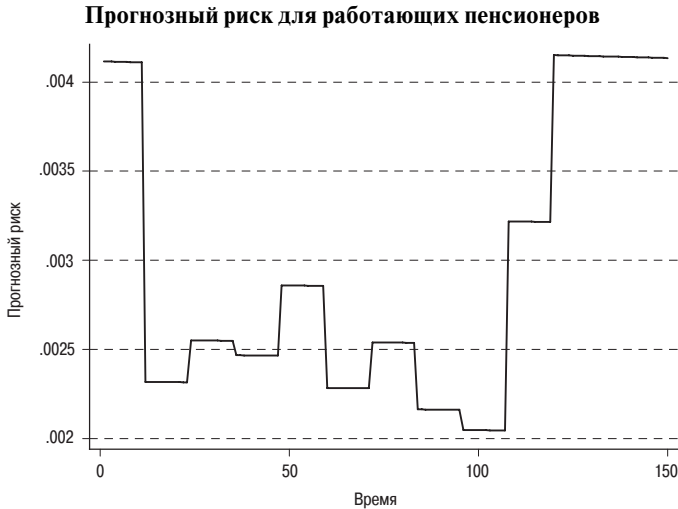
Профиль риска, отраженный в переменных, которые «разрезают» линию риска на годичные интервалы (*табл. 2 Приложения*), немонотонен. Он наиболее высок в первый год выхода на пенсию, затем наблюдается его снижение с некоторой вариацией по годам и заметным подъемом к пятому году после выхода на пенсию, затем риск вновь снижается и резко возрастает после 10 лет работы после пенсии.

На *рис. 4* представлен сглаженный профиль риска, полученный по оценкам модели.

Рисунок 4

Этот профиль риска схож с тем, что мы наблюдали по эмпирическим данным, однако временной интервал риска значительно расширился вследствие аппроксимации эмпирического распределения экспоненциальным распределением. Пик риска приходится на временную точку в районе 25 лет после пенсии. Однако, поскольку подавляющее число пенсионеров прекращает работу в течение 10 лет, мы осуществили прогноз именно на этом интервале, чтобы получить детальную картину рисков

по годам. На *рис. 5* представлен прогноз по результатам проведенной оценки: уровень риска на рисунке коррелирует с базовым риском для случая, когда все переменные модели равны 0.

Мы видим, что наиболее высокий риск прекращения работы наблюдается в момент выхода на пенсию. Затем в течение первого года многие пенсионеры дорабатывают и уходят на отдых, а другие продолжают трудовую деятельность. График демонстрирует резкий уклон линии риска и обрыв ее после года. Таким образом, первый год после оформления на пенсию является для многих пенсионеров периодом принятия окончательного решения: продолжать работу либо прекратить ее. Следующий порог, когда для пенсионеров возрастает риск выхода, — 5 и 10 лет, т.е. налицо определенный 5-летний цикл.

Представленная модель дает достаточно интересный и глубокий срез факторов, оказывающих влияние на решение пенсионеров о продолжительности работы после пенсии. Однако приведенная спецификация не позволяет уточнить различия в поведении разных социально-демографических групп пенсионеров. Небольшой размер пенсии зачастую вынуждает продолжать работу либо одного из супругов, либо обоих. Отличаются ли риски прекращения работы у мужчин и женщин, имеющих работающего или неработающего партнера? Как ведут себя одинокие пенсионеры? Уточнение ответов на эти вопросы имеет смысл и потому, что характер рисков у различных типов семей пенсионеров существенно различается.

Для более углубленного исследования проблемы выборка респондентов-пенсионеров была разделена на следующие группы: мужчина с неработающей супругой; мужчина с работающей супругой; женщина с неработа-

Рисунок 6

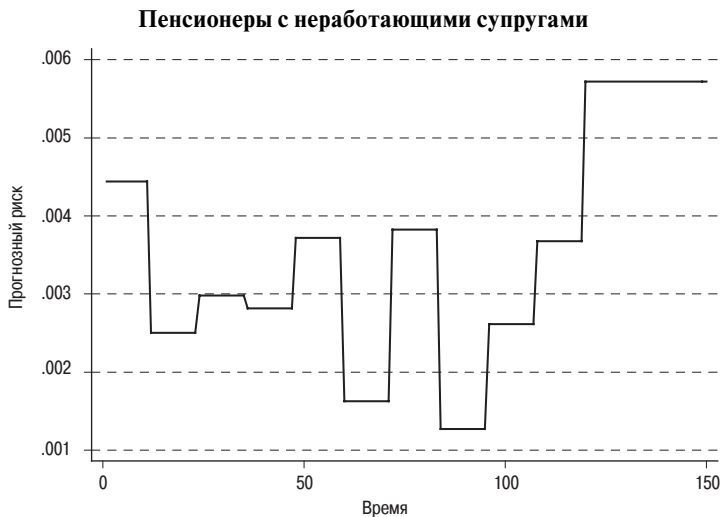
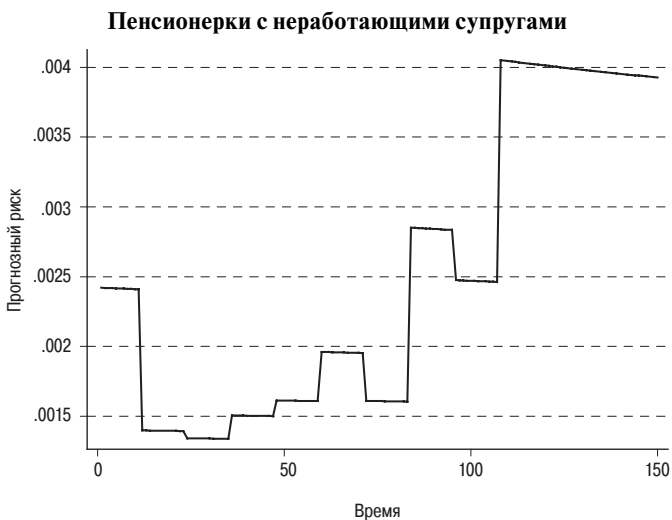

Рисунок 7

ющим супругом; женщина с работающим супругом; мужчины и женщины без брачного партнера. Для каждой группы была проведена оценка риска по моделям со спецификацией, аналогичной представленной выше³.

³ Подробный листинг с результатами моделирования можно получить у автора по адресу lin@tseu. gu.

Рисунок 8

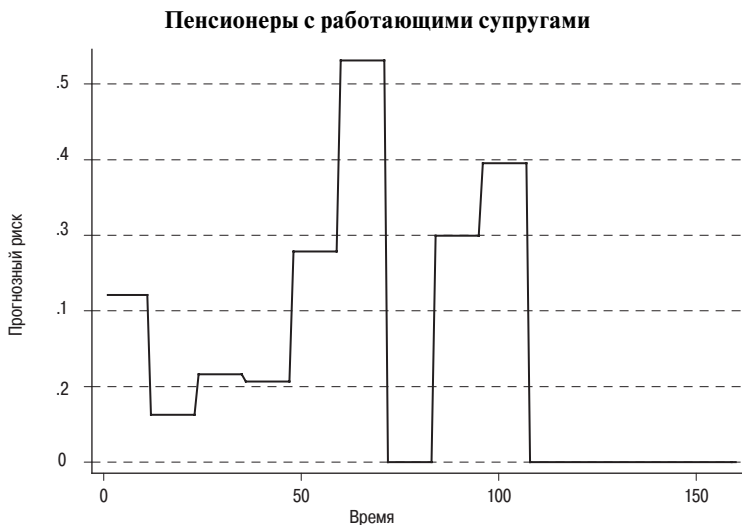
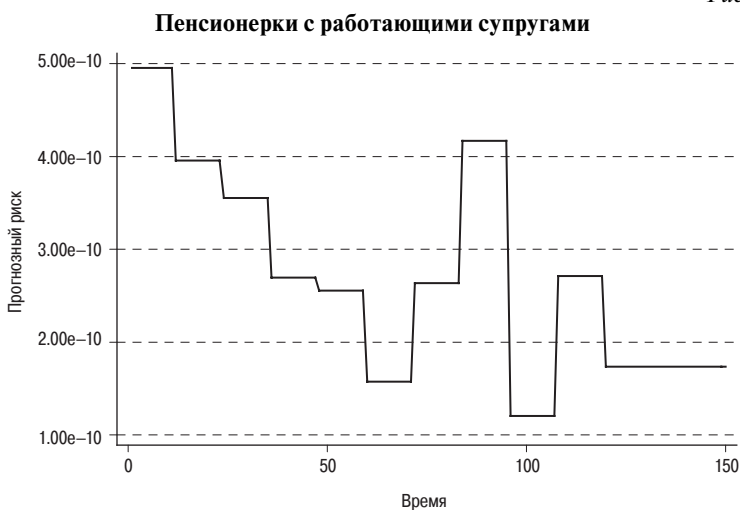

Рисунок 9

Работающие пенсионеры с неработающими супругами, независимо от пола, имеют сходный профиль риска (рис. 6, 7).

В первый год после выхода на пенсию риск достаточно высок, затем он заметно снижается, а потом плавно растет до пяти лет. Среди мужчин резкий подъем риска наблюдается в интервалах пять, семь и десять лет.

Рисунок 10

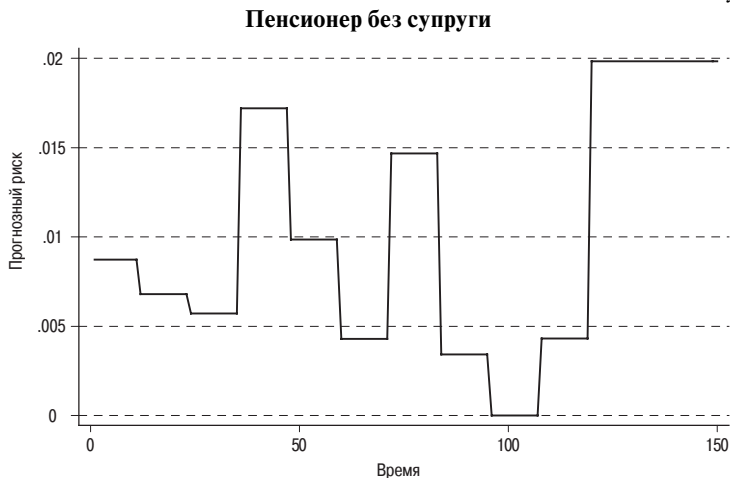
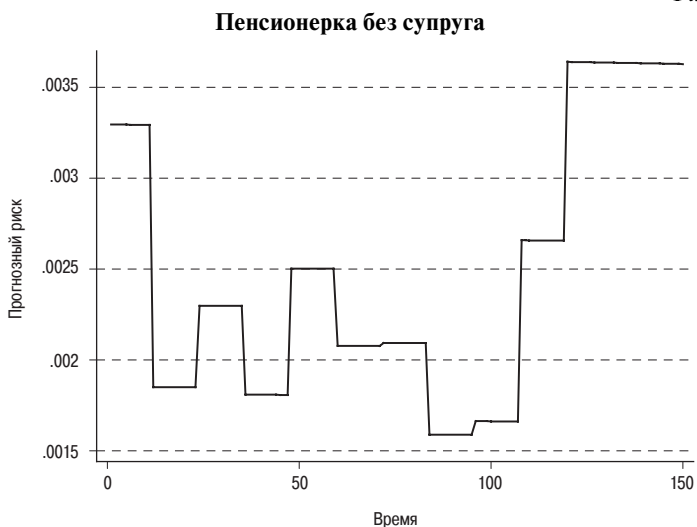

Рисунок 11

В моделях с работающими партнерами (рис. 8, 9) среди мужчин за высоким риском первого года после выхода на пенсию следующие заметные подъемы происходят на интервалах в 5 лет, достигают максимума в 6, достаточно высоки в 8–9 лет, а затем риск резко падает, что указывает на то, что основная масса пенсионеров в этой группе прекращает работать после этого срока. Что же касается женщин, то снижение риска выхода наблюдается на интервале до шести лет включительно, затем

риски достигают максимума к восьми годам и остаются достаточно высокими до десяти лет.

Работающие пенсионеры, не имеющие супруги, активно выходят из занятости после третьего года работы, следующий пик достигается в 7 лет, затем риски снижаются. У женщин без мужа наиболее высокий риск выхода в первый год, а затем в 5 и 10 лет (рис. 10, 11).

Во всех моделях риски выхода среди женщин существенно ниже, чем среди мужчин. Самое очевидное объяснение этого феномена — различия в продолжительности жизни. Естественная убыль среди мужчин пенсионного возраста значительно выше.

Интересным представляется тот факт, что для женатых мужчин ухудшение самооценок здоровья влечет за собой снижение риска выхода, в то время как для женщин и пенсионеров обоего пола без брачных партнеров — картина противоположная.

В представленном спектре моделей наиболее интересно, что зависимость профиля риска от времени в моделях носит позитивный характер для пар с работающим партнером и негативный для пар с неработающим партнером и пенсионеров без партнера. Учитывая это обстоятельство, мы укрупнили группировки: пенсионер с неработающим партнером, пенсионер с работающим партнером, пенсионер без партнера.

В колонке 5 табл. 2 Приложения представлены результаты оценки модели для пенсионеров с неработающими партнерами. Что показывают результаты?

Рисунок 12

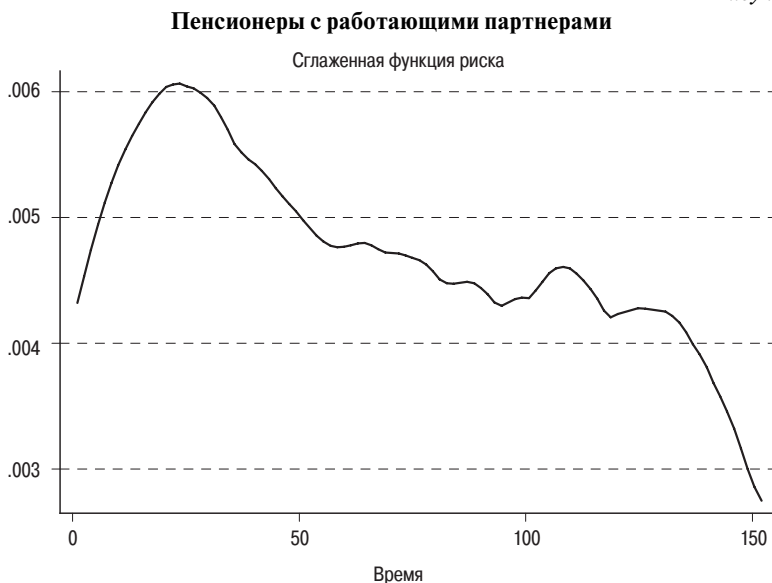

Полученные оценки ясно указывают на тенденцию, состоящую в росте риска выхода со временем (рис. 12).

По сравнению со старшей возрастной группой риск выхода в других возрастных группах выше. Чем более многочисленно домохозяйство, тем выше риск выхода. Для семейных пар с работающими супругами (колонка 6 табл. 2 Приложения) профиль риска по возрастным когортам противоположен тому, что мы нашли в предыдущей модели: по сравнению со старшей возрастной группой все другие возрастные группы характеризует более низкий уровень риска выхода.

В противоположность предыдущей модели рост числа членов домохозяйства уменьшает риск выхода.

Рисунок 13

Профиль и прогноз риска по этой модели выявили тенденцию к снижению уровня риска с течением времени (рис. 13). Средний уровень риска выхода в этой модели ниже. Временной интервал риска по этой модели существенно уже, поскольку значительная часть респондентов в этой группе продолжали трудовую деятельность на момент наблюдения.

В модели для пенсионеров без брачных партнеров (колонка 7 табл. 2 Приложения) мужчины имеют более высокий риск выхода, нежели женщины, в противоположность результатам двух предыдущих моделей, где рассматривались пенсионеры с партнерами.

По сравнению со старшей возрастной группой риск выхода до 59 лет — ниже, а от 60 до 65 лет — выше.

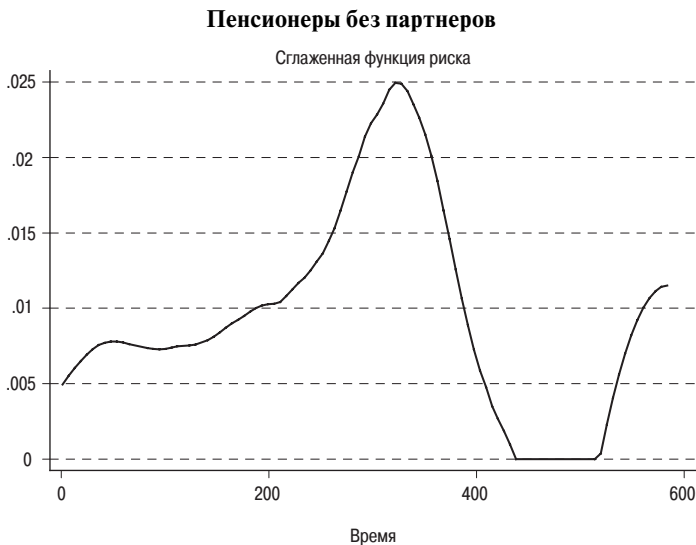

График функции риска для этой модели также указывает на то, что в течение десяти лет после выхода на пенсию риск возрастает, а затем резко падает и несколько возрастает вновь (рис. 14). Этот график весьма схож с тем, что был получен для общей модели.

Что позволили уточнить три последние модели?

Налицо следующие устойчивые тенденции: риск выхода ниже у пенсионеров с высшим образованием, тех, кто работает по найму, в отраслях, связанных со здравоохранением, наукой и культурой. Проживание в большом городе уменьшает риск выхода по сравнению с другими типами поселений.

Устойчива тенденция, указывающая на определенные циклы, в конце которых риск выхода из занятости значительно возрастает. Первый из них связан с завершением работы после оформления пенсии, второй наступает спустя 5 лет, а третий, с весьма высоким риском — спустя 10 лет.

Риск выхода для работающих пенсионеров с неработающими и работающими партнерами имеет разную направленность. Для тех из них, у кого неработающие партнеры, он постепенно снижается, а для тех, у кого работающие, — возрастает. Поскольку возрастные и другие различия в выделенных группах контролировались переменными моделей, то вывод, следующий из этого, состоит в том, что поведение пенсионера на рынке труда после оформления пенсии в значительной степени зависит от вида занятости брачного партнера. Если партнер работает, то риск

выхода из состояния занятости для пенсионера снижается, и он, следуя за партнером, увеличивает продолжительность работы, по крайней мере на 10-летнем отрезке времени после оформления пенсии. Если партнер уже не работает, то пенсионер также склонен к прекращению трудовой деятельности и сокращению ее длительности. Другое возможное объяснение этого феномена состоит в том, что в домохозяйствах сложного состава с низким уровнем благосостояния работающие пенсионеры — важный фактор материальной поддержки. При относительно высоком душевом доходе пенсионер прекращает работу быстрее и принимает на себя часть обязанностей по ведению домохозяйства.

Если пенсионер имеет брачного партнера (работающего или нет), то женщины, при прочих равных условиях, работают меньший срок, нежели мужчины, в то время как среди пенсионеров, живущих без партнера, женщины работают дольше мужчин.

Картина рисков по возрастным когортам пенсионеров позволяет сделать вывод: чем моложе пенсионеры, тем интенсивнее их установка на длительное продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию. Это можно считать свидетельством того, что у выходящих на пенсию сегодня уже формируется установка на продление активной трудовой жизни и после наступления пенсионного возраста.

Литература

1. *Blossfeld H.-P., Hamerle A., Mayer K.U.* Event history analysis. — Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1989.
2. *Cox D.R., Oakes.* Analysis of survival data. — London: Chapman and Hall, 1984.
3. *Kiefer N.* Economic duration data and hazard function// *Jornal Economic Literature.* 1988. Vol. XXVI. P. 646–679.
4. *van den Berg G.J.* Duration models: specification, identification, and multiple durations// J.J. Heckman, E. Leamer (Eds.). *Handbook of Econometrics*, Vol. V. — Amsterdam, 2001.
5. *Lancaster T.* The Econometric Analysis of Transition Data. *Econometric Society Monographs.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
6. *Abbring J.H., van den Berg G.J.* The unobserved heterogeneity distribution in duration analysis, working paper. 2003.
7. *Gutierrez R.G.* Parametric frailty and shared frailty survival models// *Stata Jornal.* 2002. Vol. 2. №1. P. 22–44.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Описательные статистики по переменным анализа

Переменные	Код переменной	Исходная выборка	Мужчина с неработающей супругой	Мужчина с работающей супругой	Женщина с неработающим супругом	Женщина с работающим супругом	Мужчина без супруги	Женщина без супруга
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Среднее число месяцев работы	Dur	72,32	70,48	55,71	65,71	50,47	54,69	83,75
Мужчины	Sex	25,15	—	—	—	—	—	—
<i>Возраст респондента</i>								
До 54 лет	Age1	7,30	1,82	18,68	5,14	27,40	—	4,62
55–59	Age2	17,04	6,91	25,27	17,04	45,19	4,04	14,10
60–64	Age3	19,69	20,73	26,37	23,15	11,54	23,23	18,96
65–69	Age4	26,07	32,31	28,88	32,15	12,50	25,25	25,66
Больше 70	Age5	29,91	37,82	8,79	22,51	3,37	47,47	36,65
<i>Возраст партнера</i>								
До 54 лет	Agep1	62,74	8,73	55,75	10,61	43,75	—	—
55–59	Agep2	6,98	12,73	21,98	5,79	26,92	—	—
60–64	Agep3	8,55	20,00	16,48	19,94	12,50	—	—
65–69	Agep4	11,63	33,09	6,59	10,55	11,06	—	—
Больше 70	Agep5	10,11	25,45	2,20	33,12	5,77	—	—
<i>Разница в возрасте партнеров</i>								
Старше более чем на 5 лет	Dif1	5,68	18,18	38,46	1,61	7,21	—	—
Старше менее чем на 5 лет	Dif2	15,63	46,91	37,36	18,65	32,69	—	—
Нет разницы в возрасте	Dif3	4,81	9,09	10,99	12,22	7,69	—	—
Младше менее чем на 5 лет	Dif4	13,79	19,64	9,89	40,51	31,73	—	—

Окончание табл. 1

Переменные	Код переменной	Исходная выборка	Мужчина с неработающей супругой	Мужчина с работающей супругой	Женщина с неработающим супругом	Женщина с работающим супругом	Мужчина без супруги	Женщина без супруга
Младше более чем на 5 лет	Dif5	5,14	3,27	—	20,58	10,58	—	—
<i>Образование</i>								
Неполное среднее	Ed1	37,21	44,36	27,47	34,08	12,50	49,49	41,62
Среднее общее и проф. (ПТУ, ФЗУ, профкурсы)	Ed23	13,14	12,36	20,88	13,18	14,90	14,10	12,02
Среднее профессиональное	Ed4	25,20	21,09	20,88	27,01	38,46	15,15	24,28
Высшее	Ed5	24,45	22,18	30,77	25,72	34,13	21,21	22,08
Занят на полную ставку	Stavka	84,86	84,36	84,62	82,64	92,31	89,90	83,47
Наемный работник	Vz	87,45	86,55	90,11	87,14	92,79	88,89	86,13
Трудовой договор на неопределенный срок	Tr	80,42	78,55	80,22	79,10	86,06	86,87	79,42
<i>Отрасль последней занятости</i>								
Производство	Otr1	21,25	27,27	18,68	16,72	17,79	30,30	21,04
Строительство и транспорт	Otr2	12,01	21,09	25,27	8,36	6,25	22,22	9,83
Образование, наука, культура, здравоохранение	Otr3	25,80	7,27	26,37	29,58	39,42	11,11	28,90
Сельское хозяйство	Otr4	7,84	13,03	20,88	8,04	4,81	9,09	7,05
Другое	Otr5	33,10	31,27	8,79	37,30	31,73	27,27	33,18
<i>Брачный партнер работает</i>	—	7,90	—	39,56	—	52,88	—	—
Не работает	—	1,41	4,36	—	4,50	—	—	—
На пенсии и не работает	—	30,29	95,64	—	95,50	—	—	—
На пенсии и работает	—	8,27	—	60,44	—	47,12	—	—
Нет партнера	—	52,14	—	—	—	—	—	—

Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться?

<i>Оценка состояния здоровья</i>												
Очень хорошее и хорошее	Health2	6,98	12,36	23,08	2,25	9,13	11,11	4,28				
Удовлетворительное	Health3	56,46	58,18	63,74	58,52	73,08	54,55	50,64				
Плохое и очень плохое	Health4	36,56	29,45	13,19	39,23	17,79	34,34	45,09				
Одиночки	—	34,18	—	—	—	—	71,72	60,81				
Семейные пары	—	39,26	72,36	52,75	72,02	50,00	14,14	19,88				
Более двух членов домохозяйства	—	26,55	27,64	47,25	27,98	50,00	14,14	19,31				
<i>Тип поселения</i>												
Областной центр	Pos1	43,27	40,36	50,55	34,41	47,12	44,44	45,55				
Город	Pos2	29,04	29,09	27,47	30,23	30,77	34,34	27,75				
Поселок городского типа	Pos3	6,11	8,36	4,40	7,72	5,29	3,03	5,55				
Сельский населенный пункт	Pos4	21,58	22,18	17,58	27,65	16,83	18,18	21,16				
<i>Общее число наблюдений</i>	—	1849	275	91	311	208	99	865				

Таблица 2

Оценки моделей детерминант продолжительности трудовой деятельности после пенсии

Переменные	Код переменной	Выборка всех пенсионеров	Выборка работающих пенсионеров	Семейная пара с неработающим партнером	Семейная пара с работающим партнером	Пенсионеры без брачных партнеров
1	2	3	4	5	6	7
Мужчины	Sex	—	-,5363 (.2412)*	-,3630 (.1188)***	-,6037 (.4285)	,3209 (.1265)**
<i>Возраст респондента</i>						
До 54 лет	Age1	,142 (0,177)	-,3987 (0,2064)**	,7260 (.3312)**	-,2,136 (.7527)***	-,5847 (.3473)*
55–59	Age2	,114 (0,130)	-,0646 (.1294)	,1641 (.2295)	-,1,230 (.6030)**	-,0968 (.1932)
60–64	Age3	,223 (0,113)**	,2406 (.0899)**	,1907 (.1578)	-,5760 (.6025)	,2686 (.1155)**
65–69	Age4	,113 (0,099)	,1705 (.0760)**	,3038 (.1268)**	-,3800 (.5800)	,1422 (.0988)
Больше 70	Age5	—	—	—	—	—
<i>Разница в возрасте партнеров</i>						
Старше более чем на 5 лет	Dif1	0,135 (0,204)	-,0762 (.1824)	,0744 (.2183)	-,9156 (.5582)*	—
Старше менее чем на 5 лет	Dif2	0,042 (0,155)	-,0230 (.1342)	-,0999 (.1598)	-,2013 (.4235)	—
Нет разницы в возрасте	Dif3	-,087 (0,204)	—	—	—	—
Младше менее чем на 5 лет	Dif4	-,0201 (0,152)	,0269 (.1336)	,0520 (.1593)	-,3894 (.4834)	—
Младше более чем на 5 лет	Dif5	—	-,3232 (.1777)*	-,4632 (.2028)**	0,698 (.6987)	—
<i>Образование</i>						
Неполное среднее	Ed1	-,0494 (0,115) ***	,2204 (.0939)**	,3341 (.1564)**	,5109 (.4495)	,1195 (.1283)
Среднее общее и профессиональное (ПТУ, ФЗУ, проф. курсы)	Ed2	-,0488 (0,158)**	,0656 (.1144)	,0540 (.2002)	,7514 (.4515)*	-,1046 (.1560)
Среднее профессиональное	Ed3	-,0250 (0,184)	,0656 (.1144)	,0540 (.2002)	,7514 (.4515)	-,1046 (.1560)
Высшее	Ed4	-,0191 (0,119)*	,1784 (.0945)**	,3562 (.1573)**	-,2304 (.4058)	,0968 (.1301)
	Ed5	—	—	—	—	—

Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться?

Занят на полную ставку	Stavka	— 0,646 (0,235) ^{**}	1,061 (,1951) ^{***}	1,886 (,4104) ^{***}	1,307 (1,105)	,8516 (,2491) ^{***}
Наемный работник	Vz	— 1,241 (0,305) ^{***}	— ,3765 (,1968) ^{**}	— 1,295 (,4200) ^{***}	— 1,650 (1,277)	— ,0327 (,2542)
Трудовой договор на неопределенный срок	Tr	— 0,321 (0,154) ^{**}	,5322 (,1366) ^{***}	,5429 (,2151) ^{**}	,9067 (,6682)	,5004 (,1944) ^{**}
<i>Отрасль последней занятости</i>						
Производство	Otr1	0,006 (0,102)	— ,2231 (,0850) ^{**}	— ,1691 (,1511)	— ,8921 (,4384) ^{**}	— ,1757 (,1110)
Строительство и транспорт	Otr2	— 0,018 (0,122)	— ,2778 (,1035) ^{**}	— ,1950 (,1765)	— 4382 (,5055)	— ,3238 (,1394) ^{**}
Образование, наука, культура, здравоохранение	Otr3	0,667 (0,113) ^{***}	— ,7834 (,0973) ^{***}	— ,8687 (,1697) ^{***}	— 1,788 (,5185) ^{***}	— ,7043 (,1223) ^{***}
Сельское хозяйство	Otr4	— 0,703 (0,141) ^{***}	,1262 (,1242)	,2131 (,1922)	,8293 (,6636)	,0084 (,1751)
Другое	Otr5	—	—	—	—	—
<i>Оценка состояния здоровья</i>						
Очень хорошее и хорошее	Health2	— 0,066 (0,160)	—	—	—	—
Удовлетворительное	Health3	—	,0228 (,1404)	— ,2034 (,2235)	— 2326 (,5606)	,1756 (,2024)
Плохое и очень плохое	Health4	— 0,294 (0,082) ^{***}	,3600 (,1443)	,0392 (,2308)	,0957 (,6423)	,5438 (,2049) ^{***}
Число членов домохозяйства	Hh_numb	—	— ,0508 (,0284) ^{**}	,0159 (,0559)	— ,3132 (,1479) ^{**}	— ,0508 (,0352)
<i>Тип поселения</i>						
Областной центр	Pos1	0,030 (0,114)	—	—	—	—
Город	Pos2	0,017 (0,116)	,1606 (,0746) ^{**}	,3455 (,1305) ^{**}	,4295 (,4365)	,1102 (0,969)
Поселок городского типа	Pos3	— 0,021 (0,175)	,1217 (,1277)	,3221 (,2000) [*]	,4144 (,6787)	,0465 (,1775)
Сельский населенный пункт	Pos4	—	,2328 (,0909) ^{**}	,5274 (,1494) ^{***}	,3770 (,4954)	,1807 (,1186)
Мужчина с работающей женой	Gr1	— 0,029 (0,153)	,6492 (,2344) ^{**}	—	—	—
Мужчина с работающей женой	Gr2	— 0,393 (0,181) ^{**}	,3310 (,2302)	—	—	—

Переменные	Код переменной	Выборка всех пенсионеров	Выборка работающих пенсионеров	Семейная пара с неработающим партнером	Семейная пара с работающим партнером	Пенсионеры без брачных партнеров
Женщина с неработающим мужем	Gr3	-0,121 (0,134)	,4134 (,1205) ***	—	—	—
Женщина с работающим мужем	Gr4	0,401 (0,178) **	-,1497 (,2115)	—	—	—
Мужчина без супруги	Gr5	-0,130 (0,159)	,8389 (,2667) ***	—	—	—
Женщина без супруга	—	—	—	—	—	—
<i>Интервалы риска</i>	In1	—	-,0246 (,1641)	-,1301 (,1698)	,4993 (1,071)	-,1219 (,2067)
	In2	—	-,5980 (,1651) ***	-,7331 (,1988) ***	,1433 (,9711)	-,6554 (,2117) ***
	In3	—	-,5011 (,1581) ***	-,7048 (,2075) ***	,2591 (,9257)	-,4912 (,2011) **
	In4	—	-,5335 (,1563) ***	-,7105 (,2207) ***	,1124 (,9091)	-,5114 (,1984) **
	In5	—	-,3845 (,1507) **	-,5478 (,2198) **	,4202 (,8762)	-,3751 (,1913) **
	In6	—	-,6091 (,1616) ***	-,7714 (,2553) ***	,4125 (,8756)	-,6137 (,2055) ***
	In7	—	-,5016 (,1600) ***	-,5709 (,2545) **	,1070 (,9290)	-,5057 (,2025) **
	In8	—	-,6620 (,1755) ***	-,5816 (,2749) **	,8948 (,8167)	-,8773 (,2401) ***
	In9	—	-,7166 (,1889) ***	-,5470 (,2959) *	,2615 (,9631)	-,8796 (,2519) ***
	In10	—	-,2593 (,1672)	-,1213 (,2727)	,5285 (,9467)	-,3711 (,2157) **
Constanta	—	—	-,5468 (,1992)	-,5,093 (,3381)	-,2,656 (1,914)	-,5,573 (,2628)

Сколько «стоит» российская бабушка?

В публицистике давно стало штампом противопоставление традиционной российской семьи, в которой издавна важная воспитательная роль принадлежит бабушкам и дедушкам, семье западной — «самодостаточной», нуклеарной, состоящей лишь из родителей с детьми. В Западной Европе и в США сложилась традиция, согласно которой повзрослевшие дети крайне редко остаются жить с родителями. Гораздо чаще они уже по окончании школы покидают родительский дом, чтобы начать самостоятельную жизнь. Бабушки и дедушки тем временем продолжают активно работать, потом наслаждаются заслуженным отдыхом, и их роль в воспитании внуков остается символической — как правило, в виде взаимных визитов по праздникам. Оттого-то такое распространение получил на Западе институт «бэбиситтеров» (буквально — «сидящих с детьми»), т.е. наемных лиц, присматривающих за детьми в отсутствие работающих или отдыхающих родителей. И хотя даже в западных странах подобная практика получила распространение сравнительно недавно и не повсеместно, тем не менее в современном мире бабушка как важное лицо в воспитании детей считается особенностью российского, а если шире — советского семейного уклада, в этом порой усматривается даже некая составляющая русского менталитета. Недаром само слово «бабушка» в данном контексте не переводится на другие языки и звучит именно как «babushka», а не, к примеру, «grandmother».

С одной стороны, этот вопрос — о роли бабушки в российской семье — предстает как будто бы до такой степени очевидным и простым, что порождает множество спекуляций о русской отсталости, «угнетенности» и бесправном положении женщин и т.д. С другой стороны, в нем воедино сливается так много различных срезом и факторов — социальных, культурологических, психологических, исторических, экономических, что «простота» проблемы ставится под сомнение.

В литературе по этой теме можно выделить две основные группы работ. Первую из них составляют исследования, где анализируются те или иные проблемы гендерной асимметрии. Здесь стоит отметить

в первую очередь известный Таганрогский проект¹, а также другие исследования Н. Римашевской, М. Арутюнян, О. Здравомысловой², С. Барсуковой и В. Радаева³ и др. В их работах исследуются особенности занятости мужчин и женщин в семье, принципы разделения труда и распределение обязанностей между членами семьи, главным образом между супругами. Вопросы же о роли других родственников в семье затрагиваются лишь косвенно. В другую группу можно выделить работы, посвященные особенностям межпоколенческого взаимодействия в семье⁴, однако эта проблема здесь рассматривается не с экономических позиций, а скорее в социокультурном аспекте — через изучение внутрисемейной культуры отношений пожилых людей и их потомков, процессов трансляции культурного семейного капитала и социализации в межпоколенном аспекте, ценностных ориентиров воспитания в разных типах семей и т.д.

Вместе с тем количественная сторона вопроса о роли бабушек, а точнее, их «цена», с экономической точки зрения, остается вне поля зрения, и более того, сама постановка этого вопроса зачастую сталкивается с жестким неприятием общества. Зачем уделять так много внимания данному вопросу, и что, собственно, считать стоимостью «бабушки» при существующем положении дел?

В данном исследовании мы попытались сделать первый шаг в изучении этой проблемы. Наша цель состояла в выявлении основных принципов распределения нагрузки по уходу за детьми в семьях различных типов. Эмпирической основой выводов, которые излагаются в данной статье, являются данные исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.).

Занятость любого человека, а также ее формы зависят не только от личного человеческого капитала, но и от состава и структуры домохозяйства. Очевидно, что дети, пожилые и люди с серьезными заболеваниями требуют специального внимания и ухода, причем не только физических и моральных усилий, но и дополнительных трудовых и временных затрат

---

¹ Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект Таганрог// Под ред. Н.М. Римашевской. — М., ИСЭПН, 2001.

² Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др. Разделение труда в семье и принятие решений// Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г. — М., 1999; Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. — М., 1998.

³ Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье// Мир России. 2000. №4.

⁴ См.: Семенова В.В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения// Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. — М., ИС РАН, 1996; Преснякова Л. Трансформация отношений внутри семьи и изменение ценностных ориентиров воспитания// Отечественные записки. 2004. №3; Вовк Е. Старика в семье: особенности межпоколенческого взаимодействия// Отечественные записки. 2005. №3.

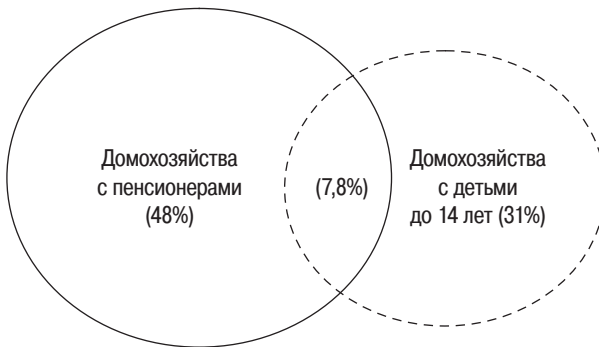
членов домохозяйства (и/или кого-либо извне его). Как распределяются домохозяйственные нагрузки в таких домохозяйствах? Кто при этом сокращает занятость — пожилые или молодые члены семьи? В данной статье мы сконцентрируемся именно на проблемах трудовых стратегий пенсионеров и других членов домохозяйств с детьми, тогда как вопросы оказания помощи и ухода нуждающимся взрослым будут рассмотрены в другой статье⁵. За рамками анализа останется также вопрос о вариации в потреблении институциональных услуг по уходу за детьми⁶. Наконец, обсуждая вопрос о том, кто остается дома с детьми, а кто выходит на рынок труда, мы не углубляемся в специфику занятости пенсионеров, которая сама по себе — предмет не одного исследования⁷.

Поскольку изучение данной проблемы возможно только на уровне домохозяйств, а не отдельных индивидов, далее мы будем вести речь (за исключением специально оговоренных случаев) именно о домохозяйствах.

В целом по выборке домохозяйств с детьми до 14 лет насчитывается 31%, при этом четверть из них имеет в своем составе и пенсионеров (или 7,8% в целом по выборке, в том числе 1,9% семей, где хотя бы один из пенсионеров работает, *рис. 1*).

Рисунок 1

Домохозяйства с пенсионерами и детьми до 14 лет

На первый взгляд, это не так уж и много, но не следует забывать о таком понятии, как расширенная семья. Родители-пенсионеры могут

⁵ См. статью *Т.М. Малевой* и *О.В. Синявской* «Российские пенсионеры: трудовые биографии, экономическая активность, пенсионные истории» в данном сборнике.

⁶ Данный вопрос стал предметом статьи *О.В. Синявской*, *Е.В. Гладниковой* «Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами», публикуемой в данном сборнике.

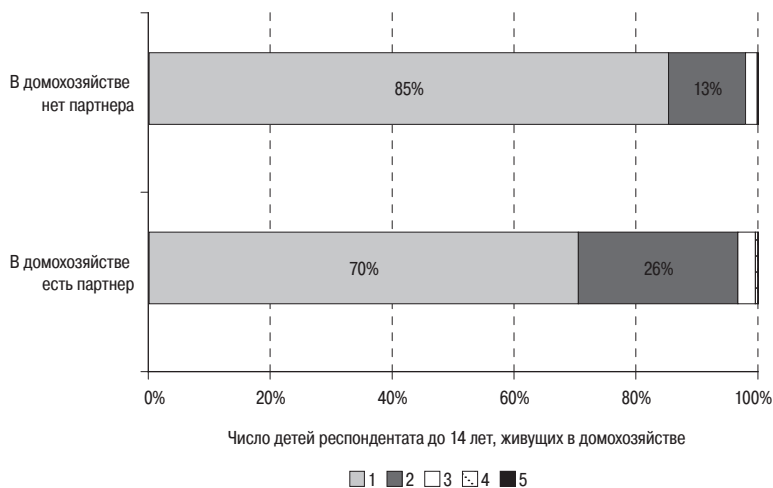
⁷ См. представленные в настоящем сборнике упомянутую выше статью *Т.М. Малевой* и *О.В. Синявской* о российских пенсионерах и статью *Л.И. Ниворожкиной* «Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться?».

проживать вне домохозяйств своих детей и внуков, но поддерживать с ними тесные родственные связи и участвовать в обмене межсемейными трансфертами, оказывая тем самым прямое влияние на экономическое поведение детей. Принимая во внимание большой процент домохозяйств с детьми (рис. 1), это обстоятельство имеет существенное значение. Поэтому прежде всего обратимся к общей характеристике этой группы.

Подавляющее большинство (73%) домохозяйств с детьми до 14 лет⁸ имеют одного ребенка, только 24% (т. е. почти каждая четвертая семья с детьми) — двух. Большинство детей проживает с двумя родителями либо с одним родителем и его партнером/супругом (83,5%), в тех семьях же, где нет партнера, чаще всего один ребенок (рис. 2).

Рисунок 2

Распределение домохозяйств по числу детей до 14 лет и наличию/отсутствию партнера

Что касается возраста детей и наличия/отсутствия партнера, то критической точкой является достижение ребенком 10 лет, после чего резко увеличивается доля семей без партнера вследствие роста числа разводов в этот период жизненного цикла семьи (рис. 3).

⁸ Поскольку все вопросы анкеты, касающиеся обязанностей в связи с уходом, воспитанием и образованием детей, задавались только применительно к детям *респондента* младше 14 лет, проживающим вместе с ним в домохозяйстве, то здесь и далее по всему тексту подразумеваются домохозяйства с детьми *респондента*. Таких домохозяйств — 25%. Всего же домохозяйств с детьми до 14 лет (т. е. с учетом детей партнера и внуков респондента/партнера), как показано на рисунке — 30,9%.

Рисунок 3

Распределение домохозяйств по возрасту детей до 14 лет и наличию/отсутствию партнера

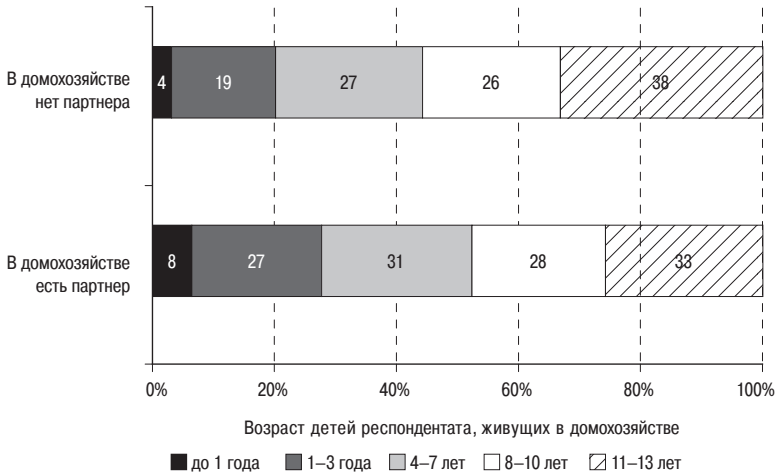
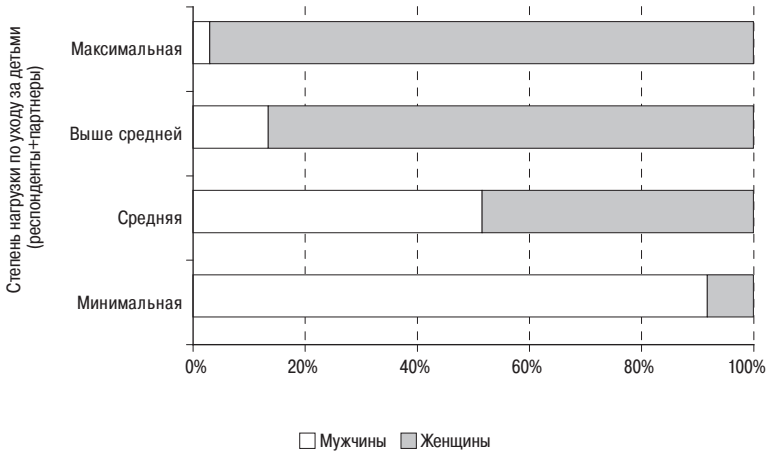

Рисунок 4

Распределение нагрузок по уходу за детьми в зависимости от пола родителей

Как распределяются обязанности внутри домохозяйства по уходу, воспитанию и образованию детей?

Львиную долю обязанностей по уходу за детьми несут на себе женщины, что, впрочем, ожидаемо и неудивительно. С возрастанием трудоемкости задач участие мужчин в воспитании и образовании детей резко минимизируется (рис. 4).

Вставка 1

Данный аспект оценивался на основании имеющегося в анкете целого комплекса вопросов о видах ухода за детьми (вопросы 2.01а1–2.01а6) и присвоения затем экспертным путем уровня значимости каждому из видов ухода в соответствии с объемом трудовых и временных затрат.

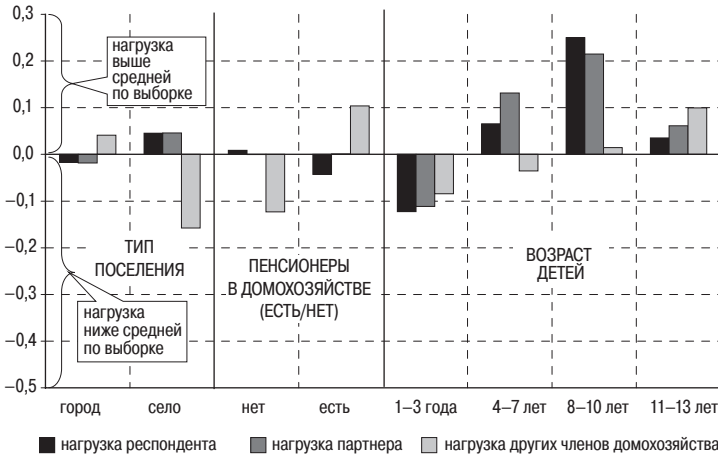
Вопрос 2.01а. Я буду называть Вам разные виды дел, необходимых для выполнения в любом домохозяйстве с детьми. Скажите, кто в Вашем домохозяйстве берет на себя эти обязанности?						
Варианты ответов		Всегда или обычно Р	В равной мере Р и П	Всегда или обычно П	Всегда или обычно другой член домохозяйства	Не член домохозяйства
Уровень значимости обязанностей:		1,0	0,5	1,0	1,0	1,0
Одевает детей и следит за их одеждой	0,3	0,3	0,15	0,3	0,3	0,3
Укладывает детей спать или контролирует, что они ложатся спать	0,3	0,3	0,15	0,3	0,3	0,3
Сидит дома с заболевшими детьми	1,0	1,0	0,5	1,0	1,0	1,0
Играет с детьми, участвует в их досуге	0,5	0,5	0,25	0,5	0,5	0,5
Помогает детям делать уроки	1,0	1,0	0,5	1,0	1,0	1,0
Отводит детей в школу, сад, к няне, в различные кружки и забирает их оттуда	1,0	1,0	0,5	1,0	1,0	1,0

Затем рассчитывали общую нагрузку для каждого взрослого члена домохозяйства и агрегировали ее в более крупные категории в соответствии со следующей шкалой: минимальная (до 1), средняя (1,05–2,0), выше средней (2,05–3,0), максимальная (3,05–4,1).

В городских семьях выше, чем в сельских, нагрузка по уходу за детьми других членов домохозяйства (т.е. не родителей и их партнеров/супругов). Она резко возрастает в тех семьях, где есть пенсионеры, которые, очевидно, и ухаживают за детьми (рис. 5). Нагрузка на родителей существенно увеличивается с приближением возраста детей к школьному и снижается затем лишь в подростковом периоде. Иными словами, роль родителей становится ключевой именно в подготовке и адаптации ребенка к школе, особенно в начальных классах, когда происходит не только смена уклада детской жизни, но и переход от преимущественно игровых форм жизнедеятельности ребенка к обучающим, которые, несомненно, требуют больших интеллектуальных и умственных затрат.

Распределение нагрузок по уходу за детьми внутри домохозяйства по различным социально-демографическим группам⁹

Кто еще, помимо членов домохозяйства, помогает родителям ухаживать за детьми?

Вставка 2

Базой для анализа стали ответы респондентов на несколько вопросов:
 Вопрос 2.03а. «Пользуетесь ли Вы регулярно услугами яслей, детских садов?»
 Вопрос 2.04а, б. «Вам (также) регулярно помогают ухаживать за детьми другие родственники, друзья?»
 Вопрос 2.08а, б. «В течение последних 12 месяцев помогли ли Вы регулярно другим людям ухаживать за детьми?»

Институциональными услугами (т.е. услугами, предоставляемыми организациями и учреждениями) пользуются 35,5% семей с детьми¹⁰, тогда как почти половина домохозяйств с детьми (43,3%) рассчитывают на помощь и регулярно пользуются услугами частных лиц: родственников, близких, знакомых, друзей — в любом случае, лиц, для которых уход за детьми не является профессией или родительским долгом. При этом в городах доля получающих такую «частную» помощь еще выше — 46%.

⁹ График построен на основе данных, полученных в результате расчетов — вычитания из «общих» средних указанных признаков (нагрузка респондента, партнера и других членов домохозяйства) по всей подвыборке средних значений по каждой социально-демографической группе. Таким образом, значения больше 0 (представленные на вертикальной оси) отражают нагрузку выше средней по выборке, меньше 0 — ниже средней по выборке домохозяйств с детьми до 14 лет.

¹⁰ Подробнее об этом см. в статье *О.В. Синявской, Е.В. Гладниковой* «Потребление услуг по уходу за детьми российскими домохозяйствами», публикуемой в настоящем сборнике.

В подавляющем большинстве случаев (87% ответивших или 37% семей с детьми) именно мамы и бабушки (респондента и/или партнера) берут на себя основной груз забот, связанных с уходом и воспитанием детей (своих внуков и правнуков) (табл. 1).

Таблица 1

Помощь родителям в уходе за детьми от лиц, не проживающих в домохозяйстве, по типам родственных связей («Кто помогал респонденту?»)

Кто помогал респонденту в уходе за детьми?	% от числа ответивших	% от домохозяйств с детьми до 14 лет
Мать, мачеха, бабушка	86,8	37,2
Отец, отчим, дедушка	22,1	9,5
Сын, внук	1,1	0,5
Дочь, внучка	3,4	1,4
Другой родственник респондента	19,4	8,3
Не родственник, другой человек (друг, знакомый, соседка и т.п.)	8,0	3,4
Итого	144,4 ¹	

Примечание. ¹ Сумма ответов превышает 100%, т.к. респондент мог получать помощь от нескольких человек.

Если взглянуть на ситуацию с «обратной стороны», то картина подтверждается (табл. 2). В целом по всей выборке 16% респондентов регулярно помогали другим людям ухаживать за детьми, причем практически три четверти из них — женщины. Чаще всего они помогают своим дочерям (внучкам) в уходе за детьми.

Таблица 2

Помощь родителям в уходе за детьми от лиц, не проживающих в домохозяйстве, по типам родственных связей («Кому помогал респондент?»)

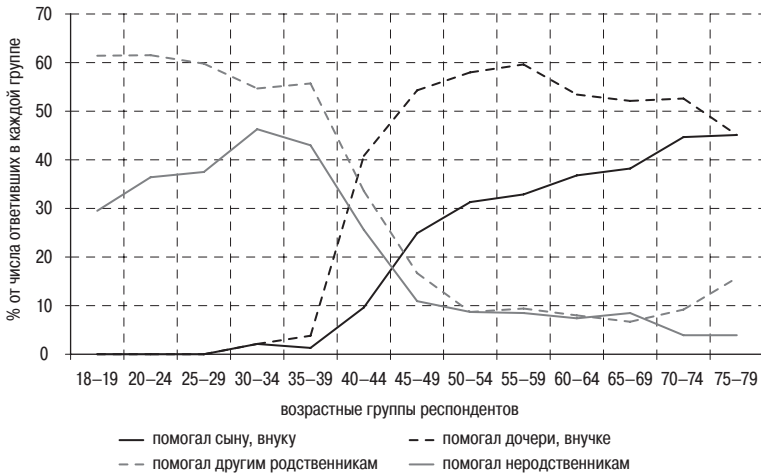
Кому помогал респондент в уходе за детьми?	В целом	Пол респондента	
		мужской	женский
<i>% от числа ответивших, по столбцу</i>			
Маме, бабушке	2,9	4,5	2,2
Отцу, дедушке	1,6	1,4	1,6
Сыну, внуку	23,2	25,8	22,2
Дочери, внучке	39,9	35,1	41,7
Другим родственникам	24,8	26,4	24,3
Не родственникам, другим людям (друзьям, знакомым, соседям)	17,7	15,3	18,7
Итого	111,4 ¹	111,8	111,2

Примечание. ¹ Сумма ответов также может превышать 100%, поскольку респондент иногда помогает нескольким людям одновременно.

Возрастное распределение лиц, оказывавших помощь кому-либо в уходе за детьми, наглядно иллюстрирует следующую закономерность: до 40 лет респонденты помогают в основном другим родственникам (сестре, брату), а также лицам, не связанным с ними родством (друзьям, знакомым, соседям и т.п.); после 40—45 лет, когда у самих респондентов начинают появляться внуки, социальные трансферты смещаются по направлению к домохозяйствам их детей (рис. 6). При этом в течение последующих 15 лет — т.е. тогда, когда люди достигают предпенсионного и пенсионного возрастов — объемы этих социальных трансфертов существенно увеличиваются, и лишь после 60 лет начинают немного снижаться.

Рисунок 6

Возрастное распределение респондентов, оказывавших помощь в уходе за детьми, по типам родственных связей

Это означает, что для всех этих лиц, находящихся, напомним, в трудоспособном (!) возрасте, оказание помощи в уходе за детьми влечет за собой либо дополнительную нагрузку по отношению к их профессиональной активности, либо является весомым фактором в пользу принятия решения выйти на пенсию и не работать. Как показывает анализ, 42% респондентов, оказывающих помощь в уходе за детьми, пенсионеры (табл. 3).

Для того чтобы понять, как наличие детей влияет одновременно на объем домохозяйственных нагрузок всех членов расширенной семьи, кто при этом сокращает свою нагрузку, необходимо «спуститься» на микроуровень, т.е. на уровень отдельной семьи, рассматривая ее во множестве признаков, отражающих весь спектр вариантов ухода за

Зависимость от ПФ РФ лиц, оказывающих помощь в уходе за детьми, по типам родственных связей («Кому помогал респондент?»)

Кому помогал респондент в уходе за детьми?	Зависимость респондента от ПФ	
	не-пенсионер	пенсионер
	% от числа ответивших, по столбцу	
Маме, бабушке	3,4	2,2
Отцу, дедушке	1,5	1,8
Сыну, внуку	14,5	35,3
Дочери, внучке	29,7	54,0
Другим родственникам	35,8	9,6
Не родственникам, другим людям (друзьям, знакомым, соседям)	24,7	8,1
% от всех лиц, упомянувших оказание помощи близким по уходу за детьми	58,2	41,8

детьми. Но поскольку таких семей (объектов) много, возникает задача укрупнения, или типологии, т.е. построения обобщенных характеристик множества объектов. Решение этой задачи может осуществляться с помощью современных методов многомерного статистического анализа, в частности методов анализа структуры множества объектов, известных как методы многомерной классификации. Такая классификация производится на основе стремления собрать в одну группу в некотором смысле схожие объекты, причем так, чтобы объекты из разных групп были по возможности несхожими. Мы использовали двухшаговый метод кластерного анализа.

Вставка 3

Двухшаговый метод кластерного анализа (Two-step Cluster Analysis в пакете SPSS) основан на оценивании расстояний по методу максимального правдоподобия, что позволяет включать в анализ одновременно и непрерывные, и дискретные переменные, а также эффективно работать с большими массивами данных. Предполагается, что все рассматриваемые переменные независимы. Каждая непрерывная переменная распределена по нормальному (Гауссовскому) закону. Все дискретные переменные распределены биномиально. Преимуществом данного метода является то, что он работает и при нарушении предположений о распределении и о независимости. Анализ проводится в два этапа:

Шаг 1. Построение *графа свойств* следующим образом: первое наблюдение помещается в первый узел. Далее каждое последующее наблюдение либо вписывается в уже существующие узлы графа, если расстояние от него до содержащихся в узле наблюдений мало, либо создает новый узел графа.

Шаг 2. Все множество узлов *графа свойств* разделяется на группы — кластеры. Каждая группа наблюдений рассматривается как генеральная совокупность, и ее параметры оцениваются по методу максимального правдоподобия. Разбиение проводится несколькими

способами и для выбора наилучшего из них используется информационный критерий Акаике (AIC), определяемый формулой:

$$AIC = 2 \frac{k}{N} + \ln \left(\frac{\sum_{i=1}^k \frac{1}{n_i} \sum_{t=1}^{n_i} d_t^2}{N} \right)^{\frac{1}{2}},$$

где k — количество кластеров; n_i — количество наблюдений в i -том кластере; N — количество наблюдений; d — попарные расстояния внутри кластера. Выбирается такое разбиение на кластеры, для которого значение AIC минимально.

В анализ были включены только городские домохозяйства с детьми до 14 лет, что составляет 70% от всех домохозяйств с детьми указанного возраста, или 17,3% по выборке в целом. В качестве кластерообразующих признаков использовались: общая нагрузка респондента, партнера и других членов домохозяйства, регулярная институциональная помощь, а также помощь от других лиц, не проживающих в домохозяйстве. В результате было выделено три типа домохозяйств с детьми до 14 лет (табл. 4).

Таблица 4

Характеристика типов (кластеров) домохозяйств с детьми до 14 лет

Средние значения (проявления) признаков по кластерам				
Кластерообразующие признаки	1	2	3	В целом
<i>Кластерообразующие признаки</i>				
Общая нагрузка респондента	1,89	1,72	1,85	1,84
Общая нагрузка партнера	1,17	0,74	1,20	1,11
Общая нагрузка других членов домохозяйств	0,01	0,50	0,01	0,09
Регулярная институциональная помощь	0,48	0,47	0,31	0,39
Помощь от лиц, не проживающих в домохозяйстве	1,00	0,86	0,01	0,46
Помощь от лиц старшего поколения (родители, бабушка, дедушка), не проживающих в домохозяйстве	0,98	0,59	0	0,40
Помощь от других родственников (сестра или брат одного из родителей, другие родственники), не проживающих в домохозяйстве	0	0,55	0	0,09
Помощь от неродственников (друзья, знакомые)	0	0,23	0	0,03
Доля в выборке городского населения с детьми до 14 лет, %	30,4	16,8	52,8	100,0
Доля от всех домохозяйств с детьми до 14 лет, %	21,3	11,8	37,0	70,0

% по выборке в целом	5,2	2,9	9,1	17,3
Характеристика кластеров по другим признакам				
Число членов домохозяйства	3,59	3,91	3,64	3,67
Число пенсионеров по карточке домохозяйства	0,20	0,40	0,16	0,21
Число неработающих пенсионеров в домохозяйстве	0,17	0,32	0,12	0,17
Доля домохозяйств с неработающими пенсионерами, %	14,4	26,9	10,4	14,3
Доля респондентов без партнера (неполных семей), %	9,0	17,5	10,6	11,3
Число занятых по карточке домохозяйства (широкая оценка занятости, коды 1, 2, 6, 10)	1,84	1,82	1,67	1,75
Число занятых по карточке домохозяйства (узкая оценка занятости, коды 1, 2, 10)	1,66	1,65	1,52	1,58
Доля респондентов, занятых на неполную ставку, %	16	21	23	21
Доля незанятых респондентов, %	12,6	16,3	19,1	16,6
Доля незанятых партнеров, %	15,0	14,5	17,5	16,2
Доля домохозяйств, пользующихся услугами (по уходу за детьми) только частных лиц	52,4	44,8	1,5	24,2
Доля домохозяйств, не пользующихся ни институциональными услугами, ни помощью частных лиц	0%	8,6%	67,6%	37,1%
Возраст детей до 14 лет в домохозяйстве, чел.				
до 1 года	0,08	0,09	0,06	0,07
1–3 года	0,32	0,30	0,24	0,28
4–7 лет	0,36	0,36	0,26	0,31
8–10 лет	0,23	0,23	0,29	0,26
11–13 лет	0,23	0,2	0,41	0,32

Домохозяйства, вошедшие в **первый кластер**, в уходе за детьми ориентируются главным образом на помощь лиц старшего поколения (бабушек) своей расширенной семьи, проживающих в большинстве данных случаев отдельно. Эти домохозяйства также регулярно и активнее других пользуются услугами различных учреждений и организаций, осуществляющих уход за детьми. Хотя нагрузка, которую несут родители в этих домохозяйствах (составляющих 30,4% городских семей с детьми до 14 лет или 21,3% всех домохозяйств с детьми) в связи с воспитанием и образованием детей, выше «общей» средней, т.е. достаточно высока, их

профессиональная и трудовая активность не снижается. Среднее число занятых в этих домохозяйствах (как по широкой оценке занятости, включающей лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, так и по узкой, их исключаящей) выше, чем в целом по подвыборке домохозяйств с детьми (табл. 4), а доля респондентов, занятых на полную ставку и больше, составляет 84% против 79% по подвыборке в целом. Дополнительный анализ показывает, что и доля домохозяйств, где оба партнера (т. е. респондент и его партнер/супруг) заняты на полную ставку, в данной группе составляет 63%, что существенно выше, чем в целом по подвыборке (56%).

В домохозяйствах, вошедших во **второй кластер**, основное бремя забот по уходу и воспитанию детей ложится на плечи не родителей и их партнеров, а на других членов семьи, проживающих вместе, — их нагрузка более чем в 5 раз превышает «общую» среднюю. Учитывая, что среднее число пенсионеров, в том числе неработающих, в этих домохозяйствах существенно выше, чем в остальных (доля домохозяйств с неработающими пенсионерами во втором кластере составляет 27% против 14% в целом по подвыборке), можно с уверенностью говорить, что основные функции по уходу за детьми приходятся здесь на родственников — пенсионеров, проживающих в домохозяйстве, главным образом (учитывая гендерную асимметричность оказания помощи, о которой говорилось выше), бабушек (т. е. родителей респондента и/или партнера). Нагрузка самих родителей в этих семьях значительно ниже, поскольку, помимо огромной помощи со стороны бабушек, услуги по уходу за детьми им оказывают еще и другие родственники, не проживающие в домохозяйстве, а также люди, не связанные с респондентом родством.

Доля респондентов, проживающих без партнера, в этом кластере наибольшая (17,5% против 11% в целом по подвыборке, т. е. практически каждая пятая семья данной группы является неполной). Однако показатели занятости в домохозяйствах второго кластера, так же как и первого, существенно выше средних. Поэтому очевидно, что бабушки и все лица, помогающие им в уходе за внуками, вне домохозяйства обеспечивают широкую активность более молодых трудоспособных членов семьи (т. е. родителей) на рынке труда. Таких домохозяйств в целом среди городских семей с детьми — 16,8% (табл. 4).

В целом эти два кластера — «чистых» реципиентов большинства социальных услуг по уходу за детьми, предоставляемых частными лицами, преимущественно родственниками, составляют 47,2% (т. е. почти половину) городских семей с детьми.

Наиболее многочисленной предстает **третья группа**, объединившая 53% городских домохозяйств с детьми (37% по подвыборке в целом). В подавляющей массе это семьи родителей с детьми, без пенсионеров

и других членов домохозяйства. Не имея внутри- и межсемейных трудовых трансфертов, родители несут на себе весь груз забот, связанных с уходом, воспитанием и образованием детей. При этом и к услугам специализированных учреждений и организаций они обращаются реже остальных домохозяйств. Доля домохозяйств, не пользующихся ни институциональными услугами, ни помощью частных лиц по уходу за детьми, в этом кластере предстает максимальной — 68% против 37% по подвыборке в целом. Вследствие этого выглядит закономерной низкая по сравнению с другими домохозяйствами экономическая активность трудоспособных членов этих семей. Среднее число занятых в них, как по широкой, так и по узкой оценке, существенно ниже, чем в других семьях, а доля занятых на неполную ставку выше (23% против 20,7% в целом по подвыборке и 16% в первом кластере). Следует обратить внимание еще и на то, что дети в этой группе, как правило, принадлежат к старшей возрастной категории (8–10 и особенно 11–13 лет), тогда как максимальные социальные трансферты со стороны старших родственников приходится на семьи с детьми дошкольного и младшего школьного возраста.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы:

- почти половина домохозяйств с детьми пользуются услугами частных лиц — родственников, близких, знакомых, в любом случае — лиц, для которых уход за детьми не является профессией. Тогда как институциональными услугами (т.е. услугами, предоставляемыми организациями и учреждениями) пользуется лишь треть домохозяйств с детьми;
- в российских семьях наблюдается существенная гендерная асимметричность в распределении нагрузок по уходу за детьми, их воспитанию и образованию. Львиную долю обязанностей выполняют женщины;
- в городских семьях выше, чем в сельских, нагрузка по уходу за детьми других членов домохозяйства (не родителей и их партнеров/супругов). Она резко возрастает в тех семьях, где есть пенсионеры, которые и ухаживают за детьми (т.е. своими внуками);
- нагрузка на родителей существенно увеличивается в период подготовки и адаптации ребенка к школе (6–8 лет), когда происходит переход от преимущественно игровых форм жизнедеятельности ребенка к обучающим, которые требуют, несомненно, больших интеллектуальных и умственных затрат;
- имеет место значительный по объему обмен социальными услугами между разными поколениями, в данном случае — от предпенсионных и пенсионных возрастов к молодым трудоспособным. Это обстоятельство является весомым доводом в пользу принятия

людьми старшего трудоспособного возраста решения прекратить работу и выйти на пенсию. Почти половина лиц, оказывающих помощь в уходе за детьми, являются пенсионерами;

- в подавляющем большинстве случаев именно бабушки берут на себя основной груз забот, связанных с уходом и воспитанием детей, являющихся для них внуками и правнуками. При этом гендерная асимметричность наблюдается и в направлении родственных социальных трансфертов: чаще всего мамы помогают своим дочерям в уходе за детьми;
- не присутствуя непосредственно на рынке труда, пенсионеры, в составе чьей расширенной семьи есть маленькие дети (внуки), активно влияют на него опосредованным образом, обеспечивая широкую активность (на полную ставку и больше) молодых трудоспособных членов семьи;
- «цена» российской бабушки — занятость молодых трудоспособных членов почти половины всех городских домохозяйств с детьми (или 8% всех российских домохозяйств), причем в трети из них — занятость максимальная, т.е. оба родителя (или один родитель в случае проживания без партнера) заняты на полную ставку и выше.

Для заметок

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ,
МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ
В СЕМЬЕ И ОБЩЕСТВЕ
Сборник аналитических статей

Выпускающий редактор *Фетисова М.И.*
Редактор *Карпинская Н.Г.*
Корректоры *Малова Л.М., Макеева Е.И., Попова Л.Р.*
Дизайн обложки *Киняева Л.В.*
Верстка *Кобзев И.А.*

Подписано к печати 7.11.2007. Формат 60х90/16. Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40. Тираж 1000 экз.
Заказ №